АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Т. Я. ЕЛИЗАРЕНКОВА

ГРАММАТИКА ВЕДИЙСКОГО ЯЗЫКА

КОНТРОЛЬНЫЙ ЭКЗ.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1982

4И (Древнеиндийск.)
Е 51

Ответственный редактор
В. П. ЛИПЕРОВСКИЙ

1
Государственная
библиотека СССР
им. В. И. Ленина
1982 г.

Книга представляет собой первое в советской индологии синхронное описание языка ведийских текстов. Автор рассматривает вопросы влияния семантики текста на его грамматические особенности, дает характеристику лексики и особенностей ее функционирования в разных ведах.

Основные классы слов (имя, местоимение, числительное, глагол) описываются с помощью свойственных им грамматических категорий на формальном и семантическом уровнях. Кроме описания фонетики дается также фонологическая интерпретация языковых фактов.

Работа базируется на богатейшем языковом материале, особенно широко представлены тексты самого древнего памятника — Ригведы.

Е $\frac{4602020000\text{-}124}{013(02)\text{-}82}$ КБ-5-52-82

© Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1982.

ВВЕДЕНИЕ

Ведийский язык представляет собой самый ранний период развития древнеиндийского языка, охватывающий собственно *веды* (*veda-* 'священное знание'), *брахманы* (*brāhmaṇa-* 'брахманические объяснения') и *упанишады* (*upaniṣad-* 'тайное учение, передаваемое от учителя к ученику').

В данной грамматике описан ведийский язык в его наиболее архаичной форме, зафиксированной в четырех священных ведийских собраниях — *самхитах* (*saṃhitā-*): Ригведе (*ṛgveda-* 'веда гимнов'), Яджурведе (*yajurveda-* 'веда жертвенных формул'), Самаведе (*sāmaveda-* 'веда напевов') и Атхарваведе (*atharvaveda-* 'веда [жреца огня] атхарвана') — прежде всего в их стихотворном тексте — мантрах (*mantra-*). РВ[1] и СВ имеют целиком метрическую форму. АВ и особенно ЯВ включают в себя также прозаические части[2].

На ведийском языке созданы первые из дошедших до нас памятников индийской культуры. Веды датируются условно серединой II — серединой I тысячелетия до н. э. Из них древнейшая — РВ, временем создания которой можно гипотетически считать вторую половину II тысячелетия до н. э. Все остальные веды более поздние, чем РВ, и в той или иной степени предполагают ее. СВ почти целиком основана на РВ, текст которой приспособлен в ней для литургических целей. ЯВ и АВ значительно самостоятельнее, но и они содержат немалое число заимствований из РВ.

При всех хронологических и прочих различиях, существующих между отдельными ведами, в целом их язык сохраняет свое тождество на протяжении всего того тысячелетия, которым датируется период самхит. Речь здесь идет об одной системе, засвидетельствованной в более или менее архаичных ва-

[1] В конце книги приводится список всех используемых сокращений.

[2] Подробнее о ведах, их датировке, экзегезе и соотношении друг с другом на русском языке см. во вступительных статьях к антологиям: «Ригведа. Избранные гимны» [17], «Атхарваведа. Избранное» [16].

риантах (в РВ, например, наиболее древней частью являются фамильные мандалы II—VII). Язык брахман (датируемых весьма условно VIII—VI вв. до н. э.) уже заметно отличается от языка самхит: в нем начинаются некоторые преобразования древней системы.

По содержанию АВ (веда заговоров) противопоставлялась в индийской ортодоксальной традиции трем другим ведам, трактовавшимся как три вида священного знания, к которому АВ была непричастна. Язык АВ в своей основе более народен, чем язык культовой поэзии РВ, представляющий собой один из образцов индоевропейской высокой поэтической речи. Однако в целом текст АВ в том виде, в котором он до нас дошел, в очень большой степени уже близок к языку брахман.

Диалектные различия между отдельными ведами весьма немногочисленны и во многом неясны. К их числу следует отнести прежде всего некоторые фонетические черты: трактовку в РВ интервокальных *ḍ, ḍh* как *ḷ, ḷh*, сильное преобладание *r* над *l* в древних частях РВ, особые варианты правил сандхи (сочетаний звуков).

Большие сложности сопряжены с географической локализацией отдельных вед. Ясно только, что РВ связана с крайним северо-западом Индии и, судя по гидронимам и топонимам, сложилась в единое собрание на территории Панджаба и прилегающих районов Афганистана (притом, что в отдельных гимнах могут встретиться очень отдаленные индоевропейские реминисценции). Остальные веды территориально более продвинуты на юго-восток вглубь Индии.

Ведийский язык иногда называют ведийским санскритом, что не вполне точно. От санскрита — языка эпоса, классической литературы и науки, а также эпиграфики (понимаемых здесь как нечто лингвистически единое) ведийский язык отличается во многих весьма существенных отношениях: не только хронологически (санскрит возник позже: эпический санскрит сложился условно в III—II вв. до н. э., расцвет классического санскрита драматургии относится к IV—V вв.), но также грамматически и по диалектной базе.

В области фонетики ведийский язык и санскрит обладают ударением разного характера (музыкальное в ведийском, экспираторное в санскрите); они различаются также некоторыми важными особенностями правил дистрибуции звуков в тексте (допустимость сочетания гласных в ведийском, запрет на них в санскрите, неустойчивость сочетаний некоторых групп согласных в ведийском, их стабильность в санскрите и пр.) и разной трактовкой вариантов некоторых фонем (глайдов, церебральных, анунасики и др.).

В области морфологии ведийский язык и санскрит отличаются друг от друга: 1) составом граммем ряда грамматических категорий — наклонения (в ведийском есть инъюнктив

и субъюнктив, в санскрите нет), времени (в ведийском в отличие от санскрита есть плюсквамперфект) и составом форм, образующих некоторые классы (например, инфинитивы и абсолютивы); 2) сочетаемостью некоторых граммем между собой (например, наклонения и времени: в ведийском языке допустимы формы косвенных наклонений не только от основы презенса); 3) вариантами ряда грамматических форм (в ведийском ряд форм дублируется в отличие от нормализованного санскрита, например, N.pl.m. от основ на *-a*: *-ās* и *-āsas*, N.—A.—V.du. *-au* и *-ā*, 2 pl.iv. *-ta* и *-tana* и др.); 4) употребительностью отдельных граммем и форм (например, футурума в ведийском по сравнению с его регулярным характером в санскрите и др.).

В области синтаксиса различия между ведийским языком и санскритом наиболее ярко проявляются в разной употребительности классов форм (например, частиц) и конструкций (например, конструкций с абсолютивом, некоторыми причастиями и др.).

Далеко не все грамматические различия между ведийским языком и санскритом можно объяснить только хронологически; они, судя по всему, должны быть также и диалектными, поскольку санскрит связан с центральной частью Северной Индии — областью Мадхьядеша.

При всех указанных выше различиях ведийский язык и санскрит относятся к одному, древнеиндийскому, периоду развития индоарийских языков, которому противостоит среднеиндийский, представленный пали и пракритами. (Среднеиндийские диалекты в устной форме были употребительны в Северной Индии уже в середине I тысячелетия до н. э. и продолжали свое существование в качестве разговорных и литературных языков примерно до X в.). Эта периодизация не вызывает сомнений и подтверждается вескими диахроническими, синхроническими и типологическими доводами.

Дело осложняется тем, что ведийский язык связывают со среднеиндийскими языками некоторые изоглоссы, которых не разделяет санскрит. Это вызывает предположение о наличии у отдельных среднеиндийских языков общей диалектной базы с ведийским в отличие от санскрита. Кроме того, отдельные фонетические пракритизмы встречаются уже в языке РВ, что надо рассматривать как возможное влияние разговорного языка — а именно таковыми вначале и были пракриты — на язык культовой поэзии.

Очевидно, в течение длительного времени, во второй половине I тысячелетия до н. э., языковая ситуация в древней Индии была такова, что сосуществовало несколько языков, между которыми были поделены сферы употребления. Ведийский был языком культа, санскрит — языком литературы и науки, а также разговорным языком высших слоев общества (*bhāṣā* у Панини), пракриты — разговорными диалектами низов.

Роль ведийского языка как Священной Речи позволила ему выйти за пределы времени и первоначального пространства в Индии. Поскольку для последующей культуры Индии, формировавшейся вокруг индуизма, который отражал и продолжал ведийское мировоззрение, авторитет вед был решающим, ведийский язык сохранился, оставаясь источником всех сведений и средством познания от того далекого периода, когда начиналась в Индии индоарийская цивилизация. (Боковыми ветвями этой культуры, основанными на отрицании авторитета вед, явились буддизм и джайнизм, пользовавшиеся другими языками: среднеиндийскими и санскритом.)

В ряде областей индийской культуры веды представляют собой «первотекст», на который так или иначе ориентируется все, что создается в данной области: гимны — на РВ, ритуал — на ЯВ, медицинские трактаты *аюрведы (ayurveda-)* — на АВ и т. п. На ведийский текст ориентировались филологические дисциплины, что в каких-то случаях могло иметь своим следствием ведизацию санскрита (хотя исторически развитие было обратным).

Как язык культа ведийский язык сохранился в Индии до нашего времени; ведийские мантры исполняются в храмах и вообще сопровождают индуса во все ответственные моменты жизни: при рождении, на свадьбе, на похоронах. В ритуале сохранились ведийские формулы. Интересно, что жрецы, и сейчас пользующиеся во время богослужения ведийским языком, нередко не понимают значения слов, но обязаны сохранять в чистоте произношение.

Изучение ведийского языка в Индии началось, видимо, вскоре после формирования корпуса ведийских собраний — самхит. Священные тексты надо было сохранять в неприкосновенности и передавать дальше. Они хранились в устной форме в школах жрецов-брахманов. При таком способе передачи очень скоро возникла потребность в составлении правил рецитации — фонетических трактатов *пратишакхья (prātiçākhya-)*, закрепленных за каждой ведой. Таким образом ведийские тексты передавались около трех тысячелетий. В Индии и сейчас существуют подобные хранители текста, живые продолжатели ведийской традиции. Графическую форму ведийские тексты приобрели очень поздно: первое сообщение о записи РВ в Кашмире относится к XII в. н. э. Первая работа по ведийской экзегетике — «Нирукта» (*nirukta-* букв. 'этимология') Яски (*Yāska-*) датируется, видимо, VI в. до н. э. Ей предшествовала длительная история изучения ведийских слов (Яска ссылается на своих предшественников).

В древнеиндийской грамматической традиции норма предписывалась для санскрита, а не для ведийского языка. У Панини неоднократно встречается противопоставление: *bhāṣā* — *chandas* 'санскрит' — 'ведийский язык' (букв. 'разговорный

язык' — 'метрический текст'), причем о последнем упоминалось обычно как об отклонении от нормы.

В туземной комментаторской традиции, имевшей целью пояснение непонятных мест в священных текстах, также могут содержаться весьма важные лингвистические наблюдения. Это относится прежде всего к знаменитому комментатору РВ Саяне (*Sāyaṇa-*), жившему в XIV в. н. э.

Изучение ведийского языка в Европе возникает в начале XIX в. и развивается в двух основных направлениях: сравнительно-историческом и собственно индологическом. Материалы древнеиндийского языка (в том числе ведийского) играли важную роль на всех этапах развития сравнительно-исторического языкознания, начиная с трудов Ф. Боппа, А. Потта, А. Шлейхера, К. Бругманна, Б. Дельбрюка, А. Мейе, вплоть до последних работ Э. Бенвениста, Е. Куриловича, М. Майрхофера и др.

В чисто индологическом плане огромный вклад в изучение ведийского языка и ведийскую экзегезу внесли издатели текстов Т. Бенфей, А. Вебер, М. Мюллер, Л. фон Шрёдер, У.Д. Уитни, Р. Рот, Т. Ауфрехт, их переводчики К. Гельднер, Х. Грасман, А. Людвиг, У. Д. Уитни, А. Б. Кейт, М. Блумфилд и др., составители словарей В. Бётлинг, Р. Рот, Х. Грасман и др. Тщательное филологическое изучение источников связано прежде всего с трудами Х. Ольденберга, а также Р. Пишеля и К. Гельднера; филологическое и лингвистическое исследование соотношения отдельных вед — с работами М. Блумфилда и Ф. Эджертона.

Современный этап в изучении ведийского языка отмечен прежде всего энциклопедическими по охвату материала работами мэтра ведийской филологии Л. Рену во Франции, а также исследованиями П. Тиме в Германии, Я. Гонды и Ф. Б. И. Кёйпера в Голландии. Началом изучения ведийского языка в России послужило исследование языка СВ Ф. Ф. Фортунатовым.

Специальных грамматик ведийского языка немного (чаще ведийский материал приводится в качестве дополнения к санскритскому в грамматиках санскрита). Это две английские грамматики А. Макдонелла: большая, представляющая собой весьма полное собрание материала (раздел, посвященный синтаксису, в ней отсутствует) [35], и компактная малая грамматика, предназначенная для студентов и включающая материал вед и брахман [36]. На немецком языке издана классическая многотомная грамматика древнеиндийского языка Я. Вакернагеля — А. Дебруннера [39], в которой индийский материал (прежде всего ведийский, но также и санскрит) интерпретируется с точки зрения сравнительно-исторической грамматики индоевропейских языков. (Она не окончена: нет разделов, посвященных глаголу и синтаксису.) На французском языке создана последняя по времени грамматика ведийского языка Л. Рену — синхронное описание языка мантр на всех уровнях, лучшее из всего, что

сделано в этой области [37]. Русской грамматики ведийского языка до сих пор не существовало.

Задача первой русской грамматики ведийского языка состоит в том, чтобы дать полное синхронное описание языка мантр с учетом новых результатов, которые были достигнуты в ведологии более чем за четверть века после выхода в свет грамматики Рену, и с использованием, где это представляется целесообразным, точных методов описания языка (которые в соответствии со сложившейся традицией обычно применяются к новым языкам, а не к древним).

Жанр грамматики не дает возможности ссылаться на отдельные использованные работы (их названия приведены в «Избранной библиографии») или давать подробную аргументацию в дискуссионных случаях.

Автор считает своим долгом выразить благодарность за предоставленную возможность пользоваться текстами и научной литературой кабинету Ю. Н. Рериха в Институте востоковедения АН СССР и Научной библиотеке им. Горького при МГУ им. Ломоносова.

ТЕКСТ. СЕМАНТИКА

Семантика избранного круга ведийских текстов, т. е. четырех вед, определяется прежде всего культовым, сакральным характером этих текстов и далее — жанром каждой отдельной веды. Культовое назначение объединяет ведийские самхиты, противопоставляя их вместе другим классам ведийских текстов: брахманам (брахманическим объяснениям отдельных вед, содержащим не только комментарии к ритуалу, но и его мифологические или мистические толкования), а также спекулятивно-философским *араньякам* (*āraṇyaka-* букв. 'связанный с лесом',— текстам, предназначенным для лесных отшельников) и *упанишадам* (*upaniṣad-* сокровенным, тайным учениям, передаваемым от учителя одному ученику), с которыми самхиты объединяются в русле традиции *шрути* (*çruti-* букв. 'слышание' [от бога] или 'божественное откровение') [1]. К традиции *смрити* (*smṛti-* букв. 'запоминание' [от учителя]) принадлежит класс ведийских текстов типа *сутра* (*sūtra-* 'нить'), по содержанию представляющих собой вспомогательную часть вед, а именно трактаты по отдельным вопросам, связанным с какой-либо ведой: с ее рецитацией, ритуалом и пр. Сутры по сравнению с самхитами занимают подчиненное положение, притом что в отдельных случаях без помощи сутры невозможно понять содержание самхиты (такова, например, роль Каушика-сутры при интерпретации ряда заговоров АВ).

Специфическое содержание каждой из четырех вед обусловливается ее местом в культе. Для РВ характерны прежде всего гимны-восхваления богов, для ЯВ — жертвенные формулы и пояснения к ним, для АВ, стоявшей вне официальной религии,— заговоры. СВ не может рассматриваться как самостоятельный по содержанию текст, поскольку большая ее часть представляет собой заимствования из РВ (самостоятельны лишь 75 из

[1] Здесь идет речь прежде всего о различиях семантических, а не хронологических.

1549 гимнов) [2]. Это в значительной степени реаранжировка стихов РВ, снабженных нотацией, подчиненная определенным литургическим целям.

Итак, оригинальны по содержанию три веды: РВ, ЯВ и АВ, притом что в ЯВ и АВ имеется немалое количество стихов, заимствованных из более древней РВ. При описании содержания текстов самхит необходимо иметь в виду, что все они так или иначе связаны с ритуалом: РВ и ЯВ — с официальным ритуалом жертвоприношений богам типа *шраута* (*çrauta-* букв. 'связанный с [традицией] *çruti-*'), а АВ — с домашним ритуалом типа *грихья* (*gṛhya-* букв. 'домашний') или с магическим ритуалом. Степень «ритуальности» текста у всех трех вед разная: наименее «ритуален» текст РВ, наиболее — текст ЯВ, но и эта последняя самхита не только не является зеркальным отражением ритуала, но обычно не дает даже общего представления о последовательности ритуальных действий, и реконструкция ритуала на основании текста одной лишь самхиты оказывается невозможной.

Практически при описании содержания этих трех вед для РВ и — с некоторыми оговорками — для АВ текст оказывается самодостаточным, и можно не обращаться к данным экстралингвистического уровня, т. е. к ритуалу. Для ЯВ такое обращение является необходимым, и структура текста данной веды принципиально иная, чем у остальных вед.

Все веды представляют собой собрания и могут быть разделены на более мелкие составные части. Законченная по содержанию единица текста, в соответствии с индийской традицией, для РВ — это гимн (*ṛc-*), для АВ — заговор (*mántra-*), для ЯВ — жертвенная формула (*yájus-*) вместе с брахманическими пояснениями. Основную, наиболее характерную для каждой веды часть содержания можно описать при помощи соответствующей единицы текста, создав некую среднюю ее модель.

Модель «среднего гимна» РВ, посвященного какому-либо божеству, включает две части: апеллятивную и экспликативную, отношения между которыми удобно описывать как ряд трансформаций. Апеллятивная часть содержит просьбы к данному божеству со стороны адепта. Экспликативная часть состоит из ряда уровней, образованных оппозициями различительных единиц, свойственных каждому из этих уровней.

Исследование функционирования мифологической системы РВ показывает, что характеристика любого мифологического персонажа может быть представлена в виде набора дифференциальных просьб, обращенных к данному персонажу. В состав

[2] Надо отметить, что СВ интересна в лингвистическом плане теми вариантами форм, которые отличаются в заимствованных стихах от соответствующих форм в РВ.

апеллятивной части модели входят инварианты этих просьб. В тексте они бывают представлены различными вариантами. Например, инвариант просьбы к Индре — «Помоги арьям в борьбе против демонов и врагов!», а ее контекстом обусловленные варианты — «Убей демонов!», «Разрушь крепости врагов!», «Перехитри замыслы дасью!», «Будь нашим союзником!» и т. д.

Лишь небольшая часть просьб может быть обращена к любому мифологическому персонажу. Отсутствие некоторых весьма распространенных просьб в характеристике какого-либо бога является также семиотически значимым. Например, Варуну не просят радоваться, Ашвинов — дать победу, Индру — наделить целебными средствами, Рудру — опьяниться сомой и т. п., и это отсутствие определенных просьб мотивировано характеристикой данных персонажей на других уровнях.

Богов могут просить о совершении позитивных или негативных действий, например: «Дай!», «Защити!», «Помоги!» и т. п. в противоположность: «Убей!», «Прогони!», «Перехитри!» и т. п., а иногда и о несовершении негативных действий, например: «Не убей!», «Не наказуй!» (=«Помилуй!») и т. п.

Просьбы к богам могут выражать связь с адептом эксплицитно, например: «Дай нам!», «Защити нас!» и т. п.— или имплицитно, например: «Взойди!», «Сядь!», «Совершите объезд!» и т. п.

Экспликативная часть модели имеет сложную иерархическую структуру, в состав которой входит несколько уровней: 1) уровень действий, совершаемых данным мифологическим персонажем; 2) уровень атрибутов, т. е соотносимых с ним признаков; 3) уровень эпитетов; 4) уровень связей с другими мифологическими персонажами. Например, для Варуны характерен следующий уровень действий: охраняет закон, указует богам, охраняет мысли людей, ищет грешников, находит вину, видит правду и ложь, следит за людьми, наказует, затягивает свои петли, распускает их, поражает водянкой, освобождает от страха, защищает от дурных снов, идет на свою водную родину, прячет океан (помимо космогонических действий, общих с другими великими богами: раздвигает небо и землю, освещает небо и землю, выпускает воды, несет небо, наполняет воздушное пространство, меряет землю солнцем). Уровень атрибутов этого бога представлен следующим образом: закон (*ṛtá-*), обет (*vratá-*), петли, соглядатаи, грех, вина, колдовская сила, тьма, воды. К уровню эпитетов принадлежат: царь, асура, связанный с законом/праведный (*ṛtā́van-*), всезнающий, чей обет крепок, тысячеглазый, таинственный, хитрый, яростный. Характерные связи: Митра, Адитьи, Адити, Сома и др.

Уровни в пределах экспликативной части модели удобно описывать как находящиеся в отношении трансформаций друг к другу. Тот же тип отношений связывает экспликативную часть модели гимна с апеллятивной. Например, в семантическом про-

странстве Варуны допустимы трансформации: эпитет «тысячеглазый» (*sahásracakṣas*)←→атрибут «соглядатаи» (*spáçaḥ*)←→действие «следит [за людьми]» ([*jánāṅ*] *ánu paçyati*); или эпитет «имеющий множество петель» (*bhûripāça-*)←→атрибут «петли» (*pâça-*) ←→действие «затягивает петлю» (*pâçam saṃcṛtati*)←→просьба «расслабь петлю» (*ví cṛta pâçam*), «избавь от петель» (*mumugdhi pâçān*).

√ Трансформационный подход дает возможность рассматривать эпитеты, атрибуты и связи как «свернутые» действия. В тексте гимна все эти элементарные единицы упорядочены с помощью синтаксиса в определенных мифологических ситуациях. В гимне происходит последовательное переключение уровней экспликативной и апеллятивной части.

Порядок следования этих двух частей гимна не является строго предписанным. Экспликативная часть чаще предшествует апеллятивной, но может также следовать за ней или перемежаться с ней.

Такова полная модель гимна. Возможны и ее редуцированные варианты. Если апеллятивная часть сведена к нулю, то гимн состоит только из мифологического описания, которое не завершается традиционными просьбами. Если гимны расположены в собрании группами, то просьбы иногда носят формальный характер, представляя собой рефрен, заключающий все гимны данной группы.

Значительно реже встречается другой редуцированный вариант полной модели гимна, когда экспликативная часть сведена к нулю и гимн состоит только из восхваления реальных или испрашиваемых даров (тип *dānastuti-*).

Полная модель гимна описывает бóльшую часть содержания РВ. Поскольку одному божеству посвящается нередко множество гимнов, и все они построены по одной модели, различаясь лишь ее вариациями, содержание РВ довольно монотонно.

Модель «среднего заговора» АВ можно описать как переход от исходного состояния к желанному с помощью определенной магической процедуры. Заклинатель просит о ниспослании разных благ (долголетия, процветания, прочной власти, победы, женской любви и пр.), изгоняет разные несчастья и устраняет вызвавшие их причины (болезни, колдовство, колдунов и демонов, змей, дурные сны и пр.), предотвращает действие дурных предзнаменований, насылает несчастья на врагов и соперников.

Желанное состояние всегда бывает описано в соответствии с содержанием просьб. Описание исходного состояния присутствует далеко не всегда. Обычно оно выражено эксплицитно

только в заговорах-искуплениях или в заговорах-предотвращениях, когда бывает важно, последствий чего именно не следует допустить (беды от двойни, родившейся у коровы; от ошибки, допущенной при жертвоприношении; от неблагоприятного расположения звезд на небе в день рождения ребенка и пр.).

Желанное состояние удобно описывать на основании его сравнения с исходным состоянием. Можно выделить три типа соотношений этих двух состояний.

1. Желанное состояние противоположно исходному: а) желанное состояние включает наличие чего-то, что отсутствует в исходном состоянии (например, в заговорах на возвращение [царской власти, ушедших коров], на дождь и пр.); б) желанному состоянию свойственно отсутствие чего-то, что есть в исходном состоянии (например, в заговорах на изгнание [болезней, червей, демонов, колдовства], на отсутствие страха и пр.).

2. Желанное состояние равно исходному (например, в заговорах на сохранение [царской власти, воинов, потомства, любви и пр.]).

3. Желанное состояние содержит бóльшую степень какого-либо положительного качества по сравнению с исходным (например, в заговорах на долголетие в сто осеней, на усиление царской власти, на процветание и пр.).

Непременным элементом заговора, не подлежащим редукции, является магическая процедура, отраженная в тексте заговора. Она может быть представлена несколькими вариантами. Обязательным вариантом является произнесение заговора. Поскольку слову вообще и высказыванию истины в частности придавалось магическое значение, в заговоре полагалось назвать имя (или «тайные имена») врага и его родство: считалось, что это дает власть над врагом. Нередко в тексте заговора обыгрывается «магическое слово», выражающее ключевое для данного заговора понятие (например: *dhruvá-* 'твердый' в заговоре на царскую власть, *mádhu-* 'медовый', 'сладкий' в приворотном заговоре). Желанное состояние в магических целях может изображаться в заговоре как достигнутое (например, «Я убил твое жертвоприношение с помощью ярости грозного Агни»). С магической ролью слова, произнесения вслух, связан и такой формальный прием, нередко используемый в заговорах, как подробное перечисление в тексте заговора всех разрядов изгоняемого врага или изгоняемой враждебной субстанции, что принимает вид скрупулезной классификации (видов якшмы, изгоняемой из разных частей тела, типов колдовства, видов червей, змей и пр.).

Магическая процедура кроме обязательной словесной части может включать также определенные магические действия (что бывает весьма часто), буквальные (как давание лекарства больному, присыпание раны песком, привязывание амулета, разведение огня и пр.) и символические (как отсылание кол-

довства прочь, изгнание дурных снов, принесение жизненной силы умирающему и пр.).

Символические действия особенно многочисленны в магической практике. Это такие относительно простые типы магического действия, как непосредственное стирание, смывание, стряхивание вредоносной магической субстанции (болезни, греха, колдовства, проклятия); перенос этой субстанции на другое лицо или предмет (колдовства — на колдуна, яд — на змею и т. п.); непосредственное соприкосновение с предметом — носителем благоприятной субстанции (надевание амулета, опускание амулета в молоко, мед, воду). Это также более сложные действия имитативной магии (опускание раскаленного топора в холодную воду для изгнания ревности и т. п.).

Магическая процедура, осуществляемая заклинателем, может предполагать использование посредника. В таком случае посреднику переходят функции заклинателя, а заклинатель принимает на себя функцию каузатора посредника.

В заговоре допустим не более чем один посредник: или тот, с которым возможно непосредственное соприкосновение: амулет (камень, металл, зерно, растение, дерево и пр.), барабан, пояс и т. п.; или тот, который действует на расстоянии: божество, солнце, луна, звезды и пр.

В заговорах с участием посредника в магической процедуре обычно содержится восхваление посредника, а иногда и краткое изложение мифологического прошлого этого посредника, его родословной и его имен. Иногда восхваления посредника носят целенаправленный характер, и восхваляют те его качества, которые нужны для исполнения просьбы заклинателя; однако это не обязательно.

Исходное и желанное состояние связаны с определенными субъектами. Ими могут быть лицо, произносящее заговор,— заклинатель; лицо, в интересах которого заклинатель произносит заговор,— заказчик; постороннее, третье лицо — враг заклинателя или заказчика. Если заклинатель или заказчик является субъектом, то в желанном состоянии по сравнению с исходным предполагается наличие чего-либо положительного или отсутствие чего-либо отрицательного; или сохранение какого-либо положительного качества или увеличение его количества. Если враг — субъект желанного состояния, то это состояние отличается от исходного или наличием отрицательного качества, или отсутствием положительного, или же сохранением отрицательного качества. Таким образом, от характера субъекта — а он всегда один и тот же в исходном и желанном состояниях — зависит положительный или отрицательный знак этих состояний.

Если заклинатель не является субъектом исходного и желанного состояний, то субъектом ситуации заговора, т. е. агентом магической процедуры, он остается всегда. Заказчик же,

даже если он реально существовал, в тексте заговора может остаться не отраженным.

На формальном уровне соотношение лиц, участвующих в ситуации заговора, отражено в употреблении (а иногда и в игре) местоимений в тексте. О себе заклинатель говорит в 1-м лице — «я», реже «мы». К заказчику обращается во 2-м лице — «ты», «вы», или говорит о нем в 3-м лице — «он», «этот (человек)». О себе и заказчике вместе заклинатель может иногда говорить в инклюзивном значении «мы». О враге обычно говорит в 3-м лице — «он», но может обращаться и во 2-м лице — «ты». Используется сознательная игра, когда одно и то же местоимение обозначает разные денотаты: заказчика и врага. Наряду с этим при употреблении местоимения 3-го лица встречается и противопоставление: «он», «этот» *(ayám)* заказчик — «он, тот» (*asaú*) враг.

Таково краткое описание основных частей модели заговора. Определенная последовательность этих частей в рамках заговора не является строго предписанной. Притом что в разных типах заговора существуют некоторые тенденции взаимного расположения частей (например, там, где участвует посредник, заговор часто начинается с его восхваления или описания), конфигурация этих частей может быть весьма причудливой.

Текст ЯВ построен принципиально иначе, чем РВ или АВ, поскольку в нем нельзя выделить законченную по содержанию композиционную единицу, лежащую в основе более крупных композиционных единиц — книг *(kāṇḍa-)*. Те же семантические блоки, которые обладают законченным содержанием и из собрания которых складывается текст ЯВ в целом, композиционно могут быть рассредоточены по разным частям этого памятника. Поэтому метод описания содержания ЯВ должен отличаться от того, который применялся в отношении РВ и АВ.

Для максимально полного описания содержания ЯВ целесообразно выделить три уровня: I — *ритуал*, II — *жертвенные формулы* (*yájus*), III — *брахманические комментарии* к жертвенным формулам. Только уровень I представляет собой строгую логическую последовательность определенных единиц (действий, из которых складывается ритуал), организуемых синтаксисом этого уровня в специфический текст; два других уровня таким свойством не обладают. Уровень I является внелингвистическим и независимым по отношению к двум другим. Он определяет уровень II (жертвенные формулы произносятся в определенные моменты в ходе исполнения ритуала), элементы которого функционально не мотивированы без обращения к соответствующим элементам уровня I. Однако на основании данных уровня II обычно оказывается невозможным реконструировать последовательность элементов уровня I.

Связь между уровнями I и II может быть выражена внешним по отношению к тексту ЯВ образом. В роли указателя этой

связи нередко выступает какой-нибудь вспомогательный, комментаторский текст, примыкающий к ЯВ, типа сутры и др. Начиная с поздневедийского периода возникает целый класс текстов такого рода (его роль в истории древнеиндийской литературы очень велика), основная функция которых заключается в установлении соответствий между разными уровнями внутри одного более древнего текста или в связи с ним.

Уровень II является определяющим по отношению к уровню III, поскольку отправной точкой для брахманических комментариев служат жертвенные формулы. Данные уровня III в тексте ЯВ выступают в основной функции установителя соответствий. В синхронном плане данные уровня III могут устанавливать соответствия между элементами уровней I и II, т. е. между ритуалом и жертвенными формулами, во-первых, и кроме этого или одновременно с этим между элементами ритуала/жертвенными формулами и элементами мироздания, иными словами, между микрокосмом и макрокосмом, во-вторых. В диахроническом плане данные уровня III могут служить мифологической интерпретацией соответствующих данных уровня II.

Взаимное расположение соотнесенных друг с другом данных уровней III и II в тексте ЯВ различно. До некоторой степени оно является признаком принадлежности к определенной школе, поскольку в редакциях Черной ЯВ брахманическая часть входит в состав самой веды, иногда непосредственно сопровождая формулы, иногда будучи отделенной от них, а в Белой ЯВ часть, содержащая комментарии, целиком отделена от яджусов, образуя Шатапатха-брахману.

Формально уровень II бывает как метрическим (мантры), так и прозаическим. Жертвенные формулы могут представлять собой оригинальный материал ЯВ или заимствования (точные или с вариантами) из РВ. Иногда это стихи, общие с другими ведами, и в таких случаях установить первоначальный источник того или иного стиха оказывается невозможным.

Уровень III всегда представлен прозаическим текстом. Он может включать, правда, отдельные стихотворные строки — краткие цитаты из уровня II, которые иногда сокращены до первых слов стиха. За этими цитатами следуют комментарии.

Цитаты из уровня II, входящие в состав уровня III, являются тем формальным средством, с помощью которого реализуется основная функция уровня III — установление соответствия между элементами двух других уровней. Цитата выделяется в тексте уровня III или словом *iti* 'так', 'кавычки'; или следующим за ней предложением *ityāha* 'он сказал так' — подразумевается жрец, произносящий яджус; или какой-либо отсылкой к форме произнесенного стиха, упоминанием его адресата — вообще любой формальной характеристикой его. Например, в ТС в комментарии к мантре IV,2,5,a, которая начинается словами: «Будьте едины, будьте в согласии, в любви...» в V,2,4,1 говорится: «„Будьте едины" — четырьмя (стихами) он их объединяет»; или там же, стих f обращен к Агни Вайшванаре, а в комментарии в V,2,4,2 говорится: «Со (стихом), обращенным к Вайшванаре, он берет пращу». Если же уровень III не содержит цитаты из уровня II, то функция установителя соответствия между уровнями I и II переходит к внешнему тексту — к какой-нибудь сутре.

Иногда комментирование носит чисто тавтологический характер, и одно и то же содержание оказывается выраженным в двух формах: в виде цитаты и в виде комментария. Примером могут служить пояснения в VI,1,8,4, начинающиеся с цитат: «„Так я разрубаю затылки ракшасов"; „Кто нас ненавидит и кого ненавидим мы" — он говорит. Есть два лица: одно — кого он ненавидит, а другое — кто ненавидит его. Он в самом деле последовательно разрубает им затылки» и т. п.

В основе комментирования может быть чисто формальное соответствие — созвучие, на котором строится семантическое соответствие. Например, в ТС V,2,1,6 в комментарии к мантрам IV,2,1, k—n, посвященным подготовке места для разведения священного огня, говорится: «Он (т. е. цитируемый стих.— *T.E.*) содержит слово сидеть (*sad-*); в самом деле, он помогает ему достигнуть действительности (*sat-tvam*)», и таким образом обыгрывается внешнее созвучие форм от разных корней: *sad-* и *as-*.

Диахронический комментарий к данным уровней I и II нередко заключается в создании мифологического прошлого у одного из элементов этих уровней. Так, например, в ТС 1,5,1,1 необходимость вновь и вновь зажигать ритуальный огонь подтверждается тем, что только на этом условии бог Агни, бежавший с богатством богов, которое они доверили ему хранить на время их борьбы с асурами, согласился вернуть его. Это была обещанная ему доля. Лингвистическим сигналом, отмечающим конец мифологического комментария, служит нередко фраза, которую можно изобразить в виде модели: «Кто знает это мифологическое обоснование, процветает в настоящем» (в данном случае: «Кто знает так процветание от зажигания [огня] вновь, процветает»).

Атрибуты, эпитеты, связи уровня II и единицы ритуала уровня I могут разворачиваться с помощью уровня III в мифологические действия и ситуации. Например, в ТС (III,5,7c) с предметами ритуальной утвари: черпаком из дерева кхадира, разливательной ложкой из дерева парна и пр.— связываются определенные мифологические родословные.

Функция установления соответствий, основная для уровня III, часто осуществляется при помощи такого формального приема как отождествление двух классификаций, принадлежащих к разным уровням, между элементами которых устанавли-

вается однозначное соответствие. В широком плане их можно считать отождествлениями микрокосма и макрокосма в синхроническом и диахроническом аспектах. Так, например, в ТС (I,6,5d) говорится: «Пусть боги, жрецы сделают (меня) сияющим в восточной стороне; пусть месяцы, отцы сделают (меня) сияющим в южной стороне; пусть дома, скот сделают (меня) сияющим в западной стороне; пусть воды, растения, деревья сделают (меня) сияющим в северной стороне; пусть жертвоприношение, год, повелитель жертвоприношения сделают (меня) сияющим в зените».

Подобные отождествления списков многочисленны и разнообразны в ЯВ. В них участвуют числовые списки, например, число слогов Священной Речи в ТС, I,7,11: «Агни одним слогом завоевал Речь, Ашвины двумя слогами завоевали выдох и вдох, Вишну тремя слогами завоевал три мира... Праджапати семнадцатью слогами завоевал семнадцатичастное восхваление» — формула, в которой объект завоевания в числовом отношении изоморфен количеству слогов (см. также отождествление стихотворных размеров элементов жертвоприношения и космоса в ТС, III, 2,9; V,3,2 и др., типичные для ЯВ).

В основе этих числовых отождествлений (единицы которых — числа, слоги, стихотворные размеры, дни, месяцы, сезоны, т. е. части года и пр.) лежит ведийское представление об измерении как о космогоническом акте.

Ритуал жертвоприношения, моделирующий космогонический акт, включается в ряды отождествлений в частности и по таким параметрам, как число рядов камней, воздвигаемых при сооружении алтаря для священного огня *(agnicayana-)*, и количество камней в каждом ряду. Обычно в этих отождествлениях используется натуральный ряд чисел, иногда это бывает ряд нечетных чисел (например, ТС, IV,3,10).

Среди параметров, по которым устанавливаются изоморфные ряды, следует отметить такой, как цвет жертвенного животного, соотносимого с определенным божеством (например, ТС, V,6,11—23).

Моделирование вселенной посредством изоморфных рядов разных уровней представляет собой основной способ моделирования в ЯВ. Дальнейшее развитие этот метод получает в упанишадах.

Следует отметить, что по содержанию данные, относимые к уровню III, нередко выходят далеко за пределы собственно комментирования формул уровня II и являются по существу совершенно самостоятельными мифологическими или философскими спекуляциями.

ЯВ — первый в индийской традиции текст, в основе которого лежит принцип «цитата — комментарий», причем комментарий перерастает порой в самостоятельное сочинение, лишь формально связанное с исходной цитатой. Этот принцип организации текста сыграл очень большую роль в дальнейшей истории создания религиозных, философских и научных трактатов на древнеиндийском языке.

Выделение трех уровней дает возможность описать содержание ЯВ в полном объеме. Иначе обстоит дело с РВ и АВ, содержание которых оказывается более широким, чем область применения соответственно модели «среднего гимна» и «среднего заговора».

При помощи модели «среднего гимна», посвященного индивидуальному или групповому божеству, деифицируемому животному (коню, коровам) или предмету (давильным камням, алтарю, колеснице и пр.), деифицируемым силам природы (водам, рекам, лесным деревьям и пр.), можно описать бóльшую часть содержания РВ, прежде всего ее самую древнюю часть, представленную фамильными мандалами. За пределами этой модели остается лишь сравнительно небольшое число гимнов фамильных мандал. Сюда относятся ритуальные гимны типа *апри (āpri)*. Они связаны с древним обрядом жертвоприношения животных. Хотя текст этих гимнов похож на обычные гимны божеству, в основе их структуры лежит совершенно иной принцип — набор ключевых слов и выражений, каждое из которых должно быть употреблено в заданном стихе [3].

Остальные гимны, не описываемые общей моделью, принадлежат в основном более поздней части РВ, прежде всего мандале X. Среди них можно выделить несколько типов, каждый из которых представлен небольшой группой гимнов.

Обрядовые гимны мандалы X сопровождают похоронные и свадебные обряды. В этом состоит их основное назначение. Они не обнаруживают единого структурного типа. То это просто последовательность стихов, исполняемых в разные моменты протекания обряда (например, свадебный гимн X,85 или похоронный гимн X,18), то общие философско-мифологические спекуляции, то призывы к богам и «отцам» (душам умерших предков), то стихи магического назначения, как в заговорах.

Магические заговоры и заклинания РВ сосредоточены в основном в конце мандалы X (лишь единичные заговоры встречаются в конце других мандал). Заговоры РВ имеют много общего с заговорами АВ и могут быть описаны с помощью модели «среднего заговора». Лишь некоторые из них принадлежат к совсем иному типу. Это первые образцы повествования свет-

[3] С ритуалом непосредственно связаны и многие гимны, описываемые моделью «среднего гимна», например, ряд гимнов Агни, исполняемых при зажигании жертвенного огня, или гимны Соме, исполняемые при приготовлении напитка из растения. Речь здесь идет не о связи с ритуалом, а о структуре текста.

ского характера, используемые в магических целях (например, «Гимн лягушкам» [VII, 103] и «Гимн игрока» [X,34]).

Гимны-диалоги встречаются большей частью в поздних мандалах РВ — X и I (в некоторых фамильных мандалах их нет вообще). Этот жанр в РВ еще не полностью сформировался. Реплики действующих лиц в диалогах (эти лица в тексте не названы, в связи с чем часто непонятно, кому именно принадлежит та или иная реплика) незаметно переходят в монолог или в авторскую речь. Не всегда ясна логическая связь между репликами. Гимны-диалоги описывают то как баллады с некой «драматизацией» сюжета, то как зачатки древнеиндийской драматургии. Сюжеты, разрабатываемые в гимнах-диалогах, большей частью заимствованы из области мифологии. Таковы, например, история рождения Индры при неблагоприятных обстоятельствах (IV, 18); вариант мифа Вала, главные участники которого в диалогической трактовке — это собака Индры Сарама и демоны Пани (X,108); история о том, как боги нашли Агни, спрятавшегося в водах, и выбрали его хотаром (X,51—52) и др. Особенно многочисленны сюжеты, связанные с Индрой. Даже когда участниками этих диалогических ситуаций являются мифологические персонажи, сами ситуации нередко имеют вполне светский характер, как, например, знаменитый диалог Ямы и Ями (X,10); Индры, Индрани и обезьяны Вришакапи (X,86) и др., не говоря уже о том, что иногда действующими лицами бывают и просто смертные, например, царь Пуруравас в диалоге Пуруравса и апсарас Урваши (X,95).

Космогонические и спекулятивные гимны мандалы X также не подходят под модель описания «среднего гимна» РВ: они не содержат ни просьб к богам, ни трансформируемых в просьбы описаний действий, эпитетов, атрибутов и связей богов. Формальным признаком, присутствующим в ряде этих гимнов (но не во всех) является наличие серии вопросов, оставленных без ответа.

Основное различие между космогоническими гимнами мандалы X и космогоническими гимнами древних мандал — а значительная часть гимнов фамильных мандал, формально описываемых с помощью модели «среднего гимна», содержательно интерпретируется в космогоническом ключе (о чем см. ниже) — заключается не только и не столько в структуре текста, сколько в разном подходе к вопросам космогонии. Если древнему слою гимнов свойствен мифологизированный подход к проблеме происхождения вселенной, и космогонические подвиги приписываются многим богам, то для позднего слоя гимнов, объединенных в мандале X, характерен подход, который можно назвать философско-умозрительным. В этих гимнах впервые высказывается мысль о том, что в основе вселенной лежит единый организующий принцип. Этот принцип облекают в разную форму: «Творец всего» *(viçvákarman-)*, создавший вселенную,

совершивший жертвоприношение и принесший в жертву самого себя (X,81—82); Агни — первопричина вселенной (X,5), рассматриваемый как праоснова богов и приобретающий форму разных богов (X,10); Священная Речь (*vāc-*) — сила, организующая вселенную (X, 71; X,125); космический жар (*tápas-*), который, воспламенившись, последовательно породил элементы мироздания (X,190); Пуруша (*púruṣa-* букв. 'человек') — космический гигант, которого боги принесли в жертву и из частей его тела возникла вселенная (X,90); Нечто Одно (*tád ékam*, X, 129), Золотой зародыш (*hiraṇyagarbhá-*, X,121), рассматриваемые как запредельное начало мироздания. В знаменитом космогоническом гимне (X,129) происхождение Сущего (*sát-*) из Не-сущего (*ásat-*) изображается как мистический процесс возникновения материи из первоначального принципа, и возможность познания этого процесса подвергается сомнению.

В трактовке космогонической темы в этих гимнах постановка вопросов нередко оттесняет на задний план их решение. Бóльшая часть вопросов вообще не может иметь ответа. Постичь то, что возможно, удается лишь риши благодаря внутреннему прозрению. Неразрешимость загадки мироздания нарочито подчеркивается тем, что в одном гимне перечисляются, например, разные «космогонические гипотезы» РВ, явно противоречащие друг другу, и никакого итога не подводится (X, 72).

Космогоническая тема трактуется в РВ иногда в виде загадок (*brahmodya-*), разбросанных по разным гимнам. Отгадки к ним, как правило, в тексте гимна не даются, а традиционную их интерпретацию сохранила комментаторская литература. Целиком из загадок (космогонических и пр.) состоит гимн I,164.

Гимны-самовосхваления представляют собой особый жанр поэтических произведений, в которых повествование ведется от 1-го лица и сводится к перечню заслуг говорящего (например, Индры; бога, напившегося сомы; женщины, одержавшей победу над мужем, и др.).

По типу гимнов и кругу высказываемых идей мандала X заметно отличается от того древнего семантического пространства, которое описывается с помощью модели «среднего гимна».

Наиболее древнее и оригинальное содержание АВ описывается посредством модели «среднего заговора». Но АВ в том виде, в каком она до нас дошла, состоит из ряда гетерогенных пластов, содержание которых организовано в соответствии с разными принципами. При этом, однако, надо иметь в виду, что поскольку эти части включены в один и тот же текст, основное назначение которого — магическое, у них можно предположить то же самое магическое назначение, что и у заговоров, и это подтверждается во многих случаях туземной комментаторской традицией. Таким образом, если магическое функциональное использование непосредственно вытекает из струк-

туры одной части текстов (а именно заговоров), составляющей АВ, то для другой части эта функция является внешней и не обусловленной (или лишь частично обусловленной) их структурой.

Единицей текста, обладающей законченным содержанием, в АВ могут быть кроме заговора также гимн (*sūkta-*) или книга (*kāṇḍa-*). То, что в туземной традиции называется термином *sūkta-*, по содержанию шире, чем модель «среднего гимна». В большинстве случаев, правда, сюда относятся *гимны богам и силам природы*, структура и содержание которых вполне укладываются в эту модель, выработанную на материале РВ. Основное различие — функционального плана, поскольку эти «гимны» АВ использовались скорее всего как заговоры на процветание. Есть несколько типов «гимнов» в АВ, которые по структуре содержания представляют собой разные степени контаминации моделей «среднего гимна» и «среднего заговора» или же в них имеются нарушения каких-либо существенных структурных особенностей «среднего гимна».

Гимны в интересах брахманов (V,17—19; XII,4—5) ближе по структуре содержания к заговору-проклятью, чем к гимну-прославлению. Это не столько восхваление особы брахмана, жены брахмана и прежде всего коровы как доли, принадлежащей только брахману, сколько изощренные угрозы и проклятья в адрес тех, кто может на все это покуситься. Интересной контаминацией моделей гимна и заговора является XIII, 3; первая часть каждого стиха состоит из прославления Солнца (перечня дифференциальных действий, эпитетов, атрибутов), а вторая содержит проклятье в адрес ненавистника брахмана (грех, отождествляемый с преступлением против Солнца).

Ритуальные гимны в АВ также были фактически связаны с брахманами. Эти гимны сопровождают различные ритуалы жертвоприношений, проводимых под руководством брахманов. Среди них встречаются и гимны апри, исполняемые при жертвоприношении животных (V,12 и 27), и гимны к жертвенному возлиянию в ритуале *парван* (*parvan*) (VII,27), к жертвенной утвари (VII,28), на удачное умащение (VII,30) и т. д., и ряд гимнов, посвященных однодневным жертвоприношениям *савайджня* (*savayajña-*).

В ритуальных гимнах нередко дается мистическое толкование жертвенной субстанции: коровы, которая отождествляется с небесными коровами — грозовыми тучами, дающими дождь (X,9), быка, который рассматривается как воплощение Индры (IX,4), козла, который трактуется как божество Одноногий Козел (IX,5), рисовой кашицы — одана́, обычно сопровождающей эти жертвоприношения, а также служащий наградой брахманам — от нее ожидают счастья для жертвователя в загробном мире.

Иногда эти гимны близки по своей тематике спекулятивным

гимнам АВ. Например, в одном из гимнов саваяджня, посвященном остаткам жертвоприношения (*ucchiṣṭa-*, XI,7), ритуал служит только отправной точкой для мистических размышлений об остатке вообще, о том, что остается во вселенной за пределами феноменального мира, о средоточии богов и символе достижения всего мироздания во времени и пространстве.

В состав АВ входит ряд чисто *спекулятивных* и *космогонических гимнов*. Высказывалось предположение, что они включены в это магическое собрание потому, что их содержание может восприниматься как высказывание универсальной истины и тем самым магически содействовать заклинателю в достижении его целей.

Для философской концепции АВ характерен более развитый по сравнению с РВ пантеистический подход к трактовке мироздания. Единый бог или единый созидательный принцип лежит в основе всего, принимая различные формы. Это может быть Брахман в облике ученика-брахмачарина (XI,5), одновременно приводящий в движение вселенную и являющийся зародышем жизни; космическое дыхание (*prāṇa-*, XI,4), которое являет собой жизнь, смерть и происхождение всего; космическая опора Скамбха (*skambhá-*; X,7,8) — вариант мирового дерева, на котором зиждется все в пространстве и времени и соотношение которого с видимым миром остается непостижимым; Время (*kālá-*) — вечный конь с семью поводьями, обходящий вокруг вселенной, породивший людей и богов (XIX,53); женское начало Вирадж (VIII,9, 10).

В космогонических гимнах АВ встречаются также и вариации на старые космогонические темы мандалы X в РВ. Это возникновение вселенной из жертвоприношения космического гиганта Пуруши, части тела которого дали начало разным элементам мироздания (X,7; XIX,6), однако Пуруша здесь отождествляется с Брахманом. Есть и история развития вселенной, начинающаяся с того, что был золотой зародыш (*hiraṇyagarbhá-*), рожденный из космических вод, от которого произошло все остальное (IV,2). Нередко в космогонических гимнах АВ задаются вопросы, остающиеся без ответа в стиле РВ.

Некоторая часть содержания АВ моделируется с помощью такой крупной единицы текста, обладающей законченным содержанием, как книга[4]. Формально книги могут быть разделены (хотя это не обязательно, как, например, в случае с книгой XVII) на более мелкие части: гимны или периоды (прозаические — *paryāya-*), которые тесно связаны по содержанию друг с другом и одна часть нередко является продолжением другой.

[4] В силу того, что предложенный здесь критерий является семантическим, книга XVI, не обладающая законченным содержанием (первая ее часть — формулы, сопровождающие ритуал восхваления вод; вторая часть — заговоры против дурных снов), не удовлетворяет требованиям, предъявляемым к термину «книга».

В западной комментаторской традиции их называют книгами на индивидуальные темы.

Две из них представляют собой *обрядовые книги.* Книга XIV состоит из мантр, сопровождающих свадебный обряд. Деление ее на два гимна условно. Это просто собрание стихов, не дающих представления о последовательности обрядов в свадебном ритуале. Значительная часть стихов заимствована из свадебного гимна РВ (X,85), но немало и самостоятельных стихов. По содержанию стихи делятся на две части: изображение мифологического прообраза свадьбы Сомы с дочерью солнца Сурьей и собственно обрядовые стихи, или даже стихи-заговоры (против демонов, владеющих невестой до свадьбы, против дурного глаза на свадьбе, против рубашки новобрачной, на согласие между супругами, на счастливое потомство и т. п.).

Книга XVIII (так называемая «Книга мертвых») является собранием мантр, сопровождающих похоронные обряды. При том, что определенная часть стихов заимствована из мандалы X РВ, текст этой книги интересен в том отношении, что он свидетельствует об оригинальной традиции поминального обряда, не встречающейся в других ведийских текстах. Деление на четыре гимна условно. Нет ни единого сюжета в каждом гимне, ни логической последовательности стихов. Мифологический сюжет о царе мертвых Яме и его сестре-близнеце Ями сменяется прославлением Агни и далее группами стихов, сопровождающих разные похоронные обряды (зажигание кремационного костра, а затем очистительного костра, отмеривание земли для захоронения костей, приглашение душ умерших предков — «отцов» на поминальный обряд, кормление и проводы «отцов» и т. д.). Последовательность обрядов не отражается в последовательности стихов. Так как участие в похоронных обрядах требовало очищения, ряд стихов носит характер искупительных заговоров (при зажигании чистого костра от огня домохозяина заговаривали «пожирателя мяса» — кремационный костер и др.).

Книга XIII посвящена прославлению Красного Солнца — Рохиты (*róhita-* 'красный'). Деление этой книги на четыре гимна вполне реально, но гимны эти тесно связаны между собой общей темой. Большая красная птица Рохита летит по небу, озирая все мироздание, наполняя небо жаром. Он мистически изображается как основное созидательное начало вселенной (породил небо и землю, все существования — его облачение, величием превосходит землю, небо, океан, воздух; все несет в себе, включая богов с Праджапати, и все охраняет). Гимны этой книги близки, с одной стороны, к спекулятивным гимнам АВ, с другой — к заговорам, например, заговорам на царскую власть (Рохита и его женское соответствие Рохини — прообразы царя и царицы) или заговорам-проклятьям.

Книга XV, разделенная на периоды, посвящена мистическому возвеличению *Вратья* (*vrā́tya-*), изображаемого как единый

космогонический принцип, движение которого в разные стороны вызвало к жизни богов и жертвоприношение и тем самым породило космос. С числом дыханий Вратья (сакральное число 7) отождествляются разные элементы мироздания. Вратья принимает разные облики: хранителя сторон света, ведийского ученика брахмачарина. Даже в этой туманной и абстрактной книге мистические спекуляции нередко сопровождаются прикладной формулой типа («Кто знает так, пользуется тем, что сделал Вратья»).

В книге XVII, состоящей из одного гимна, восхваляется *Солнце*, отождествляемое то с Индрой, то с Вишну. В туземном же комментарии эта книга трактуется как заговор на долгую жизнь ребенка.

В состав АВ традиционно входит еще книга XX, которая не удовлетворяет семантическим требованиям, предъявляемым к термину «книга». Это большое приложение, состоящее почти целиком из гимнов, заимствованных из РВ, и расположенных по литургическому принципу.

Таково в основных чертах содержание ведийских самхит. Особенности содержания налагают большие ограничения на жанр этих памятников. Они являют собой образцы высокой иератической поэзии, сакральной речи, употребляемой в культе, языка схоластических комментариев, но они никак не отражают разговорного языка, который, естественно, не мог не существовать в то же время (другое дело, что это был за язык; ср. наличие пракритизмов уже в РВ). Бóльшую часть ведийских собраний составляет метрическая речь (древнейшее из них, РВ, целиком имеет стихотворную форму), и это делает язык еще более условным. Заговоры АВ, хотя и отражают в своей древней основе народные верования, по форме никак не могут считаться образцом народного языка (хотя язык этих заговоров в целом гораздо проще, чем язык гимнов РВ).

Семантика ведийских текстов наложила сильнейший отпечаток на их язык со всем его сложным взаимоотношением уровней. Она определяет некоторые особенности в области не только лексики, но также и синтаксиса и, наконец, даже морфологии. Особенно отчетливо эта зависимость проявляется в РВ — памятнике, обладающем наиболее сложной семантической структурой. Полное описание языка этого памятника на всех уровнях предполагает предварительное хотя бы самое краткое описание структуры его мифологического текста.

Данное описание исходит из известной гипотезы о том, что древнее ядро РВ представляет собой гимны космогонической тематики, и первоначальное назначение всего собрания заключалось в том, чтобы сопровождать ритуал, связанный со сме-

ной годового цикла, понимаемого как разрушение вселенной, погружение ее в хаос, и новое ее воссоздание, т. е. сотворение космического порядка. Мифологические сюжеты фамильных мандал допускают прочтение в космогоническом ключе, при этом надо заметить, что так называемые космогонические гимны мандалы X, в которых космогоническая тема выражена эксплицитно и не закодирована мифологическим текстом, принадлежат к совсем иной, более поздней системе.

Космогония, представленная в древней части РВ, выглядит как «вторичная», поскольку к моменту космогонического акта уже существуют не только элементы вселенной, но и демиург. (Вопрос о «первичном» акте творения ставится лишь позднее, в космогонических гимнах мандалы X.) Как известно из гимнов РВ, вселенная имеет трехчленную структуру: небо (*dív-/dyú-*), земля (*pṛthivī́-*) и воздушное пространство (*antárikṣa-*). Каждая из этих сфер в свою очередь может делиться далее на три части: три земли, три неба, три воздушных пространства, например, на третьем небе находится обитель царя мертвых Ямы. Из гимнов же известна и более древняя, двучленная модель строения вселенной: *dyā́vāpṛthivī́* (du.) 'Небо и Земля' (парное божество в РВ) или *ródasī* (du.) две половины мироздания, т. е. Земля и Небо. Основной космогонический подвиг богов заключается в создании третьей, промежуточной сферы: в разъединении слитых между собой Неба и Земли, удерживании их врозь, создании опоры, на которой зиждятся эти два полюса. Этот космогонический подвиг приписывается в РВ целому ряду богов (Индре, Адитьям, Соме и др.). Вселенная, состоящая из двух раздельных полюсов, соединенных через некий третий посредствующий член, представлялась упорядоченной.

В основе ведийской космогонии лежит оппозиция: «упорядоченная вселенная — неупорядоченная вселенная». Предлагалось рассматривать эту оппозицию как инвариант, реализующийся в тексте в виде ряда вариантов, а именно: устанавливать опору (*ruh-*, *rohā́yati*); осуществлять посредничество, создавая пространство (*antár car-*); удерживать врозь (небо и землю), быть их основой (*stabh-*); наполнять пространства (*prā-*); быть единым (*éka-*) или охватывать все существа.

Эти варианты элементарного космогонического акта выступают в тексте гимнов как действия или как атрибуты различных богов, и таким образом древнее мифологическое пространство РВ характеризуется взаимозаменяемостью, функциональной тождественностью богов — космогонических агентов. Богов в функции космогонических агентов могут замещать также некоторые символические предметы и понятия: дубина грома (*vájra-*), гора (*áçman-*), космическое дерево (*açvatthá-*), солнечные лучи (*raçmí-*), колесо (*cakrá-*), колесница (*rátha-*) и др., а также ряд предметов ритуала (о чем см. ниже).

Основные мифы РВ фактически кодируют одну и ту же

тему: организация вселенной в соответствии с космическим порядком, что достигается путем борьбы богов с демонами, олицетворяющими силы хаоса: Индра убивает дракона Вритру, сковывавшего течение рек, и выпускает течь воды; Индра находит коров, спрятанных демонами-пани в скале-Вала, и, проломив скалу ваджрой, выпускает коров наружу (корова — важный ведийский космогонический символ; ср. вариант этого мифа: Индра находит свет, замкнутый в скале). Или другой вариант мифа Вала: Брихаспати находит коров и громким ревом проламывает скалу (еще один вариант: Ангирасы пением проламывают скалу), выпуская коров, и т. д. Космогоническую основу, как известно из индологической литературы, имеют и три шага Вишну, покрывающие всю (трехчленную) вселенную, и ежедневный объезд (*vartís-*) трех миров Ашвинами на трехколесной колеснице и др.

Космогония, отраженная в РВ, циклична: космогонический акт повторяется по прошествии определенного времени. Регулярно совершают Ашвины свой объезд вселенной, появляется, сменяя тьму, сверкающая Ушас, вздымает руки Савитар, давая жизнь всему живому, совершает по небу свой путь Сурья и т. д.— иными словами, космос сменяет хаос регулярно.

Известно, что ведийская космогония имеет ритуальный аспект. Цель жертвоприношения — осуществление связи между миром богов и миром людей. Таким образом, функционально оно тождественно среднему связующему звену, соединяющему два космических полюса: небо и землю. Предметы, используемые в ритуале, имеют свое соответствие в космогонической символике мифов: жертвенный костер (*agní-*) и небесный огонь (ср. ведийские схоластические рассуждения о том, сколько существует Агни [например, X, 88, 18] и небесную ипостась Агни — *Vaiçvānará-*) — его зажигают на «тройном месте» (ср. трехчленность вселенной), т. е. три костра, ориентированные на стороны света; жертвенный столб (*yū́pa-* и др.) и космический столп, опора между небом и землей; алтарь (*védi-*), который устанавливают на «пупе земли» (*ñabhiḥ pṛthivyā́s*), и центр мироздания и т. д.

Жрец, совершающий жертвенное возлияние в огонь, по своей функции тождествен богу Агни — посреднику между богами и людьми, передающему своим пламенем жертвоприношение богам (его называют обычно божественным хотаром, но возможны отождествления и с другими разрядами жрецов, см. II, 1, 2). Кстати, другой бог — посредник между миром богов и миром людей, Сома, также имеет ярко выраженный ритуальный аспект: сок растения, особо выжимаемый и приготовляемый в ритуале жертвоприношения — напиток бессмертия богов, которому функционально эквивалентны жир (одна из космических субстанций), дождь, мед, молоко, совершающие кругооборот между небом и землей.

Отношения ведийского макрокосма и микрокосма строились по принципу круговорота, обмена, который в космическом плане регулировался космическим законом (*ṛtá-*), а в ритуальном плане жертвоприношением (*yajñá-*).

Ṛtá- рассматривается как универсальный принцип, в соответствии с которым существует ведийская вселенная. Нигде не сказано, чтобы кто-либо создал *ṛtá-*. Его обычно охраняют (ср. сложное слово *ṛtá-pā́-* 'охраняющий *ṛtá-*') — эта функция характеризует прежде всего класс богов Адитьев, — соблюдают, стремятся к нему. *Ṛtá-* можно лишь повторно воспроизводить в соответствии с установленными временны́ми циклами; так, например:

Yád adyá sū́rya udyatí | priyakṣatrā ṛtám dadhá | yán nimrúci prabúdhi viçvavedaso | yád vā madhyáṃdine diváḥ ‖ ... (VIII, 27, 19 гимн Всем Богам) 'Когда сегодня на восходе солнца, о милые владыки, вы установили *ṛtá-*, когда на закате, при пробуждении, о вы, всеведущие, или же когда в середине дня...'. Ничего не сопоставляется с *ṛtá-* как равноценное. В этом смысле не случайно отсутствие слов типа *dvaṃdva* с *ṛtá-* в качестве составной части.

В синтаксических сочетаниях *ṛtá-* чаще всего встречается в G.sg., определяя целый ряд имен существительных. Эти сочетания обозначают:

место *ṛtá-* — *ṛtásya yóni-* 'лоно *ṛtá-*', ~ *nā́bhi-* 'пуп *ṛtá-*', ~ *sā́nu-* 'вершина *ṛtá-*', ~ *budhná-* 'основа *ṛtá-*', ~ *dhā́man-* 'обитель *ṛtá-*', ~ *sā́dana-* (*sádana-*, *sádas-*, *sádma-*) 'сиденье *ṛtá-*', ~ *padá-* 'след *ṛtá-*', ~ *kṣáya-* 'жилище *ṛtá-*' (в равной мере о космическом законе и о жертвоприношении);

символику *ṛtá-*, связанную с коровами — *ṛtásya dhárā* 'поток *ṛtá-*', ~ *páyas-* 'молоко *ṛtá-*', ~ *dhenávas* (*dhénās*, *gā́s*) 'коровы *ṛtá-*' или их разновидности: *ṛtásya pṛ́çnayas* 'пестрые (коровы) *ṛtá-*', ~ *váçrās* 'мычащие (коровы) *ṛtá-*', ~ *sudúghās* 'хорошо (доящиеся) коровы *ṛtá-*' (о жертвоприношении);

символику *ṛtá-*, связанную с движением и его способами — *ṛtásya rátha-* 'колесница *ṛtá-*', ~ *naú-* 'ладья *ṛtá-*', ~ *raçmi-* 'луч *ṛtá-*', ~ *pátman-* 'полет *ṛtá-*', ~ *rathī́-* 'колесничий *ṛtá-*', ~ *dvā́rā* 'врата *ṛtá-*';

путь *ṛtá-* — *ṛtásya pánthā* (*pathiā-*, *vartani-*);

богов как отпрысков *ṛtá-* — жертвоприношения (прежде всего Агни и Сому) — *ṛtásya gárbha-* 'зародыш *ṛtá-*', ~ *prajā́-* 'потомок *ṛtá-*', ~ *prathamajā́-* 'перворожденный *ṛtá-*';

богов как хранителей и защитников *ṛtá-* — *ṛtásya gopā́-* 'пастух *ṛtá-*', ~ *páti-* 'господин *ṛtá-*', ~ *vṛ́ṣan-* 'бык *ṛtá-*', ~ *netár-* 'вождь *ṛtá-*', ~ *vedhás-* 'устроитель или почитатель *ṛtá-*', ~ *vípra-* 'вдохновенный (певец) *ṛtá-*', ~ *dhartár-* 'опора *ṛtá-*';

предписания и обеты *ṛtá-* — *ṛtásya pradiç* (*praçiṣ-*, *dhárman-*, *vratá-*).

Кроме того слово *ṛtá-* нередко встречается в наречном употреблении adv. *ṛténa* 'правильно', 'закономерно', 'справедливо'.

На основании значений, которые имеет *ṛtá-* в наиболее характерной для данного слова синтаксической конструкции, можно сделать вывод о том, что понятие универсального принципа, организующего вселенную,— *ṛtá-* связано с такими важными в ведийской космогонии понятиями, как «центр» и «путь», «коровы» и «колесница». *Ṛtá-* порождает богов, и боги служат ему опорой. *Ṛtá-* «закон» и «справедливость», из него исходят более частные установления и обеты типа *dhā́man-* (чаще Митры-Варуны, но также и других богов) и *vratá-* ('обет' богов — чаще Адитьев, а также людей). О последнем, например, известно, что его создали боги.— Так, в гимне Агни (I, 36, 5) говорится: *tvé viçvā sáṃgatāni vratā́ dhruvā́ yā́ni devā́ ákṛṇvata* 'В тебе сошлись все прочные обеты, которые создали боги'.

Ṛtá- в ведах находится в оппозиции к *ánṛta-* 'хаос', 'отсутствие порядка', 'отсутствие закона', с которым связаны силы зла — демоны. Поскольку для ведийской модели характерно описание положительного члена оппозиции, а не отрицательного, его можно лишь представить себе с обратным знаком по сравнению с *ṛtá-*. В AB есть персонификация — богиня *Nírṛti* 'Гибель', хтоническая фигура, утаскивающая свои жертвы вниз, накидывая на них петли, и отождествляемая со смертью.

Центральным понятием ритуального аспекта является жертвоприношение *yajñá-*. Этим термином обозначался целый комплекс действий, оперирующих не только такими материальными жертвенными субстанциями, как жертвенное возлияние в костер (*havís-*), топленое масло (*ghṛtá-*), напиток из сомы и пр., а также различные жертвенные животные, но и исполнение искусно сделанного гимна, вознесение молитвы, прославление (например, IV,22,1, где говорится о том, что именно радует Индру: *bráhma stómam ... sómam ukthā́* 'Молитва, прославление... сома, хвалебные песни...').

О космогонической интерпретации жертвоприношения на уровне сюжетов в РВ и в АВ (например, гимны Пуруше) говорилось ранее.

Существительное *yajñá-* часто встречается в синтаксических сочетаниях с глаголами. Обычно в этих сочетаниях *yajñá-* стоит в I.sg. и pl. в конструкциях типа *devā́ya yajñáis* (*yajñéna*) *īḍ-*, *dāç-*, *stu-* и т. п. 'Почитать бога (D.) жертвами (жертвой)'. Гораздо реже *yajñá-* стоит в A.; ср. два варианта при глаголе *yaj-*: *ījé yajñébhis* (I. pl.) (VI, 13, 2) 'Он жертвует жертвоприношениями' и *yajñā́m ... yakṣatām* (A.sg.) (I, 13, 8) 'Пусть они двое пожертвуют жертву!'.

В именных сочетаниях, употребляясь в G.sg. и pl., *yajñá-* определяет ряд существительных, часть которых совпадает с

существительными в соответствующих конструкциях с *ṛtá-*, например: *yajñásya nábhi-* 'пуп (т. е. центр) жертвоприношения', ~ *gárbha-* 'зародыш жертвоприношения' (о хвалебной песне или молитве), ~ *netár-* 'вождь жертвоприношения' (об Агни), *yajñánāṃ rathí-* 'колесничий жертвоприношений' (о нем же). Подобная закрепленность одной и той же лексики за *yajñá-* и *ṛtá-* подчеркивает их функциональное сходство.

Специфичное для *yajñá-* сочетание *yajñásya ketú-* 'знамя жертвоприношения' (также сложное слово *yajñáketu-* — *id.*) в применении к пламени жертвенного костра обозначает, как неоднократно отмечалось, понятие, эквивалентное космическому дереву.

Функция посредника между миром людей и миром богов, присущая *yajñá-*, вытекает из идеи обмена, на которой покоится жертвоприношение: жертва приносится ради награды. Боги принимают жертву (вкушают ее буквально или радуются ей) и взамен посылают жертвователю испрашиваемые блага. Регулярное принесение жертв — это залог процветания для адепта. Об этом говорится в следующем стихе (IV,2,5): *gómāṅ agné 'vimāṅ açví yajñó | nṛvátsakhā sádam id apramṛṣyáḥ | iḷāvāṅ eṣó asura prajávān | dīrghó rayíḥ pṛthubudhnáḥ sabhávān* ‖ 'Жертва, о Агни, влечет за собой коров, овец, коней, мужественных друзей. О ней никогда нельзя забывать. Она приносит подкрепление, о Асура, потомство. (Это), длительное богатство, с широкой основой, хорошего рода'. Природа жертвы отражена также в термине *iṣṭāpūrtá-* 'исполненное в соответствии с пожертвованным'.

В более широком смысле можно сказать, что жертвоприношение существенно не потому, что оно приносит какие-то конкретные блага (коровы, потомство и пр.), а прежде всего потому, что оно служит постоянным средством связи мира людей с миром богов, тем самым поддерживая status quo вселенной в представлении ведийцев. В этом отношении важна регулярность принесения жертв (три раза в день, а кроме того строгая цикличность специальных жертвоприношений, ориентированных на лунный календарь). Жрец, совершающий жертвоприношения, как агент микрокосма изофункционален богам, охраняющим *ṛtá-*, как агентам макрокосма (об этом говорит обожествление брахманов, нашедшее свое отражение в АВ и в еще большей мере в ЯВ, а также поздний ведийский мифологический сюжет ЯВ и брахман о том, как жертвоприношение перебегало от богов к асурам, и из-за этого возникала космогоническая борьба между теми и другими).

Способ лингвистического кодирования соответствующих понятий отражает функцию средства связи между двумя сферами. Жертву, хвалебную песнь, Священную Речь приводят в движение (*īr-* в caus.), везут (*vah-*) и ведут (*nī-*) к богам (см. сложные слова *ukthávāhas-* 'произносящий гимны', букв. 'везущий гимны' и *yajñávāhas-* 'приносящий жертвы', букв. 'везущий жертвы' и пр.). Возлияния, гимны, жертвенные животные идут (*gam-*) на небо (например, в АВ, IX,5,1 жертвенный козел вступает [*ā kram-*] на третье небо). Говорится о пути жертвы, ее называют колесницей или упряжкой. В своем движении на небо жертва протягивает нить (*tántum á tan-* о жертвенном быке в АВ, IX,4,1); здесь имеет место параллель с брахманским шнуром, космогоническая роль которого хорошо известна.

Двусторонний характер такого обмена через жертвоприношение, когда на одном конце связи дают, а на другом конце берут и в свою очередь дают взамен, моделируется семантической структурой некоторой части лексики, обозначающей сакральные и ритуальные понятия. Так, например, двустороннюю направленность имеет значение *bráhman-* 'молитва', 'религиозное вдохновение' (направленное от адепта к богу) и «вдохновение» бога при совершении подвигов на благо адепта (направленное уже от бога к адепту): *sutá ít tvám nimiçla indra sóme stóme bráhmaṇi çasyámāna ukthé* ... (VI,23,1) 'Тебе ведь нравится, о Индра, выжатый сома, восхваление, молитва, произносимый гимн...' и *tát tvā yāmi suvṛtyaṃ tád bráhma ... yéna práskaṇvam ávitha* (VIII,3,9) 'Я иду к тебе с просьбой о той отваге, о той силе вдохновения.., с помощью которой ты поддержал Прасканву'[5].

В соответствии с изложенными выше взглядами ведийцев на космогонию можно дать краткое описание ведийской модели мира, изобразив ее как пространство, определяемое двумя осями: вертикальной и горизонтальной, пересекающимися в центре. Основная оппозиция, характеризующая эту модель, которую следует принять за некий инвариант, это «центр — периферия», причем на разных уровнях интерпретации данная оппозиция представлена различными вариантами. Такая модель в том виде, в котором она реализована в ведийских самхитах, носит положительный характер по преимуществу, и отрицательная часть обрисована здесь лишь самым общим, неопределенным образом (скорее, ее можно описать через отсутствие положительных дифференциальных признаков, характеризующих противоположную часть).

Главным для ведийской модели мира является понятие «центра», по отношению к которому описывается пространство по вертикали и по горизонтали. Центр — это максимум положительного качества различительного признака любой оппозиции, описывающей соответствующее пространство, по мере же удаления от центра это качество уменьшается вплоть до полного исчезновения (пространство же в этой части трактуется как отрицательная часть модели).

---

[5] Подробнее об этом см. ниже, в разделе «Лексика».

В центре ведийской вселенной находится космический закон *ṛtá-*, скала *áçman-*, алтарь *védi-* или какой-либо замещающий его предмет, как, например, жертвенный столб *yûpa-* и пр., космическое дерево *açvatthá-*, изофункциональное с жертвенным столбом, жертвенный костер *agní-*, вершина *sânu-* (скалы, Агни, неба, земли и т. д.). Через этот центр проходит axis mundi. Он — средоточие сакральности, которая уменьшается по мере удаления от него.

В центре космоса пребывает *ṛtá-*, вокруг которого сосредоточены боги *devá-* (индивидуальные и групповые), охраняющие *ṛtá-* и живущие в соответствии с ним. На периферии находятся демоны (также индивидуальные и групповые), враждующие с богами и находящиеся вне *ṛtá-*. Термин *ásura-* в РВ амбивалентен, поскольку может обозначать и богов, и демонов (но лишь тех из каждого класса, которые связаны с силой чудесных превращений *māyâ*), начиная же с ЯВ обозначает только демонов, четко противопоставленных богам. Сфера богов является центром притяжения более низких разрядов деификаций: Апсарас, Гандхарвов, Ангирасов, мифических героев и жрецов, неантропоморфных объектов, а также занимающих особое место «отцов» (*pitáraḥ*) — усопших предков, живущих на третьем небе и служащих в поминальных ритуалах посредниками между людьми и богами.

К высшему уровню ведийского пантеона относятся 33 бога, которые традиционно соотнесены с тремя частями вселенной: небом, воздухом и землей. При этом пантеон в целом не является замкнутым, поскольку включает немало абстрактных богов разного типа: богов с именами с суффиксом деятеля *-tar-*, отражающими элементарные космогонические акты (*Tváṣṭar*< *tvaṣ-* 'придавать форму', *Savitár-*<*su-* 'порождать' и т. п.); богов-создателей (*Prajâpati-* 'Господин потомства', *Viçvákarman* 'Творец всего'); богов — персонификаций абстрактных понятий (*Vâc-* 'Речь', *Çraddhâ-* 'Вера', *Manyú-* 'Гнев', *Kālá-* 'Время' и т. п.).

Значительная часть ведийских богов сохранила связь с соответствующими явлениями природы, при этом несколько богов могут быть соотнесены с одним явлением природы в разных его аспектах (так, с солнцем связаны Сурья, Савитар, Агни, Митра, Пушан, Ушас). В результате, сферы действия богов постоянно пересекаются, разные боги оказываются функционально синонимичными. Иными словами, некоторые дифференциальные признаки, составляющие характеристику разных богов, совпадают, то актуализируясь, то нейтрализуясь в тех или иных мифологических контекстах. Это дает возможность для установления рядов отождествлений ведийских богов друг с другом типа: «Ты, Агни,— Индра, ... ты — Вишну, ... ты, Агни,— царь Варуна» и т. д. (II,1). За счет той же особенности следует отнести и возможность функционального повышения в

ранге любого божества независимо от его места в системе (генотеизм, или катенотеизм).

Принцип, эквивалентный генотеизму в мифологии, характерен для ведийской модели мира вообще. В определенной ситуации любой символический предмет (птица, конь, колесница, целебное растение, давильные камни, стихотворные размеры и др.) может быть помещен в центр, и вокруг него создается сакральное пространство. Из этого следует, что ведийская модель мира в принципе центростремительного типа и сакральный центр обладает притягательной силой по отношению к профанической периферии.

Трехчастное по вертикали, ведийское пространство концентрически расположено по горизонтали вокруг «центра земли» — места жертвоприношения, из которого исходят четыре стороны света[6] (*diç-* или *pradiç-*): *úttara-* 'северная', *dákṣiṇa-* 'южная', *pûrva-* 'восточная' и *ápara-* 'западная' (ни одно из слов, обозначающих стороны света, не однозначно; все они кроме того выражают еще временну́ю или иную пространственную ориентацию: *úttara-* 'верхний', 'лучший'; *dákṣiṇa-* 'правый'; *pûrva-* 'передний', 'предшествующий', 'старый', 'ранний'; *ápara-* 'задний', 'поздний', 'другой'). Из сторон света восток или северо-восток связан с богами, а юг с «отцами» и царством мертвых Ямой. Стороны света вообще постоянно используются в ведийских рядах отождествлений элементов макро- и микрокосма. Так, например, в оригинальных мантрах ЯВ ряд отождествляемых изоморфных понятий включает сторону света, время года, бога, тип богатства, тип прославления-стомы (*stóma-*), животное определенного возраста, определенный бросок при игре в кости, направление ветра, имя риши (ТС IV,3,3). Концентрическая структура пространства по горизонтали отчетливо выражена в ритуальном аспекте: кольцевые ограды, окружающие жертвенный костер и моделирующие элементы мироздания.

Ведийская пространственная ориентация отражена в группе дейктических прилагательных, имеющих одинаковую морфологическую структуру: корень (обычно таковым служит наречие-приставка, выражающее направление)+чередующийся суффикс *-añc-/-ac-* (этимологически не суффикс, а самостоятельный корень), иногда распространяемый вторичным суффиксом *-īna-*: *anvâñc-*, *anūcīná-* 'направленный вслед за другим' (*ánu* 'вслед за'); *ápāñc-*, *apācína-* 'обращенный назад', 'на запад' (*ápa* 'прочь'); *arvâñc-*, *arvācīná-* 'обращенный сюда' (**arva-* 'близкий'); *ávāñc-* 'направленный вниз' (*áva* 'вниз'); *údañc-* 'направленный вверх', 'северный' (*úd* 'вверх'); *níañc-* 'направленный вниз' (*ní* 'вниз'); *párāñc-* 'обращенный прочь', 'направленный вдаль', 'проходящий' (о времени) (*párā* 'прочь'); *pratyáñc-* 'на-

[6] Иногда сторон света насчитывается пять, к ним причисляют еще зенит, например, *páñca pradiças* (IX, 86, 29 или ТС I, 6, 5d).

правленный навстречу' (*práti* 'навстречу', 'напротив'); *práñc-*, *prācīna-* 'обращенный вперед', 'восточный' (*prá* 'вперед'); *víçvāñc-* 'направленный во все стороны' (*víçva-* 'весь'); *víṣvañc-*, *viṣūcīna-* 'направленный в разные стороны' (*viṣú* 'в обе стороны', 'в разные стороны').

В представлении ведийцев время, как и пространство, имеет циклическую структуру. Символом времени является колесо (*cakrá-*), которое в разных мифологических контекстах может быть представлено также такими вариантами, как колесница, конь, запряженный в колесницу, солнечный диск (=глаз богов). В одной из космогонических загадок РВ (I,104,11) время, отождествляемое с годом, изображается как вертящееся по небу колесо о двенадцати спицах (12 месяцев), на котором находятся стоящие парами его 720 сыновей (дни и ночи).

Цикличность времени и регулярная повторяемость этих циклов в соответствии с законом *ṛtá-* моделируется на мифологическом уровне всеми богами, связанными с небесными светилами и с путем: регулярно движется по небу Сурья, поднимает руки Савитар, появляется, сменяя ночь, Ушас, стережет пути Пушан, совершают объезд вокруг вселенной Ашвины и т. д. Именно идея циклического времени вызвала к жизни описание солнца как дневного и ночного: *prācīnam anyád ánu vartate rája | úd anyéna jyótiṣā yāsi sūrya* (X,37,3) 'Ты вращаешься на восток через одно темное пространство, ты восходишь, о Сурья, другим, светлым пространством'.

Основное название для времени в РВ — это *ṛtú-* (имя, образованное суффиксом *-tu-* от того же глагольного корня *ar-* 'приводить в движение' и пр., что и *ṛtá-* — причастие совершенного вида от этого глагола)[7]. Значения *ṛtú-* это: 'определенное, установленное время', 'время жертвоприношения', 'время года', 'определенная, установленная последовательность', 'порядок', 'регулы'. Образованное от этого имени наречие *ṛtuthā́* значит 'в определенное, установленное время', 'во время регулярных жертвоприношений', 'в соответствии с временами года'; 'регулярно', 'правильно'. Таким образом, уже в лексическом значении обозначения времени в РВ выражены, во-первых, регулярность, цикличность, и, во-вторых, изоморфность космического и ритуального циклов.

Основным циклом ведийского времени является *samvátsara-* 'год' (с ним отождествляется время вообще в некоторых мифологических контекстах РВ)[8]. Он делится на пять или шесть

[7] Название времени *kālá-* в РВ встречается только один раз в поздней части (X,42,9). В АВ — персонификация времени это именно *Kāla*, слово *samaya-* (от *sam* 'с'+*i-* 'двигаться' стало основным для обозначения времени позже).

[8] Другое название года *hāyaná-* гораздо более редко; оно засвидетельствовано впервые в АВ; сравнительно редкое слово *sámā-* означает 'полугодие', 'время года', 'год'.

сезонов: *vasantá-* 'весна', *grīṣmá-* 'лето', *varṣá-* 'сезон дождей', *çarád-* 'осень', *himá-* 'зима', *çiçira-* 'прохладный сезон' (если сезонов пять, то прохладный сезон особо не выделяется; в более поздних ведийских текстах их всегда шесть), которые в свою очередь делятся на два месяца каждый. Если год отождествляется с каким-либо сезоном, то с осенью: у богов просят, например, долголетия в сто осеней (*çatáçārada-*).

Существует изоморфизм малого и большого циклов. Год делится на две половины, лунный месяц — на темную и светлую половину, сутки — на день и ночь. Рубежом большого цикла является смена старого и нового года, рубежом малого цикла — смена темной и светлой половины месяца. Ночь полнолуния (*paurṇamāsī-*) и ночь новолуния (*amāvāsyá-*) в АВ обожествляются. Они являются временны́м центром для цикла жертвоприношений. От них отсчитываются дни лунного календаря.

Слово, обозначающее «день», одновременно значит «небо» и «свет» — *dív-/dyú-*. От того же корня образовано название *devá-* 'бог' (ср. ведийский глагольный корень с согласным распространением *dyut-* 'сверкать', 'сиять').

Время в ведийской модели мира сопряжено с пространством. Диахронически они произошли из одного источника (как бы он ни трактовался). Синхронически между элементами того и другого в космическом и ритуальном плане устанавливаются ряды отождествлений, начиная с ЯВ и далее в брахманах и упанишадах.

Числовые константы ведийской модели мира — это «три» и кратные ему числа, «четыре», «семь». Например, вселенная трехчастна, есть три неба, три колеса у колесницы Ашвинов, три жертвенных костра, богов насчитывается 33, рек — 99 и т. д.; есть четыре стороны света, земля четырехугольна, жертвенная колесница имеет четыре ярма, четырехглазым называют Агни, у богов просят четыре моря богатств; есть семь мудрецов (звезды Большой Медведицы), у солнца семь лучей (=конь с семью поводьями), семь священных рек, семь обязанностей жреца и т. д.

Ведийская модель мира, космогоническая по преимуществу, основана на противопоставлении широкого организованного пространства (*urú loká-*) узкому и страшному хаосу (*áṃhas-*). От *áṃhas* к *urú loká-* ведет п у т ь (*pathí-*, *gātú-*). Ведийская вселенная противопоставляется неведийской, а ведийский человек — неведийскому (иные уровни интерпретации описанной выше космогонической модели). При другой интерпретации этой модели, в центре находится царь (*rā́jan-*), изофункциональный богам высшего уровня и наделенный некоторыми их характеристиками (ср. *rāj-* 'править' и *rāj-* 'сверкать', 'сиять'). В центре может быть также помещен жрец (*brahmán-*), совершающий жертвоприношения. Вокруг центра располагается иерархия жрецов (*hótar-*, *puróhita-*, *udgātár-*, *adhvaryú-* и др.),

а также мудрецы, слагатели гимнов и проч. (*ṛṣi-*, *kaví-*, *vípra-* и т. д.). Эквивалентность царя и жреца в определенных ситуациях нашла свое отражение в некоторых ритуалах, например, в ритуале помазания царя на царство (*rājasūya-*).

К миру ведийского человека принадлежат те, кто поклоняется богам, принося им жертвы (*yájamāna-*, *yájvan-*); противостоят те, кто этого не делает (*ayajñá-*, *ádeva-*). Ведийскому человеку (*árya-*) противостоят враги (*dā́sa-/dásyu-*). Для этой модели существенно, что враги богов и их адептов названы одним и тем же словом — *ádeva-* 'не поклоняющийся богам' и 'не-бог' (в противоположность *devá-*); *dā́sa-*, *dásyu-* не только «варвары» (враждебные неарийские племена), но и «демоны» — противники богов. *Árya-* живут, располагаясь вокруг центра (*árīr víçaḥ* 'арийские племена', *páñca jánāḥ* 'пять народов'), *dā́sa-/dásyu-* — на периферии арийского мира.

В мире ведийского человека *áṃhas-*, понимаемому как «узость», «недостаток», «ограниченность», «нужда», «беда», противостоят понятия «широта», «полнота» (материальных и прочих благ), «изобилие», «плодородие», «богатство», «благополучие». Именно о них просит ведийский человек своих богов. Слова, кодирующие полноту жизни *árya-*, — это *gó-* 'коровы', *ghṛtá-* 'жир', *mádhu-* 'мед' и др., *dā-* 'давать' и многочисленные глаголы, имеющие другое лексическое значение, но в мифологических контекстах РВ функционирующих как синонимы «давать» — *duh-* 'доить' (например, «доить молитву» или «доить жертву» означает получать искомое богатство через их посредство).

При изоморфизме разных уровней в ведийской модели мира существуют понятия, которые не закреплены строго за какой-нибудь одной сферой и могут быть перенесены в другую. Так, космическая топография в значительной степени состоит из предметов, основным локусом которых является земля (река, поток, море, скала, дорога). Еще в большей степени это относится к космической фауне и флоре (корова, бык, конь, козел, собака, обезьяна, черепаха, птица, змея; дерево, целебная трава). В результате такого взаимопроникновения элементов в мифологическом повествовании иногда может быть неясно, идет ли речь о мире богов или о мире людей.

Соотносимые друг с другом предметы разных уровней часто обладают одинаковыми предикатами и атрибутами, например, катятся (*vṛt-*) колесница и солнце, имеют поводья (*raçmí-*) конь и солнце, правит (*rāj-*) царь и боги и т. п. В лингвистическом плане это значит, что изофункциональные мифологические персонажи и символические предметы могут быть закодированы одними и теми же выражениями, которые тем самым становятся знаком определенной функции. Например, в контекстах РВ выражение *tantuṃ tanoti* 'протянуть нить' обычно связано с функцией посредника. Так описывается Агни —

жертвенный костер: *yó yajñásya prasádhanas | tántur devéṣv átataḥ | tám áhutaṃ naçīmahi* ‖ (X,57,2) букв. 'Кто исполнитель жертвоприношения, нить, протянутая к богам, того окропленного (жертвенным маслом), мы хотим достигнуть'; молитва, воссылаемая к богам поэтами: *návyaṃ-navyaṃ tántum á tanvate divi | samudré antáḥ kaváyaḥ sudītáyaḥ* (I,159,4) 'Все новую нить тянут к небу из глубины океана блистательные поэты'; потоки сомы: *tántuṃ tanvānám uttamám | ánu praváta āçata* (IX,22,6) 'Они устремились вниз по путям — высшей тянущейся нити' и др. Обыгрывание таких выражений является одной из характерных черт стиля РВ (ср. также *ṛtásya yóni-* 'лоно *ṛtá-*', *ṛtásya pathi-* 'путь *ṛtá-*', *ádhar duh-* 'доить вымя' и др.).

Использование одного слова для обозначения эквивалентных друг другу предметов и понятий, принадлежащих к разным уровням, способствовало развитию многозначности прежде всего у того круга ведийской лексики, который кодирует ключевые понятия ведийской модели мира (подробнее об этом см. в разделе «Лексика»).

Мифологические сюжеты большей частью не излагались в линейной последовательности. О них упоминалось как о чем-то известном. Мифы РВ, таким образом, даны нам не в динамической, а в статической репрезентации. Иногда миф мог приобретать свернутую форму в виде эпитета или атрибута мифологического персонажа, иногда это только название действия без какой-либо сюжетной мотивировки (например, при обращении к Ашвинам: «Вы сделали старого Чьявану молодым», «Вы вывели сына Тугры из воды», «Вы подарили Педу белого коня» и др.), развернутое же содержание мифа узнается только из более поздней традиции. Бывает, что за данным мифом закрепляется определенная лексика и фразеология, и по ним в случаях сжатого изложения этого мифа, его можно узнать. В неясных мифологических контекстах РВ это служит словесным знаком мифа.

Широко используется звуковой символизм, с помощью которого передается дополнительная информация: в звуковую ткань гимна вплетаются звуковые намеки на имя божества, которому посвящен гимн (например, в гимне богине Речи *Vāg Āmbhṛṇī* [X,125,1]: *aháṃ... bibharmy | ahám indrāgnī* и т. п.), на имя риши, который создал гимн (например, в гимне X,21, автор которого *Vimada*, в каждом стихе повторяется *ví vo máde ... vívakṣase* 'В опьянении (сомой) я хочу вам провозгласить' и т. п.), на тему гимна (например, в «Гимне Единения» (X,191) обыгрывается слово *sám* 'вместе' и т. п.).

Поскольку время мифологического повествования не ориентировано на момент речи, в ведийском языке (прежде всего в РВ и в гораздо меньшей степени в других ведах) используется такой лингвистический архаизм, как инъюктив, система гла-

гольных форм, не различающих грамматического времени и наклонения, в качестве стилистического приема для создания вневременного или всеобщевременного изложения мифологических событий. Наконец, в тексте древних гимнов модальные формы заметно преобладают над временны́ми, при этом следует иметь в виду, что модальные формы не выражают категории времени, и, таким образом, возможности для выражения времени сужаются.

Набор древних мифологических сюжетов очень невелик. В тексте гимнов они неизменно повторяются то с некоторыми вариациями, то в виде одних и тех же застывших штампов. Единая космогоническая основа этого древнего круга мифов, периодическое возобновление космогонического цикла, возможно, моделируются подобной структурой содержания самой древней самхиты.

Семантика текста ведийских самхит определяет ряд особенностей структуры текста, лексики, синтаксиса и даже морфологии.

ЛЕКСИКА

Для ведийской лексики наиболее существенными общими характеристиками являются синонимия и полисемия. Эти два показателя противопоставлены друг другу. Первый из них определяет степень гибкости языка и отражает возможности передачи одного значения разными лексическими единицами. Второй определяет степень диффузности значений одного слова и отражает возможность передачи многих значений одной лексической единицей.

В ведийском языке широко используется принцип номинации, при котором один десигнат обозначается через разные признаки, что приводит к возникновению лексических **синонимов**. Обозначаемые наибольшим числом слов десигнаты являются, как правило, ключевыми понятиями ведийской модели мира, проходящими через все ее три сферы: космос, жертвоприношение и землю (в меньшей степени этот принцип распространяется и на другие пласты лексики).

Наиболее длинные синонимические ряды в ведийском языке характерны для имен. Отдельные члены этих рядов выглядят иногда как символические обозначения десигната — мотивировкой принципа номинации в этих случаях являются мифологические, религиозные, магические и пр. отождествления (прежде всего это относится к РВ). К этому следует добавить еще сложные ряды квазисинонимов (слов, выражающих видовые или родовые различия общего значения). В результате получаются разнородные синонимические ряды, связанные между собой общим десигнатом.

В качестве иллюстрации можно привести синонимы, обозначающие «корову» в РВ: *gó-* f. 'корова' (общее название рода; m. 'бык'); *ághniā-* букв. 'неубиваемая', 'невредимая'; *áditi-* букв. 'неограниченная', 'неисчерпаемая' (=nom.pr. богини, которую может символизировать корова); *usrá-*, *usríyā-* букв. 'красноватая' (ср. глагол *vas-* 'вспыхивать', 'зажигаться'; коровы=розовые утренние облака); *gṛṣṭi-* 'корова, отелившаяся

один раз'; *dákṣiṇā-* 'дойная корова' (='награда за жертву'); *dhénā-*, *dhenú-* 'дойная корова' (ср. глагол *dhay-* 'сосать'); *róhiṇī* 'рыжая корова' (ср. *rohít-* 'красный'); *vaçí-* 'корова не стельная и не отелившаяся', букв. 'хотящая' (ср. глагол *vaç-* 'хотеть'); *vāçrā-* букв. 'мычащая'; *vṛjaní-* букв. 'находящаяся в загоне'; *çyāvā-* 'коричневая'; *starí-* 'яловая или неотелившаяся корова'.

Наибольшим числом синонимов (в порядке убывания) в РВ обозначены следующие понятия.

Около 50 слов выражают понятия:

«хвалебная песнь»/«хвала» — *āṅguṣá-*, *arká-*, *ukthá-*, *ucátha-*, *ṛc-*, *kārá-*, *gātú-*, *gāthá-*, *gā́thā-*, *gāyatrá-*, *gír-*, *gūrtí-*, *carkṛti-*, *chándas-*, *jarā́-*, *triṣṭúbh-*, *náviṣṭi-*, *nāvá-*, *nīthá-*, *panú-*, *panā́-*, *páriṣṭuti-*, *práçasti-*, *prástuti-*, *bhára-*, *mánman-*, *medhā́-*, *vácas-*, *vándana-*, *vandā́ru-*, *vāká-*, *víp-*, *çáṃsa-*, *çásā-*, *çastí-*, *çūṣá-*, *çrávas-*, *çlóka-*, *sā́man-*, *sumatí-*, *sumná-*, *suvṛktí-*, *suçastí-*, *suṣṭuti-*, *sūktá-*, *sūnṛtá-*, *stáva-*, *stavátha-*, *stotrá-*, *stóma-*;

«пламя»/«свет»/«блеск» (Агни, Сурьи и др.) — *arká-*, *arcí-*, *arcis-*, *ṛṣú-*, *aidhā́-*, *ketú-*, *kṣātí-*, *gharmá-*, *ghṛṇá-*, *ghṛṇā́-*, *ghṛ́ṇi-*, *ghraṃsá-*, *cákṣus-*, *jūrṇí-*, *jyótis-*, *tapaní-*, *tápas-*, *div-*/*dyú-*, *pavā́-*, *pā́jas-*, *prakāçá-*, *praketá-*, *bhānú-*, *bhā́ma-*, *bhā́s-*, *bhā́sas-*, *bhramá-*, *bhrā́jas-*, *roká-*, *rocaná-*, *rocís-*, *vakṣí-*, *vayúna-*, *várṇa-*, *vástu-*, *vidyút-*, *viroká-*, *vivásvan-*, *çukrá-*, *çúc-*, *çúci-*, *çóka-*, *çocís-*, *çrí-*, *suurmí-*, *súar-*/*sū́r-*, *háras-*.

Более 30 слов выражают понятие:

«жертвоприношение»/«жертвенное возлияние»/«жертва» — *adhvará-*, *āsíc-*, *āhávana-*, *āhuti-*, *íḍ-*, *íḍā-*, *iṣṭi-*, *iṣṭidh-*, *upasécana-*, *óha-*, *gáviṣṭi-*, *kárman-*, *niṣṣídh-*, *prábhṛti-*, *prabhṛthá-*, *prasavá-*, *práhuti-*, *prahoṣá-*, *balí-*, *yájus-*, *yajñá-*, *rātí-*, *rā́dhas-*, *vayúna-*, *vā́ja-*, *çaktí-*, *çámī-*, *sanitra-*, *suadhvará-*, *hávana-*, *havís-*, *havyá-*, *hotrá-*, *hótrā-*.

Около 30 слов выражают понятия:

«борьба»/«состязание»/«битва» — *āhavá-*, *gáviṣṭi-*, *tárus-*, *dhána-*, *pṛt-*, *pṛ́tanā-*, *prátūrti-*, *pradhána-*, *bhára-*, *mīḍhá-*, *yúdh-*, *yuddhá-*, *ráṇa-*, *vā́ja-*, *vikhādá-*, *vidátha-*, *vivāc-*, *vṛtrá-*, *çiçnátha-*, *sáṅkā-*, *saṃgá-*, *saṃgamá-*, *samád-*, *samádana-*, *samanīká-*, *samithá-*, *samīká-*, *sámṛti-*, *samohá-*, *spṛdh-*, *hávana-*;

«место для жилья» — *adhiṣṭhā́na-*, *ásta-*, *ástatāti-*, *ókas-*, *okía-*, *kṣáya-*, *kṣā́-*, *kṣíti-*, *kṣéma-*, *gáya-*, *dhā́man-*, *dhāsí-*, *nivéçana-*, *padá-*, *pastíā-*, *yóni-*, *vás-*, *vástu-*, *vṛjána-*, *çayā́-*, *çárman-*, *saṃváraṇa-*, *sádana-*, *sádas-*, *sádman-*, *sā́dana-*, *sthā́na-*, *svadhā́-*, *harmyá-*.

Около 25 слов выражают понятия:

«мудрый»/«прозорливый»/«вдохновенный»/«мудрец» (названия поэтов — слагателей гимнов) — *ámūra-*, *kaví-*, *gṛ́tsa-*, *cikít-*, *cikitván-*, *citti-*, *dákṣa-*, *dhítra-*, *prácetas-*, *matútha-*, *manasá-*,

mánasvat-, *māyín-*, *múni-*, *médhira-*, *médhya-*, *vicakṣaṇá-*, *vícetas-*, *vidvā́n-*, *víp-*, *vípra-*, *vipaççít-*, *sácetas-*, *sumánman-*, *sumédha-*, *sumédhas-*, *súvidvas-*;

«сила»/«мощь» — *ójas-*, *tavás-*, *tavasyá-*, *taviṣá-*, *táviṣī-*, *prábhūti-*, *prāsáh-*, *barháṇā-*, *bála-*, *bárhata-*, *mahán-*, *váyas-*, *vā́ja-*, *vṛjána-*, *çaktí-*, *çákman-*, *çácī-*, *çárdhas-*, *çávas-*, *çā́ka-*, *cā́kman-*, *çúṣma-*, *çūṣá-*, *çvātrá-*, *sáhas-*;

«милый»/«приятный» — *kā́mya-*, *cā́ru-*, *priyá-*, *preṇí-*, *préyas-*, *mádhu-*, *mandrá-*, *vánanvat-*, *vápuṣa-*, *vápus-*, *váreṇya-*, *valgú-*, *vāmá-*, *vāvā́ta-*, *çundhyú-*, *çubhrá-*, *çubhrí-*, *çivá-*, *çéva-*, *supéças-*, *subhága-*, *subhū́-*, *svādú-*, *sūnarā́-*, *sūnṛ́ta-*.

Около 20 слов выражают понятия:

«пища»/«питание»/«подкрепление» — *átra-*, *ádana-*, *ádman-*, *ánna-*, *ávas-*, *avasá-*, *ābhogáya-*, *ābhogí-*, *ghāsí-*, *dhāsí-*, *pitú-*, *pṛ́kṣ-*, *prāçavía-*, *psúr-*, *bhójana-*, *médana-*, *médha-*, *váyas-*, *vayā́-*, *várdhana-*, *vā́ja-*, *sasá-*;

«человек»/«мужчина»/«муж» — *āyú-*, *carṣaṇí-*, *jána-*, *nár-*, *nárya-*, *púṃs-*, *púruṣa-*, *pūrú-*, *pū́ruṣa-*, *manú-*, *mánuṣa-*, *manuṣía-*, *mánus-*, *márta-*, *mártya-*, *mānavá-*, *mā́nuṣa-*, *víç-*, *vīrá-*;

«ночь» — *aktā́-*, *aktú-*, *ásiknī-*, *kṛṣṇā́-*, *kṛṣṇí-*, *kṣáp-*, *kṣapā́-*, *támisrā-*, *nákta-*, *naktán-*, *nákti-*, *náç-*, *mókī-*, *rā́trī-*, *rāmá-*, *rāmí-*, *çárvarī-*, *çiriṇā-*, *çyāvā́-*, *himyā́-*;

«дар»/«подарок»/«награда» — *dákṣiṇā-*, *dattá-*, *dāná-*, *dúvas-*, *pūrtá-*, *pūrtí-*, *balí-*, *maṃhánā-*, *maghá-*, *rātá-*, *rātí-*, *rādha-*, *rā́dhas-*, *çaktí-*, *saní-*, *sanitra-*, *sātí-*, *sumná-*, *sūnṛ́ta-*;

«богатство»/«имущество» — *dhána-*, *póṣa-*, *raí-*, *rátna-*, *rayí-*, *rékṇas-*, *revát-*, *raivatyá-*, *vasavía-*, *vásu-*, *vā́ja-*, *vā́ra-*, *vā́rya-*, *vedátā-*, *védana-*, *védas-*, *çrí-*, *sā́man-*, *sina-*;

«враг» — *amítra-*, *árāti-*, *arí-*, *āmúr-*, *āmúri-*, *dásyu-*, *dāsá-*, *drúh-*, *dviṣ-*, *dvéṣas-*, *nigút-*, *ripú-*, *vanú-*, *vanús-*, *vṛt-*, *çátru-*, *çimyu-*, *spṛdh-*, *hrút-*;

«поток»/«река» — *aváni-*, *kulyā́-*, *kṣoṇí-*, *ksoṇi-*, *kṣódas-*, *jīri-*, *dhā́ra-*, *dhotí-*, *nadí-*, *visrúh-*, *sarit-*, *síndhu-*, *sirā́-*, *sīrā́-*, *srutí-*, *srū́-*, *srótas-*, *srotyā́-*;

«путь» — *ájma-*, *ájman-*, *ádhvan-*, *áyana-*, *éman-*, *jáṃhas-*, *gātú-*, *cáraṇa-*, *jmán-*, *páth-*/*pathí-*/*pánthan-*, *pā́thas-*, *vártman-*, *vyáthis-*, *vrájana-*, *sugá-*, *supátha-*, *srutí-*;

«радость»/«удовольствие»/«наслаждение» — *ávas-*, *ānandá-*, *ókas-*, *okía-*, *cánas-*, *júṣṭi-*, *jóṣa-*, *práyas-*, *bhúj-*, *bhóga-*, *máyas-*, *múd-*, *móda-*, *ráṇa-*, *rán-*, *suráṇa-*, *sūnṛ́ta-*, *hárṣi-*, *hása-*;

«желание» — *abhimāna-*, *ávas-*, *āçás-*, *āçís-*, *iṣṭá-*, *iṣṭí-*, *kā́ma-*, *kéta-*, *vára-*, *váça-*, *vená-*, *venā́-* (ср. также ряд квазисинонимов — *gavyā́-* 'желание иметь коров', *jigīṣā́* 'желание завоевать', *rathayā́-* 'желание иметь колесницы', *varivasyā́-* 'желание свободы', *vasūyā́-* 'желание благ', *vīrayā́-* 'желание иметь героев', *çravasyā́-* 'желание славы' (морфологически — абстрактные существительные от отыменных глаголов);

1
Государственная библиотека СССР

«потомство»/«дети» — *ápatya-*, *jániman-*, *jantú-*, *já-*, *jātá-*, *tán-*, *tána-*, *tánaya-*, *tánas-*, *tánā-*, *túc-*, *túj-*, *toká-*, *tyajás-*, *naptár-*, *prajā́-*, *bhrūṇá-*, *çéṣas-*;

«быстрый»/«стремительный» — *árvat-*, *āçú-*, *kṣiprá-*, *jū́-*, *tákavāna-*, *táku-*, *takvá-*, *turá-*, *turáṇa-*, *tárṇi-*, *tveṣá-*, *dravát-*, *prátūrti-*, *vājin-*, *saraṇyú-*, *sasrí-*, *syandrá-*.

Около 15 слов выражают понятия:

«конь» — *átya-*, *árvat-*, *áçva-*, *āçú-*, *étaça-*, *éva-*, *bradhná-*, *váhni-*, *vā́ja-*, *vājin-*, *vṛ́ṣan-*, *çóṇa-*, *çyāvá-*, *sápti-*, *hári-*, *harít-*;

«призыв богов»/«обращение» — *úpamāti-*, *upavāká-*, *úpastut-*, *úpastuti-*, *klóça-*, *vákman-*, *vihavá-*, *çā́sus-*, *çlóka-*, *suhā́va-*, *hā́va-*, *hávana-*, *hávya-*, *hótrā-*;

«счастье»/«благо»/«милость богов» — *omā́n-*, *bhága-*, *bhadrá-*, *bhandánā-*, *yós-*, *vā́syas-*, *çám-*, *çivá-*, *subhagatvá-*, *sumatí-*, *sumná-*, *súar-/sūr-*, *sūnṛ́ta-*, *svastí-*;

«красный»/«красноватый» — *aruṇá-*, *aruṣá-*, *usrá-*, *ṛjrá-*, *pāvaká-*, *babhrú-*, *bradhná-*, *rohit-*, *róhita-/lóhita-*, *çóṇa-*, *çyetá-*, *hári-*, *harit-*.

Не менее 10 слов выражают понятия:

«земля» — *urvī́-*, *kṣám-*, *kṣā́-*, *kṣā́man-*, *kṣmā́-*, *gó-*, *gmā́-*, *jmā́-*, *dharúṇa-*, *bhū́man-*, *bhū́mi-*, *mahī́-*;

«вода» — *áp-*, *ámbhas-*, *úd-*, *udaká-*, *udán-*, *nábhas-*, *vána-*, *vā́r-*, *viṣá-*, *sáras-*, *salilá-*, *sindhu-*;

«солнце» — *arká-*, *ādityá-*, *étaça-*, *cákṣas-*, *pataṃgá-*, *bradhná-*, *savitár-*, *súar-/sūr-*, *sū́ra-*, *sū́rya-*, *hári-*;

«стрела» — *asaná-*, *iṣu-*, *godhā́-*, *bāṇá-*, *bundá-*, *vāṇá-*, *çaravyā́-*, *çáru-*, *çárya-*, *çalyá-*, *sā́yaka-*;

«яма»/«нора»/«пещера» — *ākhará-*, *kartá-*, *kāṭá-*, *kū́pa-*, *kévaṭa-*, *bila-*, *rándhra-*, *valá-*, *vavrá-*, *vivará-*, *çvábhra-*.

«бык» — *ághnia-*, *anaḍváh-*, *ukṣán-*, *uṣṭár-*, *usrá-*, *gavayá-*, *gó-*, *nadá-*, *váṃsaga-*, *vṛ́ṣan-*, *vṛṣabhá-*;

«старый»/«дряхлый» — *āçiná-*, *jaraṇá-*, *járant-*, *jívri-*, *palitá-*, *máh-*, *vṛddhá-*, *sána-*, *sanaká-*, *sanáj-*, *sanáya-*;

«сома» — *aṃçú-*, *amṛ́ta-*, *indu-*, *pávamāna-*, *vanaspáti-*, *vṛ́ṣan-*, *çukrá-*, *sutá-*, *sóma-*, *hári-*.

Около 10 слов выражают понятия:

«замысел»/«намерение» — *ā́kūti-*, *ādiç-*, *ādhī́-*, *cetú-*, *dákṣa-*, *dhī́-*, *matí-*, *mánman-*, *saṃkalpá-*;

«птица» — *tákvan-*, *pakṣín-*, *pataṃgá-*, *patatrín-*, *parṇín-*, *váyas-*, *vāyasá-*, *ví-*, *suparṇá-*;

«камень»/«скала»/«гора» — *ádri-*, *áçan-*, *áçna-*, *áçman-*, *girí-*, *grā́van-*, *párvata-*, *pāsia-*;

«рука» — *karā́-*, *gábhasti-*, *dákṣiṇa-*, *dós-*, *bāháva-*, *bāhú-*, *bharítra-*, *hásta-*;

«гром» — *açáni-*, *tanyatú-*, *ráva-*, *vájra-*, *sṛká-*, *stanátha-*, *svaná-*;

«пчела» — *āraṅgará-*, *ṛdūpá-*, *mákṣ-*, *mákṣā-*, *mákṣikā-*, *saráṭ-*, *sāraghá-*.

Здесь были перечислены только те ведийские имена, которые имеют наиболее длинные ряды синонимов (от пяти и более — практически до 50-ти). Имена с небольшим числом синонимов (от двух до пяти) гораздо более многочисленны, и перечень их был бы громоздким.

В целом можно сказать, что явление синонимии характеризует все семантические разряды ведийских имен. Проще перечислить те разряды, в которых хотя бы в части лексики более или менее регулярно одному десигнату соответствует одно название, т. е. речь идет о существовании специальных ведийских терминологий. Из них наиболее обширна и разработана ритуальная терминология. Она включает названия многочисленных разрядов жрецов и их обязанностей, например: *puróhita-* 'домашний жрец царя' — *puróhiti-* 'обязанности домашнего жреца царя', *hótar-* 'главный жрец' — *hotrá-* 'обязанности главного жреца' и др.; названия предметов ритуала: *védi-* 'алтарь', *yū́pa-* 'жертвенный столб', *barhís-* 'жертвенная солома', *grā́van-* 'давильный камень', *idhmá-* 'дрова для костра', *paridhí-* 'поленья, которыми обкладывается жертвенный костер', *aráṇi-* 'нижний кусок дерева для добывания огня трением', *pramántha-* 'верхний кусок дерева для добывания огня трением' и др.; названия ритуальной утвари: *gharmá-* 'котелок с горячим молоком', *camū́* 'чаша для сомы', *juhū́-* 'жертвенная ложка', *pavítra-* 'цедилка' и др.; названия ритуальных блюд: *odaná-* 'молочная рисовая каша', *karambhá-* 'ячменная каша', *piṇḍa-* 'клецка' (для поминания умерших), *puroḍā́ç* 'жертвенная лепешка' и др. Ритуальная терминология охватывает также названия многочисленных обрядов и жертвоприношений[1], например: *nāmadhéya-* 'нарекание именем', *sávana-* 'выжимание сомы', *haviṣkṛti-* 'приготовление жертвенного напитка', *agniṣṭomá-* — nom.pr. одного из основных обрядов жертвенных возлияний, *atirātrá-* — nom.pr. одного из основных жертвоприношений сомы, и др.

К ритуальной терминологии тесно примыкает терминология, описывающая различные жанры словесности, например: *ṛc-* 'гимн', *yájus-* 'жертвенная формула', *sā́man-* 'напев' и названия поэтических размеров, например: *anuṣṭúbh-*, *gāyatrī́-*, *triṣṭúbh-*, *jagatī́-* и др.

Довольно обширна в РВ терминология, описывающая коней, упряжки, колесницы. Иллюстрацией могут служить термины, связанные с колесницей: *ákṣa-* 'ось колеса', *ádhiratha-* 'груз на колеснице', *arā́-* 'спица колеса', *āṇi-* 'чека', *upadhí-* 'часть колеса между осью и ободом', *upabárhaṇa-(-ī-)* 'подушка', 'ва-

[1] В полной мере эта терминология разработана в более поздний период, в литературе сутр.

лик', *gárta-* 'высокое сиденье на колеснице', *cakrá-*(*-ī-*) 'колесо', *nábhya-* 'ступица', *pavi-* 'обод колеса', *pradhi-* 'косяк', *rátha-* 'колесница'.

Анатомическая терминология — названия частей тела и внутренних органов человека и животного — наиболее полно представлена в АВ (в заговорах против болезней, как например, заговор, против якшмы [II,33] с подробным списком мест, из которых изгоняется болезнь) и в ЯВ (в списках соответствий частей и органов тела и различных с ними связанных божеств [ТС, I,4,36], или в перечне частей тела жертвенного коня [ТС, VII,3,16—20]). В АВ (и в меньшей степени в других ведах) существует достаточно специальная медицинская терминология.

Значительной степенью терминологичности характеризуются в ведах названия родства и свойства, зоологические названия, как, например, перечень разновидностей змей в АВ (V,13 и X,4), названия небесных тел и созвездий в ТС (IV,4,10).

Следует, однако, отметить, что даже те фрагменты ведийской лексики, которые в основном терминологически упорядочены, не закрыты целиком для применения принципа наименования десигната по разным признакам. Тенденция такова, что более общее, родовое понятие может иметь ряд синонимичных названий, а частные, видовые названия являются терминами. Например, родовое понятие «змея» выражено словами: *áhi-*, *ābhogá-* 'согнутая'; *sarpá* 'ползучая'; *hvārá-* 'извивающаяся', и др., а видовые названия выражены каждое одним словом: *pṛ́dāku-* 'гадюка', *ajagará-* 'удав'; то же относится к неотождествленным названиям видов змей в АВ: *kairāta-*, *taimātá-*, *āligī-*, *viligī-* и др.

Широко развитую синонимию ведийского глагола удобнее всего описывать в виде рядов квазисинонимов, которые объединяются друг с другом на основе семантического сходства (наличие хотя бы одного общего семантического компонента) в семантические поля. Семантические поля взаимно пересекаются, и члены крайних рядов квазисинонимов могут уже довольно далеко отстоять друг от друга.

Особенно богаты и разнообразны семантические поля глаголов перемещения и разных видов движения[2].

Группа глаголов выражает значение целенаправленного движения: *arṣ-* 'устремляться', 'струиться'; *i-* 'идти', 'ехать', *eṣ-* 'скользить', 'сползать'; *kṣar-* 'течь'; *gam-* 'идти', 'приходить'; *gā-* id.; *tar-* 'пересекать', 'перебираться'; *tsar-* 'ползти', 'красться'; *dru-* 'бежать'; *pat-* 'лететь', 'опускаться'; *pad-* 'падать'; *pru-/plu-* 'плыть'; *bhraṃç-* 'падать', 'выпадать'; *yā-*

[2] Глаголы движения описывают все три семантические сферы ведийской модели мира: молитва и жертва адепта движутся вверх к богам, дары богов (в том числе и дождь) устремляются вниз к адептам, движутся в космосе божества (Сурья, Савитар, Сома, Индра, Маруты, Ашвины и др.), мчатся кони, запряженные в колесницы, струятся воды и т. п.

'ехать', 'идти', 'удаляться'; *vij-* 'подниматься', 'шарахаться'; *viç-* 'опускаться', 'входить'; *sṛp-* 'ползти'; *sraṃs-* 'отпадать'; *sru-* 'течь'.

С этой группой глаголов пересекаются в разных точках другие группы, выражающие разные виды движения. Это глаголы моторно-кратного движения, например: *at-* 'бродить', 'ходить'; *kram-* 'шагать', 'ступать'; *krīḍ-* 'скакать', 'плясать'; *car-* 'двигаться', 'бродить'; *jri-* 'ходить', 'шагать'; *dī-* 'летать'; *nṛt-* 'танцевать'; *phaṇ-* 'скакать'; *vṛt-* 'вертеться', 'кататься'; *vraj-* 'ходить', 'странствовать'; *skand-* 'подпрыгивать'. С ними пересекаются глаголы колебательного движения: *ej-* 'двигаться', 'шевелиться'; *kamp-* 'колебаться'; *cyu-* 'шататься'; *tras-* 'трястись'; *vañc-* 'шататься', 'вертеться'; *vip-* 'вибрировать'.

С глаголами целенаправленного движения пересекаются также (или входят в них в качестве подкласса) глаголы, обозначающие быстрое движение: *ajirāy-* 'спешить'; *ar-/ṛ-* 'взвиваться', 'устремляться', 'кидаться'; *īṣ-* 'убегать'; *ṛñj-* 'бросаться вперед'; *gṛdh-* 'жадно кидаться'; *jinv-* 'торопиться'; *jū-* 'спешить', 'гнаться'; *tak-* 'спешить', 'бросаться'; *turaṇy-* 'спешить', 'быстро продвигаться вперед'; *dru-* 'спешить'; *dhanv-* id.; *dhav-* 'струиться', *dhan-* 'быстро двигаться', 'бежать'; *dhanv-* id.; *dhav-* 'струиться', 'бежать'; *dhāv-* id.; *raṃh-* 'бежать', 'спешить', 'бросаться'; *raghuy-* 'спешить'; *saraṇy-* — id.; *sar-* 'струиться', 'спешить'; *hā-* 'выскакивать', 'вырываться'.

С глаголами, обозначающими разные виды движения, пересекается группа глаголов, выражающих каузацию движения (иногда эти два значения объединены в одном глагольном корне); например: *aj-* 'гнать'; *ar-/ṛ-* 'приводить в быстрое движение'; *as-* 'кидать', 'бросать'; *iṅg-* 'колебать', 'махать'; *inv-* 'выпускать', 'гнать'; *iṣ-* 'посылать'; *iṣaṇay-* 'торопить'; *iṣaṇy-* — id.; *iṅkh-* 'качать'; *īj-* 'шевелить', 'гнать'; *īr-* 'двигать'; *ūh-* 'двигать', 'толкать'; *kṣip-* 'метать', 'бросать'; *jū-* 'торопить'; *nī-* 'вести'; *par-* 'перевозить'; *bādh-* 'гнать', 'угнетать'; *yakṣ-* 'преследовать', *ri-/rī-* 'выпускать'; *vah-* 'везти', 'увозить'; *vyath-* 'сотрясать'; *sṛj-* 'выливать'; *siñc-* 'лить', 'поливать'; *hi-* 'прогонять', 'посылать'.

Наконец, семантически близки к глаголам целенаправленного движения глаголы, имеющие значение «достигать (цели)». Это синонимический ряд: *aç-/aṃç-*, *āp-*, *dagh-*, *nakṣ-*, *naç-*, *naçāy-*, *rādh-*, *sādh-*, *sidh-*.

Синонимический ряд образуют глаголы со значением «сиять»/«сверкать»/«светить»: *arc-/ṛc-*, *kāç-*, *kṛpay-*, *bhand-*, *bhā-*, *bhās-*, *bhrāj-*, *myakṣ-*, *rāj-*, *ruc-*, *rucay-*, *vas-/uṣ-*, *çuc-*, *çumbh-*, *cubhāy-*, *çcand-*, *çvit-*. Среди них *myakṣ-* 'мерцать' и *vas-/uṣ-* 'вспыхивать' являются квазисинонимами, а остальные глаголы довольно близки друг другу по значению.

Ряд квазисинонимов образуют глаголы зрительного восприятия: *īkṣ-* 'смотреть', 'видеть'; *khyā-* (с разными префиксами)

'смотреть', 'рассматривать', 'осматривать', 'узнавать' и др.; *cakṣ-* 'видеть', 'смотреть', 'разглядывать'; 2. *ci-* 'разглядеть', 'заметить'; *dṛç-*, *spaç-/paç-* (образующие супплетивную парадигму) 'смотреть', 'видеть', 'разглядеть', 'понять'; *dhī-* 'видеть внутренним взором', 'представлять себе', 'думать', 'молиться'. Интересно при этом, что глагол слухового восприятия в ведийском языке один — *çru-* 'слышать'.

Ядро семантического поля глаголов говорения составляет небольшой ряд точных синонимов — глаголов со значением «сказать», «говорить»: *ah-*, *brū-*, *bhan-*, *vac-*, *vad-*. Некоторые из них отличаются оттенками значения, другие — синтаксическими свойствами. К ним примыкает синонимический ряд глаголов со значением «петь», «воспевать», «восхвалять»: *arc-/ṛc-* 'воспевать'; *ār-* 'восхвалять'; *gā-* 'петь', 'воспевать'; *gir-* 'воспевать', 'прославлять'; *gu-* 'провозглашать', 'прославлять'; *gur-* 'прославлять'; *gūrdhay-* id.; *jar-* 'воспевать'; *rap-/lap-* 'говорить', 'хвалить', 'громко кричать'; *vand-* 'хвалить', 'почитать'; *çaṃs-* 'торжественно произносить', 'восхвалять'. В свою очередь эти глаголы соприкасаются с рядом квазисинонимов, имеющих общее значение «громко говорить»: *u-* 'звать'; *kruç-* 'кричать'; *ghuṣ-* 'громко говорить', 'громко звучать'; *ruvaṇy-* 'громко кричать'; *huvany-* 'звать'; *hū-* 'звать', 'призывать'. В это же семантическое поле входит ряд квазисинонимов, выражающих разные виды человеческой речи: *nind-* 'ругать'; *prach* 'спрашивать'; *mantray-* 'произносить заклинание'; *çap-* 'проклинать', а также глаголы *rud-* 'плакать', 'рыдать' и *has-* 'смеяться'.

К семантическому полю глаголов говорения примыкает семантическое поле, в котором объединены глаголы, обозначающие звуки, не принадлежащие человеческой речи: *krand-* 'ржать', 'шуметь'; *jeh-* 'пыхтеть', 'зевать'; *nad-* 'реветь', 'шуметь'; *pruth-* 'сопеть', 'пыхтеть'; *mā-* 'реветь', 'блеять'; *vāç-* 'реветь', 'рычать'; *çiñj-* 'свистеть', 'пыхтеть'; *çvas-* 'пыхтеть', 'шипеть'; *stan-* 'шуметь', 'греметь'; *sphūrj-* 'грохотать', 'греметь'; *svan-* 'шуметь', 'звучать'; *svar-* 'звучать'; *heṣ-* 'ржать'.

Весьма обширный ряд квазисинонимов составляют глаголы, объединяемые общим значением «есть», «кушать»: *ad-* 'есть', 'кушать'; *aç-* 'есть', 'вкушать' (чаще жидкую пищу); *khād-* 'разгрызать', 'пожирать'; 2. *gir-* 'проглатывать'; *gras-* 'съедать', 'сжирать'; *ghas-* 'есть', 'пожирать', 'проглатывать'; *jakṣ-* 'есть'; *pā-* 'пить'; *bhaj-* 'принимать пищу', 'вкушать'; *bhuj-* 'вкушать', 'наслаждаться едой'; *bharv-* 'жевать', 'пожирать'; *bhas-* 'жевать', 'разжевывать'.

Отдельные глаголы этого ряда соприкасаются с глаголами, объединяемыми общим значением «повреждать физическим воздействием» и концентрирующимися вокруг глаголов *han-* 'бить', 'убивать' и *vadh-* 'убивать', 'повреждать': *ṛch-* 'ранить'; *ṛṣ-* 'колоть'; 1. *kṛt-* 'резать'; *kṣan-* 'ранить'; *kṣad-* 'забивать', 'вырезать'; *tad-* 'раскалывать'; *tṛh-* 'разбивать', 'дробить'; *piç-* 'разрезать', *piṣ-* 'растоптать', 'разбить'; *bhañj-* 'ломать'; *mur-/mar-* 'раздробить', 'поранить'; *mṛṇ-* 'разбить', 'расплющить'; *mṛd-* 'разбить', 'искрошить'; *vyadh-/vidh-* 'пронзить'; *ruj-* 'проломить'; *vraçc-* 'расщепить'; *çar-/çir-* 'разбивать', 'ранить'; *ças-* 'разрезать'; *çūr-* 'размозжить', 'убить'; *çnath-* 'пробуравить'; *hiṃs-* 'поранить', 'повредить' [3].

Помимо обычной лексической синонимии для РВ как культового памятника характерен особый тип синонимии, которую можно назвать *символической* или *мифологической*. Суть ее заключается в том, что в определенных мифологических контекстах в этом памятнике слово может функционировать как символ другого слова, и таким образом слова, не являющиеся синонимами по своему лексическому значению, начинают функционировать в качестве таковых, получая новое семантическое толкование. Например, синонимами, обозначающими грозовую тучу, могут быть кроме *abhrá-* 'грозовая туча' и *nábhas-* id. также *ádri-* 'скала', *gó-* 'корова', *ádhar-* 'вымя'. Синонимами слова *vṛṣṭi-* 'дождь' могут быть *ghṛtá-* 'жир', *páyas-* 'молоко', *mádhu-* 'мед', *sóma-* 'сома' и т. п.

Особенно богата символическая синонимика глаголов РВ, обозначающих различные космогонические акты, как это отмечалось исследователями. Например, значение «быть посредником (создавая пространство)» могут выражать глаголы: *i-* 'идти', 'ехать'; *kar-* 'делать'; *kram-* 'шагать'; *pat-* 'летать'; *prath-* 'расширяться'; *mā-* 'мерить'; *sṛj-* 'выливать' и др. В космогонических контекстах все эти глаголы таким образом выступают как синонимы.

Наглядной иллюстрацией символического ряда квазисинонимов являются глаголы со значением «давать». Помимо лексических синонимов *dā-* 'давать'; *rā-* 'дарить', 'давать'; *dhā-* 'устанавливать', 'давать' в этом значении могут употребляться глаголы, лексическое значение которых указывает на способ давания: *dī-* 'светить', *duh-* 'доить'; *vṛṣ-* 'идти дождю'; *stan-* 'греметь' и пр.

В таком памятнике, как РВ, часто невозможно бывает провести твердую грань между обычной лексической синонимией и синонимией символической (как, например, синонимы для обозначения сомы). Жанровая обусловленность синонимии иногда существенно затрудняет размежевание синонимии и полисемии.

Полисемия, или многозначность, слова является другой очень важной характеристикой ведийской лексики, свойственной

[3] На игре глаголами этого семантического поля построены два заговора против врагов в AB (XIX, 28—29), где в параллельных синтаксических конструкциях они употребляются один за другим: «расколи, амулет, соперников моих!», «расщепи...», «разруби...», «зарежь...» и т. д.

весьма значительной части имен существительных, прилагательных и глаголов (в гораздо меньшей степени — другим классам слов). Многозначность ведийского слова в предельных случаях может доходить до антонимии, т. е. наличия прямо противоположных значений у одного слова. Многозначность части лексики является основой, на которой покоится суггестивный стиль и многоплановая структура такого культового иератического текста, как РВ.

Понятие многозначности исходит, как известно, из представления о дискретности лексических значений. Сколько-нибудь строгой меры для установления степени дискретности значений слов мертвого языка древних текстов, видимо, быть не может. (Эта мера не всегда ясна при описании значений слов живых языков и еще более проблематична в отношении мертвых.)

В связи с тем, что модель мира ведийца была совсем иной, чем у современного человека, нетрудно предположить, во-первых, возможность иного типа синкретизма значений слова, чем тот, который зафиксирован в современных словарях санскрита, и, во-вторых, наличие одного, с точки зрения ведийца, значения в разных контекстах там, где современный исследователь усматривает разные значения. Нет, например, строгих доказательств того, что правильным и адекватным ведийскому пониманию слова *krátu-* является различение в нем значений 1) 'способность', 'умение'; 2) 'рассуждение', 'соображение', 'понимание'; 3) 'озарение', 'воодушевление'; 4) 'стремление'; 'желание'; 5) 'жертвоприношение', а не признание одного синкретного значения, денотат которого включает способность человека, реализующуюся и в умении правильно понять, и в умении принять решение, и в умении принести жертву. Таким образом, описание полисемии ведийской лексики во многих случаях невольно может оказаться неадекватным ведийскому восприятию значений слов.

Ведийская полисемия различна по своей природе. Она может быть вызвана чисто грамматическими причинами, может возникнуть в результате развития основного лексического значения и может быть следствием жанрово-стилистических особенностей памятника, в котором часть слов кроме обычных значений в определенных контекстах приобретает новое символическое значение.

Грамматическая полисемия частично пересекается с грамматической омонимией. Это одна из пограничных зон, которую с равным основанием можно описывать с двух разных точек зрения. Речь идет о том явлении, когда с одним и тем же фонетическим словом связываются разные лексико-грамматические значения, т. е. одно фонетическое слово трактуется как принадлежащее более чем к одному (реально к двум, максимум — к четырем) лексико-грамматическим классам.

Исходные фонетические слова морфологически бывают разной структуры. Во-первых, это может быть корень слова, равный основе (корневая основа), который грамматически трактуется как глагол или как имя (существительное или прилагательное). Дифференциация «имя — глагол» осуществляется с помощью флексии (одна для именной парадигмы, другая — для глагольной).

Теоретически любой глагольный корень в ведийском языке может иметь также именное значение. Практически же это именное значение реализовано лишь у некоторой части глагольных корней. В словарях данный тип трактуется как омонимы, например: *īḍ-* 'молить', 'призывать', 'восхвалять', 'почитать' и *īḍ-* f. 'хвала', 'почитание'; *uṣ-*(/*vas-*) 'зажигаться', 'вспыхивать' и *uṣ-* f. 'утренняя заря'; *ṛc-*(/*arc-*) 'сиять', 'воспевать' и *ṛc-* f. 'гимн', 'сияние'; *dā-* 'давать' и *dā-* m. 'даятель', 'дар'; *dhī* 'смотреть', 'замечать', 'молить' и *dhī-* f. 'мысль', 'намерение', 'молитва' и пр.; *bhū-* 'быть', 'становиться' и *bhū-* adj. 'сущий', 'становящийся' (с наречиями и приставками: *punar-bhū-* 'возникающий вновь', *vi-bhū-* 'выдающийся' и др.), а также *bhū-* f. 'мир', 'пространство', 'место'; *vid-* 'знать' и *vid-* adj. 'знающий', 'знаток' (в сложных словах: *viçva-vid-* 'всезнающий', *kṣetra-vid-* 'знающий местность' и др.), а также *vid-* f. 'знание' и т. п.

Так как корневые имена в послеведийский период постепенно выходят из употребления, этот тип полисемии (или омонимии) специфичен именно для ведийского языка.

Во-вторых, исходные фонетические слова могут быть морфологически производимыми от корня основами, имеющими различные основообразующие элементы или суффиксы. С одним и тем же формальным элементом такого рода могут быть связаны значения разных лексико-грамматических классов: существительного и прилагательного[4]. В словарях этот тип трактуется в отличие от предыдущего как разные значения одного слова[5], например: adj. *ṛtá-* 'подходящий', 'соответствующий', 'священный', 'благочестивый' и nom.m. 'космический порядок', 'закон', 'вечная истина', 'право', 'справедливость', 'жертвоприношение'; *jātá-* part. 'рожденный', nom.m. 'сын', 'живое существо', n. 'род', 'племя', 'происхождение'; *pṛthú-* adj. 'широкий', 'просторный', 'далеко простирающийся', adv. (nom.n. *pṛthú-*) 'широко', nom.f. (*pṛthvī́-*) 'земля'; *bṛhát-* adj. 'большой', 'обильный', 'сильный', 'высокий', 'густой', nom.m. 'большой, взрослый человек', n. 'высота', f. (*bṛhatī́-*) название стихотворного размера, adv. (nom.n. *bṛhát-*) 'далеко', 'сильно', 'громко', 'высоко'; *svá-* adj.pron. 'свой', 'собственный', pron.reflex. 'себя', nom.m.n. 'собственное «я»', m.f.pl. 'свои', 'родственники', 'близкие', n. 'свое', 'имущество'.

[4] Как видно из приведенных выше примеров, эти же значения могут сосуществовать и у корневых основ.

[5] Здесь рассматриваются только те случаи, когда ударение не принимает участия в дифференциации значений.

В описанных типах полисемия не только пересекается с омонимией, но также непосредственно связана со словообразованием. Полисемия может выражаться также средствами формообразования, что характерно для ведийского глагола.

У некоторой части ведийских глаголов разные структурные типы основ передают разные грамматические значения (переходность/каузативность/фактитивность — непереходность/пассивность и др.). Противопоставление основ обычно (но не всегда) сопровождается противопоставлением флексии (активной — медиальной). Таковы глаголы: *kṣi* 'уничтожать', 'исчезать' (*kṣiṇáti—kṣíyate*); *jan-* 'порождать', 'рождаться' (*janáti — jáyate*); *ji-* 'побеждать', 'быть побежденным', (*jināti — jīyate*); *pū-* 'очищать', 'очищаться' (*punāti — pávate*) и др.

Более обширная группа глаголов имеет то же самое соотношение значений, но ему соответствует противопоставление не основ, а флексий: непереходному или пассивному значению соответствует медиальная флексия, переходному, каузативному или фактитивному значению — активная флексия, хотя последнее проводится менее последовательно. Таковы, например, глаголы: *kar-/kir-* 'прославлять', 'быть прославленным'; *kṣud-* 'сотрясать(ся)'; *duh-* 'доить(ся)'; *nam-* 'склонять(ся)'; *prath-* 'расширять(ся)'; *yat-* 'соединять(ся)'; *rej-* 'сотрясать(ся)'; *vid-* 'находить', 'иметь место'; *svad-* 'охотно вкушать', 'делать вкусным' 'быть вкусным' и др.

Целый ряд глаголов объединяют переходное и непереходное значение вне сколько-нибудь регулярной связи с противопоставлением основ или флексий. Так, глаголы движения, непереходные в своем основном значении, нередко имеют периферийное значение переходного действия (достижение цели движения и др.), например: *i-* 'идти', 'достигать'; *īṣ-* 'убегать', 'покидать'; *ṛñj-* 'бросаться вперед', 'добиваться'; *kram-* 'ступать', 'перешагивать'; *kṣar-* 'течь', 'выливать'; *gam-* 'идти', 'достигать'; *car-* 'странствовать', 'проходить'; *jinv-* 'спешить', 'торопить'; *tuj-* 'мчаться вперед', 'швырять'; *tsar-* 'ползти', 'подползать'; *dhāv-* 'струиться', 'бежать'; 'выливать'; *gā-* 'идти', 'ехать', 'достигать', 'идти за чем-либо', 'просить'; *vraj-* 'шагать', 'идти пешком', 'проходить'.

Наоборот, некоторые переходные глаголы, означающие приведение в движение, могут иметь в качестве периферийного непереходное значение движения, например: *ar-* 'приводить в движение', 'посылать', 'возбуждать', 'устремляться', 'возбуждаться'; *iṣ-* 'посылать', 'спешить'; *īr-* 'приводить в движение', 'содействовать', 'приходить в движение'; *cud-* 'точить', 'подстрекать', 'погонять', 'спешить', 'шевелиться'; *cyu-* 'колебать', 'шевелиться', 'быть деятельным'; *dhanv-* 'гнать бегом', 'бежать'. По семантике и по соотношению значений к ним близки глаголы *dhar-* 'держать', 'держаться'; *bhar-* 'нести', 'уноситься'; *ṛi-* 'направлять', 'распространять', 'держаться' и др.

Переходные глаголы восприятия (особенно зрительного) обозначают одновременно соответствующее непереходное действие, например: *khyā-* (+*vi*) 'смотреть', 'виднеться', 'являться'; *cakṣ-* 'являться', 'видеть', 'смотреть'; *cit-* 'замечать', 'обращать внимание', 'показаться', 'явиться'; *dṛç-* 'видеть', 'воспринимать', 'замечать', 'быть видимым', 'выглядеть', 'казаться'; *dhī-* 'представлять себе', 'видеть мысленным взором', 'думать', 'являться'; *man-* 'думать', 'считать', 'полагать', 'считаться', 'являться'; *çru-* 'слышать', 'слышаться', 'быть известным'.

У глаголов с основным непереходным значением «сиять», «блистать», «пылать» обычно есть также переходное значение, развившееся на основе фактитива исходного значения, например: *arc* 'сиять', 'воспевать' (='делать сияющим'); *tap-* 'пылать', 'сжигать', 'мучить'; *çumbh-* 'блестеть', 'мерцать', 'украшать'; *çrī-* 'сверкать', 'пламенеть', 'варить'; ср. противоположный тип соотношения значений — *indh-* 'воспламенять', 'зажигать', 'пламенеть', 'зажигаться'.

Типы соотношения значений у глаголов этих групп характерны для квазиконверсивов. Есть ряд глаголов, которые объединяют значения, свойственные конверсиву, например: *av-* 'помогать', 'оказывать благодеяние' и др.—'охотно иметь', 'охотно принимать' (с некоторой натяжкой); *kar-* 'делать', 'создавать'—'присваивать' (med.); *dā-* 'давать'—'принимать' (med.); *dhā-* 'класть'—'брать' (med.); *bhaj-* 'раздавать', 'наделять'—'получать', 'иметь долю'; *randh-* 'попадать во власть'—'отдавать во власть' и некоторые другие. Из рассмотренных выше глаголов значениями конверсивов обладают также глаголы восприятия.

Грамматическая полисемия является для глагола наиболее существенной. Различные типы развития собственно лексического значения — *метонимическую* или *метафорическую полисемию* — удобнее всего проиллюстрировать на именах.

Как известно, различаются три основных вида полисемии: *радиальная* (все значения слова мотивированы одним и тем же центральным значением), *цепочечная* (каждое новое значение слова мотивировано другим, ближайшим к нему значением, но крайние значения могут и не иметь общих семантических компонентов) и *радиально-цепочечная* (контаминация первых двух типов).

Радиальная полисемия встречается обычно у имен, означающих конкретные предметы, например: *kha-* 'отверстие в сосуде', '(просверленная) втулка колеса', 'отверстия человеческого тела'; *gárta-* 'трон', 'высокое сиденье на колеснице'; *cakrá-* 'колесо', 'колесо солнца', 'колесо года'; *pavi-* 'обод колеса', 'металлический наконечник копья или стрелы'; *vavrá-* 'пещера', 'глубокая яма', 'колодец' и др.

Граница между радиальной и цепочечной полисемией на

ведийском материале далеко не всегда очевидна в связи с общей неясностью ведийского моделирования мира; например, непонятны соотношения таких значений слова *raçmí-*, как 'шлея', 'повод', 'шнур для измерения' и 'луч солнца'; или характер соотношения значений (одно центральное значение или метафорический перенос?) в словах *sánu-* 'вершина горы', 'поверхность земли', 'спина зверя', 'поверхность цедилки для сомы'; *sic-* 'кайма одежды', du. 'два края горизонта', du. 'два фланга войска' и т. п.

Главным организующим принципом ведийской лексической полисемии является цепочечный принцип. В чистом виде он встречается редко, например: *ántama-* 'ближайший' (в пространственном смысле), 'интимный', 'милый', 'дорогой'; *tápas-* 'жар', 'му́ка', 'аскеза' и некоторые другие. Наиболее часты многозначные слова радиально-цепочечного типа, в иерархии принципов организации значений которых высший уровень принадлежит цепочечному принципу, так именно с его помощью многозначная лексика включается в игру значениями, характерную для текста определенного жанра.

Вот некоторые примеры относительно простых случаев ведийской полисемии этого типа.

Jánman- 'рождение', 'происхождение'; 'место рождения', 'родина'; 'живое существо'; 'родня', 'род', 'племя'; 'природа', 'свойство', 'способ'.

Padá- 'шаг', 'след ноги'; 'место стоянки', 'место жительства', 'место'; 'стопа стихотворения', 'стихотворный размер'.

Párvan- 'сочленение стебля тростника или растения', 'костная трубка', 'сустав'; 'член тела'; 'узловой момент времени', 'отрезок времени'; 'время жертвоприношения'.

Çrí- 'блеск', 'свет'; 'красота'; 'украшение'; 'богатство', 'сокровище', 'драгоценность'; 'счастье', 'благо'; 'прославление'; 'смешивание молока с сомой' (='украшение').

Более сложными являются случаи полисемии у имен, функционирующих одновременно и как существительные и как прилагательные, а иногда отдельные падежные формы могут выступать и в роли наречия, и таким образом грамматическая полисемия сочетается с лексической.

Усложнением семантического плана является возможность существования у многозначного ведийского слова отдельных символических значений. Метафоричность переноса значения слова имеет в ряде случаев столь символический характер, что граница между полисемией и синонимией практически стирается.

Особую семантическую проблему представляют собой ведийские собственные имена, бо́льшая часть которых может функционировать одновременно и как имена нарицательные, например: *agní-* nom.pr. бога и 'огонь', *mitrá-* — nom.pr. бога и 'друг'; *vásu-* — nom.pr. класса богов и 'хороший' или 'добро'

и др. В РВ далеко не во всех контекстах бывает ясно, какое именно значение данного слова: собственное или нарицательное, имеется в виду[6]. В ряде случаев решение этой проблемы оказывается ключом к правильному пониманию текста. Собственные имена богов и людей в большинстве своем также входят в состав полисемии ведийских слов.

В словах с наиболее сложно организованной многозначностью могут сочетаться все эти типы. Вот некоторые примеры.

Áditi- adj. 'безграничный', 'неисчерпаемый'; f. 'безграничность', 'неисчерпаемость'; nom.pr. богини; 'дойная корова', 'молоко'.

Urú- adj. 'далекий', 'просторный'; 'широкий'; 'большой'; 'неограниченный', 'свободный'; n. 'простор'; 'неограниченность', 'свобода'; n.adv. 'далеко', 'широко'; f. (*urví-*) 'земля'; du. 'земля и небо'.

Gó- m. 'бык', f. 'корова'; m. 'крупный рогатый скот'; m.pl. 'созвездия' (='стада быков'); 'лучи' (утренней зари, солнца) (='красноватые коровы'); f.pl. 'утренние зори'; f. 'земля'; 'молоко', 'масло', 'жир'; f.pl. 'грозовые тучи'; m. 'коровья шкура'; 'ремень из коровьей шкуры'.

Nábhi- 'ступица колеса'; 'пуп'; 'центр' (земли, неба, мироздания); 'святыня' (='центр жертвоприношения'); 'тесное родство'; 'родственник'.

Púraṃdhi- adj. 'богатый', 'переполненный', 'богатство', 'благо'; 'полнота жертвенного возлияния'; 'жертвоприношение'; m.nom.pr. божества.

Rathí- adj. 'едущий на колеснице', m. 'колесничий'; 'воин на колеснице'; 'вождь'; adj. 'везущий колесницу', 'принадлежащий колеснице'; 'конь' (запряженный в колесницу) (ср. *rátha-* 'колесница').

Satyá- adj. 'истинный', 'хороший', 'действительный', 'правдивый'; A.adv. 'действительно', 'поистине', 'верно'; 'истина', 'правда', 'справедливость'; nom.pr. разных мифологических персонажей и людей и др.

В предельных случаях полисемия ведийских существительных доходит до антонимии, т. е. одно слово может обладать противоположными значениями, например: *aktú-* 'мазь', 'свет', 'блеск'; 'ночь' (ср. исходный глагольный корень *añj-* 'мазать'); *ánta-* 'край', 'граница'; 'конец'; 'кайма'; 'непосредственная близость'; *arí-* 'верный', m. 'друг'; 'враждебный'; 'враг'; *vanús-* 'жаждущий', 'рьяный', m. 'сторонник'; m. 'противник' (ср. глагол *van-* 'желать, достигать'); *çáṃsa-* 'призыв', 'восхваление'; 'проклятие' (ср. глагол *çaṃs-* 'громко, торжественно произносить') и др.

---

[6] Ср. предлагавшуюся возможность интерпретации собственных имен класса абстрактных богов — Адитьев не как nom. pr., а как нарицательных имен с абстрактным значением.

У ряда ведийских глагольных корней, как было сказано выше, вследствие различных видов грамматической полисемии могут быть противоположные или конверсивные лексические значения.

Возможность сосуществования противоположных лексических значений у некоторой части ведийских имен и глаголов используется в РВ в жанрово-стилистических целях, как неоднократно указывалось исследователями. Выбор того или иного значения у амбивалентной лексики зависит от того, в каком контексте она употребляется. Контексты в РВ могут принадлежать к двум зонам: «благоприятной» и «неблагоприятной». «Благоприятная» зона включает богов и их адептов, «неблагоприятная» — демонов и врагов, поклоняющихся другим богам. Амбивалентные слова в зависимости от того, в какой зоне они употребляются, имеют «благоприятное» или «неблагоприятное» значение. Так, *arí-* значит 'друг' в «благоприятной» зоне и 'враг' в «неблагоприятной», *māyá-* 'чудесная сила богов' и 'колдовские чары демонов', *randh-* 'подчиняться богу или его адептам', 'подчинять демонов и врагов' и т. д. Таким образом, уровень текста занимает более высокое положение в иерархии по сравнению с лексическим уровнем.

Следующий шаг, необходимый для описания функционирования лексики в тексте определенного жанра, состоит в разделении «благоприятной» зоны на две сферы: бога и адепта. Часть слов, принадлежащих к «благоприятной» сфере (главным образом, имена существительные и прилагательные), имеют противоположную направленность или обращенность одного и того же лексического значения, в зависимости от того, выражают ли они понятие, связанное с богом или с его адептом. Вот ряд примеров: *ádabdha-* 'невредимый', 'не допускающий обмана' (бог) — 'не обманывающий', 'верный' (адепт); *aryá-* 'милостивый', 'благосклонный' (бог) — 'благочестивый', 'преданный' (адепт); *avṛká-* 'не вредящий' (адепт) — 'не допускающий вреда', 'защищающий' (бог); *ukthía-* 'достойный хвалы' (бог) — 'возносящий хвалу' (адепт); *bhāgá-* 'доля (бога) в жертве' (принесенной адептами богам) — 'доля', 'судьба', 'благо' (данное богами адептам); *yajñíya-* 'достойный жертвоприношения' (бог) — 'совершающий жертвоприношение' (адепт); *vratá-* 'божественная воля', 'предписанный закон' (богов) — 'религиозный долг', 'обет' (адептов); *surádhas-* 'совершающий благодеяния', 'щедрый' (бог) — 'принимающий дары', 'благополучный' (адепт) и многие другие.

У глаголов такое соотношение значений в зависимости от того, кто является субъектом действия — бог или адепт, встречается в РВ редко, например: *dāç-* 'служить богу', 'почитать бога' — 'исполнять', 'наделять' (о боге по отношению к адепту) и некоторые другие менее очевидные случаи.

Следует отметить, что если данное слово амбивалентно в

противопоставлении «благоприятной» — «неблагоприятной» зон, то внутри «благоприятной» зоны оно уже не бывает амбивалентным, т. е. эти два противопоставления не накладываются одно на другое.

В понятие антонимии включаются описания слов, имеющих противоположные или противоречащие одно другому значения.

Ведийская антонимия отличается некоторыми формальными и семантическими особенностями. По сравнению с санскритом объем ведийской лексической антонимии может быть значительно сужен, если в него включать не всю глагольную антонимию. Основание для этого дают ведийские приставочные глаголы (приставки являются основным средством образования глагольных антонимов), поскольку приставка может быть отделена от соответствующего глагола другими словами, и эти приставки в таких случаях функционируют в качестве предлогов-наречий. В силу факультативного характера связи глагола и приставки этот материал можно трактовать двояко: и как глагольную антонимию, и как антонимию самостоятельного класса неизменяемых слов (способных выступать также в функции морфем, т. е. приставок). Здесь выбирается вторая возможность, как потому, что в древнейших ведийских текстах чаще встречается самостоятельное употребление глагольных приставок, так и потому, что функционально эти приставки ничем не отличаются от некоторых наречий, например: *adhás* 'внизу', 'вниз'; *bahís* 'снаружи', 'вне', также способных употребляться в качестве предлогов-приставок.

Полисемия, характерная для ведийской лексики, определенным образом отражается на структуре антонимии. В целом эти особенности можно определить как неточность (неоднозначность) антонимического противопоставления у ряда многозначных слов. Во-первых, данное слово может быть антонимически противопоставлено другому слову только в одном своем значении, но не в других. Во-вторых, слово может быть антонимически противопоставлено другому слову в нескольких значениях. В-третьих, слово в разных своих значениях может быть антонимически противопоставлено нескольким другим словам.

Это можно проиллюстрировать на примере ряда приставок-наречий, служащих исходными единицами в словообразовании глагольных и именных антонимов: *práti* 'одинаково' — *ví* 'по-разному' (*prátirūpa-* 'имеющий одинаковый вид' — *vírūpa-* 'имеющий иной вид'), но в значении *práti* 'против' *ví* антонимом не является, не имея значения 'за'; *sám* 'с' — *ví* 'раз' (*sáṃvṛta-* 'сомкнутый' — *vívṛta-* 'разомкнутый'), *sám* 'вместе' — *ví* 'врозь' (*sámvartante* 'катятся вместе' — *vívartante* 'катятся врозь', '~ в разные стороны'); *á* 'к', 'при' — *prá* 'от', 'у' (*ágacchati* 'приходит' — *prágacchati* 'уходит', 'отправляется') и *á* 'вверх' — *áva* 'вниз' (*árohati* 'поднимается' — *ávarohati* 'спускается') и др.

По характеру противопоставления антонимы подразделяются на несколько классов.

Семантика первого класса антонимов состоит в том, что отрицание действительно для части толкования исходного слова (типы «начинать» — «переставать», «действие» — «уничтожение результатов действия»). В ведийском глаголе это антонимическое значение передается или посредством сочетаний с приставками-предлогами, или посредством противопоставления разных грамматических форм от одного корня (разных основ, разной флексии [7]) и лишь в незначительной степени посредством лексических антонимов, например: *jan-* 'рождаться' — *mar-* 'умирать', *prī-* 'любить' — *dviṣ-* 'ненавидеть', *çaṃs-* 'прославлять' — *nind-* 'хулить' и др.

К этому классу относятся префиксы-прилагательные *su-* 'хороший' — *dus-* 'плохой' и образуемые с их помощью имена: *sugá-* 'легкопроходимый' — *durgá-* 'труднопроходимый', *sujātá-* 'прекрасно рожденный' ('счастливый') — *durjātá-* 'плохо рожденный' ('несчастный'), *sunā́man-* 'с добрым именем' — *durṇā́man-* 'с дурным именем', *sumatí-* 'благожелательность' — *durmatí-* 'зловредность' и многие другие.

Этот класс включает также ряд антонимических пар, выражающих пространственную и временну́ю ориентацию: *ágra-* 'начало' — *ánta* 'конец'; *antár* 'внутри' — *bahís* 'вне'; *prathamá-* 'первый' — *caramá-* 'последний'; *dákṣiṇa-* 'правый' — *savyá* 'левый'; *pū́rva-* 'передний', 'ранний', 'восточный' — *ápara-* 'задний', 'поздний', 'западный' [8]; *prā́ñc-* 'обращенный вперед', 'восточный' — *apā́ñc-* 'обращенный назад', 'западный'.

Сюда же относятся антонимы-прилагательные типа *çvetá-* 'белый' — *kṛṣṇá-* 'черный' и некоторые другие.

Семантика второго класса антонимов состоит в том, что отрицание действительно для всего толкования исходного слова. Этот класс в ведийском языке является наиболее существенным. Он представлен именами, глаголами, неизменяемыми словами. Вот некоторые примеры: *sám* 'с' — *ví* 'без', *āvís* 'явно' — *gúhā* 'тайно', *av-* 'помогать' — *rudh-* 'мешать', *svap-* 'спать' — *budh-* 'бодрствовать', *ārdrá-* 'сырой' — *çúṣka-* 'сухой', *cákṣus-* 'зрячий' — *andhá-* 'слепой', *jīvá-* 'живой' — *mṛtá-* 'мертвый', *sát-* 'сущий' — *ásat-* 'не-сущий', *ṛtá-* 'правда', 'порядок' — *ánṛta-* 'неправда', 'хаос', *írā-* 'подкрепление' — *ánirā-* 'обессиливание', *párvan-* 'сустав' — *aparván-* 'место без суставов' и др.

Характерная для ведийского языка особенность заключается в том, что такая антонимическая оппозиция нередко состоит из трех слов: один из членов семантической оппозиции может быть выражен, во-первых, с помощью префикса отрицания *a-/an-*, присоединенного к исходной основе и, во-вторых, без отрицания, т. е. с помощью другой лексической единицы, например:

citrá- 'светлый' — *acitrá-* 'темный' (букв. 'не светлый'), *çyāmá-* 'темный';

çastí- 'восхваление' — *açastí-* 'проклятие' ('не восхваление'), *çapátha-* 'проклятие';

satyá- 'истинный' — *asatyá-* 'неистинный', *mógha-* 'ложный' и др.

Чаще бывает, что отрицательную форму имеет тот член оппозиции, который выражает положительное понятие, например:

ákṣata- 'не раненый', *sárva-* 'целый' — *kṣatá-* 'раненый';

ácyuta- 'неколеблющийся', *sthirá-* 'твердый' — *cuytá-* 'колеблющийся';

ádabdha- 'кого нельзя обмануть', *māyāvín-* 'наделенный божественной мудростью', 'наделенный хитростью' — *dabhía-* 'кого можно обмануть';

ábhaya- 'отсутствие страха', 'безопасность', *kṣéma-* 'безопасность', 'покой' — *bhayá-* 'страх';

ávithura- 'непоколебимый', 'устойчивый', *pibdaná-* 'устойчивый'; и др. — *vithurá-* 'колеблющийся', 'неустойчивый'.

Поскольку член с отрицанием является, судя по всему, семантически исходным, от него может быть образован другой член оппозиции с помощью двойного отрицания, например:

anavadyá- (морфологически *an-a-vadya-*) 'безупречный' (букв. 'недолженствующий быть сказанным') — *avadyá-* 'заслуживающий порицания';

anindyá- 'безупречный' (букв. 'не заслуживающий порицания') — *nindya-* 'заслуживающий порицания'.

Семантика того члена антонимической оппозиции, который образован с помощью отрицания *a-*, бывает нередко более сложной, чем у другого члена, например: *vājín-* 'конь' — *ávājin-* 'не-конь', 'плохой конь'; *yoddhár-* 'воин' — *áyoddhar-* 'не-воин',

[7] Об этом см. выше (с. 50).

[8] Собственно к этому типу принадлежит антонимия значений «восточный» — «западный».

'плохой воин'; *pūrvyá* 'прежний'— *ápūrvya-* 'не бывший ранее', 'несравненный' и др. В результате, слова, принадлежащие к одному морфологическому разряду и различающиеся только наличием или отсутствием *a-*, могут перестать ощущаться как антонимы. Другая причина нарушения антонимии состоит в том, что префикс *a-* обладает способностью переводить слово из класса существительных в класс прилагательных, например: *gadá-* 'болезнь', но *agadá-* 'здоровый' (букв. 'не имеющий болезней'); *devá-* 'бог', но *ádeva-* 'не имеющий богов', 'враждебный богам' и т. п.

Третий класс антонимов имеет семантику, описываемую в терминах «больше» — «меньше». Этот класс также широко представлен в ведийском языке словами различной морфологической структуры. Вот некоторые примеры.

Слова, выражающие различия количества и размера: *áti* — наречие-приставка, выражающее чрезмерность качества — *úpa* — наречие-приставка, выражающее неполноту качества, приблизительность; *bhúyas* 'больше'— *kánīyas* 'меньше'; *bhûri-*, *bahú* 'много'— *dabhrám* 'мало'; *sthūrá-* 'сильный', 'толстый', 'большой'— *kṛçá-* 'худой', 'слабый', 'болезненный'; *bṛhát-*, *ṛṣvá-* 'высокий'— *nīcá-*, *ádhara-* 'низкий'; *gabhīrá-* 'глубокий'— *dīná-* 'мелкий'; *urú-* 'ширь'— *áṃhas-* 'узость'; *dīrghá-* 'длинный'— *hrasva-* 'короткий'; *vṛdh-* 'увеличивать(ся)'— *mī-* 'уменьшать(ся)'; *par-* 'наполнять'— *sic-* 'выливать'; *ci-* 'собирать'— *kir-* 'рассыпать' и др.

Слова, выражающие различия в расстоянии и времени: *ánti* 'вблизи'— *dūré* 'далеко'; *purás* 'впереди'— *paçcát* 'позади'; *ágra-* 'верх'— *budhná-* 'низ', 'дно'; *ántara-* 'близкий'— *pára-* 'далекий'; *árvāñc-* 'направленный вблизь'— *párāñc-* 'направленный вдаль'; *údañc-* 'направленный вверх'— *níañc-* 'направленный вниз'; *udvát-* 'высота'— *nivát-* 'низина'; *pára-* 'высший', 'отдаленный', 'передний', 'ранний'— *ávara-* 'низший', 'ближайший', 'задний', 'поздний'; *pûrva-* 'передний'— *úpara-* 'задний'; *párva-* 'ранний'— *ápara-* 'поздний' и др.

Оппозиция «старый» — «молодой» выражена антонимами: *āçiná-* — *yúvan-*; *vṛddhá-* — *táruṇa-*; *járant-*, *sána-* — *náva-*; *jaraṇá-*, *sanáya-* — *návya-*. Оппозиция «старший» — «младший» выражена антонимами: *jyeṣṭhá-* — *kaniṣṭhá-*, при этом интересно, что соответствующие формы с отрицательным префиксом *a-* — *ájyeṣṭha-* 'не имеющий старшего', *ákaniṣṭha-* 'не имеющий младшего', употребляются в РВ как имена Марутов (V,59,6; V,60,5) в синонимическом смысле «одинаковые», а не в антонимическом.

Слова, выражающие различия в интенсивности: *uṣṇá-* 'горячий'— *çītá-* 'холодный'; *ghṛṇá-* 'жар'— *himá-* 'холод'; *jyótis-* 'свет'— *támas-* 'мрак'; *gurú-* 'тяжелый'— *laghu-* 'легкий' и др.

Для ведийского языка характерно, что многие прилагательные, которые по своей семантике могли бы образовывать антонимы этого типа, их тем не менее не имеют, поскольку соответствующий противоположный признак обозначен словом с отрицательным префиксом *a-*. Так, например, в РВ есть много слов, обозначающих понятие «сильный», а понятие «слабый» выражено отрицательной формой *abalá-* (*bála-* 'сила'), или же ряд синонимов обозначает понятие «яркий», а «тусклый» выражено отрицательной формой *acitrá-* (букв. 'не яркий').

Объем омонимии в ведийском языке определяется, с одной стороны, ее соотношением с полисемией, с другой — границей со словообразованием. Известно, что многозначность и омонимия являются вообще относительными понятиями. Поэтому подобрать надежный критерий для распознавания, что именно имеет место — связь нескольких разошедшихся значений с одной лексической единицей (многозначность) или надо признать существование нескольких формально совпадающих лексических единиц, с каждой из которых связано особое значение (омонимия),— оказывается весьма сложным. Сложность эта усугубляется в ведийском языке отмеченным ранее особым характером многозначности, допускающей в крайних случаях наличие у одного слова антонимических значений, и использованием этой лексической особенности на уровне текста в памятниках определенного жанра. Трудно в таком случае применять только семантический критерий для разделения полисемии и омонимии (например, наличие у двух значений одного слова нетривиальной общей части). Практически при описании ведийских омонимов приходится использовать разные критерии: и семантический, и формальный (наличие в случае омонимов различий в парадигме, в словообразовании). В результате объект описания оказывается выделенным недостаточно строго.

Традиционно в словарях слова рассматриваются как омонимы, если различение двух лексических значений сопровождается двумя разными наборами грамматических категорий. На этом основании корневые имена и глагольные корни трактуются как омонимы[9].

Омонимами могут быть корни, основы и отдельные грамматические формы. Первые два типа принадлежат к лексической омонимии, третий — к грамматической. Грамматическая омонимия здесь специально рассматриваться не будет; ее суть можно проиллюстрировать на нескольких примерах, когда исходные корни или основы не омонимичны, а омонимичны лишь отдельные формы двух разных парадигм: *jóṣam* — 1) 1sg.inj. от глагола *juṣ-* 'наслаждаться', 'вкушать' и 2) A.sg.m. от существительного *jóṣa-* 'наслаждение'; *yáma* 1) 2sg.iv.act. от глагола *yam-* 'обуздывать' и 2) V.sg.m. от существительного *yáma-* 'узда' и т. п.

Омонимия именных основ может быть полной и неполной,

[9] Примеры см. выше (с. 49).

в последнем случае омонимы формально различаются лишь местом ударения. Этот тип омонимов следует рассматривать в пределах словообразования, т. е. в тех случаях, когда этим способом регулярно различаются имена деятеля и имена действия или результата действия, образованные от одного корня, например: *karaṇá-* 'делающий', 'искусный' — *káraṇa-* 'деяние', *codá-* 'погонщик' — *códa-* 'стрекало'; *yaçás-* 'великолепный' — *yáças-* 'великолепие' и др. Та же часть этого типа, которая не принадлежит к регулярной словообразовательной модели (а именно, когда омонимы, различающиеся местом ударения, образованы от разных корней или же от одного исходного корня, но не выражают регулярной оппозиции значений), должна рассматриваться в пределах лексической омонимии, например: *iṣṭí-* 'побуждение' (корень *iṣ-*) — *íṣṭi-* 'жертвоприношение' (корень *yaj-*); *dhāyú-* 'испытывающий жажду' (корень 2.*dhā-* 'сосать', 'пить') — *dhấyu-* 'щедрый' (1.*dhā-* 'класть', 'давать'); или *amáti-* 'сила', 'власть' и *ámati-* 'бедность', 'нужда' (обе основы от корня *am-*); *brāhmaṇá-* 'брахман', 'член высшей касты' и *brấhmaṇa-* 'благочестивый' (обе основы произведены от *brahmán-*) и др. Омонимы такого рода сравнительно немногочисленны.

Самое большое число омонимов — шесть — связано со звуковым комплексом *vas-*: 1. *vas-/uṣ-* 'зажигаться', 'вспыхивать'; 2. *vas-* 'одеваться'; 3. *vas-* 'оставаться', 'жить', 'ночевать'; 4. *vas-* 'нацеливаться'; 5. *vas* pron. 'вас', 'вам', 'ваш' (A., D., G.pl. от *tvám-*); 6. *vas-* m.f. 'место жительства', 'жилище'.

Обычное число омонимов — два, гораздо реже — три. По три омонима имеют следующие звуковые комплексы:

1. *akṣá-* 'кость в игре'; 2. *akṣá-* 'глаз'; 3. *ákṣa-* 'ось';
1. *ajá-* 'гонитель'; 2. *ajá-* 'козел'; 3. *ajá-* 'нерожденный';
1. *átra* 'здесь'; 2. *átra-* 'нечто съедобное'; 3. *atrá-* 'едок';
1. *áva-* 'милость'; 2. *áva* indecl. 'вниз'; 3. *avá-* pron. 'этот';
1. *u-* 'звать'; 2. *u-/vā-* 'ткать'; *u* indecl. 'также';
1. *eṣá-* 'скользящий', 'спешащий'; 2. *eṣá-* 'желание'; 3. *éṣa-* 'спешка';
1. *kar-* 'делать'; 2. *kar-/kir-* 'рассыпать'; 3. *kar-* 'прославлять';
1. *jar-* 'старить', 'стареть'; 2. *jar-* 'шуметь', 'звать'; 3. *jar-* 'шевелиться';
1. *tấnva-* 'родной сын'; 2. *tấnva-* 'потомок Танвы'; 3. *tấnva-* 'сотканный';
1. *turá-* 'быстрый'; 2. *turá-* 'сильный'; 3. *turá-* 'раненый';
1. *dā-* 'давать'; 2. *dā-* 'отрезать'; 3. *dā-* 'связывать';
1. *dāmán-* 'дар'; 'даритель'; 2. *dấman-* 'дарение'; 3. *dấman-* 'веревка';
1. *nu-* 'реветь', 'шуметь'; 2. *nu-* 'двигаться'; 3. *nu* indecl. 'сейчас';
1. *pā-* 'защищать'; 2. *pā-* 'пить'; 3. *pā-* 'уходить';

1. *mā-* 'мерить'; 2. *mā-* 'реветь', 'блеять'; 3. *mā* indecl. 'не' (запрет);
1. *mấna-* 'провидец'; 2. *mấna-* 'строение'; 3. *mấna-* 'шнур для измерения';
1. *vándana-* nom. pr. человека; 2. *vándana-* 'восхваление'; 3. *vándana-* 'лишай', 'сыпь';
1. *vára-* 'круг'; 2. *vára-* 'желание'; 3. *vára-* 'желанный', 'лучший';
1. *vā-* 'веять'; 2. *vā-* 'уставать'; 3. *vā-/u-* 'ткать';
1. *vāṇá-* 'стрела'; 2. *vāṇá-* 'дудка', 'музыка'; 3. *vāṇá-* 'вымя'.

Двумя омонимами представлены следующие глагольные корни:

1. *aç-/aṃç-* 'достигать'; 2. *aç-* 'есть', 'вкушать';
1. *as-* 'быть'; 2. *as-* 'кидать', 'бросать';
1. *iṣ-* 'хотеть', 'желать'; 2. *iṣ-* 'посылать';
1. *ukṣ-* 'кропить'; 2. *ukṣ-/vakṣ-* 'расти';
1. *ūh-* 'толкать', 'передвигать'; 2. *ūh-* 'замечать';
1. *kṣi-* 'жить'; 2. *kṣi-* 'уничтожать';
1. *gā-* 'идти'; 2. *gā-* 'петь';
1. *gir-* 'хвалить', 'воспевать'; 2. *gir-* 'глотать';
1. *ci-* 'собирать'; 2. *ci-* 'замечать';
1. *chad-* 'покрывать'; 2. *chad-/chand-* 'казаться';
1. *jakṣ-* 'пожирать'; 2. *jakṣ-* 'смеяться';
1. *ji-* 'побеждать'; 2. *ji-* 'оживлять';
1. *tan-* 'тянуть'; 2. *tan-* 'греметь';
1. *dī-* 'летать'; 2. *dī-* 'сиять';
1. *dhā-* 'ставить', 'класть'; 2. *dhā-* 'сосать';
1. *dhāv-* 'струиться', 'бежать'; 2. *dhāv-* 'полоскать';
1. *naç-* 'исчезать'; 2. *naç-* 'достигать';
1. *pat-* 'летать', 'падать'; 2. *pat-* 'господствовать';
1. *par-/pur-* 'наполнять'; 2. *par-* 'перевозить';
1. *bhuj-* 'сгибать'; 2. *bhuj-* 'радоваться';
1. *yu-* 'соединять', 'запрягать'; 2. *yu-* 'отделять', 'отвращать';
1. *raj-/rañj-* 'окрашивать'; 2. *raj-/ṛj-* 'направлять прямо';
1. *rā-* 'давать'; 2. *rā-* 'лаять';
1. *rāj-* 'светить', 'сверкать'; 2. *rāj-* 'царствовать';
1. *ru-* 'реветь'; 2. *ru-* 'ломать';
1. *rudh-* 'мешать', 'препятствовать'; 2. *rudh-* 'расти';
1. *vap-* 'стричь'; 2. *vap-* 'сеять';
1. *var-* 'охватывать', 'препятствовать'; 2. *var-* 'выбирать';
1. *vid-* 'находить'; 2. *vid-* 'знать';
1. *vidh-* 'почитать'; 2. *vidh-* 'быть пустым';
1. *vī-* 'стремиться', 'наслаждаться'; 2. *vī-/vyā-* 'покрывать', 'скрывать';
1. *çad-* 'красоваться'; 2. *çad-* 'падать';
1. *sidh-* 'удаваться'; 2. *sidh-* 'отталкивать';

1. *sū-/su-* 'побуждать'; 2. *sū-/su-* 'рожать'.

Омонимия глагольных корней нередко имеет своим следствием омонимию произведенных от них именных основ, например; *gātú-* 'проход', 'путь' и *gātú-* 'напев' соответственно от 1. *gā-* и 2. *gā-*; *dā́man-* 'дарение' и *dáman-* 'веревка' от 1. *dā-* и 3. *dā-*, *dhāsí-* 'место жительства' и *dhāsí* 'молочный напиток' от 1. *dhā-* и 2. *dhā-*; *vára-* 'круг' и *vára-* 'желание' и пр., или *vā́ra-* 'волосы хвоста' и *vā́ra-* 'сокровище' от 1. *var-* и 2. *var-*; *vásman-* 'покрывало' и *vásman* 'гнездо' от 2. *vas-* и 3. *vas-*; *védas-* 'имущество' и *védas-* 'знание' от 1. *vid-* и 2. *vid-* и др. Такая омонимия именных основ является производной.

Наряду с этим встречаются и случаи иного рода, когда омонимичные основы произведены от неомонимичных корней. Это бывает вызвано правилами морфонологии, в силу которых в одной из ступеней чередования могут совпадать разные исходные гласные, а также особенностями словообразования, например: 1. *váyas-* 'птица' (ср. *ví-* 'птица') и 2. *váyas-* 'подкрепление', 'сила' (корень *vī-* 'стремиться', 'вкушать'); 1. *prasavá-* 'выжимание (сомы)' и 2. *prasavá-* 'возбуждение'; 1. *savá-* 'выжатый сома' и 2. *savá-* 'побуждение'; 1. *sávana-* 'выжатый сома', 'приготовление сомы' и 2. *sávana-* 'подстрекание', 'побуждение' (где омонимы 1. произведены от корня *su-* 'выжимать', а омонимы 2.— от корня *sū-* 'возбуждать'); 1. *hávana-* 'жертвенное возлияние' и 2. *hávana-* 'призыв'; 1. *hótrā-* 'жертвенное возлияние' и 2. *hótrā-* 'призыв' (где омонимы 1. произведены от корня *hu-* 'совершать жертвенное возлияние', а омонимы 2.— от корня *hū-* 'звать') и др.

Для того, чтобы дать представление об объеме омонимии, нельзя не коснуться вопроса об омонимичности в тексте реальных форм этих словарных омонимов. У омонимов — имен существительных и прилагательных омонимичны целиком парадигмы склонения. У омонимов — глагольных корней, как правило, различаются типы основ презенса, например: 1. *vas-*, *ucháti*; 2. *vas-*, *váste*; 3. *vas-*, *vásati* и т. п.; омонимичными же кроме корней могут быть формы производного спряжения и отглагольные имена, т. е. омонимия не распространяется в большинстве случаев на основную парадигму.

У лексических омонимов, принадлежащих к разным классам слов: имя — глагол — неизменяемые слова — реальные омонимические формы в тексте минимальны, не говоря уже о том, что синтаксические конструкции, в которых они употребляются, никогда не совпадают, и это помогает распознать значение слова. Максимален объем омонимичности у омонимов — неизменяемых слов, поскольку они лишены парадигмы. Характерным для ведийского языка примером такого рода являются омонимы: 1. *ná* 'не'; 2. *ná* 'подобно', 'как'.

На грани омонимии и полисемии находятся случаи употребления некоторых ведийских местоимений в функции наречий или частиц, например: *adás* 'тот' и 'там'; *ayám* 'этот' и 'вот'; *idám* 'это' и 'здесь', 'сюда', 'сейчас'; *kád* 'что?' и 'ли'; *kam* 'кого?' и эмфатическая частица; *tád* 'то' и 'поэтому'; *yád* 'что' и 'когда', 'если'.

Некоторые омонимические пары, по-видимому, возникли в ведийском языке в результате метафорически мотивированной полисемии. Таковы с большой долей вероятности: 1. *akṣá-* 'глаз' (форма, встречающаяся в составе сложных слов) и 2. *akṣá-* 'игральная кость' (как 'снабженная глазка́ми'); 1. *rāj-* 'сиять', 'блистать' и 2. *rāj-* 'царствовать'; 1. *vṛṣāy-* 'идти дождю' и 2. *vṛṣāy-* 'быть страстным'; 1. *svadhā́* 'своя воля', 'свой обычай', 'своя склонность' и т. п. и 2. *svadhā́-* 'жертвенный напиток' (как развитие одного из значений 1. *svadhā́-* 'то, что удовлетворяет свою склонность') и др.

ФОНЕТИКА. ФОНОЛОГИЯ. МОРФОНОЛОГИЯ

Существует несколько источников, по которым можно судить о звуках ведийского языка. Это дошедший до нас письменный текст четырех вед, современное исполнение ведийских мантр в различных ведийских школах в Индии и описание ведийского произношения в древних фонетических трактатах — *пратишакхьях* (*prātiçākhya-*). При всей неоспоримой ценности письменного текста он, естественно, не может дать ответа на многие вопросы, касающиеся именно произношения, к тому же не следует забывать, что запись слоговым письмом деванагари хотя и приближается к фонетической транскрипции, но сделана она была через много веков после создания ведийских собраний. Современная манера исполнения вед не единообразна, делится на разные школы и не может претендовать на тождество с исконной рецитацией вед во многих отношениях. Трактаты-пратишакхья (каждый из них принадлежит определенной веде) имеют целью сохранить неприкосновенной чистоту рецитации сакрального текста. Их главным предметом является фонетика: произношение гласных и согласных, изменения звуков в контексте, характер ударения, классификация слогов, ошибки в произношении и т. п. Они являются первым научным описанием древнеиндийской фонетики, содержащим наблюдения над рецитацией вед задолго до того, как их текст был записан.

ЗВУКИ ВЕДИЙСКОГО ЯЗЫКА

ОБРАЗОВАНИЕ И ПРОИЗНОШЕНИЕ ЗВУКОВ

В соответствии с индийской фонетической традицией звуки ведийского языка приводятся в следующем порядке[1]:

[1] В дальнейшем эта классификация звуков легла в основу алфавита.

Гласные

простые *a ā i ī u ū ṛ ṝ ḷ*
дифтонги *e o ai au*

Согласные

гуттуральные	*k*	*kh*	*g*	*gh*	*ṅ*
палатальные	*c*	*ch*	*j*	*jh*	*ñ*
церебральные	*ṭ*	*ṭh*	*ḍ*	*ḍh*	*ṇ*
дентальные	*t*	*th*	*d*	*dh*	*n*
губные	*p*	*ph*	*b*	*bh*	*m*
полугласные	*y*	*r*	*l*	*v*	
фрикативные	*ç*	*ṣ*	*s*		
придыхание	*h*				

Вспомогательные звуки

анусвара *ṃ*, анунасика *m̐*
висарджания *ḥ*

Разбиение на гласные (*svara-*) и согласные (*vyañjana-*) производится в соответствии со способностью образовывать слог: гласные — слогообразующие, согласные — нет.

Вокализм. Гласные разделяются на монофтонгические (*samānākṣara-*) и дифтонгические (*sandhyakṣara-*) в зависимости от того, состоит ли гласный из одного только слогообразующего элемента или из двух: слогообразующего и неслогообразующего. Последний тип гласных, дифтонги, включает два подкласса: 1) дифтонги исторические, дифтонгический характер которых проявляется только в чередовании: *e*, *o* перед согласным, *ay*, *av* перед гласным, и 2) дифтонги реальные *ai*, *au* (таким образом, первый подкласс выделяется с помощью морфонологического критерия).

Ведийские гласные бывают краткими (*hrasva-*) и долгими (*dīrgha-*). Краткий гласный содержит одну *мору* (*mātrā-*), долгий гласный — две моры. В пратишакхьях упоминаются еще сверхдолгие гласные (*pluti-*), содержащие три моры. Эти гласные встречаются редко, обычно в глаголе вопросительного предложения, так что протяженность следует отнести за счет интонации, а не парадигматической характеристики самого гласного.

Краткими являются *a*, *i*, *u*, *ṛ*, *ḷ*; долгими — *ā*, *ī*, *ū*, *ṝ*, *e*, *o*, *ai*, *au*. Таким образом, по долготе и краткости различаются *a—ā*, *i—ī*, *u—ū*, *ṛ—ṝ*. Из них в последней паре противопоставление реализуется очень ограниченно, поскольку *ṝ* — редкий звук, встречающийся только в двух грамматических формах: A. и G.pl. от основ на *-r-* — формы, созданные по аналогии с другими основами на гласный, например: основа *pitṛ-*, A.pl.

pitr̥n, G.pl. *pitr̥ṇām*, как основа *devá-*, A.pl. *devā́n*, G.pl. *devā́nām*. Следует отметить, что и в этих формах иногда, как показывают данные метрики, произносился краткий звук. Соответствующий же краткий звук — *r̥* — в текстах засвидетельствован хорошо.

Регулярно противопоставляются по долготе и краткости гласные *a*—*ā*, *i*—*ī*, *u*—*ū*, которые в пратишакхьях трактуются как имеющие одно качество (*savarṇa-*) и различающиеся только количественно. Это вполне правомерно в отношении *i*—*ī* и *u*—*ū*, у которых краткий звук был несколько более открытым, чем соответствующий долгий, но сильно противоречит фонетической реальности *a*—*ā*. Из тех же фонетических трактатов известно, что *ā* был самым открытым (*vivr̥ta-*) из всех гласных, в то время как *a* был сравнительно закрытым (*saṃvr̥ta-*), т. е. фонетически это мог быть нейтральный гласный *ə*. Трактовать их одинаково можно было только, исходя из морфонологических соображений, так как удобно было приравнивать чередования ряда *a* к другим рядам.

Среди монофтонгов различаются собственно гласные и слоговые сонанты. Последние представлены прежде всего *r̥*, поскольку *l̥* встречается только в формах от одного корня *klp-* 'соответствовать'. Судя по описаниям, *r̥* был кратким звуком смешанного характера, сочетающим вокалические и консонантный сегменты: консонантный посередине, вокалические призвуки в начале и в конце. В большинстве пратишакхий *r̥* и *l̥* считаются велярными звуками (*jihvāmūlīya-*), поскольку они артикулируются у основания языка. Согласно более поздней точке зрения, *r̥* является церебральным звуком, а *l̥* — дентальным. Возможно, эти разногласия отражают диалектные различия. В отдельных случаях встречается в рукописях передача *r̥* как сочетания согласного *r* с гласным: *ri*, *ru* и др. Для *r̥* и *l̥* постулируется обычно одно место образования (*sthāna-*), но разный способ (*karaṇa-*): *r̥*, как и согласный *r*, является дрожащим звуком, а *l̥* и соответственно *l* — латеральным.

Все остальные гласные не знают противопоставления по долготе. *l̥* бывает только кратким, а дифтонги только долгими.

Из пратишакхий можно извлечь отдельные сведения относительно места образования гласных. Краткий звук *a* рассматривался как некий средний, нейтральный гласный, для артикуляции которого не требовалось специальных усилий произносительных органов[2]; считалось, что он образуется в горле. Гласные *ĭ*, *e*, *ai* классифицировались как палатальные, *ŭ*, *o*, *au* — как лабиальные.

Так называемые дифтонги — *e*, *o*, *ai*, *au*, — судя по описаниям (не вполне ясным), были гласными среднего подъема: *e*, *o* — более закрытыми, *ai*, *au* — более открытыми. Между собой эти две пары гласных различались прежде всего степенью открытости, а затем монофтонгическим или дифтонгическим характером. Хотя фонетически *e*, *o* были монофтонгами (в Рик-пратишакхье (XIII,16) сказано, что в *e*, *o* составляющие их сегменты неразличимы в силу слияния их матр), их дифтонгическая трактовка у индийских ученых на синхронном уровне подкрепляется правилами сандхи: *ă*+*ĭ*>*e*, *ă*+*ŭ*>*o*, а также морфонологическими чередованиями корня. У отдельных слов встречаются фонетические варианты с чередованием *-ayi-*/*-e-*, *-ava-*/*-o-*, например: *deṣṇá-*/*dayiṣṇá-* 'дар', *çréṣṭha-*/*çráyiṣṭha-* 'лучший', *çroṇá-*/*çrávaṇa-* 'хромой' и др., что напоминает пракритское фонетическое развитие.

У реальных дифтонгов *ai*, *au* первый слогообразующий элемент произносился как краткий гласный. Исторически здесь была долгота, что на синхронном уровне обнаруживается в некоторых сандхи гласных и в морфонологических чередованиях в корне. В Рик-пратишакхье связь слогообразующего элемента *a* в составе этих дифтонгов с неслогообразующими глайдами *-i*, *-u* сравнивается со связью краткого гласного со вспомогательным носовым неполной смычки — анусварой.

В фонетических трактатах упоминается еще одна количественная градация гласных — сверхкраткий гласный, или сварабхакти (*svarabhakti-*), равный в зависимости от позиции $\frac{1}{4}$ — $\frac{1}{8}$ моры. Этот гласный, встречающийся только после *r*, *l* в определенном фонетическом контексте, самостоятельным звуком не является, так как в обычных условиях он не способен образовывать слог.

Консонантизм. Ведийские согласные по способу образования разделяются на смычные (*spr̥ṣṭa-* 'образованные прикосновением'), полугласные (*antaḥsthā-* 'стоящие между') и фрикативные (*ūṣman-* букв. 'жар', 'пар'). Основу консонантизма составляют смычные согласные, представленные пятичленными симметричными рядами звуков одного места образования (*varga-*). В пределах варги согласные различаются по звонкости—глухости (*ghoṣavant-*—*aghoṣa-*), придыхательности—непридыхательности (*mahāprāṇa-*—*alpaprāṇa-*), и заканчивается каждая варга носовым согласным (*nāsikya-*), противостоящим прочим неносовым того же места образования.

При описании смычных согласных в трактатах может быть названа варга и номер данного согласного в варге: 1 — глухой непридыхательный, 2 — глухой придыхательный, 3 — звонкий непридыхательный, 4 — звонкий придыхательный, 5 — носовой. Сами же варги называются по первому члену: *ka-varga-*, *ca-varga-* и т. д.

[2] Не случайно поэтому в слоговом письме деванагари *a* после согласного никак не обозначается, в то время как *i* и *u* обозначаются специальными знаками, добавляемыми к буквам для согласных.

Гуттуральный ряд (*kaṇṭhya-*) состоит из согласных, которые чаще всего описывают по активному органу как произведенные с помощью корня языка (*jihvāmūla-*); место артикуляции — мягкое нёбо (*hanumūla-* букв. 'корень челюсти').

Палатальный ряд (*tālavya-*) представлен согласными, артикулирующимися с помощью середины языка (*jihvāmadhya-*) на нёбе (*tālu-*). Этот ряд никак не выделяется индийскими фонетистами среди других. Судя по их описаниям, он отличается только местом образования, но не способом образования. Так, комментатор Рик-пратишакхьи Увата говорит, что *c* отличается от *k* местом образования, а от других нёбных звуков: *i*, *j*, *y* — способом образования. Иными словами, палатальный ряд рассматривался как смычные, а не как аффрикаты, хотя на основании описаний этим препалатальным смягченным согласным в какой-то мере должно было быть свойственно аффрикативное произношение. Не случайно, что на дистрибуцию этих звуков наложены более строгие ограничения, чем у велярного или другого смычного ряда.

Церебральный ряд (*mūrdhanya-*) состоит из согласных, образованных путем смычки верхней части языка с твердым нёбом (в индийской терминологии с верхним нёбом, так как *mūrdhan-* 'вершина'), притом что самый кончик языка отогнут назад. По характеру артикуляции и наличию дополнительных артикуляторных усилий согласные церебрального ряда противостоят смычным всех остальных рядов, однако индийскими учеными они рассматриваются на равных с ними основаниях. С одной стороны, для звуков этого ряда характерны специфические ограничения дистрибуции; с другой стороны, в звуковой цепочке церебрализация вызывается у смычного носового или у спиранта контактным или дистантным воздействием на него определенных предшествующих звуков. Эти дистрибутивные особенности выделяют церебральный ряд из всех прочих рядов. В РВ к этому ряду принадлежат еще два церебральных сонанта *ḷ* и *ḷh* — интервокальные варианты соответственно *ḍ* и *ḍh*.

Дентальный ряд (*dantya-*) включает согласные, местом образования которых являются зубы, точнее их основание, а активным органом — кончик языка.

Лабиальный ряд (*oṣṭhya-*) представлен согласными, образующимися путем смычки губ.

Полугласные ведийского языка представляют собой согласные варианты соответствующих гласных или слоговых сонантов. Палатальный звук *y* имеет то же место артикуляции, что и *i*, а губной звук *v* артикулируется там же, где *u*. Разница заключается в способе образования, в несколько большем сужении щели на пути выдыхаемой струи воздуха и слабом контакте при произнесении согласного. Консонантный характер *y* и *v* выражен слабо, отсюда легкость перехода *i*>*y*, *u*>*v* в

ведийском языке. Степень консонантности *y* и *v*, как отмечается в более поздних трактатах, зависит от занимаемой ими позиции в слове. Они наиболее консонантны в начале слова[3], средние — в середине и легкие — в конечном положении, где они могли образоваться в результате сандхи.

О тесной связи гласных и полугласных одного места образования говорит также наличие чередования *ĭ*/*iy*, *ŭ*/*uv* в формах одного слова в зависимости от звукового контекста, например: *dhī-* 'мысль', A.sg. *dhíyam*, *tanū-* 'тело', A.sg. *tanúvam* и т. п. и существование фонетических вариантов одного слова типа *tvám*/*tuvám* 'ты' и др.

В начальном положении звук *v* мог произноситься как лабиодентальный спирант.

Плавные сонорные *r* и *l* функционально представляли собой согласные варианты соответствующих слоговых сонантов *r* и *l*. Слогообразующая функция проявлялась в интерконсонантном положении или в начале слова перед согласными, неслогообразующая функция — в остальных положениях.

Фонетически *r* (*repha-*) представляет собой дрожащий сонорный согласный, местом артикуляции которого, согласно пратишакхьям, считаются альвеолы (*dantamūla-* 'корни зубов') или зубы. В соответствии с точкой зрения более позднего трактата, *r* является церебральным звуком (что объясняет его церебрализующее действие на *n* и *s*). Высказывалось предположение, что здесь имеют место диалектные различия.

Местом артикуляции латерального сонорного согласного являются зубы или их основание (как у дентального ряда). Ведийский *l* был, по-видимому, унилатеральным (а не билатеральным), «светлым» по качеству.

В РВ *l* встречается редко (главным образом в поздних частях памятника). В отдельных случаях наблюдаются варианты одного слова с *l* и с *r*, например: *purú-*/*pulú-* 'многий'; *miçrá-*/*miçlá-* 'смешанный'; *rabh-*/*lath-* 'хватать', 'получать'; *rip-*/*lip-* 'приклеивать' и др. В большинстве же случаев слова, известные из более поздних памятников как содержащие *l*, в РВ имеют *r*. В дальнейшем развитии языка *l* заметно распространяется за счет *r*. В ведийском языке в определенных сандхи на границе двух слов или двух морфем встречаются назализованные варианты полугласных и латерального сонанта — *ỹ*, *ṽ*, *l̃*.

Фрикативные согласные немногочисленны в ведийском языке. Они состоят из трех глухих сибилянтов, каждый из которых по месту образования совпадает с одной из варг смыч-

[3] В некоторых поздних трактатах — *шикшах* (*çikṣā-*) даже утверждается, что начальный *y* следует произносить как *j* (что нашло свое отражение в определенных школах яджурвединов). Произнесение *v* в начальном положении с сильной смычкой объясняет дальнейшую тенденцию индийских языков к переходу *v*>*b* или мене этих согласных в вариантах одного слова.

ных: *ç* — с палатальной варгой, *ṣ* — с церебральной, *s* — с дентальной. Крайние по месту образования варги — велярная и губная — не имеют соответствующих сибилянтов (во всяком случае, в качестве самостоятельных звуков). Звонких сибилянтов нет вообще.

По способу образования фрикативные отличаются от смычных своей варги тем, что при их произношении происходит не смычка, а сближение органов артикуляции или, как сказано в Тайттирия-пратишакхье (II,45), «центр артикулирующего органа открыт».

Хотя звонких фрикативных не существует, но следы их сохранились в определенных сандхи.

Термином «фрикативный» (*ūṣman*) в древнеиндийской фонетике обозначаются не только сибилянты, но и звук *h*, а также среди вспомогательных звуков разные виды придыхания, т. е. гортанные фрикативные. Местом образования этих звуков является гортань (а по мнению некоторых авторитетов, легкие). Самостоятельным, не обусловленным контекстом звуком является *h* — единственный звонкий среди фрикативных. Хотя он и встречается в начале и в середине слова, на его дистрибуцию наложены очень большие ограничения, касающиеся прежде всего возможностей сочетания его с согласными (потому, естественно, что существует самостоятельный класс придыхательных смычных). Есть мнение, что звук *h* гоморганен с началом следующего за ним гласного, в то время как вспомогательное придыхание гоморганно с концом предшествующего гласного.

Придыхание как вспомогательный звук называется в индийской традиции *висарджания* (*visarjanīya-* 'выход наружу', 'вытекание'). Этот звук встречается только после гласного в конце слова, редко в конце морфемы, являясь как бы консонантным завершением гласного. Фонетически висарджания представляет собой слабое глухое придыхание. Графически висарджания обозначается с помощью особого знака, следующего за буквой для предшествующего гласного.

В некоторых трактатах различается несколько видов такого придыхания в зависимости от того, с какого согласного начинается следующее слово. Висарджания рассматривается как нейтральное придыхание, встречающееся перед паузой, *upadhmānīya-* — придыхание перед глухим губным согласным, а *jihvāmūlīya-* — перед глухим гуттуральным.

В связи с видами придыхания следует затронуть вопрос о придыхательных смычных, входящих в состав каждой варги. Придыхательные смычные рассматриваются как единая артикуляция. Придыхание у звонких смычных является звонким, а у глухих — глухим. Характер связи между смычным элементом и придыханием неодинаков у звонких и у глухих придыхательных согласных. В РП утверждается со ссылкой на некоторые авторитеты, что у звонких придыхательных вторым

элементом бывает звонкий звук *h*, а у глухих — соответствующий глухой фрикативный, т. е. *ch*=*c*+*ç*, *th*=*t*+*s* и т. д. (РП XIII,8).

К вспомогательным звукам древнеиндийская традиция относит также носовые *анусвару ṃ* (*anusvāra-* букв. 'следующий за гласным') и *анунасику ṁ̐* (*anunāsika-* букв. 'сопровождающая назальность'). Если носовые согласные, распределенные по варгам,— это смычные звуки того же места образования, что и соответствующие неносовые согласные, то вспомогательные носовые смычными не являются; во всяком случае, у них нет полной смычки, в связи с чем они не имеют фиксированного места образования.

Большинство фонетических трактатов признает существование двух разновидностей вспомогательного носового: анусвару и анунасику, и только Атхарва-пратишакхья упоминает одну анунасику, подразумевая под этим термином все случаи употребления вспомогательного носового.

Разница между анусварой и анунасикой из самих трактатов не вполне ясна. В Рик-пратишакхье говорится, что анусвара — это или согласный, или гласный (I,11), в другом месте этого же трактата она приравнивается к согласному (I,15), а в третьем месте сказано, что для гласных, анусвары и спирантов характерно длительное отсутствие смычки (XIII,6). Современные исследователи приходят к выводу, что под термином анусвара наиболее вероятно подразумевается носовой спирант. Первоначально анусвара встречалась, видимо, только в составе консонантных групп перед спирантом, в дальнейшем же стала употребляться в конце слова в определенном типе сандхи.

Анунасика представляет собой назализацию гласного. В пратишакхьях она описывается как носовая окраска гласного, т. е. составная его часть. Анунасика встречается только в особых сандхи гласных.

В фонетических описаниях анусвара рассматривается как элемент, отличающийся от предшествующего гласного, что говорит о сохранении ею консонантного характера, в то время как анунасика является носовой артикуляцией самого гласного. Графически анусвара и анунасика обозначаются не самостоятельными буквами — *акшарами* (*akṣara-*), а надстрочными диакритическими знаками над акшарой, обозначающей предшествующий гласный.

ДИСТРИБУЦИЯ ЗВУКОВ

Правила распределения звуков в ведийском тексте удобнее формулировать отдельно для начала, конца и середины слова. Наибольшие ограничения касаются конца слова.

Начало слова

В абсолютном начале слова (т. е. когда слово стоит в начале предложения или пады и для него недействительны правила сандхи с концом предшествующего слова) может находиться любой гласный, простой или дифтонгический, и дрожащий слоговой сонант *ṛ*. Соответствующий долгий звук *ṝ*, а также латеральный слоговой сонант *ḷ* в этом положении не встречаются. Из согласных звуков в начале слова запрещены носовые *n̄*, *ñ* и *ṇ*; в РВ в этой позиции не встречаются также звонкий палатальный придыхательный *jh* (он засвидетельствован вообще в одном только слове — звукоподражании *jájhjhatīs* (V,52,6) и совсем не встречается в АВ), глухой зубной придыхательный *th* и церебральные *ṭ*, *ṭh*, *ḍ*, *ḍh* (в дальнейшем развитии языка неносовые церебральные постепенно проникают и в начало слова, хотя употребляются здесь очень редко). Церебральный спирант *ṣ*, хотя и допустим в этом положении, реально встречается лишь в нескольких словах: в числительном *ṣaṣ* — 6 и некоторых производных от него, а также в прилагательном *ṣāṭ* 'победоносный' от корня *sah-*. Вспомогательные звуки — придыхание-висарджания и анусвара — как звуки, следующие за гласным, в начале слова употребляться не могут. Не встречаются здесь и назализованные гласные с анунасикой.

Сочетания гласных недопустимы в начале слова в ведийском языке, сочетания согласных разрешены. Широко распространены сочетания двух согласных. Они принадлежат к следующим типам: 1) «шумный+полугласный или сонант», 2) «шумный+носовой», 3) «шумный+шумный», 4) «носовой+полугласный или сонант», 5) «полугласный+полугласный или сонант».

Самым распространенным является первый тип. В РВ он включает следующие сочетания: *kr*, *gr*, *ghr*, *jr*, *tr*, *dr*, *dhr*, *pr*, *br*, *bhr*, *çr*, *sr*, *hr*; *kl*, *gl*, *pl*, *çl*; *khy*, *cy*, *jy*, *ty*, *dy*, *dhy*, *py*, *çy*, *sy*, *hy*; *kv*, *jv*, *tv*, *dv*, *dhv*, *çv*, *sv*, *hv*. В качестве первого элемента здесь не представлены только церебральные, которые не могут находиться в начале слова.

Второй тип охватывает в РВ следующие сочетания: *gm*, *gn*, *ghn*, *jñ*, *jm*, *dhm*, *çn*, *çm*, *sn*, *sm*, *hn*. Среди шумных смычных, функционирующих в качестве первого элемента, нет глухих согласных.

Третий тип реализуется как сочетание смычного и фрикативного в любой последовательности. В РВ это: *kṣ*, *ts*, *ps*, *çc*, *sk*, *st*, *sth*, *sp*, *sph*.

Четвертый тип немногочислен. В РВ это: *mr*, *ml*, *my*. Интересно, что носовым в этом сочетании бывает только *m*, но не *n*. Встречающееся в РВ в начале слова сочетание букв *ny-* произносится только как *ni-*.

Пятый тип столь же немногочислен. В РВ его составляют *vr*, *vl*, *vy*. Первым элементом из всех полугласных может выступать только *v*.

Начальные сочетания трех согласных редки. Все они представляют собой контаминацию двух бинарных начальных сочетаний. В РВ это: *kṣṇ*, *kṣm*, *kṣv*, *str*.

К фонетическим явлениям начала слова следует отнести отдельные случаи протетического гласного перед сонорным согласным, как в *uloká-* наряду с *loká-* (*u* появляется под влиянием *l*) 'свободное пространство' и в нескольких менее очевидных глагольных корнях *iraj*(*y*)- 'править' (ср. *rāj-* id.), *irádh-* 'добывать' (ср. *rādh-* id.) и *iras*(*y*)- 'раздражать' (которые можно объяснить и иначе).

Конец слова

В конце слова в абсолютном исходе (т. е. в конце предложения или пады, когда не действуют правила сандхи в отношении начала следующего слова) могут быть представлены все гласные[4]. Слоговые сонанты *ṛ*, *ṝ*, *ḷ* в этом положении запрещены (*ṛ* может встречаться в конце первого члена сложного слова, например: *pitṛ-yajñá-* 'жертвоприношение предкам', *nṛ-cákṣas-* 'смотрящий на мужей', и др.).

Из согласных звуков в конце слова разрешены только *k*, *n̄*, *ṭ*, *t*, *n*, *p*, *m* и все вспомогательные звуки, т. е. висарджания, анусвара, анунасика. Таким образом, запрет в этом положении распространяется на целые классы согласных звуков: из смычных на звонкие и придыхательные всех варг, на всю палатальную варгу, а также на церебральный носовой *ṇ*; на все полугласные и сонорные; на все фрикативные; на придыхание *h*.

Из приведенных согласных, разрешенных в конце слова, наименее употребительны *n̄* и *ṭ*, которые встречаются в редких грамматических формах. Велярный носовой *n̄* возможен в конце слова только в N.sg. от не слишком употребительных согласных основ на *-añc-*, например: *práñ* (основа *práñc-*), *viçváñ* (основа *viçváñc-*). Глухой непридыхательный церебральный *ṭ* встречается в редких формах 2 или 3 sg.aor. или inj., как *naṭ* от *naç-*, *yāṭ* от *yaj-* и др., а также в отдельных формах N.sg., например: *rāṭ* от *rāj-*, *◦vāṭ* от *vah-* и др.

В связи со столь ограниченным репертуаром смычных согласных, допустимых в конце слова, увеличивается их функциональная нагрузка. Каждый глухой непридыхательный смычный в конце слова представляет как минимум четыре смычных неносовых согласных своей варги, например: N.sg. *kápṛt* от *kápṛth-*, N.sg. *ékapāt* от *ékapad-*, N.sg. *agnít* от *agnídh-*,

[4] Явления конца слова можно было бы также описывать в разделе о сандхи, трактуя их как сочетания конечного звука с паузой, что и делается в ряде грамматик.

N.sg. *triṣṭúp* от *triṣṭúbh-* и др. (во всех этих формах в связи с упрощением конечных групп согласных отпало окончание N.sg. *-s*). Наибольшая функциональная нагрузка приходится на глухой непридыхательный согласный велярного и церебрального рядов, которые представляют также палатальную варгу смычных, фрикативные *-ç* и *-ṣ* и придыхание *h*. Иными словами, *-k* в абсолютном исходе может соответствовать кроме носовых смычных своей варги *c*, *j*, *ç*, *ṣ*, *h*; а *ṭ* кроме соответствующих согласных своей варги также *ch*, *j*, *ç*, *ṣ*, *h*[5] (отражение палатальных согласных и *h* в абсолютном исходе как велярных или как церебральных имеет диахроническое обоснование). Вот некоторые примеры: N.sg. *tvák* от *tvác-*, 3 sg.inj. *pṛṇak* от *pṛc-*, N.sg. *nirník* от *nirnij-*, N.sg. *sayúk* от *sayúj-*, N.sg. *tādṛk* от *tādṛç-*, 3 sg.inj. *pra ṇak* и *abhi naṭ* от 2. *naç-*, N.sg. *viṭ* от *viç-*, 2, 3 sg.inj. *piṇák* от *piṣ-*, 3 sg.aor. *áprāṭ* от *prach-*, N.sg. *rāṭ* от *rāj-*, N.sg. *viṭ* от *víç-*, N.sg. *gartārúk* от *gartārúh-*. N.sg. *havyavāṭ* от *havyavāh-* и др.

Встречаются отдельные случаи диссимиляции, когда соотношение между согласным в абсолютном конце слова и соответствующим ему исходным согласным нарушено, например, N.sg. *anuṣṭuk* вместо *anuṣṭúp* от *anuṣṭúbh-* и некоторые другие.

При замене конечного *h* на *k* или *ṭ* придыхание переходит на начальный согласный корня, если этот согласный является звонким непридыхательным, т. е. *g*, *d*, *b*, например: 3 sg.impf. *ádhok* от *duh-*, 3 sg.aor. *adhāk* от *dah-*, N.sg. *abhidhrúk* от *abhidrúh-*. Данное правило можно назвать морфонологическим, поскольку перераспределение придыхания осуществляется в пределах корня. (Диахронически здесь происходит восстановление начального придыхательного при утрате придыхания конечным согласным у корней с двумя исходными придыхательными согласными.) Тот же процесс происходит внутри слова при соединении корней этой структуры с определенными начальными согласными флексии (внутреннее сандхи), но там это осуществляется менее последовательно.

Смычные носовые согласные, разрешенные в конце слова, в принципе не подвергаются изменениям в абсолютном исходе. Велярный *ṅ*, как уже говорилось, встречается очень редко, а дентальный и лабиальный смычные носовые — достаточно часто. В редких случаях конечный губной носовой *m* заменяется зубным носовым *n* (что бывает вызвано фонетическими причинами: упрощением группы согласных в конце слова и отпадением дентальной флексии *-s* или *-t*, с которой предшествующий носовой ассимилировался по месту образования), например: N.sg. *dán* (<**dam+s*) от *dám-*, 2, 3 sg.plusq. *ájagan* (<**ajagam+s* или *ajaġam+t*) от *gam-*, 3 sg.aor. *áyān* (<**ayam+s+t*) от *yam-*.

[5] При этом возможность представлять *ṭh* и *ḍh* для ведийского языка является чисто теоретической, поскольку нет корней, которые бы оканчивались на эти согласные, корни же на *-ṭ* и *ḍ-* очень немногочисленны.

Полугласные *y* и *v* могут встретиться в конечном положении только в результате сандхи перед начальным гласным следующего слова. В абсолютном конце они не встречаются, в этой позиции им соответствуют *i* и *u*.

Латеральный сонорный согласный *l* в абсолютном конце слова не встречается. Дрожащий сонорный согласный *r* бывает представлен вспомогательным придыханием — *висаргой* (*visarga-*) (как и зубной фрикативный *s*), например: adv. *púnaḥ* от *púnar-*, N.sg. *gíḥ* от *gír-*, N.sg. *dhúḥ* от *dhúr-* и др.

О рефлексах фрикативных и придыхания *h* в абсолютном конце слова было сказано выше.

Вспомогательные носовые анусвара и анунасика в абсолютном конце слова не встречаются, поскольку они являются результатом сандхи конечных носовых полной смычки *n* или *m* и начального звука следующего слова.

В ведийском языке в конце слова группы согласных в принципе не удерживаются и подвергаются упрощению. Отпадает последний согласный бинарных сочетаний, а в группе из трех согласных — два последних. Этот процесс происходил, например, регулярно в формах N.sg. согласных основ, как N.sg. *pratyáñ* (<**pratyañks*) и форм атематических основ 2, 3 sg.act. со вторичными окончаниями *-s*, *-t*, как 2, 3 sg.impf. *áhan* (<**ahan+s* и *ahan+t*) и др.

Удерживались в этом положении только группы согласных *-rk*, *-rt*, если конечный шумный смычный принадлежал корню, например: N.sg. *ārk* от *ārj-*, 2, 3 sg.inj. *várk* (<**varj+s* и **varj+t*) от *vṛj-*, 3 sg. *avart* (<**avart+t*), но 3 sg.impf. *abibhar* (<**abibhar+t*), так как здесь **-t* было окончанием. Встречаются и отдельные исключения, когда конечный смычный все-таки отпадает вопреки общей тенденции, как в форме 3 sg.impf.intens. *avarīvar* от *vṛt-*, или когда выпадает предпоследний согласный, а не конечный, как во 2 sg.aor. *ayās* от *yaj-*.

На сочетание двух гласных в конечном положении в принципе запрета нет, но эти сочетания отличаются неустойчивостью, поскольку их первым элементом всегда бывают узкие гласные *i*, *u*, легко переходящие в соответствующие согласные *y*, *v*. Это имеет место, например, в парадигме склонения имен с основой на *-ī* или *-ū*, как *vṛkṭ-*, A.sg. *vṛki(y)am*, *tanū-*, I.sg. *tanú(v)ā*, D.sg. *tanú(v)e*, L.sg. *tanú(v)i* и др.

Середина слова

Наибольшей сложностью отличаются правила дистрибуции звуков в середине слова (см. таблицу бинарных сочетаний звуков в РВ)[6].

В древнеиндийском языке существует тенденция избегать зияния гласных, или гиатуса, как внутри слова, так и на стыке двух слов. В пратишакхьях предписываются правила контракции двух простых гласных одинакового качества, а именно: *ă+ă>ā*, *ĭ+ĭ>ī*, *ŭ+ŭ>ū*, например: 3 sg.subj. *gáchāti<gacha-+a+ti*, *upáyana-<upa+ayana-*, *tigmáyudha<tigma-+āyudha-*, absol. *pratítyā<prati+ityā*, *áparīta-<a+pari+ita-*, *purūrú-<puru-+uru-*. Количество исходного гласного не имеет значения — в результате всегда получается долгий гласный. В пределах простого слова (т. е. на стыке корня и суффикса или префикса и корня) это правило соблюдается, в сложных же словах, как показывает размер, может нарушаться, и тогда имеет место гиатус.

При встрече гласных разного качества также происходит контракция, в результате которой возникает гласный нового качества, т. е. *ă+ĭ>e*, *ă+ŭ>o*, *ă+e>ai*, *ă+o>au*, например: 3 sg.opt.act. *caret<cara-+ī+t*, *páreti<parā+iti-*, *ápɔdaka-<apa+udaka-*, 3 sg.impf.caus.act. *airayat<a+erayat* от *a+īr-* в каузативе, *pañcaudanam<pañca+odanam*. Эти сандхи являются свидетельством на синхронном уровне дифтонгического происхождения долгих гласных *e* и *o*.

Гласные *ĭ*, *ŭ* перед последующим гласным консонантизируются, т. е. *ĭ>y*, *ŭ>v*, например: 3 pl.pr.act. *y-ánti* от корня *i-* (ср. 1 pl.pr.act. *i-más*); 3 pl.pf.act. *bi-bhy-ús* от корня *bhī-* (ср. p.p. *bhī-tá-*), *nyàñc-<ni+añc-*, *svasti-<su+asti*; A.sg. *tanvàm<tanū+am*, D.sg. *tanvè<tanū+e* от основы *tanú* и т. д. Однако в РВ сплошь да рядом наблюдается, как показывает размер, зияние гласных, особенно на границе двух членов сложного слова, префикса и корня, основообразующего гласного и флексии.

Следует отметить, что в пределах слова *ĭ*, *ŭ* перед гласным могут давать и более сложные рефлексы: *ĭ>iy*, *ŭ>uv*, и таким образом сохраняется слоговое качество этих звуков (такого чередования не бывает при внешнем сандхи). Выбор варианта — *y* или *iy*, *v* или *uv* — происходит не вполне автоматически. В значительной степени он определяется структурой предшествующего слога и отчасти — морфологической характеристикой формы (подробнее см. в разделе «Слогоделение и структура слога»).

[6] Те изменения, которым подвергаются звуки, находящиеся внутри слова в непосредственном контакте друг с другом, часто называют *внутренними сандхи* (*saṃdhi-* 'соединение') в отличие от внешних сандхи, имеющих место на границе двух слов в предложении.

В полном соответствии с простыми гласными *ĭ* и *ŭ* гласные дифтонгического происхождения *e* и *o* перед последующим гласным перекодируются в сочетание *a* с соответствующим консонантным глайдом, а именно *e>ay*, *o>av*, например: корень *i-*, 3 sg.pr.act. *é-ti*, но 3 sg.subj.act. *áy-ati*; корень *stu-*, 2 sg.pf.act. *tu-ṣṭó-tha*, но 1 sg.pf.act. *tu-ṣṭáv-a*.

Дифтонги *ai* и *au* перед последующим гласным перекодируются в сочетание долгого гласного *ā* с соответствующим консонантным глайдом, т. е. *ai>āy*, *au>āv*, например: корень *ji-*, 2 sg.aor.act. *á-jai-s*, adj. *jāy-ú*; корень *yu-*, 2 sg.aor.act. *yau-s* и *yāv-īs*. (Диахронически здесь имеет место не удлинение *a* в сочетании с консонантной формой глайда, а сокращение слогового элемента дифтонгов, имевших первоначальную форму **āi*, **āu*.) Слоговой сонант *ṛ* перед последующим гласным дает согласный *r*, например: корень *kṛ-*, 2 pl.pf.act. *ca-kr-á*, но 1 pl.pf.act. *ca-kṛ-má*; основа *mātṛ-*, G.— L.du. *mātr-ós*, I.pl. *mātṛ-bhis*.

Притом что цель всех перечисленных изменений состоит в предотвращении зияния гласных, оно тем не менее нередко встречается даже в пределах простого слова. Наиболее строго моделируются этими правилами сочетания корневого гласного и флексии, гораздо менее строго (прежде всего в РВ) — на других морфемных швах или даже в пределах одной морфемы.

Различные комбинации гласных встречаются на границе двух членов сложного слова, например: *pura-etár-*, *juhū-āsia-*, *gó-opaça-* и др. Степень их устойчивости весьма проблематична, так как неясно, графический ли это гиатус или также и фонетический. В простых словах гиатус закреплен графически только в двух случаях: *títaü* (в АВ *títasu-*) и *práüga-* (*<práyuga-*), представляющих собой исключения.

Наконец, в РВ в ряде грамматических форм долгие гласные произносятся в два слога, т. е. фактически имеет место последовательность двух гласных, как в окончании G.pl. *-ām*, Abl.sg. *-āt* и др.

Сочетания согласных в середине слова отличаются разнообразием и гораздо большей сложностью, чем в начале слова. Здесь представлены все консонантные сочетания, употребляющиеся в начале слова, и кроме того, значительное количество сочетаний, допустимых только в данной позиции. Интервокальные сочетания согласных могут состоять из двух, трех и четырех членов.

Двучленные интервокальные сочетания согласных наиболее разнообразны. В отношении сочетаний, характерных только для этой позиции и не встречающихся в начале слова, можно отметить одну структурную особенность. Если оба компонента таких сочетаний не равны друг другу по степени сонорности (т. е. если это не два шумных смычных, два носовых, два полугласных или два сонорных), то последовательность их в

интервокальном сочетании определяется убыванием сонорности (*-ñg-*, *-rt-*, *-rm-* и т. д.), в то время как в начальном положении она регулируется противоположным принципом — возрастанием сонорности (*gn-*, *tr-*, *mr-* и т. д.). Встречаются сочетания двух носовых согласных, недопустимые в начале слова.

Группа «шумный+шумный», разрешенная как в середине слова, так и в начале, в середине слова может приобретать совсем иную трактовку. В начале слова она всегда представлена сочетанием шумного смычного с фрикативным или наоборот. В интервокальном положении, кроме того, широко распространен такой вариант этой группы, как сочетание двух шумных гетероргáнных смычных, соответствующих друг другу по звонкости—глухости. Такое сочетание функционирует обычно как пограничный сигнал на морфемных швах.

Только в интервокальном положении употребляются геминаты. У придыхательных согласных геминация выражается в долготе смычки, что графически обозначается как *tth*, *ddh* и т. д. Церебральные и зубные геминаты чаще всего сигнализируют границу корня и суффикса.

Здесь приводится алфавитный список двучленных интервокальных сочетаний согласных РВ, которые не совпадают с сочетаниями в начале слова: *kk*, *kkh*, *kṇ*, *kt*, *kth*, *kn*, *km*, *ky*, *kṣ*, *ks*; *khv*; *ggh*, *gṇ*, *gdh*, *gbh*, *gy*, *gv*; *ghm*, *ghy*, *ghv*; *ñk*, *ñkh*, *ñg*, *ñdh*; *cc*, *cch*, *cm*, *cr*; *chy*, *chr*, *chv*; *jj*, *jjh*; *ñc*, *ñch*, *ñj*; *ṭk*, *ṭṭ*, *ṭy*, *ṭr*, *ṭv*; *ṭhy*; *ḍg*, *ḍḍh*, *ḍb*, *ḍbh*; *ḍhv*; *ṇḍ*, *ṇm*, *ṇy*, *ṇv*; *tk*, *tt*, *tth*, *tn*, *tp*, *tm*; *thn*, *thy*, *thr*; *dg*, *dd*, *ddh*, *dn*, *db*, *dbh*, *dm*; *dhn*; *nth*, *nd*, *ndh*, *nn*, *nm*, *ny*, *nv*; *pṇ*, *pn*, *pt*, *pp*, *pv*, *pç*; *phy*; *bj*, *bd*, *bdh*, *by*, *bv*; *bhn*, *bhm*; *mṇ*, *mn*, *mp*, *mb*, *mbh*, *mm*; *mç*, *ms*, *mh*; *yy*; *rk*, *rc*, *rch*, *rj*, *rḍ*, *rṇ*, *rt*, *rd*, *rdh*, *rp*, *rbh*, *rm*, *ry*, *rç*, *rṣ*, *rh*; *lg*, *lm*, *ly*, *lv*, *lç*; *vn*; *çc*, *çp*; *ṣk*, *ṣṭ*, *ṣṭh*, *ṣṇ*, *ṣp*, *ṣm*, *ṣy*, *ṣr*, *ṣv*, *ṣṣ*; *ss*; *hm*; *hç*, *hṣ*, *hs*.

Трехчленные сочетания согласных в середине слова представляют собой комбинации двух двучленных сочетаний, описанных выше. И в этих сочетаниях распределение согласных зависит от степени их сонорности. По способности занимать определенные места в трехчленных сочетаниях согласные делятся на два дистрибутивных класса: шумные и сонорные. К первому классу принадлежат смычные неносовые и фрикативные, ко второму — носовые, полугласные и сонанты. Члены каждого из этих классов не могут занимать одновременно всех трех позиций в консонантных сочетаниях. Если в трехчленном сочетании согласные первого класса занимают два места из трех, то между ними не может находиться согласный второго класса. Таким образом, шумные согласные могут быть первым и вторым членами или вторым и третьим, но не первым и третьим, например, *str* или *rṣṭ*. Согласные же второго дистрибутивного класса встречаются в маргинальных позициях и не могут занимать позицию второго члена. Полугласные *y* и *v*

отличаются по своей дистрибуции от плавных и носовых сонорных в том отношении, что в трехчленных консонантных сочетаниях они могут занимать только третье место, если второе место занимает шумный согласный, причем и в этих сочетаниях консонантная природа полугласных весьма неустойчива, и они легко переходят в соответствующие гласные, например: *agástya-*/*agástia-*, *mártya-*/*mártia-*, *bhaktvāyā-*/*bhaktuāyā*, *hántvā-*/*hántua-* и др. Если же второе место занимает один из согласных второго класса, то в РВ во всяком случае автоматически происходит вокализация полугласного *y*, *v*, как это явствует из размера. Графическая форма слов в таких случаях не соответствует их произношению, например, *vásnya-* произносится *vásnia-*, *sváçvya-* — *suáçvia-* и т. п.

Ниже приводится полный алфавитный список трехчленных интервокальных сочетаний согласных, характерных для РВ: *ktr*, *ktv*, *kṣṇ*, *kṣm*, *kṣy*, *kṣv*; *gdhv*; *ñkt*, *ñkr*, *ñgdh*, *ñgy*; *cchr*, *cchv*; *ñjm*; *ṇḍy*; *ttv*, *tsn*, *tsy*, *tsv*; *ddv*, *dbhy*; *nty*, *ntr*, *nts*, *ndy*, *ndr*, *ndhy*, *ndhv*; *psn*; *mjñ*, *mçc*, *mst*, *msy*, *msr*, *msv*; *rkt*, *rkṣ*, *rtn*, *rtm*, *rty*, *rtr*, *rtv*, *rdr*, *rdhv*, *rbhy*, *rçy*, *rṣṭ*, *rṣṇ*, *rṣm*, *rṣv*; *çcy*; *ṣty*, *ṣtr*, *ṣtv*, *ṣthy*; *skr*, *sty*, *str*, *stv*.

Четырехчленные интервокальные сочетания согласных совсем немногочисленны. В РВ это *ñkṣv*, *ñgdhv*, *mṣṭr*, *rkṣy*. Они построены по одному принципу: шумные согласные занимают центральное положение, сонорные — маргинальное.

Во всех пратишакхьях содержатся указания на характер связи между согласными в сочетаниях разных типов.

При сочетании двух смычных согласных первый из них «подавляется» вторым и произносится имплозивно (о нем говорится, что он лишен выдоха и голоса), например, *-d-* в *marúdbhiḥ*, *-k-* в *muktá-* и т. д. Такая же ослабленная артикуляция свойственна согласному в абсолютном конце слова, т. е. перед паузой[7]. Данное явление называется термином *абхинидхана* (*abhinidhāna-*). Относительно его границ существуют разногласия. Абхинидхана, бесспорно, имеет место в случае геминат или вообще согласных одного места образования, например, в *dattá-*, *pátni-*; это более проблематично при сочетании смычных разного места образования. Так, абхинидхана не имеет места, если смычный более заднего ряда следует за смычным более переднего, например, в *atka-*. При такой последовательности согласных происходит спхотана (*sphoṭana-* 'разрыв', 'откалывание') отпадение одного согласного от другого. Абхинидхана может спонтанно возникать при сочетании смычного с полугласным, как в *adyá-*.

[7] Это наблюдение древнеиндийских ученых многое объясняет в дальнейшем развитии консонантизма: отпадение конечных согласных, ассимиляция интервокальных консонантных сочетаний.

В соответствии с пратишакхьями, в группе «смычный+носовой согласный» появляется промежуточный носовой звук, представляющий собой переход от смычного к носовому и реализующийся фонетически как частичная назализация смычного, например: *rukk̃ma-*, *svapp̃na-* и т. п. Эти звуки назывались *яма* (*yama-* 'близнец'). Считалось, что яма вместе со смычным носовым принадлежит к последующему слогу, т. е. *ruk-k̃ma-*, *svap-p̃na-*.

В отношении группы согласных «фрикативный+носовой» у древних индийских авторитетов нет единого мнения. По мнению одних, между *h* и носовым согласным возникает частичная назализация *h*, называемая *насикья* (*nāsikya-*), как в *vaȟ*$^{(n)}$ *ni-* и т. п.

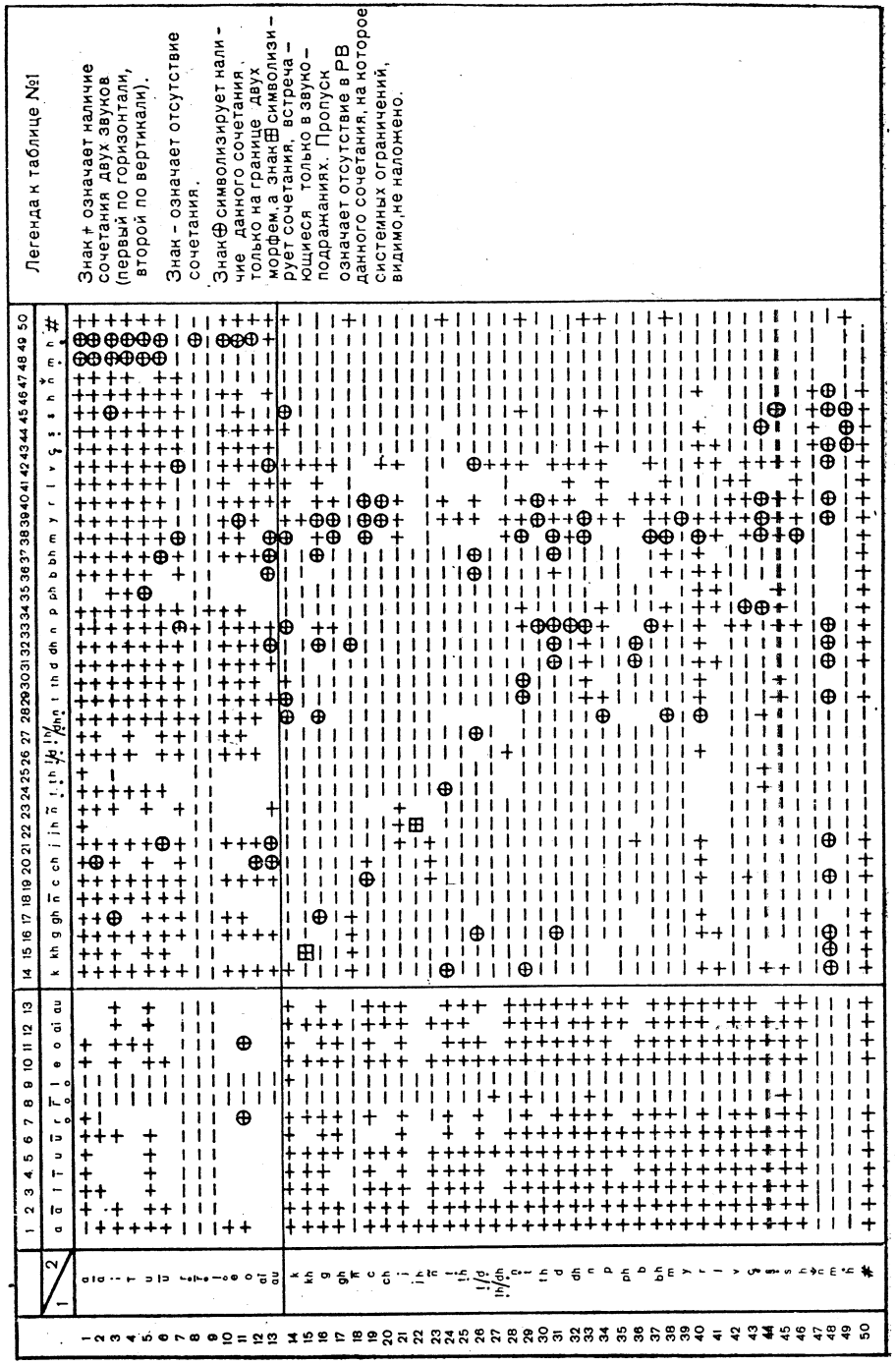
В пратишакхьях указывается, что в ведийском языке в интервокальной группе из двух согласных, где первый согласный — шумный (этой группе может предшествовать также анусвара), первый согласный подвергается удвоению, например, *sapptá-* вместо *saptá-*, *addyá-* вместо *adyá-*, *puttrá-* вместо *putrá-* и т. п. Не подвергаются удвоению только *r* и *h*. Удвоение происходит также в двучленной консонантной интервокальной группе, первым членом которой является *r*, *l*, иногда *h*, а вторым — смычный согласный. Удваивается второй член этой группы, если он не фрикативный, например: *sarppá-* вместо *sarpá-*, *pragalbbha-* вместо *pragalbha-*. Древние фонетисты придерживаются различных точек зрения относительно допустимых границ удвоения согласных. Удвоение нашло отражение во многих ведийских рукописях.

В отдельных трактатах указывается, что удвоение в консонантных группах происходит только после краткого гласного. По-видимому, это была не более, чем тенденция, ясно проявлявшаяся также в отношении одиночных интервокальных палатальных согласных, которым предшествовал краткий гласный, например, *gácchati* вместо *gáchati*.

Во всех пратишакхьях говорится, что в консонантной группе «*r* или *l*+согласный» (а иногда и «согласный+*r* или *l*») существует сверхкраткий вокальный элемент, разделяющий эти два согласных,— так называемый гласный *сварабхакти* (*svarabhakti-* букв. 'часть гласного'). Это сверхкраткий гласный (длительностью до $^1/_8$ моры — единого мнения нет), качество и количество которого определяется его звуковым окружением. Общепризнанным является наличие гласного сварабхакти в группе «*r*+фрикативный», например: *var'ṣá-*, *vál'ça-*, *bar'his* и т. п. Иногда, как свидетельствует ведийский размер, сверхкраткий гласный может быть слогообразующим, как в *ind'ra-*, *p'rá*, *rud'rá-*.

Наблюдения авторов притишакхьев над характером связи согласных звуков в комбинациях друг с другом особенно ценны

Таблица 1



Бинарные сочетания звуков

потому, что они основаны на реальной рецитации текста, многие особенности которой не нашли отражения в графике.

Описание в пратишакхьях, а также графическая форма текста свидетельствуют о наличии в консонантных группах ассимиляции первого согласного по отношению ко второму (т. е. имеет место регрессивная ассимиляция).

В сочетании двух шумных неносовых согласных происходит ассимиляция по звонкости—глухости. Звонкий согласный оглушается перед последующим глухим, например: *úttara-*<*ud+tara-*; *mad-*, 2 sg. *mátsi*<*mad+si*. Глухой согласный озвончается перед последующим звонким, например: *vā́javadbhiḥ*<*vājavat+bhiḥ*; *çak-*, 2 sg.iv.aor. *çagdhí*<*çak+dhi*. Таким образом, в ведийском языке действует запрет на сочетание звонких и глухих согласных и наоборот.

Как показывает таблица бинарных сочетаний (табл. 1), из шумных неносовых согласных палатальные согласные не сочетаются ни с какой другой варгой. Если первым членом бинарного сочетания согласных должен быть палатальный согласный или *h*, то он подвергается чередованию. Характер чередования определяется не вторым членом консонантного сочетания, а диахроническими причинами: происхождением палатального согласного или *h*.

Существуют два типа чередований, которым подвергаются палатальные согласные и *h*, находясь перед последующим шумным согласным или перед паузой (см. ниже, раздел «Конец слова»).

Первый тип чередований, наиболее распространенный, состоит в мене между рядом палатальных согласных и *h*, с одной стороны, и соответствующими гуттуральными — с другой, т. е. *c*, *j*, *h* и *k*, *g*. Возникший в результате этого гуттуральный подвержен дальнейшим изменениям в сочетаниях с другими согласными (по звонкости—глухости). Палатальный сибилянт *ç* в этом типе чередований не принимает участия. Палатальные придыхательные *ch* и *jh* вообще не участвуют в каком-либо типе чередований. Вот некоторые примеры чередования этих согласных в конце корня перед начальным дентальным согласным окончания: *muc-* 'освобождать(ся)', 2 sg.iv.pf. *mu-mug-dhi*, 3 sg. *mu-mok-tu*; *vac-* 'говорить', 2 sg.pf.act. *u-vak-tha*, p.p. *uk-tá*; *nij-* 'мыться', 3 sg.int.med. *ne-nik-té*, p.p. *nik-tá-*; *vṛj-* 'отбрасывать', p.p. *vṛk-tá-*.

Конечный *h* в данном типе чередования, перекодируясь в гуттуральный, сообщает придыхание следующему согласному. В этом случае имеет место регрессивная ассимиляция и по придыхательности, и по звонкости, например: *dah-* 'гореть', *dagdhá-*<*dah+ta*; *duh-* 'доить', *dugdhá-*<*duh+ta*.

Чередование между палатальными (включая те- случаи *h*, когда этот звук функционирует в роли придыхательного по отношению к *j*) и гуттуральными в ведийском языке реализуется в разных типах удвоения от корней с начальным гуттуральным. В редуплицированных формах имеет место последовательность согласных: *c—k*, *c—kh*, *j—g*, *j—gh*, *j—h*. Вот некоторые примеры: *kar-* 'делать', 3 sg.pf. *ca-kā́r-a*; *kyā-* 'смотреть', 'сиять', 2 du.pf. *ca-khy-athur*; *gam-* 'идти', 3 sg.pf. *ja-gā́m-a*; *ghrā-* 'нюхать', p.pr. *ji-ghr-ant-*; *hā-* 'покидать', 3 sg.pr. *já-hā-ti*; *hu-* 'возливать', *jú-ho-ti*.

В некоторых редуплицированных формах от корней с начальным палатальным согласным имеет место противоположный процесс: в корне возникает гуттуральный согласный (синхронно — диссимиляция по отношению к палатальному согласному удвоения, диахронически — «восстановление» исконного согласного). Это происходит у ряда корней в перфекте и в дезидеративе (редко — в других формах), например: *ci-* 'видеть', 2 sg. des.med. *ci-kī-ṣa-te*; *cit* 'замечать', 3 sg.pf. *ci-ké-ta*, 1 pl.des. *ci-kit-sā-mas*; *ji-* 'побеждать', 3 sg.pf. *ji-gā́-ya*, 2 sg.des.med. *ji-gī-ṣa-se*— но *jan-* 'рождать(ся)', 3 sg.pf. *ja-jā́n-a*; *juṣ-* 'наслаждаться', 3 sg.pf. *ju-jóṣ-a*; и др.

Особый случай чередования согласных в корне представляет собой корень *han-* 'убивать', у которого засвидетельствована мена трех согласных: *h/gh/j*; причем она может происходить и в пределах одной парадигмы: 3 sg.pr. *hán-ti*, 3 pl.pr. *ghn-ánti*, 2 sg.iv. *ja-hí* (видимо, по аналогии с формами типа *jáhāti* от *hā-*), 2 sg.des. *ji-ghāṃ-sa-ti*.

В разных словообразовательных типах корни могут быть представлены разными вариантами: с конечным палатальным или гуттуральным. В редких случаях выбор варианта бывает обоснован фонетически: палатальный согласный встречается перед палатальным гласным, как в compar. *ój-īyas-* по сравнению с *ug-rá-* 'ужасный', 'сильный'. Чаще палатальный и гуттуральный согласные встречаются в одинаковом звуковом контексте, например: *bhuj-* 'радовать(ся)', 'наслаждаться', *bhóga-* 'наслаждение', *bhojá-* 'щедрый'; *ruc-* 'сиять', *róka-/roká-* 'свет', *rocaná-* id. (есть тенденция к употреблению гуттурального перед суффиксом *-a*, палатального — перед другими суффиксами); *vac-* 'говорить', *vāká-* 'заговор', 'песнь', *vācā́-stena-* 'отнимающий с помощью заговора'; и др.

Второй тип чередований, менее распространенный, состоит в мене между палатальными согласными и *h*, с одной стороны, и церебральными — с другой, т. е. *ç*, *j*, *h* и *ṭ*, *ḍ*. Глухой палатальный *c* в этом типе чередований не участвует. Возникший в результате чередования церебральный ассимилирует последующий смычный. Вот некоторые примеры: *aç-* 'достигать', inf. *áṣ-ṭave*; *riç-* 'повреждать', p.p. *riṣ-ṭá-*; *kruç-* 'кричать', nom.ag. *kroṣ-ṭár*; *yaj-* 'жертвовать', p.p. *iṣ-ṭá-*, nom.ag. *yaṣ-ṭar-*; *srj-* 'выливать', p.p. *sṛṣ-ṭá-*, nom.ag. *sraṣ-ṭar-*.

В том единственном корне, который оканчивается на *-ch*, подверженном чередованию, это чередование происходит по

типу *c*, а именно: *prach-* 'спрашивать', 3 sg.aor. *áprāṭ*, p.p. *pṛṣṭá-*.

Если корень оканчивается на звонкий фарингальный *h*, следующий данному типу чередования, то на морфемном шве в сочетании с начальными дентальными смычными окончания происходят сложные фонетические изменения. На стыке исходных согласных возникает звонкий церебральный придыхательный, а предшествующий ему гласный приобретает долготу, а иногда также меняет качество. (Диахроническая интерпретация такова: *h*>*ẓ* перед последующим звонким, придыхание перераспределяется на конец группы, дентальный согласный озвончается и переходит в церебральный, *ẓ* выпадает, вызывая заменительную долготу предшествующего гласного, а иногда и меняя его тембр.) Вот некоторые примеры: *sah-* 'одолевать', nom.ag. *sā́ḍhar-*<*sah*+*tar*; *rih-* 'лизать', p.p. *rīḍhá-*<*rih*+*ta*; *vah-* 'везти', p.p. *ūḍhá-*<*uh*+*ta*, nom.ag. *vóḍhar-*<*vah*+*tar*, inf. *vóḍhum*<*vah*+*tum*; *tṛh-* 'разбивать', 3 sg.pr. *tṛṇedhi*<*tṛ-ṇa-h*+*ti*, p.p. *tṛḍhá-*<*tṛh*+*ta* (причем в РВ интервокальный *ḍh* произносится как *ḷh*).

Кстати, такой же рефлекс в этих сочетаниях дает в некоторых случаях конечный глухой церебральный корня, например, *ṣaṣ* — 6, *ṣoḍhā́* 'шестью способами'<*ṣaṣ*+*dhā*.

Различие между двумя типами чередования палатальных согласных и *h* в сочетании с другими согласными или в конце слова нивелируется в фонетическом контексте «палатальный+*s*» — в обоих случаях результат бывает *-kṣ-*, например: *duh-* 'доить', 3 sg.aor. *ádhukṣat*<*a-duh*+*sa-t* *sah-* 'одолевать', 3 sg.inj. *sakṣat*<*sah*+*sa-t*.

Из таблицы бинарных сочетаний согласных видно, что на дистрибуцию придыхательных согласных наложены большие ограничения: аспираты засвидетельствованы в качестве первого элемента только в сочетании с носовыми, глайдами или плавными сонантами. Если же на морфемном шве встречаются придыхательный и шумный согласный, то придыхательный утрачивает придыхание и далее подвергается всем тем изменениям, которым подлежат непридыхательные смычные согласные в соответствующих сочетаниях. Если второй элемент сочетания представлен смычным непридыхательным согласным (практически *t*), то придыхание переходит к нему, т. е. перераспределяется на конец консонантной группы. Если же он представлен сибилянтом (т. е. звуком, не способным в ведийском языке стать придыхательным), то придыхание может перейти к начальному согласному корня при условии, что это звонкий смычный (аналогичные сандхи наблюдаются в консонантных сочетаниях конца слова). Вот некоторые примеры: *dagh-* 'достигать', 2 du.iv. *dhak-tam*<*dagh*+*tam*; *yudh-* 'бороться', part.des. *yúyut-sant-*<*yu-yudh*+*sa-nt-*, p.p. *yuddhá-*<*yudh*+*ta-*; *labh-* 'получать', p.p. *labdhá-*<*labh*+*ta*. Если

второй элемент — смычный придыхательный согласный, то группа согласных упрощается и вместо геминаты появляется один согласный, например, 2 sg.iv. *bɔdhí*<*bodh*+*dhi* от *budh-* 'пробуждаться', так же, как от *bhū-* 'быть', 2 sg.iv. *bodhi*, где придыхание первого согласного исчезает в силу диссимиляции.

В случае последовательности придыхательных согласных в двух соседних слогах первый из них утрачивает придыхание. Регулярно это происходит в слоге удвоения, например: *bhar-* 'нести', 3 sg.pr. *bí-bhar-ti*; *dhar-* 'держать', 3 sg.pf. *da-dhār-a*, 3 sg.aor. *á-di-dhar-a-t*, 2 sg.intens. *dár-dhar-ṣi*. В сочетаниях носового согласного с неносовым выбор носового определяется последующим шумным согласным (прогрессивная ассимиляция), например: корень *yuj-* 'запрягать', 3 sg.pr.med. *yuñkté*, 1 sg.pr. med. *yuñjé* (1 sg.pr.act. *yunájmi*); корень *han-* 'бить', 'убивать', 3 sg.pr.act. *hánti*, 1 sg. *hánmi*, 2 sg. *háṃsi*. Тем же правилом определяется структура корня, оканчивающаяся на группу согласных «носовой+смычный», например: *iṅg-* 'колебать', *añj-* 'намазывать', *vand-* 'прославлять', *ramb-* 'свисать', *hiṃs-* 'ранить'. Таким образом, перед смычным согласным внутри слова бывает представлен носовой того же ряда, перед фрикативным — анусвара. В ряде рукописей сфера применения анусвары расширена за счет гоморганного носового. На морфемных швах конечный *m* корня чередуется с *n* перед начальным зубным смычным окончания и перед *v* (то же сандхи имеет место в конце слова), например: *gam-* 'идти', inf. *gántave*, nom.ag. *gántar-*, 3 sg.intens. *ganīganti*, p.pf.act. *jaganvā́ṃs-*; *yam-* 'обуздывать', 2 sg.iv.aor. *yandhi*, 2 pl.iv.aor. *yanta*.

В группе «шумный согласный+n» происходит прогрессивная ассимиляция после смычных палатальных (практически после *j*), например: *jñā-* 'знать', *yajñá-* 'жертва', D.sg. *rā́jñe* от *rā́jan-* (при том, что последовательность *jm* допустима, например: *majmán* 'величие', *jmā́-* 'земля').

Наиболее сложные сочетания согласных внутри слова возникают на морфемных швах в первую очередь на границе корня или основообразующего суффикса и флексии. В определенных классах форм имеют место случаи утраты одного из согласных, в результате чего упрощается консонантная группа.

В формах 2 sg.iv.act. от корней с конечным палатальным согласным, дающим по правилам чередования гуттуральный перед начальным дентальным согласным флексии, этот гуттуральный выпадает, в результате чего группа согласных упрощается и возникает редкое сочетание гетерорганного носового с шумным согласным — *-n̄dh-*, например: *pṛc-* 'наполнять', *pṛn̄dhi*<**pṛn̄-g-dhi* (ср. 3 sg.pr.med. *pṛn̄kté*); *bhañj-* 'ломать', *bhan̄dhi*<**bhañg-dhi*; *vṛj-* 'повергать ниц', *vṛn̄dhi*<**vṛn̄g-dhi* (ср. 3 sg.pr.med. *vṛn̄kte*).

Более распространенным является выпадение фрикативного согласного *s*, оказавшегося на морфемном шве между двумя

смычными. Это происходит в формах аориста на *-s-* от корней, оканчивающихся на смычный согласный, например: *mad-* 'радоваться', 3 sg.aor.med. *amatta*<**a-mad+s+ta* (ср. 3 pl.aor. med. *amatsata* и др. сигматические формы). Подобные формы, однако, неоднозначны и морфологически могут трактоваться и как корневой аорист. В каждом конкретном случае вопрос решается наличием или отсутствием других форм того или иного аориста. Но и это помогает не всегда, например, ср. *yuj-* 'соединять', 3 sg.aor.med. *ayukta* при 1 sg.aor.med. *ayuji* и 3 pl.aor.med. *ayukṣata*.

Явление иного рода засвидетельствовано в ряде корней, начинающихся с группы «s+смычный», у которых *s-* подвижен и может исчезать после некоторых префиксов или в начальном положении. Таковы корни *kṛ-/skṛ-* 'делать', 3 sg.pr. *kṛṇóti* и пр., но 3 pl.pr. *pári ṣkṛṇvanti*, 3 sg.aor.med. *nír askṛta*; *tan-/stan-* 'греметь', 3 sg.pr. *tanyati*, но 2 sg.iv. *stanihi*; *tár-/stár-* 'звезда', N.pl. *tāras*, но I.pl. *stṛ́bhis*. У остальных корней, начинающихся на группу согласных «*s*+смычный», *s* утрачивается, оказавшись между двумя смычными после приставки *ud-*, например: *stambh-* 'укреплять', p.p. *úttabhita-*; *sthā-* 'стоять', p.p. *útthita-*.

В интервокальной группе согласных, начинающейся с геминированного сибилянта и встречающейся на морфемных швах, упрощение может происходить за счет утраты геминаты, например: *as-* 'быть', 2 sg.pr.act. *ási*<**as-si*; *çās-* 'обучать', 2 sg. iv.med. *çāsva*<**çās-sva* (ВС), ср., однако, 2 sg.pr.act. *çāssi* (РВ); на границе членов сложного слова в *apnasthá-* 'хозяин богатства'<**apnas-stha-* и т. п. Гемината из глухих церебральных спирантов (возникших в результате сандхи) может сохраняться, например, L.pl. *havíṣ-ṣu* от *havis-* 'жертвенное возлияние', но может разрешаться и иным образом, ср. вариант L.pl. *havíḥ-ṣu*.

Перед звонким согласным окончания 2 sg.iv.act. конечный сибилянт корня, по правилам сандхи, должен был озвончаться, переходя в *z*, который в ведийском языке выпадал в любом звуковом контексте, меняя иногда тембр предшествующего гласного или вызывая у него заменительную долготу. Такова форма 2 sg.iv.act. от *as-* 'быть'— *edhí*<**az-dhi*. Аналогичные формы *dehí* от *dā-* 'давать' и *dhehí* от *dhā* 'класть' предлагалось объяснять как формы императива от сигматического аориста: **daz-dhi* и **dhaz-dhi*.

На сочетания гласных с согласными в пределах слова не наложено особых ограничений. В пратишакхьях упоминается тенденция (не отмечаемая на письме) к геминации придыхательного палатального *ch* после гласного (особенно краткого), например: презенс от *gam-* 'идти' произносится *gácchati* (геминация придыхательного реализовалась как удлинение смычки).

Специфической особенностью, характеризующей в ведийском языке дистрибуцию звуков в пределах слова (и — не столь обязательно — в пределах предложения), является церебрализация. Она состоит в переходе зубных согласных в церебральные под влиянием фонетического контекста. В терминах общей фонетики церебрализацию следует описывать как случаи контактной или дистантной ассимиляции.

Наиболее простой случай церебрализации имеет место, когда под влиянием предшествующего шумного церебрального (обычно это *ṣ*, иногда *ṭ*) последующий дентальный согласный становится церебральным, например: *iṣṭá-*, *víṣṇu-*, *ṣaṣṭí*, *íṭṭe* (<*īḍ+te*). Это контактная регрессивная ассимиляция.

Менее очевидными в синхронном плане являются те случаи, когда один из звуков, встречающихся на морфемном шве, бывает звонким, и, по правилам сандхи, в качестве первого элемента сочетания должен был бы возникнуть звонкий церебральный спирант, который в ведийском языке выпадал в любой позиции. Следующий за ним дентальный согласный церебрализовался, а предшествующий гласный получал заменительную долготу или менялся в тембре, например: *stu-* 'восхвалять', сигматическая форма 2 pl.aor.med. *ástoḍhvam*<**a-sto-ẓ-dhvam*, и ряд форм, в которых *ẓ*<*h* перед последующим звонким шумным согласным, как в *rīḍha-*<*rih+ta-* и пр. (см. с. 84). Здесь имеет место контактная прогрессивная ассимиляция.

Самые распространенные случаи церебрализации — это переход *s*>*ṣ*, *n*>*ṇ* под влиянием определенных предшествующих звуков, которые могут и не находиться в непосредственном контакте с ними. В пратишакхьях этот процесс называется термином *нати* (*nati-* 'сгибание'), а звуки, вызывающие церебрализацию,— термином *намин* (*nāmin-* 'сгибающий').

Для *s* звуками намин являются: 1) все гласные, кроме *a*, *ā* (т. е. *ĭ*, *ă*, *ṛ*, *e*, *o*, *ai*, *au*); 2) согласные *k*, *r*, *ṣ*. Вот некоторые примеры: *íṣ-*, *bhīṣā́*, *uṣás-*, *çāṣá-*, *ṛṣvá-*, *yéṣām*, *sajóṣa-*, *ájaiṣam*, *yauṣma*, *rákṣati*, *varṣá-*, *haviṣṣu* (сочетание *-ṣṣ-* неустойчиво, и возможен вариант *havíḥṣu*), *niṣṣapín-*.

В принципе церебрализация *s* представляет собой контактную ассимиляцию, которой, правда, не препятствует назализованный (графически «гласный+анусвара») или придыхательный (графически «гласный+висарга») характер гласного, например: *jyótīṃṣi*, *áyūṃṣi*, *haviḥṣu*, *páruḥṣu*; ср., однако, *puṃsás* от *púṃs-*, и корни *niṃs-*, *hiṃs-*.

Препятствует церебрализации *s* следующий за ним *r* или *ṛ*, например: *usrá-* (ср. *uṣás*), *támisrā-*, *tisṛ́bhis*, *sísarti* (но *ájuṣran*).

Существует также диссимилятивная тенденция избегать *ṣ* в двух соседних слогах, например: *yāsisīṣṭhās* (но *yasiṣīmahi*) от *yā-* 'идти'.

Все эти правила действительны для *s* внутри слова, но не в абсолютном исходе, где *-s* независимо от предшествующего

звукового контекста подчиняется правилам изменения звуков в конце слова.

Для *n* звуками намин являются: 1) гласный *ṛ* и 2) согласные *r* и *ṣ*, например: *kṛṇóti*, *parṇá-*, *çúṣma-*. Эта ассимиляция бывает или контактной, как в приведенных примерах, или дистантной. В последнем случае церебрализация происходит лишь при том условии, если между звуком намин и *n* нет препятствующей артикуляции, а именно согласного одного из средних рядов: палатального, церебрального или дентального. Вот некоторые примеры: *karaṇá-*, *róhaṇa-*, *rugṇá-*, *sárpaṇa-*, *krámaṇa-*, *kṛpaṇyáti*, *dhiṣáṇā*, *vṛ́ṣaṇvat-*, но *vṛjiná-*, *niṣádana-*, *várdhana-*. Таким образом, из согласных не препятствуют церебрализации *n* только гуттуральные и лабиальные.

Препятствием для церебрализации является пауза, следующая за *n*, т. е. при соблюдении прочих условий *n*>*ṇ*, если *n* не находился в конце слова, ср., например: *pūṣán*, но *pūṣáṇa-*; *çīrṣán-*, но *çīrṣáṇi*. Кроме того, препятствуют церебрализации следующие за *n* дентальные неносовые согласные, например: корень *ran-* 'наслаждаться', *rāráṇas*, *rāráṇat*, но *rārán*, *rārándhi*, *rārantu*.

УПОТРЕБИТЕЛЬНОСТЬ ЗВУКОВ

В качестве образца ведийского текста, на материале которого производился подсчет употребительности звуков, был выбран отрывок из РВ длиной приблизительно в 10 тысяч знаков (VI,1—15,4). Встречаемость звуков оказалась следующей: *a* — 1999, *t* — 1027, *r* — 985, *y* — 972, *i* — 699, *ā* — 668, *v* — 644, *m* — 593, *n* — 557, *s* — 431, *o* — 377, *e* — 322, *u* — 282, *d* — 269; *ṃ* — 197, *ṣ* — 186, *p* — 175, *ç* — 165, *j* — 160, *ḥ* — 158, *h* — 145, *k* — 134, *dh* — 125, *bh* — 125, *g* — 115, *ṛ* — 113, *ī* — 112, *c* — 96, *ū* — 77, *ṇ* — 60, *th* — 45, *ai* — 39, *ñ* — 26, *b* — 17, *ṭ* — 16, *au* — 13, *ch* — 13, *gh* — 12, *ṭh* — 6, *ḷ* — 5, *ṝ* — 4, *ḍ* — 4, *ṅ* — 2. Не встречаются: *ḹ*, *kh*, *jh*, *ḍh*, *ḷh*, *ph*, *l*, *ṁ*.

Приведенные цифры показывают, что *ā* — самый употребительный звук в ведийском языке и, следовательно, также самый употребительный гласный. Он встречается почти в три раза чаще, чем ближайшие к нему по употребительности *i* и *a*. Краткие гласные всегда бывают в несколько раз употребительнее, чем соответствующие долгие гласные. Самый редкий слогообразующий звук — *ṝ*, употребляющийся в отдельных грамматических формах (*ṛ* встречается в 28 раз чаще). Редки дифтонги *ai*, *au*, употребление которых ограничено определенными грамматическими и словообразовательными формами.

Из рядов согласных самые употребительные — дентальные (дентальные употребляются чаще, чем остальные варги, вместе взятые), а самые редкие — церебральные. Придыхательные согласные во всех варгах встречаются значительно реже, чем соответствующие непридыхательные, кроме *bh*, засвидетельствованного в семь раз чаще, чем *b*. В трех варгах — гуттуральной, дентальной и лабиальной — звонкие придыхательные более употребительны, чем глухие, а в двух — палатальной и церебральной — наоборот. В четырех варгах глухие непридыхательные употребительнее соответствующих звонких, а в одной — палатальной — соотношение противоположное.

Полугласные звуки (кроме *l*) отличаются от остальных классов согласных гораздо большей употребительностью.

По-видимому, все эти статистические характеристики классов звуков соответствуют определенным их парадигматическим характеристикам.

СЛОГОДЕЛЕНИЕ И СТРУКТУРА СЛОГА

Правила слогоделения излагаются в пратишакхьях следующим образом[8]. Слогообразующим элементом является гласный. Поскольку плавные сонанты *ṛ* и *ḷ* образуют слог, они тоже считаются гласными (лишь в отдельных случаях сверхкраткий гласный сварабхакти, не обозначаемый на письме, может быть слоговым). Слогов в слове столько, сколько в нем гласных. Гласный — это ядро слога, а согласный в слоге подчинен гласному.

Описать слоговую структуру — значит указать, к какому гласному, предыдущему или последующему примыкает согласный. В абсолютном начале слова согласный или группа согласных примыкает к последующему гласному. В абсолютном конце слова согласный или группа согласных (последнее встречается редко), а также анусвара, висарга и гласный сварабхакти примыкают к предыдущему гласному. Одиночный интервокальный согласный примыкает к последующему гласному, например: *e-kaṃ*, *ma-hī*, *bhrā-tar*, *a-pṛ-cha-ta*, *ṛ-bhuḥ*, *a-vart*.

В интервокальной группе согласных, как утверждается большинством авторитетов, первый согласный примыкает к предшествующему гласному, а остальные — к последующему, например: *dīr-gha-*, *put-ra-*, *muk-ta-*, *has-ta-*, *bhak-tvā-yā*, *vak-ṣyan-tī*. Колебания возникают в тех случаях, когда вторым согласным является *r*, т. е. *put-ra-* или *puṭ-ṭra-*. Однако в РП допускается также примыкание всей группы согласных к последующему гласному, а в ТП в это допущение вносится ограничение: только группы «шумный согласный + полугласный» и «смычный + фрикативный» принадлежат целиком последующему гласному, например: *ga-tvī*, *ī-kṣe*, *di-tsa-ti*.

[8] Проблема слогоделения была важна для авторов этих фонетических трактатов, поскольку они имели дело прежде всего с метрическим текстом — силлабическим ведийским стихом.

Для двучленных интервокальных групп согласных такое слогоделение носило теоретический характер, потому что фактически, как говорилось ранее, здесь имела место геминация, и слогораздел проходил между геминированными согласными, представлявшими первый член консонантного сочетания, как в *put-tra*, *muk-kta* и т. п. В результате первый слог во всех случаях оказывался закрытым. Если же геминировался второй член сочетания, то в отношении места слогораздела могли быть колебания, как в *dīrg-gha-* или *dīr-ggha*.

При возникновении в консонантной группе вспомогательного носового согласного яма, по мнению одних, он относился к предшествующему гласному, по мнению других, к последующему, т. е. возможно слогоделение *padd̃-ma-* и *pad-d̃ma-*, *svapp̃-na-* и *svap-p̃na-* и т. п.

По древнеиндийской классификации, с точки зрения квантитативной характеристики различаются два типа слогов: тяжелые (*guru-*) и легкие (*laghu-*). Эта характеристика была существенна прежде всего для стихосложения, где исходной единицей служил слог.

Тяжелым слогом считается тот, который содержит долгий гласный или краткий гласный, за которым следуют два согласных. «Краткий гласный+анусвара» метрически приравнивается к долгому гласному. Остальные слоги рассматриваются как легкие. Таким образом, легким называется слог, оканчивающийся на краткий гласный или на краткий гласный+один согласный.

Фонетически эта классификация весьма приблизительна, поскольку она не в полной мере учитывает длительность согласных (начальные согласные вообще не принимаются во внимание). Мало того, на характеристику слога в трактатах иногда переносят термины «долгий» (*dīrgha-*), «краткий» (*hrasva-*), предназначенные для описания количества гласного (а отсюда в дальнейшем следует и использование понятия моры для метрической характеристики слога, а не гласного).

При всех неточностях в определении тяжелых и легких слогов их различение в ведийском языке является кардинальным с точки зрения не только метрики, но и морфонологических чередований, как это было показано в последних работах Куриловича.

В ведийском языке имеется ряд фактов, которые находят объяснение на стыке метрического и морфонологического уровней. Так, определенная последовательность слогов разной структуры регулирует употребление гласных или согласных вариантов глайдов в заданных морфонологических условиях. По закону, сформулированному Зиверсом и уточненному Эджертоном, после тяжелого слога ведийские постконсонантные *y*, *v* переходят в *iy*, *uv* перед гласным (в графике это не всегда отражается). При этом многими исследователями отме-

чалось, что есть тенденция соблюдать закон Зиверса—Эджертона лишь в определенных грамматических формах: в склонении имен на долгие гласные *-ī-* или *-ū-* (N.sg. *dhíṭ̠*, A. *dhíyam*, I. *dhíyā* и т. д.; N.sg. *tanúṭ̠*, A. *tanúvam*, I. *tanúvā* и т. д.); в склонении имен на краткие гласные *-i-* и *-u-* в окончаниях I.— D.— Abl.du. *-bhyām*, D.—Abl.pl. *-bhyas*; в именном словообразовательном суффиксе *-tva-*; в абсолютивах на *-ya*, *-tya*, *-tvā*, *-tvī*; в суффиксе пассива *-ya-*, в суффиксе оптатива *-yā-*, в личных окончаниях глагола *-dhvam*, *-dhve*, *-dhvai*, *-sva*. В некоторых же морфемах *y* и *v* всегда сохраняют консонантный характер независимо от количества предшествующего слова: в относительном местоимении *ya-*, в окончании G.sg. *-sya* в суффиксе футурума *-sya-*, в именном словообразующем суффиксе *-va-*.

Согласно новой интерпретации этого закона, предложенной Куриловичем, безударный рефлекс *-iya-* был обязателен после тяжелого слога, в то время как после легкого слога допускались как *-ya-*, так и *-iya-*.

Метрическое противопоставление *-ăTya-* (где символ T согласный) и *-ăTiya-*, *-āTiya-*, *-ăTTiya-* приобретает морфонологическое значение, если между *-a-* и последующим согласным проходит морфемная граница. Перед такой границей может иметь место удлинение исходного краткого гласного первой морфемы, если вторая морфема начинается с легкого слога и с одного согласного. Наиболее отчетливо эта тенденция проявляется на границе двух членов сложного слова, например, *dhanvā-sáh-*, *sahásrā-magha-*; в редуплицированных образованиях, где легкий слог корня, начинающегося с одного согласного, влечет за собой удлинение гласного редупликации, например: 3 sg.aor. *apīpatat* от *pat-* или *ajījanat* от *jan-*, но *acikradat* от *kra(n)d-*, *siṣvadat* от *svad-*. В результате создается определенная ритмическая структура ряда грамматических форм. Наконец, во вторичном словообразовании на границе исходной основы и суффикса при тех же условиях возможно удлинение конечного гласного исходной основы или соединительного гласного, например: *ṛṇāván-*, *sávīman-*. Подобное удлинение является факультативным, но если оно происходит, то лишь в заданных фонетических и морфологических условиях.

Метрический уровень для такого текста, как РВ, является весьма существенным. Фонетически текст в пределах одной метрической схемы рассматривается как непрерывная последовательность слогов (отсюда возможность метрически трактовать стык двух слов иначе, чем они трактуются морфологически). В определенных местах этой схемы возможно удлинение гласного открытого слога в зависимости от структуры следующего за ним слога. Так, конечный гласный второго слога в паде перед третьим легким слогом может подвергаться удли-

нению, например, в формах 2 sg.iv.act. *kṛdhi*, *jahi*, наречии *yatra* и L.sg. местоимений *tena*, *yena* в начале пады. И здесь метрический уровень пересекается с морфологическим, так как, если удлинение в заданных местах метрической схемы происходит, то оно происходит в определенных грамматических формах и не встречается в других. Так, способен удлиняться конечный гласный в глагольных формах на *-a*, *-hi*, *-dhi*, *-sva*; I.sg. на *-ena* имен и местоимений; *-a* в некоторых наречиях. Редко удлиняется конечный гласный G.sg. на *-asya* и L.sg. на *-i*. Никогда не удлиняется конечный гласный в D.sg. на *-āya*, N.— A.pl. на *-āni* или в глагольной флексии *-mi*, *-si*, *-ti*, *-nti*, *-tu*, *-ntu*. Наиболее вероятным кажется предлагавшееся объяснение этого явления, которое исходит из разной ритмической структуры, свойственной отдельным грамматическим формам и обусловленным этим неупотреблением ритмически неподходящих форм в определенных местах метрической схемы.

Как метрические представляется целесообразным трактовать некоторые типы сандхи гласных (о чем см. в разделе «Сандхи»), принадлежащие языку поэзии и не свойственные разговорному языку.

Наконец, к метрическому уровню принадлежит такое явление, как нередко встречающееся в РВ скандирование долгих гласных в два слога, т. е. их расчленение. На письме сверхдолгота этих гласных не отражается, и судить о ней можно только по нарушениям размера. Чаще всего сверхдолгим бывает *ā*, обычно в формах G.pl. на *-ām*, Abl.sg. на *-āt*, N.— A.— V.pl. на *-ās* и *-āsas*, A.sg. на *-ām*, например: *gónām* — три слога, *gā́m*, *gā́s* — два слога от *gó-* 'корова' и др.

Расчленение гласного возможно в аугментных формах глагола, у которых аугмент *a* в таких случаях произносится как отдельный слог, например: *āñjan* — три слога (от *añj-*), *áïchas* — три слога (от *iṣ-*), *aürṇos* — три слога (от *vṛ-/ūr-*). Расчленяться могут долгий гласный *-ā-* в субъюнктиве тематических глаголов, в суффиксе причастий *-āná-*, иногда конечный корневой гласный *-ā* в именных образованиях, как в *pāyú* — три слога, *mātár* — три слога, в предлоге-послелоге *á* и иногда в различных лексических единицах.

Гласные *ī*, *ū* могут скандироваться в два слога в окончании A.pl. *-īs*, как в *áratīs* — четыре слога, в кратких формах с вторичными окончаниями от глагола *bhū-*, как два слога и в ряде лексических единиц, например: *pāṣán* — три слога, трехсложные формы L.pl. *gīrbhis* от *gír-*, L.pl. *dhūrṣú* от *dhúr-* и др.

Иногда сверхдолгое произношение ликвидирует наступившую контракцию гласных и восстанавливает первоначальную последовательность двух гласных разного места образования, например: *çrá(y)iṣṭha-* вместо *çréṣṭha-* (см. с. 67) и т. п.

Как отмечалось исследователями ведийских размеров, в

определенных местах метрической схемы, а именно во втором слоге после цезуры в размерах *триштубх* (*triṣṭubh-*) и *джагати* (*jagatī-*) сверхкраткий гласный сварабхакти может приобретать слоговое качество.

В связи со слогом следует еще отметить такую известную особенность ведийского языка, как нередко встречающееся выпадение одного из двух соседних тождественных или фонетически сходных слогов. Подобная гаплология встречается обычно в пределах одного слова, например: aor. *açiçnat* — hap.leg. наряду с *çiçnáthat*, *çiçnathas* и др. от *çnath-*; inf. *irádhyai* вместо **iradhadhyai* от *iradh-*; *devátā* как I.sg. от *devátāt-* наряду с *devátātā*.

Проявление того же принципа на синтаксическом (а отчасти и стилистическом) уровне можно видеть в синкопе флексии у одной из двух соседних форм одного и того же падежа, например: *puruvā́jābhir ūtī́* (VI,10.5) 'с мощными подкреплениями' вместо *ūtíbhis*, *devā́ñ jánma* (I.71.3, и др.) 'род богов' вместо *devānām*, *triṣv á rocané* (I,105,5; VIII,69,3) 'в трех светлых пространствах' вместо *rocanéṣu* и т. п.

ФОНОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

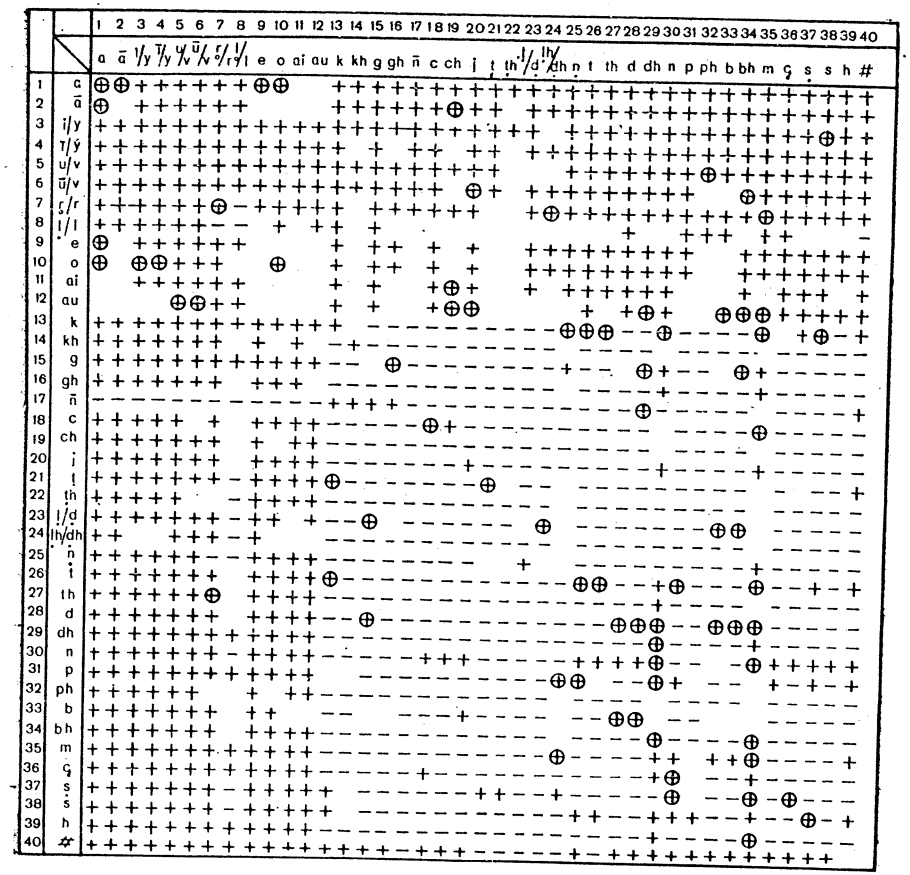
Фонологическая система ведийского языка состоит из следующих 39-ти фонем: 1) *a*, 2) *ā*, 3) *i/y/iy*, 4) *ī/y/iy*, 5) *u/v/uv*, 6) *ū/v/uv*, 7) *ṛ/r*, 8) *ḷ/l*, 9) *e/ay*, 10) *o/av*, 11) *ai/āy*, 12) *au/āv*, 13) *k*, 14) *kh*, 15) *g*, 16) *gh*, 17) *ñ*, 18) *c*, 19) *ch*, 20) *j*, 21) *ṭ*, 22) *ṭh*, 23) *ḍ*, 24) *ḍh*, 25) *ṇ*, 26) *t*, 27) *th*, 28) *d*, 29) *dh*, 30) *n*, 31) *p*, 32) *ph*, 33) *b*, 34) *bh*, 35) *m*, 36) *ç*, 37) *ṣ*, 38) *s*, 39) *h*. Эти фонемы выделяются на основании синтагматических и парадигматических характеристик.

По синтагматической оси (см. табл. 2) фонемы разбиваются на классы в зависимости от способности образовывать слог. Фонемы, не способные ни в каком контексте образовывать слог, составляют класс согласных. Это фонемы 13—39. Остальные фонемы традиционно считаются классом гласных, или фонемами, способными образовывать слог.

Для дальнейшей идентификации слогообразующих фонем необходимо разбиение их на два класса: 1) фонемы, способные образовывать слог в любом контексте, и 2) фонемы, способные образовывать слог в определенном контексте. К первому подклассу принадлежат *a*, *ā*, *e/ay*, *o/av*, *ai/āy*, *au/āv*.

Для фонем 9—12 характерно наличие двух вариантов, находящихся в отношении дополнительного распределения: перед гласным встречается вариант, оканчивающийся на консонантный элемент, перед согласным — чисто вокальный вариант, например: *nī-* 'вести', 2 sg. *né-ṣi*, *náy-a-si*; *stu-* 'хвалить',

Таблица 2



Бинарные сочетания фонем

3 sg.impf. *á-stau-t*, 3 sg.aor.pass. *á-stāv-i*. Оба варианта этих фонем обладают слогообразующей функцией.

Далее для разбиения фонем, обладающих слогообразующей функцией лишь в определенном контексте, необходимо рассмотреть по синтагматической оси трехчленные комбинации фонем. Диагностическими для данной цели являются контексты типа VxC и CxV, где V — гласный, C — согласный, а x — идентифицируемая фонема. В контексте типа VxC в функции x встречаются плавные сонанты и не встречаются в качестве самостоятельных фонем глайды. Плавные сонанты здесь бывают представлены согласными вариантами *r*, *l*, например: *sarpá-*, *gīrṇá-*, *mūrdhán-*, *kálpa-*, *kilbiṣa-* и др.

В контексте CxV плавные сонанты, с одной стороны, и глайды — с другой, выступают в виде разных типов аллофонов. Фонемы *ṛ/r*, *ḷ/l* могут быть представлены здесь только согласными вариантами, например: *prá*, *áçrāyi*, *klóça* и др. Глайды же в контексте CxV репрезентируются несколькими вариантами: 1) согласными *y*, *v*; 2) гласными *i*, *u*; 3) сочетаниями гласного с согласными *iy*, *uv*. Тот или иной вариант глайда определяется количественной характеристикой предшествующего слога и отчасти — грамматической характеристикой формы (см. выше, раздел «Слогоделение и структура слога»). При этом дистрибутивный критерий оказывается достаточным для выделения самостоятельного класса глайдов.

Некоторых пояснений требуют особенности распределения фонем класса плавных сонантов (речь пойдет только об их согласных вариантах, поскольку *ḷ* засвидетельствовано лишь в одном корне *kḷp-* 'соответствовать'). При фонетическом описании звуков упоминалось о том, что в РВ *r* заметно преобладает над *l* (последний встречается в более поздних частях памятника), и есть ряд слов, имеющих варианты с *r* и *l*.

При фонологической интерпретации плавных сонантов существенным представляется тот факт, что даже в РВ некоторые формы с *l* не имеют вариантов с *r* как, например: *kapilá-* 'коричневый', *kévala-* 'собственный', *nílа-* 'иссиня-черный' и др., и более того, существуют минимальные пары, различающиеся противопоставлением *r—l*, как, например: *kārá-* 'песнь': *kālá-* 'определенное время', *roká-* 'свет': *loká-* 'свободное пространство', *varā́-* 'жених': *valá-* 'пещера' и др. Именно эта группа фактов представляет собой центр действия данной фонологической оппозиции, а случаи вариативного соотношения *r/l* — ее периферию.

Дистрибутивные критерии позволяют уточнить фонологический статус количественной характеристики слогообразующих звуков. На фонетическом уровне в ведийском языке существует противопоставление долгих и кратких звуков: *a*, *i*, *u*, *ṛ—ā*, *ī*, *ū*, *ṝ*. Остальные фонетически долгие звуки не имеют соответствующих кратких. Это гласные дифтонгического происхождения *e*, *o* и реальные дифтонги *ai*, *au*.

Долгий дрожащий слоговой сонант *ṝ* засвидетельствован в строго ограниченной группе грамматических форм — в A. и G.pl. от основ на *-r*: *pitṝn*, *pitṝṇā́m* от *pitár-* и др., где долгота слогового сонанта вызвана аналогией с количеством гласного в этих формах у других типов основ: *devā́n*, *devā́nām* от *devá-*; *agnī́n*, *agnīnā́m* от *agní-*; *çátrūn*, *çátrūṇām* от *çátru-*. Таким образом, оппозиции между хорошо засвидетельствованным кратким звуком *ṛ* и встречающимся только в указанных формах долгим звуком *ṝ* нет. Поэтому можно считать, что слоговые сонанты не принимают участия в фонологической оппозиции «долгота—краткость».

Фонологическая оппозиция «долгота—краткость» релевантна для трех пар фонем: *ă—ā*, *ĭ—ī*, *ŭ—ū*. Качественные различия между кратким и долгим коррелятами (а таковые велики между закрытым кратким *a* и открытым долгим *ā*) являются фонологически несущественными. По сути дела такая же интерпретация дается во всех пратишакхьях и у Панини.

Данная оппозиция складывается из противопоставления двух единиц: долгого и краткого гласного, место образования которых условлено считать одинаковым. Долгий гласный содержит две моры, краткий — одну. Сверхдолгий гласный плути, содержащий три моры, не принимает участия в фонологической оппозиции. Он представляет собой проекцию интонационного уровня на уровень морфологически обусловленных долгот и краткостей. Сверхкраткие гласные сварабхакти также не участвуют в фонологической оппозиции, т. е. не имеют смыслоразличительной функции.

Оппозиция «долгота—краткость» служит для идентификации лексических и грамматических значений в ведийском языке. Она используется для отождествления глагольных корней, например: *as-* 'быть'— *ās-* 'сидеть', *vaç-* 'желать'—*vāç-* 'реветь', 'греметь', *çri-* 'опираться' — *çrī-* 'пылать', *hu-* 'совершать жертвенное возлияние'— *hū-* 'звать'; и др.; именных основ, например: *vára-* 'желание', 'дар'— *vā́ra-* 'хвост', *diná-* 'отрезанный'— *dīná-* 'слабый', *kúla-* 'семья'— *kū́la-* 'склон' и др. Эта оппозиция широко используется также в отождествлении отдельных грамматических форм глагола и имени, например: 1 sg.pf.act. *uváca* — 3 sg.pf.act. *uvāca* от *vac-* 'говорить'; 3 sg.pr.act. *bhárati* — 3 sg.subj.act. *bhárāti* от *bhar-* 'нести'; N.sg. *devā́ḥ* — N.pl. *devā́ḥ* от *devá-* 'бог'; N.— A.sg.n. *çúci* — N.— A.du.m.f. *çúcī*; N.— A.sg.n. *urú* — N.— A.pl.n. *urū́*.

Наряду с этим в ведийском языке в определенных условиях происходит нейтрализация оппозиции «долгота—краткость». Она может быть вызвана действием правил сандхи, в силу которых конечный краткий гласный в ряде грамматических форм удлиняется перед начальным согласным следующего слова в определенных местах метрической схемы (см. раздел «Сандхи»). Нейтрализация данной оппозиции может определяться также чисто морфологическими причинами. У большинства открытых корней, оканчивающихся на гласный вариант глайда, количество корневого гласного релевантно только для различения определенных граммем в данной парадигме, но не для отождествления лексического значения, например: *mi-/mī-* 'вредить'— *mi-nā́-ti*, но *mī́-ya-te*; *pū-* 'очищать'— *pu-nā́-ti*, но *pū-yá-te* и т. д.

Таким образом, для оппозиции «долгота—краткость», играющей важную роль при отождествлении единиц фонологического и морфонологического уровней, существуют большие ограничения.

Дифтонгический или монофтонгический характер долгих гласных, не имеющих кратких коррелятов, т. е. *e*, *o*, *ai*, *au*, не является фонологически существенным. Поскольку в положении перед гласным все эти фонемы представлены вариантом *ă* или *ā*+консонантный глайд, фонологически существенна степень открытости *a*.

Привлечение синтагматических параметров необходимо также для уточнения фонемного статуса ряда консонантных фонем. В частности, некоторых пояснений требует подкласс назальных фонем. Его образуют фонемы *m*, *n*, *ṇ*, *ñ*. Зубная фонема *n* представлена несколькими согласными вариантами: *n*, *ñ*, *ñ*, *ṇ*. Из них основной, несвязанный вариант — зубной; палатальный обусловлен соседством с палатальным согласным, например: *siñcáti*, *jñātá-*; велярный — последующим велярным шумным согласным, например: *áṅgiras*, *aṅkté* (при *añjánti* и *anákti* от *añj-* 'намазывать'); церебральный вызван правилами *natu* (*nati*) или сандхи, например: *váruṇa-*, *uṣṇá-*, *svàr ṇa*. Губная и зубная носовые фонемы являются одними из самых употребительных согласных фонем. Церебральная носовая фонема (т. е. *ṇ* в интервокальном положении, не вызванный правилами нати) встречается редко, например: *gaṇá-*, *kalyāṇa-* и др. Наиболее редко употребляется велярная фонема *ñ*. Она встречается в конечном положении после гласного (т. е. в той позиции, где допустимы также *n* и *m*) в небольшой группе форм N.sg.m. от основ на *-añc-*. Отсюда возможность таких минимальных пар, как *arvā́ñ* 'обращенный к кому-либо'— *árvāṅ* 'скачущий', *ápāñ* 'обращенный назад'— *apā́m* — G.pl. от *áp-* 'вода' (место ударения здесь в расчет не принимается). В контрасте с другими носовыми фонемами *ñ* встречается также в середине слова перед *dh* в нескольких атематических формах 2 sg.iv.act., например: *pṛ́ñdhi* от *pṛc-* 'наполнять', *bhāñdhi* от *bhañj-* 'ломать', *vṛ́ñdhi* от *vṛj-* 'повергать ниц'; ср. *bandhá-* 'шнур' (фонема *n*), *saṃdhí-* (фонема *m*).

В ведийском языке фонологически релевантная назальность непременно связана со смычной артикуляцией. Анусвара и анунасика, которые нельзя квалифицировать как смычные, не имеют фонологического статуса. Анунасика фонологически представляет собой позиционно обусловленный вариант согласных носовых фонем *n* и *m*. Этот вариант всегда является пограничным сигналом между двумя словами или — реже — двумя морфемами (обычно между префиксом и корнем).

В большинстве случаев анунасика представляет конечную зубную фонему *n* после долгого гласного перед начальным кратким гласным следующего слова, например: *jaghanvā́ṅ indra*<*jaghanvā́n*+*indra*. Фонетической реализацией является назализация предшествующего долгого гласного. Анунасика представляет фонему *m* в позиции перед щелевыми сонантами *y*, *v*, *l* на границе между двумя словами или морфемами, на-

пример: *saṽvatsara-*<*sam*+*vatsara-*. Здесь фонетическая реализация представлена в виде назализации щелевого сонанта. На письме этот тип сандхи не отражается.

Анусвара представляет фонемы *m* и *n* перед любым шумным согласным (перед лабиальными согласными это факультативно) и *r* на границе двух слов или двух морфем. В этой позиции анусвара всегда является пограничным сигналом, например: *saṃ-jayá-* 'победный', но корень *sañj-* 'вешать'. Перед шумными щелевыми согласными анусвара может встречаться и в пределах морфемы, например: *vaṃçá-*, *haṃsá-* и, следовательно, пограничным сигналом не является.

Изучение дистрибуции носовых фонем в тексте показывает, что выбор варианта носовой фонемы перед последующей согласной фонемой лишь в части случаев автоматически регулируется фонетическими причинами: перед шумным щелевым согласным может быть только анусвара, перед остальными согласными теоретически возможен как носовой полной смычки, так и вспомогательный носовой неполной смычки. Выбор варианта здесь диктуется морфологическими причинами. Граница префикса и корня или граница двух членов сложного слова сигнализируется всегда; граница редупликации корня в интенсивах — иногда; не сигнализируется граница корня и основообразующего суффикса или корня (основы) и флексии.

Висарга *ḥ* (глухое придыхание, следующее за гласным в конце слова или — реже — в конце морфемы) на фонологическом уровне никак не связана с фонемой *h* — звонким фарингальным спирантом, несмотря на наличие между ними некоторой фонетической близости: это единственные согласные звуки, образуемые в области гортани. Решающими в фонологической интерпретации висарги являются морфонологические данные. В системе чередований висарга никогда не представляет фонему *h*. По правилам сандхи висарга представляет фонемы *s* и *r* перед последующим глухим согласным (перед *t-* *-s* сохраняется) на границе двух слов или двух морфем, например: *ápas tád*, но ... *ápaḥ*, *ápaḥ sūcyá*; *kar indra*, но ... *káḥ* | , *kaḥ puruṣatrā́*. Поэтому висаргу следует рассматривать как «архифонему», в которой нейтрализуются различия между фонемами *s* и *r* и которая в ведийском языке используется в качестве пограничного сигнала.

Подкласс церебральных фонем также нуждается в уточнениях с помощью синтагматических характеристик. В древнейшем из ведийских текстов, в РВ, засвидетельствованы следующие церебральные звуки: *ṭ*, *ṭh*, *ḍ*, *ḍh*, *ḷ*, *ḷh*, *ṇ*, *ṣ*. Среди согласных это единственный ряд, члены которого не могут встречаться в абсолютном начале слова. Исключениями, с синхронной точки зрения, являются слова *ṣaṣ* 'шесть' и *ṣā́ṭ* — N.sg.m. от *sáh-* 'одолевающий'. В абсолютном исходе церебральные представлены слабо: в немногих формах встречается глухой непридыхательный церебральный *ṭ* (носовой в отличие от других рядов согласных здесь не встречается). Таким образом, различительными для церебральных являются прежде всего позиции внутри слова.

Во многих случаях для идентификации церебральных фонем необходима последовательность более чем двух звуков. Такова, в частности, ситуация с распределением в тексте звуков *ḍ* и *ḷ*, *ḍh* и *ḷh*. В РВ в интервокальном положении (не только в пределах слова, но и на границе двух слов) *ḍ*>*ḷ*, *ḍh*>*ḷh*, в остальных звуковых контекстах встречаются *ḍ* и *ḍh*, например: *ī́ḍ-* 'восхвалять', 1 sg.pr.med. *ī́ḷé* — 3 sg.pr.med. *ī́ṭṭe* (<*ī́ḍ*+*te*); *mī́ḍhvās-* 'щедро дарующий', N.sg. *mī́ḍhvāḥ* — D.sg. *mī́ḷhúṣe*; *pṛtanāṣā́ḷ ámartyaḥ*<*pṛtanāṣā́ḍ*+*ámartyaḥ*. В письменном тексте РВ это распределение звуков не вполне последовательно отражено.

Дополнительное распределение этих звуков в тексте говорит о том, что *ḷ* — это вариант фонемы *ḍ*, а *ḷh* — вариант фонемы *ḍh*. В пратишакхьях более поздних вед упоминается, что интервокальным вариантом церебрального *ḍ* может быть латеральный сонант *l*, а вариантом *ḍh* — соответственный придыхательный коррелят *lh*. Видимо, речь здесь идет о диалектных различиях вариантов.

Глухие церебральные, особенно придыхательные, встречаются значительно реже звонких. Самыми употребительными церебральными звуками являются непрерывный *ṣ* и носовой *ṇ*. В подавляющем большинстве случаев их следует трактовать на фонологическом уровне как позиционные варианты соответствующих дентальных фонем *s* и *n*, возникшие под влиянием нати или сандхи (т. е. контактной или дистантной ассимиляции), например: *viṣá-*, *çúṣṇa-*, *roṣati*, *vṛ́ṣan*, *vikṣú*, *niṣṣapt́*, *ánti ṣád* (примеры на *ṇ* см. выше). Однако в небольшой группе слов звуки *ṣ* и *ṇ* встречаются не после звуков намин, т. е. в независимом положении, и в этих случаях они должны трактоваться как самостоятельные фонемы, например: *cā́ṣa-*, *vā́ṣaṭ* и др. Именно такие факты дают основания считать *ṣ* и *ṇ* самостоятельными фонемами в ведийском языке, хотя из всех церебральных они наименее «фонемны».

В целом же класс церебральных фонем в ведийском языке довольно четко противопоставлен классу дентальных фонем прежде всего в середине слова, а глухие непридыхательные фонемы, также и в конце, например: *mṛḍ-* 'прощать' — *mṛd-* 'разбивать', *sā́ḍha-* (p.p. от *sah-* 'одолевать') — *sā́dha-* 'осуществление', *aṇu-* 'маленький' — *ánu* 'вслед за', *abhrāṭ* (3 sg.aor. от *bhrāj-* 'сверкать') — *abhrā́t* (Abl.sg. от *abhrá-* 'туча').

По парадигматической оси фонологическую систему ведийского языка можно описать с помощью следующих бинарных оппозиций ингерентных дифференциальных признаков: 1) «гласность—негласность», 2) «согласность—несогласность», 3) «ком-

пактность—некомпактность», 4) «диффузность—недиффузность»; 5) «церебральность—нецеребральность» [разновидность более общей оппозиции «диезный—простой» («sharp—plain»)], 6) «периферийность—непериферийность», 7) «придыхательность—непридыхательность» [разновидность более общей оппозиции «напряженность—ненапряженность» («tense—lax»)], 8) «назальность—неназальность», 9) «непрерывность—прерывность», 10) «звонкость—глухость», 11) «долгота—краткость»[9].

С помощью оппозиций «гласность—негласность», «согласность—несогласность» идентифицируются четыре класса фонем: гласные и несогласные *a*, *ā*, *e*, *o*, *ai*, *au*; гласные и согласные слоговые сонанты *r̥/r*, *l̥/l*; негласные и несогласные глайды *i/y/iy*, *ī/y/iy*, *u/v/uv*, *ū/v/uv*; согласные и негласные все прочие фонемы, т. е. *k*, *kh*, *g*, *gh*, *n̄*, *c*, *ch*, *j*, *ṭ*, *ṭh*, *ḍ*, *ḍh*, *ṇ*, *t*, *th*, *d*, *dh*, *n*, *p*, *ph*, *b*, *bh*, *m*, *ç*, *ṣ*, *s*, *h*.

Те же четыре класса фонем противостоят друг другу и по синтагматической оси.

Оппозиция «компактность—некомпактность» служит для различения среди гласных фонем самых открытых *ā*, *a*, с одной стороны, и более закрытых дифтонгов *ai/āy*, *au/āv* — с другой; среди согласных велярных смычных *k*, *kh*, *g*, *gh*, *n̄* и палатальных *c*, *ch*, *j*; фарингальной непрерывной фонемы *h* и палатальной непрерывной *ç*.

Посредством оппозиции дифференциальных признаков «диффузность—недиффузность» различаются среди гласных наиболее закрытые *e*, *o*, с одной стороны, и более открытые *ā*, *a*, *ai*, *au* — с другой; среди согласных фонем — губные, дентальные и церебральные, с одной стороны, велярные и палатальные — с другой, т. е. *p*, *ph*, *b*, *bh*, *m*, *t*, *th*, *d*, *dh*, *n*, *ṭ*, *ṭh*, *ḍ*, *ḍh*, *ṇ*, *s*, *ṣ*—*k*, *kh*, *g*, *gh*, *n̄*, *c*, *ch*, *j*, *h*, *ç*.

Следует отметить, что две последние оппозиции дифференциальных признаков моделируют фонологически существенные различия между простыми гласными и дифтонгами. Тем самым монофтонгический или дифтонгический характер гласного признается фонологически несущественным, что находится в соответствии с трактовкой этого вопроса и по синтагматической оси.

Оппозиция «периферийность—неперифериность» дает возможность идентифицировать среди гласных периферийные фонемы *o*, *au* и неперифериные *e*, *ai*; среди глайдов — периферийные *u/v/av*, *ū/v/av* и неперифериные *i/y/iy*, *ī/y/iy*; среди согласных — периферийные губные *p*, *ph*, *b*, *bh*, *m* и неперифериные дентальные с церебральными, т. е. *t*, *th*, *d*, *dh*, *n*, *ṭ*, *ṭh*, *ḍ*, *ḍh*, *ṇ*.

[9] При данной системе описания эту оппозицию целесообразно трактовать в качестве ингерентной.

Релевантность оппозиции «придыхательность—непридыхательность» распространяется только на те фонемы, которые являются согласными, негласными, прерывными, неназальными. По этим признакам противопоставлены фонемы всех рядов: *kh—k*, *gh—g*, *ch—c*, *ṭh—ṭ*, *ḍh—ḍ*, *th—t*, *dh—d*, *ph—p*, *bh—b*. Симметричность системы согласных в отношении данной оппозиции отчасти нарушается лишь в палатальном ряде, где для фонемы *j* эта оппозиция иррелевантна, поскольку нет соответствующей придыхательной фонемы *jh*.

Релевантность оппозиции «назальность—неназальность» распространяется только на фонемы, которые являются согласными и негласными. По признаку назальности в ряду лабиальных *m* противостоит *p*, *ph*, *b*, *bh*; в ряду дентальных *n—t*, *th*, *d*, *dh*; в ряду церебральных *ṇ—ṭ*, *ṭh*, *ḍ*, *ḍh*; в ряду велярных *n̄—k*, *kh*, *g*, *gh*. Палатальный ряд не моделируется этой оппозицией, так как палатальная носовая фонема отсутствует.

Релевантность оппозиции «непрерывность—прерывность» распространяется только на те фонемы, которые обладают признаком согласности. С помощью этой оппозиции различаются среди согласных непрерывные *h*, *ç*, *ṣ*, *s* и прерывные смычные *k*, *kh*, *g*, *gh*, *n̄*, *ṭ*, *ṭh*, *ḍ*, *ḍh*, *ṇ*, *t*, *th*, *d*, *dh*, *n*, *p*, *ph*, *b*, *bh*, *m* вместе с аффрикатами *c*, *ch*, *j*; среди слоговых сонантов непрерывная фонема *l̥/l* и прерывная *r̥/r*. Симметричность в системе согласных в отношении этой оппозиции нарушается в ряду губных, не имеющих соответствующей непрерывной фонемы. Ряду велярных смычных в качестве непрерывной фонемы оказывается фонологически противопоставленным фарингальный *h*.

Релевантность оппозиции «звонкость—глухость» распространяется на фонемы, обладающие согласностью, негласностью, неназальностью, прерывностью. С помощью этой оппозиции различаются согласные фонемы всех рядов: звонкие *g*, *gh*, *j*, *ḍ*, *ḍh*, *d*, *dh*, *b*, *bh* и глухие *k*, *kh*, *c*, *ṭ*, *ṭh*, *t*, *th*, *p*, *ph*. В ряду палатальных согласных симметричность системы нарушена тем, что одному звонкому члену *j* противостоят два глухих — *c* и *ch*, различающихся между собой по придыхательности.

Релевантность оппозиции «долгота—краткость» распространяется на фонемы, обладающие признаком несогласности. Эта оппозиция позволяет различать гласные *ā—a*, глайды *ī/y/iy—i/y/iy*, *ū/v/uv—u/v/uv*.

Фонемы могут быть идентифицированы как пучки дифференциальных признаков в виде матрицы (табл. 3), где знак «плюс» символизирует наличие у данной фонемы признака — первого члена бинарной оппозиции, а знак «минус» — наличие у нее признака — второго члена бинарной оппозиции. Знак «ноль» символизирует иррелевантность данной оппозиции для данной фонемы.

Таблица 3

№	Дифференциальные признаки \ Фонемы	i/y ī/ȳ u/v ū/v̄	v	p ph b bh m	t th d dh n	ṭ th	ḍ dh	ḷ lh	n	k kh g gh ñ	c ch j	ś ṣ ç	h	e o	a ā	ai au	r/r̥	l
1	долгота-кратность	−	+	−	+	О	О	О	О	О	О	О	О	О	О	О	О	О	−	+	О	О	О	О
2	придыхательность-непридыхательность	О	О	О	О	−	+	−	+	О	−	+	−	+	О	−	+	О	−	+	О	−	+	О	О	О	О	О	О	О	О	О	О	О	О	О

Описанным выше согласным, негласным фонемам (все они в той или иной степени ориентированы на изоморфные структуры) противостоит класс слоговых сонантов, обладающих гласностью и согласностью. Он состоит из двух членов, отличающихся друг от друга как прерывная и непрерывная фонемы.

Класс глайдов отличается от прочих классов фонем совокупностью признаков негласность, несогласность. Четыре члена этого класса различаются между собой с помощью оппозиций «периферийность—непериферийность» и «долгота—краткость».

Класс гласных объединяет фонемы, характеризуемые гласностью и несогласностью. Члены этого класса образуют пятиугольник, в котором фонемы различаются по компактности диффузности, периферийности и долготе. Последняя оппозиция моделирует противопоставление *ā—a*, т. е. фонем, составляющих асимметричный угол пятиугольника (по всем другим параметрам эти фонемы — в традиции Панини — интерпретируются на фонологическом уровне как фонемы одного места образования).

Конфигурации фонем ведийского языка могут быть представлены графически (см. схему 2).

УДАРЕНИЕ

В ведийском языке ударение было музыкальным по преимуществу и характеризовалось высотой тона гласного. Фонетически различались три основных тона: высокий — *удатта* (*udātta-*), низкий — *анудатта* (*anudātta-* букв. 'невысокий') и понижающийся — *сварита* (*svarita-* букв. 'звучный'). В каждом слове под ударением мог находиться, как правило, только один гласный (о классах слов с двумя ударениями будет сказано особо). Ударение падало на слогообразующий гласный, но принадлежало всему слогу. Ударение было свободным, т. е. могло приходиться на любой слог в слове.

О ведийском ударении можно судить по трем источникам: по системе акцентуации дошедших до нас письменных текстов, по описанию акцентуации в пратишакхьях и — с меньшей степенью достоверности — по современной рецитации вед.

Акцент обозначен на письме во всех четырех ведийских самхитах и, кроме того, в Тайттириябрахмане и араньяке, в Шатапатхабрахмане, Брихадараньякопанишаде и Супарнадхьяе. Все остальные тексты дошли до нас не акцентуированными.

Существует несколько систем ведийской акцентуации. Наиболее распространенной является та, которая представлена в РВ, АВ, а из текстов ЯВ — в ВС и ТС. Согласно этой системе в слоговом письме деванагари слог, несущий главное ударение — удатту, специально не маркируется, маркируется предшествующий ему безударный слог, т. е. анудатта, горизонтальной черточкой под строкой и следующий за ним заударный слог — энклитическое ударение сварита вертикальной черточкой над строкой, например: *sahasra̍m=sahásram*, *rakṣaso̍=rakṣáso*. Так же изображается и независимое ударение сварита, например: *vīrye̍ṇa=vīryèṇa* (=*vīrí[y]eṇa*), *asuryа̍m=asuryàm* (=*asurí[y]am*). Если один или несколько слогов удатта находятся в начале полустишия, то удатта и в этом случае специально не обозначается, и маркируется лишь первый заударный слог сварита, например: *pra ye çumbha̍nte=prá yé çúmbhante*, *yo aska̍bhayad=yó áskabhayad*. Один или несколько слогов анудатта, находящиеся в начале полустишия, обозначаются, как обычно, подстрочной горизонтальной черточкой (вплоть до первого слога удатта), например: *rayiṃ no̍=rayíṃ no*, *urukramasya̍=urukramásya*. Из последовательных слогов анудатта внутри полустишия подстрочной черточкой маркируется только последний слог, предшествующий слогу удатта, а остальные слоги никак не отмечаются, так, например: *tā vāṃ vāstū̍ni uçmasi gama̍dhyai=tā́ vāṃ vā́stūni uçmasi gámadhyai* (I,154,6). При этом обозначение предшествующей анудатты вытесняет обозначение энклитической свариты, например: *babhruḥ çukrebhi̍ḥ=babhrúḥ çukrébhiḥ*, *hiraṇyayāt pari yone̍r niṣadyā̍=hiraṇyáyāt pári yóner niṣádyā* (II,35,10). В случае последовательности «независимая сварита+удатта» сварита обозначается следующим образом: за слогом сварита идет цифра 1, если гласный краткий, и цифра 3, если он долгий, причем соответствующая цифра диакритически маркируется дважды — надстрочной вертикальной черточкой и подстрочной горизонтальной, например: *abhya1̍ghaṃ- abhyàgháṃ* (<*abhí+agháṃ*) (АВ, VIII,4,2); *tanvāt3̍anā́ ca = tanvà tánā ca* (АВ, VIII,4,10).

Полустишие, состоящее из одной или нескольких пад, трактуется как непрерывная последовательность ударных и безударных слогов. Существенной при обозначении ударения является граница двух полустиший, а не двух пад, и поэтому обозначение предшествующей анудатты и последующей свариты пересекает границу между падами, например:

pari̍ ṇo hetī rudrasya̍ vṛjyāḥ
pari̍ tveṣasya̍ durmatir mahī gā̍t |

=*pári ṇo hetī́ rud·rásya vṛjyāḥ pári tveṣásya durmatír mahī́ gāt* (II,33,14ab).

Наиболее важная особенность этой системы обозначения ударения заключается в том, что основной акцент, т. е. удатта, не имел самостоятельного обозначения и изображался с

помощью двух других акцентов: предшествующей анудатты и последующей свариты. На этом основании высказывалось предположение о том, что фонетически удатта была средним тоном: выше анудатты и ниже свариты.

Другая система акцентуации представлена в двух редакциях ЯВ: МС и КС (ей следует также кашмирская рукопись РВ и редакция Пайппалада [*paippalāda*] АВ). Здесь удатта обозначается посредством надстрочной вертикальной черточки (как сварита в РВ), из чего исследователями делается вывод, что этот тон стал рассматриваться как самый высокий. Анудатта обозначается подстрочной горизонтальной черточкой (как в РВ). Для обозначения свариты используются особые диакритические знаки, различные в этих двух ведах. Общей для них является та особенность, что независимый акцент сварита обозначается иначе, чем энклитический, но технические средства выражения и детали в принципе обозначения разные. В МС независимая сварита, за которой следует безударный слог, обозначается с помощью подстрочного крючочка. Если же за независимой сваритой идет ударный слог, то на письме ему предшествует цифра 3 (независимо от количества гласного), и слог со сваритой пересекает посередине горизонтальная черточка, используемая в этой веде для обозначения энклитической свариты. Энклитическая сварита может обозначаться также тремя надстрочными вертикальными черточками. В КС независимая сварита передается с помощью подстрочного крючочка, если дальше идет безударный слог, и подстрочной крышечки, если следует слог ударный. В рукописях используются разные способы обозначения энклитической свариты (в изданиях фон Шрёдера они не применяются).

В СВ акценты обозначаются с помощью надстрочных цифр: 1, 2, 3 передают соответственно удатту, энклитическую свариту и анудатту. Таким образом, и в этой системе записи удатта стоит на первом месте, т. е. рассматривается как самый высокий тон. Для обозначения вариантов ударения к цифрам присоединяются буквенные индексы: 2r обозначает независимую свариту, 3k — анудатту, предшествующую удатте.

В ШБ отмечается только удатта с помощью горизонтальной подстрочной черточки (как анудатта в РВ), а независимая сварита изображается через удатту: сама сварита не обозначается, но предыдущий слог получает символ удатты. Если несколько слогов подряд имеет удатту, то маркируется лишь последний из них.

Эти графические системы передачи ведийского акцента явно стремились отразить фонетическую суть отдельных типов ударения. Той же цели служили кинетические средства — жесты, сопровождавшие рецитацию. Удатте соответствовало движение руки вверх, анудатте — вниз, а сварите — сначала вверх, а затем вниз или сверху вниз по диагонали.

В парадигматической характеристике ведийского ударения главное место занимает вопрос о соотношении удатты и свариты. В АП (I,14) отмечается, что различия по высоте тона реализуются в заданном регистре (*samānayamē*), т. е. что это относительные, а не абсолютные величины. Там же говорится, что удатта является высоким тоном, анудатта — низким, а сварита — падающим (*ākṣiptam*) от удатты к анудатте (I,15—16), и что полматры в начале свариты равны удатте (I,17). В РП же сказано (III,2), что полматры или даже половина свариты выше, чем удатта, а дальнейшая часть свариты есть анудатта, на слух воспринимаемая как удатта (III,3). По этому пункту РП противостоит всем остальным пратишакхьям, идентифицирующим начало свариты с удаттой. Интересно, что данное разделение не совпадает с разделением ведийских школ по тому, как они графически изображают ударение: удатту как самый высокий тон или свариту.

Весьма вероятно, что речь здесь идет о древних диалектных различиях в трактовке ударения, распределение которых для нас остается во многом неясным. В РВ, судя по всему, при произнесении свариты тон сначала повышался по сравнению с удаттой, а затем падал до анудатты.

Смешанный характер свариты как комбинации удатты и анудатты единодушно признается авторами всех трактатов.

Случаи употребления свариты в отдельном слове принято разделять на две части: энклитическую свариту и независимую (*jātya-* 'врожденная' или *nitya-* 'собственная'). По утверждению древнеиндийских авторитетов, каждый слог анудатта, следовавший за слогом удатта, т. е. первый заударный слог, получал свариту. Это самый распространенный тип свариты. От него отличалась не только по происхождению, но, видимо, также и фонетически, независимая сварита, встречавшаяся в небольшом числе слов как самостоятельное, основное ударение (энклитическая и независимая сварита в некоторых системах ведийской акцентуации обозначались по-разному).

В отдельном слове самостоятельная сварита встречается только в слогах, состоящих из полугласного *y* или *v* и гласного, причем соответствующий полугласный в тексте обычно приобретает вокалическую форму, т. е. *y*>*i(y)*, *v*>*u(v)*. Это слова *kvà?* 'где?', *svàr* 'небо', формы склонения основ на *-ī́-*, *-ū́-* (например, A.sg. *vṛkyàm* от *vṛkī́*, *tanvàm* от *tanū́*), основы с вторичным словообразовательным суффиксом *-ya-* (например: *pūrvyà-*, *vīryà-* и др.).

Для РВ в подавляющем большинстве случаев, как неоднократно отмечалось, сварита в пределах слова имеет чисто графический характер. Если восстановить размер, скрываемый графикой, то у слова со сваритой фактически почти всегда бывает удатта на предыдущем слоге, а именно на вокализованном глайде *i* или *u*, т. е. *kú(v)a*, *sú(v)ar*, *vṛkí(y)am*, *ta-*

nú(v)am, *pūrví(y)a-*, *vīrí(y)a-*. Таким образом, и здесь сварита оказывается энклитической. В РВ этот процесс засвидетельствован в переходном состоянии, чем и объясняется противоречие между фонетикой и графикой.

Наконец, сварита возникает в результате определенных типов сандхи ударного (удатта) и безударного (анудатта) гласного на границе двух слов. Общее правило в отношении сандхи акцентов таково, что если один из двух гласных имеет удатту, то соответствующий долгий гласный или дифтонг, получившийся в сандхи, тоже приобретает удатту, например: *karéti*<*kara*+*íti*, *ágan*<*á*+*agan*, *púrúrú*<*purú*+*urú* (VIII, 25,16) и др. Однако *-i*+*i*->*ì* (*praçliṣṭa-svarita-*, по пратишакхьям), например: *abhìtīḥ*<*abhí*+*ittḥ* (II,33,3); *srucìva*<*sruci*+*iva* (X,91,15) и др.

Когда гласный вариант глайда, имеющий удатту, переходит в соответствующий согласный его вариант перед безударным гласным в начале следующего слова, то этот гласный приобретает свариту, или *-ǐ*+V->*y*V̀-, *-ŭ*+V->*v*V̀- (*kṣaipra-svarita-*), например: *vy àsmád*<*ví*+*asmád* (II,33,2) (но *vy áṃhɔ*<*vi*+*áṃho* ib.); *devy èti*<*devǐ*+*eti* (I,40,3); *viksv àsú*<*vikṣú*+*āsú* (IV,36,5); *nv èvá*<*nú evá* (IV,51,9) и др.

Когда происходит элизия начального безударного *a* после конечных ударных *e*, *o*, то удатта этих гласных меняется на свариту (*abhinihita-svarita-*), например: *ṛṣvò 'gnír*<*ṛṣvó*+*agnír* (III,5,10); *çvetò 'ruṣǫ*<*çvetó*+*aruṣó* (X,20,9).

Сварита, возникшая в результате сандхи, в письменном тексте выглядит как независимая. Дело, однако, в том, что в мантрах РВ для соблюдения размера элидированный гласный надо восстанавливать, а гласные, подвергшиеся контракции, разъединять, в результате чего снимаются сандхи. Таким образом, и этот тип свариты в языке РВ оказывается фиктивным.

Случаи реально произносимого ударения свариты в РВ единичны и встречаются только в поздних мандалах. В дальнейшем сварита становится реальным акцентом типа циркумфлекса (так она описана у Панини).

В пратишакхьях различаются позиционные фонетические варианты низкого тона — анудатты. Авторитеты единодушны в определении предударной анудатты, т. е. анудатты, предшествующей удатте или независимой сварите. От нее, видимо, несколько отличается заударная анудатта, следующая за энклитической сваритой, так называемая *прачая* (*pracaya*). Поскольку в РП говорится, что эти заударные слоги анудатта звучат, как удатта (III,11), видимо, они произносились выше, чем предударная анудатта.

В пратишакхьях описываются также синтагматические комбинации акцентов в непрерывной последовательности акцентуированных слогов. Так, энклитической свариты не возникает, если за слогом, имеющим удатту, непосредственно следует

слог с удаттой или независимой сваритой, например: *sám indro*, *adáḥ svàr*.

В ведийском слове обычно бывает одно ударение: удатта или сварита (последняя — редко). Есть, однако, классы слов, которые характеризуются двойным ударением. Это инфинитивы на *-tavaí*, у которых ударным является корневой гласный и конечный гласный суффикса, например: *gántavaí* от *gam-* 'идти', *sártavaí* от *sar-* 'течь'. При наличии префикса на него переходит ударение с корня, например: *átyetavaí* от *ati-*+*i-* 'переходить', *ápabhartavaí* от *apa*+*bhar-* 'уносить'. Предполагается, что суффиксальное ударение возникло в результате контракции с ударной эмфатической частицей.

Другой случай двойного ударения представлен некоторыми типами сложных слов. В словах *двандва* (*dvandva-*), у которых оба члена имеют флексию двойственного числа, обычно сохраняются два ударения, например: *índrā-pūṣán-*, *índrā-váruṇa-*, *mitrā́-váruṇa-* и др. В словах *тапуруша* (*tatpuruṣa-*), первый член которых сохраняет флексию родительного падежа, также бывает двойное ударение, например: *bṛ́has-páti-*, *vánas-páti-*, *vástoṣ-páti-* и др. Контаминация этих двух типов дает сложное слово с тройным ударением, засвидетельствованное в РВ (IV, 49,5) — *índrā-bṛ́haspáti-*.

Ряд слов в ведийском языке не имеет ударения, т. е. употребляется энклитически. Их можно разделить на три группы в зависимости от степени энклитичности: 1) слова, никогда не имеющие ударения, т. е. полные энклитики; 2) слова, не имеющие ударения, когда они употребляются в определенном значении, а также слова, способные функционировать и в акцентной, и в энклитической форме с одним и тем же значением; 3) слова, в принципе не являющиеся энклитиками, но становящиеся таковыми в определенных синтаксических контекстах.

1. Всегда бывают энклитиками:

а) особые формы личных местоимений 1-го и 2-го лица: A.sg. *mā*, *tvā*; D.—G.sg. *me*, *te*; A.—D.—G.du. *nau*, *vām*; A.—D.—G. pl. *nas*, *vas*; местоименные основы *tva-* 'такой', 'другой', 'некоторый' и *sama-* 'некий', 'любой' (слово, отличное от тонического прилагательного *samá-* 'одинаковый', 'подобный');

б) частицы-наречия *iva* 'как', *u* 'также', *gha*, *ha* 'ведь', *cid* 'даже', *bhala* 'конечно', *samaha* 'как-нибудь'; частицы — винительные падежи *īm*, *sīm* (местоименного происхождения); союзы *ca* 'и', *vā* 'или'.

2. Употребляются то энклитически, то с ударением:

а) *yathā* в значении «как», «подобно» в конце пады бывает энклитикой, в значении союза «чтобы» имеет акцентную форму *yáthā*;

б) бóльшая часть косвенных падежей от местоименной основы *a-* 'этот' может иметь наряду с акцентными формами также энклитические (но не в начале пады);

в) бóльшая часть форм дефектного местоимения *ena-* 'тот', 'он' является энклитиками, акцентные формы встречаются очень редко.

3. Парадигматически имеют ударение, но реализуют его лишь в определенных синтаксических условиях:

а) наре́чия-префиксы, употребляясь самостоятельно, имеют ударение, входя в состав акцентной личной формы глагола, не имеют его;

б) личные формы глагола в главном предложении не имеют ударения (но не в начале предложения), а в придаточном предложении ударны;

в) звательная форма имени ударна в начале предложения или пады и безударна в середине или в конце;

г) отрицательная частица *ná* 'не' в сочетании с частицами *hí* и *nú* утрачивает ударение: *nahí*, *nanú*. Эмфатическая частица *kám* 'ведь', 'же' утрачивает ударение после частиц *nú*, *sú*, *hí*: *nú kam*, *sú kam*, *hí kam*.

Место ударения в слове определяется в ведийском языке морфологическими данными — принадлежностью слова к тому или иному морфологическому классу[10]. Исторически наличие ударения удатта на каком-нибудь слоге в чередующихся основах влекло за собой определенную ступень чередования гласного в этом слоге, а именно, полную ступень, или, в индийской терминологии *гуна* (*guṇa-*). Эта ситуация до некоторой степени сохранилась в ведийском языке, хотя имеется и немало нарушений ее, вызванных действием многочисленных более поздних тенденций.

Ударение играет смыслоразличительную роль. Фонологически релевантным является место ударения удатты в противоположность анудатте. Просодическая оппозиция ударения служит для различения значений целого ряда классов слов.

В морфологии только с помощью места ударения различаются в склонении нечередующихся атематических основ Abl.—G. sg., с одной стороны, и N.pl.— с другой, например: Abl.—G.sg. *purás* — N.pl. *púras* от *púr-* 'крепость', Abl.—G.sg. *ŕcás* — N.pl. *ŕcas* от *ŕc-* 'гимн' (A.pl. исторически объединялся с Abl.—G.sg., часто, однако, он имеет то же место ударения, что и N.pl., например: A.pl. *púras* от *púr-*, A.pl. чаще *vā́cas*, иногда *vācás* от *vā́c-* 'речь'). В чередующихся основах место ударения наряду с чередованием корневого гласного служит для противопоставления Abl.—G.sg., A.pl., с одной стороны, и N.pl.— с другой, например: Abl.—G.sg., A.pl. *apás* — N.pl. *ā́pas* от *ā́p-* 'вода', Abl.—G.sg., A.pl. *pratīcás* — N.pl. *pratyáñcas* от *pratyáñc-* 'обращенный навстречу'.

[10] Поэтому вопрос о нем будет рассматриваться в соответствующих разделах морфологии.

В первичном словообразовании имен разница в месте ударения определяет принадлежность основы к nom.act. или nom.ag., например: *yáma-* 'узда', 'управление'— *yamá-* 'связанный', 'близнец'; *çā́sa-* 'приказ'— *çāsá-* 'тот, кто приказывает'; *yáças-* 'благословение'— *yaçás-* 'благословенный'; *bráhman-* 'молитва'— *brahmán* 'жрец'. Место ударения служит единственным средством различения некоторых типов наречий и именных падежных форм, например, *adharā́t* 'внизу'— *ádharāt* Abl.sg. от прилагательного *ádhara-* 'нижний'; порядковых и количественных числительных (в пределах второго десятка), например, *ekādaçá-* 'одиннадцатый'— *ékādaça-* 'одиннадцать'. В словосложении место ударения позволяет различать два типа сложных слов: *кармадхарая* (*karmadhāraya-*) и *бахуврихи* (*bahuvrīhi-*), например: *rājaputrá-* 'сын царя', 'царский сын'— *rājaputra-* 'имеющий царя (царей) сыном (сыновьями)'.

Кроме того, место ударения служит средством идентификации грамматического или лексического значения наряду с чередованием гласных, присоединением суффикса или флексии.

На периферии фонологической оппозиции ударения находятся случаи двух акцентных вариантов у одного слова, например: *ákṣi-/akṣí-*n. 'глаз', *abhríya-/abhriyá-* 'происходящий из грозовой тучи', *pū́rvya-/pūrvyà-* 'прежний', *ródasī-/rodasí-* f.nom.pr. жены Рудры, и др.

Противопоставление свариты другим типам ударения для периода РВ не является фонологически значимым. Как говорилось ранее, сварита в РВ имеет графический характер, реально же вместо свариты произносится удатта предшествующего гласного. Таким образом, разница оказывается не в качественной характеристике ударения, падающего на один и тот же гласный, а в том месте, на которое приходится ударение удатта. В словах с так называемой независимой сваритой глайд принимает вокалическую форму и несет ударение удатту, а следующий за ним гласный является безударным, в то время как в словах со сходной фонетической структурой и основным ударением удаттой оно приходится на гласный, которому предшествует глайд в консонантной форме; ср., например, *dévyà-(devía-)* 'божественная сила' и *divyá-* 'божественный', *namasyà-(namasía-)* 'почитаемый' (от *námas-*) и *namasyá* — 2 sg.iv. от *namasy-* 'почитать', *svàr- (súvar-)* 'небо' и *suvā́ti* — 3 sg.pr. от *sū-* 'оживлять' и т. п.

В тех более поздних ведийских текстах, где сварита приобрела статус самостоятельного ударения, противопоставление между сваритой и удаттой стало фонологическим, но различительная сила этого противопоставления оказалась весьма незначительной: противопоставлялась только независимая сварита в отдельных словах (а таких немного) удатте в словах со сходной фонетической структурой, при этом минимальные пары были единичны.

Сварита, возникшая в результате сандхи на границе двух слов или оказавшаяся при абхинихита-сандхи непосредственно перед удаттой первого слога следующего слова, служила пограничным сигналом в сочетании с удаттой следующего слога и, следовательно, выполняла иную функцию, чем словесное ударение, ср., например: *sv àsmắn<sú+asmắn* (I,47,5) *svásmin* — L.sg. от *svá-* 'свой', *budhnyò 'jás<budhnyò+ajás* (II,31,6) и *ójas-* 'сила'.

От словесного ударения, которому была свойственна кульминативная функция (т. е., по Трубецкому, вершинообразующее выделение просодемы в слове) следует отличать фразовое, которому в ведийском языке присуща делимитативная функция (т. е. обозначение границ предложения).

Начало предложения рассматривается в отношении акцента как сильная позиция. Даже вокатив и личная форма глагола, обычно безударные в простом предложении или в главном в составе сложного, в этой позиции получают ударение. К началу предложения тяготеют ударные местоимения, наречия-префиксы, частицы.

В придаточном предложении личная форма глагола обычно бывает ударной, что маркирует, как правило, его конец. Начало придаточного предложения часто бывает маркировано находящимся под ударением указательным местоимением, наречием, союзом, частицей. Таким образом, ударение наряду с интонацией служит для подчеркивания синтаксического членения предложения.

САНДХИ

В метрических ведийских текстах слова в пределах пады (или метрической единицы) рассматриваются как эвфонически связанные началами и концами. В пратишакхьях правила, описывающие изменения звуков на стыке двух слов, называются сандхи (*saṃdhi-* 'соединение').

В другой системе описания принято различать сандхи внешние — на стыке двух слов и внутренние — на морфемных швах в пределах слова. Между теми и другими есть много общего, но существуют и весьма важные различия. Сандхи на границе двух членов сложного слова в принципе являются внешними, хотя им свойственны некоторые отклонения.

Деление на внешние и внутренние сандхи (последние рассматривались в разделе о дистрибуции звуков) является весьма условным. Морфемные швы перед окончаниями имен, начинающимися на *-bh-* и перед окончанием *-su*, а иногда также перед некоторыми вторичными суффиксами трактуются, с точки зрения сандхи, как граница между словами.

В иерархии уровней высшим является метрический. Начало пады считается абсолютным началом, а конец — абсолютным

исходом, даже если метрические границы не совпадают с синтаксическими, т. е. с концом предложения. Цезура в пределах пады означает ослабление или даже отсутствие сандхи. Требования семантического уровня также находят отражение в сандхи: энклитики эвфонически более тесно связаны с соответствующим полнозначным словом, чем два полнозначных самостоятельных слова друг с другом. Известен только один случай прямого управления правилами сандхи со стороны семантики: *ná* 'не' вступает в сандхи с начальным гласным следующего слова, *ná* 'как' — не вступает.

Главные принципы, которые лежат в основе правил сандхи,— это стремление к ассимиляции звуков и устранению зияния гласных. Внешние сандхи в отношении ассимиляции заходят дальше внутренних, поскольку конечный шумный согласный озвончается перед начальным гласным следующего слова, но не изменяется перед начальным гласным следующей морфемы. Зияние гласных, напротив, чаще встречается на границе двух слов, а не двух морфем.

Графическая форма текста часто не отражает его реальной фонетической сущности. Восстановление последней с помощью метрических данных показывает сплошь да рядом сохранение зияния гласных, что свидетельствует о более позднем и искусственном характере многих сандхи — результате редактирования в брахманских школах.

САНДХИ ГЛАСНЫХ

Перед гласным одинакового качества простые (не дифтонгического происхождения) гласные подвергаются стяжению, давая долгий гласный независимо от количественной характеристики соседних гласных (*praçliṣṭa-saṃdhi-*), т. е. *ắ+ắ>ā*, *ĭ+ĭ>ī*, *ŭ+ŭ>ū*; например: *utắparáṃ<utá+aparáṃ*, *ṛtắvájasra-<ṛtắvā+ájasra-*, *çvaghnívа<çvaghní+iva*, *ukṣántūdnắ<ukṣántu+udnắ*. При встрече друг с другом гласных дифтонгического происхождения *e*, *o* или дифтонгов *ai*, *au* стяжения не происходит. Возможность контракции **-ṛ+ṛ-> ṝ* в пратишакхьях не упоминается, и в текстах таких примеров нет.

Как было отмечено выше, в метрических ведийских текстах реально данный тип сандхи нередко отсутствует. Избегает сандхи ряд таких односложных слов, как *ná* 'подобно', наречие-префикс *ví-* 'врозь', 'прочь', частица *hí* 'ведь', часто также местоимение *sá* 'он'.

Существует, кроме того, ритмическая тенденция, согласно которой энклитика *ca* 'и' претерпевает сандхи перед последующим тяжелым слогом и избегает его перед легким слогом, но и эта дистрибуция соблюдается не строго; так, например, *sáṃcắ ca<sám+ca+ắ+ca* (IX,95,3).

Встречающиеся в письменном тексте в гиатусе конечные долгие гласные (чаще всего это бывает *-ā*) обычно сокращаются в произношении перед последующим тяжелым слогом [11]. Иногда при гиатусе первый из гласных назализуется, чтобы служить фактическим разделителем гласных (здесь и в других типах сандхи).

Гласные *a*, *ā* в сочетании с простыми гласными иного качества образуют гласные дифтонгического происхождения, а именно *ă̆+ĭ̆>e*, *ă̆+ŭ̆>o*; например: *indrehá<indra+ihá*, *abhrātéva<abhrātā̆+iva*, *átho<átha+u*, *sánitotá<sánitā+utá* (также *praçliṣṭa-sandhi-*). Иногда сандхи не происходит, и имеет место зияние гласных, отраженное и в письменном тексте.

При встрече гласных *a*, *ā* со слоговым сонантом *ṛ*, как правило, аналогичного сандхи не происходит, что последовательно отражено в письменном тексте РВ и ВС, например: *saptaṛṣáyaḥ*, *páyasā ṝṣīṇām*. Восстановление размера показывает, однако, что в редких случаях имеет место произношение *-ar-*, а не *-aṛ-*.

Гласные *a* и *ā* в сочетании с гласными дифтонгического происхождения или с реальными дифтонгами дают один и тот же результат — дифтонг, т. е. *ă̆+e>ai*, *ă̆+o>au*; *ă̆+ai>ai*, *ă̆+au>au*. Вот некоторые примеры: *svaínam<svā̆+enam*, *yátraúṣadhiḥ<yátra+óṣadhīḥ*, *párait<párā+ait*, *ápauhat<ápa+auhat*. Иногда сандхи не происходит, и тогда в тексте имеет место зияние гласных с возможной назализацией первого гласного, например: *ugrañ́ ókaḥ<ugra+ókaḥ* (VII,25,4), *ā̆ñ́ éti<ā̆+éti* (VI,51,1).

Узкие гласные *ĭ̆*, *ŭ̆* перед последующим гласным утрачивают слоговое качество и консонантизируются (*kṣaipra-sandhi-*), например: *hy ádrī<hi+ádrī*, *devy ètu<devī̆+etu*, *sv àgnim<sú+agnim*, *astv ójo<astu ójo*.

В древних частях РВ это сандхи имеет в большинстве случаев лишь графическое значение, в произношении же сохраняется гиатус. При этом, однако, двусложные префиксы с конечным *-i* или *-u* перед глагольной формой, начинающейся с гласного, обычно произносятся в один слог, например: *áty atiṣṭhat*, *ánv emi*.

Для гласных дифтонгического происхождения *e*, *o* тип сандхи определяется тем, начинается ли следующее слово с *a* или с какого-либо другого гласного.

Если за конечным *-e*, *-o* следует начальный краткий *a*, то этот звук исчезает, будучи «поглощенным» (*abhinihita-*, отсюда название в пратишакхьях *abhinihita-sandhi-*) конечным звуком. В графике исчезновение *a-* передается знаком *аваграха* (*avagraha-*). Вот некоторые примеры: *nidé 'pa<nidé+ápa*, *vánaspaté 'va<vánaspate+áva*, *dhíyó 'vase<dhíyaḥ+ávase*, *dyumáttamo 'bhi<dyumáttamo+abhi*. Реально в древних частях РВ размер часто требует восстановления *a-*, причем, как было отмечено исследователями, перед таким восстановлением *a-* конечный *e* или *o* метрически считается кратким, что дает основания предположить фонетический переход *e>a^y*, *o>a^v*. Иногда *a-* сохраняется и в графике, например: *vo amba* (X,97,2).

Если за конечным *-e*, *-o* следует любой другой звук, кроме краткого *a*, то *-e>-a (udgrāha-sandhi-)*, *-o>-av*. Фактически в этих двух разных рефлексах засвидетельствованы две стадии одного процесса — дифтонгизация конечного гласного: *e>ai*, *o>au* с дальнейшей консонантизацией неслогового элемента перед последующим гласным, т. е. *ai>ay*, *au>av*, и затем утрата глайда в интервокальном положении, происходящая в случае *e*. Вот некоторые примеры: *sū́ra údite<sū́re+údite*, *budhná étā<budhné + étā* (III,39,3), *ta ójaḥ<te+ójaḥ*, *hṛdá ā̆<hṛdé+ā̆*, *víṣṇav évayāvaḥ<víṣṇo+évayāvaḥ*, *indav índrasya<indo+índrasya*, *vāyav ā̆<vāyo+ā̆* (обычно примеры на этот тип сандхи дают вокативы на *-o* от основ на *-u-*).

Если же следующее слово начинается с *ū̆-*, то перед ним выпадает *-v* гласного сандхи, и сандхи приобретает вид *-o>-a*, например: *inda ūtíbhiḥ<indo+ūtíbhiḥ-* (VIII,48,15).

Конечные дифтонги *-ai*, *-au* при встрече с любым начальным гласным, включая *a-*, подвергаются сандхи такого типа, как *-e*, *-o* не перед *a-*, с той только разницей, что в результате получается долгий гласный, а именно: *-ai>-ā*, *-au>-āv*, но перед *ū-* *-au>-ā* (*ā*<возникает из переходных форм *ā^y*, *ā^v*). Вот некоторые примеры: *kásmā adyá<kásmai+adyá*, *tásmā ā̆po<tásmai+ā̆po*, *sártavā̆ u<sártavai+u*, *dvā́v iva<dvaú+iva*, *samudrā́v ā̆<samudraú+ā̆*, *dasrāv ámartyaḥ<dasrau+ámartyaḥ*, но *rathī́tamobhā̆<rathī́tamā+ubhā̆* (I,22,2); причем по размеру гласные восстанавливаются.

В ведийском языке существует ряд гласных окончаний определенных грамматических форм, на которые не распространяется действие правил сандхи,— так называемые *прагрихья* (*pragṛhya-* 'те, что должны быть выделены'). Это окончания на долгий гласный двойственного числа *-ī*, *-ū*, *-e*; редкие формы L.sg. на *-ī*, *-ū* (просодически обычно краткие); *-ī* в N.pl. от местоимения *amī́*; окончание *-e* в L. некоторых местоимений: *tvé* 'в тебе', *asmé*, *yuṣmé* (в двух последних с меньшей очевидностью); окончание *-e* во 2, 3 du.pr. и pf.med. Вот некоторые примеры: *akṣī́ iva* (II,39,5), *indrāgnī́ úpa* (I,21,1), *çambhū́ ā́* (I,46,13), *asmé antár* (I,24,7), *yuṣmé itthā́* (VI,18,5), *cakrāte upamā́* (VIII,29,9). В некоторых случаях возможны колебания между сандхированными формами и формами прагрихья.

Эмфатическая частица *u* является прагрихья в отношении гласного начала справа и не прагрихья в отношении гласного исхода слева, например: *vā́ u arthína<vai+u+arthína* (I,105,2), *yáta u ā̆yan<yátas+u+ā̆yan* (II,24,6). При этом графически *u*

[11] О синтагматических изменениях акцентов, имеющих место при сандхи гласных, см. в разделе «Ударение».

после согласного и перед гласным в РВ регулярно изображается как *v*, например: *trír v açvinā*, но *tásmā u adyá*<*tásmai u adyá*. Вступая в сандхи с конечным *ā* слева, эта частица образует гласный прагрихья — *o*, например, *átho índrāya* (I,28,6).

К явлениям сандхи следует отнести также удлинение в метрических текстах конечного краткого гласного перед одиночным начальным согласным следующего слова (конечному легкому слогу обычно в таких случаях предшествует тоже легкий слог), например: *kṛdhī naḥ*, но *kṛdhi tvāyaté*.

САНДХИ СОГЛАСНЫХ

В настоящем разделе рассматриваются сандхи конечных согласных при встрече с начальным согласным или гласным следующего слова. Общий смысл звуковых изменений, происходящих на границе двух слов, заключается в ассимиляции, причем в большинстве случаев конечный согласный уподобляется начальному (наоборот — при церебрализации и аспирации).

При описании сандхи конечных шумных принято брать за исходную ту форму, которую они имеют в абсолютном конце слова.

Конечные шумные смычные согласные уподобляются по звонкости—глухости начальному звуку следующего слова. Они бывают глухими перед начальным глухим согласным и звонкими — перед начальным звонким согласным или перед гласным (озвончение перед гласным отличает внешние сандхи от внутренних, где этого не происходит). Вот некоторые примеры: *yát te*, *yát sīṃ*, *yád divó*, *yád vajrí*, *yád indra*.

Перед начальным носовым согласным конечный шумный смычный согласный может переходить в носовой своего ряда: *yán navatiṃ*<*yád*+*navatím*, *yán maruto*<*yád*+*maruto*, *virā́ṇ mitrā́váruṇayor* (X,130,5)<*virā́t*+*mitrā́váruṇayor*<*virāj*+*mitrā́váruṇayor*, *vīrún madhujātā́*<*vīrúd*+*madhujātā́*<*vīrúdh*+*madhujātā́*, *údaṇ nyàg*<*údak*+*nyàg*. Таким образом, перед носовыми сонорными согласными ассимиляция заходит на один шаг дальше, чем перед шумными. Та же степень ассимиляции характерна для конечного *-t* перед начальным *l-* и палатальными согласными.

Перед начальным *l-* конечный *-t* переходит в *-l*, например: *áṅgād-aṅgāl lómno-lomno* (X,163,6)<*áṅgād-aṅgād*+*lómno-lomno*<*áṅgāt*+*aṅgāt*+*lómno-lomno*.

Перед начальным палатальным согласным *-t* переходит в палатальный, причем в этом типе сандхи начальный палатальный сибилянт *ç* переходит в придыхательный палатальный *ch*. Вот некоторые примеры: *yác cid*<*yát*+*cid*, *yác chardíḥ*<*yat*+*chardíḥ*, *yáj jātavedo*<*yád*+*jātavedo*, *yác chiraḥ*<*yát*+*çíraḥ*. Таким образом, *-t*+*ch-* и *-t*+*ç-* дают один и тот же результат *-c ch-*. Палатальный спирант *ç* после конечного церебрального *-ṭ* может также переходить в *ch*, притом что *ṭ* остается неизменным, например: <*ábhrāṭ chvéto*<*ábhrāṭ*+*çvéto* (I,66,6).

После конечного шумного смычного начальный *h-* переходит в звонкий придыхательный согласный того ряда, к которому принадлежит конечный смычный, например: *yád dha*<*yád*+*ha*, *samrā́ḍ dhántā*<*samrā́ṭ*+*hántā*.

Конечный смычный зубной носовой *n* (и редкие случаи конечного велярного *ṅ*) подвергается изменениям не только в зависимости от начального звука следующего слова, но и от предшествующего ему гласного.

Конечный *n* (или *ṅ*) после краткого гласного перед гласным следующего слова подвергается удвоению, например: *rujánn eti*<*ruján*+*eti*, *yā́mann ā́*<*yā́man*+*ā*, *tásminn iṣṭáyaḥ*<*tásmin*+*iṣṭáyaḥ*, *yúñ̃ñ asi*<*yúṅ̃*+*asi*. При восстановлении размера в РВ такая геминация подтверждается только там, где она обоснована этимологией данной формы.

Конечный *n* после долгого гласного перед гласным следующего слова переходит в назализацию предшествующего гласного (анунасику — анусвару), причем, если это не *ā*, то между конечным назализованным и начальным неназализованным гласным в сандхи возникает *-r*, например: *mahā́ṁ̃ asi*<*mahā́n*+*asi*, *devā́ṁ̃ ā́*<*devā́n*+*ā́*, *devā́ṁ̃ ihā́*<*devā́n*+*ihā́*, *devā́ṁ̃ īḷitás*<*devā́n*+*īḷitás*; *pradhíṁ̃r iva*<*pradhín*+*iva*, *vanā́ṁ̃r áhan*<*vanā́n*+*áhan*, *nŕ̥ṁ̃r abhí*<*nŕ̥n*+*abhí*. (Диахронически речь здесь идет, как указывалось исследователями, не о сандхи *-n*, а о сандхи *-s*, этимологически восстанавливаемого в ряде грамматических форм и в дальнейшем перенесенного по аналогии в другие формы. После *-ā̄* звук *s* перед последующим гласным выпадает, а после *-ī̄*, *-ū̄*, *-r̄̄*, озвончаясь, переходит в *r*.)

Встречаются отдельные непоследовательности в проведении этого сандхи. Иногда оно не происходит в заданных условиях, например, *etā́vān asya* (X,90,3), или происходит в непредусмотренных условиях, например, перед глайдами, сонантами и *h*, как в *sákhīṁ̃r yā́ṁ̃ (indra)*<*sákhīn*+*yán* (+*indra*) (IV,35,7).

Конечный *n* перед начальными палатальными согласными становится палатальным *ñ*, например: *vanvā́ñ cyávānaḥ*<*vanván*+*cyávānaḥ*, *vidvā́ñ jánma*<*vidván*+*jánma*. Обычно при этом типе сандхи начальный палатальный сибилянт *ç* чаще всего дает придыхательный палатальный *ch*, например: *asmiñ chūra*<*asmín*+*çūra*, *sāhvā́ñ chiro*<*sāhván*+*çíro*, хотя иногда *ç* сохраняется.

Вообще сандхи «*-n*+начальный палатальный» отличается вариативностью. Его может не произойти, или носовой пред-

ставлен не палатальным, а анусварой. Последнее особенно часто встречается в более поздних ведах, но зафиксировано и в РВ. Наконец, между начальным *c-* и конечным носовым согласным может иногда возникать палатальный сибилянт, перед которым смычный носовой переходит в анусвару. Обычно это происходит перед энклитиками *ca* и *cid*, например: *tā́ṃç ca*< *tān+ca*, *sūŕíṃç cid*<*sūŕín+cid* — в этимологически оправданных случаях (т. е. после *-ān*<-**ans*). В дальнейшем этот тип сандхи по аналогии распространяется на более широкий круг случаев.

Конечный *-n* в принципе сохраняется перед начальным *t-*, но иногда, в этимологически оправданных случаях, между *-n* и *t-* возникает дентальный спирант *s*, перед которым *-n* переходит в анусвару, например: *sárvāṃs tā́n* <*sárvān+tā́n*. В дальнейшем этот вид сандхи распространяется. В редких случаях такого же типа сандхи происходит перед начальным *p-*, перед которым *s* переходит в висаргу, например: *nŕ̄ṃḥ pāhi*, *nŕ̄ṃḥ pā́traṃ*, *svátavāṃḥ pāyúḥ*.

Между конечным *-n* и начальным *s-* иногда может развиваться переходный согласный *-t-* (соответственно между *-n̄* и *s-* возникает *-k-*, что встречается совсем редко). Этот вариант сандхи является факультативным. Он хорошо засвидетельствован в AB, например: *etā́nt sákhīn*<*etā́n+sákhīn* (AB, V,22,11).

В пратишакхьях указывается, что *-n* перед начальным *l-* переходит в носовой латеральный сонант *-l*, что на письме, однако, не нашло отражения.

Конечный *-m* подвергается гораздо меньшим изменениям, чем *-n*. Перед начальным гласным следующего слова конечный губной носовой смычный остается без изменений, например: *tám u*, *índram iva*, *apā́m agnés*, *stómam ā́van*. Без изменений он остается также перед начальным смычным губным согласным, например: *vām mahás*, *grīvā́yām baddhó*, *aṅkasám pári*.

Перед начальным смычным согласным (в том числе и носовым) любого ряда, кроме губного, по предписаниям пратишакхий конечный *-m* должен давать гоморганный носовой. На практике же в изданных ведийских текстах, а также во многих рукописях гоморганный носовой заменяется на анусвару, например: *cakrā́ṃ kútsāya* вместо *cakrā́ṅ kútsāya*, *çatā́ṃ cana* вместо *çatā́ñ cana* и т. д. Нередко анусварой заменяется также конечный *-m* и перед смычным своего ряда.

Конечный *-m* перед начальным спирантом и перед дрожащим плавным сонантом *r* всегда переходит в анусвару, например: *ā́rjaṃ svàr*, *sarā́thaṃ çávasas*, *vāṃ hṛdí*, *vāṃ rā́thaṃ*. Этого типа сандхи на морфемном шве избегает только слово *samrā́j-*.

Согласно пратишакхьям, конечный *-m* перед *y*, *l*, *v* ассимилируется, давая назализованные варианты этих звуков *ỹ*, *l̃*, *ṽ*. Графически, однако, в этой позиции обычно бывает анусвара,

например: *sáṃ yát* (вместо *sáỹ yát*), *imáṃ ṭogám* (вместо *imā́l̃ logám*), *tváṃ vṛtrā́n* (вместо *tvā́ṽ vṛtrā́n*).

Звук висарга *ḥ*, как было описано выше, представляет в абсолютном исходе *s*, *ṣ*, *r*. Сандхи, которым подвергается конечная висарга на стыке с гласным или согласным началом следующего слова, зависит от того, какой именно звук она этимологически представляет. Поэтому в данном случае целесообразно исходить не из формы слова в абсолютном конце, а из его этимологической формы.

В конце слова *r* сохраняется перед последующим гласным или звонким согласным, кроме *r*, например: *pā́r asi*, *pā́rar ékas*, *antár nadī́*, *dhā́r vī́ṣṇas*, *svàr janat*. Перед начальным *r-* следующего слова конечный *-r* выпадает (геминирование *r* в ведийском языке недопустимо), вызывая заменительную долготу, например: *antā́ ródasī*<*antár+ródasī*, *prātā́ rátnam*< *prātár+rátnam*.

Перед начальным глухим согласным *-r* в принципе переходит в *-ḥ*, например: *antáḥ kṛṣṇā́n*<*antár+kṛṣṇā́n*, *antáḥ sabardúghaḥ*<*antár+sabardúghaḥ*, *púnaḥ-punar*<*púnar*+*púnar*. Наряду с этим действуют частные тенденции большей ассимиляции по отношению к согласным палатального и дентального рядов. Перед *c-* *-r* переходит в палатальный сибилянт *ç*, а перед *t-* — в дентальный сибилянт *s-*, например: *pāç ca*<*pā́r*+*ca*, *svàç ca*<*svár+ca*, *gī́s tribarhiṣi* (I,181,8)<*gī́r+tribarhiṣi*.

Для сложных слов в целом действительны те же правила. Отклонения от них единичны, например: *dhārṣád-* 'находящийся у дышла' (с *-r* перед глухим согласным), *svàrpati-* 'повелитель неба', *svàrṣā-* 'достигающий неба', *cátuṣpad-* 'четвероногий' (с церебральным спирантом вместо висарги).

Конечный *-s* отличается разнообразием рефлексов в сандхи, зависящих от последующего звука, а также от предшествующего гласного.

Конечный *-s* (которому может предшествовать любой гласный, кроме *a* или *ā*) перед любым последующим звонким звуком, кроме *r*, т. е. перед звонким согласным и перед гласным, переходит в *-r*. Вот некоторые примеры: *agnír hótā*<*agnis+hótā*, *cákṣur bhágasya*<*cákṣus+bhágasya*, *devaír dyā́vāpṛthivī́*< *devaís+dyā́vāpṛthivī́*, *dyaúr ná*<*dyaús ná*, *yajñaír asi*< *yajñaís+asi*, *paribhā́r asi*<*paribhā́s+asi*, *barhír úpa*<*barhís+upa*, *vayór iva*<*vayós+iva*. То же сандхи имеет место перед именной флексией, начинающейся с *bh-*, например: *havírbhis* — I.pl. от *havís-*, *vápurbhis* от *vápus-*.

Перед последующим *r-* конечный *-s* переходит в *-r*, который выпадает (во избежание геминации *r*), вызывая заменительную долготу предшествующего гласного, например: *agnī́ rakṣati*< *agnis+rakṣati*, *vāyú ráthe*<*vāyús+ráthe*.

Конечное сочетание *-as* перед звонким согласным и перед гласным дает *-o*. Это своеобразное сандхи (*praçrita-saṃdhi-*)

не имеет достоверного объяснения. Ясно, что здесь происходит ассимиляция по звонкости, т. е. *-as>*az*, при том что, как известно, *z* в ведийском языке не удерживалось ни в каком звуковом положении. Естественно было бы ожидать рефлекса **ar*, которого тем не менее нет. Приводилось сопоставление этого внешнего сандхи с редкими случаями внутреннего сандхи сходного типа, как *vóḍhave* от *vah-*. Высказывалось и иное предположение, состоящее в том, что вместо выпавшего **z* для сохранения просодической структуры слова вставлялся глайд *v*, сочетание которого с предшествующим *a* давало *o*.

Вот некоторые примеры. Перед звонким согласным: *çíro dāsásya*, *rṣvó bṛhád*, *rákṣo ní*, *káro yátra*; перед любым гласным, кроме *a*: *yá éka íd<yás+ékas+íd*, *jā́yamāna utá<jā́yamānas+utá*, *ṛtasā́pa āsúr<ṛtasā́pas+āsúr*; перед *a-*: *mandasānó 'vāsayó 'pa<mandasānás+avasayás+ápa*; ср. *asṛjo áñgirasvān* и др. с отсутствием абхинихита-сандхи.

Таким образом, конечный *-o*, возникший в результате сандхи, вступает в то же сандхи с начальным гласным следующего слова, что и исконный звук *o*, т. е. становится *-a* перед любым гласным[11], кроме *a-*, сохраняется перед *a-*, который в свою очередь может исчезать после *-o*.

Особый тип сандхи представляют собой формы N.sg.m. от указательного местоимения *tá-* (и *etá-*). Форма *sáḥ (eṣáḥ)* в принципе встречается в абсолютном конце, форма *sá (eṣá)* — перед согласным. Перед начальным гласным возможны варианты: *sá (eṣá)* — форма не вступающая или вступающая в сандхи, и *só (eṣó)*. Вот некоторые примеры: *...áthā hí ṣáḥ|*, *...ayáṃ sáḥ|*, *sá ghā*, *sá çakráḥ*, *sá máhyam*, *sā́smai<sá+asmai*, *séd<sá+íd*, *sá ā́*, *sá idhānó*, *só apā́ṃ*, *sò 'yám<só+ayám*.

Конечное сочетание *-ās* перед звонким согласным и перед любым гласным утрачивает *-s*, вследствие чего образуется зияние гласных, например: *dā harivo<dās+harivo*, *dádhānā mā́<dádhānās+mā́*, *amṛ́tā gātúm<amṛ́tās+gātúm*, *prásūtā áyan<prásūtās+áyan*, *sudínā ariprā́ urú<sudínās+ariprā́s+urú*, *divyā́ ā́po<divyā́s+ā́po*.

Конечный *-s* перед последующим глухим согласным в той или иной степени ассимилируется этим согласным. Рефлекс конечного *-s* в этом контексте определяется прежде всего начальным согласным следующего слова, отчасти — предшествующим *-s* гласным.

Перед начальным глухим смычным палатального или дентального ряда конечный *-s* бывает представлен соответствующим данному ряду фрикативным, т. е. сохраняется перед *t*, дает *ç* перед *c*, например: *yás tā́*, *viçvās tád*, *nís trī́ṇi*, *mánus tókma*; *dráviṇasaç cakānáḥ*, *jīrā́ç cid*, *matíbhiç ca*.

[11] Иной способ описания данного сандхи: конечное сочетание *as* перед любым гласным, кроме *a* утрачивает *s*, в результате чего образуется зияние гласных.

Это сандхи действует не безусловно. Если конечному *-s* предшествует один из гласных намин (т. е. любой гласный, кроме *a*, *ā*), то возможен переход *s>ṣ*, что влечет за собой церебрализацию начального *t* следующего слова. В РВ церебрализация в таком звуковом контексте происходит только при последующем слове — местоимении, например: *çúciṣ ṭvám*, *prásitiṣ ṭe*, *vidúṣ ṭe*. Церебрализация характерна для сложных слов, например: *duṣṭára-* 'труднопреодолимый', *duṣṭárītu- id*.

Конечный *-s* перед начальными *k-*, *p-* дает различные рефлексы. После гласных *a*, *ā* *-s* может сохраняться или переходить в висаргу, например: *áçmanas pári* (II,1,1), *himávatas pári* (AB, V,4,2), *çatínas pátiḥ* (VIII,75,4), *sákhāyaḥ krátum*, *víçaḥ prasnātī́ḥ*. После прочих гласных *s* может давать церебральный (редко в сочетаниях, всегда в сложных словах) или переходить в висаргу, например: *havíṣ kṛṇudhvam* (VIII,72,1), *dyaúṣ pitā́*, *dyaúḥ pṛthivī*, *stháḥ kúha*, но только *çocíṣkeça-* 'пламенновласый', *duṣpád-* 'с плохими ногами'.

Конечный *-s* перед начальной группой согласных «смычный+фрикативный», переходит в висаргу (которая может иногда исчезать), например, *dyā́vaḥ kṣā́mo*, *purvī́ḥ kṣapó*, *çatákratuḥ tsárat*.

Конечный *-s* перед начальным фрикативным может ассимилироваться или переходить в висаргу. Таким образом, допустимы сандхи: *-s+s->-s s-*, *-s+s->-ḥ s-*; *-s+ç->-ç ç-*, *-s+ç->-ḥ ç-*. В печатных изданиях ведийских текстов обычно во всех случаях дается висарга: *náraḥ samayante*, *sūnúḥ çávasā*, хотя, по предписанию пратишакхий (и это явно более древнее сандхи), допустимо также *náras samayante*, *sūnúç çávasā*.

Конечный *s-* перед группой согласных «сибилянт+смычный» переходит в висаргу, которая имеет тенденцию исчезать, например: *sṛjāná stoṣi<sṛjānáḥ+stoṣi*, *ṛ́ṣaya sthā́virīs<ṛ́ṣayaḥ+sthā́virīs*.

Начальный *s-* может подвергаться церебрализации под влиянием конечных гласных намин предшествующего слова. Эта церебрализация факультативна в ведийском языке. Чаще всего она имеет место на границе наречия-префикса и глагольной формы, например: *ví ṣahāmahe (sah-)*, *parí ṣṭhāḥ (sthā-)*, *ádhi ṣváni (svan-)*, *ánti ṣád (sad-)*. Нередко церебрализация распространяется на начальный *s-* частиц и односложных местоимений, например: *ū ṣú*, *abhí ṣīm*, *u ṣyá*, *u ṣvid*; ср., однако, *káti svit* (X,86,20). Колебания наблюдаются и в сложных словах, хотя там преобладает церебрализация начального *s-*, например: *triṣṭubh-* 'триштубх', *āyuṣák-* 'соединенный с жизненной силой', *góṣāti-* 'добывание коров', но *góṣakhi-/gósakhi-* 'обладатель коров'.

Начальный *-n* может стать церебральным под влиянием *r* в предшествующем слове. Условия церебрализации те же, что и у *s-*, т. е. она происходит преимущественно в глаголах под

воздействием наречия-префикса или в энклитиках и местоимениях, например: *párā ṇaya*<*párā*+*naya*, *prá ṇaḥ*<*prá*+*naḥ*, *praíṇān*<*prá*+*enān*, *svàr ṇa*<*svàr*+*ṇa*. В сложных словах наблюдаются колебания, например: *puráṇāman-* 'имеющий много имен', *ágraṇīti-* 'первое принесение', но *trināká-* 'третье небо'.

Начальный *ch-* после конечного гласного (безусловно после краткого гласного), по предписанию пратишакхий, должен геминироваться в произношении, что, однако, не обозначается на письме, например: *na cchidyate*, на письме — *na chidyate*.

МОРФОНОЛОГИЧЕСКИЕ ЧЕРЕДОВАНИЯ ГЛАСНЫХ

Наиболее существенные чередования гласных в ведийском языке не обусловлены правилами сандхи. Это чередования в корне или в суффиксе, заданные морфологически и не зависящие от звукового окружения. Они лежат в основе ведийской морфологии и словообразования.

Различаются три ступени чередования гласных: 1) слабая, или нулевая; 2) *гуна* (*guṇa* букв. 'качество'), или полная, средняя; 3) *вриддхи* (*vṛddhi* букв. 'увеличение', 'наращение'), или долгая, усиленная. Каждому классу грамматических форм предписывается та или иная ступень чередования корневого гласного. Фонетический вариант данной ступени обусловлен звуковым окружением.

Исторически чередование гласных в корне зависело от перемещения ударения: полная ступень — под ударением, слабая ступень — без ударения, в предударной позиции[12]. В ведийском языке это соотношение в значительной степени нарушено, в связи с чем перемещение ударения, с одной стороны, и чередование гласных — с другой, нередко независимы друг от друга.

Ниже приводятся схемы основных типов трехступенчатых чередований гласных (более частные типы отмечены особо).

Слабая ступень	Гуна	Вриддхи
ĭ	*e/ay*	*ai/āu*
ŭ	*o/av*	*au/āv*

[12] Именно с диахронической точки зрения европейская лингвистическая традиция берет за исходную полную ступень чередования гласного, находящегося под ударением, а слабую ступень рассматривает как производную, в которой перенос ударения вызывает ослабление гласного. Индийская лингвистическая традиция, последовательно придерживающаяся синхронных принципов описания, исходной считает слабую ступень, от которой производится ступень гуна и затем вриддхи. Ступень вриддхи, гораздо более редкая, чем гуна, является результатом особого развития в определенных классах грамматических форм.

Слабая ступень	Гуна	Вриддхи
r	*ar*	*ār*
ḷ	*al*	(*āl*)
ноль	*a*	*ā*
a/m	*am*	*ām*
a/n	*an*	*ān*

Приведенные схемы требуют некоторых пояснений. В слабой ступени количественная характеристика гласных *i*, *u*, т. е. их долгота или краткость, является несущественной с точки зрения чередования. В ступени гуна варианты *e*, *o* выбираются перед последующим согласным, а варианты *ay*, *av* — перед последующим гласным. В ступени вриддхи *ai*, *au* бывают перед согласным, *āy*, *āv* — перед гласным. Выбор вариантов определяется правилами сандхи[13]. Ступень вриддхи *āl* от латерального слогового сонанта *ḷ* в ведийском языке не встречается.

Вот некоторые иллюстрации трехступенчатых чередований гласных. Слабая ступень иллюстрируется обычно причастиями совершенного вида, ступень гуна — большей частью формами презенса, корневого аориста, именами деятеля на *-tar*, ступень вриддхи — формами сигматического аориста, aor.pass., 3. sg.pf. act., формами каузатива.

Ряд *ĭ*: *nij-* 'мыть', *nik-tá-* — intens. *né-nek-ti* — *á-naik-ṣ-ī-t*; *çri-* 'опираться', *çri-tá* — *çráy-a-ti*, *á-çre-t* — *á-çrāy-i*, *á-çrai-t*; *nī-* 'вести', *nī-tá* — *náy-a-ti*, *ne-tár-* — *nināy-a*, *naiṣ-ṭa*.

Ряд *ŭ*: *rudh-* 'препятствовать', *ruddhá-* (<*rudh*+*tá-*) — *ru-rodh-a* — *a-raut*; *stu-* 'восхвалять', *stu-tá* — *stó-ṣi* — *staut*; *sū-* 'оживлять', *sū-tá-* — intens. *so-ṣav-ī-ti* — *sāv-ī-s*.

Ряд *ṛ*: *kṛṣ-* 'пахать', *kṛṣ-a-sva* — *karṣ-a* — имя существительное *kárṣ-man*; *bhṛ-* 'нести', *bhṛ-tá-* — *bhár-a-ti* — *a-bhār*. При этом надо отметить, что перед суффиксом пассива *-ya-* и в некоторых других структурно близких классах форм слабый звуковой вид от корней на *-ṛ* бывает представлен *-ri-*, например: *kṛ-* 'делать' — *kri-yá-te*, *mṛ-* 'умирать' — *mri-ya-te*.

Ряд *ḷ*: *klṛp-* 'соответствовать', pf.med. *cā-klṛp-re* — *kalp-a-sva*.

Ряд *a*: *ghas-* 'пожирать', 3 sg.inj.med. *gdha* (<*ghs*+*ta*), *á-kṣ-an* (<*a*+*ghs*+*an*) — *ghás-a-t* — *ja-ghās-a*; *sac-* 'следовать', *sa-çc-ati* (<*sa-sc-ati*) — *sác-a-se* — p.nec. *sác-ya*.

Ряд *am*: *gam-* 'идти', *ga-tá-* — *gam-a-t* — *gām-aya*; *yam-* 'обуздывать', *ya-tá-* — *yám-a-ti* — *yām-aya*.

Ряд *an*: *tan-* 'тянуть', *ta-tá-* — *á-tan* — *ta-tán-a*; *man-* 'думать', *ma-tá-* — *á-man-mahi* — *māṃ-s-ta*.

[13] Историческая симметричность системы нарушена тем, что в ступени вриддхи в дифтонгах *ai*, *au* слоговой элемент является кратким.

В рядах *-am*, *-an* в слабой ступени вариант *a* бывает перед согласным, а вариант *m* или *n* — перед гласным (однако после двух согласных — *am*, *an*), например: *tan-*, *ta-tn-íre*; *gam-*, *ja-gm-āná-*; *nā́m-an* 'имя', I.sg. *nā́m-n-ā*, но *varṣ-mán-* 'высота', I.sg. *varṣ-mā́ṇ-ā*. Перед *m*, *y*, *v* вместо ожидаемой слабой ступени *a* имеют место *am*, *an*, например: *gam-*, *gan-ma*, *gán-vahi* (ср. *ga-tá-*); *han-* 'бить', 'убивать', *han-yá-te*.

В определенных морфологических позициях могут встречаться корни только в заданной ступени чередования (например, у причастий совершенного вида некаузативных глаголов всегда должна быть слабая ступень корня). В большинстве случаев этим позициям соответствуют рассмотренные выше схемы чередования. У ряда корней, однако, клетки трех морфологических позиций заполняются иным образом, что дает основания выделить некоторые особые типы чередований.

Слабой ступени *ĭ*, *ŭ*, *ṛ* у некоторых глаголов могут соответствовать в ступенях гуна и вриддхи сочетания консонантной формы полугласного или сонанта с *a*, и разница между второй и третьей ступенью будет заключаться в количественной характеристике *a*. Этот тип чередований называется *сампрасарана* (*samprasāraṇa* букв. 'распространение', 'растягивание'). Схемы чередования по типу сампрасарана можно представить следующим образом:

Слабая ступень	Гуна	Вриддхи
i	*ya*	*yā*
u	*va*	*vā*
ṛ	*ra*	*rā*
ī	*yā*	*yā*
ū	*vā*	*vā*

Вот некоторые примеры.

Ряд *i*: *yaj-* 'жертвовать', *iṣ-ṭá-* — *yáj-ati* — *a-yāṭ*; *dív-* 'небо', 'день', A.sg. *dív-am* — L.sg. *dyáv-i* — N.pl. *dyā́v-as* (слово аномально, в его склонении используются и другие типы чередования).

Ряд *u*: *vac-* 'говорить', *uk-tá-* — *ví-vak-ti* — *u-vā́c-a*; *vas-* 'вспыхивать', *uṣ-ṭá*, *u-chá-ti* — *a-vas-ran* — *u-vā́s-a*; парадигма склонения p.p.act. на — *vāṃs-*, например, *kṛ-* 'делать', I.sg. *ca-kr-úṣ-ā* — V.sg. *cá-kṛ-vas* — A.sg. *ca-kṛ-vā́ṃs-am*.

Ряд *ṛ*: *grabh-* 'хватать', *gṛbh-ī-tá*, *a-gṛbh-ran* — *a-grabh-ī-t* — имя *grābhá*; *prach-* 'спрашивать', *pṛṣ-ṭá-* — *práṣ-ṭum* — *á-prāṭ*.

Ряд *ī*: *jyā-* 'побеждать', *jī-tá* — des. *ji-jyā-sa-ti*; *çyā-* 'каменеть', 'замерзать', *çī-tá-* — имя *çyá*; суффикс оптатива атематических глаголов, например: *aç-* 'достигать', *aç-ī-máhi* — *aç-yā́-ma*.

Ряд *ū*: *svād-* 'сластить', *sú-ṣūd-a-ti* — *svā́d-a-te*.

Отличие чередования типа сампрасарана от обычного чередования заключается кроме всего прочего и в том, что для сампрасараны долгота или краткость *i*, *u* в слабой ступени является существенной. При долгом гласном в слабой ступени чередование бывает двухступенчатым (нейтрализация различий между гуна и вриддхи).

Есть корни, которые допускают в своей парадигме чередования обоих типов (по типу сампрасарана у них обычно образуются отдельные формы), например: *dṛç-* 'видеть', *dṛṣ-ṭá*, *á-dṛç-ran* — *da-dárç-a*, *dráṣ-ṭum* — *a-drāk-ṣ-ī-t* (в брахманах); *sṛj-* 'выпускать', *sṛṣ-ṭá*, *á-sṛg-ran* — *sa-sarj-a* — *a-srāk*; и др.

У небольшой группы корней, оканчивающихся на *-ṛ* (в индийской традиции они условно обозначаются как корни на *-r̄*), слабая ступень в трехступенчатых чередованиях бывает представлена не как *ṛ*, а как *īr* или *ūr*. Вот некоторые примеры: *kṛ-*/*kir-* 'воспевать', имя *kīr-ti* — intens. *car-kar-mi* — *á-kār-iṣ-am*; *tṛ-* 'пересекать', *tīr-ṇá-*, *tár-ya-* — *tár-a-ti* — *á-tār-ī-t*; *pṛ-* 'наполнять', *pūr-ṇá-* — *pí-par-ti* — *pār-iṣ-at*.

Перед гласной *īr*>*ir*, *ūr*>*ur*, например: *kṛ-*/*kir-*, *kiráti*; *tṛ-*, *tiráti*; *pṛ-*, *pūpurantu*.

Корни с корневым гласным *-a-* очень редко имеют все три ступени чередования. С точки зрения нормативной грамматики, корни, у которых засвидетельствована нулевая ступень в заданной морфологической позиции, представляют собой исключения. Кроме упомянутых ранее *ghas-* и *sac-*, это очень употребительный корень *as-* 'быть', *s-ánti* — *ás-ti* — *āsa* (<*a*+*as*+*a*) и *bhas-* 'жевать', *ba-ps-ati* (<*ba*+*bhs*+*ati*) — *bhás-a-t*; *pat-* 'летать', 'падать', *pa-pt-ima*, *a-pa-pt-a-t* (но *pat-i-tá-*) — *pát-a-ti* — *pāt-áya-ti*. Все остальные корни имеют в морфологических позициях, где должна быть слабая ступень, гласный *a*. Схема чередования у них следующая:

Слабая ступень — гуна	Вриддхи
a	*ā*

Приведем несколько примеров: *bhaj-* 'делить', *bhak-tá* — *bhá j-a-ti* — *bhāj-aya-ti*; *mad-* 'опьянять(ся)', *mat-tá-* — *mád-ati* — *mād-áya-ti*. Таким образом, для этих корней действительна схема чередования: гуна — гуна — вриддхи.

Корни, оканчивающиеся на *-ā* и подвергающиеся чередованию, имеют две ступени чередования: слабую и гуна—вриддхи. Схема чередования следующая:

Слабая ступень	Гуна—вриддхи
i, *ī*	*ā*

Простых правил распределения вариантов слабой ступени нет.

Вот некоторые примеры: *dhā-* 'класть', *hi-tá-*, *◦dhi-tá-* — *a-dhā-t*; *mā-* 'мерить', *mi-tá-*, *mi-tvá* — *mí-mā-ti*; *sthā-* 'стоять', *sthi-tá-* — *á-sthā-t*; *pā-* 'пить', *pī-tá-* — *pā-hí*; *hā-* 'уходить', *ji-hī-te* — *a-hā-s-ata*; *hā-* 'покидать', *hī-ná-* — *já-hā-ti*; суффикс глаголов IX класса *-ná-/-nī-*, например: *bandh-* 'связывать', *badh-ná-mi* — *badh-nī-más*.

Следует отметить, что у корней данного типа корневой гласный, представленный любой ступенью, выпадает перед окончанием, начинающимся с гласного (кроме *-am*, *-an*). То же происходит с гласным презентного суффикса *-nī-* и суффикса оптатива *-yā-*, например: *hā-*, *jih-āte*, *jih-ate*, *ji-hī-te*; *rī-* 'выпускать', 'течь', *ri-ṇī-thās*, но *ri-ṇ-anti*.

Данный тип чередования встречается также у двух корней, в которых *ā* находится в интерконсонантной позиции: *çās-* 'обучать', 'наказывать', *çiṣ-ṭa-*, *çiṣ-a-t* — *çās-te*, *ça-çās-a* и *sādh-* 'достигать цели', *sídh-ya-ti* — *sā́dh-a-ti* (*sādh-* и *sidh-* нередко рассматривают как отдельные корни).

Некоторые корни на *-am*, *-an* имеют в слабой звуковой ступени иной рефлекс, чем в основной схеме. Трехступенчатые чередования у этих корней осуществляются по следующей схеме:

Слабая ступень	Гуна	Вриддхи
ām	*am*	*ām*
ā	*an*	*ān*

Вот ряд примеров: *kram-* 'шагать', *krān-tá* — *á-kram-us* — *ca-krām-a*; *çram-* 'уставать', *çrān-tá-*, *çrām-ya-nti* — *çram-iṣ-ma* — *ça-çrām-a*; *jan-* 'рождать(ся)', *jā-tá-*, *já-ya-te* — *á-jan-iṣ-ṭa* — *ja-jān-a*; *van-* 'желать', *vā-ta-* — *ván-a-te* — *va-ván-a*. Таким образом, у этой группы корней на *-am* формально различаются две ступени, хотя формы с *-ām* могут интерпретироваться двояко, в зависимости от морфологической позиции.

В небольшой группе корней чередующиеся формы могут различаться одновременно двумя элементами (обычно двумя вариантами бывает представлена слабая ступень). Речь идет о корнях на *-ĭv/-yŭ*: *dīv-* 'играть', *dyū-tá-*, *dív-ya-ti* — *di-dév-a*; *sīv-* 'шить', *syū-tá*, *sív-ya-ti*; именная основа *div-/dyú-* 'небо', 'день'; *div-am*, *dyáṅ* — *dyáv-i*, *dyó-s* — *dyáv-as*, *dyaú-s*.

Понятие корня в ведийском языке образует совокупность его алломорфов. Теоретически каждый корень в зависимости от морфологической позиции может выступать в трех ступенях чередования. В тексте же в зависимости от звукового окружения эти алломорфы представлены, в соответствии с правилами сандхи, рядом аллофонов; например, *vah-* 'везти', слабая ступень: *ūḍhá-*, *◦úhya* — гуна: *váhati*, *vákṣi*, *vóḍhum* — вриддхи: *uvā́ha*, *ávākṣīt*, *ávāṭ*; *su-* 'выжимать', 'слабая ступень: *sunóti*, *suṣvati*, *suvāná-*, *sūyáte* — гуна: *sótave* — вриддхи: *ásāvi*.

Условным обозначением корня, его словарной формой служит обычно один из его алломорфов. У чередующихся корней берется слабая ступень в рядах чередования *ĭ*, *ŭ*, ступень гуна — в рядах чередования *a*, *am*, *an*. В рядах же чередования *ṛ*, *ḷ* используется или слабая ступень (в индийской традиции), или ступень гуна (в европейской). Чередования типа *īr*, *ūr* — *ar* — *ār* (в индийской традиции) обозначаются особым символом *r̄*, не совпадающим ни с одним из алломорфов, или (в европейской традиции) вариантами корня *-ar/-ir/-ur*. В ряде чередований *ā* — *ĭ* для обозначения корня выбирается алломорф с *-ā*.

СТРУКТУРА КОРНЕЙ И ИХ КЛАССИФИКАЦИЯ

Глагольные корни в ведийском языке бывают следующей структуры: V, CV, CCV, CCCV, VC, CVC, CCVC, VCC, CVCC, CCVCC, где символ V обозначает гласный, а символ C — согласный. Обязательной частью корня является V — гласный, представленный разными ступенями чередования. Вот примеры разного типа корней: *u-*, *su-*, *stu-*, *styā-*, *ud-*, *rud-*, *çcut-*, *ubj-*, *jūrv-*, *sphūrj-*.

Для характеристики структуры корня существенной представляется позиция после слогообразующего элемента. По этому признаку корни разделяются на два класса: 1) открытые, оканчивающиеся на V, и 2) закрытые, имеющие в исходе C.

У открытых корней V в принципе может быть долгим или кратким. При этом нет корней, которые оканчивались бы на *-ă*. Нет также неизменяемых корней данной структуры, которые оканчивались бы на гласные дифтонгического происхождения или дифтонги, т. е. на *-e*, *-o*, *-ai*, *-au* (отдельные именные корни допускают такую структуру: *raí-* 'богатство', *naú-* 'лодка').

Открытый корень структуры V может быть представлен только кратким гласным (кроме *ă*). Есть корни *i-* 'идти', *u-* 'звать', *ṛ-* 'приводить в движение', но нет корней **ā*, **ī*, **ū*.

У корней структуры CV или CCV C (или один из C) может быть придыхательным только при V, например: *dhā-*, *bhā-*, *dhī-*, *dhū-*, *bhū-* (но не **dhi-*, **bhi-*, **dhu-*, **bhu-*). У корней структуры CV, если C — придыхательный звук, то непременно звонкий. У корней структуры C^1C^2V один из C может быть как звонким, так и глухим придыхательным. Здесь возможны две модели: 1) C^1 — придыхательный, C^2 — плавный сонант, глайд, носовой; например, *dhmā-*, *khyā-*, *bhrī-*; 2) C^1 — *s*, C^2 — придыхательный, например, *sthā-*. У корней на *-ṛ*, не различающих оппозиции по долготе—краткости, если C придыхательный, то звонкий. например, *dhṛ-*, *bhṛ-*, *dhvṛ-*.

У закрытых корней наиболее распространена модель C^1VC^2: между C^1 и C^2 в этой модели существует определенное соотношение.

Если C^1 и C^2 являются смычными (включая аффрикаты) неносовыми согласными, то они обычно не принадлежат к одной варге (однако *tud-* 'толкать', *dudh-* 'сотрясать'— последний, видимо, результат редупликации), т. е. не бывает **kag-*, **pabh-* и пр. Вследствие этого $C^1 \neq C^2$, и это правило распространяется также на смычные носовые: нет корней **nan-* и **mam-*. Сочетание же носового и неносового согласного одной варги допустимы, например: *tan-*, *bhām-*.

Это правило не распространяется на непрерывные согласные, в связи с чем допустимы корни *sad-*, *çuc-*, *sas-*.

Закономерности соотношения C^1 и C^2 в корнях типа C^1VC^2 действительны для всех структур корней, где есть предвокальные и поствокальные согласные, т. е. для CCVC, CVCC и CCVC, т. е. возможен корень типа *cand-*, не невозможен типа **cañj-*. Исключениями из этого правила являются несистемные элементы: звукоподражания и заимствования.

В корнях типа C^1VC^2, когда C^1 и C^2 представлены неносовыми смычными (и аффрикатами), при C^1 звонком C^2 не может быть глухим. В результате возможны следующие типы соотношений C^1 и C^2: 1) C^1— глухой, C^2— глухой, например, *tap-*; 2) C^1— глухой, C^2— звонкий, например, *pad-*; 3) C^1— звонкий, C^2— звонкий, например, *bhaj-*, но корень типа **dap-* недопустим.

В корне любой структуры не может быть двух придыхательных согласных, т. е. возможны *bhaj-* и *jabh-*, но не **bhajh-*.

В корнях типа CVC при одном C*h* для другого C действительны все ограничения, вызванные звонким придыхательным согласным.

При наличии более чем двух согласных в корне действует тенденция центростремительной сонорности. Ближе к вокалическому центру корня, к гласному, находятся сонорные согласные, маргинальное положение занимают шумные, например: *çvañc-*, *granth-*, *syand-*.

По степени участия в чередовании гласных корни делятся на полноизменяемые, неполноизменяемые и неизменяемые. Полноизменяемые корни способны выступать в трех ступенях чередования: слабой ступени — гуна — вриддхи в зависимости от морфологической позиции (примеры см. на с. 123). Иногда какая-либо ступень у полноизменяемого корня в ведийском языке не засвидетельствована (обычно вриддхи), так как не встречаются соответствующие грамматические формы или словообразовательные типы.

Неполноизменяемые корни различают две ступени чередования. Обычно у них нейтрализовано различие между слабой ступенью и гуна. К этому типу принадлежат большей частью

корни с интерконсонантным *-a-* (кроме тех, которые чередуются по типу сампрасарана), например: *çak-* 'мочь', *çak-nó-ti*, *çag-dhí — ça-çák-a*; *yat-* 'соединять', *yat-ta-*, *yát-a-ti — yāt-áya-ti*; *svan-* 'звучать', *svan-i-ta-*, *a-svan-ī-t — svān-ī-t*. Гораздо реже встречаются неполноизменяемые корни, у которых нейтрализовано различие между ступенями гуна и вриддхи, и противопоставляется слабая ступень ступени гуна—вриддхи, например: *añj-* 'мазать', *aj-yá-te*, *ak-tá- — áñj-as-*; *vañc-* 'двигаться согнувшись', *vac-yá-te — váñc-a-ti*. (Формы морфологической позиции, в которой следует ожидать ступень вриддхи, засвидетельствованы от этих глаголов в более поздних памятниках. Корень в них имеет ступень гуна: pf. *ān-añj-a*, caus. *añj-aya-ti*; *vañc-aya-ti*.)

У неизменяемых корней нейтрализовано различие между всеми тремя ступенями чередования. Реально представленная форма корня, функционирующая во всех трех морфологических позициях, может совпадать со слабой ступенью, например: *iṅg-* 'шевелить', 'колебать', *iṅg-áya-ti*; *īr-* 'приводить в движение', *ír-te*, *īr-áya-ti*; *hiṃs-* 'вредить', *hiṃs-anti*, *hiṃs-ī-t*; со ступенью гуна, например: *rakṣ-* 'защищать', *rakṣ-i-tá-*, *rákṣ-a-ti*, *rarákṣ-a*; *med-* 'жиреть', *méd-ya-ntu*, *med-áya-tha* (абстрагирование корня в форме *mid-* неточно, так как слабая ступень от него нигде не засвидетельствована); со ступенью вриддхи, например: *khyā-* 'видеть', *khyā-tá-*, *khyā-ti*, *khyā-paya-ti* (в брахманах); *yāc-* 'просить', *yāc-i-tá-*, *yắc-a-ti*.

Неполноизменяемость и неизменяемость корней удобно рассматривать как разные ступени редукции полноизменяемости.

По типу соединения корня с флексией или с суффиксом различают два основных класса корней, называемых по индийской традиции *cem* (*seṭ*<*sa*+*iṭ* 'с *i*', где *iṭ* — условное обозначение соединительного гласного *i*) и *анит* (*aniṭ*<*an*+*iṭ* 'без *i*'). Соединительный гласный у корней сет употребляется между корнем и аффиксом, начинающимся с согласных *s-* и *t-*, если корень в данной форме не оканчивается на *-ā* или на гласный слабой звуковой ступени. Диагностическими в отношении различения корней сет и анит формами являются (при соблюдении указанных условий) причастия на *-tá-*, *-tavyà-*, *-tva-*, абсолютивы на *-tvī*, *-tvā́*, имена деятеля на *-tar-*, формы аориста на *-s* и футурума на *-syá-*, дезидеративы на *-sa-*. Остальные случаи, когда аффикс начинается с согласного, не содержат информации относительно принадлежности корня к классу сет или анит.

Вот некоторые примеры корней сет: *pat-* 'летать', 'падать', *pat-i-tá-*, *pat-i-tvā́*, *pat-i-ṣyá-ti*, *pi-pat-i-ṣa-ti*; *san-* 'достигать', *sán-i-tar-*, *sán-i-tva-*, *san-i-ṣyá-ti* (формы *sā-ta-*, *si-ṣā-sa-ti* не показательны); *bhū-* 'быть', *bhāv-ī-tva-* (с долгим соединительным гласным), *bhav-i-ṣyá-ti*.

В глаголе *grabh-* 'хватать' соединительный гласный долгий: *gṛbh-ī-tá*, *gṛbh-ī-tvā́*, *a-grabh-ī-ṣ-us*.

Примеры корней анит: *pad-* 'идти', *panná-*, *pát-tave*, *a-pat-s-i*; *yuj-* 'запрягать', *yuk-tá*, *yuk-tvā*, *a-yuk-ṣ-ata*; *su-* 'выжимать', *só-tva*, *só-tave*, *so-tar-*.

Результатом контаминации этих двух основных классов корней является третий, смешанный класс, в котором соединительный гласный факультативен для некоторых форм или в одних формах он встречается, в других — нет. Например, у глагола *jan-* 'рождать', с такими хорошо засвидетельствованными формами класса сет, как *á-jan-iṣ-ṭa*, *jan-iṣya-te*, у причастий на *-tva-* встречаются варианты *ján-i-tva-*/*ján-tva-*. Другой случай — *man-* 'думать', формы анит *mán-tavai*, *a-maṃ-s-ata*, форма сет — *man-i-ṣye*.

Как известно, к классу сет тяготеют неполноизменяемые и неизменяемые корни, хотя в принципе эти две классификации независимы друг от друга. Все производные корни (например, «корни» каузативов и вообще корни, извлеченные из презентных основ) образуют формы по классу сет.

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

Слово в ведийском языке обладает большой самодостаточностью, что обусловлено, во-первых, весьма однозначным характером флексии, позволяющей определить на синтаксическом уровне наличие именно данной связи, и, во-вторых, прозрачностью морфологической структуры основы, помогающей изнутри установить внутреннюю форму слова. Если обозначить префикс символом Pr, суффикс — Sf, корень — R, то максимальная модель слова будет выглядеть следующим образом: Pr+...+Pr+R...+R+Sf+...+Sf.

Каждый из составных элементов этой модели может повторяться более чем один раз, т. е. $Pr \rightarrow Pr_1+Pr_2+Pr_3$ ..., $R \rightarrow R_1+R_2+R_3$ ..., $Sf \rightarrow Sf_1+Sf_2+Sf_3$ ... Практически же при реализации максимальной модели в ведийском языке число префиксов, как правило, не превышает трех: сочетание двух префиксов при одном глагольном корне встречается часто, трех — исключительно редко (в РВ ни разу и всего два примера из АВ). Число корней в одном слове в ведийском поэтическом языке также реально никогда не превышает трех: нормой при развертывании являются два корня. Это встречается в редуплицированных формах глагола и в произведенных от них именах, а также в подавляющем большинстве сложных слов. Разница заключается в том, что при редупликации корень по определенным правилам развертывается сам в себя, в то время как в сложных словах обычно происходит развертывание в один из элементов практически открытого класса корней.

Тремя элементами класс корней может быть изредка представлен в ведийском поэтическом языке только в составе сложных слов. Число суффиксов в одном слове реально не превышает трех, при этом три суффикса встречаются весьма нечасто — нормой при развертывании и здесь является последовательность из двух элементов.

Класс префиксов здесь рассматриваться не будет на том основании, что глагольные префиксы в ведийском языке не яв-

ляются неотъемлемой частью слова. Они могут употребляться отдельно от той личной глагольной формы, с которой связаны семантически (прежде всего в самостоятельном или в главном предложении, где они несут на себе ударение при безударной личной форме глагола); в самхитах после PB самостоятельность префиксов постепенно уменьшается. Некоторая часть этих глагольных префиксов-наречий одновременно выступает в функции именных послелогов. По этой причине глагольные префиксы в ведийском языке моделируются двумя уровнями описания: словообразовательным и синтаксическим (в настоящей грамматике отдано предпочтение последнему). Употребляясь в качестве именных префиксов, те же самые элементы образуют первый член сложных слов (точнее «ложных» сложных слов) определенных типов, в связи с чем они описываются в разделе о сложных словах.

Класс корней, развертывающийся в последовательность из двух элементов в составе одного слова, образует или редуплицированные глагольные основы, выражающие определенное грамматическое или лексико-грамматическое значение (эти основы описываются на морфологическом уровне), или же сложные слова (в этом случае данный класс может быть представлен собственно корнем, основой или грамматической формой), которые описываются особо.

Класс суффиксов будет здесь рассматриваться прежде всего в связи с именным словообразованием, а также образованием наречий, т. е. в связи с теми классами слов, где суффиксы имеют деривационное значение. При образовании глагольных основ они имеют грамматическое или лексико-грамматическое значение и поэтому описываются на морфологическом уровне.

Класс суффиксов теснейшим образом соотнесен с классом корней (между корнями и префиксами тесной связи нет). Диахронически некоторые суффиксы становятся составной частью корня (переразложение основы в пользу корня). Синхронически присоединение того или иного суффикса к корню автоматически требует определенной ступени корневого гласного.

Именное словообразование в ведийском языке осуществляется с помощью суффиксации, чередования гласных и изменения места ударения. В реальных словообразовательных типах большей частью эти способы сочетаются.

Диахронически высший уровень в иерархии принадлежал ударению. Изменение места ударения в слове было необходимым и достаточным для образования нового деривационного значения, например: *ápas*-n. 'деятельность'— *apás*- 'деятельный', *sádman*-n. 'сиденье'— *sadmán*- 'восседающий', *çáka*-m. 'сила'— *çāká*- 'сильный' и др. Место ударения в слове определяло его принадлежность к тому или иному семантическому классу, грамматический род слова, ступень чередования корневого гласного.

Словообразовательный тип, в основе которого лежит противопоставление деривационных значений, регулируемое только изменением места ударения, засвидетельствован в ведийском языке не столь большой группой слов. Ударению на корне соответствует значение имени действия, ударению на суффиксе — значение имени деятеля, субстантивного или адъективного. Четкость этой оппозиции во всей системе словообразования нарушается многочисленными случаями фонетического регулирования места ударения (ударение на корне, если корневой гласный в полной ступени, на суффиксе, если корневой гласный в слабой ступени). Она нарушается также морфологическими причинами, а именно структурой основы: в основах с префиксами ударение в определенных словообразовательных типах падает на префикс, а в редуплицированных основах — обычно на слог удвоения (особенно при интенсивном удвоении). Несмотря на все эти противоречивые тенденции, место ударения служит существенным критерием для различения типов словообразования в ведийском языке.

Прежде чем перейти к описанию класса суффиксов, следует отграничить его от единиц, не принадлежащих к нему. Во-первых, речь идет о согласном элементе *-t-*, который является распространителем корней, оканчивающихся на краткий гласный *-i-*, *-u-*, *ṛ-*. К таким корням *-t-* присоединяется в абсолютном исходе и перед некоторыми суффиксами (*-ya-*, *-yu-*, *-yā-*, *-van-*). Во-вторых, имеется в виду так называемый соединительный гласный *-i-*, вставляющийся между корнями определенной структуры («тяжелые корни», описываемые на морфологическом уровне) и суффиксами, начинающимися с *t-* и *s-*. При описании конкретных форм, порожденных различными словообразовательными моделями, эти элементы можно описывать или в составе корня, или в составе суффикса, притом что правила комбинации вариантов корня или суффикса задаются на морфологическом уровне.

Класс суффиксов при синхронном описании удобно разделять в соответствии с индийской грамматической традицией на первичные (*kṛt*) и вторичные (*taddhita*). Первичные суффиксы — это те, которые непосредственно присоединяются к глагольному корню, а вторичные — те, которые присоединяются к основе. Индийские ученые исходили из того, что всякий корень является глагольным. Поскольку реальное число именных корней в древнеиндийском языке совсем невелико (например: *gó*- 'корова', 'бык'; *dvár*- 'дверь'; *naú*- 'лодка'; *nár*- 'мужчина', 'человек'; *hṛ́d*- 'сердце' и некоторые другие), из системных соображений ими можно пренебречь.

Удобное разделение суффиксов на первичные и вторичные по существу весьма условно, так как любой глагольный корень ведийского языка (если не практически, то во всяком случае теоретически) может функционировать в качестве имени. В ве-

дийском языке эти корневые имена довольно многочисленны, хотя и не продуктивны (в дальнейшем они постепенно выходят из употребления). Описание их в рамках двухчастной модели суффиксов требует введения нулевого первичного суффикса. Кроме того, следует отметить, что ряд суффиксов употребляется одновременно и как первичные, и как вторичные.

К первичным суффиксам относятся морфемы двух родов: основообразующие элементы и собственно суффиксы. Последние имеют самостоятельное деривационное значение, а первые его лишены и представляют собой чисто формальные единицы. Основообразующие элементы теснее спаяны с корнем: без них корень часто вообще не может существовать. Число основообразующих элементов очень невелико: #, *-a-*, *-i-*, *-u-*, *-ā-*, *-ī-*, *-ū-*, *-ar-*, *-an-*, *-as-*. Все остальные члены этого класса принадлежат к суффиксам.

Не во всех случаях это деление является безусловным. У основ на долгие гласные *-ā-* и *-ī-* характер конечного элемента основы можно установить только из общей системы противопоставлений. Так, в *çálā-* 'хижина' конечный *-ā-* — основообразующий элемент, а в *priyā́-* 'приятная', 'возлюбленная' — вторичный суффикс женского рода; поскольку существует *priyá-* 'приятный' мужского рода ср. также основообразующий элемент *-ī-* в *çamī́-* 'Mimosa Suma' с суффиксом женского рода *ī-* в *devī́* 'богиня', поскольку имеется *devá-* 'бог'.

ПЕРВИЧНОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

Суффикс *-#-* образует характерный для ведийского языка тип именных основ, или корневые имена. При всей многочисленности имен этого типа в ведах его непродуктивность очевидна. Бóльшая часть корневых имен засвидетельствована в качестве последнего элемента сложных слов, а не в самостоятельном употреблении. Многие самостоятельные корневые основы представлены лишь отдельными падежными формами и не имеют полной парадигмы. Корневые основы переходят в другие типы основ, прежде всего в тематические (этот процесс начинается с РВ, усиливаясь в ее поздних мандалах), например: *mā́s-/māsa-* 'месяц', *nár-/nára-* 'мужчина', 'муж', *tán-/tána-/tánaya-/tánas-* 'потомство', *rā́j-/rājan-* 'царь', *kṣáp-/kṣapā́-* 'ночь' и др.

Корневой гласный в этих основах обычно бывает представлен слабой ступенью, например: *diç-* 'сторона света'; *úṣ-* 'утренняя заря'; *gir-* 'голос', 'песнь'; *ṛc-* 'гимн', *dhī́-* 'мысль', 'молитва'; *bhū́-* 'вселенная' и др.

Небольшая группа основ имеет долгую ступень корневого гласного: *vā́c-* 'речь', *bhrā́j-* 'блекс', *rā́j-* 'царь', *◦mā́d-*, например, в *sadhamā́d-* 'пирующий вместе' и некоторые другие. У корней на *-ā-* долгий гласный в этих основах обычно сохраняется, например: *dā́-* 'даятель', *jā́-* 'рожденный', ребенок'; чаще же в основах с префиксами, например: *prajā́-* 'потомство', 'народ', *pramā́-* 'мера', *pratiṣṭhā́-* 'устойчивое место' и др. У некоторых корней на *-ā-* засвидетельствована, однако, слабая ступень, например, от корня *dhā-* 'класть': *nidhi-* 'сокровище', *paridhi* 'ограда' и др.

Ступень гуна засвидетельствована в небольшой группе корней, оканчивающихся на носовой согласный. Обычно это *-n-*, например: *◦hán-* 'убийца', *rán-* 'наслаждение', *sán-* 'шумящий' и др. Из корней на *-m* этот тип основ встречается у *dám-* 'дом' и *çám-* 'благо'. Корень *yaj-* 'жертвовать' представлен двумя вариантами: ступенью гуна с сампрасарана в *suyáj-* 'прекрасно жертвующий' и др. и слабой ступенью в *ṛtvij-* 'разряд жрецов'. К ступени гуна условно приравниваются и корни с интерконсонантным или предконсонантным *-a-*, например: *spáç-* 'соглядатай', *upasád-* 'прислуживание', *áp-* 'вóды' и др. В сильных формах основ этой структуры возможно ритмическое удлинение корневого гласного.

Корневые имена могут употребляться как nom. act. и как nom. ag. В первом значении они бывают женского рода, во втором — мужского рода или прилагательными. Непосредственная связь с действием наиболее ярко выражена у инфинитивов — корневых основ в разных падежах, например: *dṛçé* '[чтобы] видеть' (D.), *pratidhā́m* 'вложить' (A.), *avapádas* 'падать' (Abl.) и др. Более абстрагировано от глагольного корня значение собственно имен существительных, например, женского рода: *kṣúdh-* 'голод', *dā́ç-* 'почитание', *ûpastut-* 'призыв', *prayá-* 'продвижение', *vimûc-* 'распрягание', 'освобождение' и др.

Диапазон значений этих корневых имен женского рода очень широк: они могут обозначать не только действие, но и его результат — вплоть до названий конкретных предметов, например: *çrī́-* 'блеск', 'красота', 'счастье', 'богатство', 'украшение' 'драгоценность'; *samdṛ́ç-* 'разглядывание', 'вид', 'видимая форма' и др.

У некоторых корневых основ, объединяющих значения nom. act. и nom. ag., последнее является производным, о чем свидетельствует сохранение женского рода при значение имени деятеля (в отдельных случаях возможен и переход в мужской род), например: *riṣ.* f. 'вред', 'тот, кто вредит'; *paribā́dh-* f. 'препятствие', 'тот, кто препятствует'; *bhûj-* f. 'наслаждение', 'тот, кто наслаждается' и др.

Значение nom. ag. реализуется в двух вариантах: субстантивном, при котором основа бывает мужского рода, и адъективном; нередко оба эти варианта значения встречаются у одной и той же основы. Вот некоторые примеры: *árc-* 'сверкающий'; *sáh-* 'победный'; *vibhû-* 'выдающийся', 'сильный', m.nom.

3. класса богов; *yúj-* 'запряженный', 'сопряженный', m. 'упряжное животное, запряженное вместе с другим', 'товарищ'; и др.

Некоторые корневые имена сочетают значения nom. act. и nom. ag. и в соответствии со значением имеют то женский род, то мужской, или же функционируют в качестве прилагательного, например: *já-* adj. 'рожденный', m.f. 'ребенок', f. 'создание', 'существование'; *túj-* adj. 'ярый', 'неистовый', f. 'неистовство'; *víp-* adj. 'возбужденный', 'вдохновенный', m. 'вдохновенный жрец', f. 'песнь'; *vṛ́dh-* adj. 'подкрепляющий', f. 'подкрепление' и др.

Очень немногочисленные корневые основы среднего рода имеют относительно единообразную структуру. Они оканчиваются на согласный (*-s-*, *-r-*, *-m-*, *-d-*), которому чаще всего предшествует долгий гласный или гласный ступени гуна, например: *ā́s-* 'рот', *bhā́s-* 'свет', *mā́s-* 'мясо', *dós-* 'рука', *yós-* 'счастье', *súar-/sū́r-* 'свет', 'солнце', 'небо', *vā́r-* 'вода', 'влага', *çā́m-* 'благо' и со слабой ступенью корневого гласного *hṛ́d-* 'сердце'. Им не свойственно адъективное значение, а также значение nom. act. Эти имена среднего рода представляют собой названия конкретных предметов (среди них частей тела) или статичных абстрактных понятий.

Именно в этих основах среднего рода, а также в корневых основах, не связанных с глагольными корнями (отчасти они пересекаются), встречается больше всего формальных аномалий. Например, корень оканчивается на гласный в ступени вриддхи как в *raí-* 'богатство', *naú-* 'лодка' или на гласный в ступени гуна, как *gó-* 'корова', 'бык'; имеет неизменяемый интерконсонантный гласный гуна, как *dós-* 'рука' и *yós-* 'счастье'; имеет дефектную парадигму, как *çā́m-* 'благо' и *yós-*, фактически перешедшие в класс междометий, и т. п. Большинство этих архаичных основ в дальнейшем или переходят в другой тип основ, или выходят из употребления.

В небольшой группе корневых основ имеет место удвоение корня, интенсивное, например: *jógū-* 'громко поющий', *praṇení-* 'всегда ведущий вперед', и др., или неинтенсивное, например: *vidyú-/didyút-* 'выстрел', *juhū́-* 'жертвенная ложка'.

Суффикс *-a-*, или тематический гласный, образует в ведийском языке самый многочисленный и продуктивный тип основ. Именно в этот тип постепенно переходят отдельные корневые основы, а в дальнейшем также различные основы на согласные. В силу разращенности и неоднородности этого типа формальные закономерности, определявшие его структуру, в значительной степени стерлись, и при синхронном описании трудно дать правила, которые моделировали бы весь материал.

Основы на *-a-* имеют существительные и прилагательные мужского и среднего рода, обладающие самым широким кругом значений. Основы среднего рода встречаются гораздо реже, чем основы мужского рода.

Тематический гласный *-a-* присоединяется к глагольному корню, гласный которого представлен чаще всего ступенью гуна, значительно реже — ступенью вриддхи и в небольшой части случаев — слабой ступенью. Ступень корневого гласного и место ударения регулируются грамматической семантикой основы (nom.act. — nom.ag./adj.), ее фонетической структурой и морфологическим составом основы (наличием или отсутствием префикса).

Бóльшая часть тематических основ имеет корневой гласный в ступени гуна. В целом у ряда основ без префикса прослеживается тенденция к постановке ударения на корень в nom. act. и на тематический гласный в nom. ag. Имена действия бывают преимущественно мужского рода. Вот некоторые примеры. Имена действия: *véda-* 'знание', *séka-* 'выливание', *póṣa-* 'процветание', *yóga-* 'запрягание', *jára-* 'изнашивание', *máda-* 'воодушевление', *tára-* 'переправление', *ráṇa-* 'удовольствие', *çráma-* n. 'напряжение'; имена деятеля/прилагательные: *devá-* 'божественный', 'бог', *tveṣá-* 'стремительный', *plavá-* 'челнок', 'лодка', *bhojá-* 'щедрый', *karā́-* 'делающий', 'рука', *çará-* 'стрела', *andhá-* 'слепой', *bhaṅgá-* 'проламыватель', *ajá-* 'гонитель' и др.

В ряде слов, однако, такого соответствия между значением и местом ударения не наблюдается, и nom. act. могут иметь ударение на тематическом гласном, а nom. ag. — на корневом, например: *bhayá-* n. 'страх', *yakṣá-* n. 'преследование', *svará-* 'шум', или *mógha-* 'тщетный', *vépa-* 'вдохновенный', *çépa-* 'хвост' и др.

Небольшая группа слов образует минимальные пары в соответствии с местом ударения, причем на первоначальные различия значений nom.ag. — nom.act. иногда могут наслаиваться лексические различия, например: *códa-* 'стрекало', 'кнут' ('инструмент для погоняния') — *codá-* 'вдохновенный', 'тот, кто погоняет'; *yáma-* 'узда', 'управление' — *yamá-* 'связанный', 'близнец'; *vára-* 'желание' — *varā́-* 'желанный', 'жених', 'сват' и некоторые другие.

У некоторых основ этой структуры встречаются по два акцентных варианта при одном значении или при совпадении основных значений, например: *árdha-* m. 'половина', 'область' — *ardhá-* 'другой', m. 'половина'.

Наконец, у именных основ, не связанных с глагольным корнем, такого соответствия между значением и местом ударения быть не может. Вот некоторые примеры: *áçva-* 'конь', *nakhá-* m.n. 'ноготь', *rátha-* 'колесница', *çaphá* 'копыто' и др.

В сочетании с префиксом данный тип основ имеет обычно ударение на тематическом гласном, например: *apakāmá-* 'отвращение' (ср. *kā́ma-*), *pratijaná-* 'противник' (ср. *jána-* 'человек'), *saṃgamá-* 'битва', 'сходка' и др.

Долгую ступень корневого гласного в тематических основах

имеют корни определенной структуры: это корни — открытые слоги, или корни, имеющие *-a-* перед согласным (включая носовые). Нередко удлинение гласного в корнях этой структуры носит позиционный характер и обусловлено ритмом словосочетания. Соответствие значения nom.act.— nom.ag. и места ударения прослеживается в немногих случаях, например: *kā́ma-* 'желание'— *kāmá-* 'желающий', *çā́sa-* 'приказ'— *çāsá-* 'тот, кто приказывает'. 'повелитель', поскольку существует ярко выраженная тенденция ставить ударение на тематическом гласном независимо от значения, например: nom. act. *tyāgá-* 'отречение', *bhārá-* 'груз', 'ноша', *vāsá-* 'жилье', *sāvá-* 'выжимание сомы', наряду с nom.ag. *jārá-* 'любовник', *nāyá-* 'вождь' и др.

Тематические основы со слабой ступенью корневого гласного в подавляющем большинстве случаев имеют ударение на суффиксе. Они бывают в большинстве своем или именами действия, или прилагательными, не связанными с глагольным корнем. Отглагольные имена такой структуры довольно часто имеют основу глагола 6-го класса (см. раздел «Глагол», с. 318), например: *tuñjá-* 'напор' (ср. *tuj-*, *tuñjáti*), *turá-* 'быстрый' (ср. *tur-*, *turáti*) и др. или 1-го класса (см. с. 317), например: *krīḍá-* 'прыгающий', 'танцующий' (ср. *krīḍ-*, *krīḍati*), *jīvá* 'живой' (ср. *jīv-*, *jīvati*) и др. Они в основном употребляются в качестве второго члена сложного слова и по значению близки к причастиям.

Следует отметить, что продуктивный класс тематических основ включает целый ряд глагольных основ различной структуры, встречающихся в составе сложных слов, но иногда и самостоятельно. Чаще это бывают основы презенса разной структуры. Например, со слабой ступенью корневого гласного, кроме указанных выше, сюда следует еще отнести основы с носовым элементом: *hinvá-* 'побуждающий' (*hi-*, 3 pl. *hinvánti*), *asunvá-* 'не выжимающий [сому]' (*su-*, 3 pl. *sunvánti*), *viçvajinva-* 'все оживляющий' (*jinv-*, 3 sg. *jinvati*), *iná-* 'деятельный', 'сильный' (хотя от *inv-* засвидетельствованы презенсы *inóti*, *invati*, но не **ináti*) и др.; с суффиксом *-yá-*, как *akṣudhyá-* 'не голодный' (*kṣudh-*, *kṣúdhyati*), *atṛṣyá-* 'не испытывающий жажды' (*tṛṣ-*, *tṛ́ṣyati*) и др.; с суффиксом *-áya-*, как *kúpaya-* 'шевелящийся' или со ступенью гуна *tánaya-* 'потомство'. Со ступенью гуна корневого гласного употребляется целый ряд имен, имеющих основу глаголов 1-го класса, как *móda-* 'радость' (*mud-*, *módati*), *çardha-* 'сильный', 'предводитель' (*çardh-*, *çárdhati*), *jána-* 'род' (*jan-*, *jánati*) и др., при этом конечному палатальному глагольного корня соответствует велярный согласный именной основы, например: *arká-* 'сияние', 'песнь' (*arc-*, *árcati*), *bhóga-* 'наслаждение' (*bhuj-*, *bhójate* 'наслаждаться') и др. Единичные имена имеют основу аориста: *jeṣá-* 'достижение', 'приобретение', *néṣa-* 'ведущий'.

Группа тематических имен со слабой ступенью корневого

гласного вообще не связана с глагольным корнем. Основы этого типа не характеризуются ни единой структурой, ни единой семантикой. Вот некоторые примеры: *nīdá-* 'место отдыха', 'гнездо', *bī́ja-* n. 'семя', *mū́kha-* n. 'рот', 'лицо', *mṛgá-* 'дикий зверь', *vṛ́ka-* 'волк' и др.

Некоторые имена, формально принадлежащие к данному типу, являются просто тематическим распространением корневых основ, например: в сложных словах *◦yujá/◦yúj-* 'запрягающий', *◦hán/◦ghná-* 'убивающий' и др., и таким образом *-a-* здесь вторичного происхождения.

Тематический гласный встречается также у группы основ с удвоением интенсивного типа со значением nom. ag., например: *vevijá-* 'спешащий', *ādardirá-* 'раздробляющий', *sarīsṛpá-* 'ползущий' и др.

Суффикс *-ā-* образует имена женского рода (существительные и прилагательные) от имен мужского рода, т. е. вторичная функция. Как первичный суффикс *-ā-* встречается в небольшом количестве слов. Среди них наиболее компактную группу составляют слова со значением nom. act. и ударением на суффиксе производного спряжения глагола, а именно от дезидеративных и — реже — отыменных основ, например: *jigīṣā́-* 'желание победить', *◦bhikṣā́-* 'выпрашивание', 'нищенствование' (ср. *māṃsabhikṣā́-* 'выпрашивание мяса'), *āçikṣā́-*, 'желание учиться' и др.; *apasyā́-* 'деятельность' (*apasy-* 'быть деятельным'), *duvoyā́-* 'почитание' (ср. *duvasy-* 'почитать'), *sumnayā́-* 'благочестивость' (*sumnay-* 'быть благочестивым') и др.

За пределами этой группы первичный суффикс *-ā-* встречается редко. Вот некоторые примеры: *kúbhā-* — nom. pr. притока Инда, *gáṅgā-* — Ганг, *çākhā́-* 'ветвь', *sabhā́-* 'собрание' и др.

Некоторые основы на *-ā-* являются формальным распространением корневых основ, например: *iḍā-/íḍ-* 'жертвенные возлияния', *tánā-/tán-* 'потомство', *ván-/vána-/vánā-* 'дерево' и др.

Суффикс *-ana-* служит для образования многочисленных имен существительных мужского и среднего рода, а также прилагательных от глагольного корня в ступени гуна с ударением на корневом гласном. Ступень вриддхи встречается у очень ограниченного числа корней, слабая ступень несколько чаще (в них же имеют место и наибольшие акцентные отклонения).

Суффикс *-ana-* выражает значения обоих больших семантических классов, связанных с глагольным корнем: имена действия среднего и мужского рода и имена деятеля мужского рода или прилагательные. Обычно у данного типа основ противопоставление значений не влечет за собой регулярного противопоставления места ударения. Имена с абстрактным значением преобладают, но встречается немало случаев дальнейшей спецификации значений, приводящей к возникновению nom. concr.: названий результата, места, инструмента действия. Вот

некоторые примеры. Nom. act. n.: *áyana-* 'движение', 'путь', *védana-* 'имущество', *pávana-* 'очищение', *róhana-* 'восхождение', 'средство для восхождения', *bháraṇa-* 'ноша', *krámaṇa-* 'шаг', *vándana-* 'прославление', *cákṣaṇa-* 'вид', 'проявление' и др. Очень употребительны эти основы с префиксами, причем наличие префикса не меняет места ударения, например: *nirā́yaṇa-* 'выход', *parā́yaṇa-* 'уход' и др. Значение ряда nom. act. приближается к инфинитивному, и они иногда употребляются в ведах в синтаксических конструкциях, характерных для инфинитива.

Nom.ag.m./adj.: *jánana-* 'родитель', *vibódhana-* 'пробудитель', *vivā́cana-* (со ступенью вриддхи) 'тот, кто решает', 'судья', *jaraṇá-* 'старый', *mandána-* 'радующий', *çnáthana-* 'пронзающий', *sacaná* 'помогающий', *saṃkrándana-* 'ревущий' и др. Как видно из примеров, акцентные колебания чаще имеют место в простых словах nom.ag.— прилагательных (эти слова нередко употребляются также в качестве последнего элемента сложного слова). Следует упомянуть также некоторые nom. concr. с суффиксом *-ana-* мужского рода, как *odaná-* 'рисовая каша', *varaṇá-* — nom. pr. дерева, 'амулет из этого дерева', *syandaná-* 'повозка'.

Некоторые основы на *-ana-* объединяют и тот, и другой круг значений, употребляясь соответственно в мужском и в среднем роде, или функционируя как существительное и как прилагательное, например: *cétana-* adj. 'видимый', 'прекрасный', n. 'вид', 'блеск', *mā́na-* m. 'строение', 'жилье', n. 'мера', 'величина'; *vákṣaṇa-* adj. 'подкрепляющий', n. 'подкрепление'; *várdhana-* adj. 'усиливающий', m. 'тот, кто усиливает', n. 'средство усиления' и др. Различение значений с помощью ударения встречается в таких единичных случаях, как *kárana-* n. 'деяние'— *karaṇá-* 'искусный'.

У небольшой части основ суффикс *-ana-* присоединяется к корню в слабом звуковом виде с иным значением и иным местом ударения; например: *kṛpáṇa-* n. 'горе', *nítkṣaṇa-* n. 'заостренная палка', *bhúvana-* 'вселенная', *vṛjána-* n. 'огороженное место жертвоприношения' и др. Иногда таким именным основам соответствуют глагольные основы 6-го класса, например: *kiráṇa-* 'пыль' (ср. *kir-*, *kiráti*), *turáṇa-* 'быстрый' (*tur-*, *turáti*) и др.

На употребительный и продуктивный суффикс *-ana-* ориентируется несколько более редких суффиксов. Суффикс ***-aná-*** (иногда *-aná-*) образует существительные женского рода с абстрактным и конкретным значением, например: *jaraṇā́-* 'старость', *maṃhánā-* 'дар', 'готовность дарить', *hasanā́-* 'шутка' и др. или *kapanā́-* 'гусеница', *raçanā́-* 'веревка' и др.

Суффикс *-anī-* (иногда *-anǐ-*) образует основы прилагательных/имен деятеля (в отдельных случаях развивается абстрактное значение) женского рода от соответствующего суффикса

-ana- мужского рода, например: *jánanī-* 'родительница , *tapanī-* 'жар', *niócanī-* 'милая', *çā́sanī-* 'обучающая' и др.

Суффикс *-áni-* (иногда ***-aní-***) образует небольшую группу имен с той же семантикой, что у суффикса *-ana-*, но только основы с абстрактным значением бывают обязательно женского рода, а основы с конкретным значением могут быть женского, мужского рода или прилагательным, например, nom.abstr.f.: *iṣáṇi-* 'поторапливание', *dhamáni-* 'дутье', *çaráṇi-* 'грех' и др.; nom.concr.: *aráṇi-/araṇī-* 'дерево для трения', *vartaní-* 'обод колеса', 'колея', 'дорога' и др.; nom.ag./adj.: *carṣaṇí-* (возможно с *s* из основы аориста) 'подвижный', f.pl. 'люди', *taráṇi-* 'быстро достигающий цели', m. 'спаситель' и др.

Спецификацией суффикса *-áni-* и его комбинаций *-sani-*, *-táni-*, *-váni-* является употребление в качестве показателей инфинитива.

Суффикс *-anú-* имеет ту же семантику, что и *-áni-*, но только существительные с этим суффиксом бывают мужского рода. Он засвидетельствован в немногих словах: *krandanú-* 'звучание', *kṣipaṇú-* 'метательный снаряд', *nadanú-* 'шум', 'шум битвы', *vibhañjanú-* 'ломающий'.

Суффикс *-as-* образует абстрактные существительные среднего рода от корня с гласным в ступени гуна под ударением. Характерное значение этих имен — nom.act., часто они выражают результат действия, иногда засвидетельствовано и конкретное значение. Абстрактные имена на *-as-* представляют собой достаточно многочисленный и продуктивный тип в ведийском языке. Вот некоторые примеры: *cákṣas-* 'блеск', 'взгляд', 'глаз'; *vácas-* 'слово', 'речь'; *mánas-* 'дух', 'ум', 'мысль'; *támas-* 'мрак', 'заблуждение'; *énas-* 'грех'; *çéṣas-* 'потомство'; *dóhas-* 'доение', *çrávas-* 'слава', *káras-* 'деяние' и др.

У небольшой группы слов корневой гласный представлен ступенью вриддхи (разного происхождения: ритмическое удлинение в сложных словах, аналогия с отдельными корневыми формами и пр.). Обычно это бывает гласный *-ā-*, например: *ā́gas-* 'преступление', *pā́thas-* 'место пребывания богов', *vā́has-* 'принесение даров' и др. К корням на *-ā-* суффикс *-as-* может присоединяться с помощью эпентетического *-y-*, например: *ánugāyas-* 'тот, за кем следует напев'; *dhā́yas-* 'вкушение', 'напиток'; *vihā́yas-* 'могучий', хотя известны и случаи непосредственного присоединения суффикса к корню с конечным *-ā-*, например: *jñā́s-* m. 'родственник', *dā́s-* m. 'дающий'.

Отдельные существительные имеют корневой гласный в слабой ступени. Они не представляют собой единой группы ни по своему происхождению, ни по значению, ни по формальным особенностям. Это несколько основ среднего рода: *úras-* 'грудь', *çíras-* 'голова', *jávas-* 'скорость', *dúvas-* 'почитание', а также *uṣás-* f.— Ушас и *bhiyás-* m. или f. 'страх'.

Суффикс *-ás-* под ударением засвидетельствован у неболь-

шой группы имен деятеля: существительных мужского или женского рода/прилагательных, например, *apsarás-* f.— nom.pr. класса водяных нимф, *tavás-* 'сильный', m. 'сила'; *toçás-* 'щедро изливающий'; *yajás-* 'жертвующий' и др. Есть несколько минимальных пар, основанных на противопоставлении места ударения и соответствующего значения, например: *dúvas-* 'дар'— *duvás-* 'дарящий', *máhas-* n. 'величие'— *mahás-* 'великий', *yáças-* 'благословение'— *yaçás-* 'благословенный'. Иногда наблюдается несоответствие между формальной характеристикой основы и значением, как в *jarás-* m. 'изношенность', 'старость' или *ródasi* f.du. 'земля и небо'. С помощью суффикса *-as-* образуется также один из распространенных типов ведийского инфинитива, представленного формой дательного падежа. В инфинитивах ударение падает на суффикс, например: *jīváse* 'чтобы жить', *dohάse* 'чтобы доить' и др.

К суффиксу *-as-* примыкают несколько редких и непродуктивных суффиксов (в которых *-as-* выступает, собственно, как распространение других исторических суффиксов), а именно: ***-tas-*** в *rétas-* 'семя', *srótas-* 'поток', *ápnas-* 'имущество-; ***-nas-*** в *árṇas-* 'волна', *parīṇas-* m. 'полнота', 'богатство' и в некоторых других; ***-vas-*** в *pīvas-* 'жир', *várivas-* 'простор'; ***-sas-*** в *vápsas-* 'форма'.

Следует отметить, что для ведийского словообразования вообще характерно существование «малых серий» суффиксов (по выражению Рену), ориентирующихся на какой-либо распространенный и продуктивный суффикс.

Суффикс *-is-* образует немногочисленные имена среднего рода, у которых корневой гласный чаще представлен ступенью гуна, а ударение падает преимущественно на суффиксальный гласный. Значение таких имен отчасти nom.act., отчасти nom. concr., например: *arcis-* 'луч', 'пламя'; *kravis-* 'сырое мясо', *jyótis-* 'свет', 'светило'; *barhis-* 'жертвенная солома', *vartis-* 'путь' и др. Эти слова иногда имеют параллельные формы основ на *-i-*, как, например: *arcis-* n./*arci-* m., *çocis-*/*çoci-* 'пламя' и др.

Суффикс *-us-* образует немногие слова в ведийском языке разной структуры и значения. Имена существительные на *-us-* чаще бывают среднего рода (nom. abstr. и concr.), но возможен и мужской род (nom. act.). Имена на *-us-* могут иметь параллельные формы на *-u-*, например: *áyus-*/*áyu-* 'срок жизни', *cákṣus-*/*cákṣu-* 'глаз', *mánus-*/*mánu-* m. 'человек', *vanús-*/*vanú-* m. 'враг'. Для нескольких имен, однако, это единственная основа, например: *párus-* 'сочленение стебля', *yájus-* 'жертвенная формула'.

Существует малочисленная группа прилагательных с основой на *-us-* с суффиксальным ударением: *jayús-* 'победоносный'; *dakṣús-* 'горящий'; *nahús-* 'дружелюбный' (m. 'друг', 'сосед'); *vanûs-* 'рьяный', 'враждебный' (m. 'сторонник', 'враг'); *vidús-* 'внимательный'.

Суффиксы *-i-* и *-u-* образуют основы, которые не имеют единой формальной морфологической или семантической характеристики. Сюда относятся прилагательные и существительные всех трех родов с различным местом ударения и разной ступенью корневого гласного. Основы на *-i-* и *-u-* достаточно многочисленны в ведийском языке, но они мало продуктивны, и некоторые структурные типы в период после РВ начинают исчезать.

Среди основ на *-i-* совсем немногочисленны основы среднего рода: *ákṣi-* 'глаз', *ásthi-* 'кость', *dádhi-* 'кислое молоко', *sákthi-* 'бедро' и некоторые другие. Обычно они не связаны с глагольным корнем. В склонении они принадлежат к гетероклитическому типу, чередуясь с основами на *-n-*.

Основы на *-u-* среднего рода гораздо более многочисленны, чем соответствующие основы на *-i-*. Вот некоторые примеры: *áçru-* 'слеза', *áyu-* 'срок жизни', *jā́nu-* 'колено', *dā́nu-* 'влага', 'роса' (также f.), *dā́ru-* 'дрова', *páçu-* 'скот', *mádhu-* 'мед' и др.

Основы среднего рода имеют ударение на корневом гласном, который нередко бывает представлен ступенью вриддхи. Значение всех этих основ — преимущественно nom. concr.: выделяется небольшая группа слов, обозначающих части тела.

Основы на *-i-* и *-u-* встречаются у многих прилагательных, а также у существительных nom.ag. мужского рода. Нередко значение прилагательного и существительного сочетаются в одной и той же основе. Среди прилагательных с основой на *-u-* выделяется группа очень употребительных качественных прилагательных. Вот некоторые примеры основ прилагательных на *-i-* и *-u-*, образованных от простого корня: *ari-* 'преданный', 'сторонник', 'враждебный', 'враг'; *kavi-* 'вдохновенный', 'поэт'; *bhū́ri-* 'многочисленный'; *máhi-* 'большой'; *çúci-* 'сверкающий', 'чистый'; *hári-* 'рыжий', 'рыжий конь'; 'лиса' и др., *aṃhú-* 'узкий'; *āçú-* 'быстрый'; *urú-* 'широкий', 'далекий'; *gurú-* 'тяжелый'; *tanú-* 'тонкий'; *bahú-* 'многий' и др. Для адъективных основ на *-u-* характерно ударение на суффиксе.

У группы адъективных основ на *-i-*, *-u-* засвидетельствована редупликация корня; корень представлен обычно слабым звуковым видом (иногда с нулем гласного), редко ступенью гуна; типы редупликации различные, место ударения тоже. Значение этих основ бывает близким к значению причастий несовершенного вида. В количественном отношении основы на *-i-* этой структуры заметно преобладают над основами на *-u-*. Вот некоторые примеры: *jághni-* 'убивающий', *jarbhári-* 'питающий', *tútuji-* 'стремительный', *yayí-* 'мчащийся' и др.; *aráru-* 'враждебный', *jigyú-* 'победный', *cikitú-* 'мудрый' и др.

Суффикс *-u-* встречается также у некоторых адъективных основ отглагольного происхождения; в единичных случаях у временны́х основ, как, например, *tanyú-* 'гремящий' и др., чаще

дези деративных, как *ditsú* 'желающий дать', *pipīṣu-* 'желающий пить', *mumukṣú-* 'стремящийся освободиться' и др.

Довольно многочисленны nom. ag. и nom. concr. мужского и женского рода на *-i-* и *-u-*, как, например: *áhi-* 'змей', *ṛ́ṣi-* 'мудрец', *kṛ́mi-/krími-* 'червь', *páti-* 'господин', *jáni-* f. 'жена' и др.; *índu-* 'капля', 'сома', *íṣu-* f. 'стрела', *mánu-* — nom. pr. прародителя людей, *vāyú-* 'ветер'.

Наконец, эти типы основ могут иметь значение nom. abstr., чаще встречающееся у основ на *-i-*, например: *ghāsí-* 'питание', *ráṃhi-* 'стремительность', *rúci-* 'блеск' и др.; *bandhú-* 'родство' (также 'родственник'), *māyú-* 'мычание' и др. Значение nom. act. у основ на *-i-* представлено в одном из типов инфинитивов в дательном падеже: *dṛçáye* 'чтобы видеть', *sanáye* 'чтобы захватить'.

Суффикс *-ti-* является средством образования многочисленных отглагольных абстрактных имен женского рода со слабой ступенью корневого гласного. Этой ступени должно было бы соответствовать место ударения на суффиксе, что и встречается почти у половины всех имен на *-ti-*. Существенно, что в РВ число окситонированных имен на *-ti-* больше, чем в каком-либо другом памятнике. После РВ число баритонированных имен на *-ti-* возрастает. Вот некоторые примеры с ударением на суффиксе: *bhaktí-* 'наделение', *matí-* 'мысль', *siktí-* 'излияние', *rītí-* 'струя', *stutí-* 'хвалебная песнь', *ūtí-* 'помощь', *vṛṣṭí-* 'дождь' и др.; с ударением на корне: *gáti-* 'ход', *yáti-* 'удерживание', *íṣṭi-* 'жертва', *júṣṭi-* 'удовлетворение', *vṛ́ddhi-* 'подкрепление' и др. В единичных случаях возможно колебание в отношении места ударения, например, *çaktí-/çákti-* 'сила'.

Нормой для корневого гласного является слабая ступень. Иногда это нулевая ступень при наличии стяжения, например: *stí-* 'домашний уклад', 'домочадцы' (корень *as-* 'быть'), *vásutti-* 'обогащение' (<**vasu-dā-ti-*).

Корни, оканчивающиеся на *-ā-*, могут его сохранять, и таким образом в данном типе основ встречается гласный в ступени вриддхи, как в ◦*dāti-* 'дар' (*dā-* 'давать'), *rātí-* 'дар' (*rā-* 'давать'), ◦*māti-* 'мера' (*mā-* 'мерить') и др., а могут быть представлены слабой ступенью в виде *-i-* (*-ī-*), чередующегося с *-ā-*: *puró-hiti-* 'служба пурохита' (*dhā-* 'класть'), *saṃçiti-* 'оттачивание' (*çā-* 'точить'), *sóma-pīti-* 'питье сомы' (*pā-* 'пить') и др. В единичных случаях ступень вриддхи встречается у корней, оканчивающихся на согласный, например: *ā́pti-* 'достижение', *dhautí-* 'ручей' и некоторые другие.

Слабая ступень от корней на носовой сонант может быть иногда представлена в виде *-a-* или *-ān-*, а на плавный сонант — в виде *-īr-* или *-ūr-*, например: *sātí-* 'захват' (*san-* 'захватывать'), *çā́nti-* 'покой' (*çam-* 'уставать'), *kīrtí-* 'хвала' (*kar-/kir-* 'восхвалять') и некоторые другие.

У нескольких имен встречается ступень гуна корневого

гласного, а именно: *tantí-* 'шнур', *ránti-* подкрепление', *hetí-* 'дротик'. Несколько имен на *-ti-* имеют редуплицированную основу. Это *carkṛtí-* 'хвалебная песнь', *dī́dhiti-* 'молитва', *jígarti-* m. 'глотатель' (возможно, результат номинализации личной формы глагола) и некоторые другие.

Основы на *-ti-* чаще встречаются в текстах самхит с приставками или в качестве последнего члена сложных слов. Приставка всегда несет ударение, например от корня *man-* 'мыслить' кроме простой основы *matí-* 'мысль', 'молитва' встречаются основы с приставками *átimati-* 'крайнее мужество', *ánumati-* 'согласие', *abhímāti-* 'преследование', *úpamāti-* 'обращение', *prámati-* 'забота', *sámmati-* 'единодушие'. Для имен на *-ti-* характерно абстрактное значение от глагольного корня: обычно значение состояния, у небольшой группы инфинитивов — значение nom. act. Вот некоторые примеры инфинитивов в дательном падеже на *-taye* или *-tyai*, имеющих всегда ударение на суффиксе: *pītáye* 'чтобы пить', *vītáye* 'чтобы вкусить', *ityaí* 'чтобы идти'.

Существует совсем небольшая группа имен на *-ti-* со значением nom. ag. или прилагательных. Такие имена существительные мужского рода представляют собой, видимо, результат персонификации соответствующих абстрактных имен, например: *cítti-* f. 'прозрение', m. 'прозорливец', *dhū́ti-* m. 'сотрясатель', f. 'сотрясение'. В единичных случаях абстрактное значение у этих основ не засвидетельствовано, как у *jñātí-* 'кровный родственник', *pū́ti-* 'ленивый'. Основы на *-ti-* могут также функционировать в ведах в качестве персонификаций-собственных имен, например: *áditi* — nom. pr. богини (букв. 'несвязанность'), *árāti-* 'скупость'.

Суффикс *-ti-* используется также для образования ряда местоименных форм множественного числа: *káti* 'сколькие', *táti* 'столькие', *yáti* 'сколькие' (относит.).

Во вторичной функции этот суффикс используется для образования класса числительных, а именно десятков, которые грамматически являются именами женского рода, например: *daçáti-* 'десятка', *viṃçatí-* 'двадцать' и т. д.

Абстрактные имена на *-ti-* по форме примыкают к причастиям на *-ta-* (та же ступень корневого гласного), но не обладают той же регулярностью места ударения. Кроме того, в отличие от причастий на *-ta-* они, как правило, не имеют соединительного гласного в корнях сет.

Формы с соединительным гласным единичны: *sániti-* 'захват', *snī́hiti-/snéhiti-* 'уничтожающий'. В нескольких словах встречается вариант суффикса — ***-atí-/-áti-***: *aṃhatí-* 'притеснение', *amáti-* 'мощь', *ámati-* 'бедность', 'бедный', *vasatí-* 'гнездо', *vṛkáti* 'грабитель', 'хищник' и некоторые другие.

Суффикс *-ni-* в ведийском языке малопродуктивен. Он образует небольшую группу имен со структурой, аналогичной осно-

вам на *-ti-*, но не имеющих единой семантики (ср. формальную аналогию у причастий на *-ta-* и на *-na-*). Имена с абстрактным значением женского рода здесь составляют меньшинство. Это *jūrṇi-* 'вспышка огня', *ájyāni-* 'невредимость', *ghṛ́ṇi-* 'жар'.

Несколько лучше засвидетельствованы nom.ag. и nom.concr. мужского рода, как, например: *agni-* 'огонь', *yóni-* 'лоно', *pāṇi-* 'рука', *pā́rṣṇi* (m. или f.) 'пятка', *váhni-* 'возница', 'конь' *vṛṣṇi-* 'баран' и некоторые другие. Эти имена не едины по своей структуре.

Основы на *-ni-* имеют также некоторые прилагательные (нередко в одной основе сочетаются значения прилагательного и существительного мужского рода), например: *tū́rṇi-* 'быстрый', *pṛ́çni-* 'пятнистый', *preṇi-* 'любящий', *bhū́rṇi-* 'возбужденный'.

Суффикс *-áni-/-aní-* тоже принадлежит к числу редких и малопродуктивных в ведийском языке. Он относится к суффиксу *-ni-* так же, как *-ati-* к *-ti-*. Структура основ на *-ani-* и их значение разнообразны. Есть nom.act. и nom.abstr. женского рода, как *iṣáṇi-* 'поторапливание', *kṣipaṇi-* 'бросок', *dyotaní-* 'блеск', *vartani-* 'путь'. Есть прилагательные, nom.ag. и nom. concr., как *taráṇi-* 'спасающий', *sakṣáni-* 'одолевающий', *ā́jani-* 'стрекало' и некоторые другие.

Суффикс *-tu-* образует основы, которые ни по своей формальной характеристике, ни по семантике не параллельны основам на *-ti-*. Этот суффикс продуктивен только в функции образования одного из типов инфинитива, представленного в текстах самхит несколькими падежными формами: дательным падежом (*dā́tave* 'чтобы дать'), отложительно-родительным падежом (*dā́tos* 'от давания'), винительным падежом (*dā́tum* 'дать', 'давание').

Суффикс *-tu-* мало продуктивен в функции образования имен. Корневой гласный в этих именах обычно представлен ступенью гуна, а ударение падает на корень. Чаще эти имена бывают мужского, редко — среднего, единично — женского рода. Они имеют значение nom.act. или nom.concr., причем граница между этими двумя семантическими сферами оказывается очень подвижной; nom.ag. совсем редки. Вот некоторые примеры мужского рода: *aktú-* 'мазь', *ṛtú-* 'установленное время', *gātú-* 'ход', 'путь', *jantú-* 'потомство', 'род', 'живое существо', *tántu-* 'нить', *mántu-* 'совет', 'советчик', *sétu-* 'привязь', 'мост' и др.; среднего рода: *dā́tu-* 'часть', *vā́stu-* 'местожительство'; женского рода: *vástu-* 'утро'. Основы на *-tu-* обычно употребляются без приставок.

В отдельных случаях суффикс *-tu-* выступает как вторичный, присоединяясь к глагольной основе, а не к корню, например, в *edhatú-* 'процветание', *vahatú-* 'свадебный поезд', *tanyatú-* 'гром', *tapyatú-* 'пылающий', *siṣāsátu-* 'стремящийся захватить'. Приведенные примеры являются словами мужского рода или прилагательными, все с суффиксальным ударением.

Суффикс *-nu-* редок и малопродуктивен. Он образует некоторые имена прилагательные и существительные (преимущественно мужского рода) от глагольного корня с ударением на суффиксе, например: *gṛdhnú-* 'стремительный', *dhṛṣṇú-* 'храбрый'; *bhānú-* 'луч', *vagnú-* 'звук', 'шум', *sūnú-* 'сын' мужского рода: *dā́nu-* m.f.nom.pr. демонов, n.f. 'влага', 'роса' (место ударения необычно); *dhenú-* f. 'дойная корова'.

Этот суффикс, примыкая к тематическому гласному или к ряду исторических суффиксов — распространителей корня, в синхронном плане лежит в основе небольшой серии малоупотребительных суффиксов. Все они образуют прилагательные или существительные мужского рода, в которых суффикс находится под ударением. Это **-anú-**, например: *krandanú-* m. 'рев', *nadanú-* m. 'шум', *nabhanú-* m. 'источник', **-tnú-**: *kṛtnú-* 'деятельный', *dartnú-* m. 'тот, кто проламывает'; **-atnú-**: с редупликацией — *jigatnú-* 'движущийся', *jighatnú-* 'стремящийся убить', без редупликации — *kavatnú-* 'скупой', **-itnú-** 'преимущественно от каузативных основ, как *tanayitnú-* 'гремящий', *drāvayitnú-* 'бегущий' и пр. (т. е. во вторичной функции), но и от корня, как *dravitnú-* 'спешащий'; **-snú-**: *jiṣṇú-* 'победоносный', *niṣatsnú-* 'прочно сидящий') **-iṣṇú-**: *cariṣṇú-* 'движущийся', *amariṣṇú-* 'бессмертный', помимо употребления в каузативных основах, как *pārayiṣṇú-* 'спасающий', *mādayiṣṇú-* 'опьяняющий' и др.

Суффикс *-yu-* образует немногие имена существительные мужского рода и прилагательные, разные по своей структуре и значению: *dásyu-* 'враг', *manyú-* 'гнев', *mṛtyú-* 'смерть'; *bhujyú-* 'сгибаемый', *yajyú-* 'благочестивый', *çundhyú-* 'чистый' и некоторые другие.

Суффикс *-an-* образует около трех десятков основ в ведийском языке (по численности это меньше, чем другие атематические основы на *-n-*), но совсем непродуктивен. Значительная часть основ на *-an-* имеет дефектную парадигму, часть форм которой образуется от других основ и принадлежит к гетероклитическому типу. Это плохо сохранившийся тип основ мужского и среднего рода, в которых место ударения может быть как на корне, так и на суффиксе, а корневой гласный представлен чаще слабой ступенью или ступенью гуна (обычно гласным *-a-* и лишь в отдельных словах — ступенью вриддхи: *āsán-* 'рот', *rā́jan-* 'царь'.

Трудно сделать какие-либо выводы о соотношении места ударения с семантикой основ. Обращает на себя внимание группа основ среднего рода с гетероклитической парадигмой, в которой недостающие формы восполняются формами от основ на *-r-*, *-s-*, *-i-* (или производных от них). Значительная часть этих основ является названиями частей тела или близкой к ним семантики. Это *akṣán-/ákṣi-*, *akṣi-* 'глаз', *asán-/ásṛj-* 'кровь', *asthán-/ásthi-* 'кость', *āsán-/āsyà* 'рот', *ū́dhan-/ū́dhar-*,

údhas- 'вымя', *yakán-/yákṛt-* 'печень', *çakán-/çákṛt-* 'экскременты', *sakthán-/sákthi-*, *sakthí-* 'бедро'. Из основ с иной семантикой к гетероклитическому типу принадлежат основы среднего рода *áhan-/áhar-* 'день', *dadhán-/dádhi-* 'кислое молоко', *naktán-/nákti-* f. 'ночь', *mahán-/máhas-* 'величие'.

Некоторые основы на *-an-* имеют параллельные основы других типов, например: *áçan-* m./*açáni-* f./*áçman-* m. 'камень', *udán-* n./*úd-* f./*udaká-* m. 'волна' и 'вода', *doṣán-/dós-* 'рука', *yūṣán-* m.n./*yūṣa-* 'мясная похлебка', а также единственная основа женского рода, принадлежащая к этому типу *yóṣan-/yoṣít-* 'девушка'. Значение частей тела среди основ на *-an-* имеют также *majján-* m. 'костный мозг', *mūrdhán-* m. 'голова', *çīrṣán-* n. 'голова'.

Названия имен деятеля (среди них и названия животных) бывают мужского рода, например: *ukṣán* 'бык', *tákṣan-* 'плотник', *pūṣán-* — nom.pr. бога, *rā́jan-* 'царь', *vṛ́ṣan-* 'бык', *çván-* 'пес'. К ним примыкает несколько прилагательных: *níkāman-* 'страстно желающий', *párijman-* 'странствующий вокруг', m. 'странник' (также 'странствование кругом'), *yúvan-/yúvat-* 'юный', m. 'юноша', *víbhvan/vibhván-* 'прекрасный'.

Имен с абстрактным значением мало: *jmán-* 'путь', *dhárvan-* 'повреждение', *mahán-* n. 'величие'. Основу на *-an-* в местном падеже имеет небольшая группа инфинитивов; *-an-* в инфинитивах всегда присоединяется к *-s-*; ударение бывает на суффиксе, например: *neṣáni* 'вести', *sakṣáni* 'одолевать'.

Суффикс *-an-* используется также при образовании нескольких числительных в пределах десятка: *páñcan* — 5, *saptán* — 7, *aṣṭán* — 8, *návan-* — 9, *dáçan* — 10.

Суффикс *-man-/-iman-* представлен значительной группой основ среднего и мужского рода преимущественно со ступенью гуна корневого гласного независимо от места ударения и с абстрактным значением. У некоторой части основ на *-man-* это значение nom.act., во многих же случаях (особенно у основ среднего рода) в ведийском языке засвидетельствовано конкретное значение места действия или его результата. Очень небольшая группа основ имеет значение nom.ag. или прилагательного.

В единичных случаях место ударения служит единственным различителем значения основы: ударение на корне у nom.act. среднего рода, а ударение на суффиксе у nom.ag. мужского рода. Это *dā́man-* n. 'давание'— *dāmán-* m. 'даятель', *dhárman-* n. 'опора', 'поддержка'— *dharmán-* m. 'поддерживатель', *bráhman-* n. 'молитва'— *brahmán-* m. 'жрец-брахман', *sádman-* n. 'сидение'— *sadmán-* m. 'тот, кто сидит'. Есть случай, когда в такой паре отсутствует противопоставление грамматического значения, и основы различаются только лексически, как, например, *bhū́man-* n. 'земля'— *bhūmán-* m. 'множество', и случаи одинакового значения при формальных различиях: *várimann./varimán-* m. 'охват', 'ширина', *várṣman-* n./*varṣmán-* m. 'возвышенность', *svā́dman-* n./*svādmán-* m. 'сладость'.

У группы основ ступень корневого гласного представлена вриддхи, например: *kā́rṣman-* 'цель забега', 'финиш' (букв. 'борозда'), *nā́man-* n. 'имя', *yā́man-* n. 'движение' и др.; у нескольких имен — слабой ступенью, например: *syā́man-* n. 'ремень', 'цепь', *vidmán-* n. 'знание' (также inf.).

Ряд основ среднего рода имеет конкретное значение, как *ádman-* 'еда', *bhā́rman-* 'носилки', *róman-* 'волосок на теле', *véçman-* 'дом' и др. Основам мужского рода, имеющим большей частью суффиксальное ударение, часто свойственно абстрактное значение, например: *ātmán-* 'жизненное дыхание', *omán-* 'дружелюбие', *dhvasmán-* 'затемнение', *majmán-* 'великолепие' и др.

Если первоначально форма суффикса *-iman-* могла выступать как вариант суффикса *-man-*, например в *jánman-* n./*jániman-* n. 'рождение', или как форма суффикса от корней сет, например в *prathimán-* n. 'протяженность', *jarimán-* m. 'старость', то в дальнейшем суффикс *-iman-* образует вполне автономную группу основ исключительно мужского рода.

Вариант этого суффикса *-īman-* более редок. Он встречается в нескольких абстрактных именах мужского и среднего рода с ударением на корне: *párīman-* 'полнота', *bhárīman-* 'питание', *sávīman-* n. 'побуждение' и некоторые другие.

Суффикс *-man-/-iman-* может присоединяться не только к глагольному корню, но и к корню прилагательных, например: *drāghmán-* 'длина'— ср. *dīrghá-* 'долгий', *drā́ghīyas-* compar. и др.

Иногда встречается этот суффикс во вторичной функции, поскольку он присоединяется не к корню, а к основе прилагательного, например: *aryamán-* nom.pr.— ср. *aryá-* 'верный', 'благочестивый', *harimán-* 'желтуха'— ср. *hári-* 'желтый' и др.

Суффикс *-man-* используется также при образовании одного из типов инфинитива, употребляющегося в дательном падеже, например: *trā́mane* 'чтобы защитить', *bhármaṇe* 'чтобы поддержать' и др.

Суффикс *-ma-* малопродуктивен, образует небольшое число прилагательных с ударением на суффиксе и ряд существительных мужского рода разной структуры. Вот некоторые примеры прилагательных: *tigmá-* 'острый', *dasmá-* 'удивительный', *bhīmá-* 'страшный', *vāmá-* 'милый' и др.; существительных: *áma-* 'помощник', *gharmá-* 'жар', *dhūmá-* 'дым', *yā́kṣma-* 'чахотка', *sóma-* — nom.pr. растения и бога и др. Противопоставление места ударения и соответствующего ему значения засвидетельствовано в случае *srā́ma-* 'хромота'— *srāmá-* 'хромой'. Отдельные имена на *-ma-* возникли в результате тематизации имен на *-man-*, например: *dhárma-/dhárman-* 'порядок', 'закон'. *yā́ma-/yā́man-* 'движение'.

Суффикс *-mi-* встречается всего в нескольких словах, где он находится под ударением: *ūrmí-* m. 'волна', *raçmí-* m. 'повод'; *jāmí-* 'кровнородственный' и во вторичной функции в *bhûmi-* f. 'земля' и *bhûmī-* f. (женский род и *-ī* по аналогии с *pṛthivī́*).

Суффикс *-na-* в ведийском языке образует прежде всего причастия совершенного вида от глагольного корня наряду с более продуктивным суффиксом *-ta-*. Кроме того, этот суффикс встречается у небольшой группы прилагательных и у некоторых имен. Ударение падает на суффикс или на корень, а ступень корневого гласного независимо от места ударения бывает слабая или гуна. Приведем примеры прилагательных: *áçna-* 'прожорливый', *uṣṇá-* 'горячий', *◦ūná-* 'недостающий', *kṛṣṇá-* 'черный', *dīná-* 'мелкий', 'слабый', *çvitna-* 'светлый' и др.; существительных мужского рода и среднего рода: *ghṛṇá-* 'жар', *parṇá-* 'крыло', *praçná-* 'вопрос', *yajñá-* 'жертва', *rátna-* 'сокровище', *várṇa-* 'цвет' и др.

Суффикс *-nā-* образует основы женского рода: он засвидетельствован в двух-трех словах: *tṛ́ṣṇā-* 'жажда', *dhénā-* 'дойная корова', 'кобыла', *sūnā́-* 'плетеная корзина'.

Всего лишь в нескольких словах (среди них есть весьма употребительные) встречаются суффиксы — ***-ina-*** (*aminá-* 'мощный', *dákṣiṇa-* 'правый', *vṛjiná-* 'кривой') и ***-una-*** (*árjuna-* 'белый', *táruṇa-* 'нежный', 'юный', *dharúṇa-* 'опора', *váruṇa-* — n.pr. бога и некоторые др.).

Суффикс *-va-* малопродуктивен в качестве первичного в ведийском языке. Он образует несколько отглагольных прилагательных и существительных различной структуры, например: *ūrdhvá-* 'высокий', *jīvá-* 'живой', *pakvá-* 'спелый', *hrasvá-* 'короткий', *áçva-* 'конь', *ūrvá-* 'замкнутое место', *éva-* 'спешка' и некоторые другие. Суффикс *-va-* в ряде случаев выступает в качестве тематического варианта более употребительного суффикса *-van-*, например: *ṛkvá-/ṛ́kvan-* 'воспевающий'. Суффикс женского рода ***-vā-*** засвидетельствован в *apvā́-* — nom.pr. болезни. Форма суффикса с соединительным гласным засвидетельствована в *ámīvā-* 'бедствие'.

Изредка встречается в первичных основах комбинации суффикса *-va-* с каким-либо другим суффиксом, образующие самостоятельную словообразовательную единицу, например: ***-vara-*** в *itvará-* 'идущий', *adhvará-* 'богослужение', *kárvara-* 'деяние'; ***-vala-*** в *kévala-* 'собственный', 'единственный'; ***-vani-*** в *turváṇi-* 'проникающий' и др.; ***-vanu-*** в *vagvanú-* 'шум'.

Суффикс *-vi-* образует несколько прилагательных с ударением на корне или на редупликации, например: *ghṛ́ṣvi-* 'радующий', *dhrúvi-*, твердый', *jágṛvi-* 'бодрствующий', *dī́divi-* 'светящий' и некоторые другие.

Суффикс *-ar-* малопродуктивен и является исчезающим в ведийском языке. Только одно слово с основой на *-ar-* имеет

полную самостоятельную парадигму склонения: *nár-* m. 'муж', 'человек', 'герой' (ср. существующий уже в РВ тематический вариант *nára-*, употребляющийся в сложных словах). Слово *súar-/sûr-* 'солнце', 'небо' среднего рода имеет неполную парадигму единственного числа. Слово *vádhar-* 'убийство' среднего рода представлено в РВ только этой единственной формой.

Далее, основа на *-ar-/-ṛ-* засвидетельствована небольшой группой слов среднего рода, имеющих гетероклитическую парадигму (чередование форм на *-r-*, *-n-*, *-s-*, *-i-*): *áhar-*, *ā́dhar-* (ср. также основы с согласным распространителем корня, с синхронной точки зрения, не принадлежащие к основам на *-ṛ-*, как *ásṛj-*, *yákṛt-*, *çakṛ́t-*[1]).

Изолированно стоит основа женского рода *uṣár-* 'утренняя заря', имеющая неполную парадигму по сравнению с хорошо засвидетельствованной основой *uṣás-* f. id.

Основы на *-ar-* встречаются также в ведийском языке в качестве базы, от которой образуется небольшая группа отыменных глаголов, как *ratharyáti* 'ездить на колеснице' от **rathar-* 'колесница', *saparyáti* 'почитать' от **sapar-* 'почитание', а также в качестве первого элемента в составе некоторых сложных слов. Сюда же относятся и отдельные имена родства: *nánāndar-* f. 'золовка', а также изолированные основы с суффиксом ***-var-***: *devár-* m. 'деверь' и ***-sar-***: *svásar-* f. 'сестра'.

Суффикс *-ra-* образует довольно многочисленные прилагательные и сравнительно небольшую группу существительных (некоторые из них возникли в результате субстантивизации). Ударение бывает большей частью суффиксальным, ступень корневого гласного обычно слабая, хотя встречается и гуна (особенно от корней на носовой сонант), и совсем редко — вриддхи.

Вот некоторые примеры прилагательных: *kṣiprá-* 'быстрый', *citrá-* 'пестрый', *turá-* 'быстрый', *çukrá-* 'блестящий', *bhadrá-* 'счастливый', *çakrá-* 'могучий' и др.

Существительные с суффиксом *-ra-* имеют обычно значение nom. ag. или nom. concr., например: *kṣīrá-* n. 'молоко', *çū́rá-* m. 'герой', *vájra-* m. 'дубина грома Индры', *vīrá-* m. 'муж', 'герой' и др.

Наряду со слабой ступенью от корней на *-an-*, *-am-*, как в *dasrá-* 'удивительный' (корень *daṃs-*), *mathrá-* 'крутящийся' (корень *manth-*), есть формы и со ступенью гуна: *tandra-* 'усталый', *tamrá-* 'омрачающий', *mandrá-* 'радующий'.

Среди имен с этим суффиксом немало таких, которые не имеют соответствующего глагольного корня, например: ***ágra-*** 'острие', 'начало', *abhrá-* n. 'туча', *indra-* nom.pr. бога, ***ugrá-*** 'ужасный', *gaurá-* m. 'bos Gaurus' и др.

[1] См. с. 147—148.

Форму женского рода *-rā-* этот суффикс имеет в немногих словах: *dhárā-* 'поток', *çíprā-* 'усы', *súrā-* 'хмельной напиток' и некоторые другие.

Форма суффикса ***-ira-*** встречается с корнями сет, как в *rudhirá-* 'кровавый' и 'кровь', *çithirá-* 'слабый' и др., а также в ряде случаев и с другими корнями, например: *madirá-* 'опьяняющий', *khadirá-* — nom.pr. дерева и др.

Суффикс *-ura-* очень редок, из бесспорных случаев можно привести в пример *vithurá-* 'колеблющийся'.

Суффикс *-ri-* засвидетельствован в нескольких словах: *ádri-* 'скала', *jīrí-* 'проточная вода', *vā́nkri-* 'ребро', *bhúri-* 'многочисленный' и некоторые другие.

Суффикс *-ru-* столь же малоупотребителен; примеры: *céru-* 'деятельный', *bhīrú-* 'страшный'; *áçru-* 'слеза', *çátru-* 'враг', *çmáçru-* 'борода' и некоторые другие.

Вся эта малая серия суффиксов с *-r-* в качестве опорного элемента имеет соответствующие варианты с *-l-*, малоупотребительные в РВ и постепенно распространяющиеся, в дальнейшем образуя самостоятельную серию: ***-la-, -lā-, -ala-, -āla-, -ila-, -ula-, -vala-.*** Вот некоторые примеры: *çilā-* (АВ) 'камень', *çíla-* (ЯВ) 'обычай', *nakulá-* (АВ, ЯВ) 'ихневмон' и др.

Суффикс *-tar-* (***-itar-*** после корней сет) — продуктивный и употребительный суффикс, специализировавшийся в функции образования имени деятеля мужского рода от глагольного корня. Корневой гласный в этих основах бывает в ступени гуна, а место ударения определяется грамматической семантикой основы, которой соответствует определенная синтаксическая конструкция.

1. Основа на *-tar-* имеет суффиксальное ударение, если она выражает более или менее постоянную функцию деятеля; основа управляет родительным падежом, подобно имени.

2. Основа на *-tar-* имеет ударение на корне, если она выражает значение, близкое к причастному; основа управляет винительным падежом, подобно глаголу, например: *samádanasya kartā́* 'создатель радости битвы' (I,100,6) и *kártā [sudáse]... lokáṃ* 'создающий [Судасу] широкое пространство' (VII,20,2) или *hantā́ vṛtrā́ṇām* 'убийца врагов' (IX,88,4) и *hántā ... vṛtráṃ* 'убивающий Вритру' (IV,17,8) и др.

Имена деятеля, обозначающие профессию, чаще имеют суффиксальное ударение, например, среди разрядов жрецов: *vaktár-, çamitár-, sotár-, stotár-*, однако *néṣṭar-, hótar-*.

Суффикс *-tar-* засвидетельствован кроме имен деятеля также в ряде имен родства мужского и женского рода, отличающихся от nom. ag. некоторыми особенностями склонения. В этой функции суффикс *-tar-* непродуктивен: имена родства даются небольшим закрытым списком, но слова эти в высшей степени употребительны. Это *pitár-* 'отец', *mātár-* f. 'мать', *bhrā́tar-* 'брат', *duhitár-* f. 'дочь', *yā́tar-* f. 'ятровка', *náptar-* 'сын',

'внук', *jā́mātar-* 'зять'. Термины родства на *-tar-* не обладают ни единой структурой, ни единым местом ударения.

Суффикс *-tra-* (***-itra-*** после корней сет) образует основы среднего и — реже — мужского рода. Корневой гласный бо́льшей частью представлен ступенью гуна, ударение чаще падает на суффикс. В целом этот суффикс достаточно распространен, но малопродуктивен.

У значительной части основ среднего рода засвидетельствовано значение инструмента, способа или места действия. Ударение у этой группы основ чаще падает на корневой гласный. Вот некоторые примеры: *áritra-* 'весло', *kṣétra-* 'поле', *gā́tra-* 'член тела', *dā́tra-* 'серп', *yóktra-* 'шнур', *çrótra-* 'ухо' и др.

Существительные среднего рода с ударением на суффиксе нередко имеют абстрактное значение, например: *dātrá-* 'дар', *deṣṭrá-* 'указание', *rāṣṭrá-* 'царство', *çāstrá-* 'приказ', *stotrá-* 'восхваление' и др.

Основы мужского рода на *-tra-* гораздо менее многочисленны. Они не едины ни по своей структуре, ни по семантике. Вот некоторые примеры: *úṣṭra-* 'верблюд', *dáṃṣṭra-* 'клык', *putrá-* 'сын', *mántra-* 'заговор' и др.

Есть случай, когда место ударения дифференцирует грамматическую семантику основы и ее род: *átra-* n. 'еда'— *atrá-* m. 'едок'.

В двух случаях одна и та же основа в зависимости от семантики трактуется по среднему (абстрактное понятие) или по мужскому роду (персонификация): *mitrá-* n. 'дружба', m. 'друг', nom.pr. бога; *vṛtrá-* n. 'препятствие', m.nom.pr. демона.

Форма суффикса женского рода ***-trā-*** засвидетельствована в немногих словах: *áṣṭrā-* 'стрекало', *mā́trā-* 'мера', *hótrā-* 'жертвенное возлияние' и 'призыв' и некоторые другие.

В суффиксе ***-atra-*** начальный *-a-* играет роль соединительного тематического гласного. По структуре и семантике эти основы близки к основам на *-tra-*. Суффикс засвидетельствован в нескольких словах: *ámatra-* n. 'большая чаша', *kṛntátra-* m. 'ущелье', *pátatra-* 'крыло', *yájatra-* 'достойный жертвы' и др.

Суффикс *-tha-* образует немногочисленный тип основ мужского и среднего рода со значением nom.act. Ударение большей частью бывает на суффиксе, ступень корневого гласного чаще слабая. Вот некоторые примеры: *ukthá-* 'песнь', *udgīthá-* 'исполнение самана жрецом-удгатаром', *soma-pīthá-* 'питье сомы' и др.; с ударением на корне: *ártha-* 'цель', *hátha-* 'удар'.

В отдельных случаях у основ на *-tha-* отмечается конкретное значение, как в *yūthá-* 'стадо', *rátha-* 'колесница'.

Засвидетельствованы единичные основы женского рода с формой суффикса ***-thā-:*** *gā́thā-* 'напев', *nítthā-* 'средство'.

Основанный на тематическом гласном суффикс ***-átha-*** несколько более распространен, чем *-tha-*. При ударном суффиксе ступень корневого гласного обычно бывает гуна. Для сущест-

вительных мужского рода более характерно абстрактное значение, для существительных среднего рода — конкретное, например: *tveṣátha-* m. 'натиск', *ravátha-* m. 'рев', *vakṣátha-* m. 'прирост', *çapátha-* m. 'проклятье', *ayátha-* n. 'нога', *vidátha-* n. 'место праздничных собраний', *çayátha-* n. 'место отдыха' и др. Это распределение, однако, не вполне последовательно. (В изолированных словах встречаются суффиксы — *-ūtha-*, *-athu-*, *-thi-*.)

Суффикс *-yá-* образует основы с абстрактным значением; он присоединяется к глагольному корню в слабых звуковых видах. В ведийском языке эти основы, вообще немногочисленные, чаще встречаются в качестве последнего члена сложного слова. Из основ в самостоятельном употреблении встречаются *ityá-* 'движение', *kṛtyá-* 'колдовство', *vidyá-* 'знание', *sutyá-* 'выжимание сомы' и немногие другие.

Суффикс *-sa-* служит для образования небольшого числа основ не всегда ясной этимологии, в связи с чем его бывает трудно выделить. Из более ясных примеров можно привести *ṛkṣa-* m. 'медведь', *kutsa-* m.nom.pr. риши, *drapsá-* m. 'капля', *vṛkṣá-* 'дерево', *gṛtsa-* 'умный', *rukṣá-* 'сверкающий' и немногие другие.

(В изолированных словах встречаются суффиксы ***-iṣa-***, ***-īṣa-***, ***-sara-*** и др.)

Суффиксы *-(ī)yas-* [в сильных падежах ***-(ī)yaṃs***], ***iṣṭha-*** выражают соответственно сравнительную и превосходную степень (действия или качества), присоединяясь к глагольному или адъективному корню, находящемуся под ударением и представленному ступенью гуна. Большая часть основ, образованных от глагольных корней, засвидетельствована в РВ. В дальнейшем же их число заметно уменьшается и устанавливается прочная связь этих суффиксов с корнями прилагательных.

Суффикс сравнительной степени имеет две формы: *-īyas-* и *-yas-*. Форма с начальным *-ī-* преобладает. Форма без *-ī-* встречается или после корня на долгий гласный, или иногда после легких корней, например: *jyáyas-* 'более могущественный', *bhúyas-* 'больший', *préyas-* 'более любимый', *rábhyas-* 'очень буйный', *sányas-* 'более старый' 'старый' и др. Оба варианта могут быть и у одного корня, например: *távyas-*/*távīyas-* 'более сильный', *vásyas-*/*vásīyas-* 'лучший' и др.

Слабая ступень корневого гласного, как в *bhúyas-*, встречается в единичных случаях, редко — ступень вриддхи, как в *drāghīyas-* (с сампрасарана) 'более длинный', *drāghiṣṭha-* 'самый длинный' (ср. *dīrghá-* 'длинный'), или с *-ā-* (большей частью в неизменяемых корнях с этим гласным), как в *āçiṣṭha-* 'самый быстрый' (ср. *āçú-* 'быстрый'), *svādīyas-* 'более сладкий', *svádiṣṭha-* 'самый сладкий' (ср. *svādú-* 'сладкий') и некоторых других.

Присоединяясь к глагольному корню, эти суффиксы обра-

зуют прилагательные nom.ag. со значением более интенсивной степени действия по сравнению соответственно с одним или с многими деятелями, а иногда просто интенсивного действия. Вот некоторые примеры: *yájīyas-* 'приносящий жертву лучше другого' (Abl.), 'прекрасно приносящий жертву', *yájiṣṭha-* 'лучше всех приносящий жертву' (корень *yaj-* 'приносить жертву'); *védīyas-* 'находящий больше другого' (Abl.), *vēdiṣṭha-* 'находящий больше всех' (корень *vid-* 'находить') и т. д. Чаще при данном глагольном корне засвидетельствована основа с каким-нибудь одним суффиксом сравнения.

Встречается ряд основ такого рода от глагольного корня с приставкой. Ударение в этих основах падает на приставку, например: *ágamiṣṭha-* 'лучше всех приходящий', *práticyavīyas-* 'лучше прижимающийся, чем другой', *vicayiṣṭha-* 'лучше всех убирающий' и др.

Наиболее многочисленны основы с суффиксами сравнения, которые исходят из адъективного корня, т. е. имеют в качестве положительной степени однокоренные прилагательные, образованные с помощью какого-либо суффикса прилагательных, например: *gárīyas-* 'более тяжелый' — *gurú-* 'тяжелый', *dáviyas-* 'более далекий' — *dūrá-* 'далекий', *bhúyas-* 'больший' — *bhúri-* 'многий' и др., или с чередованием конечного согласного (палатальный — гуттуральный): *ójīyas-* 'более сильный' — *ugrá-* 'сильный', *téjiṣṭha-* 'самый острый' — *tigmá-* 'острый' и др.

Существуют, наконец, отдельные основы с суффиксами сравнения, которые не связаны ни с глагольными, ни с адъективными корнями, например: *jyáyas-* 'более могучий', *jyéṣṭha-* 'самый могучий' — ср. существительное *jyā-* 'власть' в составе сложных слов; *nédīyas-* более близкий', *nédiṣṭha-* 'совсем близкий', *çréyas-* 'более прекрасный', *çréṣṭha-* 'прекраснейший' — ср. существительное *çrī-* 'блеск', 'красота'.

ВТОРИЧНОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

Вторичное словообразование в ведийском языке характеризуется некоторыми формальными особенностями, отличающими его от первичного и в некоторых отношениях напоминающими трактовку именных основ при словосложении. При этом, однако, данные особенности не являются строго обязательной, неотъемлемой чертой вторичного словообразования, а лишь отчетливо выраженной тенденцией. В результате остаются некоторые случаи, лишенные формальных указаний на характер словообразования.

Эти особенности сводятся к следующему.

Трактовка конечного элемента основы. Конечные *-a-* и *-i-* именной основы исчезают перед вторичным суффиксом, начинающимся с любого гласного или с полугласного *y-* (который

здесь морфологически трактуется так же, как гласный вариант фонемы *i*), в то время как конечный *-u-* именной основы обычно бывает представлен ступенью гуна *-av-*, например: *raúdra-* 'подобный Рудре' (ср. *rudrá-* — Рудра), *asuryá-* 'асурический мир' (ср. *ásura-* 'асура'), *suhárda-* 'добросердечный' (ср. *hárdi-* 'сердце'), *sakhyá-* 'дружба' (ср. *sákhi-* 'друг') и др., но *ádhvaryava-* 'служба жреца-адхварью' (ср. *adhvaryú-*), *ánava-* 'свойственный человеку' (*ánu-* 'человек'), *paçavyà-* 'стадо' (ср. *paçú-* 'скот') и др. Следует отметить, что гунирование конечного *-u-* в этих условиях является лишь тенденцией, и в ряде случаев встречается трактовка этого звука, соответствующая правилам сандхи, например: *tánva-* 'собственный' (ср. *tanú* 'тело', 'сам'), *paidvá-* 'принадлежащий Педу' (ср. *pedú-* — nom. pr. человека), *yádva-* 'относящийся к Яду' (ср. *yádu-* — nom.pr. племени) и др. Остальные конечные гласные основы имеют форму, которой требуют правила сандхи.

Если основа на согласный подвержена чередованиям, то перед вторичным суффиксом она обычно бывает представлена слабым звуковым видом, например: *pitṛtama-* 'самый отеческий', *mātṛtama-* 'самый материнский', *pitrya-* 'свойственный отцам', *vidúṣṭara-* 'хорошо знающий' и др. Основы на *-n-* чаще бывают представлены ступенью гуна, например: *çīrṣaṇyà-* 'головной', *subrahmaṇyá-* 'прекрасное моление', *romáṇvat-* 'волосатый' и др., но также *vṛṣṇya-* 'бычья сила' и др.

Возможны отдельные случаи внешнего сандхи на границе исходной основы и вторичного суффикса, например: *ṛgmín-* 'поющий' (ср. *ṛkvan-* id.), *mṛṇmáya-* 'земляной' (основа *mṛd-*) и некоторые другие.

Встречается удлинение конечного гласного основы перед некоторыми вторичными суффиксами: обычно перед *-vin-*, как в *ubhayāvín-* 'обращенный в обе стороны' (ср. *ubháya-* 'обоюдный'), *dvayāvín-* 'неискренний', 'фальшивый' (ср. *dvayá-* 'двоякий'); часто перед *-vant-*, *-van-*, как в *çáktīvant-* 'сильный' (ср. *çákti-* 'сила'), *ṛṇāván-* 'должный' (ср. *ṛṇá-* 'долг') и др.

Бывают случаи, когда исходная основа не употребляется самостоятельно, а реконструируется на базе сочетания со вторичным суффиксом, например, из *saparyà-* 'достойный поклонения', основа **sapar-* 'поклонение'.

Вриддхи гласного первого слога основы, к которой присоединяется вторичный суффикс. Эта черта является широко распространенной, но не строго обязательной. Чаще всего усиление гласного первого слога происходит при употреблении суффиксов *-a-* и *-ya-* (последний обычно с абстрактным значением), а также суффиксов *-āyana-*, *-eyá-*, *-i-* (с патронимическим или релятивным значением), в отдельных случаях с *-ka-* (в послеведийский период связь вриддхи первого слога с *-ka-* становится более обязательной), а также с *-na-*, *-ra-*, *-ĺya-*.

При вторичном словообразовании гласный первого слога усиливается независимо от морфологической структуры исходной основы, т. е. от того, принадлежит ли он корню, префиксу или первому члену сложного слова. Вот некоторые примеры: *aindrá-* 'индрический', 'как у Индры' (ср. *índra-*), *straiṇa-* 'женский' (ср. *strí-* 'женщина'), *saúmya-* 'сомический' (ср. *sóma-*, однако есть и *somyá-* id.), *ārjuneyá-* 'потомок Арджуны' (ср. *árjuna-*), *kāṇvāyana-* 'потомок Канвы' (ср. *kaṇvá-*), *ánuṣṭubha-* 'подобный ануштубху' (ср. *anuṣṭúbh-*), *vaimanasyá-* 'разброд мыслей' (ср. *vímanas-* 'растерявшийся'), *daúrjīvitya-* 'тот, кто вызывает состояние дурной жизни' (bah.[1]) и др.

Следует отметить, что если в префиксах *ni-*, *vi-* и адъективном префиксе *su-* в соответствии с правилами сандхи бывает согласный вариант фонемы *-y-* или *-v-*, то этот согласный, подобно гласному варианту, также может быть представлен ступенью вриддхи, например: *naíyagrodha-* 'связанный с деревом ньягродха' (ср. *nyagródha-* 'Ficus indica'), *vaiyaçvá-* 'потомок Вьяшвы' (ср. *vyàçva-*), *saúvaçvya-* 'богатство из коней' (ср. *sváçva-* 'имеющий прекрасных коней') и некоторые другие (хотя здесь возможны и иные варианты).

В сложных словах, имеющих вторичный суффикс, усилению подвергается обычно гласный первого слога первого члена, например: *prājāpatyá-* 'обряд Праджапати' (от *prajápati-*), *vaiçvānará-* 'принадлежащий всем людям' (имя Агни, от *viçvánara-* id.), *pautakratá-* — nom.pr. сына Путакраты (*pūtákrata-*), *gárhapatya-* 'господство в доме' (от *gṛhápati-* 'домохозяин') и др. В словах типа *двандва* (*dvandva*) возможно усиление начального слога и во втором члене, как в *saumāpauṣṇá-* 'связанный с Сомой и Пушаном', но это не обязательно — ср. *maitrāvaruṇá-* 'связанный с Митрой и Варуной'. В отдельных случаях вриддхи имеет место, в первом слоге второго члена, как в *çatáçārada-* 'длящийся сто осеней' (*çatá-* и *çarád-*).

Перемещение ударения. В большинстве случаев ударение в основах с вторичным суффиксом падает на иной слог, чем в исходной основе, и таким образом служит одной из формальных характеристик вторичного словообразования. Описать место ударения с помощью набора жестких правил, однако, не представляется возможным, скорее речь идет о ряде перекрещивающихся тенденций.

Если имеет место вриддхи гласного первого слога, то ударение обычно бывает маргинальным — на первом или на последнем слоге в зависимости от места ударения исходной основы, например: *áçvina-* 'подобный Ашвинам' — *açvín-* nom.pr. боговблизнецов, *çárada-* 'осенний' — *çarád-* 'осень', но *sāmmanasyá-* 'единодушие' — *sámmanas-* 'единодушный', *sārameyá-* 'потомок Сарамы' — *sarámā-* nom.pr. собаки и др. Эта тенденция, однако, осуществляется не вполне последовательно.

[1] *Bahuvrīhi;* подробнее о типах сложных слов см. раздел «Словосложение».

При отсутствии вриддхи гласного первого слога преобладает суффиксальное ударение, например: *kakúbhá-* 'выдающийся'— *kakúbh-* 'вершина', *paruṣá-* 'состоящий из сочленений'— *párus-* 'сочленение' и др.

Наконец в ряде случаев в производной основе ударение сохраняет свое место по сравнению с исходной основой, например: *vaitaṣá-* 'тростник'— *vetasá-* id., *iṣumant-* 'снабженный стрелами'— *iṣu-* 'стрела', *héṣasvant-* 'вооруженный'— *héṣas-* 'метательное оружие' и др.

У основ с суффиксом *-tā-* ударение падает обычно на последний слог исходной основы, например: *bandhútā-* 'родство' от *bándhu-* 'родственник', *mamátā* 'себялюбие' от *máma* 'мой' (редкий случай вторичного словообразования от флективной формы) и др.

Почти нет случаев, когда ударение является единственным средством различения первичного и вторичного значения, как в *dā́sa-* 'демонический' от *dāsá-* 'демон'.

Вторичные суффиксы в большинстве своем являются адъективными. Они образуют прилагательные от основ существительных (местоимений, числительных, неизменяемых слов) с широким кругом релятивных значений: происхождения, принадлежности, подобия и пр. При субстантивизации таких прилагательных формы мужского и женского рода становятся именами деятеля, а формы среднего рода — абстрактными именами.

Некоторые вторичные суффиксы образуют абстрактные существительные от прилагательных. Наконец, третья группа вторичных суффиксов не переводит произведенную основу в иной лексико-грамматический класс (существительное в прилагательное или наоборот), а выражает модификации лексического значения при сохранении исходной грамматической семантики класса (уменьшительное значение, степени сравнения).

Иногда вторичная субстантивизация производных основ приводит к стиранию разницы в значении между первичной и вторичной основами, например: *bāháva-* 'рука'— *bāhú-* id. *çaravyà-* 'стрела'— *çáru-* id. и др.

Суффикс *-a-* образует очень обширный и разнородный тип вторичных основ, сочетая в себе весьма различные функции. Это самый продуктивный из всех суффиксов. Для удобства описания вторичные основы на *-a-* целесообразно разделить на две части в соответствии с тем, имеет ли *-a-* самостоятельное деривационное значение или представляет собой чисто формальный элемент — тематический гласный, распространяющий менее продуктивные основы на согласный.

1. Суффикс *-a-*, присоединяясь к основам существительных (или субстантивизированных прилагательных), образует прилагательные с общим значением связи с тем, что выражено

исходным существительным. В некоторых случаях происходит вторичная субстантивизация таких производных основ. Формально эти основы характеризуются большей частью усилением гласного первого слога, часто также перемещением ударения. Вот некоторые примеры: *āraṇyá-* 'расположенный в дикой местности'— *áraṇya-* 'дикая местность', *gāndharvá-* 'относящийся к гандхарвам'— *gandharvá-* 'гандхарва' (nom.pr. класса полубогов), *traiṣṭubha-* 'имеющий размер триштубха'— *triṣṭúbh-* 'триштубх' (название размера), *pā́rthiva-* 'земной', m. 'житель земли', n. 'земное пространство'— *pṛthivī́* 'земля', *sā́pta-/sāptá-* 'семерка'— *saptá-* 'семь' и др.

В особую семантическую группу выделяется ряд основ, обозначающих происхождение, патронимические и метронимические имена, например: *āçvamedhá-* 'потомок Ашвамедхи'— *áçvamedha-* nom.pr. *kāṇvá-* 'член рода канвов'— *káṇva-* nom.pr., *aiḍá-* 'сын Иды'— *iḍā-* nom.pr., *çaucadrathá-* 'потомок Шучадратхи'— *çucádratha-* nom.pr. и др.

Небольшую группу составляют субстантивизированные имена с абстрактным или собирательным значением среднего рода, как, например: *āntrá-* 'внутренности'— *ansár-* 'внутри', *pārçvá-* 'область ребер'— *párçu-* 'ребро', *saúbhaga-* 'благополучие'— *subhága-* 'благополучный' и др.

К этой же группе относится ряд основ среднего рода с гласным ступени гуна в первом слоге, образующих ритуальный предмет, употребляемый определенным разрядом жрецов, или обязанности этого жреца: *neṣṭrá-* 'сосуд для сомы жреца-нештара'; *potrá-* 'сосуд для сомы жреца-потара', 'обязанности потара'; *hotrá-* 'сосуд жреца-хотара', 'обязанности хотара' и т. п. Эти nom.abstr. исходят из соответствующих nom.ag. на *-tar-*: *néṣṭar-*, *pótar-*, *hótar-*.

Основы без вриддхи гласного первого слога, в которых, однако, *-a-* имеет самостоятельное деривационное значение, единичны. Кроме упомянутых ранее, можно привести еще *tamasá-* 'мрачный'— *támas-* 'мрак'. Следует учесть, что наличие вторичного суффикса *-a-* принято признавать во всех случаях, когда имеет место деривация значений, даже если основы являются минимальными парами, различающимися только местом ударения, как *dā́sa-* adj.— *dāsá-* subst., или только ступенью гласного первого слога, как в *maitrá-* 'дружеский'— *mitrá-* 'друг', хотя наличие суффикса здесь не очевидно. Его признают из системных соображений (в европейской традиции вслед за индийской), поскольку другие суффиксы перед вторичным *-a-* выпадают. Таким образом, можно утверждать, что в ведийском языке нет вторичного словообразования с помощью одной только внутренней флексии.

2. Суффикс *-a-*, присоединяясь к различным основам на согласные, выступает в роли формального распространителя основы, не влияющего на ее значение. Распространяя корневые

имена, этот суффикс далеко не всегда отличим от первичного суффикса *-a-*. Примеры такого *-a-* представлены в *dánta-* 'зуб' (*dánt-* id.), *pā́da-* 'нога' (*pā́d-* id., N.sg. *pā́d*), *māṃsá-* 'мясо' (*māṃs-/más-* id.) и др. Исходной точкой для такой тематизации могли служить отдельные морфологические неясные падежные формы типа A.sg.

Основы на тематический гласный возникают также в результате отпадения конечного согласного у основ на *-n-*, что происходило обычно в составе сложных слов, например: *adhirājá-* 'верховный царь'— *rā́jan-* 'царь' (ср. трактовку этих основ в качестве первого элемента: *rāja-putrá-* 'сын царя' и пр.).

Процесс тематизации основ, происходивший уже в РВ, в дальнейшем все более усиливался.

Суффикс *-ya-* и его варианты ***-iyá-, -íya-***, имеющие также графическую форму *-yà-* (варианты с начальным гласным встречаются после тяжелого слога, но при дистрибуции форм на фонетические факторы налагаются также и грамматические — предпочтение того или иного морфологического типа по отношению к определенному варианту суффикса), принадлежат к числу крайне распространенных и употребительных. С ним связан не менее широкий круг значений, чем с вторичным суффиксом *-a-*, различия касаются в основном употребительности отдельных структурных и семантических типов основ.

Наиболее многочисленную группу составляют основы на *-ya-* без усиления гласного первого слога. Большей частью это прилагательные с широким релятивным значением, небольшую часть составляют абстрактные имена среднего рода, а иногда также и женского рода с соответствующей формой суффикса *-yā-*.

Суффикс *-ya-* присоединяется к именным основам любой структуры и иногда выглядит как формальный распространитель основы. Конечные гласные исходной основы *-a-* и *-i-* перед суффиксом *-ya-* выпадают (этимологически основы на *-a-* возникли, видимо, как результат тематизации основ на *-i-*). Бóльшая часть основ данной структуры в ведийском языке имеет акцент сварита на суффиксе.

Чередующиеся основы обычно бывают представлены слабым звуковым видом (основы на *-n-* — ступенью гуна), например: *aryà-* 'благочестивый'— *arí-* id., *dūtyà-* 'обязанности вестника'— *dūtá-* 'вестник', *paçavyà-* 'стадо', 'стойло'— *paçú-* 'скот', *parvatyà-* 'заключенный в горах'— *párvata-* 'гора', *rathyà-* 'относящийся к колеснице', 'груз на колеснице'— *rátha-* 'колесница', *çīrṣaṇyà-* 'головной'— *çīrṣán-* 'голова' и др. В иной графической форме тот же суффикс представлен в *usríya-* 'красноватый'— *usrá-* id., 'утренний', *kṣatríya-* 'кшатрий'— *kṣatrá* 'власть', *yajñíya-* 'достойный жертв'— *yajñá* 'жертва' и др.

Определенная группа основ на *-ya-* данной структуры имеет маргинальный акцент удатта, перемещенный на начальный слог или на суффикс по сравнению с исходной основой, например, удатта на первом слоге: *áṅgya-* 'заключенный в членах тела'— *aṅgá-* 'член тела', *gáṇya-* 'состоящий из множества'— *gaṇá-* 'толпа', 'множество', *pítrya-* 'свойственный отцам'— *pitár-* 'отец' и др.; удатта на последнем слоге: *divyá-* 'небесный'— *div-* 'небо', *kavyá-* 'мудрый'— *kaví-* id., *satyá-* 'истинный'— *sát-* id., 'сущий' и др. С переносом ударения на последний слог встречаются и основы с формой суффикса *-iyá-*: *agriyá-* 'начальный'— *ágra-* 'начало', *indriyá-* 'связанный с Индрой', 'природа Индры'— *índra-* nom.pr. бога и др.

Наконец, группа основ на *-ya-* сохраняет место ударения исходной основы, например: *ibhya-* 'принадлежащий к челяди'— *íbha-* 'челядь', *kṣámya-* 'находящийся на земле'— *kṣám* 'земля', *vṛ́ṣṇya-* 'могучий', 'бычья сила'— *vṛ́ṣan-* 'бык' и др.

Основы на *-ya-* с вриддхи гласного первого слога по структуре и значению аналогичны соответствующим основам на *-a-*. Они не так многочисленны, как основы на *-a-*, и среди них преобладают существительные с абстрактным значением, а прилагательных меньше. Вот некоторые примеры: *ātithyá-* 'гостеприимство'— *átithi-* 'гость', *ādityá-* nom.pr. класса богов, сыновей богини Адити — *áditi-* nom.pr. богини, *jyaíṣṭhya-* 'превосходство'— *jyéṣṭha-* 'лучший', *dārbhyá-* 'потомок Дарбхи'— *darbhá-* nom.pr. человека, *pāñcajanya-* 'распространяющийся на пять родов' — ср. *páñca* 'пять' и *jána-* 'род', *sā́mrājya-* 'верховная власть'— *samrā́j-* 'верховный царь' и др.

Притом что место ударения служит одним из критериев для классификации основ на *-ya-*, в ведийском языке встречается немало случаев акцентных вариантов одного и того же слова, как, например: *gávya-/gavyá-* 'состоящий из коров', *mítrya-/mitryà-* 'дружеский' и др.

В небольшой группе имен суффикс *-ya-* выступает в функции первичного. Большинство из них — имена среднего рода с абстрактным значением, употребляющиеся в качестве последнего члена сложных слов, например: *vasudéya-* 'дарение имущества' (*dā-* 'давать'), *somapéya-* 'питье сомы' (*pā-* 'пить'), *hotṛvárya-* 'выборы хотара' (*var-* 'выбирать') и др. Могут быть иногда имена женского рода на *-yā-*: *◦yajyā-* 'почитание', *◦hatyā-* 'убийство' и др. Кроме них существует совсем небольшая группа имен разной структуры и значения, в которых *-ya-*, видимо, является первичным суффиксом, как в *nábhya-* 'ступица колеса', *púṣya-* 'цветок', *mádhya-* 'середина' и некоторые другие.

В первичной функции суффикс *-ya-* употребляется для образования от глагольных корней причастий долженствования. На суффикс *-ya-* в ведийском языке ориентируется ряд малоупотребительных суффиксов.

Суффикс *-īya-* встречается в немногих словах. В одном случае это ритмический вариант суффикса *-ya-*: *návīya-/návya-*

'новый', в других — самостоятельный суффикс, как в *ārjīkíya-* 'сосуд для сомы'— *ārjīká-* id. или *gṛhamedhíya-* 'свойственный домашнему жертвоприношению'— *gṛhamedha-* 'участвующий в домашнем жертвоприношении' или *āhavanīya-* — название жертвенного костра.

Суффикс *-eya-* образует небольшую группу производных прилагательных, имеющих обычно вриддхи гласного первого слога. Часть их обозначает патронимические и метронимические названия. Некоторые функционируют как абстрактные существительные среднего рода. Ударение бывает чаще на последнем слоге. Вот некоторые примеры имен происхождения: *āditeyá-* 'сын Адити'— *áditi-* nom.pr., *māmateyá-* — nom.metr. риши Диргхатамаса, *sārameyá-* 'потомок Сарамы'— *sarámā-* nom.pr., 'собака' и др.

Производные прилагательные на *-eya-* нередко исходят из основ на *-i-*, например: *ārṣeyá-* 'потомок риши'— *ṛsi-*, *gārṣṭeyá-* 'происходящий от телки'— *gṛṣṭí-* 'телка', *maúneya-* 'состояние мудреца'— *múni-* 'мудрец' и др., но эта связь не обязательна — ср. *sabhéya-* 'связанный с собранием'— *sabhā́-* 'собрание'.

Суффикс *-enya-* (результат контаминации суффикса с носовым и *-ya-*) в отыменном употреблении встречается в единичных случаях, образуя прилагательные, как в *vīrénya-* 'героический'— *vīrá-* 'герой', *jāyénya-* 'название определенной болезни'— *jāyā́-* 'жена' и некоторые другие. Употребителен он в функции образования причастий долженствования от глагольных корней (в дальнейшем эта функция переходит к суффиксу *-anīya-*).

Суффикс *-ā́yya-*(/*-ā́yiya-*) аналогичен по своим функциям суффиксу *-enya-*. Он редок в отыменных образованиях (почти все в РВ), как, например, *dakṣā́yya-* 'тот, кому надо услужить'— *dákṣa-* 'искусный', *rasā́yya-* 'сочный' — *rása-* 'сок' и др., и более употребителен в функции образования причастий долженствования.

Суффикс *-āyana-* образует основы с вриддхи гласного первого слога, ударением на последнем слоге и значением патронимических имен, например: *kāṇvāyana-* 'потомок Канвы'— *káṇva-* nom.pr. 'певца', *āmuṣyāyaṇa-* 'потомок такого-то'— *amúṣya-* G. sg. от *adás-* 'тот' и др. Суффикс малопродуктивен.

Суффикс *-i-* в качестве вторичного образует немногие патронимические имена от основ на *-a-* со ступенью вриддхи гласного первого слога под ударением, например: *paúrukutsi-* 'потомок Пурукутсы'— *purukútsa-* nom.pr. человека, *pláyogi-* 'потомок Плайоги'— *playoga-* — nom.pr. человека и пр. Единственный случай непатронимического значения у этих основ — *sā́rathi-* 'товарищ на колеснице'— *sarátha-* 'едущий на одной колеснице с кем-либо'.

Суффикс *-in-* образует многочисленные прилагательные от основ существительных на *-a-* и *-ā-*, подвергающихся элизии

перед ним, редко от других типов основ. Этот суффикс очень продуктивен в ведийском языке. Основы на *-in-* являются посессивными прилагательными, означающими «снабженный тем, что выражено исходной основой». Они легко субстантивируются, функционируя как названия и имена одушевленных существ. Вот некоторые примеры от основ на *-a-*: *açvín-* nom.pr. боговблизнецов — *áçva-* 'конь', *dhanín-* 'богатый'— *dhána-* 'богатство', *patatrín-*, *parṇín-* 'крылатый', 'птица'— *pátatra-*, *parṇá-* 'крыло', *vajrín-* 'с дубиной грома' (прозвище Индры) — *vájra-* 'дубина грома' и др.; от основ на *-ā-*: *manīṣín-* 'мудрый'— *manīṣā́-* 'мудрость', *māyín-* 'колдовской'— *māyā́-* 'колдовство' и др.; от других основ: *khādín-* 'украшенный ножными браслетами'— *khādí-* 'ножной браслет', *retín-* 'богатый семенем'— *rétas-* 'семя', *varmín-* 'со щитом'— *várman-* 'щит' и др.

Суффикс *-in-* присоединяется к числительным, образуя прилагательное со значением «кратный», «-частный», например: *çatín-* 'стократный'— *çatá-* 'сто', *sahasrín-* 'тысячекратный'— *sahásra-* 'тысяча' и др.

Главная функция суффикса *-in-* вторичная, но он функционирует в определенной части случаев в ведийском языке и как первичный, присоединяясь к глагольному корню и образуя отглагольные прилагательные, близкие по значению к причастиям несовершенного вида, например: *nitodín-* 'колющий', *madín-* 'опьяняющий', *havín-* 'зовущий' и др. О том, что некоторые из этих основ представляют собой «квазипервичные» образования, можно предположить по трактовке конечного палатального согласного отдельных корней: *arkín-* 'блестящий', 'поющий' (ср. *arká-* 'блеск', 'луч', 'хвалебная песнь') и *arcín-* 'блестящий' (ср. *arcí-*, *arcís-* 'луч', 'пламя') — корень *arc-* 'блестеть', 'воспевать'; *virokín-* 'светящийся' (ср. *viroká-* 'свет') — корень *ruc-* 'светить' (ср. *rocís-* 'свет').

Суффикс *-mín-* (результат контаминации суффикса с *-m-* и *-in-*) встречается в нескольких словах — посессивных прилагательных: *iṣmín-* 'спешащий', *ṛgmín-* 'воспевающий', притом что соответствующие существительные с суффиксом *-ma-* не засвидетельствованы.

Суффикс *-vín-* образует немногочисленные основы прилагательных с тем же значением, что и *-in-*. Этот суффикс присоединяется прежде всего к основам на *-as-*, как *namasvín-* 'почтительный'— *námas-* 'почтение', *rakṣasvín-* 'вредящий'— *rakṣás-* 'класс демонов' и др.

Форма суффикса ***-āvín-*** связана с исходными основами на *-ā-*, как *aṣṭrāvín-* 'послушный стрекалу'— *áṣṭrā-* 'стрекало', *māyāvín-* 'колдовской'— *māyā́-* 'колдовство' и др., но употребляется и с основами на *-a-* при удлинении тематического гласного, как в *indriyāvín-* 'сильный'— *indriyá-* 'героическая сила', *ubhayāvín-* 'обращенный в обе стороны'— *ubháya-* 'оба' и некоторые другие.

Суффикс *-vant-* и его вариант ***-mant-*** образуют многочисленные прилагательные с посессивным значением от основ существительных. Ударение может сохраняться, как в исходной основе, или перемещаться на суффикс, если исходная основа оканчивается на окситонированные *-í-*, *-ú-*, *-ṛ́-*, *-á-* (<*-an-*), например: *vṛ́ṣaṇvant-* 'богатый жеребцами', 'запряженный жеребцами'— *vṛ́ṣan-* 'жеребец', но *akṣaṇvánt-* 'имеющий глаза'— *akṣán-* 'глаз', *íṣumant-* 'снабженный стрелами'— *íṣu-* 'стрела', *aṃçumánt-* 'богатый стеблями сомы'— *aṃçú-* 'стебель сомы'.

Основной формой суффикса является ***-vant-***. Распределение форм *-vant-* и *-mant-* первоначально, видимо, было дополнительным: *-mant-* после основ на *-u-* по диссимиляции. В дальнейшем этот принцип сохранился лишь отчасти. В ведийском языке суффикс *-mant-* присоединяется ко всем основам, кроме основ на *-a-* и *-ā-* (исключения единичны: *káṇvamant-* 'подобный приготовляемому Канвой' и *yávamant-* m. 'сборщик урожая', n. 'богатство урожая'). Суффикс *-vant-*, употребляясь прежде всего с основами на *-a-*, *-ā-*, сочетается также и с другими основами (из них в единичных случаях с основами на *-u-*, как *viṣṇuvant-* 'сопровождаемый Вишну'). С основами на *-i-* чаще употребляется *-mant-*, а с основами на согласный — *-vant-*.

Конечный гласный основы иногда подвергается удлинению перед суффиксом, как в *áçvāvant-* 'имеющий коней'— *áçva-* 'конь' (наряду с *áçvavant-* — id.), *çáktīvant-* 'сильный'— *çakti-* 'сила', *tviṣīmant-* 'неистовый'— *tviṣi-* 'неистовство' и др.

Значение, наиболее часто встречающееся у суффиксов *-vant-*, *-mant-* — это «снабженный тем, что выражено именем», «богатый тем, что выражено именем», например: *áçmanvant-* 'каменистый'— *áçman-* 'камень', *dā́navant-* 'богатый дарами'— *dā́na-* 'дар', *prajā́vant-* 'богатый потомством'— *prajā́-* 'потомство'— *krátumant-* 'полный сил'— *krátu-* 'сила', *vṛṣṭimánt-* 'содержащий дождь'— *vṛṣṭí-* 'дождь' и др.

Иногда данные основы субстантивируются. Частным случаем такой субстантивации является их употребление в качестве имен собственных, как, например: *sárasvant-* nom.pr. мифологического персонажа, или топонимов: *mū́javant-* nom.pr. 'горы', *himávant-* 'снежный', 'Гималаи' и др. Более обычно употребление этих основ как nom.abstr. среднего рода со значением «богатство, состоящее из того, что выражено исходной основой»: *vīrávat-* 'богатство, состоящее из героев'— *vīrá-* 'герой'.

Присоединяясь к местоименным основам, суффикс *-vant-* образует небольшую группу местоименных прилагательных со значением подобия: *mā́vant-* 'подобный мне'— *mā* A.sg. от *ahám* 'я', *tvā́vant-* 'подобный тебе'— *tvā* A.sg. от *tvám* 'ты', где исходными являются падежные формы. В формах *yuvā́vant-* 'принадлежащий вам двоим'— *yuvá-* основа двойственного числа от *tvám* и *yuṣmā́vant-* 'принадлежащий вам [многим]'— *yuṣmá-* основа pl. от *tvám*, значение подобия не выражено.

Это значение свойственно маленькой группе местоименных прилагательных от основ указательных местоимений: *tā́vant-* 'такой как', 'столький', *etā́vant-* — id., *yā́vant-* 'какой (относит.)', *kī́vant-* 'какой? (вопросит.)', *tī́vant-* 'столь большой'. За пределами этой замкнутой группы значение подобия у суффикса *-vant-* почти не выражено.

Суффикс *-van-* образует небольшую группу прилагательных от основ существительных. Формальные особенности у них те же, что и у основ на *-vant-*. Этот суффикс в ведийском языке непродуктивен и вытесняется суффиксом *-vant-*. Вот некоторые примеры: *ṛtā́van-* 'истинный'— *ṛtá-* 'истина', *maghávan-* 'щедрый' (эпитет Индры) — *maghá-* 'дар', *arātīván-* 'враждебный'— *árāti-* 'враждебность' и др.

Суффикс *-ka-* (форма женского рода ***-kā-***) образует прилагательные и существительные от исходных основ, принадлежащих к различным классам слов (существительные, прилагательные, числительные, местоимения, наречия, предлоги), присоединяясь к любому конечному элементу основы, что приводит к возникновению самостоятельных суффиксов: ***-ika-, -ikā-, -īka-,*** базирующихся на первоначальной форме *-ka-*. Суффикс *-ka-* и связанные с ним суффиксы очень продуктивны. В РВ их употребительность еще не слишком велика. В поздних самхитах она возрастает (особенно у суффикса *-ika-*), и этот процесс усиливается в санскрите и в среднеиндийских диалектах.

Место ударения в основах на *-ka-* бывает различным. Чередующиеся исходные основы перед суффиксом *-ka-* обычно представлены слабым звуковым видом, например: *rājaká-* 'царек'— *rā́jan-* 'царь', *prátīka-* 'облик'— *pratyáñc-* 'обращенный навстречу' и др. По образцу исходных основ на *-añc-* конечный долгий гласный перед *-ka-* имеют *ánūka-* 'позвоночник'— ср. *ánu* 'вдоль', 'вслед за' (**anvañc-*), *úpāka-* 'тесно связанный'— ср. *úpa* 'к', 'при' (**úpāñc-*) и некоторые другие.

С суффиксом *-ka-* связаны различные значения, не всегда отчетливо выраженные.

Наиболее отчетливой семантикой обладает группа основ, в которых *-ka-* имеет диминутивное значение (пренебрежительное, ласкательное). Суффикс *-ka-* в этом значении обычно несет на себе ударение, например: *dévaka-* 'божок'— *devá-* 'бог', *pādaká-* 'ножка'— *pā́da-* 'нога', *putraká-* 'сынок', 'сынишка'— *putrá-* 'сын', *vamraká-* 'муравьишка'— *vamrá-* 'муравей', *çakuntiká-* 'птичка'— *çakúnti-* 'птица' и др. В отдельных случаях суффикс *-ka-* может выражать неполноту, меньшую степень качества, как в *çī́taka-* 'прохладный'— *çītá* 'холодный'. Эта группа основ на *-ka-* невелика. Кстати, специализация суффикса *-ikā-* в функции образования основ, обозначающих существа женского пола, к основам на *-ka-*, обозначающим существа мужского пола, является развитием этого значения.

Начиная с РВ, все возрастает число основ с суффиксом *-ka-*, прилагательных или существительных адъективного происхождения, выражающих широкую семантическую связь со значением исходной основы. Вот некоторые примеры: *ántaka-* 'причиняющий конец' (эпитет Ямы) — *ánta-* 'конец', *ántika-* 'находящийся вблизи' — *ánti-* 'вблизи', *trikā́-* 'связанный с тремя', 'троякий', 'состоящий из трех' — *trí* 'три', *sucīka-* 'жалящее насекомое' — *sūcī-* 'игла' и др.

После РВ в производных словах на *-ka-* и на *-īka-* этого типа все чаще начинает встречаться ступень вриддхи гласного первого слога, например: *kairātikā́-* 'девица из племени киратов' — *kirāta-* nom.pr. племени, *vā́santika-* 'весенний' — *vasantá-* 'весна' и др. В РВ к этому типу можно отнести, пожалуй, только местоименные прилагательные *māmaká-* 'мой' — *máma* G.sg. от *ahám-* 'я' и *tāvaká* 'твой' — *táva-* G.sg. от *tvám-* 'ты'.

Суффикс *-ka-* в ряде основ является плеонастическим, поскольку он не меняет семантики основы и выглядит просто как ее формальное распространение, например: *ávika-* 'овца' — *ávi-* id., *dhénukā-* 'дойная корова' — *dhenú-* id., *çanaká-* 'медленный' — *çána-* id., *sanaká-* 'старый' — *sána-* id. и др. Именно в такой функции суффикс *-ka-* употребляется также в конце некоторых сложных слов типа *бахувриxи* (*bahuvrīhi-*).

В первичной функции суффикс *-ka-* (а также происходящие от него суффиксы *-aka-*, *-uka-*) встречается редко, например: *çúṣka-* 'сухой', *çlóka-* 'зов', *mū́ka-* 'немой' и др.

Далее следует упомянуть ряд малоупотребительных непродуктивных суффиксов, образующих в ведийском языке прилагательные (иногда субстантивизированные) от разных классов слов.

Суффикс *-tya-* образует прилагательные от наречий и приставок. Суффикс в этих основах бывает безударным, например: *ápatya-* 'потомок' — *ápa* 'вниз', 'прочь', *nítya-* 'собственный', 'постоянный' — *ní* 'вниз', 'внутрь', *sánutya-* 'находящийся далеко' — ср. *sanutár-* 'далеко прочь' и некоторые др.

Суффикс *-t[a]na-* образует прилагательные от наречий, обозначающих время: *nū́tana-* 'теперешний' — *nú* 'теперь', *pratná-* 'давнишний' — *prá* 'перед', 'раньше' и др.

Суффикс *-ma-* употребляется в основном как первичный, но он засвидетельствован и во вторичной функции: у единичных существительных типа *drumá-* 'дерево' — *drú-* 'древесина'; у прилагательных, образованных от наречий, типа *adhamá-* 'нижний' — *adhás-* 'внизу', *upamá-* 'высший' — *úpa* 'рядом', 'на' и др.; также в порядковых числительных типа *saptamá-* 'седьмой' — *saptán-* 'семь', *aṣṭamá-* 'восьмой' — *aṣṭá* 'восемь' и др.

Суффикс *-ima-* встречается в нескольких основах, оканчивающихся на суффикс *-tra-*: *kṛtrímа-* 'искусственный', *pūtrima-* 'очищающий'.

Суффикс *-máya-* образует прилагательные со значением «сделанный или состоящий из того, что выражено исходной основой» и с ударением на предпоследнем слоге от основ существительных, местоимений, числительных и наречий, например: *ayasmáya-* 'железный' — *áyas-* 'железо', *gomáya-* 'состоящий из коров' — *gó-* 'корова', *mṛnmáya-* 'земляной' — *mṛ́d-* 'земля', *sūmáya-* 'хорошо сделанный' — *sú* 'хорошо', *kimmáya-* 'из чего состоящий?' — *kim* 'что?' и др.

Суффикс *-mná-* засвидетельствован в нескольких основах среднего рода с абстрактным значением, в которых он присоединен к существительным и наречиям: *dyumná-* 'великолепие' — *dív-/dyú-* 'небо', *nimná-* 'низменность' — *ní* 'вниз', *nṛmṇá-* 'мужество' — *nár-* 'муж', *sumná-* 'благодеяние' — *sú* 'хорошо'.

Суффикс *-ra-* употребляется прежде всего как первичный, во вторичной функции образует небольшое число прилагательных от основ существительных, например: *aṃhurá-* 'угнетенный' — *aṃhú-* 'узость', *ásura-* 'живой', nom.pr. класса мифологических персонажей — *ásu-* 'сила жизни', *açrīrá-* 'некрасивый' — *çrī-* 'красота' и др.

Суффикс *-la-* (фонетический вариант *-ra-*) также образует прилагательные от имен и наречий, например: *bahulá-* 'толстый', 'густой', 'многочисленный' — *bahú-* 'многочисленный' (единственное из хорошо засвидетельствованных в РВ слов с этим суффиксом), *madhulá-* 'сладкий' — *mádhu-* 'мед', *çmaçrula-* 'бородатый' — *çmáçru-* 'борода' и др. В некоторых случаях у этого суффикса можно отметить диминутивное значение и значение неполноты качества, приблизительности, например: *vṛṣalá-* 'человечишко' — *vṛ́ṣan-* 'мощный человек', *çiçúla-* 'ребеночек' — *çiçu-* 'ребенок', *çītala-* 'прохладный' — *çītá-* 'холодный' и др.

У некоторых слов *-ra-* и *-la-* употребляются как варианты, например: *açrīra-/açlīla-* 'некрасивый', *pāṃsurá-/pāṃsulá-* 'пыльный'.

Суффикс *-ça-* образует немногие прилагательные от существительных и прилагательных, например: *romaçá-* 'волосатый' — *róman-* 'волосок на теле', *étaça-* 'пестрый', nom.pr. коня солнца — *éta-* 'блестящий', 'род оленя', *babhluçá-* 'коричневатый' — *babhrú-* 'коричневый'.

Суффиксы *-tara-* и *-tama-* служат для выражения степеней сравнения прилагательных в ведийском языке. Это очень продуктивные суффиксы, которые уже в РВ используются значительно чаще, чем соответствующие первичные суффиксы *-īyas-* и *-iṣṭha-*, а в дальнейшем вытесняют их все больше и больше. Суффиксы сравнения присоединяются к любым основам прилагательных, а также к ряду основ существительных. Чаще сохраняется место ударения исходной основы. Чередующиеся основы перед суффиксом сравнения бывают представлены слабым звуковым видом, основы на *-an-* — ступенью гуна.

Суффикс *-tara-* выражает сравнительную степень качества (сравнение с одним членом, а иногда и со многими), суффикс

-tama- — превосходную степень качества (сравнение со всеми членами). Сравнение с другими членами данного класса может и отсутствовать, и тогда *-tara-* и *-tama-* выражают просто полноту качества. Вот некоторые примеры: *priyátama-* 'самый приятный'— *priyá-* 'приятный', *kavítara-* 'более прозорливый'— *kavítama-* 'самый прозорливый'— *kaví-* 'прозорливый', m. 'поэт', *rathítara-* 'лучше другого ездящий на колеснице'— *rathítama-* 'лучше всех ездящий на колеснице'— *rathí-* 'ездящий на колеснице', *cárutama-* 'самый милый'— *cáru-* 'милый', *makṣátama-* 'очень стремительный'— *makṣú-* 'стремительный', *vidúṣṭara-* 'более знающий'— *vidvā́ṃs-* p.pf.act. от *vid-* 'знать', *bhágavattara-* 'более счастливый'— *bhágavant* 'счастливый', *rayíntama-* 'очень богатый'— **rayin-* 'богатый', ср. *rayí-* 'богатство' и др.

Суффиксы сравнения *-tara-*, *-tama-* присоединяются также к прилагательным—сложным словам, например: *índrapātama-* 'выпиваемый Индрой лучше всех', *ratnadhā́tama-* 'больше всех дающий сокровища', *sukṛ́ttara-* 'еще более благодетельный', *sukṛ́ttama-* 'самый благодетельный', *dasyuhántama-* 'лучше всех убивающий врагов' и др.

Присоединяясь к основам существительных, суффиксы сравнения выражают бóльшую или самую бóльшую степень наделенности тем качеством, которое выражено именем существительным, например: *nṛ́tama-* 'самый мужественный'— *nár-* 'муж', *pitṛ́tama-* 'самый отеческий'— *pitár-* 'отец', *mātṛ́tamā-* 'самая материнская'— *mātár-* 'мать', *vṛtratára-* 'худший среди вритр' и др.

В соединении с именем мифологического персонажа суффикс *-tama-* выражает наибольшую степень подобия этому персонажу, например: *áṅgirastama-* 'наиболее сходный с Ангирасом', *indratamā-* 'самая похожая на Индру', *máruttama-* 'очень похожий на Марутов' и др.

Продуктивность этих суффиксов настолько велика, что они могут иногда плеонастически присоединяться к соответствующим менее продуктивным суффиксам сравнения, например: *jyéṣṭhatama-* 'самый лучший' и *néḍiṣṭhatama-* 'самый близкий'.

Суффикс *-tamá-* используется также для образования порядковых числительных, характеризуясь в этой функции ударением на последнем слоге, например: *çatatamá-* 'сотый'— *çatá-* 'сто' и др.

Ряд вторичных суффиксов в ведийском языке специализировался в функции образования существительных с абстрактным значением.

Суффикс *-tvá-* образует существительные среднего рода с абстрактным значением от именных основ. Суффикс всегда бывает под ударением, исходная основа, если она чередующаяся, представлена слабым звуковым видом.

Суффикс *-tvá-* выражает значение состояния, характерных качеств. В отдельных случаях он может присоединяться к основам существительных с абстрактным значением, как правило же — к nom.concr. Вот некоторые примеры: *amṛtatvá-* 'бессмертие'— *amṛ́ta-* 'бессмертный' (*mṛtá-* p.p. от *mar-* 'умирать'), *asuratvá-* 'асурическая природа'— *ásura-* 'асура', *garbhatvá-* 'беременность'— *gárbha-* 'зародыш', *janitvá-* 'замужество'— *jáni-* 'жена', *bhrātṛtvá-* 'братство'— *bhrā́tar-* 'брат', *vṛṣatvá-* 'мужская сила'— *vṛ́ṣan-* 'бык' и др. В отдельных случаях возможна ступень вриддхи гласного первого слога, как, например, в *saubhagatvá-* 'состояние счастья' наряду с *subhagatvá-* id. (ср. *subhága-* 'счастливый' и *saúbhaga-* 'счастье'). Этот суффикс может присоединяться также к сложным словам, например: *aprajastvá-* 'бездетность'— *áprajas-* 'бездетный', *dīrghāyutvá-* 'долголетие'— *dīrghā́yu-* 'долголетний' и др. Не очень многочисленные в РВ, эти основы начинают встречаться все чаще в поздних самхитах и особенно в последующих памятниках.

Суффикс *-tvaná-* является вариантом суффикса *-tva-*, образующим также абстрактные существительные среднего рода. Засвидетельствован только в древних частях РВ (*na* по происхождению частица). Встречается обычно в сочетании с теми же исходными основами, что и *-tva-*, например: *janitvaná-*, *vṛṣatvaná-* и др.

Суффикс *-tā-* образует абстрактные существительные женского рода от именных основ. Ударение падает на гласный слога перед суффиксом. Значение — состояние, иногда собирательность. Вот некоторые примеры: *agótā-* 'бескоровность'— *gó-* 'корова', *nagnátā-* 'нагота'— *nagná-* 'нагой', *puruṣátā-* 'человеческий обычай'— *púruṣa-* 'человек', *vasútā-* 'доброта', 'щедрость'— *vásu-* 'добрый' и др.

В самхитах этот суффикс менее употребителен, чем *-tva-*. В РВ встречаются два случая сочетания обоих суффиксов в одной основе: *iṣitatvátā-* 'воодушевленность'— *iṣitá-* (p.p. от *iṣ-* 'приводить в движение', 'возбуждать') и *puruṣatvátā* = *puruṣátā*.

Суффикс *-tāti-* (распространение *-tā-* посредством *-ti-*) образует немногие существительные женского рода с абстрактным значением от именных основ. Ударение предсуффиксальное. Вот некоторые примеры: *ariṣṭátāti-* 'невредимость'— *áriṣṭa-* 'невредимый' (*a*+p.p. от *riṣ-* 'вредить'), *sárvatāti-* (ударение!) 'полнота благополучия'— *sárva-* 'весь', 'целый' и др.

Иногда у этих основ происходит конкретизация значения, например: *jyeṣṭhátāti-* 'высшая власть', 'высший владыка', *devátāti-* 'служба богам', 'сонм богов'.

Суффикс *-tāt-* (распространение *-tā-*) образует редкие абстрактные имена женского рода, засвидетельствованные только в РВ и только в косвенных падежах. Ударение предсуффиксальное, например: *uparátāt-* 'близость'— *úpara-* 'ближайший', *devátāt-* = *devátāti-*, *vṛ́kátāt-* 'порча'(?) — *vṛ́ka-* 'волк', *sarvá-*

tāt- = *sárvatāti*. Большей частью это не вполне морфологически ясные формы.

Суффикс *-vát-* образует немногочисленные абстрактные существительные женского рода, обозначающие место, от наречий-приставок: *udvát-* 'высота'— *úd* 'вверх', *nivát-* 'глубина'— *ní* 'вниз', *pravát-* 'склон'— *prá* 'пе́ред', 'вперед' и др.

Ряд суффиксов в ведийском языке специализируется на образовании основ женского рода от основ мужского рода. Этот тип словообразования является регулярным для прилагательных. Он релевантен также для существительных — названий одушевленных существ (или сил, мыслимых как одушевленные), образующих от одной и той же основы названия представителей разного пола одного вида. Именно эта часть существительных, для которых категория рода является не классифицирующей, а словоизменительной, в ряде случаев дает модель для оформления граммемы женского рода и у прочих существительных.

Лишь в единичных случаях встречаются основы — названия животных, обозначающие одновременно особи мужского и женского пола, как, например, *gó-* m. 'бык', f. 'корова', *ávi-* m. 'баран', f. 'овца' (различие грамматического рода у этой основы проявляется в выборе типа флексии).

У тех типов основ, которые способны выражать граммемы и мужского, и женского рода, категория рода в классе nom.ag. прилагательных может оставаться морфологически невыраженной: один и тот же тип основы и флексии обслуживает граммемы мужского и женского рода. Так, например, прилагательное *vidyút-* 'сверкающий' (корень *dyut-*) в равной мере может определять *dhárā-* 'поток' женского рода и *devá-* 'бог' мужского рода. Следует отметить, что уже в РВ наблюдаются отдельные случаи вторичного словообразования от корневых основ для выражения граммемы женского рода, например: *spáçaḥ... sudṛ́ço* (IX, 73,7) 'хорошо смотрящие соглядатаи'— *spáç-* мужского рода, но *sudṛ́çīr...* (I,122,2) 'хорошо выглядящая' (об Ушас).

В других типах основ существительных, способных выражать граммемы мужского и женского рода, различие между граммемами рода реализуется с помощью разных типов флексии [основы на *-tar-* (имена родства), на *-i-* и *-u-*]. В тех падежах, где эта разница не выражена, различие между граммемами рода может быть передано синтаксически с помощью согласующихся прилагательных, например: *sárveṣām ca krimīṇām sárvāsāṃ ca krimíṇām* (AB, V,23,13) букв. 'И у всех червей, и у всех червих'.

В принципе вторичными суффиксами, служащими для образования основ женского рода от основ мужского рода, являются суффиксы на долгие гласные.

Суффикс *-ā-* служит для образования основ женского рода

от основ мужского рода на *-a-*. В основах на *-ā-*, обозначающих существа женского пола, сохраняется место ударения исходной основы. Вот некоторые примеры: *ajá-* 'коза'— *ajá-* 'козел', *áçvā-*, *átyā-* 'кобыла'— *áçva-*, *átya-* 'жеребец', *vatsá-* 'телка'— *vatsá-* 'теленок', *çūdrá-* 'шудрянка'— *çūdrá-* 'шудра' и др.

Эти существительные следуют в своей словообразовательной модели прилагательным типа *pāpá-* 'злая'— *pāpá-* 'злой', *priyá-* 'приятная'— *priyá-* 'приятный' и др. К этой же модели принадлежат и местоименные прилагательные: *itarā-* 'иная'— *itara-* 'иной', *katará-*, *katamá-* 'какая'— *katará-*, *katamá-* 'какой', *anyá-* 'другая'— *anyá-* 'другой', *viçvā-* 'вся'— *viçva-* 'весь', *sárvā-* 'целая'— *sárva-* 'целый', *ékā-* 'одна'— *éka-* 'один' (местоименное прилагательное от основы числительного). Основы прилагательных с суффиксами сравнения *-tara-* и *-tama-* выражают граммему женского рода также с помощью суффикса *-ā-*, например: *úttarā-* 'высшая'— *úttara-* 'высший', *índratamā-* 'самая похожая на Индру' и др.

Имеется ряд существительных, обозначающих одушевленные существа женского пола или различные понятия и явления природы, мыслимые как женское начало, которые образованы с помощью вторичного суффикса *-ā-* без соответствующей исходной основы мужского рода на *-a-*. Сюда относятся собственные имена женщин или богинь, как, например: *iḍā-* nom.pr. богини, *kuṣávā-* nom.pr. демонши [букв. 'дающая плохое (*ku-*) рождение (*savá-*)'], *viçpálā-* nom.pr. женщины и др. названия женщин, самок животных: *ambá-*, *naná-* 'мама', *kanyá-* 'девица', *kaná-* 'молодая женщина' (ср. *kaná-* 'молодой'), *vaçá-* 'не стельная корова'; названия некоторых растений, как *líbujā-* 'лиана' (символ женского начала в любовных заговорах AB) и др.; многие названия рек, как *kúbhā-*, *gáṅgā-*, *tṛṣṭámā-*, *rasá-* и др.

Суффикс *-ikā-* образует от именных основ вторичные основы с уменьшительным значением или со значением женского рода, например: *çítikā-* 'холодная'— *çītá-* 'холодный', *hládikā-* 'освежающая', 'прохладная' (ср. *hradá-* 'море', 'озеро', 'пруд'), *násikā-* 'ноздря'— *nása-* 'нос', *upajihvikā-* 'муравьиха', *vártikā-* 'перепелка' и др. В РВ эти основы совсем немногочисленны.

После РВ устанавливается прочное соответствие основ на *-ikā-* как форм женского рода, соответствующих основам на *-aka-* мужского рода (в РВ встречается *iyattiká-* 'столь малая' к *iyattaká-* 'столь малый'), типа *kumārikā-* 'девочка'— *kumāraká-* 'мальчик'. Засвидетельствовано несколько случаев колебаний между формами суффикса *-akā-* и *-ikā-*. Изредка встречается суффикс женского рода — *-akī-*, как в *prṣātakī-* — название болезни и nom.pr. персонифицирующей ее демонши и др.

Суффикс *-ī-* употребляется во всех остальных случаях при образовании основ женского рода, где не употребляется суффикс *-ā-*. Он присоединяется не только к исходным основам на согласные и гласные, кроме *-a-*, но также и к некоторой части

основ на *-a-*, например: *bahví-* 'обильная'— *bahú-* 'обильный', *gomatí-* 'богатая коровами'— *gómat-* 'богатый коровами', *çuní-* 'сука'— *çván-* 'кобель' и др. Таким образом, этот суффикс гораздо более продуктивен в функции образования основ женского рода, чем суффикс *-ā-*.

Типом исходной основы, от которой произведена основа женского рода на *-ī-*, в значительной степени определяется тип склонения основ на *-ī-*. В ведийском языке (прежде всего в РВ и в АВ) различаются два типа склонения основ женского рода на *-ī-*. Первый — это тип *devī* (с ударным или безударным суффиксом), в котором конечный гласный *-ī-* в положении перед начальным гласным флексии переходит в согласный *-y-*; при этом акцент в парадигме всегда бывает на флексии гласного «производного» типа. Второй — это тип *vṛkí-* с суффиксом, ударным во всей парадигме, представленным вариантом *-iy-* перед начальным гласным флексии (графически — сварита *-yà-*) и флексией согласного «корневого» типа.

Флексию типа *devī-* имеют в подавляющем большинстве основы на *-ī-*, произведенные от всех основ, кроме основ на *-a-*. Если исходной является основа на *-a-*, то тип флексии производной основы на *-ī-* до некоторой степени определяется структурными и семантическими особенностями соответствующей основы на *-a-*.

В распределении двух типов флексии у основ на *-ī-*, произведенных от основ на *-a-*, в целом наблюдаются следующие тенденции. Флексию типа *vṛkí-* склонны иметь основы, обозначающие особей женского пола, например: *vṛkí-* 'волчица'— *vṛ́ka-* 'волк', *puruṣí-* 'женщина'— *púruṣa-* 'мужчина', *maṇḍūkí-* 'самка лягушки'— *maṇḍū́ka-* 'самец лягушки', *mayūrí-* 'пава'— *mayū́ra-* 'павлин', *yamí-* 'Ями'— *yamá-* 'Яма', *siṃhí-* 'львица'— *siṃhá-* 'лев' и др. Этот тип флексии встречается иногда у сложных слов бахувриhи женского рода, как, например, *viçvarūpí-* f. от *viçvárūpa-* m. 'обладающий всеми обликами' и др., хотя с этой флексией здесь нередко конкурирует флексия основ на *-ā-*, например: *pururū́pā-* 'обладающая многими обликами' и др.

Флексия типа *devī-* засвидетельствована у ряда прилагательных женского рода от исходных основ на *-a-*, которые обозначают цвет, например: *áruṣī-* 'красная'— *aruṣá-* 'красный', *gaurí-* 'светлая'— *gaurá-* 'светлый', *çabalí-* 'пестрая корова'— *çabála-* 'пестрый' и др.

Из формальных тенденций можно отметить склонность ряда исходных основ на *-a-* во вторичных суффиксах, особенно с гласным вриддхи первого слога, образовывать формы женского рода по типу *devī-*, например: *pāvamānī-* 'песня над струящимся сомой'— *pāvamāná-* 'связанный со струящимся сомой' *(pávamāna-)*, *bhā́ratī-* nom.pr. богини песни (букв. 'происходящая от Бхараты') — *bhā́rata-* 'происходящий от Бхараты' (*bharatá-*) и др.

Наряду с этим встречаются дублеты на *-ā-* и на *-ī-*, произведенные от одной и той же основы на *-a-*, например: *kṛṣṇā́-*, *kṛṣṇí-* 'черная' (обозначение ночи) от *kṛṣṇá-* 'черный', *mā́nuṣī-*, *mā́nuṣā-* 'женщина'— *mā́nuṣa-* 'мужчина' и некоторые другие.

От всех остальных типов исходных основ образуются основы женского рода почти исключительно по типу *devī-* с сохранением или перемещением места ударения. Оно сохраняется обычно в случае исходного ударения на первом слоге, как в *jánitrī-* 'родительница'— *jánitar-* 'родитель', *dvipádī-* 'двуногая'— *dvipád-* 'двуногий' (здесь отношения затемняются условиями сложного слова), *áçmanvatī-* 'каменистая'— *áçmanvant-* 'каменистый' и др. Чередующиеся основы, кроме основ на носовой, представлены, как правило, перед суффиксом слабым звуковым видом. В основах на *-ant-* ожидаемую слабую форму имеют основы именного происхождения, причастия же тематического спряжения обычно сохраняют носовой в суффиксе, например: *pátantī-* 'летающая' от *pátati*, *codáyantī* 'вдохновляющая' от *codáyati* и др.

Если исходная основа чередующаяся, то имеет место тенденция соответствия места ударения в производной основе на *-ī-* месту ударения в слабых падежах исходной основы, например: *sūnṛtā́vatī-* 'прекрасная', как в I.sg.m. *sūnṛtā́vatā* от *sūnṛtā́vant-*, *avitrī-* 'защитница', как в I.sg.m. *avitrā́-* от *avitár-*, *arvā́cī-* 'обращенная к', как в A.pl.m. *arvā́cas* от *arvā́ñc-*, *pratīcí-* 'обращенная навстречу', как в Abl.sg. *pratīcás* от *pratyáñc-* и др. Если исходная нечередующаяся основа имеет ударение на последнем слоге, то в производной основе на *-ī-* оно обычно перемещается к началу слова, например: *garbhiní-* 'беременная'— *garbhín-* m., *çatiní-* 'сотенная'— *çatín-* 'сотенный' и др.

Здесь были перечислены лишь некоторые общие тенденции, отклонения от них достаточно многочисленны.

Образование вторичных основ женского рода неодинаково распространено в ведийском языке среди разных типов основ мужского рода. Так, основы на *-ī-* редко образуются от основ на *-s-* или на *-man-* [ср., однако, *bráhmī-* 'благочестивая'— *brahmán-* 'брахман', *◦nāmnī-* 'называемая' (в конце сложных слов) — *nā́man-* 'имя' и др.]

У основ на *-van-* с присоединением суффикса женского рода *-ī-* связано наличие гетероклитического чередования *r/n*, например: *ṛtā́varī-* 'благочестивая'— *ṛtā́van-* 'благочестивый', *vibhā́varī-* 'лучистая'— *vibhā́van-* 'лучистый' и *çā́kvarī-* 'умелая'— *çā́kvan-* 'умелый' и др.

В отдельных случаях конечный гласный элемент исходной основы перед суффиксом женского рода *-ī-* приобретает ступень вриддхи, давая *-ā́yī-*, *-ā́vī-*, *-ā́rī-*. Эти основы служат для обозначения жен соответствующих персонажей мужского пола, например: *agnā́yī-* — *agni-*, *vṛṣākapā́yī-* — *vṛṣā́kapi-*, *jahnā́vī-* —

nom.pr.f.—*jahnú-* nom.pr.m., *nárī-* 'женщина'— *nar-* 'мужчина'. Основе на *-u-* мужского рода может соответствовать основа на *-āyī-* женского рода, как в *pūtákratāyī-* nom.pr.f. при *pūtákratu-* nom.pr.m.

Суффикс *-nī-* используется для образования основ женского рода от небольшой группы прилагательных на *-ta-*, обозначающих цвет, например: *énī-* 'пестрая'— *éta-* 'пестрый' (название вида антилоп), *róhiṇī-* 'красная'— *róhita-* 'красный', *háriṇī-* 'буланая'— *hárita-* 'буланый' и некоторые другие.

Этот же суффикс образует основу женского рода *pátnī-* 'госпожа' к *páti-* 'господин'.

Суффикс *-ānī-* образует основы женского рода к соответствующим основам мужского рода на *-a*; их семантика — прежде всего собственные имена, например: *araṇyānī́-* nom.pr. лесной богини — *áraṇya-* 'лес', *indrāṇī́-* nom.pr. жены Индры — *índra-* nom.pr. бога, *varuṇā́nī-* nom.pr. жены Варуны — *váruṇa-* nom.pr. бога и некоторые другие.

Таков инвентарь основных первичных и вторичных суффиксов в ведийском языке и правила их соединения с другими морфемами в составе основ.

Для ведийского словообразования характерна изофункциональность ряда суффиксов, образующих синонимичные ряды. Так, в функции образования имени деятеля употребляются суффиксы: #, *-a-*, *-ana-*, *-man-*, *-tar-*, *-in-*; в функции образования абстрактных имен: #, *-a-*, *-ana-*, *-as-*, *-ti-*, *-man-*, *-ya-*, *-tva-*, *-tā-*, *tāti-*, *-tāt-*, *-yā-*; в функции образования прилагательных с общим значением связи с исходным существительным: *-a-*, *-in-*, *-mant-/-vant-*, *-ka-*, *-maya-*; в функции образования патронимических имен: *-a-*, *-i-*, *-eya-*, *-ka-*; в функции образования прилагательных сравнительной степени: *-īyas-*, *-tara-*; превосходной степени: *-iṣṭha-*, *-tama-* и т. п. (многочисленные малоупотребительные суффиксы здесь не принимались во внимание).

В связи с тем, что не всегда достаточно четко противопоставлены грамматические значения классов основ, образованных с помощью разных суффиксов, и иногда бывает сильно затемнена первоначальная система акцентных противопоставлений, на системные грамматические противопоставления в словообразовании нередко наслаиваются окказиональные лексические различия. Наличие пробных образований, характерных для поэтического языка, еще более увеличивает эти нарушения системности.

В результате одно значение может быть выражено разными суффиксами; так, например, от одного корня *kar-* 'делать': *kr̥t-*, *karā́-*, *kr̥tnú-*, *kr̥tvan-* 'делающий', 'деятельный'; *kr̥ti-*, *káraṇa-*, *kárman-*, *káras-*, *kariṣyā́-*, *karúṇa-* 'деяние', 'дело', но *kr̥tyā́-* 'колдовство' и т. п.

СЛОВОСЛОЖЕНИЕ

Термином «сложные слова» (*samāsa-*) принято описывать в древнеиндийском языке весьма разнородный круг явлений, занимающих промежуточное положение между словообразованием и элементарными синтаксическими конструкциями (ЭСК). В ведийском языке сложные слова состоят обычно из двух членов. Трехчленные встречаются исключительно редко и представляют собой сочетание устойчивого двучленного сложного слова, воспринимаемого как самостоятельная единица, с третьим, конечным элементом слова, например: *rāyaspoṣadé (víṣṇave)* '(для Вишну), дающего процветание богатства' (MC, I,2;6), ср. *rāyáspóṣaṃ (dr̥ṃha)* (MC, I,2,11), '(укрепи) процветание богатства'. Сложные слова в ведийском языке не столь многочисленны, как в классическом санскрите, и образование новых сложных слов весьма ограниченно.

С точки зрения структуры сложное слово отличается от ЭСК своей цельнооформленностью. Существует набор формальных признаков, характеризующий сложное слово как единое целое:

1) изменяющуюся флексию имеет только последний член сложного слова, первый член бывает обычно представлен в виде основы; таким образом, сложное слово, если оно употребляется в предложении самостоятельно, а не в качестве определения, согласующегося с другим словом, имеет тот набор граммем, который свойствен последнему члену;

2) сложное слово имеет одно ударение;

3) в качестве последнего члена сложного слова могут употребляться корневые имена в той форме, в которой они не встречаются в самостоятельном употреблении;

4) суффикс (если таковой имеется) присоединяется к последнему члену, оформляя слово целиком;

5) сандхи на границе двух членов сложного слова отличаются в некоторых отношениях от сандхи на границе двух слов.

Ни один из этих формальных признаков не является строго

обязательным. В отдельных типах сложных слов может отсутствовать какой-нибудь из них.

При семантическом единстве сложного слова встречаются, однако, отдельные случаи, когда первый его член соотносится с каким-либо другим словом, например: *yátkāma idám abhisiñcámi vo'hám tán me sárvaṃ sáṃ padyatām* букв. 'Что-желающий я сейчас здесь возливаю вам, то́ всё пусть мне достанется' (AB, X,9,27).

Первый член сложного слова может принадлежать к любому классу слов, кроме глагола в личной форме (причастия и — реже — отглагольные имена могут употребляться в этой позиции). Последний член бывает выражен преимущественно именем.

Первый член сложного слова, как правило, бывает представлен чистой основой. Если эта основа принадлежит к чередующемуся типу, то в сложном слове употребляется слабая форма, например: *pitṛyáṇa-* 'исхоженный предками' (ср. *pitár-*), *yātayájjana-* 'объединяющий людей' (ср. *yātáyant-*), *nṛjit-* 'побеждающий мужей' (ср. *nár-*), *rājayakṣmá-* 'царская якшма' (nom.pr. болезни) (ср. *rā́jan-*) и т. п.

Иногда в качестве первого члена сложного слова выступает такая форма слова, которая самостоятельно не употребляется, например, от прилагательного *mah-* 'великий' эта форма *mahā-*: *mahāgrāmá-* 'большая толпа', *mahā́vadha-* 'имеющий великое оружие'; от прилагательного *turá-* 'быстрый', 'сильный'— форма *tuvi-*: *tuvigrī́va-* 'с мощным затылком', *tuvirā́dhas-* 'много дарящий' и др.

Личные местоимения, выступая в функции первого члена, не имеют единой формы. Местоимение 1-го лица единственного числа представлено формой, равной Abl.: *mátkṛta-* 'сделанный мной', A. *māmpaçyá-* 'глядящий на меня', N. *ahaṃyú-* 'гордый'. Местоимение 1-го лица множественного числа представлено разными формами. Это может быть чистая основа — *asmadrúh-* 'враждебный нам', форма Abl.— *asmátsakhi-* 'имеющий нас другом', D.— *asmé́hiti-* 'распоряжение для нас', адъективное прилагательное — *asmā́kārthāya* (AB) 'ради нас'. Местоимение 2-го лица единственного числа представлено формами A. *tvā́mkāma-* 'желающий тебя' и I: *tvā́hata-* 'убитый тобой'. Местоимения 2-го лица двойственного и множественного числа представлены в этой позиции основой с долгим конечным элементом: *yuvā́datta-* 'данный вами двоими', *yuṣmā́datta-* 'данный вами'. Местоимение 3-го лица встречается в форме среднего рода: *tadvaçá-* 'желающий того'.

Некоторые частицы и адъективные префиксы встречаются в ведийском языке только в качестве первого члена сложного слова и не употребляются самостоятельно. Из наиболее широко используемых это приватив ная частица *a-/an-* (соответственно вариант перед согласным и перед гласным), например: *aketú-* 'без света' (*ketú-* 'свет'), *anenás-* 'безгрешный' (*énas-* 'грех');

dus- 'дурной', 'злой', например: *durṇā́man-* 'с дурным именем' (*nā́man-* 'имя'), *duṣkṛt-* 'злодей' (букв. 'зло-творящий', *kṛt-* 'творящий'), *dūḍhí-* 'злонамеренный' (*dhí-* 'намерение'); ср., однако, антонимический адъективный префикс *su-*, например: *sunā́man-* 'с добрым именем', *sukṛt-* 'творящий благо', *sudhí-* 'с добрыми намерениями', который употребляется и самостоятельно: *várdhasvā sú puruṣṭuta* (VIII, 13,25) 'Возрастай хорошо, о многовосхваляемый!'; *sa-* 'вместе с', 'одинаковый', например: *sácetas-* 'мудрый' (букв. 'с мудростью', *cétas-* 'мудрость'), *sárūpa-* 'имеющий одинаковый вид' (*rūpá-* 'вид'); ср., однако, предвокальный вариант этого префикса, способный употребляться как самостоятельный префикс — наречие при глаголах.

Числительное *dvá-*, функционируя в качестве первого члена сложного слова определенного типа, имеет форму *dvi-*, например: *dvipád-* 'двуногий', *dvijá-* 'дваждырожденный'.

Как уже говорилось, имя, представляющее собой последний член сложного слова, обладает флексией, выражающей грамматические значения. Если в отдельных случаях в этой функции выступает несклоняемое слово, оно переводится в соответствующий класс изменяемых имен, например: *aprati-* 'непреодолимый' от префикса-наречия *práti* [ср. A.pl.n. *vṛtrā́ṇy... apratī́ni* (VII, 85,3) 'непреодолимые препятствия'], также *tuvipratí-* 'сильно противостоящий' или *átathā-* 'отрицающий', букв. 'не (говорящий:) «Так!»' от наречия *táthā* [ср. N.sg.m. *átathās* (I,82,1)] и др.

Корневые существительные, нередко выступающие в качестве последнего члена сложного слова (здесь их парадигма засвидетельствована более полно, чем у самостоятельных корневых имен, и некоторые из них вообще не сохранились в самостоятельном употреблении), могут подвергаться редукции, например: *mitájñu-* 'твердо стоящий на коленях' при *jā́nu-* 'колено', *ṛtvíj-* 'жрец', букв. 'в определенное время (*ṛtú-*) жертвующий' (*ij-*)' при корне *yaj-* 'жертвовать' (ср. *satyayáj-* 'истинно жертвующий'). Нерегулярной редукции, приводящей к изменению как тембра, так и количества гласного, могут подвергаться отдельные корни на конечный долгий гласный, например: *ghṛtasnú-* 'омытый жиром' при корне *snā-* 'совершать омовение', *pṛ́çnigu-* nom.pr., букв. 'имеющий пятнистых коров' при *gó-* 'корова', 'бык' (наряду с *pṛ́çnigo-* id.), *bhūrigu-* 'имеющий много коров' и др.

Корни, оканчивающиеся на краткий гласный, выступая в качестве последнего члена сложного слова, присоединяют распространитель корня *-t-*, например: *viçvajít-* 'всепобеждающий'— корень *ji-* 'побеждать', *somasút-* 'выжимающий сому'— *su-* 'выжимать', *ulokakṛt-* 'создающий свободное пространство'— *kṛ-* 'создавать' и т. п.

Место ударения в сложном слове определяется двумя факторами: семантическим типом сложного слова и морфологической

структурой входящих в его состав членов. Их взаимодействие приводит к наличию нескольких морфологических групп, характеризуемых определенным местом ударения в пределах одного семантического типа сложных слов.

Члены сложного слова находятся между собой в различных семантических отношениях, аналогичных отношениям самостоятельных слов в ЭСК. Однако семантика сложного слова обычно не равна в ведийском языке семантике соответствующей ЭСК, потому что два члена сложного слова, как правило, образуют семантическое единство, обозначая класс понятий или даже одно новое понятие. Так, например, значение сложного слова *víçvedevāḥ*, выражающего некое мистическое единство ряда (но не всех!) богов, не равно значению сочетания *víçve devā́saḥ* 'все боги', слово *háryaçva-* 'имеющий рыжих коней' не обозначает любого обладателя таких коней, а только Индру, постоянным эпитетом которого оно является. В силу этого сложные слова ведийского поэтического языка консервативны в своей семантике, и новые слова не образуются свободно, как это стало возможным в последующие эпохи развития языка.

Исходя из семантики сложных слов, выделяют два больших класса в зависимости от того, существенно ли для их структуры соотношение внутренних элементов (класс I) или оно не существенно, а релевантным является внешнее соотношение с другими словами (класс II).

Класс I представлен тремя основными типами сложных слов.

1. *Двандва* (*dvandva-* букв. 'пара' *) — сочетание двух членов, находящихся в отношении сочинительной связи (ср. ЭСК 24, с. 390). В центре этого типа находятся сочетания имен двух божеств или мифологических персонажей, трактуемых как нечто единое. В таких двандва каждый из членов имеет окончание двойственного числа и самостоятельное ударение, например: *mitrā́váruṇā-* 'Митра-Варуна', *dyā́vāpṛthivī́* 'Небо-и-Земля', *indrāvíṣṇū* 'Индра-Вишну', *uṣā́sānáktā* 'Ушас-и-Ночь', *agnī́ṣómau* 'Агни-Сома' и др. Эта разновидность двандва лучше всего представлена в РВ. Обычно такие слова встречаются в форме N.-A.-V. В редких случаях косвенных падежей первый член сохраняет неизменяемым *-ā-*, а второй принимает соответствующую флексию, например, *mitrā́váruṇābhyām*. Форма G.du. *divā́spṛthivyós* (II,2,3), в которой склоняются оба члена, является исключением. Если члены таких сложных слов имеют разный грамматический род, то все слово приобретает род последнего члена, например: *dyā́vāpṛthivī́... víṣkabhite ajáre* (VI,70,1) 'Небо-и-Земля... укреплены (f.du.) порознь, нестареющие (f.du.)'; ср. также интересное согласование с этим словом в женском роде существительного в ЭСК 22: *dyā́vāpṛthivī́ dātrāṇā́m ádhipatnī* (AB, V,24,3) 'Небо-и-Земля — две владычицы дарителей'.

Из вед известны отдельные случаи эллиптичного употребления, при котором первый член в двойственном числе представляет всё слово двандва, например: *mitrā́* (I,14,3) 'Митра-и-Варуна'.

В самхитах после РВ усиливается тенденция к утрате первым членом самостоятельного ударения, начало этого засвидетельствовано еще в РВ, например: *indrāgnī́* 'о Индра-Агни!', *somāpūṣábhyām* 'Сомой-и-Пушаном', *ṛksāmábhyām* 'гимном-и-напевом' и др. Таким образом, если в слове двандва имеется одно ударение, то оно, как правило, бывает на последнем члене.

Рассмотренная группа сложных слов двандва имеет флексию двойственного числа. После РВ возрастает число таких слов, у которых первый член представлен чистой основой, например: *ukṣavaçaú* 'бык-и-корова', *prastotṛpratihartṛbhyām* 'прастотару-и-пратихартару' (двум разрядам жрецов) и др.

Двандва редко бывают во множественном числе; это возможно в том случае, когда хотя бы один из членов обозначает множество, например: *ajāváyas* 'Козы-и-овцы' (РВ, X).

Слова двандва со значением собирательности могут иметь флексию единственного числа среднего рода, например: *iṣṭāpūrtá-* 'пожертвованное-и-исполненное' (РВ, X), *keçaçmaçrú-* (AB) 'волосы-и-борода'. Таких слов немного.

Существует небольшое число слов двандва, члены которых являются прилагательными, например: *nīlalohitá-* (РВ, X) 'сине-красный', *tāmradhūmrá-* (AB) 'темно-красный', *priyāpriyá-* (AB) 'приятный-и-неприятный' и др. Прилагательные двандва, выражающие оттенки цветов, по соотношению значений составляющих их членов скорее следует отнести к сложноподчиненному типу, чем к сложносочиненному.

По принципу двандва регулярно образуются также числительные, обозначающие числа от 1 до 9 включительно в пределах десятков, начиная со второго. Это особая группа сочинительных сложных слов, выделяющихся не только семантически, но и формально: ударение у них бывает всегда на первом члене. Числительное «два» в составе сложных числительных имеет особую форму с долгим *-ā—dvā́-*, а не *dvi-*, как в других типах сложных слов; видимо, по аналогии с этой формой удлиняется гласный и в числительном «один» в слове «одиннадцать» — *ekā-*. Вот некоторые примеры: *ékādaça-* — 11 ('один-и-десять'), *dvā́daça-* — 12 ('два-и-десять'), *cátustriṃçat-* — 34 ('четыре-и-тридцать'), *ékāçata-* — 101 ('один-и-сто'), *cátuḥsahasra-* — 1004 ('четыре-и-тысяча') и др. Гораздо реже по этому способу образуются двандва, в которых в роли единиц от 1 до 9 выступают десятки, например, *triṃçacchata-* — 130 ('тридцать-и-сто').

* По индийской традиции, тип сложных слов обозначается одним из примеров, принадлежащих к нему.

К сложным словам типа двандва близко стоят повторы флективной формы с ударением на первом слове. В индийской грамматической традиции они считаются сложными словами *āmreḍita-* (букв. 'повторенный'). Повторяются имена существительные, прилагательные, местоимения в единственном числе, наречия, наречия-префиксы, глаголы. Повторы имеют разделительное или усилительное значение, например: *jánmaṅ-janman* 'из поколения в поколение', *gṛhé-gṛhe* 'в каждом доме', *éka-eko* 'каждый', *sátaḥ-sataḥ (pratimānam)* '(образец) для каждого существа', *(eṣām) váraṃvaram* (AB) 'каждого лучшего (из них)', *makṣú-makṣū* 'как можно скорее' и др.

2. *Татпуруша* (*tatpuruṣa-* букв. 'его человек'='слуга') — сочетание двух членов, находящихся в отношении подчинительной связи. В зависимости от характера семантического соотношения членов и их морфологического выражения древнеиндийские грамматики выделяли из этого класса подкласс *кармадхарая* (*karmadhāraya-*), который будет рассмотрен особо.

а) Собственно татпуруша — это подкласс сложноподчиненных слов, в которых составляющие их члены находятся в отношении падежного управления (ср. ЭСК 1—12, с. 384 сл.). В словах татпуруша управляющим является второй член, а управляемым — первый. Морфологически оба члена бывают выражены именами: существительными, прилагательными, причастиями; первый член может быть представлен иногда местоимением. Обычно один из двух членов обязательно бывает существительным. Все сложное слово целиком может относиться или к классу существительных, или к классу прилагательных.

У большей части татпуруша ударение падает на последний член. Наличие ударения на первом члене зависит от морфологической структуры одного из членов (см. ниже). Однако в целом в этом типе сложных слов колебания в отношении места ударения встречаются нередко.

В центре типа татпуруша находится группа сложных слов, у которых оба члена являются существительными. Если второй член оканчивается на тематический гласный, то ударение обычно падает на второй член, причем отчетливо выражена тенденция постановки ударения на последнем слоге сложного слова. Таким образом в ряде случаев здесь имеет место перенос ударения, по сравнению с самостоятельным словом. Вот некоторые примеры татпуруша этой группы: *sūktavāká-* 'произнесение гимна', *devamāná-* 'жилище богов' (ср. *mána-*), *kṣetrajeṣá-* 'завоевание земли', *brahmakilbiṣá-* 'преступление против брахманов' (ср. *kílbiṣa-*), *vaçābhogá-* 'использование коровы' (ср. *bhóga-*) и др. В отдельных словах иногда встречается флексия первого члена, например: *yataṃkará-* 'усмиритель', букв. 'делающий усмирение' (A.sg.) и др.

Наибольшие акцентные отклонения среди этих татпуруша представляют сложные слова, оканчивающиеся на *-páti-* 'господин', 'повелитель', ср. формы с ударением на первом члене: *gópati-* 'господин коров', *vásupati-* 'господин имущества', *prajā́pati-* nom.pr. бога (букв. 'повелитель потомства') наряду с *apsarāpatí-* (AB) 'повелитель Апсарас' и др.

В ряде слов перед *-páti-* встречается флексия G.sg., и тогда слово имеет двойное ударение: *bṛ́haspáti-* m.nom.pr. бога, *vánaspáti-* 'большое лесное дерево' (букв. 'господин деревьев'), *rátha spáti-* 'повелитель колесницы' и др. С двойным ударением засвидетельствованы отдельные слова татпуруша и иной структуры, например, собственные имена *nárāçáṃsa-*, *tánūnápāt-*, *çúnaḥçépa-*.

У небольшой группы татпуруша второй член является прилагательным. Обычно они имеют ударение на первом члене, например: *yajñádhīra-* 'искусный в жертвоприношении', *jātáṣṭhira-* 'крепкий от рождения', *dā́nucitra-* 'мерцающий в росе', *tanúçubhra-* 'сверкающий телом' и др.

Если вторым членом является nom.act. с суффиксом *-ti-*, то ударение падает на первый член: бóльшей частью на первый его слог, иногда на второй, например: *sómapīti-* 'питье сомы', 'напиток из сомы', *haviṣkṛ́ti-* 'приготовление жертвенного возлияния', *kṣétrasāti-* 'добывание земли', *vanádhiti-* 'кладка дров' и др. Ударение на последнем члене сложного слова может встретиться в случае утраты значения nom.act., например: *devahéti-* 'дротик богов'. Изредка встречаются формы с флексией первого члена, например: *áçvamiṣṭi-* 'желающий коней'.

Второй член слов татпуруша может быть выражен отглагольным прилагательным. Самую распространенную группу представляют корневые имена со значением прилагательного nom.ag. Ударение в этой группе татпуруша падает на конечное корневое слово, например: *abjá-* 'рожденный в водах', *grāmaṇí-* 'ведущий общину', *ghṛtapá-* 'очищающий масло', *viçvajít-* 'всепобеждающий', *vṛtrahán-* 'убивающий Вритру', 'убийца Вритры', *anṛtadviṣ-* 'ненавидящий ложь' и многие другие. Среди этих основ встречаются отдельные тематизированные формы, например: *goghná-* 'убивающий корову' (корень *han-*), *ratheṣṭhá-* 'стоящий на колеснице' (корень *sthā-*). Это весьма употребительная группа слов татпуруша.

Среди этих слов встречаются и такие, в которых первый член имеет флексию, например: *adhvareṣṭhá-* 'находящийся на жертвоприношении' (флексия L.sg.), *apsukṣít-* 'живущий в водах' (флексия L.pl.), *dhíyaṃdhā-* 'внимательный', букв. 'кладущий мысль' (флексия A.sg., двойное ударение) и др.

В качестве второго члена нередко встречаются отглагольные имена с суффиксом *-ana-* и ударением на корневом гласном, например: *indramádana-* 'радующий Индру', *karṇaçóbhana-* 'ушное украшение', *dveṣoyávana-* (MC) 'отвращающий враждебность' и др. Такого же места ударения требуют менее употре-

бительные отглагольные суффиксы *-van-* и *-man-*, например: *kratuprā́van-* 'наполняющий сознание', *talpaçívan-* 'лежащий в постели', *svādukṣádman-* 'раздающий сладости' и др.

Отглагольные прилагательные с суффиксом *-in-*, выступая в качестве второго члена сложного слова татпуруша, имеют ударение на суффиксе, например: *brahmacārín-* 'странствующий как брахман', *manyuṣāvín-* 'в гневе выжимающий сому', *bāhuçardhín-* 'дерзкий на руки' и др.

Второй член слов татпуруша может быть представлен именем, равным глагольной основе в презенсе. Первый член при этом нередко имеет флексию A.sg. Ударение всегда бывает на последнем слоге, например: *agnimindhá-* 'зажигатель огня' (=жрец), *valaṃrujá-* 'проламывающий пещеру', *viçvaminvá-* 'всепронизывающий', *vācamiṅkhayá-* 'поднимающий голос' и др.

Весьма распространены слова татпуруша, у которых второй член является причастием совершенного вида на *-ta-*. Эта группа сложных слов характеризуется ударением на первом члене, например: *índrapīta-* 'выпитый Индрой', *parjányajinvita-* 'оживленный Парджаньей', *vā́japrasūta-* 'побужденный к награде', *çyenā́jūta-* 'мчащийся, как сокол' и др.; ср., однако, такие отдельные слова с ударением на суффиксе причастия, как *kaviçastá-* 'воспетый поэтом', *pitṛvittá-* 'найденный отцами' и некоторые другие.

В целом тип татпуруша объединяет большое число групп слов разной морфологической структуры, в которых засвидетельствовано немало случаев акцентных отклонений от нормы.

Следует также отметить, что в индийской грамматической традиции принято классифицировать слова татпуруша в соответствии с тем, значению какого падежа эквивалентно семантическое соотношение его членов. Однако во многих случаях семантическое соотношение двух членов татпуруша бывает столь общим, что допускает интерпретацию с помощью нескольких ЭСК одновременно, например: *abjá-* 'рожденный из вод' (ЭСК 4), 'рожденный в водах' (ЭСК 6), 'рожденный водами' (ЭСК 2) и т. п.

б) *Кармадхарая* (*karmadhāraya-*) — это подкласс сложноподчиненных слов, в которых составляющие их члены находятся в отношении типа согласования или примыкания. Определяющим членом обычно является последний, хотя известны и исключения.

В центре подкласса кармадхарая находится группа слов, у которых первый член выражен прилагательным, а второй — существительным (ср. ЭСК 20, с. 389). Ударение у слов этой группы следует обычной модели татпуруша, т. е. стоит на последнем слоге второго члена (если данная общая тенденция не перекрывается каким-либо частным правилом, моделирующим небольшую группу слов). Эта группа слов в языке ведийской поэзии совсем малочисленна, притом что весь подкласс кармадхарая тоже малоупотребителен. Вот некоторые примеры: *mahāgrāmá-* 'большая толпа', *mahādhaná-* 'большая добыча', *urukṣití-* 'просторное место для жилья', *puruṇīthá-* 'многоголосое пение', *pūrvāhná-* 'первая половина дня', букв. 'ранний день' (тематизированная форма от *áhan-* 'день') и др. Изолированный случай представляет собой слово *pitāmahá-* (AB) 'прадед', в котором прилагательное находится в постпозиции к существительному. Изредка в качестве первого члена употребляется причастие (ср. ЭСК 21, с. 389), например, *ajñātayakṣmá-* 'неизвестная болезнь' или 'тайная болезнь'; чаще — местоименные прилагательные, например: *itarajaná-* (MC) 'другие существа' (='демоны'), *viçvámānuṣa-* 'все человечество', *sarvavedasá-* 'полная отдача имущества' [=название жертвоприношения — ср. атематическое *védas-* (MC) 'имущество'] и др.

Слова кармадхарая, в которых первый член является числительным, у индийских грамматиков называется *двигу* (*dvígu-*). Вот некоторые примеры: *saptarṣí-* 'семь мудрецов' 'две коровы'). Вот некоторые примеры: *saptarṣí-* 'семь мудрецов' (='семь звезд Большой Медведицы'), *pañcajaná-* 'пять родов', *tridivá-* 'третье небо', *ekarā́j-* 'единственный царь' и др.

Небольшую группу слов кармадхарая представляют собой слова, оба члена которых являются существительными, причем одно определяет другое как приложение (ср. ЭСК 22, с. 390). Вот некоторые примеры: *puruṣavyāghrá-* (BC) 'человек-тигр', *vṛṣākapi-* 'самец-обезьяна' (nom.pr.), *mitrārājānā (varuṇā)* (V,62,3) 'о цари — Митра (и Варуна)!' — пример, в котором переплетаются кармадхарая и двандва, и др.

Еще одну группу среди кармадхарая составляют слова, у которых не только первый, но и второй член является прилагательным или причастием. Первый член приобретает в таких словах характер адвербиального определения, например: *puruṣṭutá-* 'многовосхваляемый', *puruçcandrá-* 'очень блестящий', *uruvyác-* 'далеко простирающийся', *prathamajā́* 'перворожденный' и др. В отдельных случаях первый член может иметь окончание A.sg. адвербиального характера, например, *satyámugra-* (PB) 'поистине ужасный'.

Следует отметить, что, выступая в качестве первого члена сложного слова, некоторые прилагательные более или менее регулярно меняют место ударения: *víçva-* 'весь', *sárva-* 'целый' в сложных словах обычно становятся окситонированными — *viçvá-* (менее последовательно), *sarvá-*. Акцентных колебаний в этих группах слов засвидетельствовано немало.

Наиболее обширную группу среди кармадхарая представляют собой слова, у которых второй член выражен именем прилагательным или — реже — существительным, а первый принадлежит к классу неизменяемых слов: префиксов-наречий, наречий, частиц, адъективных префиксов. Первый член определяет второй, и их семантическую связь можно трактовать как отношение примыкания в пределах яруса II (ср. ЭСК 15, с. 387) в случае

первого члена — наречия или как управления или примыкания в пределах яруса I в случае первого члена — префикса-наречия.

Здесь требуются особые пояснения. Значительная часть слов кармадхарая этой структуры, строго говоря, вообще не являются сложными словами, и их относят сюда лишь в соответствии с индийской грамматической традицией. Описывать их следовало бы в разделе, посвященном словообразованию. Речь идет прежде всего о тех элементах, которые не встречаются в самостоятельном употреблении, а именно префиксы *a-/an-* 'не', 'без'; *dus-* 'плохой', 'злой', 'плохо', 'трудно'; *sa-* 'с', 'общий' (тонический вариант этого слова *sám-* может употребляться самостоятельно).

Глагольные префиксы-наречия в ведийском языке употребляются не только в составе глагольных форм, но и отдельно от них, что дает основания рассматривать их сочетания с именами как сложение двух самостоятельных слов. Однако часто нельзя бывает доказать, имеет ли место в данном случае сложение: наречие-префикс + (корень + суффикс), т. е. словосложение, или (наречие-префикс + корень) + суффикс, т. е. словообразование. Например, в РВ есть слово *pramā́da-* 'опьянение', но слово **māda-* не засвидетельствовано, в то время как есть *pra* + глагольный корень *mad-*; есть *vimócana-* 'освободитель', но нет **mocana-*, в то время как существует *vi* + глагольный корень *muc-* и т. п.

Наконец, сочетание префиксов-наречий с личными формами глагола рассматривается традиционно как глагольное словообразование, в то время как аналогичный тип сочетания с именем относят к словосложению. Таким образом, если, отдавая дань традиции, рассматривать перечисленные выше группы слов как сложные слова, то это, по выражению Рену, «ложные» сложные слова.

Среди подобных «ложных» сложных слов особенно многочисленны слова с отрицательным префиксом *a-*(форма перед согласным)/*an-* (форма перед гласным). В целом у этого префикса ярко выражена тенденция нести на себе ударение, но место ударения в сложном слове зависит также и от морфологической структуры основы, соединяющейся с префиксом.

При соединении префикса *a-/an-* с глагольными причастиями ударение, как правило, бывает на префиксе, например: *ákṛta-* 'несделанный', *áriṣṭa-* 'невредимый', *ásuta-* 'невыжатый' (о соме), *ádevayant-* 'не почитающий богов', *ánimiṣant-* 'не моргающий', *áhiṃsāna-* 'не вредящий' и др.— ср., однако, отдельные формы причастий с безударным префиксом: *arundhatī́-* nom.pr. целебного растения, букв. 'непрепятствующая', *amṛ́ta-* 'бессмертный', *adṛ́ṣṭa-* 'невиданный' и некоторые другие.

Если префикс *a-/an-* соединяется с причастием долженствования на *-ya-*, то ударение обычно падает на суффикс, например: *anavadyá-* 'безупречный', *anānukṛtyá-* 'неподражаемый',

asahyá- (СВ) 'неодолимый' и др.— ср., однако, *ágohya-* 'нескрываемый', *ádābhya-* 'тот, кого не обмануть' и некоторые другие.

Если префикс *a-/an-* соединяется с корневым именем, то ударение обычно падает на корневое имя, например: *adrúh-* 'невраждебный', *abhúj-* 'невкусивший', *ayáṣ-* 'ненаправляющийся', *asrídh-* 'невредящий' и др.

При соединении префикса *a-/an-* с именными основами на *-a-* или другой основообразующий элемент, а также с различными суффиксальными именными основами имеет место большой разнобой ударения. Оно падает на последний слог у слов кармадхарая этого типа, образованных от глагольных основ: *asinvá-* 'ненасытный', *asunvá-* 'не выжимающий (сому)', *ajuryá-* 'не стареющий', *apaçyá-* 'не видящий' и др.; на первый слог, т. е. на префикс, у многих прилагательных и у некоторых существительных, например: *ápriya-* 'неприятный', *ájasra-* 'не устающий', *áyudhvan-* 'не сражающийся', *ápracetas-* 'неразумный'; *ádeva-* 'не-бог', *ábhaya-* 'отсутствие страха', *ávājin-* 'плохой конь', букв. 'не-конь' и др. У другой части прилагательных и существительных ударение падает на последний слог: *acitrá-* 'темный', букв. 'неяркий', *anugrá-* 'не грозный', 'слабый' (возможно также и *ánugra-*), *ajarayú-* 'нестареющий'; *ayoddhár-* 'плохой боец', букв. 'не-боец' и др., или на корневой: *amítra-* 'недруг', *avírа-* 'немужественный' и др.

Относительно других адъективных префиксов трудно вывести какую-либо закономерность, регулирующую их место ударения, если только их второй элемент не является корневым словом. В последнем случае ударение падает на корень. Вот некоторые примеры корневых слов: *sukṛ́t-* 'творящий благо', *duṣkṛ́t-* 'творящий зло', *sugá-* 'легкопроходимый', *durgá-* 'труднопроходимый', *savṛ́dh-* 'одновременно растущий', *samád-* 'охота к борьбе' и др. В остальных случаях встречаются разные тенденции, например: *súṣuti-* 'легкие роды', *suṣṭutí-* 'прекрасное восхваление', *suçcandrá-* 'прекрасно сверкающий', *súbhadra-* 'благодатный' и т. п. Возможны акцентные колебания в одном слове, например: *duṣṭutí-* и *dúṣṭuti-* 'плохое восхваление', *sujātá-* и *sujáta-* 'прекрасно рожденный'.

При сочетании именных основ с глагольными префиксами и предлогами ударение в словах кармадхарая чаще падает на первый член, например: *ádhibhojana-* 'приправа', *prápaut-* 'правнук', *prápada-* 'носок ноги', *vídeva-* 'небожественный' и др. Противоположная тенденция также засвидетельствована в ряде слов, например: *apakāmá-* 'отвращение', *apikakṣá-* 'область подмышек и лопаток' и др.

Группа слов кармадхарая представляет собой сочетание наречия с именной основой. Место ударения в таких словах различно, и определяется оно в основном морфологической структурой именного члена: ударение бывает на корне в случае корне-

вого имени: *purāṣáh-* 'от века победоносный', *purobhú-* 'находящийся впереди', *sahaváh-* 'вместе везущий'; обычно на тематическом гласном в случае основ на *-a-* (при отсутствии суффикса): *antarābharú-* 'приносящий в распоряжение', *evāvadú-* 'так говорящий', *prātaḥsāvá-* 'выжимание (сомы) рано утром'; при одних суффиксах — на корневом гласном: *puroyávan-* 'идущий впереди', *prātaritvan-* 'приходящий рано утром'; при других — на суффиксе: *puraḥsthātár-* 'вождь', букв. 'стоящий впереди'; при третьих — на первом члене сложного слова: *purójiti-* 'завоевание заранее', *puróhiti-* 'служба жреца-пурохита' (букв. 'установление впереди').

Класс II состоит из одного основного типа слов, который по индийской терминологии называется *бахувриxи* (*bahuvrīhi-* 'имеющий много риса'). Для этого типа сложных слов существенно не внутреннее соотношение между двумя составляющими его членами, а внешнее соотношение с другим словом, с которым данное слово согласуется, причем это слово может стоять в тексте или подразумеваться. Таким образом, слова бахувриxи принадлежат к классу прилагательных, хотя их последний член, как правило, бывает выражен существительным. В ряде случаев они оформляются суффиксами прилагательных (такие бахувриxи засвидетельствованы главным образом в самхитах после РВ), а именно *-ka-*: *páñcacitika-* (ТС) 'сложенный в пять слоев' (*cíti-* 'слой'), *-ya-*: *dīrghajihvyà-* (РВ) 'имеющий длинный язык' (*jihvá-* 'язык'), *-a-*: *saumapauṣṇám (carúm nírvapet)* (МС) '(пусть он принесет в жертву жертвенную пищу,) посвященную Соме-Пушану' (*somāpūṣan*, с вриддхи гласного первого слога каждого из членов исходного слова двандва), *-in-*: *çvaghnín-* 'победитель в игре в кости' (**çvaghná-*) и др.

Бахувриxи — это синтаксический тип сложных слов, в котором используются сложные слова класса I, прежде всего кармадхарая и татпуруша, приобретающие в этом новом синтаксическом употреблении адъективное значение «обладающий тем, что выражено основой», «связанный с тем, что выражено основой», например: *citráratha-* 'имеющий сверкающую колесницу', *açīrṣán-* 'безголовый', *suvíra-* 'богатый сыновьями', 'имеющий храбрых героев', *vájrabāhu-* 'с дубиной грома в руке', *dhūmáketu-* 'чье знамя — дым' (эпитет Агни), *góagra-* 'с коровами во главе' и т. п.

Характер семантической связи слова бахувриxи с исходным сложным словом может быть весьма широким и может включать дополнительные семантические оттенки, кроме значения обладания, например: *urúyuga- (rátha-)* 'имеющая широкое ярмо (колесница)' при *urúloka- (antárikṣa-)* '(воздух,) занимающий широкое пространство', или *puruputrá-* 'имеющий много сыновей' при *puruvíra-* 'достаточный для многих мужей' и др.

Тип бахувриxи является самым распространенным в ведийском языке. Достаточно упомянуть, что бóльшая часть сложных

слов морфологической структуры кармадхарая в ведийских текстах употребляется как бахувриxи.

Этот тип в целом противопоставлен типам кармадхарая и татпуруша по месту ударения. Бахувриxи имеет в большинстве случаев ударение на первом члене, а кармадхарая и татпуруша — на втором. Засвидетельствованы минимальные пары, различающиеся только местом ударения, например: *rājaputrá-* 'сын царя', 'царский сын': *rā́japutra-* 'имеющий царей сыновьями', *ekākṣará-* 'единственный слог': *ékākṣara-* 'односложный', *ábhaya-* 'отсутствие страха': *abhā́ya-* 'не знающий страха' и др.

Противопоставленность по месту ударения двух основных классов слов — бахувриxи и татпуруша — кармадхарая является лишь общей тенденцией, осуществленной не во всех группах сложных слов. Неразличению субстантивного и адъективного значений способствует также возможность субстантивизации некоторой части слов бахувриxи. По тем или иным причинам ударение далеко не всегда может служить критерием для определения типа сложного слова, ср., например: *triṣadhasthá-* adj. 'имеющий три сиденья', n. 'три сиденья' (Агни); *durmati-* f. 'злонамеренность', adj.m. 'злонамеренный' и др.

Если у слов бахувриxи первый член выражен именем, то наиболее часто это бывает прилагательное, находящееся в отношении определения к последующему существительному, например: *dīrghā́yus-* 'имеющий долгий срок жизни', *mádhudhara-* 'струящий сладость', *pṛ́çnigo-* 'имеющий пестрых коров', *nílaçikhaṇḍa-* (АВ) 'с темным пучком волос' и др. В словах с *purú-* на первом месте ударение обычно падает на последний член слова, например: *purudáṃsa-* 'совершающий многие чудесные деяния', *puruvā́ra-* 'имеющий пушистый хвост' и др. В единичных случаях прилагательное стоит после существительного, например, *(pitṝ́n) yamáçreṣṭhān (brūmás)* (АВ, XI,6,11) '(Мы призываем отцов) с Ямой во главе'. В этой роли может выступать также местоименное прилагательное, например: *sárvavīra-* 'имеющий целых мужей', *viçvámanus-* 'существующий для всех людей', *svávṛṣṭi-* 'удерживающий дождь для себя' и др.; или числительное (адъективный вариант двигу), например: *ékapad-* 'одноногий', *caturakṣá-* 'четырехглазый', *sahásraparṇa* 'с тысячей перьев' (о стреле) и др. Если в качестве первого члена выступают *dvi-* или *tri-*, то ударение падает на второй член, например: *dvijā́ni-* 'имеющий двух жен', *dvimā́tar-* 'произошедший от двух матерей', *tridhā́tu-* 'состоящий из трех частей', *trivárūtha-* 'дающий троякую защиту' и др.

Среди слов бахувриxи, состоящих из двух существительных, нередко встречается отношение приложения, например: *áçvaparṇa-* 'тот, у кого кони-крылья', *marútsakhi-* 'тот, кому Маруты — друзья', *índraputrā-* (АВ) 'та, кому Индра — сын', *ukṣā́nna-* 'тот, чья еда — быки' и др. Большую группу составляют слова, находящиеся в отношении падежного управления,

например: *vyāghrápratīka-* 'имеющий облик тигра', *hiraṇyavarṇa-* 'цвет золота', *kṣatraçrí-* 'придающий блеск власти', *yajñávanas-* 'находящий радость в жертвоприношении' и др. Преобладает отношение родительного падежа.

Группу именных слов бахуврихи составляют сочетания с наречием-префиксом, адъективным префиксом или частицей в качестве первого члена. Ударение падает обычно на наречие-префикс, например: *ádhyakṣa-* 'надзиратель', букв. 'направивший глаз на (что-либо)', *ádhivastra-* 'носящий одежду', *ápavrata-* 'лишенный обета', *abhíkratu-* 'сверхсильный', *nírmāya-* 'лишенный обмана', *vírūpa-* 'разноцветный' и др.

В случае, если первым членом является частица *a-/an-* или адъективные префиксы *su-*, *dus-*, ударение падает на второй член, например: *aphalá-* 'бесплодный', *abandhaná-* 'не имеющий привязи', *suhásta-* 'с прекрасными руками', *suhiraṇyá-* 'с красивым золотым украшением', *durṇā́man-* 'с дурным именем', *durvā́sas-* 'плохо одетый' и др. Встречаются и акцентные нерегулярности типа *súsnuṣa-* 'имеющий хорошую сноху' и др.

У слов бахуврихи, первым членом которых является причастие на *-ta-*, ударение падает обычно на первый член, например: *kṛtábrahman-* 'у кого сотворена молитва', *iṣṭávrata-* 'послушный желанию', *ámītavarṇa-* 'у кого цвет не изменился' и др.

Существует особая группа слов бахуврихи, у которых первый член представлен причастием настоящего времени на *-át-* с ударением на гласном суффикса, а второй член — существительным со значением прямого объекта по отношению к действию, выраженному причастием. Эта группа слов выделяется своей семантикой в том отношении, что первый член в ней управляет вторым, например: *kṣayádvīra-* 'правящий мужами', *guhádavadya-* 'скрывающий ошибки', *yātayájjana-* 'объединяющий людей' и др. В отдельных случаях, как в аномальном *sādádyoni-* 'сидящий в лоне', глагол непереходный, и падежное управление в связи с этим иное.

Согласно индийской грамматической традиции, принято выделять в особый тип сложных слов те слова кармадхарая, которые в тексте функционируют как неизменяемые слова, представленные застывшей, наречной формой винительного (редко инструментального) падежа. Таким образом, здесь, как и в отношении типа бахуврихи, применяется внешний, синтаксический критерий для выделения типа сложных слов. Их индийское название — *авьяйибхава* (*avyayībhāva* 'имеющие неизменяемую природу'). Первым членом является наречие-предлог или просто наречие, управляющее вторым членом. Ударение, как у наречий, бывает обычно на последнем слоге, например: *anukā́mam* 'по желанию', *anupū́rvam* 'в порядке очереди', *adhaspadám* 'под ногами', *pratidoṣám* 'к вечеру', *pratikā́mam* 'по желанию', *yathākā́mam* id., *yathākṛtám* 'по обычаю', *yathāparú* 'по суставам' и др. Эти слова немногочисленны в ведийском языке. Поскольку падежные окончания не являются критерием при установлении типа сложных слов (в данном случае A.adv.), и кроме того некоторые из этих основ — во всяком случае в РВ — могут помимо наречной формы встречаться и в виде изменяемых прилагательных [ср. *víçvā hí martyatvanánukāmá* (VIII,92,13) 'ведь все (произошло) по обычаю людей в соответствии с желанием' (N.pl.)], нет оснований выделять эти слова в отдельный тип.

В ведах встречаются отдельные сложные слова, не моделируемые ни одним из перечисленных выше типов. Они эквивалентны целому предложению. Вот некоторые примеры: *ahamuttaréṣu* (AB, IV,22,1) 'в делах превосходства' (букв. 'в делах: «я — высший»'), *tadídarthāḥ* (РВ, VIII,2,16) 'прямо идущие к цели' (букв. 'вот и цель') и др.

ИМЯ

Класс имени в ведийском языке характеризуется на морфологическом уровне пересечением трех грамматических категорий: рода, числа и падежа. В зависимости от особенностей выражения этих категорий в пределах класса имени различаются подклассы существительных, прилагательных, числительных, местоимений. Для основных, наиболее типичных подклассов — существительных и прилагательных — релевантны все три грамматические категории. Некоторые разряды местоимений и числительных характеризуются двумя или даже одной грамматической категорией: категория числа не свойственна в принципе числительным, категорию рода не выражает большинство количественных числительных и личные местоимения. Таким образом, наиболее экстенсивной в классе имени, включая все его подклассы, является категория падежа.

Категория рода в ведийском языке складывается из противопоставления трех граммем: мужского (m.), женского (f.) и среднего (n.) рода. В структуре оппозиций этих трех граммем существует определенная иерархия. Граммема среднего рода противостоит граммемам мужского и женского рода, вместе взятым, как обладающая признаком неодушевленности в противоположность одушевленным (или во всяком случае потенциально способным выражать одушевленность). Среди граммем, обладающих одушевленностью, женский род отождествляется как обладающий признаком феминальности в отличие от мужского рода, лишенного этого признака. В результате маркированным членом первой оппозиции оказывается средний род, второй оппозиции — женский (табл. 3).

Таблица 3

Идентификация граммем рода

Признак \ Граммема	m.	f.	n.
Неодушевленность	—	—	+
Феминальность	—	+	0

Иерархия оппозиций граммем рода косвенно находит свое выражение в дистрибуции граммем рода среди отдельных типов именных основ. Наряду с типами основ, способными выражать все три рода (корневые, на *-i*, на *-u-*), и типами основ, выражающими один род исключительно (производные на *-ā-* и на *-ū-* f.) или преимущественно (на *-ī-* f., изредка m.; на *-s-* n., отдельные случаи m. и f.), есть типы основ, регулярно объединяющие значение двух граммем рода (на *-a-*, *-an-* m., n.; на *-ar-* m., f.). При этом нет типа основ существительных, в которых объединялись бы граммемы женского и среднего рода без мужского (т. е. граммемы, обладающие дифференциальным признаком со знаком «плюс»), и нет также типа основ, который обладал бы только одной граммемой мужского рода (т. е. немаркированной граммемой).

Специфика категории рода заключается в том, что разные подклассы имени связаны с ней в неодинаковой степени. Наиболее полно эту категорию выражают существительные и прилагательные (которые вообще не различаются в ведийском языке ни структурой основы, ни набором основных грамматических категорий). У существительных категория рода, семантически самостоятельная, является классифицирующей, т. е. каждое данное слово связано только с одним родом, и выбора рода для него нет. Что же касается прилагательных (а также местоимений и числительных адъективного типа), то здесь категория рода словоизменительная, т. е. каждое данное слово имеет возможность выбора рода и изменяется по родам (как по числам и падежам), однако род для него обусловлен синтаксически и определяется согласованием с соответствующим существительным. Таким образом, у тех подклассов имени, где категория рода формально наиболее четко выражена, она бывает зависимой, синтаксической, а там, где она реализуется формально менее отчетливо, она независима и соотнесена с лексическим значением слова (являясь тем самым лексико-грамматической категорией).

Формально категория рода выражена отчасти противопоставлением типа основы, отчасти противопоставлением типа флексии. Формальным признаком флексии среднего рода является совпадение двух падежей — именительного и винительного — во всех числах. Основы женского рода в ведийском языке имеют тенденцию к выработке особых, «усиленных» окончаний в ряде падежей. Таким образом, обе граммемы рода, наделенные дифференциальным признаком со знаком «плюс», имеют специальные формальные характеристики.

Категория числа складывается из противопоставления трех граммем: единственного, двойственного и множественного, идентифицируемых с помощью двух пар дифференциальных признаков: «множественность—немножественность» и «парность—непарность». Парность предполагает возможность участия предмета

в паре, состоящей из двух однородных или разнородных предметов, например: *açvínā* 'два Ашвина', *bahú* 'две руки', *ródasī* 'два мира' (='небо и земля'), *hárī* 'два коня (бога)' и др. Множественное число идентифицируется как обладающее признаками множественности и непарности, единственное — как обладающее признаками немножественности и непарности. Для граммемы двойственного числа иррелевантна оппозиция по признаку множественности. Эта граммема идентифицируется как парная (табл. 4).

Таблица 4

Идентификация граммем числа

Признак \ Граммема	sg.	du.	pl.
Множественность	—	0	+
Парность	—	+	—

Немаркированным членом в обеих оппозициях оказывается граммема единственного числа, противостоящая маркированным граммемам двойственного и множественного числа.

Формально категория числа выражается флексией, одновременно передающей значение категории рода и падежа. Характер сочетания категории числа с категорией падежа обуславливает тип формальных противопоставлений граммем падежа. Максимальная схема падежных противопоставлений реализуется в единственном числе (семь граммем). Редукция этой схемы по крайней мере на один шаг (а в зависимости от типа основы и на два шага) происходит во множественном числе. Еще бóльшая степень редукции, в результате которой семичленная схема противопоставлений сводится к трехчленной, характеризует двойственное число.

Случаи нейтрализации категории числа встречаются в ведийском языке у существительных среднего рода, когда с флексией единственного числа связывается значение множественного (что видно из согласования с прилагательным или с глаголом), например: *amŕtāni nā́ma* (X,123,4) 'бессмертные имена', *tríṇi sárāṃsi mádhu* (VIII,7,10) 'три медовых озера' и др.

Категория падежа складывается из противопоставления семи граммем: именительного (N.), винительного (A.), творительного (I.), дательного (D.), отложительного (Abl.), родительного (G.) и местного (L.)[1], идентифицируемых с помощью трех пар дифференциальных признаков: «направленность—ненаправленность», «объемность—необъемность», «периферийность—неперийферийность». Признак направленности указывает на направление к предмету (A., D.) или от предмета (Abl.), признак объемности — на возможность участия предмета в данном высказывании в определенном объеме (G., L.), признак периферийности — на побочную роль, предназначенную для предмета в данном высказывании (I., D., Abl., L.).

[1] Порядок перечисления падежей взят из индийской грамматической традиции, где их не называют, а нумеруют от первого до седьмого в данной последовательности.

Граммема N. складывается из пересечения дифференциальных признаков ненаправленности, необъемности и непериферийности (т. е. три знака «минус») и, таким образом, всегда выступает как немаркированный член в оппозиции с любым падежом. В противоположность ей граммема L. образуется пересечением дифференциальных признаков направленности, объемности и периферийности (т. е. три знака «плюс»), вследствие чего всегда функционирует в качестве маркированного члена в оппозиции с любым падежом. Между этими двумя полюсами расположены остальные падежи ведийской парадигмы. Граммема A. состоит из пересечения признаков направленности, необъемности, непериферийности, I.— из ненаправленности, необъемности, периферийности, G.— из ненаправленности, объемности, непериферийности (объем каждого из этих трех падежей складывается из одного знака «плюс» и двух знаков «минус»). D. образуется пересечением признаков направленности, необъемности, периферийности, а Abl.— пересечением признаков направленности и периферийности при иррелевантности оппозиции объемности (эти два падежа объединяются наличием двух знаков «плюс», притом что D. имеет третий знак — «минус», а Abl.— «ноль»). По сравнению со всеми прочими падежами Abl. имеет на один знак меньше (табл. 5); ср. в плане дистрибуции тенденцию к формальному совпадению этого падежа с каким-нибудь другим (с G. в sg. во всех парадигмах, кроме одной, с I., D. в du., с D. в pl.).

Таблица 5

Идентификация граммем падежа

Признак \ Граммема	N.	A.	I.	D.	Abl.	G.	L.
Направленность	—	+	—	+	+	—	+
Объемность	—	—	—	—	0	+	+
Периферийность	—	—	+	+	+	—	+

Указанные здесь значения граммем падежа являются инвариантами по отношению к преобразованиям в тексте. Следует привести также краткий перечень основных вариантов значений, засвидетельствованных у этих граммем в ведийских текстах[2].

[2] Подробнее см. в разделе «Синтаксические структуры» и в специальной литературе, приведенной в «Избранной библиографии».

N. имеет следующие основные варианты значений в тексте: субъекта (*uṣá yāti* 'Ушас идет', *mitró jánān yātayati* 'Митра объединяет людей', *paktíḥ pacyáte* 'кушанье варится'); именной части предиката (*nárya asi* 'ты еси женщина', *tánūnápād ucyate gárbha āsuró* 'Танунапатом зовется отпрыск асуров').

Для A. характерны следующие основные варианты значений: прямого объекта при переходном глаголе (*áhann áhim* 'он убил змея'), сюда включаются также случаи внутреннего объекта (*ávocāma vácaḥ* 'мы произнесли речь'); непрямого объекта при глаголах говорения и других (*tvā́m iye bhágam* 'я прошу тебя о счастье'); цели при глаголах движения (*mā́ kṣétrāṇy áraṇāni ganma* 'да не уйдем мы в чужие страны', *yóṣām abhy èti* 'он идет к девушке'); цели (*pratyáñ víçvāni bhúvanāni* 'обращенный ко всем существам'); времени (как протяженности) (*áhāni víçvā tatánanta kṛṣṭáyaḥ* 'все дни распространялись народы').

I. характеризуется следующими основными вариантами значения: орудия или средства действия (*chindhí padā́* 'раздроби ногой', *tā́ṃ tvāhema matíbhir gīrbhír ukthaíḥ* 'тебя мы хотим подбадривать молитвами, песнями, восхвалениями'), нередко здесь встречаются образования от одного корня (*ījé yajñébhiḥ çaçamé çámībhir...* 'он пожертвовал жертву, отслужил службу'); деятеля при глаголе с пассивным значением (*agnír víprebhir astoṣṭa* 'Агни прославлен вдохновенными'); социативности (*marúdbhiḥ sómam piba* 'пей сому вместе с Марутами'); причины, основания (*ácittī yác cakṛmā́ dīnair dákṣaiḥ prábhūtī puruṣatvátā* 'если по неразумию мы совершили [проступок], от слабых сил, от власти, от человеческой природы...'); времени (*nā́kaṃ rakṣethe dyúbhir aktúbhir* 'вы двое охраняете небосвод днями и ночами'); места (*eṣi pathíbhiḥ sugébhiḥ* 'ты идешь удобными путями').

Основные варианты значения D. следующие: косвенный (второй) объект при глаголе (*sá viçé dāti váryam* 'он дает племени лучшее', *yajñā́ṃ devébhyaḥ prativedáyan* 'провозглашающий жертву богам', *tébhyo agnibhyo hutám astv etát* 'тем огням да будет это жертвенное возлияние'); лицо, в интересах которого совершается действие (*sunuténdrāya sómam* 'выжимайте сому для Индры'); цель (*muñcámi tvā jī́vanāya* 'я освобождаю тебя для жизни', *kṛṇvānáso amṛtatvā́ya gātúm* 'приготавливающие путь к бессмертию').

Для Abl. характерны следующие основные варианты значения: отправной точки в пространстве (*ā́ yātv índro divá ā́ pṛthivyā́ makṣú́ samudrā́d utá vā púrīṣāt* 'пусть тотчас же придет Индра с неба, с земли, из океана или же из первоначального источника'); отделенности, отчужденности (*mṛtyór mukṣīya mā́mṛtāt* 'я хотел бы освободиться от смерти, не от бессмертия', *pāhí durităd* 'защити от зла', *tvád bhiyā́* 'из страха перед тобой'); причины (*ádha svanā́n marútām árejanta prá mā́nuṣāḥ* 'тогда от рева Марутов затряслись люди'); сравнения (*nákir indra tvád úttaro* 'никто, о Индра, не выше тебя').

G. характеризуется следующими основными значениями: посессивности (*vṛ́çcikasya viṣám* 'яд скорпиона', *bhrā́taro marútas táva* 'Маруты — твои братья'); субъектности (*devásya çlókam savitúr* 'крик бога Савитара'); объектности (*váruṇasya vratā́ni* 'обеты Варуны'); партитивности (*prathamó yajñíyānām* 'первый из достойных жертв', *pātám páyasa usríyāyāḥ* 'испейте вы двое молока коровы'); косвенного объекта (*asyá priyó jaritā́* 'ему приятен певец'), прямого объекта при некоторых глаголах (*tásya veda* 'он знает это', *çyāvā́çvasya çrṇu* 'услышь Шьявашву'); времени (*aktós* 'ночью', G.-abs. *asyá hiyānásya dákṣoḥ* 'когда он мчится, чтобы гореть').

Основные варианты значения L. таковы: место действия (*sá sumnáṃ yakṣate divi* 'пусть он испросит милость на небе'), понимаемое очень широко не только в прямом, но и в переносных смыслах (*sómasya máde* 'в опьянении сомой', *svápne* 'во сне', *devā́nāṃ sumataú* 'в милости у богов', *bhadré saumanasé syāma* 'да будем мы в большой радости'); направление действия (*tváṃ tám agne amṛtatvá uttamé mártaṃ dadhāsi* 'ты, о Агни, помещаешь в высшее бессмертие этого смертного'), в том числе цель при глаголах движения (*varmí yáti samádām upásthe* 'прикрытый щитом идет в лоно битв'); время (*saṃvatsaré* 'в течение года', *dyávi-dyavi* 'изо дня в день', а также в L. abs. *triṣandheḥ sénayā jité* 'когда армия Тришандхи победит'); изъявительность (*kadā́ nv àntár váruṇe bhuvāni* 'когда же я стану близким в отношении Варуны?'); косвенный объект (*yáço asmā́su dhehi* 'дай нам славу', *sá tváṃ na indra sā́rye só apsv ànāgāstvá ā́ bhaja jīvaçaṃsé* 'приобщи ты нас, Индра, к солнцу, водам, безгрешности, к речи живых') и др. Вообще L. помимо указанных здесь значений способен широко дублировать значения всех остальных граммем падежа вплоть до N. (в абсолютных конструкциях типа *jāté agnaú* 'когда родился Агни').

От граммем падежа принципиально отличается звательная форма (V.), которая, выражая ориентацию на адресата высказывания, принадлежит к совсем иной плоскости, чем падежная система, которой звательная форма противостоит в целом (различие между дескриптивной и апеллятивной функцией языка). По индийской грамматической традиции, звательная форма также не считалась падежом. Особая форма V. существует только в единственном числе, в двойственном числе V. совпадает по форме с N. и A., во множественном числе — с N.

В акцентном плане V. трактуется совсем иначе, чем падежи. Характер ударения именной падежной формы зависит от морфологических факторов, в то время как для V. он определяется исключительно синтаксическими причинами — местом этой формы в предложении. В начале предложения или пады V. имеет уда-

рение на первом слоге независимо от словарного ударения основы, в то время как в середине предложения или пады V. всегда бывает безударным, например: *ágne sukhátame ráthe devā̃ṁ ī̱ḷitá ā́ vaha* 'О Агни, на легчайшей колеснице привези богов' (I,13,4) и *súsamiddho na ā́ vaha devā̃ṁ agne haviṣmate* 'Прекрасно зажженный, привези нам богов, о Агни, к жертвователю' (I,13,1). Следует отметить, что V. как самостоятельная форма характерен только для подклассов существительных и прилагательных; он отсутствует у местоимений и числительных.

Притом что V. не является падежом, для практического удобства описания чередований в разных типах основ V. будет рассматриваться вместе с падежной парадигмой.

Как было отмечено выше, различение семи граммем падежа является максимальной схемой, которая реализуется в немногих парадигмах, все остальные типы парадигм представляют собой разные степени редукции этой максимальной схемы.

Семичленная парадигма реализуется у имен существительных и прилагательных мужского рода с основой на *-a-* (самый продуктивный тип) в единственном числе. Тот же тип различения падежей существует в парадигме личных местоимений единственного и множественного числа (*ahám* 'я', *tvám* 'ты', *vayám* 'мы', *yū́yám* 'вы') и в парадигме единственного числа мужского рода некоторых указательных местоимений (*sá-/tá-* 'он', 'тот', *eṣá/etá-* 'этот', *ayám* 'этот', *asaú* 'тот'), а также вопросительного местоимения *ká-* 'кто?' и относительного *yá-* 'кто', ориентирующихся на парадигму *sa-/tá-* (схема 3, тип I).

Шестичленная парадигма представлена тремя вариантами. Противопоставление по направленности между N. и A. снимается в парадигме среднего рода единственного числа основ на *-a-*, а также в парадигмах указательных местоимений среднего рода единственного числа (*tád* 'оно', 'то', *etád* 'это', *idám* 'это', *adás* 'то'), а также у вопросительного *kím* 'что?' и относительного *yád* 'что' (схема 3, тип II). Следует отметить, что вообще у любого типа основ, объединяющего мужской и средний род, парадигма среднего рода различает на одну форму меньше, чем соответствующая парадигма мужского рода.

Другой вариант шестичленной парадигмы — это случай нейтрализации оппозиций по направленности и периферийности между Abl. и G. в единственном числе всех парадигм существительных и прилагательных одушевленных родов (т. е. m. и f.), кроме основ на *-a-*, а также в парадигмах единственного числа женского рода указательных, вопросительного и относительного местоимений (схема 3, тип III).

Третий вариант шестичленной парадигмы заключается в нейтрализации признака объемности между D. и Abl. во множественном числе всех парадигм одушевленных родов класса имени, кроме личных местоимений (схема 3, тип IV).

Пятичленная парадигма падежных противопоставлений засвидетельствована двумя вариантами. Один из них можно описать как результат контаминации типов II и III, т. е. нейтрализуются различия между N. и A., G. и Abl. Этот тип представлен во всех парадигмах единственного числа среднего рода существительных и прилагательных, кроме основ на *-a-* (схема 3, тип V).

Другой вариант пятичленной парадигмы можно описать как результат контаминации типов II и IV, т. е. нейтрализуются противопоставления N.—A. и D.—Abl. в парадигмах множественного числа всех существительных, прилагательных, числительных и указательных, вопросительных и относительных местоимений среднего и женского рода (схема 3, тип VI).

Трехчленная парадигма падежных противопоставлений, в которой сняты противопоставления N.—A., I.—D.—Abl. и G.—L., представлена в двойственном числе у всех существительных, прилагательных, местоимений, а также у числительного *dvaú* 'два' (схема 3, тип VII).

Схема 3

Нейтрализация противопоставлений граммем падежа

Тип I

N.	A.			
I.	D.	Abl.	G.	L.

Тип II

N.	A.			
I.	D.	Abl.	G.	L.

Тип III

N.	A.			
I.	D.	Abl.	G.	L.

Тип IV

N.	A.			
I.	D.	Abl.	G.	L.

Тип V

N.	A.			
I.	D.	Abl.	G.	L.

Тип VI

N.	A.			
I.	D.	Abl.	G.	L.

Тип VII

N.	A.			
I.	D.	Abl.	G.	L.

От перечисленных типов редукции семичленной парадигмы следует отличать случаи дефектных парадигм, которые засвидетельствованы у некоторых местоимений. Здесь речь идет о принципиально ином явлении, поскольку дефектны энклитики — безударные варианты, дублирующие отдельные падежи акцентуированной парадигмы полных форм у личных местоимений, и отдельные падежи энклитического местоимения *ena-* 'он', 'она', 'оно' [в РВ один раз в начале пады встречается акцентуированная форма A.sg.f. *enā́m* (VIII,6,19)].

Единичный случай недифференцированного употребления в функции разных падежей основы среднего рода *svàr-* 'небо' [N., A., D., G., L. наряду с отдельными флективными формами: G. *sū́ras* и D.(?) *sū́re*] выпадает из системы.

На основании существования разных типов редукции максимальной схемы противопоставления граммем падежа в ведийском языке можно сделать некоторые выводы относительно иерархии отдельных граммем. Самыми устойчивыми являются I. и L., совпадающие с другим падежом только в одном типе парадигм (тип VII). Меньшей степенью устойчивости обладает G., совпадающий в трех типах парадигм (типы III, V, VII). Еще менее устойчивы N. и A., которые совпадают в четырех типах парадигм (типы II, V, VI, VII). Наконец, наименее устойчив из всех падежей Abl., совпадающий в пяти типах парадигм (III, IV, V, VI, VII). Таким образом, нет ни одного падежа, который не совпадал бы с каким-нибудь другим падежом, хотя бы в одном типе парадигм. В результате того, что каждый падеж совпадает лишь с определенными падежами, возможно разбиение падежей на два непересекающихся класса. Один класс составляют N. и A., другой — I., Abl., D., G., L. При этом во втором классе I. совпадает с совокупностью падежей D.—Abl., I. и L. совпадают с другими падежами в одной и той же парадигме, в парадигме минимального различения граммем падежа, в которой нет ни одного падежа, не совпадавшего бы с каким-нибудь другим.

Для построения парадигмы склонения имен в ведийском языке необходимо иметь информацию о склоняемом имени по следующим параметрам:

1) тип основы
   а) конечный элемент основы,
   б) корневой или производный характер основы;
2) тип флексии;
3) тип ударения;
4) тип морфологических изменений конечного элемента основы.

Эти характеристики оказываются необходимыми и достаточными для склонения имен в ведийском языке. Информация о грамматическом роде заключена бывает или в пункте 1), или в пункте 2). В ряде случаев тип флексии автоматически определяется типом основы, но это бывает не всегда, например, если

имеется производная основа на *-ā-*, то это предполагает однозначный выбор флексии женского рода определенного типа. Тип ударения (подвижное—неподвижное) может автоматически вытекать из типа основы или типа флексии, но может быть и вполне самостоятельным (например, при одном типе основ и одном типе флексии возможны два разных типа акцентных парадигм: *bhávant-* — A.sg. *bhávantam*, I.sg. *bhávatā* с колонным ударением и *tudánt-* — A.sg. *tudántam*, I.sg. *tudatā́* с подвижным ударением). Наконец, тип морфологических изменений конечного элемента основы, обычно предсказуемый на основании остальных параметров, может быть и независимым от них (например, *pitár-* — N.pl. *pitáras*, *svásar-* — N.pl. *svásāras*, *dātár-* — N.pl. *dātā́ras*).

ИМЕНА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ И ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ

Склонение имен существительных и прилагательных заключается в их изменении по падежам и числам. Прилагательные изменяются также по родам, у существительных род фиксирован. Прилагательные формально не отграничены от существительных: имеют те же типы основ и флексии. Притом что некоторые типы основ являются адъективными или субстантивными по преимуществу, из-за многочисленных случаев субстантивизации и адъективизации (существительное, употребляющееся как последний член сложных слов типа бахуврихи) принципиальной границы между существительными и прилагательными нет.

Ведийское именное склонение характеризуется следующими окончаниями (указываются без учета соединительных элементов):

sg.	N.	*-s*	(одушевленный род основ на краткий гласный, производных основ на *-ā-* и отчасти на *-ī-*, корневых основ на гласный);
		-#	(средний род, кроме основ на *-a-*, большинство производных основ женского рода на *-ā-* и на *-ī-*, основы на согласный);
		-m-	(основы на *-a-* среднего рода).
	A.	*-m-*	после гласного */-am* после согласного (одушевленный род);
		=N.	(средний род).
	I.	*-ā*	(кроме большинства основ на *-a-*);
		-ena	(большинство основ на *-a-*);
		-#	(некоторые основы женского рода на *-i-* и на *-ā-*).
	D.	*-e*	(кроме основ на *-a-* и на *-ā-*);
		-ai	(гласные основы женского рода);

		-āya	(основы на *-a-*).
	Abl.	*-āt*	(основы на *-a-*);
		-s	после гласного */-as* после согласного (кроме основ на *-a-* и на *-ā-*);
		-ās	(гласные основы женского рода).
	G.—Abl.	*-as*	(кроме основ на *-a-*);
		-sya	(основы на *-a-*).
	L.	*-i*	(основы на согласный и на *-a-*);
		-ām	(гласные основы женского рода);
		-#	(основы на *-i-*, *-u-*, некоторые основы на *-an-*).
	V.	*-#*	(кроме основ на *-ā-*);
		-i	(основы на *-ā-*).
du.	N.—A.—V.	*-au*	перед гласными */-ā* перед согласными и перед паузой (одушевленный род, кроме основ на *-ā-*, *-i-*, *-u-*);
		-ī	(основы на *-ā-* и средний род остальных основ);
		-#	(основы на *-i-*, *-u-* одушевленного рода).
	I.—D.—Abl.	*-bhyām*	
	G.—L.	*-os*	
pl.	N.	*-as*	(одушевленный род);
		-asas	(вариант у основ на *-a-* одушевленного рода);
		-i	(средний род согласных основ);
		-#	(средний род гласных основ).
	A.	*-as*	(одушевленный род согласных основ, кроме основ на *-tar-*);
		-n	(мужской род гласных основ и основ на *-tar-*);
		-s	(женский род гласных основ и основ на *-tar-*);
		=N.	(средний род).
	I.	*-bhis*	
		-ais	(вариант у основ на *-a-*).
	D.—Abl.	*-bhyas*	
	G.	*-ām*	
	L.	*-su*	

Для ведийского склонения характерно наличие вариантов окончаний для целого ряда сочетаний граммем, например: *devaís/devébhis* — I.pl. от *devá-* 'бог', *purú/purā́/purṹṇi* — N.pl.n. от *purú-* 'многий' и др. Возможны варианты форм при одном окончании, но разных способах его присоединения к основе, например: *mádhunas/mádhvas* — G.sg.n. от *mádhu-* 'мед'.

Между конечным словообразующим элементом и окончанием в некоторых формах парадигмы склонения могут встречаться соединительные элементы *-n-* (преимущественно в формах среднего рода, а также в I.sg. и G.pl. производных основ на гласный и основ на *-tar-*, в I.sg. ряда гласных основ), *-y-* (в ряде форм женского рода основ на *-ā-* и корневых основ на *-ī-*) и *-s-* (в ряде форм у основ на *-a-* и на *-ā-* местоименного типа).

Тип ударения служит одним из параметров, по которым различаются парадигмы склонения в ведийском языке. С точки зрения акцентуации ведийские падежи делятся на два класса: сильные и слабые. В сильных падежах ударение падает на основу (т. е. на корневой гласный или на гласный основообразующего суффикса), в слабых падежах — на окончание. Сильными падежами являются N., A.sg. и du., N.pl. одушевленного рода и N.—A.pl. среднего рода, слабыми — остальные, например: N.sg. *pā́d*, A.sg. *pā́dam*, N.—A.du. *pā́dau*, но I.sg. *padā́*, A.pl. *padás*, L.pl. *patsú* и т. д. от основы *pad-* 'нога'; N.sg. *sán*, A.sg. *sántam*, N.—A.du. *sántā*, N.pl. *sántas*, но I.sg. *satā́*, D.sg. *saté*, A.pl. *satás* и т. д. Передвижение ударения при склонении встречается только среди окситонированных основ (включая корневые).

Парадигмы с подвижным ударением лучше всего засвидетельствованы в ведийском языке среди корневых основ. Наиболее частый случай акцентных отклонений в этих парадигмах представляет собой A.pl., когда он имеет ударение на корне, как, например, *dvā́ras* от *dvā́r* 'дверь', *púras* от *púr-* 'крепость', *víças* от *víç-* 'племя' и др., в качестве единственной акцентной формы или как вариант, например: A.pl. *ā́pas* (со ступенью вриддхи) и *apás* от *áp-* 'во́ды', *drúhas* и *druhás* от *drúh-* 'демон' и др.

Парадигму с подвижным ударением имеют основы на *-añc-*, входящие в состав корневых, например: N.sg. *pratyáṅ*, A.sg. *pratyáñcam*, I.sg. *pritīcā́*, N.pl. *pratyáñcas*, A.pl. *pratīcás* и т. д. от основы *pratyáñc-* 'обращенный назад', 'западный', а из производных основ основы на *-ant-*, например: A.sg. *yántam*, D.sg. *yaté*, N.pl. *yántas*, A.pl. *yatás* и др. от основы *yánt-* 'движущийся'. Парадигмы с подвижным ударением противостоят парадигмам с неподвижным ударением в пределах одного и того же типа основ, например, парадигме *pratyáñc-* противостоит парадигма с неподвижным ударением от *víṣvañc-* 'обращенный в разные стороны': N.sg. *víṣvaṅ*, N.pl. *víṣvañcas*, L.du. *víṣūcos*, A.pl. *víṣūcas* и др., парадигме *yánt-* — парадигма с неподвижным ударением от *bhávant-* 'сущий': N.sg. *bhávan*, A.sg. *bhávantam*, G.sg. *bhávatas* и др.

Другой тип передвижения ударения при склонении связан с фонетическими причинами: с консонантизацией конечного глайда или слогового сонанта основы перед окончаниями, начинающимися с гласного, в окситонированных основах на *-i-*, *-ī-*, *-u-*, *-ṛ-*,

например: G.sg. *aryás* — N.sg. *arís* от *arí-* 'благочестивый', G.sg. *paçvás* — N.sg. *paçús* от *paçú-* 'скот', N.sg. *dātā́*, A.sg. *dātā́ram* — I.sg. *dātrā́*, D.sg. *dātré* (но I.pl. *dātr̥bhis*, D.—Abl.pl. *dātr̥bhyas* и т. д.— так называемые средние падежи); или с синкопой гласного суффикса перед окончаниями, начинающимися с гласного, у основ на *-an-* например: I.sg. *mūrdhnā́*, D.sg. *mūrdhné* — N.sg. *mūrdhā́*, A.sg. *mūrdhā́nam* и т. д. от *mūrdhán-* 'голова'. Тип акцентуации здесь может служить одним из средств различения парадигм; ср. парадигму *mūrdhán-* и парадигму *ātmán-* 'дух': N.sg. *ātmā́*, A.sg. *ātmā́nam*, I.sg. *ātmánā*, D.sg. *ātmáne* и т. д.

Третий тип передвижения ударения встречается у окситонированных основ на *-i-*, *-u-*, *-r̥-*, *-an-* и у производных основ на *-ī-*, у которых одно определенное окончание — G.pl.— всегда стоит под ударением, нарушая тем самым колонный характер ударения данной парадигмы, ср. G.pl. *agnīnā́m* в отличие от D.—Abl. *agníbhyas* и т. д.

Об особом характере ударения V. говорилось выше (см. с. 195—196).

Со структурой именной основы связаны особенности ее склонения. Существенным, с этой точки зрения, является корневой или производный характер основы, что связано с отсутствием или наличием словообразовательного суффикса. Другим критерием разделения основ является характер конечного элемента основы. В зависимости от того, оканчивается ли основа на согласный или на гласный звук, различаются два больших класса склонения, каждый из которых обладает некоторыми особенностями (у согласных основ их больше, в то время как разные типы гласных основ свидетельствуют значительное разнообразие: влияние местоименной парадигмы на склонение основ на *-a-*, наличие особой «усиленной» флексии у гласных основ женского рода и пр.).

Если конечным элементом основы является фонема-глайд, то морфологически такая основа может трактоваться двояко. Основы на краткие *-i-* и *-u-* трактуются при склонении как гласные. Лишь отдельные формы у некоторых основ образованы по согласному типу, например, G.sg. *ávyas* от *ávi-* 'овца' и др. Основы же на долгие *-ī-* и *-ū-* большей частью склоняются по гласному типу производных основ, как *devī́-* 'богиня' и *vadhū́-* 'невеста', но в ряде случаев могут принадлежать парадигме корневых основ: склонение типа *vr̥kī́-* f. волчица, *rathī́-* m. 'колесничий', *tanū́-* f. 'тело' и др. (т. е. флексия класса согласных основ, акцентная парадигма типа корневых основ).

Если конечным элементом основы является фонема — носовой сонант *-n-* (основы на *-an-*, *-man-*/*-van-*, *-in-*), то по типу склонения основа всегда трактуется как согласная.

Если конечным элементом основы является фонема — плавный сонант *-r-* (основы на *-r-*/*-r̥-* и на *-tar-*/*-tr̥-*), то парадигма склонения такой основы сочетает черты обоих классов, гласного и согласного. По характеру флексии эти основы аналогичны гласным основам на *-i-*, *-u-*, а по характеру чередования основы они принадлежат к классу согласных основ (в котором и будут здесь рассматриваться).

Еще одним критерием разбиения основ при склонении является их изменяемость—неизменяемость. Изменяемые основы претерпевают при склонении чередование гласного в корне или в суффиксе, неизменяемые основы сохраняют одну и ту же ступень корневого или суффиксального гласного через всю парадигму.

Классы основ, получаемые с помощью этих трех принципов разбиения (корневые—суффиксальные, согласные—гласные, изменяемые—неизменяемые) не налагаются друг на друга. Изменяемыми, правда, бывают преимущественно согласные и корневые основы, но одно-однозначного соответствия здесь нет.

Чередование гласных, происходящие в изменяемых основах при склонении в ведийском языке, связаны с перемещением ударения при склонении. Для периода самхит между ступенью чередования гласного и местом ударения не существует одно-однозначного соответствия. Здесь возможны три типа соотношения.

1) Передвижению ударения в сильных и слабых падежах соответствует чередование гласных, например, A.sg. *pā́dam* — I.sg. *padā́*. Противоположный вариант этой ситуации (со знаком «минус») представлен в тех случаях, когда тоже наблюдается соответствие между передвижением ударения и чередованием гласных: нет ни того, ни другого, что бывает у неизменяемых основ с неподвижным ударением, например, A.sg. *devám* — I.sg. *devéna* от *devá-* 'бог'.

2) Передвижению ударения не соответствует чередование гласных, т. е. передвижение ударения есть, а основа является неизменяемой, например, A.sg. *vā́cam* — I.sg. *vācā́* от *vā́c-* 'речь'.

3) Чередованию гласных не соответствует передвижение ударения, т. е. основа является изменяемой, а ударение — неподвижным, например, A.sg. *rā́jānam* — I.sg. *rā́jñā* от *rā́jan-* 'царь'.

В свете этой ситуации ясно, что деление падежей на слабые и сильные, как бы их ни определяли, на основании места ударения или на основании ступени чередования гласного, является условным, так как оно моделирует только часть случаев. Тем не менее это деление удобно для описания и традиционно принято.

Изменяемые основы бывают представлены двумя или тремя чередующимися формами. Если основа имеет две формы, то различаются сильные и слабые падежи парадигмы. В сильных падежах чередующийся гласный основы находится в ступени гуна или вриддхи; в слабых — в слабой ступени или гуна (в последней, если в сильных падежах была ступень вриддхи). Таким

образом, определенная ступень чередования не закреплена за сильными или слабыми падежами, существенна только схема противопоставления. Эти две схемы чередования могут встречаться у одного и того же типа основ, например: N.du. *kṣámā* — I.sg. *kṣamā́* от *kṣam-* 'земля', но N.du. *∘hánā* — I.sg. *∘ghnā́* от *∘hán-* 'убийца'. Если основа представлена тремя формами: вриддхи — гуна — слабая ступень гласного, то различаются сильные, средние и слабые падежи. Средними считаются падежи, в которых флексия начинается с согласного (I., D., Abl.du., I., D., Abl., L.pl.), а слабыми, в которых флексия начинается с гласного (I., D., Abl., G., L.sg.; G., L.du.; G.pl., A.pl.m.f., N.A.du.n.). V. по типу основы примыкает то к слабым, то к средним падежам.

У ряда основ разделение падежей на средние и слабые является условным, поскольку базируется на разных фонетических вариантах одной ступени чередования (перед согласным или перед гласным) — *-r̥-/-r-*, *-a-/-n-*, например, основы на *-ar-*: A.sg. *pitáram* — I.pl. *pitr̥bhis* — I.sg. *pitrā́* от *pitár-* 'отец' или основы на *-an-*: A.sg. *rā́jānam* — I.pl. *rā́jabhis* — I.sg. *rā́jñā* от *rā́jan-* 'царь'. Непозиционный характер имеет распределение ступеней чередования в средних и слабых падежах у основ на *-añc-*: A.sg.m. *níañcam* — N.—A.sg.n. *niák* — I.sg. *nícā́* от *niañc-* 'обращенный вниз'; на *-vāṃs-*: A.sg. *vidvā́ṃsam* — I.pl. *vidvádbhis* — I.sg. *vidúṣā* от основы *vidvā́ṃs-* 'знающий'; у ряда основ на *-ar-*: A.sg. *dātā́ram* — L.sg. *dātári* — I.sg. *dātrā́*, I.pl. *dātr̥bhis* от *dātár-* 'даритель', а у основ на *-an-* постольку, поскольку они имеют ступень гуна в L.sg., например, L.sg. *rā́jani* от *rā́jan-*.

В ведийском склонении используется только часть существующих в языке чередований гласных, а именно: *ā—a* — ноль, *ăr—r̥/r*, *ăn—a/n*, в меньшей степени *vā—u* и *au—ɔ*.

Согласное склонение

Согласное склонение характеризуется совокупностью некоторых общих черт, отличающих его от гласного склонения. Разные типы основ, относящиеся к этому склонению, имеют в принципе одну и ту же систему падежных окончаний (отклонения во флексии наблюдаются у основ на *-ar-*, представляющих собой промежуточный тип между согласным и гласным склонением). N.sg. обычно имеет нулевое окончание (*-s* бывает только у тех немногих основ на долгий гласный, которые по всем остальным признакам принадлежат к этому склонению). G. и Abl.sg. всегда совпадают. N. и A.pl.m. и f. по флексии также всегда совпадают, различие может быть выражено ступенью чередования основы или местом ударения. Основы одного типа мужского и женского рода не различаются по флексии (отклонение в основах на *-ar-*). Основы ряда типов согласного склонения являются изменяемыми и/или характеризуются передвижением ударения при склонении.

К согласному склонению относятся все типы основ, оканчивающиеся на согласный, корневые, а также отдельные некорневые основы с невыделимым суффиксом и производные, основы на *-ar-*, а также немногочисленные корневые основы, оканчивающиеся на долгий гласный или на дифтонг, группа некорневых основ на *-ī-* и некоторые основы на *-ū-*, склоняющиеся по образцу корневых. Изменяемыми являются следующие типы: часть корневых основ (в том числе основы на *-añc-*), основы на *-an-*, *-ant-*, *-yāṃs-*, *-vāṃs-*, *-ar-*. Неизменяемыми являются: часть корневых основ, основы на *-as-*, *-is-*, *-us-* и на *-in-*.

Корневые (и некоторые подобные им в склонении) основы

Этот тип основ наиболее полно представлен в РВ, где он насчитывает несколько сот слов. В дальнейшем корневые имена постепенно выходят из употребления или переходят в другие типы основ. Корневые основы чаще встречаются как последние элементы сложных слов. Некоторые из них в РВ очень употребительны и имеют хорошо засвидетельствованную парадигму склонения; большинство же представлено отдельными падежными формами.

Основы на согласные

Сюда относятся собственно корневые основы, т. е. основы, не имеющие суффикса, а также ряд основ, не равных корню, в которых, однако, суффикс невыделим, например: *kakŭ̄bh-* f. 'вершина', *kápr̥th-* m. 'penis', *bhiṣáj-* m. 'знахарь', 'целебное средство', *marút-* m.nom.pr. божеств бури и др.

В этом типе основ лучше всего представлено передвижение ударения при склонении. Он включает существительные всех трех родов. Флексии мужского и женского (т. е. одушевленного) рода не различаются. Им противостоит флексия среднего рода с совпадением N.—A. во всех числах. Существительные среднего рода очень немногочисленны. В самостоятельном употреблении встречаются: *ā́s-* 'рот', *dám-* 'дом', *dós-* 'рука', *bhā́s-* 'свет', *mā́s-* 'мясо', *vā́r-* 'вода', *svàr-* 'солнце', 'небо', *hr̥d-* 'сердце'. Все это слова с неполно засвидетельствованной парадигмой, иногда просто изолированные формы (как *dā́m-*). Здесь же следует упомянуть *çám-* 'благо' и *yós-* 'счастье'— существительные среднего рода, функционирующие в качестве междометий.

Корневые имена в ведийском языке имеют широкий круг значений. Они могут быть nom.act. и в таком случае всегда принадлежат к женскому роду, например: *vā́c-* 'речь', *pŕ̥kṣ-* 'подкрепление', 'питание', *rúc-* 'блеск', 'благо' и др., или nom.ag. мужского рода прилагательные, например: *jít-* 'побеждающий', m. победитель; *rāj-* m. царь, f. царица; *-váh-* 'увозящий' m. 'тот, кто увозит' и др. То и другое значение могут объединяться у одного и того же корня, например: *gír-* 'воспевающий'/m. 'певец', f. 'воспевание'; *dúh-* 'доящий'/m. 'доильщик', f. 'доение' и др. Наряду с этим многие корневые имена являются nom. concr., например: *nā́s-* f. 'нос', *púr-* f. 'крепость', *puro-ḍā́ç-* m. 'жертвенная лепешка', *ván-* 'дерево' и др.

Передвижение ударения имеет место в парадигмах склонения ряда односложных основ. Если они являются изменяемыми, то основа, как правило, бывает представлена двумя видами.

При склонении корневых согласных основ на границе корня и флексии ряда форм вступают в действие правила сандхи. В N.sg. одушевленного рода и N.—A. среднего рода, где имеет место нулевая флексия, имеют место сандхи конца слова (см. с. 116 сл.). Звонкие согласные переходят в глухие, придыхательные в непридыхательные, например: N.sg. *triṣṭúp* — основа *triṣṭúbh-* — название стихотворного размера (*-b* перед последующим гласным или звонким согласным); палатальные, *-ṣ* и *-h* (в случае *-h* с перенесением придыхания на начальный звонкий согласный корня) дают *-k* или *-t*, например: N.sg. *vā́k* — основа *vā́c-* 'речь', N.sg. *uçík* — основа *uçij-* 'стремящийся', N.sg. *◦dhuk* — основа *◦duh-* 'доящий', или N.sg. *bhrā́ṭ* — основа *bhrā́j-* 'сверкающий', N.sg. *rā́ṭ* — основа *rā́j-* 'царь', N.sg. *spáṭ* — основа *spáç-* 'соглядатай', N.sg. *sā́ṭ-* — основа *sáh-* 'одолевающий', N.sg. *dvíṭ-* — основа *dvíṣ-* 'ненавистник'. В падежах, где флексия начинается с согласного (т. е. *-bh-* или *-s-*), действуют правила внутренних сандхи: озвончение перед звонким, оглушение перед глухим, утрата придыхания и пр., например: I.pl. *marúdbhis* от *marút-*, L.pl. *vīrútsu* от *vīrúdh-* 'растение' и т. п. Конечный звук *-s* переходит в *-r* перед *bh-* флексии в *dorbhyā́m* от *dós-* 'рука'. Встречаются случаи нерегулярного сандхи, как церебрализация конечного дентального *-d* в корне *pad-* 'нога' перед начальным *bh-* в I.pl. *paḍbhis* или форма I.pl. *mādbhis* от *mā́s-* 'месяц'.

Образцы склонения — *pā́d-* m. 'нога', *víç-* f. 'род', 'племя':

sg.	N.—V.	*pā́d*	*víṭ*
	A.	*pā́dam*	*víçam*
	I.	*padā́*	*viçā́*
	D.	*padé*	*viçé*
	Abl.—G.	*padás*	*viçás*
	L.	*padí*	*viçí*

du.	N.—A.—V.	*pā́dau, pā́dā*	*víçau, viçā́*
	I.—D.—Abl.	*padbhyā́m*	*viḍbhyā́m*
	G.—L.	*padós*	*viçós*
pl.	N.	*pā́das*	*víças*
	A.	*padás*	*víças*
	I.	*paḍbhís*	*viḍbhís*
	D.—Abl.	*padbhyás*	*viḍbhyás*
	G.	*padā́m*	*viçā́m*
	L.	*patsú*	*vikṣú*

Основы среднего рода отличаются от приведенной парадигмы склонения одушевленного рода только тем, что во всех числах A. совпадает с N., например: N.—A.sg. *vā́r* от *vā́r-* 'вода', N.—A.du. *mahí* от *máh-* 'великий'. Форма N.—A.pl.n. в самхитах не засвидетельствована, в дальнейшем создаются формы типа *trivr̥tni* от *trivr̥t-* 'трехчастный'.

Чередование гласного в основе происходит в односложных корневых именах в самостоятельном употреблении. Это прежде всего чередование ряда *ā—a*. Оно представлено следующими корнями: *ā́p-* f. 'воды', N.pl. *ā́pas* — A.pl. *apás* (по диссимиляции I.pl. *adbhís*, D.—Abl.pl. *adbhyás*); *nábh-* 'разрушитель' (?), N.pl. *nā́bhas* — A.pl. *nábhas*; *sáh-* 'побеждающий', N.sg. *sā́ṭ*, A.sg. *sā́ham*, N.—A.pl. *sā́has* — I.sg. *sahā́*, A.pl. *sáhas* и т. д. У двух корней засвидетельствовано чередование ряда «*a*+носовой сонант». Это употребляющийся самостоятельно корень *kṣā́m-* f. 'земля', имеющий три ступени чередования, сильную в N.—A.du. *kṣā́mā* и N.pl. *kṣā́mas*, среднюю в L.sg. *kṣámi* и нулевую в G.sg. *kṣmás*. Три ступени чередования представлены также в основе *◦hán-* 'убийца', 'убивающий', употребляющейся только как последний элемент сложного слова: A.sg. *◦hánam*, N.—A.du. *◦hánā* — I.pl. *◦hábhis* — I.sg. *◦ghnā́*, D.sg. *◦ghné*, G.sg. *◦ghnás* (парадигма следует по аналогии парадигме основ на *-n*). Чередование ряда *vā́— u* встречается в основах *dvā́r-* f. 'дверь', N.—A.du. *dvā́rā*, N.pl. *dvā́ras* — A.pl. *dúras* и *svàr-* n. 'солнце', 'небо', N.—A.sg. *svàr* — G.sg. *sū́ras*, D.sg. (?) *sū́re*. Основа *◦vah-* 'увозящий', употребляющаяся только как последний член сложного слова, подвержена чередованиям типа *vā—u* в составе некоторых сложных слов, например: от основы *anaḍváh-* 'тягловое животное' (<*ánas*+*vah-*), A.sg. *anaḍvā́ham*, N.—A.du. *anaḍvā́hau* — L.pl. *anaḍútsu*.

Сложный и нерегулярный тип чередования засвидетельствован в основе *púṃs-* m. 'мужчина', имеющий в сильных падежах вид *púmāṃs-*, а в слабых *púṃs-*: N.sg. *púmān* (упрощение конца слова), A.sg. *púmāṃsam* — Abl.—G.sg. *puṃsás*, A.pl. *puṃsás*, при форме V. *pumas*.

Еще более сложный случай представляет собой парадигма склонения *páth-* 'путь', в которой кроме нерегулярного чередо-

вания имеет место супплетивизм основ. Сильные падежи образуются от основы *pánthā-* с усилением ступени гласного обоих слогов: N.sg. *pánthās*, A.sg. *pánthām* (начиная с AB употребляется форма по типу основ на *-an-* — *pánthānam*). В слабых падежах выступает слабый вид основы — *path-* перед окончаниями, начинающимися с гласного: I.sg. *pathá*, Abl.— G.sg. *pathás*, G.pl. *pathắm*, а в средних падежах — основа *pathí-*: I.pl. *pathíbhis*, L.pl. *pathíṣu* (есть также и дублетная форма G.pl. от *pathí-* — *pathīnắm*).

В некоторых основах на *-r-* (*-ir-*, *-ur-*) корневой гласный удлиняется перед окончаниями, начинающимися с согласного, и в N.sg. (здесь — заменительная долгота), например: основа *gír-* f. 'воспевание', N.sg. *gī́r*, I.pl. *gīrbhís*, L.pl. *gīrṣú*, но A.sg. *gíram* и т. д.; основа *púr-* m. 'крепость', N.sg. *pū́r*, I.pl. *pūrbhís*, L.pl. *pūrṣú*, но A.sg. *púram* и т. д. По аналогии с этими основами тем же изменениям подвергается гласный *-i-* в *āçís-* f. 'просьба', 'молитва': N.sg. *āçī́s*, A.sg. *āçíṣam* и т. д.

Из нерегулярностей флексии следует отметить существование N.sg. на *-n̄* у двух прономинальных основ: N.sg. *sadṛ́n̄* от *sadṛ́ç-* 'одинаковый', *kīdṛ́n̄* от *kīdṛ́ç-* 'какого рода?' и N.sg. *yún̄-* от корневого имени *yúj-* 'сопряженный', 'союзник', образованных по аналогии с соответствующим падежом от корневых основ на *-añc-*. У основы *yúj-* в сильных падежах встречается вариант с носовым согласным (видимо, по аналогии с глагольной основой от корня *yuj-*): A.sg. *yújam* и *yúñjam*, N.—A.du. *yújā* и *yúñjā*, но I.sg. только *yujá* и т. д.

Особую группу среди корневых основ на согласный составляют прилагательные на *-añc-* — элемент, с синхронной точки зрения выглядящий как суффикс, присоединяемый к наречиям-префиксам и наречиям. Диахронически здесь имеют место сложные слова с корневой основой *añc-* 'склоняться', 'обращаться в определенную сторону' в качестве последнего элемента. В именах на *-añc-* типа *pratyáñc-* 'обращенный против' различаются три ступени основы: *pratyáñc-* — сильная, *pratyác-* (*-ac-* реализуется перед согласными окончаниями как *-ak-* или *-ag-*) — средняя и *pratīc-* — слабая, т. е. *-añc—ac—c-* с удлинением предшествующего гласного в слабой ступени. В именах типа *prắñc-* 'обращенный вперед', 'восточный' различаются две ступени чередования: сильная и средняя.

Парадигмы склонения имеют следующий вид:

sg.	N.—V.	*pratyáṅ*	*prắṅ*
	A.	*pratyáñcam*	*prắñcam*
	I.	*pratīcā́*	*prắcā*
	D.	*pratīcé*	*prắce*
	Abl.—G.	*pratīcás*	*prắcas*
	L.	*pratīci*	*prắci*

du.	N.—A.	*pratyáñcau, -ā*	*prắñcau, -ā*
	I.—D. Abl.	*pratyágbhyām*	*prắgbhyām*
	G.—L.	*pratīcós*	*prắcos*
pl.	N.	*pratyáñcas*	*prắñcas*
	A.	*pratīcás*	*prắcas*
	I.	*pratyágbhis*	*prắgbhis*
	D.—Abl.	*pratyágbhyas*	*prắgbhyas*
	G.	*praticắm*	*prắcām*
	L.	*pratyákṣu*	*prắkṣu*

Отличающиеся формы среднего рода следующие:

sg.	N.—A.	*pratyák*	*prák*
du.	N.—A.	*pratīcí*	*prắcī*
pl.	N.—A.	*pratyáñci*	*prắñci*

Из них в самхитах засвидетельствованы только формы N.—A.sg., имеющие наречное значение, кроме того, это единственные формы, представляющие в самхитах средний вид основы (остальные падежные формы с этой ступенью засвидетельствованы позднее).

По образцу *pratyáñc-* склоняются *údañc-* 'обращенный вверх', *tiryáñc-* 'направленный наискось' (слабый вид основы — *tiráçc-*), *nyáñc-* 'направленный вниз', *samyáñc-* 'направленный вместе', 'соединенный', а также *anváñc-* 'направленный вслед' и *víṣvañc-* 'обращенный в разные стороны' (слабый вид двух последних основ — *anūc-* и *viṣūc-*). По образцу *prắñc-* склоняются *ápāñc-* 'обращенный назад', *arvắñc-* 'направленный сюда', *ávāñc-* 'обращенный вниз', *párāñc-* 'обращенный прочь' и от именной основы *devắñc-* 'обращенный к богам'.

Соответствующие прилагательные женского рода образуют основу с помощью суффикса *-ī-* и, таким образом, принадлежат к производному спряжению на *-ī-*.

Основы на гласные

Сюда относятся очень немногочисленные корневые основы на дифтонг и долгий гласный. Кроме того по типу флексии сюда следует отнести также около ста некорневых основ на *-ī-* и *-ū-* (несколько на *-ā-*), имеющих флексию согласного склонения. Среди основ на краткие *-i-* и *-u-* засвидетельствованы только отдельные формы, следующие согласному склонению.

Корневые основы на дифтонги

На дифтонг *-ai-* оканчивается одна основа *rai-* 'богатство', которая в РВ бывает большей частью мужского рода, а в дальнейшем постепенно переходит в женский род. Форма основы

raí- встречается перед гласными окончаниями, производная основа *rayí-* — перед согласными. Формы отдельных падежей с флексией на гласный образуются от основы *rā-*. Парадигма в самхитах засвидетельствована неполно, а в дальнейшем развитии языка приобрела несколько иной вид. В ведах встречаются следующие формы:

	sg.		pl.
N.	*rayís*	N.	*rā́yas*
A.	*rā́m, rayím*	A.	*rāyás, rās*
I.	*rāyā́, rayíṇā, rayyā́*		
D.	*rāyé*	G.	*rāyā́m, rayīṇā́m*
Abl.—G.	*rāyás*		

На дифтонг *-au-* оканчиваются четыре основы. Основы *glaú-* m. 'ком земли' и *naú-* f. 'лодка', 'корабль' не имеют чередования гласного основы, представленного во всех падежах ступенью вриддхи (*-au-/-āv-*) при подвижном ударении. *Glaú-* — редкое слово, засвидетельствованное отдельными формами, парадигма *naú-* представлена гораздо полнее.

Существительное *gó-/gaú-* m. 'бык', f. 'корова' имеет изменяемую основу: ступень вриддхи в сильных падежах, т. е. *gaú-/gā́v-*, ступень гуна в слабых, т. е. *gó-/gáv-* при неподвижном ударении: A.sg. и pl. образованы от основы *gā-*, а Abl.—G.sg. от основы *gu-*. Парадигма склонения следующая:

	sg.		du.		pl.
N.	*gaús*	N.—A.	*gā́vā, gā́vau*	N.	*gā́vas*
A.	*gā́m*	I.—D.—Abl.	*góbhyām*	A.	*gā́s*
I.	*gávā*	G.—L.	*gávos*	I.	*góbhis*
D.	*gáve*			D.—Abl.	*góbhyas*
Abl.—G.	*gós*			G.	*gávām, gónām*
L.	*gávi*			L.	*góṣu*

Существительное *dyó-* m., f. 'небо' представлено несколькими чередующимися основами: сильный вид — *dyaú-*, слабый — *dív-* перед гласными, *dyú-* — перед согласными. Это распределение нарушается существованием отдельных редких форм среднего вида *dyáv-*, употреблением основы *dyu-* в качестве дублетной формы в Abl.—G.sg., а основы *dív-* в сильном падеже A.sg. Парадигма этого слова, как она засвидетельствована в текстах, имеет следующий вид:

	sg.		du.		pl.
N.	*dyaús*	N.—A.	*dyā́va*	N.	*dyā́vas, dívas*
A.	*dyā́m, dívam*	V.n.(!)	*dyávī*	A.	*dívas, divás, dyā́n*
I.	*divā́*				

	sg.	du.	pl.
D.	*divé*		I. *dyúbhis*
Abl.—G.	*divás, dyós*		
L.	*dyávi, divi*		

Корневые основы на долгие гласные

Большей частью основы этого типа на *-ā-* встречаются как последний элемент сложного слова. В самостоятельном употреблении засвидетельствовано лишь несколько слов в виде отдельных падежей. Корневой гласный *-ā-* сохраняется и в слабых падежах перед согласным окончанием, например: I.pl. *gopā́bhis* от *go-pā́-* m. 'пастух', Abl.pl. *bhūridā́bhyas* от *bhūri-dā́-* 'щедро дающий' и др. В слабых падежах перед гласным окончанием корневой гласный может сохраняться (сандхи неотчетливое) или иметь нулевую ступень, например: G.sg. *kṛṣṭiprás* от *kṛṣṭi-prā́-* 'наполняющий племена', D.sg. *paçu-ṣé* от *paçu-ṣā́-* 'добывающий скот' и т. д.

Наиболее полная парадигма засвидетельствована у основы *jā́-* m., f. 'ребенок': N.sg. *jā́s*, A.sg. *jā́m*, A.pl. *jā́s*, L.pl. *jā́su*.

Уже в РВ корневые имена на *-ā-* обнаруживают тенденцию переходить в более продуктивные некорневые типы на *-a-* или на *-ā-*, например, I.pl. *ratnadhā́bhis* и *ratnadhébhis* от *ratnadhā́-* 'дающий сокровища', G.pl.f. *vibhā́nām* от *vi-bhā́-* 'сверкающий' и др.; основа *pra-jā́-* f. 'потомство' также целиком перешла в склонение по типу производных основ на *-ā-*.

Корневые основы на *-ī-* и *-ū-* (почти исключительно женского рода) также чаще встречаются в конце сложных слов. Качественного чередования корневого гласного при склонении нет. Характерная черта этой парадигмы склонения заключается в переходе перед гласными окончаниями долгого гласного в сочетание краткого гласного и согласного: *ī>iy*, *ū>uv*. При самостоятельном употреблении слова этот переход происходит всегда, в конце сложного слова обязательно после двух согласных, факультативно после одного.

Образцы склонения — *dhī́-* f. 'мысль', *bhū́-* f. 'земля':

sg.	N.	*dhī́s*	*bhū́s*
	A.	*dhíyam*	*bhúvam*
	I.	*dhiyā́*	*bhuvā́*
	D.	*dhiyé*	*bhuvé*
	Abl.—G.	*dhiyás*	*bhuvás*
	L.	*dhiyí*	*bhuví*
du.	N.—A.	*dhiyā́, dhiyau*	*bhúvā*
	I.—D.—Abl.	*dhībhyā́m*	*bhūbhyā́m*
	G.—L.	*dhiyós*	*bhuvós*

pl.	N.	*dhíyas*	*bhúvas*
	A.	*dhíyas*	*bhúvas*
	I.	*dhībhis*	*bhūbhis*
	D.—Abl.	*dhībhyás*	*bhūbhyás*
	G.	*dhiyắm, dhīnắm*	*bhuvắm, bhūnắm*
	L.	*dhīṣú*	*bhūṣú*

Не все косвенные падежи множественного числа этих основ засвидетельствованы в самхитах. Форма G.sg. с *-n-* образована по аналогии с производным спряжением. В дальнейшем развитии языка наблюдается проникновение дублетных форм с усиленными окончаниями женского рода в корневую парадигму.

По типу *dhī́-* склоняются корневые основы *bhī́-* 'страх', *çrī́-* 'красота', *vī́-* m. 'получатель', употребляющиеся самостоятельно, а также встречающиеся в конце сложных слов *∘krī́-* 'покупающий', *∘nī́-* 'ведущий', *∘prī́-* 'любящий', *∘mī́-* 'уменьшающий', *∘vī́-* 'движущий', *∘çī́-* 'лежащий', *∘çrī́-* 'смешивающий'. По типу *bhū́-* склоняются: *dū́-* f. 'дар', *brū́-* f. 'бровь', *syū́-* f. 'нить', *srū́-* f. 'поток', *sū́-* m., f. 'родитель', 'родительница', *jū́-* 'спешащий' и две основы — редуплицированные корни — *juhū́-* f. 'язык' и *jógū-* 'громко поющий'.

Некорневые основы на долгие гласные

Некорневых основ на *-ā-* очень мало, и они засвидетельствованы лишь отдельными падежными формами с флексией данного типа. Это *uçánā-* m.nom.pr. певца: N.sg. *uçánā* (по образцу производных основ на *-ā-*), A.sg. *uçánām*, D.sg. *uçáne*; *mánthā-* m. 'пестик для сбивания масла', N.sg. *mánthās*; *mahắ-* 'великий', A.sg. *mahắm*; *ắtā-* m. 'рама', L.pl. *ắtāsu*. Основа *pánthā-* m. 'путь' употребляется в N. и A.sg. супплетивной парадигмы существительного *páth-* (см. с. 208).

Некорневые основы на *-ī-* и *-ū-* бывают по преимуществу женского рода. Основ мужского рода встречается совсем мало, наиболее употребительны среди них *rathī́-* 'колесничий', *ahī́-* 'змей'. Основы женского рода на *-ī-* могут быть образованы к соответствующим основам на *-a-*, например: *puruṣī́-* 'женщина'— *púruṣa-* 'мужчина', *vr̥kī́-* 'волчица'— *vŕ̥ka-* 'волк' и т. д., а могут и не иметь этого соответствия, например: *nadī́-* 'река', *lakṣmī́-* 'признак' и др.

Все эти основы имеют ударение на последнем слоге. Акцентная парадигма рассматриваемых имен бывает неподвижной. Ударный основообразующий гласный подвержен количественному чередованию: краткий перед гласной флексией и долгий — перед согласной.

На письме формы этого именного склонения изображаются как имеющие конечный полугласный основы и акцент сварита последующего гласного окончания, т. е. *vr̥kyàm* вместо *vr̥kíam*,

tanvàm вместо *tanúvam* (гласный сохраняется на письме только во избежание определенных сочетаний двух согласных).

Образцы склонения — *nadī́-* f. 'река', *rathī́-* m. 'колесничий', *tanū́-* f. 'тело':

sg.	N.	*nadī́s*	*rathī́s*	*tanū́s*
	A.	*nadíam*	*rathíam*	*tanúam*
	I.	*nadíā*	*rathíā*	*tanúā*
	D.	*nadíe*	*rathíe*	*tanúe*
	Abl.—G.	*nadías*	*rathías*	*tanúas*
	L.			*tanúi*
	V.	*nádi*		*tánu*
du.	N.—A.	*nadíā*	*rathíā*	*tanúā*
	I.—D.—Abl.	*nadī́bhyām*		
	G.—L.	*nadíos*		*tanúos*
pl.	N.	*nadías*	*rathías*	*tanúas*
	A.	*nadías*	*rathías*	*tanúas*
	I.	*nadī́bhis*		*tanúbhis*
	D.—Abl.	*nadī́bhyas*		*tanúbhyas*
	G.	*nadī́nām*	*rathī́nām*	*tanúnām*
	L.	*nadī́ṣu*		*tanúṣu*

В засвидетельствованных в самхитах формах N. и A.pl. не различаются местом ударения. Встречаются отдельные случаи L.sg. с нулевым окончанием, например: *camū́* 'в кубке', *tanū́* 'на теле', *gaurī́* 'у буйволицы'.

На эту парадигму оказала влияние парадигма склонения производных основ на *-ī-* типа *devī́-*, откуда заимствованы формы G.pl. с *-n-* и звательная форма. В дальнейшем усиливается смешение этих двух парадигм, и у основ данного типа начинают употребляться дублетные формы с усиленными окончаниями женского рода по образцу *devī́-*.

Для основ на *-ū-* данный тип склонения является единственным. Окситонированные основы на *-ī-* склоняются отчасти по корневому типу, отчасти по производному типу, как *devī́-*.

Некоторые основы на -i-, -u-

У отдельных основ на *-i-*, *-u-* засвидетельствованы следы корневой флексии. Прежде всего это две баритонированные основы мужского рода, которые обычно приводятся как исключения из основ на *-i-*: *sákhi-* 'друг' и *páti-* 'муж', 'супруг' (в значении «господин» это слово следует нормальному типу склонения основ на *-i-*). Основа *sákhi-* в сильных падежах имеет вид *sákhāy-* (с обычной утратой конечного согласного в N.sg.), а в слабых падежах — основу *sákhi-/sákhy-*. В единственном и двойственном числе используется флексия согласного типа, при

этом Abl.—G.sg. заимствует окончание у основ на *-ar-*, во множественном числе и в звательной форме — обычная флексия основ на *-i-*. Склонение выглядит следующим образом: sg.N. *sákhā*, A. *sákhāyam*, I. *sákhyā/sákhiā*, D. *sákhye*, Abl.—G. *sákhyus/sákhius* (V. *sákhe*), du.N.—A. *sákhāyā*, *sákhāyau*, pl.N. *sákhāyas* (A. *sákhīn*, I. *sákhibhis*, D.—Abl. *sákhibhyas*, G. *sákhīnām*). Основа *páti-* 'муж', не знающая чередования, имеет флексию согласного типа в слабых падежах единственного числа: I. *pátyā/pátiā*, D. *pátye*, Abl.—G. *pátyus*, L. *pátyau* (последняя форма — результат контаминации двух типов).

Кроме этого по согласному типу образуются формы (иногда дублетные) отдельных падежей у нескольких основ на *-i-*, *-u-*, например: *arí-* 'благочестивый', A.sg. *aryám* (наряду с *arím*), G.sg. *aryás*, N.pl.m.f. *aryás*, A.pl.f. *aryás*; *mádhu-* 'мед', G.sg. *mádhvas/mádhuas* (также *mádhunas*) и некоторые другие.

Основы на -as-

Основы на *-as-* бывают в подавляющем большинстве среднего рода с ударением на корневом гласном. Немногие существительные одушевленного рода, принадлежащие к этому типу, имеют ударение на суффиксе: *nodhás-* m.nom.pr. певца, *rakṣás-* m.nom.pr. класса демонов, *apsarás-* f.nom.pr. класса нимф, *uṣás-* f.nom.pr. богини и некоторые другие (но *áṅgiras-* m.nom.pr. класса полубогов). Суффиксальное ударение имеют и прилагательные на *-as-*, как *apás-* 'деятельный', *tavás-* 'сильный', *yajás-* 'почитающий' и др. Чаще же абстрактные имена среднего рода переходят в разряд имени деятеля, употребляясь в качестве последнего члена сложного слова, например: *sumanás-* 'благожелательный' при *mánas-* n. 'мысль', *acetás-* 'неразумный' при *cétas-* n. 'разум' и т. п.

При склонении основ на *-as-* ударение остается неподвижным. Основы не знают качественного чередования, но в определенных формах гласный суффикс удлиняется. Это имеет место, во-первых, в N.—A.pl.n., причем гласный назализуется (под влиянием основ на носовой), давая исход *-āṃs-i*; во-вторых, суффиксальный гласный удлиняется в N.sg. одушевленного рода.

По правилам сандхи *-as* > *-o* перед звонким начальным согласным окончания и *-as* > *-aḥ* перед глухим (реально перед *-s-* в L.pl.).

Образец склонения — *çrávas-* n. 'восхваление', 'слава':

	sg.		du.		pl.
N.—A.	*çrávas*	N.—A.	*çrávasī*	N.—A.	*çrávāṃsi*
I.	*çrávasā*	I.—D.Abl.	*çrávobhyām*	I.	*çrávobhis*
D.	*çrávase*			D.—Abl.	*çrávobhyas*
Abl.—G.	*çrávasas*	G.—L.	*çrávasos*	G.	*çrávasām*
L.	*çrávasi*			L.	*çrávaḥsu*

В силу абстрактного значения большинства основ на *-as-* формы двойственного числа встречаются редко.

У основ одушевленных родов N. и A.sg. не совпадают. Вот падежи парадигмы одушевленных родов, отличающиеся от парадигмы среднего рода, от основы прилагательного *apás-* 'деятельный': N.sg. *apás*, A.sg. *apásam*, N.—A.du. *apásā*.

Парадигма склонения *uṣás-* f. отличается рядом особенностей. В сильных падежах наряду с обычными формами употребляются формы с удлинением суффиксального гласного, а в I.pl. вместо ожидаемого исхода основы *-o-* засвидетельствовано *-ad-* (как от основы на *-at-*): N.sg. *uṣás*, V. *uṣas*, A.sg. *uṣásam*, *uṣā́sam*, N.—A.du. *uṣásau*, *uṣásā*, N.pl. *uṣásas*, *uṣāsas*.

Основы на -is-, -us-

Эти основы бывают обычно среднего рода. Одушевленный род прилагательного встречается чаще всего в тех случаях, когда существительное данной структуры употребляется как последний член сложного слова бахуврихи, например: *svárocis-* 'имеющий собственный блеск', *dīrghā́yus-* 'долголетний' и др. Среди основ на *-us-* есть, однако, несколько имен мужского рода: *náhus-* 'дружелюбный', m. 'сосед', *mánus-* m.nom.pr. родоначальника людей, *janús-* m.n. 'происхождение', 'род', 'существо', а также несколько прилагательных. Основы на *-īs-* имеют большей частью суффиксальное ударение: *arcís-* 'луч', *barhís-* 'жертвенная солома', *vartís-* 'круговой объезд Ашвинов' и т. д., но *jyótis-* 'светило', *vyáthis-* 'путь'; основы на *-us-* среднего рода — обычно на корне, например: *cákṣus-* 'глаз', 'зрение', *dhánus-* 'лук', *yájus-* 'жертвенная формула' и др. Суффиксальное ударение имеют те немногие основы на *-us-*, которые являются прилагательными, например: *jayús-* 'победный', *dakṣús-* 'пламенеющий', *vidús-* 'внимательный'. Акцентная парадигма неподвижна.

По правилам сандхи перед звонким *-bh-* окончаний *-is-*>*-ir-*, *-us-*>*-ur-*, а перед глухим *-s-* в L.pl. *-is-*>*-iḥ-* или *-iṣ-*, *-us-*>*-uḥ-* или *-uṣ-*. Исход сильных падежей во множественном числе по аналогии с основами на *-as-* бывает *-īṃṣi*, *-ūṃṣi*, т. е. с удлинением и назализацией суффиксального гласного. В отличие от основ на *-as-* у основ на *-is-*, *-us-* одушевленных родов в N.sg. гласный не удлиняется.

Образец склонения — *havís-* n. 'жертвенное возлияние' и *vápus-* n. 'чудесный облик':

sg.	N.—A.	*havís*	*vápus*
	I.	*haviṣā*	*vápuṣā*
	D.	*haviṣe*	*vápuṣe*
	Abl.—G.	*haviṣas*	*vápuṣas*
	L.	*haviṣi*	*vápuṣi*

du.	N.—A.	*haviṣī*	*vápuṣī*
	I.—D.—Abl.	*havírbhyām*	*vápurbhyām*
	G.—L.	*haviṣos*	*vápuṣos*
pl.	N.—A.	*havíṃṣi*	*vápāṃṣi*
	I.	*havírbhis*	*vápurbhis*
	D.—Abl.	*havírbhyas*	*vápurbhyas*
	G.	*haviṣām*	*vápuṣām*
	L.	*haviṣṣu, haviḥṣu*	*vápuṣṣu, vápuḥṣu*

У основ одушевленного рода N. и A.sg. различаются, например: N.sg. *çukráçocis*, A.sg. *çukráçocişam* от *çukráçocis-* 'имеющий яркий блеск'. Основа *janús-* 'род' — единственная, у которой в N.sg. удлиняется суффиксальный гласный: *janús*.

Основы на -yāṃs-

Этот тип основ имеют прилагательные мужского и среднего рода в сравнительной степени. Основы являются изменяемыми: в сильных падежах суффиксальный гласный представлен ступенью вриддхи (долгота и назализация), в слабых — ступенью гуна (краткость и отсутствие назализации), т. е. *-yāṃs-/-yas-*. У большинства основ суффикс *-yāṃs-* присоединяется к корню не непосредственно, а с помощью соединительного гласного *-ī-*. Акцентная парадигма неподвижна, ударение всюду падает на корневой гласный. N.sg. оканчивается на *-ān-* (сандхи конца слова). Ни у одной основы этого типа не засвидетельствовано в самхитах сколько-нибудь полной парадигмы. Косвенные падежи двойственного и множественного числа в этих текстах не встречаются.

Образец склонения — *çréyāṃs-* 'лучший':

	sg.		pl.
N.	*çréyān*	N.	*çréyāṃsas*
A.	*çréyāṃsam*	A.	*çréyasas*
I.	*çréyasā*		
D.	*çréyase*		
Abl.—G.	*çréyasas*	G.	*çréyasām*
L.	*çréyasi*		
V.	*çréyas*		
N.—A. n.	*çréyas*	N.—A. n.	*çréyāṃsi*

Соответствующие прилагательные женского рода имеют неизменяемые основы на *-yasī-*.

Основы на -vāṃs-

Основы этого типа имеют перфектные причастия действительного залога мужского и среднего рода. Основы изменяемы, имеют три ступени чередования: в сильных падежах *-vāṃs-*, в

средних — *-vat-* (из основ на *-vant-*), в слабых — *-us-*, т. е. чередование типа *vā—u* с назализацией гласного в ступени вриддхи. Ударение неподвижно и всегда падает на суффикс. Звательная форма оканчивается на *-vas* (т. е. такого же типа, как у основ на *-yāṃs-*), после АВ все чаще употребляется форма на *-van* (из основ на *-vant-*). N.sg. оканчивается на *-vān* (сандхи конца слова). Форма N.—A.sg.n. на *-vat* заимствована этим типом из основ на *-vant-*. Ряд косвенных падежей двойственного и множественного числа в самхитах не встречается.

Образец склонения — *cikitvāṃs-* 'сведущий' (p.pf.act. от *cit-* 'воспринимать'):

	sg.		du.		pl.
N.	*cikitvā́n*	N.—A.	*cikitvā́ṃsā*	N.	*cikitvā́ṃsas*
A.	*cikitvā́ṃsam*			A.	*cikitúṣas*
I.	*cikitúṣā*			I.	*cikitvádbhis*
D.	*cikitúṣe*				
Abl.—G.	*cikitúṣas*			G.	*cikitúṣām*
L.	*cikitúṣi*				
V.	*cíkitvas*				
N.—A. n.	*cikitvát*				

Соответствующие основы женского рода на *-úṣī-* являются неизменяемыми.

Основы на -ant-

Основу на *ant-* имеют причастия настоящего времени мужского и среднего рода. Основа является изменяемой и представлена двумя ступенями чередования: *-ánt-* в сильных падежах, *-at-* — в слабых. Лишь в редких причастиях от корней на *-ā-* чередование имеет вид *-ānt-/-āt-*. Акцентная парадигма бывает подвижной у окситонированных основ и неподвижной у баритонированных. N.sg. у этих основ оканчивается на *-an* (без заменительной долготы гласного). Основы среднего рода имеют сильную форму в N.—A.pl. *-ánti*, в парадигмах единственного и двойственного числа используется только слабая форма на *-at-*, и, таким образом, чередования нет. Парадигма склонения соответствующих причастий от редуплицированных основ (т. е. III класс презенса и интенсивы) является неизменяемой: основа всюду представлена слабым видом *-at-*, ударение неподвижно и падает на слог редупликации.

Основы женского рода оканчиваются на суффикс *-ī-*, присоединяемый к полному или слабому виду исходной основы мужского рода, т. е. *-ántī-* или *-atī-* в зависимости от особенностей спряжения.

По образцу причастий на *-ant-* склоняется несколько прилагательных: *ṛhánt-* 'маленький', *pṛ́ṣant-* 'пятнистый', *bṛhánt-*

большой', 'высокий', *mahánt-* 'великий' и существительное мужского рода *dánt-* 'зуб' (причастного происхождения). У прилагательного *mahánt-* чередуются в склонении сильный и слабый звуковой вид (а не средний и слабый, как обычно).

Основам прилагательных с суффиксами *-vant-* и *-mant-* свойственны некоторые отличия во флексии по сравнению с основами на *-ant-*. В N.sg.m. гласный удлиняется: *-vān*, *-mān*, также в N.—A.pl.n. (по образцу основ на *-van-*, *-man-*). V.sg. оканчивается на *-vas* (в дальнейшем также и на *-van*), *-mas*.

Образцы склонения — *uçánt-* 'желающий', *prajā́vant-* 'имеющий потомство':

sg.	N.	*uçán*	*prajā́vān*
	A.	*uçántam*	*prajā́vantam*
	I.	*uçatā́*	*prajā́vatā*
	D.	*uçaté*	*prajā́vate*
	Abl.—G.	*uçatás*	*prajā́vatas*
	L.	*uçatí*	*prajā́vati*
	V.	*úçan*	*prajāvas*
du.	N.—A.	*uçántā*	*prajā́vantā*
	I.—D.—Abl.	*uçádbhyām*	*prajā́vadbhyām*
	G.—L.	*uçatós*	*prajā́vatos*
pl.	N.	*uçántas*	*prajā́vantas*
	A.	*uçatás*	*prajā́vatas*
	I.	*uçádbhis*	*prajā́vadbhis*
	D.—Abl.	*uçádbhyas*	*prajā́vadbhyas*
	G.	*uçatā́m*	*prajā́vatām*
	L.	*uçátsu*	*prajā́vatsu*
sg.	N.—A. n.	*uçát*	*prajā́vat*
du.	N.—A. n.	*uçatí*	*prajā́vatī*
pl.	N.—A. n.	*uçánti*	*prajā́vanti*

Отличия парадигмы неизменяемых редуплицированных основ можно проиллюстрировать на примере *dádat-* 'дающий': N.sg.m. *dádat*, A. *dádatam*, N.pl. *dádatas*.

Отдельные окончания парадигмы основ на *-vant-* регулярно используются в парадигме основ на *-vāṃs-* и проникают в некоторых случаях в парадигму основ на *-van-*, например, в склонении основы *maghávan-* 'щедрый' средние падежи множественного числа образованы от основы на *-vant-*: I. *maghávadbhis*, D.—Abl. *maghávadbhyas*, L. *maghávatsu*, V. superl. *maghaváttama-*.

Основы на -an-

К этому типу относятся основы мужского и среднего рода (к женскому роду принадлежит одно слово с дефектной парадигмой — *yóṣan-* 'женщина'). Собственно основы на *-an-* не столь многочисленны по сравнению с основами с суффиксами *-man-* и *-van-* и из всех этих основ наиболее богаты случаями отклонений от регулярной парадигмы.

Основы на *-an-* изменяемы, при склонении представлены тремя формами: в сильных падежах ступень вриддхи, т. е. *-ān-*, в средних — вариант слабой ступени, т. е. *-a-*, в слабых падежах — вариант слабой ступени, т. е. *-n-*. Распределение этих вариантов нарушается в L.sg., где перед гласным окончанием *-i-* встречается наряду со слабой ступенью ступень гуна — *-an-*. Звательной форме также свойственна ступень гуна. Среди основ на *-an-* часто встречается L. без окончания. Ударение неподвижно (подвижно только у нескольких основ среднего рода на *-an-*, имеющих гетероклитическую парадигму).

N.sg.m. оканчивается на *-ā* (сандхи конца слова). N.—A.sg.n. оканчивается на *-a*. N.—A.pl.n. имеет наряду с обычным *-āni* окончание *-ā*, которое в ряде случаев (возможно, по метрическим причинам) сокращается. В результате форма на *-a* среднего рода становится способной выражать граммему как единственного, так и множественного числа.

Основы с суффиксами *-man-*, *-van-* обладают некоторыми особенностями склонения. В слабых падежах *-a-* в суффиксе не синкопируется, если суффиксу предшествуют два или один согласный, например, G.sg. *yájvanas* от *yájvan-* 'жертвователь', I.sg. *varṣmáṇā* от *varṣmán-* 'высота' и т. п. В ряде случаев то же происходит после долгой гласной, например: D.sg. *dāváne* от *dāván-* 'давание', I.sg. *syúmanā* от *syúman-* 'ремень' и др. Акцентная парадигма основ на *-man-* и *-van-* неподвижна.

Образцы склонения — *rā́jan-* m. 'царь', *bráhman-* n. 'молитва':

sg.	N.	*rā́jā*	*bráhma*
	A.	*rā́jānam*	»
	I.	*rā́jñā*	*bráhmaṇā*
	D.	*rā́jñe*	*bráhmaṇe*
	Abl.—G.	*rā́jñas*	*bráhmaṇas*
	L.	*rā́jani*, *rā́jñi*	*bráhmaṇi*, *bráhman*
	V.	*rā́jan*	
du.	N.—A.	*rā́jānā*	*bráhmaṇī*
	I.—D.—Abl.	*rā́jabhyām*	*bráhmabhyām*
	G.—L.	*rā́jños*	*bráhmaṇos*
pl.	N.	*rā́jānas*	*bráhmāṇi*, *bráhmā*, *bráhma*

pl.	A.	*rā́jñas*	*bráhmāṇi, bráhmā, bráhma*
	I.	*rā́jabhis*	*bráhmabhis*
	D.—Abl.	*rā́jabhyas*	*bráhmabhyas*
	G.	*rā́jñām*	*bráhmanām*
	L.	*rā́jasu*	*bráhmasu*

У основы *mūrdhán-* 'голова' акцентная парадигма подвижная — в слабых падежах ударение падает на окончание, ср. N.pl. *mūrdhā́nas* и A.pl. *mūrdhnás*.

У нескольких основ в сильных формах представлена не сильная, а полная ступень чередования, т. е. *-an-*, например: *aryamán-* nom.pr. бога, *pūṣán-* nom.pr. бога, *ṛbhukṣán-* 'повелитель Рибху' и *yóṣan-* f. 'женщина'. У основы *ukṣán-* 'бык' в этом отношении наблюдаются колебания: A.sg. *ukṣā́ṇam* и *ukṣáṇam*, N.pl. *ukṣáṇas*.

Ряд основ на *-man-* имеет форму I.sg. на *-nā́* вместо *-mnā*: *mahinā́* от *mahimán-* 'величие', *preṇā́* от *premán-* 'любовь' и др.

Основы *çván-* 'собака' и *yúvan* 'юный' представлены в слабых падежах формами *çun-* и *yūn-*: N.sg. *çvā́*, A.sg. *çvā́nam*, N.—A.du. *çvā́nā*, N.pl. *çvā́nas* — I.pl. *çvábhis*, D.pl. *çvábhyas* — I.sg. *çúnā*, A.pl. *çúnas* и т. д.; N.sg. *yúvā*, A.sg. *yúvānam*, N.—A.du. *yúvānā*, N.pl. *yúvānas* — I.pl. *yúvabhis*, D.pl. *yúvabhyas* — D.sg. *yū́ne*, A.pl. *yū́nas* и т. д.

Основа *maghávan-* 'щедрый' (эпитет Индры) имеет в слабых падежах вид *maghón-*, и, таким образом, чередование происходит между *-vā́n-* в сильных падежах, *-ón-* в слабых и *-vat-* (из основ на *-vant-*) в средних: A.sg. *maghávānam* — I.pl. *maghávadbhis* — G.sg. *maghónas*.

Ряд основ среднего рода на *-an-* представлены отдельными косвенными падежами, которые входят в состав гетероклитической парадигмы вместе с основами на *-i-* и *-r-* (о чем см. далее).

Основы на -in-

Этот тип основ свойствен многочисленным производным прилагательным мужского и среднего рода. Часто имеет место их субстантивизация. Чередования гласных в основе нет. Ударение неподвижное: оно всегда падает на суффикс. Характерная особенность склонения состоит в том, что в средних падежах, т. е. перед согласными окончаниями, носовой согласный утрачивается, и основа оканчивается на *-i-* (аналогия с чередующимися основами на *-an-*). N.sg.m. оканчивается на *-ī*, N.sg.n.— на *-i*. В целом склонение отличается большой регулярностью.

Образец склонения — *vājín-* 'быстрый', m. 'конь':

	sg.		du.
N.	*vājí*	N.—A.	*vājínā*
A.	*vājínam*		
I.	*vājínā*	I.—D.—Abl.	*vājíbhyām*
D.	*vājíne*	G.—L.	*vājínos*
Abl.—G.	*vājínas*		
L.	*vājíni*		
V.	*vā́jin*		
N.—A. n.	*vāji*	N.—A. n.	*vājínī*

	pl.
N.	*vājínas*
A.	*vājínas*
I.	*vājíbhis*
D.—Abl.	*vājíbhyas*
G.	*vājínām*
L.	*vājíṣu*
N.—A. n.	*vājíni*

Прилагательные женского рода образуются с помощью суффикса *-ī-*: *vājínī*.

Основы на -ar-

Сюда принадлежат основы мужского (подавляющее большинство) и женского (несколько слов) рода. Основы среднего рода в самхитах практически почти не засвидетельствованы (прилагательные среднего рода появляются в брахманах).

Данный тип основ является изменяемым. В сильных падежах основа представлена или ступенью вриддхи — *-ār-*, или ступенью гуна — *-ar-*, в L.sg.— ступенью гуна, т. е. *-ar-*, в остальных падежах — *-r-* перед гласным окончанием, *-ṛ-* перед согласным. В V.sg.— чистая основа в ступени гуна. Схема чередования основы здесь в принципе та же, что у основ на *-an-*. У окситонированных основ в слабых падежах, начинающихся с гласного, ударение перемещается на окончание (как в аналогичных основах на *-an-*).

Флексия этого типа основ носит смешанный характер, так как отдельные граммемы падежа оформлены по типу гласных основ на *-i-*, *-u-*. N.sg. оканчивается на *-ā*, как у основ на *-an-*. Характерным для данного типа основ является окончание Abl.—G.sg. *-ur* (<*-ṛ+s*). По типу гласных основ оканчиваются A.pl.m. на *-ṝn* (ср. *-īn*, *-ūn*), A.pl.f. на *-ṝs* (ср. *-īs*, *-ūs*) и G.pl. на *-ṝ-ṇ-ām* (ср. *-īnām*, *-ūnām*).

К данному типу основ относятся несколько слов на *-ar-*: *devár-* 'деверь', *nánāndar-* f. 'золовка', *svásar-* f. 'сестра', *uṣár-* f. 'утренняя заря' (вариант *uṣás-*), а также корневые имена

nár- 'муж', 'мужчина' и *stár-* 'звезда' и многочисленные основы с суффиксом *-tar-*. Основы с суффиксом *-tar-* в свою очередь делятся на две части: подавляющее большинство их составляются nom.ag. с ударением на суффиксе или причастия с ударением на корне, и совсем маленькую группу образуют имена родства: *pitár-* 'отец', *mātár-* f. 'мать', *duhitár-* f. 'дочь', *bhrā́tar-* 'брат', *náptar-* 'потомок', 'внук' (все, кроме последнего слова, широко употребительные слова).

Nom.ag. и причастия на *-tar-* имеют в сильных падежах ступень вриддхи; имена родства на *-tar-*, кроме *náptar-*, имеют в сильных падежах ступень гуна. Имена на *-ar-* — некоторые из них засвидетельствованы формами отдельных падежей — не имеют единого типа чередования. По типу nom.ag. образуют сильные падежи *svásar-*: A.sg. *svásāram*, N.—A.du. *svásārā*, N.pl. *svásāras* и *stár-*: N.pl. *tā́ras*; по типу имен родства на *-tar-* — *nár-*: A.sg. *náram*, N.—A.du. *nárā*, N.pl. *náras*.

Образцы склонения — *dātár-* m. 'даритель', *mātár-* f. 'мать'

sg.	N.	*dātā́*	*mātā́*
	A.	*dātā́ram*	*mātáram*
	I.	*dātrā́*	*mātrā́*
	D.	*dātré*	*mātré*
	Abl.—G.	*dātúr*	*mātúr*
	L.	*dātári*	*mātári*
	V.	*dā́tar*	*mā́tar*
du.	N.—A.	*dātárau*	*mātárā*, *mātárau*
	I.—D.—Abl.	*dātr̥bhyām*	*mātr̥bhyām*
	G.—L.	*dātrós*	*mātrós*
pl.	N.	*dātā́ras*	*mātáras*
	A.	*dātr̄n*	*mātr̄s*
	I.	*dātr̥bhis*	*mātr̥bhis*
	D.—Abl.	*dātr̥bhyas*	*mātr̥bhyas*
	G.	*dātr̄ṇā́m*	*mātr̄ṇā́m*
	L.	*dātr̥ṣu*	*mātr̥ṣu*

Встречаются отдельные случаи G.pl. с корневой флексией, т. е. без соединительного согласного *-n-*: *narā́m*, *svásrām*. Парадигма склонения *nár-* особенно богата аномалиями: G.sg. *nā́ras* по корневому типу, A.pl. *nr̄n* по гласному типу, в G.pl. кроме корневого варианта флексии — гласный вариант *nr̄ṇā́m*.

Отдельные формы среднего рода на *-ar-*, чередующиеся в склонении с формами других основ (на *-n-*, *-i-*, *-s-*), будут рассмотрены особо, в гетероклитическом типе склонения. Аномальная основа среднего рода *sthātár-* 'стоячее', 'неподвижное' засвидетельствована в РВ (VI, 49,6).

Соответствующие имена деятеля женского рода образуются от данного типа основ с помощью суффикса *-ī-*: *netrī́-* 'предводительница'— *netár-* 'предводитель' и др.

ГЛАСНОЕ СКЛОНЕНИЕ (ПРОИЗВОДНЫЕ ОСНОВЫ)

Основы, относящиеся к гласному склонению, значительно менее едины по типу парадигм, чем основы согласного склонения. В противоположность согласному склонению здесь нет единого набора флексий. Основы женского рода отличаются от основ мужского и среднего рода особой усиленной флексией. Нет независимого подвижного ударения. Во всех парадигмах гласного склонения ударение является колонным (т. е. передвижение ударения с конечного элемента основы на окончание может быть вызвано только фонетическими причинами — консонантизацией конечного глайда основы перед начальным гласным окончания). Чередование гласных в основе или отсутствует вообще или оно не носит системного характера (противопоставления видов основы в сильных и слабых падежах нет). При присоединении гласных окончаний к основе весьма широко используются согласные — соединительные элементы (например, *-n-* в G.pl. и в парадигмах среднего рода). При отсутствии соединительного согласного между основообразующим гласным и начальным гласным окончания происходят сандхи, что иногда нарушает ясность морфологической структуры основы. В таких случаях целесообразно при описании данной формы вводить дополнительный индекс места окончания (присоединяется к основе или заменяет собой основообразующий элемент). N.sg.m. всегда оканчивается на *-s*. N. и A.pl.m. всегда различаются по флексии. В A.pl. основообразующий гласный перед окончанием всегда удлиняется. Окончание A.pl.m.— *-n*, A.pl.f.— *-s*.

По гласному склонению изменяются все основы на краткие гласные *-a-*, *-i-*, *-u-* (исключения среди основ на *-i-* и *-u-* единичны), основы на *-ā-* и большая часть основ на *-ī-*.

Основы на -a-

Сюда относятся основы мужского и среднего рода. Этот тип является самым продуктивным и употребительным в ведийском языке, где он охватывает более половины всех именных основ (существительных и прилагательных). Он дальше всего отстоит от согласного склонения и выделяется наличием ряда флексий, заимствованных из местоименного склонения (основ, оканчивающихся на *-a-*).

При описании парадигмы склонения существенным является указание на место окончания. В косвенных падежах множественного числа тематический гласный перед окончаниями, начи-

нающимися с согласного, меняется на *-e-* (т. е. I., D.—Abl., L.pl.).

Основы на *-a-* — единственный тип основ, в котором существует особая граммема Abl.sg. (а не совпадающая с G.sg.) и материально выраженная (а не нулевая) флексия N.—A.sg.n.

Ударение при склонении неподвижное.

Для основ на *-a-* характерен следующий набор флексий:

sg.	N.m.	*-s*,	
	N.—A.n.	*-m*;	
	A.m.	*-m*	
	I.m.	*-ena*	на месте тематического гласного (ср. I.sg. *téna* от указательного местоимения *tá-* 'тот', 'он'); встречаются отдельные формы с окончанием согласного склонения *-ā-*, например: *yajñá* 'с помощью жертвы' от основы *yajñá-* m. 'жертва', *mahitvá* 'величием' от *mahitvá-* n. 'величие' и др.;
	D.	*-āya*	на месте тематического гласного;
	Abl.	*-āt*/*-ād*	на месте тематического гласного; звонкость или глухость конечного согласного определяется правилами сандхи;
	G.	*-sya*	(ср. G.sg. *tásya* от местоимения *tá-*);
	L.	*-i*;	— по правилам сандхи *-a+i>-e*
	V.	*-#*	т. е. чистая основа, оканчивающаяся на *-a*.
du.	N.—A.m.	*-ā*, *-au-*	на месте тематического гласного;
		-#	т. е. чистая основа на тематический гласный, как в единственном числе в редких формах;
	N.—A.n.	*-ī*;	по правилам сандхи, *-a+ī>-e*.
	I.—D.—Abl.	*-bhyām*,	причем предшествующий тематический гласный удлиняется;
	G.—L.	*-yos*,	где *-y-* является соединительным согласным.
pl.	N.m.	*-as*;	по правилам сандхи, *-a+as>-ās*
		-asas	— вариант удвоенного окончания (более редкий), который в самхитах после PB постепенно выходит из употребления;
	N.—A.n.	*-ā*, *-āni-*;	в PB *-āni* — более редкий вариант, в дальнейшем положение меняется;
	A.m.	*-ān*	(*<*āns* — вариант, засвидетельствованный правилами внешнего сандхи в виде *-āṃs*, *-āṃç*);
	I.	*-ebhis*	— в PB — равноправный вариант окончания, в дальнейшем выходит из употребления;
		-ais	на месте тематического гласного (ср. I.pl. *tais* от местоимения *tá-*).
	D.—Abl.	*-ebhyas*	
	G.	*-ām*	— окончание, присоединяемое с помощью согласного *-n-* к основе с удлиненным тематическим гласным, т. е. *-ānām*;
	L.	*-eṣu*	

Образцы склонения — *devá-* m. 'бог', *padá-* n. 'шаг', 'след':

sg.	N.	*devás*	N.—A. *padám*
	A.	*devám*	
	I.	*devéna*	*padéna*
	D.	*devā́ya*	*padā́ya*
	Abl.	*devā́t*	*padā́t*
	G.	*devásya*	*padásya*
	L.	*devé*	*padé*
	V.	*déva*	*páda*
du.	N.—A.	*devā́*, *devaú*	*padé*
		devá	
	I.—D.—Abl.	*devā́bhyām*	*padā́bhyām*
	G.—L.	*deváyos*	*padáyos*
pl.	N.	*devā́s*, *devā́sas*	
	A.	*devā́n*	N.—A. *padā́*, *padā́ni*
	I.	*devébhis*, *devais*	*padébhis*, *padais*
	D.—Abl.	*devébhyas*	*padébhyas*
	G.	*devā́nām*	*padā́nām*
	L.	*devéṣu*	*padéṣu*

По этому типу склоняются также многочисленные прилагательные с основой на *-a-*. Исключение составляет лишь небольшая группа местоименных прилагательных, как *katará-* 'который', *anyá-* 'другой' и т. п., которые следуют целиком или в значительной степени местоименному типу склонения.

Соответствующие существительные и прилагательные основы женского рода образуются с помощью суффиксов на долгие гласные *-ā-* или *-ī-*.

Основы на -ī-

К производному склонению относится бóльшая часть основ на *-ī-* женского рода. Они могут иметь соответствующие существительные мужского рода с другим типом основы, например: *devī-* 'богиня'— *devá-* 'бог', *sárasvatī-* nom.pr. богини — *sárasvat-* nom.pr. бога и др., но могут и не иметь его, например: *ródasī-* 'вселенная', *çámī-* 'работа' и др.

Основы этого типа бывают как баритонированными, так и окситонированными. У баритонированных основ акцентная парадигма неподвижна, у окситонированных ударение переходит на окончание в слабых падежах с гласными окончаниями, поскольку конечный элемент основы приобретает консонантный характер.

Особенность этого склонения заключается в том, что в парадигме склонения чередуются два вида основы: на *-ī-* и на *-yā-*. Это распределение не совпадает, однако, с делением падежей на сильные и слабые. Основа на *-yā-* представлена в трех слабых падежах: D., Abl.—G. и I.sg., в остальных слабых падежах, а также в сильных употребляется основа на *-ī-*.

Особенности флексии в этом склонении таковы:

sg.	N.	*-#*,	т. е. чистая основа, оканчивающаяся на *-ī*;
	A.	*-m*	(а не *-am*, как у согласного склонения на *-ī-*);
	I.	*-ā*,	дающее, по правилам сандхи, в сочетании с основообразующим элементом *-yā* (трактовка этой формы как основы на *-yā-*> *-yā-+-ā* недопустима потому, что в I.sg. *-yā-* в мантрах бывает большей частью двусложным, т. е. *ī+ā*, в отличие от односложных флексий падежей на *-yā-*);
	D.	*-ai*;	в сочетании с основообразующим элементом *-yai*;
	Abl.—G.	*-ās*;	в сочетании с основообразующим элементом *-yās*;
	L.	*-ām*;	в сочетании с основообразующим элементом *-yām*;
	V.	*-#*	при сокращении основообразующего элемента, т. е. *-i*.
du.	N.—A.	*-ī*	(<*-ī+ī*).
pl.	N.—A.	*-s*;	
	G.	*-ām*,	причем окончание присоединяется к основе с помощью согласного *-n-*, т. е. *-īnām*.

Образец склонения — *devī-* f. 'богиня':

	sg.		du.		pl.
N.	*devī*	N.—A.	*devī*	N.—A.	*devīs*
A.	*devīm*	I.—D.—Abl.	*devībhyām*	I.	*devībhis*
I.	*devyā*	G.—L.	*devyós*	D.—Abl.	*devībhyas*
D.	*devyai*			G.	*devīnā́m*
Abl.—G.	*devyās*				
L.	*devyā́m*			L.	*devīṣu*
V.	*dévi*				

У некоторых основ, склоняющихся по данному типу, в парадигму склонения могут проникать отдельные формы из консонантной парадигмы. Смешанную парадигму имеет существительное *strī-* 'женщина' (по происхождению двусложное слово): по производному типу N.sg. *strī*, D.sg. *striyai*, G.sg. *striyās*, L.sg. *striyā́m*, по корневому типу A.sg. *strīyam*, N.—A.pl. *strīyas*.

Основы на -ā-

Основы этого типа бывают исключительно женского рода' существительные и прилагательные. Часть из них имеет соответствующие основы мужского рода на *-a-*, например: *áçvā-* 'кобыла'— *áçva-* 'жеребец', *priyā́-* 'милая'— *priyá-* 'милый' и т. д., другие — нет, например: *kanīā-* 'девушка', *chāyā́-* 'отражение', 'тень' и пр.

Ударение в парадигме склонения неподвижное, флексия — в принципе та же, что и у производных основ на *-ī-*. Специфика этого типа склонения заключается в форме, которую имеет основа в некоторых падежах, и в способе присоединения флексии к основе в ряде других падежей.

В данном типе склонения в трех формах конечный гласный основы *-ā-* заменяется на *-ay-/-e-*: в I.sg. *-ay-* (форма оканчивается на *-ayā*), в G.—L.du. *-ay-* (форма оканчивается на *-ayos*) и в V.sg. *-e* при нуле окончания. В D., Abl.—G. и L.sg. флексии присоединяются к основе на *-ā* через соединительный согласный *-y-* (заимствование из производных основ на *-ī-*), что дает исходы соответствующих форм *-āyai*, *-āyās*, *-āyā́m*.

N.sg. имеет нулевую флексию, как в производных основах на *-ī-*, N.—A.du. *-ī*, что, по правилам сандхи, дает исход *-e* (<*-ā+ī*). N.pl. по аналогии с основами на *-a-* кроме основного исхода *-ās* имеет вариант *-āsas*, который после РВ быстро выходит из употребления.

Образец склонения — *priyā́* 'милая', f. 'возлюбленная':

	sg.		du.
N.	*priyā́*	N.—A.	*priyé*
A.	*priyā́m*	I.—D.—Abl.	*priyā́bhyām*

	sg.		du.
I.	*priyáyā*	G.—L.	*priyáyos*
D.	*priyáyai*		
Abl.—G.	*priyáyās*		
L.	*priyáyām*		
V.	*príye*		

	pl.
N.—A.	*priyás*
	priyásas
I.	*priyábhis*
D.—Abl.	*priyábhyas*
G.	*priyáṇām*
L.	*priyásu*

У ряда основ с суффиксами *-yā-* и *-tā-* форма I.sg. равна основе (точнее, флексия *-ā* присоединяется к основе на *-ā-*, а не на *-ay-*), например, I.sg. *priyá* 'с возлюбленной', I.sg. *mamátā* 'из собственного интереса'— основа *mamátā-* и др.

Основы на -i-, -u-

К этому типу принадлежат основы всех трех родов, существительные и прилагательные. Склонение отличается нерегулярностью, большим количеством отклонений, а в среднем роде — недостаточно полной установленностью парадигмы.

Это единственный тип склонения, объединяющий все три грамматических рода, а в ведийском языке наблюдаются тенденции к дифференциации отдельных родов в пределах склонения с помощью флексии и чередования конечного элемента основы. Процесс этот в самхитах весьма далек от завершения, поэтому многочисленные варианты отдельных граммем падежа затемняют системный характер отношений внутри всей парадигмы. Наряду с этим делаются попытки дифференцировать женский род на уровне словообразования, ср., например, *mádhu-* m., n., f. 'сладкий' и *vásu-* m., n. 'хороший'— *vásvī-* f. 'хорошая'.

У баритонированных основ ударение при склонении бывает неподвижным, у окситонированных — переходит на гласные окончания в связи с консонантизацией конечного элемента основы в соответствии с правилами сандхи.

В противопоставлении родов внутри данного типа основ наблюдается определенная иерархия. Прежде всего одушевленный род, т. е. мужской и женский вместе, противопоставлен среднему (формально — и по характеру изменений конечного элемента основы, и по флексии), а затем — женский род мужскому в пределах одушевленного рода (формально — только по ряду флексий).

В некоторых падежах в этих парадигмах конечный элемент основы представлен ступенью гуна, а именно в D.sg. и N.pl.— *-ay-*, *-av-* перед гласным окончания (то же в L.sg. у некоторых имен на *-u-* с исходом формы *-avi*); в G.—Abl.sg.—*-e-*, *-o-* перед согласным окончания, то же в V.sg. перед нулем окончания. В L.sg. он представлен ступенью вриддхи перед нулем окончания: *-au* у основ на *-i-* и *-u-*, *-ā* у основ на *-i-*. В N.—A.du. одушевленного и среднего рода одним из вариантов окончания является нулевая флексия, перед которой удлиняется основообразующий гласный, т. е. исход формы имеет вид *-ī*, *-ū*. То же происходит перед флексией G.pl.: исход форм — *-īnām*, *-ūnām*.

Ряд гласных флексий присоединяется к основе посредством соединительного согласного *-n-*. В I.sg.m.n. и в G.pl. всех родов соединительный согласный обязателен: соответственно *-inā*, *-unā* и *-īnām*, *-ūnām*. В среднем роде в косвенных падежах единственного числа и в прямых падежах двойственного и множественного числа в самхитах встречаются варианты флексии с соединительным согласным, которые в дальнейшем развитии языка становятся единственным окончанием.

Характерные особенности флексии этого типа основ следующие:

sg.	N.	m., f.	*-s*;
	A.	m., f.	*-m*;
	N.—A.	n.	*-#*;
	I.	m., f., n.	*-ā*, m., n. *-n-ā*, f. *#* (*-ī#*, *-i#*) у основ на *-i-*;
	D.	m., f., n.	*-e* (m., f., n. *-ay-e*, *-av-e*; n. *-u-n-e*);
	Abl.—G.	m., f., n.	*-s* (m., f., n. *-e-s*, *-o-s*);
		n.	*-as* (*-u-n-as*);
	L.	m., f., n.	*-#* (*-au #*) у всех основ;
		m., f., n.	*-#* (*-ā#*) у основ на *-i*;
		m., n.	*-i* (m., n.— *-av-i*, n. *-u-n-i*);
	V.	m., f., n.	*-#* (m., f. *-e#*, *-o#*, n.— *-i#*, *-o#*).
du.	N.—A.		*-#* (m., f., n.— *-ī*, *-ū*).
pl.	N.	m., f.	*-as* (*-ay-as*, *-av-as*);
	A.	m.	*-n* (*-īn*, *-ūn*);
		f.	*-s* (*-īs*, *-ūs*);
	N.—A.	n.	*-#* (*-ī#*, *-ū#*, *-i#*, *-u#*); *-i* (*-ī-n-i*, *-ū-n-i*).

Распределение флексий в граммемах некоторых падежей требует особых пояснений. В I.sg.f. наиболее частым исходом является *-ī* типа *cittī* 'с пониманием' от *citti-*, *hetī* 'дротиком' от *heti-* и т. п. В определенных местах метрической схемы ко-

нечный долгий гласный I.sg.f. может сокращаться, ср., например, в конце пады *suvṛktí* (V, 41,10) 'с помощью прекрасной песни' и др. Флексия *-y-ā* у основ на *-i-* в РВ встречается почти в два раза реже, в дальнейшем же становится постепенно флексией женского рода в этом падеже. Флексия *-ṛ-ā* встречается у основ на *-i-* женского рода редко, ср., например, I.sg.f. *nábhinā* (VI, 39,4) от *nábhi-* 'втулка колеса' и др. Следует отметить, что в единичных случаях формы женского рода единственного числа на *-ī* от основ на *-i-* могут иметь значение D.sg., например, *átī* (I, 100,1—15) 'на помощь'. У соответствующих основ на *-u-* в этом падеже, наоборот, нормой является *-v-ā*, *-ắ* встречается редко. Исходы с носовым соединительным согласным *-inā*, *-unā* во всех трех родах после РВ постепенно становятся нормой.

В L.sg. основы на *-i-* имеют два варианта исхода: *-ā* перед согласной (<**ai*), *-āv*/*-au* перед гласной и в абсолютном исходе (заимствование у основ на *-u-*). Постепенно *-au* вытесняет *-ā* и становится главным вариантом окончания. У основ на *-u-* главный вариант исхода *-au*, редкий *-av-i*, например: *sā́ṇavi* 'на вершине' от *sā́nu-* наряду с *sā́nau* и с *sā́nuni*.

В среднем роде в N.—A.pl. имеют место в качестве основного варианта формы без носового соединительного согласного (в дальнейшем ситуация меняется).

В A.pl.m. исходная форма окончания *-īn*, *-ūn* засвидетельствована правилами сандхи в виде *-īṃs*, *-īṃr*, *-ūṃs*, *-ūṃr*.

Основы женского рода в единственном числе в косвенных падежах, начиная с D., могут иметь варианты усиленных окончаний производного склонения: D. *-yai*, *-vai*, Abl.—G. *-yās*, *-vās*, L. *-yām*, *-vām*. В РВ эти формы редки, например: D. *bhṛtyai* 'для поддержки' от *bhṛtí-*, Abl. *nā́bhyās* 'из центра' от *nā́bhi-*, *bhū́myām* 'на земле' от *bhū́mi-* и некоторые другие. После РВ роль этих вариантов все более возрастает.

Образцы склонения основ на *-i-* — *agní-* m. 'огонь', *matí-* f. 'мысль', 'молитва':

sg.	N.	*agnís*	*matís*
	A.	*agním*	*matím*
	I.	*agnínā*	*matyā́*, *matí*
	D.	*agnáye*	*matáye*, *matyai*
	Abl.—G.	*agnés*	*matés*, *matyā́s*
	L.	*agnaú*, *agnā́*	*mataú*, *matyā́m*
	V.	*ágne*	*máte*
du.	N.—A.	*agní*	*matí*
	I.—D.—Abl.	*agníbhyām*	*matíbhyām*
	G.—L.	*agnyós*	*matyós*
pl.	N.	*agnáyas*	*matáyas*
	A.	*agnín*	*matís*
	I.	*agníbhis*	*matíbhis*
	D.—Abl.	*agníbhyas*	*matíbhyas*
	G.	*agnīnā́m*	*matīnā́m*
	L.	*agniṣu*	*matiṣu*

Основы среднего рода на *-i-* отличаются от основ мужского рода в прямых падежах, например, от основы *çúci-* 'сверкающий', N.—A.sg.n. *çúci*, N.—A.du.n. *çúcī*, N.—A.pl.n. *çúcīṇi*, *çúcī*, *çúci*.

Существительные *sákhi-* 'друг' и *páti-* 'муж' склоняются по согласному образцу (см. с. 213—214); *páti-* в значении 'господин' склоняются по образцу *agní-*. У некоторых имен, как указывалось ранее, могут встречаться отдельные формы, образованные по типу согласного склонения.

Основа *ví-* m. 'птица' имеет в РВ N.sg. *vís* и *vés*. Несклоняемое слово *yós* 'благо', 'счастье' (в формуле благословения *çáṃ yós*) представляет собой N.sg. той же структуры со ступенью гуна.

У ряда основ женского рода реальная парадигма представляет собой смесь форм от двух типов основ: на *-i-* и на *-ī-*, например: *óṣadhi-*/*óṣadhī-*, *nā́ri-*/*nā́rī-*, *bhū́mi-*/*bhū́mī-* и др.

Образцы склонения основ на *-u-* — *paçú-* m. 'скот', 'животное', *dhenú-* f. 'дойная корова', *mádhu-* n. 'мед', 'сладкий напиток', adj. 'сладкий':

sg.	N.	*paçús*	*dhenús*	N.—A. *mádhu*
	A.	*paçúm*	*dhenúm*	
	I.	*paçvā́*, *paçúnā*	*dhenvā́*	*mádhvā*, *mádhunā*
	D.	*paçáve*, *páçve*	*dhenáve*, *dhenvai*	*mádhave*, *mádhune*
	Abl.—G.	*paçós*, *paçvás*	*dhenós*, *dhenvā́s*	*mádhos*, *mádhunas*
	L.	*paçaú*	*dhenaú*, *dhenvā́m*	*mádhavi*, *mádhau*, *mádhuni*
	V.	*páço*	*dhéno*	*mádhu*
du.	N.—A.	*paçú*, *páçvā*	*dhenú*	*mádhvī*
	I.—D.—Abl.	*paçúbhyām*	*dhenúbhyām*	*mádhubhyām*
	G.—L.	*paçvós*	*dhenvós*	*mádhunos*
pl.	N.	*paçávas*	*dhenávas*	N.—A. *mádhū*, *mádhu*, *mádhūni*
	A.	*paçū́n*, *paçvás*	*dhenū́s*	

pl.	I.	*paçúbhis*	*dhenúbhis*	*mádhubhis*
	D.—Abl.	*paçúbhyas*	*dhenúbhyas*	*mádhubhyas*
	G.	*paçūnā́m*	*dhenūnā́m*	*mádhūnām*
	L.	*paçúṣu*	*dhenúṣu*	*mádhuṣu*

В отличие от основ на *-i-*, у основ на *-u-* флексия среднего рода засвидетельствована полнее прежде всего в связи с наличием группы прилагательных с этой основой.

Следы чередования при склонении можно обнаружить в двух основах на *-u-*, у которых некоторые формы парадигмы образованы от односложных основ: *dā́ru-* n. 'дерево', 'дрова', N.—A.sg. *dā́ru*, N.—A.pl. *dā́rūṇi* — I.sg. *drúṇā*, G.sg. *drúṇas* и *drós*; *sā́nu-* 'вершина', N.—A.sg.n. *sā́nu*, A.sg.m. *sā́num*, I.sg. *sā́nunā*, Abl.sg. *sā́nos* и т. д.— I.sg. *snúvā*, Abl.sg. *snós*, I.pl. *snúbhis*, L.pl. *snúṣu*.

ГЕТЕРОКЛИТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ

В отличие от всех остальных типов основ речь здесь идет не о едином регулярном склонении, представленном полной парадигмой, а об отдельных исключениях из прочих типов склонений, обладающих одной общей характеристикой: в косвенных падежах используется преимущественно основа на *-ar-*, в прямых падежах — основа другого типа. Таким образом, эта парадигма является супплетивной. Ей свойственно подвижное ударение. По данному образцу склоняется несколько существительных среднего рода, бóльшая часть которых представляет собой названия частей тела. Парадигма этих имен обычно бывает дефектной.

У нескольких существительных наблюдается в склонении супплетивизм основы на *-ar-* и на *-i-*. Распределение основ в соответствии с сильными и слабыми падежами соблюдается только в единственном числе. Это *ákṣi-*, *akṣí-/akṣán-* 'глаз' (N.—A.sg. *ákṣi*, N.—A.du. *akṣí*, N.—A.pl. *ákṣīṇi*, I.—D.—Abl.du. *akṣíbhām* — Abl.—G.sg. *akṣṇás*, N.—A.pl. *akṣáṇi*, I.pl. *akṣábhis*), *ásthi-/asthán-* 'кость' (N.—A.sg. *ásthi*, N.—A.pl. *ásthīni* — Abl.—G.sg. *asthnás*, N.—A.pl. *asthā́ni*, I.pl. *asthábhis*), *dádhi-/dadhán-* 'кислое молоко' (N.—A.sg. *dádhi* — I.sg. *dadhnā́*, Abl.—G.sg. *dadhnás*), *sákthi-/sakthán-* 'бедро' (N.—A.sg. *sákthi*, I.—D.—Abl.du. *sákthibhyām*, G.—L. *sákthyos* — I.sg. *sakthnā́*, N.—A.pl. *sakthā́ni*). У одной основы это чередование в склонении менее отчетливо, так как на него налагаются словообразовательные различия. Это *āsía-/āsán-* n. 'рот' (ср. также корневое имя *ās-* id.), у которого основа на *-an-* встречается только в слабых падежах (A.sg. *āsíam*, I.sg. *āsíena*, Abl.sg. *āsíāt*, L.sg. *āsíe* — I.sg. *āsnā́*, D.sg. *āsné*, Abl.—G.sg. *āsnás*, L.sg. *āsáni*, *āsán*, I.pl. *āsábhis*).

У нескольких существительных основе на *-an-* в косвенных падежах соответствует основа на *-r+t-* или *j-* в прямых падежах. Это *ásṛj-/asán-* 'кровь' (N.—A. sg. *asṛk* — I. sg. *asnā́*, Abl.—G.sg. *asnás*), *yákṛt-/yakán-* 'печень' (N.—A.sg. *yákṛt* — Abl.—G.sg. *yaknás*), *çákṛt-/çakán-* 'навоз' (N.—A.sg. *çákṛt-* — I.sg. *çaknā́*, Abl.—G.sg. *çaknás*).

Тот же тип чередования *-r-/-n-*, но только в ступени гуна, представлен в парадигме основы *údhar-/údhan-* 'вымя' (N.—A.sg. *údhar*, L.pl. *údhaḥsu* — L.sg. *údhan*, *údhani*, при слабой ступени основ на *-an-* в *údhnas*, I.pl. *údhabhis*).

Чередование трех типов основ *-an-/-ar-/-as-* засвидетельствовано у существительного *áhan-/áhar-/áhas-* 'день' (N.—A.sg. *áhar*, вся остальная парадигма от *áhan-*: I.sg. *áhnā*, D.sg. *áhne* и т. д., N.—A.du. *áhanī*, N.—A.pl. *áhāni*, I.pl. *áhabhis* и т. д. и одна форма от *áhas-* — I.pl. *áhobhis*).

Есть еще несколько слов, не составляющих единой группы, у которых основа на *-n-* не имеет прямых падежей, а основа другого способа образования дополняет ее в прямых падежах (в косвенных же иногда могут выступать обе основы). Это *udaká-/udán-* 'вода' (ср. *úd-* id.; I.sg. *udnā́*, Abl.—G.sg. *udnás* и т. д.— N.—A. *udakám*, Abl.sg. *udakā́t*), *dós-/doṣán-* 'рука' (G.sg. *doṣṇás-* — N.—A.sg. *dós*), *yūṣá-/yūṣán-* 'мясная похлебка' (Abl.—G.sg. *yūṣṇás* — N.—A. *yūṣám*), *çíras-/çīrṣán* 'голова' (I.sg. *çīrṣṇā́* и т. д.— N.—A.sg. *çíras*).

Следы гетероклитических основ можно обнаружить также в отдельных случаях в сложных словах, в деноминативных глаголах и в именном словообразовании.

ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ

Подкласс имени числительного характеризуется особой семантикой: референтами единиц этого подкласса являются числа. По характеру отражения чисел, с точки зрения их количественной характеристики или порядка в последовательном ряду, числительные делятся на два основных типа: количественные и порядковые. Этому семантическому разбиению соответствуют разные формальные особенности.

Ведийская система счисления является десятичной. Это отражено в структуре числительных: названия чисел 1—10 лежат в основе всех остальных рядов.

Названия чисел 1—10, десятков, ста, тысячи и кратных им чисел (насколько они засвидетельствованы в ведийских текстах) следует дать списком:

1 — *éka-*	10 — *dáça-*	100 — *çatá-*
2 — *dvá-*, *du(v)á-*, *dví-*	20 — *viṃçatí-*	1 000 — *sahásra-*

3 — *tri-*	30 — *triṃçát-*	10 000 — *ayúta-*[3]
4 — *catúr-*	40 — *catvāriṃçát-*	100 000 — *niyúta-*
5 — *páñca-*	50 — *pañcāçát-*	1 000 000 — *prayúta-*
6 — *ṣáṣ-*	60 — *ṣaṣṭí-*	10 000 000 — *árbuda-*
7 — *saptá-*	70 — *saptatí-*	100 000 000 — *nyàrbuda-*
8 — *aṣṭá-*	80 — *açīti-*	
9 — *náva-*	90 — *navatí-*	и т. д.

Приведенные в списке слова являются, с синхронной точки зрения, простыми. Названия десятков со второго по пятый включительно образованы с помощью элемента *-çat-/-çati-* (с синхронной точки зрения, суффикс числительных, этимологически связанный с *dáça-* — 10), а со второго по девятый — с помощью суффикса *-ti-*. Названия всех десятков, кроме второго, базируются на названиях соответствующих единиц. Во втором десятке исходной является частица *-vi-*, а не количественное числительное *dva-*. Исходная основа, предшествующая *-çat-/-çati-* везде, кроме названия пятого десятка, имеет назализованную форму. В названии четвертого десятка в качестве исходной основы функционирует форма N.—A.pl.n. *catvári* от *catúr-*. В названии пятого десятка конечный гласный исходной основы удлиняется. В названии восьмого десятка суффикс *-ti-* присоединяется через соединительный гласный *-i-* не к основе соответствующей единицы с суффиксом *-ta-*, а к корню.

Названия промежуточных между десятками чисел являются сложными словами типа двандва[4], в которых на первом месте стоят единицы, а на втором десятки, при этом ударение всегда бывает на первом члене. У числительного «два» и по аналогии с ним у числительного «один», а также у числительного «восемь» происходит удлинение конечного *-a*: *ékādaça-* — 11, *dvádaça-* — 12, *ṣóḍaça-* — 16 (фонетическое изменение по правилам сандхи), *aṣṭā́daça-* — 18, *ékatriṃçat-* — 31, *cátuḥsahasra-* — 1004 и т. п. Числительное *tri-* в сложных словах, обозначающих промежуточные числа, представлено формой N.pl. *tráyas-*, например: *tráyodaça-* — 13, *tráyastriṃçát-* — 33, но *triçatá* — 300.

Другой способ образования названий промежуточных чисел, начиная с третьего десятка, и по этому же принципу чисел, в которых в качестве единиц выступают десятки или сотни, является синтаксическим. Сложение единиц, десятков, сотен, тысяч выражается посредством сочинительной синтаксической конструкции, члены которой часто (но не обязательно) связываются соединительным союзом *ca* 'и'. Присоединяемое, т. е. меньшее число стоит на первом месте, например: *tráyaç triṃçác ca* (AB) — 33, однако этот порядок не является строгим — ср. *açītiḥ santy aṣṭā́ utó te saptá saptatiḥ* (AB, IX, 47,3) 'они бывают (числом) восемьдесят восемь, а также их семьдесят семь'. Иногда связь между частями настолько свободная, что неясно, идет ли речь о передаче одного числа, или по крайней мере двух, например: *ṣaṣṭíḥ çatā́ suṣupuḥ ṣáṭ sahásrā | ṣaṣṭír vīráso ádhi ṣáḍ duvoyú* (VII, 18,14) 'шестьдесят сотен шесть тысяч шестьдесят героев и еще шесть уснули (навеки) с почетом'.

Изредка промежуточные числа — как правило, число 9 — выражаются с помощью вычитания от последующего десятка единицы и т. д. Формально это выражается или трехчленным сложным словом, средний член которого — это прилагательное *ūná-* 'недостающий', например: *ekonaviṃçatiḥ* — 19 (букв. '20 с недостающей единицей'), или синтаксической конструкцией с отрицанием *ná*, например: *ékān ná viṃçatíḥ* — 19 (букв. 'из-за одного [Abl.] не 20'). В РВ эти способы выражения не встречаются.

Количественные числительные являются прилагательными или существительными по своим морфологическим и синтаксическим характеристикам. Они описываются с помощью тех же грамматических категорий, которые свойственны этим подклассам, отличаясь способом выражения этих категорий (формально меньшая выраженность).

Числительные 1—10 и те числительные, которые на них оканчиваются, являются прилагательными. Из них 1—4 — единственная группа основ во всем подклассе, которая изменяется по родам. Об адъективном характере числительных 5—10 можно судить по данным синтаксического уровня. Зависящее от них «считаемое» существительное обычно не бывает в родительном падеже [единственное исключение встречается один раз в РВ: *páñca kṣitīnā́m* (V,35,2) 'пять поселений', где *páñca* стоит в ряду других числительных]. Если числительное в данном падеже имеет флексию, то согласование в падежах формально выражено, например: *pañcásu jáneṣu* 'среди пяти народов', *saptábhiḥ putrais* 'с семерыми сыновьями', *navānā́m navatīnā́m viṣásya rópuṣīṇām* 'у девяноста девяти разрушительниц яда', *rā́jabhir daçábhis* 'десятью царями' и т. п. Именно это формально выраженное согласование дает основания для такой же интерпретации и тех случаев употребления, когда у числительного нулевая флексия, например: *páñca kṛṣṭíṣu* 'среди пяти племен', *saptá raçmíbhis* 'семью лучами', *dáça kakṣīábhis* 'десятью подпругами' и др.

Остальные числительные являются именами существительными со значением собирательности: на *-çat-/-çati-*, *-ti-* женского рода, на *-a-* — среднего. «Считаемое» существительное может стоять при этом числительном в G.pl., например: *çatā́ ca viṃçatíṃ ca gónām* '120 быков', *navatíṃ nāvyànām* '90 судоходных рек', *viátīnām sahásram* '1000 скакунов' и т. п. Более обычной, однако, является и здесь адъективная конструкция согласования (по крайней мере в падеже), например: *ṣaṣṭíṃ*

[3] В перечнях больших чисел в разных самхитах наблюдаются различия. Лучше всего они засвидетельствованы в AB и особенно в ЯВ.

[4] См. раздел «Словосложение», с. 179.

sahásrā vásūni (A.pl.) '60 000 сокровищ', *trîṇi çatá trî sahásrāṇi trimçác ca devá* '3330 богов' и т. д.

Иногда числительное определяется оформленным прилагательным, обозначающим считаемый предмет, например: *gavyá sahásrā* 'на тысячи коров' (букв. 'тысячи, состоящие из коров'), *gávyam áçvyam... çatám* 'сто коров и коней' (букв. 'сотню, состоящую из коров и коней'). Эта синтаксическая конструкция подтверждает субстантивный характер числительного. В целом же в самхитах преобладают адъективные конструкции с числительными. Наконец, числительное и «считаемое» существительное могут составлять сложное слово[5]. Числительное *dva-* в составе сложных слов имеет форму *dvi-*: *dvijá-* 'дважды рожденный' и др.

Категория рода выражена у числительных слабо, поскольку она не релевантна для большей части числительных-прилагательных (от 5 до 10 включительно).

Категория числа выражена также слабо, поскольку для большинства членов этого подкласса она не является словообразовательной, т. е. невозможен ее выбор для данной единицы. *Eka-* склоняется только в единственном числе. Формы множественного числа имеют значение неопределенного местоимения «некоторые». *Dvá-* склоняется только в двойственном числе. Числительные от 3 до 10 склоняются только во множественном числе (и соответственно числительные, на них оканчивающиеся). Названия десятков, начиная со второго, обычно склоняются в единственном числе (в силу своего собирательного значения), формы множественного числа редки. *Çatá-*, *sahásra-* и др. названия кратных им больших чисел, которые не являются собственно числительными, а обычными существительными, склоняются во всех трех числах.

Категория падежа у числительных формально ограничена в выражении из-за слабой выраженности категорий рода и числа. Звательная форма числительных не употребительна вследствие их семантики. Граммемы падежа полнее всего различаются у числительного *éka-*, склоняющегося по типу местоименных прилагательных,— семь падежей. Для парадигмы склонения числительных 5—10 характерно совпадение N. и A.— парадигма в пять или менее падежей. Та же форма, равная основе, может употребляться иногда и в функции других падежей (примеры см. выше). Остальные типы числительных склоняются по типу имен существительных с той же основой: числительные на *-çat-*, как согласные основы имен женского рода, на *-çati-* и *-ti-*, как основы имен на *-i-* женского рода, на *-a-*, как основы имен на *-a-* среднего рода.

Числительное *éka-* склоняется, как прилагательное с основой на *-a-*: N.sg.m. *ékas*, N.—A.sg.n. *ékam*, N.sg.f. *ékā* по типу местоименных прилагательных *víçva-* 'весь', *sárva-* 'целый' и др., т. е. в D., Abl., L.sg. трех родов и в N.pl.m. имеет окончания основы указательного местоимения *tá-* 'тот', 'он'[6].

Числительное *dvá-* склоняется, как прилагательное на *-a-* m., n. и на *-ā-* f.:

N.—A.m. *dvá*, *dvaú*; n., f. *dvé*
I.—D.—Abl. *dvábhyām*
G.—L. *dváyos*

Числительное *tri-* в мужском и среднем роде склоняется как имя с основой на *-i-*. В женском роде это числительное имеет основу на *-ṛ-* — *tisṛ-*. В отличие от имен существительных на *-ar-* эта основа не подвержена чередованию гласных: N.pl. имеет ту же слабую ступень, что и A.pl., и эти падежи не различаются по флексии.

	m.	n.	f.
N.	*tráyas*	N.—A. *trî*, *trîṇi*	N.—A. *trisrás*
A.	*trîn*		
I.		*tribhis*	*tisṛbhis*
D.—Abl.		*tribhyás*	*tisṛbhyas*
G.		*trīṇām*	*tisṝṇām*
L.		*triṣú*	*tisṛṣu*

Числительное *catúr-* в мужском и среднем роде имеет изменяемую при склонении основу: в сильных падежах *catvár-*, в слабых — *catúr-*. Акцентная парадигма неподвижная, если не считать обычного для G.pl. передвижения ударения на окончание. В женском роде выступает основа *catasṛ-*, которая имеет ту же флексию, что и *tisṛ-*, но при этом ударение подвижное, хотя схема, характерная для существительных, нарушена, и A.pl. имеет то же ударение, что и N.pl.

	m.	n.	f.
N.	*catvâras*		N.—A. *cátasras*
A.	*catúras*	N.—A. *catvâri*	
I.		*catúrbhis*	*catasṛbhis*
D.—Abl.		*catúrbhyas*	*catasṛbhyas*
G.		*caturṇâm*	*catasṛṇâm*
L.		*catúrṣu*	*catasṛṣu*

У числительных 5—10 совпадают N. и A. Исключая *aṣṭá-*, они имеют в этих падежах нулевую флексию, т. е. форма равна основе. У числительных *páñca-*, *saptá-*, *náva-*, *dáça-* форма N.—A. оканчивается на *-a*, как у существительных среднего

[5] О числительных в составе сложных слов см. в разделе «Словосложение» (с. 179, 183, 187).

[6] См. раздел «Местоимения».

рода на *-an-*[7]. Они склоняются как существительные среднего рода на *-an-* во всех падежах, кроме G.pl., который следует образцу основ на *-a-*. У числительного *aṣṭá-* N.—A. имеют окончание двойственного числа на *-á́*, *-aú* (видимо, репрезентация восьми как двух четверок). Числительное *ṣáṣ-* имеет здесь нулевую флексию по типу всех согласных основ в N.sg. У баритонированных основ в косвенных падежах ударение перемещается на основообразующий гласный. *Ṣáṣ-* и *aṣṭá-* имеют подвижную акцентную парадигму с различением сильных и слабых падежей. *Saptá-* имеет неподвижную парадигму, если не считать перемещения ударения на окончание в G.pl., как у всех числительных.

Парадигма склонения *páñca-* следующая:

N.—A.	*páñca*
I.	*pañcábhis*
D.—Abl.	*pañcábhyas*
G.	*pañcānā́m*
L.	*pañcásu*

Числительные *saptá-*, *náva-*, *dáça-* имеют флексию того же типа, что и *páñca-*.

У числительного *aṣṭá-* флексия косвенных падежей присоединяется к форме прямого падежа двойственного числа на *-ā*:

N.—A.	*aṣṭā́*, *aṣṭaú*
I.	*aṣṭābhis*
D.—Abl.	*aṣṭābhyás*
G.	*aṣṭānā́m*
L.	*aṣṭāsú*

Числительное *ṣáṣ* следует образцу склонения корневых согласных основ. G.pl. в самхитах не засвидетельствован.

N.—A.	*ṣáṭ*
I.	*ṣaḍbhis*
D.—Abl.	*ṣaḍbhyás*
L.	*ṣaṭsú*

Порядковые числительные являются прилагательными с основой на *-a-* мужского и среднего рода. Соответствующие основы женского рода образуются с основой на *-ī-* от всех числительных, кроме первых четырех, от которых они образуются на гласный *-ā-*. Порядковое числительное «четвертый» образуется не от основы соответствующего количественного числительного *catúr-*, а от ее редуцированного варианта *tur-* (ср. засвидетельствованную в ЯВ производную основу *turya-*).

Базой для всех порядковых числительных, кроме числительного «первый», служат соответствующие количественные числительные. В основе порядкового числительного «первый» лежит приставка-наречие *prá-* 'вперед'.

[7] Именно поэтому древнеиндийские грамматики рассматривали эти числительные как основы на *-an-* среднего рода: *páñcan-* и т. д., как *nā́man-* 'имя'.

В ведийском языке нет единого способа образования порядковых числительных.

Порядковые числительные от 1 до 10 образуются с помощью ряда тематических суффиксов, находящихся, как правило, под ударением:

1 — *prathamá-*	6 — *ṣaṣṭhá-*
2 — *dvitī́ya-*	7 — *saptátha-*, *saptamá-*
3 — *tṛtī́ya-*	8 — *aṣṭamá-*
4 — *turī́ya-* (РВ), *caturthá-*	9 — *navamá-*
5 — *pañcamá-* *pañcathá-* (редко)	10 — *daçamá-*

С помощью суффикса *-tamá-* образуются порядковые числительные от количественных 100 и 1000: *çatatamá-*, *sahasratamá-* (от употребления в функции суффикса превосходной степени прилагательных его отличает место ударения).

Порядковые числительные от названий десятков образуются путем изменения конца основы соответствующего количественного прилагательного: их основа оканчивается на *-á-*, которое заменяет собой *-i-* в суффиксе *-ti-* и до которого усекаются суффиксы *-çat-* и *-çati-*. Конечный тематический гласный этих порядковых числительных всегда находится под ударением, например: *catvāriṃçá-* 'сороковой', *ekaviṃçá-* 'двадцать первый' и т. д.

Порядковые числительные от 11 до 19 образуются путем переноса ударения на конечный тематический гласный: *ekādaçá-* 'одиннадцатый' от *ékādaça-* — 11, *ṣoḍaçá-* 'шестнадцатый' от *ṣóḍaça* — 16 и т. п.

В склонении порядковых числительных встречаются отдельные формы, образованные по местоименному типу, например: G.sg.f. *prathamásyās*, L.sg.f. *tṛtī́yasyām* и др.

В отдельных случаях, нерегулярно, порядковые числительные могут употребляться в функции дробных, как *saptamá-* — $^1/_7$, *ṣoḍaçá-* — $^1/_{16}$ (после РВ).

Числительные 2—4 служат базой для образования наречий[8], выражающих кратность с помощью суффикса *-s*: *dvís* 'дважды', *trís* 'трижды', *catús* 'четырежды'; *sakṝ́t* 'единожды', 'сразу' образуется не от числительного. Остальные кратные числительные образуются синтаксическим путем посредством сочетания с наречием *kṝ́tvas* 'раз', например, *dáça kṝ́tvas* '10 раз'. В тех же конструкциях могут употребляться при количественных числительных и кратные числительные, например: *trís saptá* 'триж-

[8] О наречиях от числительных подробнее см. ниже, в разделе «Неизменяемые слова».

ды семь', употребляющиеся наряду со сложными словами, как *trisaptá* id.

Числительное-прилагательное *ubhá-* 'оба' склоняется только в двойственном числе. Производное от него прилагательное *ubháya-* 'обоюдный' употребляется в единственном и множественном числах, но не в двойственном. Тип склонения — как у местоименных прилагательных.

МЕСТОИМЕНИЯ

В отличие от существительных и прилагательных подкласс местоимений составляет конечное множество, образованное весьма ограниченным набором единиц. Этот подкласс обладает особой семантикой, противопоставляющей его всем остальным классам слов: референтами его единиц являются не постоянные понятия, а переменные и, так сказать, «субъективные» — участники или неучастники конкретных речевых актов и соотнесенные с ними указатели.

По участию—не-участию в акте речи местоимения делятся на два разряда: 1) участники акта речи — адресант (местоимения 1-го лица) и адресат (местоимения 2-го лица) и 2) неучастники акта речи (местоимения 3-го лица, они же указательные). Личные местоимения 1-го и 2-го лица противостоят местоимению 3-го лица (собственно «не-лицу») и по типу склонения. Все остальные разряды местоимений, связанные семантически с указательными местоимениями,— вопросительные, относительные, неопределенные местоимения — формально ориентируются на их парадигму.

Местоимения в ведийском языке описываются с помощью того же набора грамматических категорий, что и существительные с прилагательными: т. е. рода, числа и падежа, но репрезентация этих категорий у местоимений совсем иная.

Категория рода иррелевантна для личных местоимений. Она релевантна для указательных местоимений и тех, которые ориентируются на их парадигму.

Категория числа недостаточно грамматично выражена у личных местоимений, поскольку граммемы разных чисел связаны прежде всего с разными лексическими единицами — основами и лишь затем, и то недостаточно последовательно,— с разными окончаниями. Указательные и прочие местоимения не отличаются в отношении репрезентации категории числа от имен существительных.

Категория падежа представлена у местоимений всех разрядов весьма полно (семи- и шестичленные варианты парадигмы в единственном и во множественном числе). При этом устройство парадигмы склонения принципиально иное, чем у имени существительного, и в этом отношении местоимения всех разрядов, вместе взятые, противостоят имени существительному.

Отличия местоименной парадигмы от именной заключаются в целом ряде черт: 1) в пределах одной парадигмы наблюдается супплетивизм основ; 2) в большинстве парадигм основа N. противостоит основе остальных падежей, включая A., т. е. схема противопоставления падежей иная, чем у имени, и различения сильных и слабых падежей нет; 3) местоименным парадигмам свойствен ряд флексий, не встречающихся у имени (набор их зависит от типа местоимений), нулевая флексия используется не там, где у существительных; 4) отсутствует передвижение ударения при склонении; 5) отсутствует грамматически значимое регулярное чередование гласных; 6) во многих парадигмах перед окончаниями ряда падежных форм встречается элемент *-sm-* (при различении рода — *-sy-* в f.); 7) отсутствует звательная форма (кроме *asau*).

Парадигма личных местоимений 1-го и 2-го лица наиболее далеко отстоит по своему типу от субстантивных парадигм. Категория рода не выражена (отклонение — единичная форма A.pl.f. *yuṣmás* в ЯВ при A.pl.m. *yuṣmán*, образованная по аналогии с существительными). Категория числа выражена прежде всего лексически — разными основами в разных числах и в меньшей степени окончаниями. Ряд падежей единственного и множественного числа имеют одинаковые или фонетически близкие окончания (N., D., Abl.). Парадигма двойственного числа представлена более чем тремя формами (как это свойственно существительным). Наряду с полной парадигмой ударных форм существует неполная парадигма энклитических форм (здесь они указаны через точку с запятой).

Парадигма местоимений 1-го лица:

	sg.	du.	pl.
N.	*ahám* 'я'	N. *vám* 'мы двое'	N. *vayám* 'мы'
A.	*mắm*; *mā*,	A.—D.—G. *nau*	A. *asmắn*; *nas (me)*
I.	*máyā*	Abl. *āvát*, *āvābhyām*	I. *asmábhis*
D.	*máhyam*, *máhya*; *me*		D. *asmábhyam*, *asmé*; *nas*
Abl.	*mát*; *mámat*, *mattás*		Abl. *asmát*
G.	*máma*; *me*		G. *asmákam*, *asmé*; *nas*
L.	*máyi*, *mé*		L. *asmé*, *asmắsu*

Парадигма местоимений 2-го лица:

	sg.	du.	pl.
N.	*tvám* 'ты'	*yuvám* 'вы двое'	*yūyám* 'вы'
A.	*tvắm*; *tvā*	*yuvắm*; *vām*	*yuṣmắn*; *vas*

	sg.	du.	pl.
I.	*tváyā*, *tvā́*		*yuṣmā́bhis*
D.	*túbhyam*, *túbhya*; *te*	*yuvā́bhyām*, *yuvā́bhyām*; *vām*	*yuṣmábhyam*, *yuṣmé*; *vas*
Abl.	*tvát*	*yuvát*	*yuṣmát*
G.	*táva*; *te*	*yuvós*, *yuváyos*; *vām*	*yuṣmā́kam*, *yuṣmā́ka*, *yuṣmé*; *vas*
L.	*tváyi*, *tvé*		*yuṣmé*, *yuṣmā́su*

Парадигмы обоих личных местоимений имеют сходную структуру. Двойственное число местоимения 1-го лица в самхитах неполно засвидетельствовано (недостающие формы впервые встречаются в брахманической прозе).

N. всех чисел оканчивается у личных местоимений на *-am*. Различение числа в этом падеже связано с различением основ.

A.sg. имеет то же окончание, но с долгим гласным. Окончание *-am* отличает в этом падеже полные формы от энклитических (притом что в РВ *mā́m* и *tvā́m* нередко бывают двусложными). Элемент *-am* входит в состав и других окончаний личных местоимений: D.sg., pl. *-bhyam*, G.pl. *-ākam*. В этих окончаниях конечный *-m* является неустойчивым и исчезает в ряде сандхи.

Во всех приведенных парадигмах, кроме парадигмы местоимения 2 sg., в A.sg. и далее используется иная основа, чем в N.sg. В I.sg. основа имеет исход *-ay-*, а собственно флексией является *-ā-* — характерное окончание имен в этом падеже. Другой вариант той же ступени представлен энклитическими формами *me*, *te* (чистая основа). Вариант I.sg., образованный от местоименного корня плюс окончание, засвидетельствован редкой ригведийской формой *tvā́* (она же встречается и в словосложении).

D.sg. и pl. имеет окончание *-bhyam*, у местоимения 1sg. существует вариант этого окончания — *-hyam* (вызванный, по-видимому, диссимиляцией по отношению к начальному *m-*).

Abl. всех трех чисел имеет окончание *-at*. Форма *mámat* — случайное образование Abl. на основе G. Форма *mattás* (AB) образована от Abl. в качестве основы с помощью наречного суффикса *-tas*.

G.sg. представляет собой чистую основу, у местоимения 1-го лица здесь имеет место редупликация.

G.pl. является собственно формой среднего рода от посессивного прилагательного *asmā́ka-*.

В L.sg. окончание *-i* присоединяется к форме корня на *-ay-*, выступающей также в I.sg. Формы L. *me*, *te* образованы по аналогии с основами на *-a-*.

В L.pl. характерными местоименными формами являются *asmé*, *yuṣmé*, в то время как формы на *-āsu* образованы по аналогии с именной парадигмой. Формы L.sg. *asmé*, *yuṣmé* употребляются в РВ также в значении D. и G.pl. Остальные падежи множественного числа образованы по типу соответствующих падежей именной парадигмы.

В парадигмах множественного числа, начиная с Abl., окончанию предшествует элемент *-sm-*.

Парадигма двойственного числа, засвидетельствованная у местоимения 2-го лица лучше, чем у 1-го, различает пять падежей. Кроме того, особая форма I.du. засвидетельствована в РВ в сложных словах: *yuvā́-datta-* 'данный вами двоими', *yuvā́-nīta-* 'принесенный вами двоими'. Наконец, в РВ в функции G.du. может выступать неизменяемая основа прилагательного *yuvākú* (ср. G.pl., имеющий также адъективную основу).

В G.du. форма на *-áyos* образована по аналогии с именным типом.

Таким образом, в РВ фактически представлена шестичленная парадигма в двойственном числе. Дальнейшее развитие приводит к ее редукции до трех членов.

Энклитические формы личных местоимений употребляются в тех случаях, когда не делается смыслового акцента на категорию лица (так, они не употребляются при противопоставлении граммемы одного лица другому, а также с эмфатическими частицами, и с этой точки зрения, отсутствие эмфатической формы именительного падежа не случайно).

Если граммемы 1-го и 2-го лица представлены каждая одним местоимением, то для выражения граммемы 3-го лица используется несколько местоимений. В функции 3-го лица выступают указательные местоимения, для которых существенна дифференциация дейксиса ближайшего и отдаленного.

Семантическим различием между этими двумя разрядами местоимений — личными и указательными — соответствуют формальные. Парадигмы указательных местоимений по типу флексии в целом довольно близки парадигме имен на *-a-* m. и на *-ā-* f. (именно эти типы именных основ больше всего подверглись влиянию местоимений). Указательным местоимениям свойственно различение грамматического рода. Категория числа у этих местоимений выражена прежде всего грамматически, т. е. с помощью флексий, регулярного противопоставления разных основ по числам нет (более существен супплетивизм основ в пределах парадигмы одного числа, ср., однако, некоторое отклонение: *asaú* с основой *amí-*, используемой только во множественном числе).

От именной парадигмы склонение указательных местоимений отличается не только наличием обязательного супплетивизма основ, но и некоторыми характерными флексиями. Прямой падеж местоимений среднего рода оканчивается на *-d* (кроме *kím* и местоимений *ayám*, *asaú*), N.pl.m. — на *-e*, L.sg. — на *-in*. В единственном числе в D.—Abl.—L.m. окончанию предшествует элемент *-sm-*, а в D.—Abl.—G.—L. f. — *-sy-*.

В склонении указательных местоимений различаются два типа. Диагностическим для установления типа парадигмы являются формы N.sg. одушевленного рода. Если форма N.sg.m. оканчивается на *-as/-ạ* или N.sg.f.— на *-ā*, то данная основа принадлежит к регулярному типу склонения, для которого характерно окончание прямого падежа среднего рода единственного числа на *-d* (кроме *kím*) и супплетивизм не более чем двух основ. Если формам одушевленного рода свойственны иные окончания, то местоимение имеет парадигму склонения другого типа, характеризуемую супплетивизмом более чем двух основ и изобилующую отклонениями от нормы местоименного склонения. Ко второму типу принадлежат местоимения *ayám* 'этот' и *asaú* 'тот', к первому — все прочие неличные местоимения.

Образец парадигмы регулярного типа — *sá-/tá-* 'тот', 'он':

		m.	n.	f.
sg.	N.	*sá, sás*	N.—A. *tád*	*sá*
	A.	*tám*		*tắm*
	I.	*téna*		*táyā*
	D.	*tásmai*		*tásyai*
	Abl.	*tásmāt*		
	G.	*tásya*	Abl.—G.	*tásyās*
	L.	*tásmin, sásmin*	L.	*tásyām*
du.	N.—A.	*tắ, taú*	N.—A. *té*	N.—A. *té*
	I.—D.—Abl.	*tắbhyām*		
	G.—L.	*táyos*		
pl.	N.	*té*	N.—A. *tắni*	N.—A. *tắs*
	A.	*tắn*		
	I.	*tébhis, taís*		I. *tắbhis*
	D.—Abl.	*tébhyas*		D.—Abl. *tắbhyas*
	G.	*téṣām*		G. *tắsām*
	L.	*téṣu*		L. *tắsu*

Между вариантами формы N.sg.m. существует в принципе дополнительное распределение, которое, однако, нарушается в пользу *sá*. Вариант *sá* встречается перед согласной, вариант *sás* — перед гласной и перед паузой, но иногда *sá* бывает и перед гласной, давая в сочетании с нею различные рефлексы. В L.sg.m., n. вариант *sásmin* засвидетельствован несколько раз в РВ, в дальнейшем форма этого падежа от основы *tá-* становится единственной. В I.pl.m., n. основным вариантом является *tébhis*, вариант *tais*, получающий распространение, начиная с АВ, в дальнейшем становится единственным.

По типу *sá-/tá-* склоняется целый ряд местоимений: указательные *eṣá-/etá-* 'этот', *syá-/tyá-* 'этот', 'такой', *tva-* 'один... другой' (энклитика), *néma-* id., *ena-* 'он' (энклитика, дефектная парадигма), вопросительное *ká* 'какой?', относительное *yá-* 'какой', неопределенное *sama-* 'каждый', 'некий' (энклитика) и ряд местоименных прилагательных. Этот тип склонения и по характеру флексии, и по составу принадлежащих к нему единиц является адъективным.

Местоимение *sá-/tá-* функционирует в равной мере как существительное и как прилагательное, определяющее другое существительное. Оно может употребляться с личными местоимениями, придавая им эмфатический характер, например: *tám tvắhema matíbhir* (X, 88,5) 'Тебя мы подгоняли молитвами'. Это местоимение нейтрально в смысле дейксиса. Ему противостоит маркированное местоимение *eṣá-/etá-*, обозначающее ближайший к говорящему предмет или лицо.

Местоимение *syá-/tyá-*, засвидетельствованное в РВ, является прилагательным по преимуществу. Парадигма склонения почти ничем не отличается от предыдущих местоимений (sg.N.m. *syá*, f. *syắ*, n. *tyád* и т. д., но I.sg.f. *tyắ*). После РВ оно выходит из употребления.

Местоимение *tva-*, объединяющее неопределенно-личное и указательное значение «некий», «другой», чаще употребляется в повторах или в комбинациях с близким ему по значению *néma-* в разделительном смысле, например: *ṛcắṃ tvaḥ póṣam āste pupuṣvắn | gāyatráṃ tvo gāyati çákvarīṣu* (X, 71,11) 'Кто-то сидит, расцвечивая цветок гимна, кто-то поет мелодию к (стихам) шаквари'.

Безударное местоимение 3-го лица *ena-* имеет дефектную парадигму: sg.A.m. *enam*, n. *enad*, f. *enām*, I.m., n. *enena*; du. N.—A.m. *enau*, n., f. *ene*, G. *enos*, *enayos*; pl.A.m. *enān*, f. *enās*.

Парадигма вопросительного местоимения *ká-* 'кто?', 'какой?' отличается от парадигмы *sá-/tá-* только прямой формой среднего рода *kim* 'что?' (ср. форму A.sg.m. *kám* 'кого?'), употребляющейся наряду с обычной формой *kád* id. и вытесняющей ее постепенно из употребления. В словообразовании это местоимение представлено тремя вариантами основы: *ka-*, например, *kadắ* 'когда?'; *ki-*, например, *kiṃyú-* 'желающий чего?' и *ku-*, например, *kútra* 'где?', 'куда?'.

Безударное неопределенно-личное местоимение *sama-* 'каждый', 'некий', 'весь' склоняется по местоименному типу: D.sg. *samasmai*, Abl.sg. *samasmāt*, L.sg. *samasmin*, N.pl.m. *same*, отличаясь тем самым от ударного прилагательного *samá-* 'подобный', 'одинаковый', склоняющегося по именному образцу.

Группа прилагательных с абстрактным местоименным значением оказывается втянутой в орбиту ме-

стоименного склонения. Они составляют периферию адъективного типа склонения местоимений, и парадигма некоторых из них является результатом контаминации двух моделей: именной и местоименной. Целиком по местоименному типу склоняются адъективные основы с суффиксами сравнительной и превосходной степени, образованные от местоименных корней: *ítara* 'другой', *katará-* 'который (из двух)' — *katamá-* 'который (из многих)?', *yatamá* 'который', а также *anyá-* 'другой'. Они образуют форму среднего рода на *-d*, N.pl.m.— на *-e* и имеют элемент *-sm-* перед окончанием всех тех падежей, что и местоимения, например: N.sg.n. *anyád*, D.sg.m.,n. *anyásmai* и т. д., N.pl.m. *anyé*. Прилагательные *víçva-* 'весь', *sárva-* 'весь', 'целый' и числительное *éka-* 'один', pl. 'некоторые' разделяют не все черты местоименной модели. Форму среднего рода они образуют на *-m*, а не на *-d*, в остальном склоняются как местоимения, хотя *víçva-* имеет в единственном числе ряд вариантов одного падежа по именному и по местоименному типу: N.—A.sg.n. *víçvam*, D.sg. *víçvasmai* и *víçvāya*, Abl.sg. *víçvasmāt* и *víçvāt*, L.sg. *víçvasmin* и *víçve*, но N.pl.m., n. *víçve*, а *éka-* в L.sg. наряду с *ékasmin* имеет изолированный вариант *éke*. Основными у этих прилагательных являются формы местоименного склонения.

В ведийском языке существует довольно обширная группа прилагательных, выражающих ориентацию в пространстве и во времени, для которых основной является именная модель склонения, но отдельные падежные формы могут следовать местоименной модели. Таковы *ápara-* 'низкий', *madhyamá-* 'средний', *pū́rva-* 'ранний', 'первый' и др.

Местоименное прилагательное *svá-* 'свой' склоняется в принципе по именному образцу, и местоименная флексия встречается лишь в двух изолированных случаях: L.sg.n. *svásmin* и G.sg.f. *svásyās*.

Второй, нерегулярный, тип склонения представлен двумя указательными местоимениями: *ayám* 'этот' и *asaú* 'тот', противопоставленными друг другу как указатели ближнего и дальнего плана по отношению к говорящему (непосредственное их противопоставление часто используется в заговорах АВ). N.sg. этих местоимений образован без *-s*, в парадигме склонения сочетается более двух основ, из которых одни с большей или меньшей степенью достоверности произведены от других. Склонение этих местоимений богато индивидуальными отклонениями, и поэтому в ряде черт одна парадигма отличается от другой. Так, в N.sg. в этих двух парадигмах по-разному распределены граммемы рода между основами: *ayám* m., *idám* n., *iyám* f., но *asaú* m., f., *adás* n., в N.pl.m. разные окончания: *imé*, но *amú́*, наконец, разные типы супплетивизма основ при склонении.

Парадигма склонения *ayám* 'этот':

		m.	n.	f.
sg.	N.	*ayám*		N. *iyám*
	A.	*imám*	N.—A. *idám*	A. *imā́m*
	I.		*enā́, enā, ena, enéna*	I. *ayā́, anáyā*
	D.		*asmaí*	D. *asyaí*
	Abl.		*asmā́t*	Abl.—G. *asyā́s*
	G.		*asyá*	
	L.		*asmín*	L. *asyā́m*

		m.	n.f.
du.	N.—A.	*imā́, imaú*	N.—A. *imé*
	I.—D.—Abl.	*ābhyā́m*	
	G.—L.	*ayós*	

		m.	n.	f.
pl.	N.	*imé*	N.—A. *imā́, imā́ni*	N.—A. *imā́s*
	A.	*imā́n*		
	I.		*ebhís*	I. *ābhís*
	D.—Abl.		*ebhyás*	D. — Abl. *ābhyás*
	G.		*eṣā́m*	G. *āsā́m*
	L.		*eṣú*	L. *āsú*

В парадигме сочетаются формы от *i-* (соответственно ступень чередования *ay-*, *e-*) и от *a-*, а также от произведенных от них основ: от *i-* — *imá-*, *ena-*, от *a-* — *ana-*.

N.sg. всех родов имеет окончание *-am*, подобно личным местоимениям.

A.sg. одушевленного рода имеет форму основы *ima-*, которая используется также в прямых падежах двойственного и множественного числа. Ее рассматривают обычно как производную от формы A.sg. **im* от местоименного корня *i-* (ср. местоименные частицы *īm*, *ī*, в некоторых контекстах указывающие на А. прямого объекта без дифференциации рода и числа). A.sg.f. отличается от A.sg.m. долготой, подобно именным основам на *-a-*.

N.—A.n. имеет основу, произведенную, по-видимому, от формы среднего рода **id* от местоименного корня *i-* (ср. эмфатическую частицу *id*).

I.sg. представлен в РВ основными формами *enā́* m., n. и *ayā́* f. Энклитический вариант формы мужского и среднего рода, а также вариант с кратким гласным *ena* (один раз имеет наречное значение) — не более чем изолированные случаи. Формы этого падежа от основы *anā́-* распространяются после РВ и в дальнейшем вытесняют исходные краткие формы.

Большинство форм косвенных падежей от корня *a-*, находясь в середине пады, может не иметь на себе ударения.

Парадигма склонения *asaú* 'тот':

		m.	n.	f.
sg.	N.	*asaú*	N.—A. *adás*	N. *asaú*
	A.	*amúm*		A. *amúm*
	I.		*amúnā*	I. *amuyá*
	D.		*amúṣmai*	D. *amúṣyai*
	Abl.		*amúṣmāt*	Abl.—G. *amúṣyās*
	G.		*amúṣya*	
	L.		*amúṣmin*	L. *amúṣyām*
du.			N.—A. *amú*	
			I.—D.—Abl. *amúbhyām*	
			G.—L. *amúyos*	
pl.	N.	*amí*		
	A.	*amún*	N.—A. *amúni*	N.—A. *amús*
	I.		*amíbhis*	I. *amúbhis*
	D.—Abl.		*amíbhyas*	D.—Abl. *amúbhyas*
	G.		*amíṣām*	G. *amúṣām*
	L.		*amíṣu*	L. *amúṣu*

Косвенные падежи двойственного числа и некоторые косвенные падежи множественного числа засвидетельствованы в период после самхит.

В N. формы мужского и женского рода совпадают в единственном и в двойственном числе. Форма прямого падежа среднего рода произведена, по-видимому, от исходной формы среднего рода **ad* от местоименного корня *a-*. Во всех остальных падежах единственного и двойственного числа основой является *amu-*, что определило окончания A.sg. и I.sg. по аналогии с основами на *-u-*. Только от этого местоимения употребляются формы V. с ударением на первом слоге: *ásau*, *ámī*.

Во множественном числе основы оканчиваются всегда на долгий гласный (и, таким образом, противопоставление множественного числа единственному выражено дважды: посредством основы и окончания). Во множественном числе в большей части парадигмы дифференциация граммем рода осуществляется также с помощью противопоставления основ: *amí-* m., n.— *amú-* f.

В качестве возвратного местоимения в ведийском языке употребляется неизменяемая местоименная форма *svayám* 'сам', 'самого себя', 'самим собой' и пр., соотносимая со всеми тремя лицами. Это местоимение встречается и в составе сложных слов, например, *svayambhú-* 'самосущий'. Рефлексивное прилагательное *svá-* 'свой', также соотносимое с любым лицом, лишь в очень редких случаях функционирует как существительное «сам» (например, II, 5,7).

Гораздо чаще в функции возвратных местоимений употребляются существительные *tanú* 'тело' и *ātmán*, *tmán-* (сокращение предыдущего) 'дух', которые, утрачивая свое лексическое значение, приобретают местоименное значение «сам», например: *mā́ hāsmahi prajáyā mā́ tanúbhir...* (X, 128,5) 'Да не погибнем ни сами мы, ни потомство!', *priyáṃ pitṛ́bhya ātmáne brahmábhyaḥ kṛṇutā priyám* (AB, XII, 2,34) 'Сделайте приятное предкам, себе, приятное — брахманам!', *tmáne tokā́ya tánayāya mṛḍa* (I, 114,6) 'Помилуй нас самих, детей, потомков!'. В РВ в этой функции употребляется прежде всего *tanú-*, а также сокращенная форма *tmán-*. Форма *ātmán-* распространяется, начиная с AB, а затем вытесняет остальные.

Кроме этих функциональных местоимений в ведийском языке существует ряд основ местоименных прилагательных. Они произведены от местоимений и близки в той или иной степени к регулярной местоименной парадигме. Сюда относятся прежде всего посессивные прилагательные, образованные от личных местоимений (от основ, а иногда и от падежных форм) с помощью суффикса *-ka-*: *mámaka-*, *māmaká-* 'мой' (от G.sg. *máma*), *tāvaká-* 'твой' (от G.sg. *táva*), *asmáka-* 'наш', *yuṣmáka-* 'ваш'; с другими суффиксами: *mā́kina-* 'мой' и *yuvāká-* 'принадлежащий вам двоим'.

К корням указательных и других (ориентирующихся на них) местоимений могут присоединяться суффиксы сравнительной и превосходной степени прилагательных, образуя местоименные прилагательные: *itara-* 'другой', *katará-* 'который (из двух)?', *yatará-* 'который (из двух)' (относительное), *katamá-* 'который (из многих)?', *yatamá-* 'который (из многих)' (относительное).

С помощью суффикса *-(y)ant-* от местоименных корней *i-*, *ki-* образуются прилагательные с квантитативным значением: *iyant-* 'столь большой' (ср. производное от него *iyattaká-* 'столь маленький'), *kiyant* 'сколь большой?'. Прилагательные с тем же значением образуются от корней указательных и прочих местоимений с помощью суффикса *-vant-*, перед которым удлиняется предшествующий гласный: *ívant-* 'столь большой', *etā́vant-*, *tā́vant-* id., *kívant-* 'сколь большой?', *yā́vant-* 'сколь большой' (относительное), а также от личных местоимений, представленных иногда падежными формами: *mā́vant* 'подобный мне', *tvā́vant-* 'подобный тебе', *yuvā́vant-* 'преданный вам двоим', *yuṣmā́vant-* 'принадлежащий вам'— с широким кругом значений.

Суффикс *-ti-* со значением перечисления образует от местоименных корней ряд прилагательных с неизменяемой основой, трактуемой как N.pl.m., n: *táti* 'столькие', *káti* 'сколькие?', *yáti* 'сколькие' (относительное).

Еще один ряд местоименных прилагательных следует рассматривать в пределах словосложения. Первым элементом этих сложных слов является корень неличного местоимения с удлинением гласного, вторым — *◦dṛç-* 'выглядящий', а в BC — вари-

ант *◦dṛkṣa-*: *īdṛç-*, *etādṛç-*, *tādṛç-* 'такой' (с разным характером дейксиса: 'как этот', 'как тот'), *kīdṛç-* 'какой?', *yādṛç-* 'какой' (относительное) или *īdṛkṣa-*, *etādṛkṣa-* 'такой'— ср. также *sadṛç-* 'одинаково выглядящий', 'похожий'.

Употребляясь в составе сложных слов, местоимения, как правило, функционируют в качестве первого члена, причем в отличие от имен они чаще бывают представлены не основой, а флективной формой[9]. В качестве последнего члена сложного слова местоименные корни выступают только после отрицаний в составе отрицательных местоимений и местоименных наречий: *nákis* 'никто', 'ничто', 'никогда', *nákīm* 'никогда', 'не', *mákis* 'никто', 'никогда', *mákīm* 'никогда', 'не'.

Неопределенно-личные местоимения образуются на синтаксическом уровне путем сочетания вопросительного местоимения с частицами *ca*, *caná*, *cid*, например: *káç ca* 'любой', *káç caná* 'любой', 'каждый', *káç cid* 'кто-то', *katamác caná* 'какое-нибудь' и т. п.

На синтаксическом уровне местоимения — прежде всего формы среднего рода единственного числа — легко конвертируются в члены класса несклоняемых слов: союзы, наречия, частицы. На уровне словообразования местоимения служат основой для суффиксального производства наречий.

[9] См. раздел «Словосложение», с. 176.

НЕИЗМЕНЯЕМЫЕ СЛОВА

Класс неизменяемых слов в ведийском языке весьма обширен и разнообразен. Он включает наречия, наречия-префиксы, предлоги-послелоги, частицы и союзы. Особенность этого класса заключается в том, что составляющие его подклассы весьма нечетко разграничены[1]. Формально выделяются только наречия, образованные с помощью какого-либо суффикса. Для всех остальных членов данного класса при отсутствии морфологического критерия разбиения остается только синтаксический критерий. При этом значительная часть лексических единиц рассматриваемого класса употребляется в нескольких функциях, например, может быть наречием-префиксом, предлогом и послелогом, наречием и союзом, частицей и союзом. В связи с этим разбиение на подклассы является довольно условным.

НАРЕЧИЯ

Наречия в ведийском языке многочисленны и имеют довольно разнообразную структуру. Кроме собственно наречий, характеризуемых специальными адвербиальными суффиксами (иногда они неясной морфологической структуры), в функции наречий широко используются отдельные застывшие падежные формы.

Суффиксы наречий присоединяются прежде всего к местоименным корням и основам и к основам числительных, а также к именным основам (из них в первую очередь к тем, семантика которых близка местоимениям или числительным).

Суффикс *-tas* образует наречия, имеющие аблативное значение «из чего», «откуда»; «от этого», «поэтому», например, от

[1] Подклассы неизменяемых слов здесь будут рассмотрены прежде всего с точки зрения их морфологических и лексико-семантических особенностей. Подробнее о синтаксических функциях см. раздел «Синтаксические структуры», с. 380—383, 387—388, 406 и сл.

местоименных корней: *átas* 'от', 'из', 'от этого', 'отсюда', 'потом'; *itás* 'отсюда'; *tátas* 'оттуда', 'из', 'потом'; *yátas* 'из которого' (относительное), 'откуда', 'перед которым', 'как только'; *kútas* 'откуда?'; *amútas* 'оттуда'; от именных основ: *agratás* 'сначала'; *mukhatás* 'изо рта', *hṛttás* 'сердечно', 'охотно'; *avārátas* 'по эту сторону'; *pārátas* 'по ту сторону'; *dakṣiṇatás* 'справа'; *savyátas* 'слева'; *viçvatás* 'со всех сторон' и др.; от нескольких неизменяемых слов: *ántitas* 'изблизи'; *abhítas* 'перед'; *parítas* 'вокруг'.

Иногда между формой на *-tas* и отложительным падежом имени или местоимения невозможно провести грань, например, *yáḥ... márto mártam marcáyati dvayéna átaḥ pāhi* (I, 147,5) 'Который смертный смертному вредит лживой речью, защити от него!' (или 'от этого'). Наречные формы на *-tas* от именных основ в дальнейшем ходе развития языка становятся все более продуктивными.

Суффикс *-tra* (или *-trā* с метрическим удлинением) образует наречия со значением места или направления, например, от местоименных корней и основ: *átra* 'здесь', 'там', 'туда', 'сюда', 'тогда'; *tátra* 'там', 'туда'; *yátra* 'где' (относительное), 'куда', 'когда'; *kútra?* 'где?', 'куда?'; *asmatrā́* 'у нас'; *satrā́* 'вместе', 'целиком'; от именных основ: *devatrā́* 'среди богов'; *puruṣatrā́* 'среди людей', *martiatrā́* 'среди смертных'; *anyátra* 'в другом месте', 'в другое место'; *pākatrā́* 'бесхитростно', *purutrā́* 'во многих местах' и др.

Наречия с этим суффиксом иногда бывают функционально синонимичны падежам: местному или винительному, т. е. *devatrā́=devéṣu* и т. п.

Суффикс *-tāt* тоже имеет значение места или направления, иногда с аблативным оттенком (что соответствует его происхождению: Abl. от *tá-* по именному образцу). Он является исключительно вторичным суффиксом, который присоединяется к наречиям или к наречным формам отложительного падежа на *-āt*, например: *adharā́ttāt*, *adhástāt*, *avástāt* 'внизу'; *uttarā́ttāt* 'с севера'; *upáriṣṭāt* 'сверху', 'наверху' (<*upári*+*stāt* — форма суффикса, образованная по аналогии с *adhás-tāt* и пр.); *prā́ktāt* 'с востока' и т. д.

Суффикс *-thā* образует наречия образа действия. Он присоединяется прежде всего к местоименным корням и основам: *táthā* 'так'; *yáthā* 'как' (относительное), 'подобно', 'чтобы' и безударная форма *yathā* 'как', 'словно' (в функции частицы сравнения); *kathā́* 'как?'; *itthā́* 'действительно', 'очень'; *imáthā* 'таким образом'; а также к именным основам, например: *anyáthā* 'иначе'; *pūrváthā* 'как прежде', *pratnáthā* 'по-старому'; *ṛtuthā́* 'в определенное время', 'вовремя' и др.

Сюда же относится *áthā* — наречие от указательного местоименного корня *á-* с вариантом *átha* и кругом значений, несколько отличных от обычных значений наречий на *-thā*: «тут»,

«тогда», «далее», «а также», «и вот», «поэтому». В тексте *áthā/átha* употребляется в функции наречия, частицы, союза.

С тем же значением встречаются отдельные наречия с формой суффикса *-tham*: *kathám* 'как?', *itthám* 'так'.

Суффикс *-dā* образует наречия времени от местоименных корней: *tadā́* 'тогда', *kadā́* 'когда?', *yadā́* 'когда' (относительное), 'после того, как', 'как только' (употребляется как союз времени); *idā́* 'сейчас', 'теперь'; *sádā* 'всегда'. Форма суффикса *-dam* встречается в *sádam=sádā*.

В нескольких наречиях суффикс *-dā* распространен элементом неясного происхождения *-nīm*: *idā́nīm=idā́*, *tadā́nīm=tadā́*, *viçvadā́nīm* 'всегда'.

Суффикс *-di-* представлен в слове *yádi* 'если', употребляющемся в функции союза в условных предложениях.

Суффикс *-dhā* (допустимо также сокращение гласного), присоединяясь к основе любого происхождения, образует наречия образа действия. Местоименных наречий немного: *ádhā/ádha* 'вот', 'сейчас', 'и', 'также' (функционирует также в роли частицы и союза); *addhā́* 'действительно'; *katidhā́* 'сколькими способами?'. Ряд наречий от числительных с этим суффиксом — во всяком случае теоретически — неограничен: *ekadhā́* 'одним способом'; *dvídhā* 'двумя способами'; *tredhā́*, *trayadhā́* 'тремя способами' и т. д. Суффикс *-dhā* присоединяется также к прилагательным, близким по своей семантике к числительным, например: *purudhā́*, *bahudhā́* 'многообразно', *viçvádhā/viçvádha* 'повсюду', 'везде' (со значением, отклоняющимся от семантического ряда); *çaçvadhā́* 'снова и снова', или иногда к прилагательным любой семантики: *priyadhā́* 'ласково', *mitradhā́* 'дружески'.

Форма суффикса с кратким конечным гласным засвидетельствована в наречии *sadhá-* 'вместе', употребляющемся в качестве первого члена сложных слов.

Форма суффикса *-ha* представлена в ряде наречий: *ihá* 'здесь', *kúha* 'где?', *sahá* 'с' (употребляется преимущественно как предлог), *samaha* 'как-нибудь'. Количество гласного варьирует в *viçváha/viçvahā* 'всегда'.

Суффикс *-rhi* образует ряд наречий времени от местоименных корней: *etárhi* 'сейчас', *tárhi* 'тогда', *kárhi* 'когда?', *yárhi* 'когда' (относительное).

Суффикс *-vat*, употребляясь исключительно во вторичной функции, образует от именных основ наречия со значением подобия, например: *aṅgirasvát* 'подобно Ангирасу', *pūrvavát* 'как прежде' и др.

Суффикс *-ças* образует наречия с дистрибутивным значением от числительных и имен, например: *çataçás* 'сотнями', *sahasraçás* 'тысячами', *ṛtuçás* 'одно время года за другим', *parvaçás* 'сустав за суставом'.

Суффикс *-s*, присоединяясь к нескольким числительным,

образует наречия со значением кратности: *dvís* 'дважды', *trís* 'трижды', *catús* 'четырежды'.

Этот суффикс встречается также в ряде наречий с разной структурой и семантикой: *adhás*, *avás* 'вниз', *◦dyás* 'днем', *sadyás* 'сегодня', 'тотчас' и др.; *tirás* 'через'; *parás* 'вдали', 'за пределами'; *purás* 'перед'; *mithás* 'обоюдно'; *çvás* 'завтра'; *hyás* 'вчера'; *āvís* 'воочию', 'явно'; *bahís* 'вне' и др.

Исход на *-r* имеет несколько наречий: *antár* 'внутри', *avár* 'вниз', *púnar* 'снова', *prātár* 'рано утром', *sanitár* 'прочь', *sanutár* 'в сторону', *sasvár* 'тайно', *múhur* 'мгновенно' и др.

Две последние группы наречий по форме совпадают с основами существительных на *-s* и на *-r*.

В ведийском языке в функции наречий широко употребляются отдельные застывшие именные падежные формы. В некоторых пограничных случаях трудно решить, образовано ли наречие с помощью суффикса или падежного окончания. Таковы, например, наречия на *-tā* (I.sg. или суффикс *-tā*): *dvitá* 'снова', 'во всяком случае', *devátā* 'среди богов', 'к богам' и др.

Функционирование падежных форм в качестве наречий может быть сопряжено (но не обязательно) с передвижением ударения на последний слог, например: adv. *adharát* 'внизу'— Abl.sg. от *ádhara-* 'нижний', adv. *amuyá* 'таким образом'— I.sg.f. от основы *amú-* 'тот' (ср. A.sg.f. *amúm*, G.pl.m.,n. *amíṣām* и др.).

Чаще всего в функции наречий выступают A. и I., реже Abl. и L.; D. и G. употребляются всего в нескольких случаях; N.m., f. вообще никогда.

A.sg.— самый распространенный адвербиальный падеж. Наиболее типично использование в этой функции форм среднего рода. Все неличные местоимения среднего рода единственного числа могут употребляться также в качестве наречий, союзов или частиц, а именно: *etád* 'таким образом', 'там'; *tád* 'тогда', 'поэтому'; *kád* 'ли' (вопросительная частица); *kám* — частица с дательным падежом, *kam* (энклитика) 'ведь'; *kím* 'почему?', 'зачем?'; *yád* 'когда', 'если', 'что'; *idám* 'сейчас', 'здесь'; *adás* 'там'; *tyád* 'конечно', 'ведь'; *tvad...tvad* 'то...то'.

Ряд ведийских частиц, союзов и предлогов оканчивается на *-d*, подобно N.—A.n. местоимений, а именно: *íd* 'как раз', 'даже'; *céd* 'если' (<*ca*+*id*); *néd* 'чтобы не' (<*na*+*id*); *smád* 'вместе с', 'одновременно с'; *kuvíd* 'ли', 'разве'.

От именных основ на *-i*, *-u* и на согласные в функции наречий выступает чистая основа или ее рефлекс (поскольку такова форма N.—A.sg.n.), например: *bhúri* 'часто', 'много'; *máhi* 'очень', 'сильно'; *tŕṣú* 'жадно'; *sādhú* 'хорошо'; *návīyas* 'снова'; *bhúyas* 'больше'; *prák* 'впереди', 'на востоке'; *náma* 'по имени'

и т. д. Вполне вероятно, что эти наречия ничем в принципе не отличаются от многих из рассмотренных ранее наречий на *-s* и *-r*, кроме того, что у последних не засвидетельствована соответствующая именная основа.

От именных основ на *-a-* в функции наречия выступает форма A.sg. на *-am*, например: *cirám* 'долго', *túyam* 'быстро', *dūrám* 'далеко', *prathamám* 'сначала', 'впервые', *tr̥tíyam* 'в третий раз', *ástam* 'домой', *náktam* 'ночью' и др.

Среди наречий этого типа следует отметить небольшую группу форм с суффиксом сравнительной степени от наречий-приставок. В РВ они почти исключительно мужского рода, в дальнейшем становятся женского рода: *avatarám* 'подальше прочь', *pratarám* 'дальше', 'вперед', 'больше', *vitarám* 'дальше во все стороны', *saṃtarám* 'более вместе' и др.

На *-m* оканчивается и ряд наречий, основы которых засвидетельствованы только в этой форме, например: *áram*/*álam* 'довольно', *álakam* 'напрасно', *tūṣṇím* 'молча', *sāyám* 'вечером'.

Суффикс *-vat*, образующий наречия со значением подобия, является, собственно, тоже формой N.—A.n. от основ на *-vant-*.

Форма N.—A.n. представлена также в наречных сложных словах типа *avyayībhava*, состоящих из префикса и имени, например: *ānuṣák* 'по очереди', 'последовательно'; *upāṃçú* 'при приготовлении сомы', *pratidoṣám* 'к вечеру' и др. (подробнее об этом см. раздел «Словосложение»).

Наречия, представляющее собой застывшие формы I., также достаточно распространены в ведийском языке. В этой функции употребляется обычно I.sg., но иногда и I.pl. Наряду с формой мужского-среднего рода у группы наречий этого типа используется и форма женского рода. В I.adv. чаще, чем в другом адвербиальном падеже, происходит передвижение ударения на последний слог.

От неличных местоимений встречаются следующие наречные формы инструментального падежа: *aná* 'ведь'; *amá* 'у себя', 'дома'; *ayá* 'таким образом'; *enā́* 'так', 'здесь', 'там'; *káyā* 'каким образом?'; *amuyá* 'таким образом'; *ubhayá* 'обоими способами'.

От именных основ в наречном употреблении встречается инструментальный падеж как единственного, так и множественного числа, например: *dívā* и *dyúbhis* 'днем', *uccá* и *uccais* 'высоко', *çánais* и *çanakais* 'медленно' и др. Обращает на себя внимание та особенность, что в этих наречных формах далеко не всегда тип окончания соответствует типу основы, как в *r̥téna* 'правильно', *dakṣiṇéna* 'направо' и др. Независимо от типа основы очень широко употребляется окончание *-ā*, например: *upamá* 'ближе всего', *dakṣiṇá* 'справа', *madhyá* 'посредине' (с переносом ударения), *mehánā* 'обильно', *savyá* 'слева' и др.

Широко употребляется при образовании наречий окончание

женского рода *-yā*, например: *aśvayá* 'с желанием иметь лошадей', *ṛtayá* 'правильно', *pāpáyā* 'плохо', *mithuyá* 'ложно', *raghuyá* 'быстро', *sādhuyá* 'верно' и др. и даже *kuhayá* 'где' от наречия *kúha* id.

Abl.sg. в функции наречий встречается значительно реже. Некоторые формы наречий сохраняют аблативное значение исходной точки движения или причины, другие его утратили. Нередко имеет место перенос ударения на последний слог. В основном эти наречия образуются от прилагательных, например: *adharát* 'внизу' (*ádhara-*), *apākát* 'издали' (*ápāka-*), *uttarát* 'с севера' (*úttara-*), *dūrát* 'издалека' (*dūrá-*), *nīcát* 'снизу' (*nīcá-*), *paścát* 'сзади' (**paścá-*) и др. От существительных эти наречные формы образуются редко: *ārát* 'издали', *āsát* 'вблизи'.

В наречиях, образованных от местоимений, аблативное значение обычно бывает стертым: *át* 'тогда', *tát* 'так', *yát* 'насколько', но *amát* 'изблизи'.

Иногда в наречном значении употребляются отдельные формы L.sg. от существительных и прилагательных, например: *ágre* 'впереди', 'вначале'; *ánīke* 'перед', 'впереди'; *antiké* 'вблизи'; *abhíke* 'перед', 'напротив', 'из' (предлог); *āké* 'вблизи'; *āré* 'вдали'; *udíci* 'в дальнейшем', 'в будущем'; *ṛté* 'кроме', 'без' (предлог) и др. Две наречные формы представляют этот падеж во множественном числе женского рода *aparíṣu* 'в будущем' и *úparāsu* 'вблизи'.

D. почти не употребляется в качестве наречия. Засвидетельствованы отдельные случаи, а именно: *aparāya* 'в дальнейшем', 'в будущем' (*ápara-*), *návyase* 'снова', *várāya* 'по желанию', 'охотно'.

G. представлен в наречном употреблении лишь двумя формами: *aktós* 'ночью' и *vástos* 'на заре'.

N., как было указано, не употребляется в качестве наречия. Следы его можно усмотреть в местоименной форме *◦kis*, входящей в состав *nákis* 'никто', 'ничто', 'никогда' и *mákis* 'никто', 'никогда'.

НАРЕЧИЯ-ПРЕФИКСЫ, ПРЕДЛОГИ-ПОСЛЕЛОГИ

Эти два подкласса неизменяемых слов в значительной степени материально совпадают, т. е. для ряда единиц принадлежность к одному или к другому подклассу определяется их синтаксическими функциями, поэтому их целесообразно рассматривать вместе. Из наречий-префиксов не могут использоваться в качестве предлогов-послелогов только *úd*, *ní*, *párā*, *prá*, *ví*, *sám*, и очень редко употребляется с падежными формами *áva*; все остальные лексические единицы совмещают эти две функции.

В подкласс предлогов-послелогов, кроме того, входит ряд единиц, употребляющихся исключительно с падежными формами. Они отличаются от наречий-префиксов также своей структурой. Наречия-префиксы представляют собой, как правило, непроизводные с синхронной точки зрения основы, в то время, как предлоги-послелоги данного типа образованы или с помощью адвербиальных падежных окончаний, как *paritas*, *sahá* и др., или с помощью адвербиальных падежных окончаний, как *upári*, *ṛté* и др. Таким образом, в ведийском языке не существует такого разряда неизменяемых слов, как предлоги: они формально совпадают или с наречиями-префиксами, или с собственно наречиями. Функционально же они являются скорее не предлогами, а послелогами, так как чаще следуют за именем, которым управляют, а не предшествуют ему.

Глагольных префиксов в строгом смысле слова, т. е. морфологических единиц, описываемых целиком на уровне словообразования, в ведийском языке тоже нет. Есть наречия-префиксы, которые, с одной стороны, составляют часть слова и описываются как словообразовательные единицы (всегда в именах существительных[2], в причастиях на *-ta-*, *-na-* и в инфинитивах на *-tu-*, в зависимости от синтаксического контекста — в личных формах глагола), с другой стороны, употребляются как самостоятельные слова, которые могут быть отделены от личной формы глагола другими словами и имеют собственное ударение.

Префикс большей частью функционирует отдельно от соответствующей личной формы глагола в простом предложении и в главном предложении в сложном. При этом не всегда бывает ясно, является ли данная наречная форма префиксом при глаголе или предлогом-послелогом при имени. В придаточном предложении в составе сложного она обычно составляет одно слово с личной формой глагола. Присоединяясь в указанных синтаксических контекстах к личной форме глагола, префикс обычно утрачивает свое ударение, кроме как в типах основ, перечисленных выше. Вот некоторые примеры: ánv *īm* avindan *nicirāso* (III, 9,4) 'Они н а ш л и его, внимательные', *yéna hárī mánasā* nirátakṣata *téna devatvám ṛbhavaḥ* s á m ā n a ç a (III, 60,2) 'Благодаря той мысли, с помощью которой вы с о з д а л и двух коней, благодаря этому, о Рибху, вы д о с т и г л и ранга богов', *índrāya bráhmó*dyatam (I, 80,9) 'Для Индры в о з н е с е н а молитва'.

При одном глаголе могут употребляться два (три — в одиночных случаях) префикса, причем каждый из них может иметь ударение как самостоятельное слово, например, *prá... bṛ́haspátim matír áchā jigāti* (X, 47,6) 'К Брихаспати стремится мысль'. Префикс нередко может употребляться без личной формы гла-

[2] См. в разделе «Словосложение» о так называемых ложных словах кармадхарая.

гола, значение которой становится ясным из контекста, например: *rádat pathó várunaḥ sū́ryāya* | *prā́rṇāṃsi samudríyā nadī́nām* (VII, 87,1) 'Варуна проложил пути для солнца. Он *вы*(пустил течь) в сторону моря потоки рек', úd *uṣā* úd *u sū́rya* úd *idáṃ māmakáṃ vácaḥ* (AB, IV, 4,2) '*Вверх* (поднимается) Ушас, *вверх* (восходит) также солнце, *вверх* (пусть воспарит) это слово мое!'.

В дальнейшем развитии языка происходит постепенная утрата наречиями-префиксами статуса самостоятельных слов и полное их слияние с личными глагольными формами, имеющими одно ударение на глагольной части.

Являясь формально самостоятельными словами в ведийском языке, наречия-префиксы тем не менее семантически образуют единое целое с глаголом. Они уточняют направление действия глагола (особенно отчетливо это выражено у глаголов движения), иногда сообщают переходность непереходному глаголу, в отдельных случаях образуют с глагольным корнем новое лексическое значение.

Далее приводятся списком наречия-префиксы ведийского языка с указаниями также на их употребление в роли предлогов-послелогов.

Achā́ 'к' указывает направление действия глаголов движения и говорения; управляет A., например: *áchā síndhum... ayāsaṃ* (III, 33,3) 'я пришел к реке', *áchā vada ... bráhmaṇas pátim* (I, 38,13) 'призывай Брахманаспати'.

Áti 'через', 'сверх', 'пере-', 'пре-'; употребляясь с глаголами движения, означает пересечение или выход за пределы, с другими глаголами — «избыток действия», «превосходство»; *ati+man-* 'думать', 'полагать'='презирать'; управляет A., редко I. Например: *kád... áti krāmema dūḍhyò?* (I, 105,6) 'Минуем ли мы зложелателей?' (букв. 'Перешагнем ли мы через зложелателей?'), *ná tvā́m indrā́ti ricyate* (VIII, 92,14) '(Никто), о Индра, не превосходит тебя'.

Ádhi 'над', 'на'; употребляется с именами и глаголами, которым может придавать переходное значение, кроме того, употребляясь с именами, означает «в», «у», «из»; *ádhi+i-, gam-* 'двигаться'='постигать', 'изучать', 'проходить', *ádhi+dhā-* 'класть'='возлагать', 'облекать'; управляет L., Abl., редко A., единично I. Например: *yásya çvetā́ vicakṣaṇā́ tisró bhū́mīr adhikṣitáḥ...* (VIII, 41,9) 'Чьи два светлых далеко смотрящих (светила) живут над тремя землями...', *tíṣṭhā rátham ádhi táṃ* (V, 33,3) 'Взойди на эту колесницу', *íḷāyās tvā padé vayáṃ nā́bhā pṛthivyā́ ádhi...ní dhīmahi* (III, 29,4) 'Мы устраиваем тебя на месте Иды, на пупе земли', *upajī́kā udbharanti samudrā́d ádhi bheṣajám* (AB, II, 3,4) 'Муравьи приносят из океана целебное средство'.

Ánu 'после', 'вслед за', 'вдоль', 'по'; употребляясь с глаголами, обозначает следование, длительное приближение, а в

переносном смысле — соответствие; *anu+jñā-* 'знать'='уступать', 'предоставлять'; *anu+man-* 'думать', 'полагать'='признавать', 'соглашаться'; *anu+sthā-* 'находиться', 'стоять'='следовать', 'помогать'; управляет A. Например: *páñca padā́ni rupó ánv arohaṃ* | *cátuṣpadīm ánv emi vraténa* (X, 13,3) 'Я взобрался по четырем следам земли (?), как положено, иду я вдоль по четырехследной', *túbhyaṃ devā́ ánu víçve adaduḥ somapéyam...* (V, 29,5) 'Все боги уступили тебе питье сомы...', *ánu dyū́n* 'день за днем', *ṛtū́ñr ánu* (I, 15,5) 'в соответствии с (установленным) временем'.

Antár 'внутри', 'внутрь', 'в', 'между'; чаще употребляется как самостоятельное наречие, редко — в качестве глагольного префикса; как предлог-послелог управляет L., A., Abl. Например: *ayáṃ sū́rye adadhāj jyótir antáḥ* (VI, 44,23) 'Он вложил свет в солнце', *vaiçvānaró no ... antás tiṣṭhāti duritā́ni víçvā* (AB, VI, 53,2) 'Вайшванара пусть встанет между нами и всеми бедами' (т. е. 'пусть защитит нас от всех бед'), *eṣā́ yayau paramā́d antár ádreḥ* (IX, 87,8) 'Она пришла изнутри самой высокой скалы'.

Ápa 'от', 'с', 'прочь'; употребляется преимущественно с глаголами движения, обозначая исходный пункт движения; не употребляется в качестве предлога-послелога. Примеры приглагольного употребления: *ápa... ripúṃ ... daviṣṭhám asya* (VI, 51,13) 'Отбрось врага как можно дальше прочь!', *ápoṣā́ ánasaḥ sarat* | *sámpiṣṭād áha bibhyúṣī* (IV, 30,10) 'В страхе бежала Ушас прочь от (своей) разбитой повозки'.

Ápi 'в', 'у', 'на'; в сочетании с глаголами обозначает непосредственную близость, общность с чем-либо; *ápi+dhā-* 'класть'='накрывать', 'вставлять'; *ápi+ūh-* 'замечать'='воспринимать', 'понимать'; управляет L. Например: *yuṣmé devā ápi ṣmasi yúdhyanta iva vármasu* (VIII, 47,8) 'У вас, о боги, мы находим прибежище, как сражающиеся — в щитах', *atraivá vó'pi nahyāmy* | *ubhé ā́rtnī iva jyáyā* (X, 166,3) 'Тут вот связываю я вас, как оба конца лука — тетивой', *...ayám agne tvé ápi yáṃ yajñáṃ cakṛmā́ vayám* (II, 5,8) '...которую жертву, о Агни, мы здесь у тебя (или в тебя) принесли'.

Abhí 'к', 'навстречу', 'напротив'; обозначает с глаголами направленность действия в чью-либо сторону; нередко придает непереходному глаголу переходность; *abhí+car-* 'бродить'='колдовать'; *abhí+pad-* 'падать'='нападать'; *abhí+as-, bhū-* 'быть'='превосходить', 'побеждать'; управляет A. Например: *rayím ... pávamānābhy àrṣasi* (IX, 107,21) 'Ты струишься, о Павамана, навстречу богатству', *vidvā́n sá víçvā bhúvanābhí paçyati* (IX, 73,8) 'Знаток, он озирает (сверху) все существа'.

Áva 'вниз' (с глаголами движения), 'раз-', 'от-', 'вы-' (с рядом переходных глаголов); *áva+khyā-* 'смотреть', 'казаться'='разглядеть', 'увидеть'; *áva+sā-* 'связывать'='развязывать',

'освободить', 'простить'; употребление в качестве предлога-послелога (управляет Abl.) встречается очень редко. Например: *áva tásya bálaṃ tira* (X, 133,5) 'Подави его силу', *áva sváḥ sákhā dudhuvīta párvataḥ... dásyum* (VIII, 70,11) 'Пусть друг его — гора стряхнет вниз дасью', *áva divás* (VII, 64,2) 'с неба'.

Á 'к', 'в', 'при-', 'у'; в сочетании с глаголами обозначает направленность действия на субъект или к какой-либо цели, а также длительный характер действия; *á+jñā-* 'знать'='воспринимать', 'замечать', 'приказывать', *á+dā-* 'давать'='брать'; *á+diç-* 'показывать'='иметь целью', 'замышлять', 'приказывать'; *á+dhā-* 'класть'='давать', 'вручать' (и др. значения); управляет как послелог L., Abl., A., как предлог — Abl. Например: *á no gahi sakhyébhiḥ çivébhir* (III, 1,19) 'Приди к нам с добрыми дружескими услугами!', *viça á kṣeti viçyò viçam — viçam* (X, 91,2) 'Он пребывает среди племен, как член племени, в каждом племени', *svasty á gṛhébhya ávasá á vimócanāt* (III, 53,20) '(Довези нас) благополучно до дома, до отдыха, до распрягания!', *tád ayáṃ kéto hṛdá á ví caṣṭe* (I, 24,12) 'Это желание показывает мне так из сердца', *imé vāṃ sómā apsv á sutá* (I, 135,6) 'Для вас двоих выжаты в воду эти соки сомы'.

Úd 'вверх', 'воз-'/'вз-', 'наружу', 'из-'; *ud+i-* 'двигаться'='восходить' (о светилах), 'выходить', 'исходить' (о звуке); *úd+gā-* 'петь'='запевать' (*udgātár-* — разряд жрецов); *úd+nī-* 'вести'='возводить' (жертвенный столб), 'доставать', 'вычерпывать' (сому); *úd+sic-* 'лить'='выливать' 'вычерпывать'; не функционирует в качестве предлога-послелога. Например: *út pātayati pakṣíṇaḥ* (I, 48,5) 'Она (Ушас) заставляет птиц взлетать', *úd vṛha rákṣaḥ sahámūlam indra* (III, 30,17) 'Вырви с корнем ракшаса, о Индра!'.

Úpa 'близко', 'к', 'под-'/'подо-', 'при-'; значение близко к *abhí* и *á* (*abhí* часто предполагает враждебный смысл, *úpa* — дружелюбный и почтительный; *á* обозначает полное включение в действие, *úpa* — скорее вспомогательный характер действия); иногда придает переходное значение; *úpa+ās-* 'сидеть'='почитать' (бога), 'служить'; *úpa+i-* 'двигаться'='предпринимать', 'достигать'; *úpa+jīv-* 'жить'='жить на что-либо', 'жить чем-либо'; *úpa+nī-* 'вести'='приводить домой жену'; *úpa+sad-* 'сидеть'='присаживаться', 'служить'; управляет A., L., редко I. Например: *úpa kramasva pururúpam á bharā vájam...* (VIII, 1,4) 'Приступай (к делу), привози различную добычу!', *úpo ṣú çṛṇuhí gíro mághavan...* (I, 82,1) 'Хорошенько прислушайся к восхвалениям, о щедрый!..', *á vāṃ dhíyo vavṛtyur adhvarā́ṇ úpa* (I, 135,5) 'Да приведут вас двоих на жертвоприношения молитвы!', *girīṇā́m úpa sánuṣu* (AB, X, 4,14) 'на вершинах гор', *úpa mitrásy dhármabhiḥ* (VIII, 52,3) 'в соответствии с обязанностями друга'.

Ní 'вниз', 'внутрь'; *ní+kar-* 'делать'='побеждать', 'унижать'; *ní+pad-* 'шагать', 'падать'='ложиться', 'отдыхать';

ní+vṛt- 'катиться'='возвращаться'; *ní+svap-* 'спать'='заснуть', 'умереть'; не употребляется в качестве предлога-послелога. Например: *ní ṣú namātimatim káyasya cit...* (I, 129,5) 'Согни хорошенько чье угодно высокомерие!', *ní barhiṣi sadatana* (II, 36,3) 'Садитесь на жертвенную солому!'.

Nís 'из', 'вы-', в сочетании с именами 'без-'; *nís+kar-* 'делать'='вытеснять', 'исключать', 'снаряжать', 'изготовлять'; *nís+jñā-* 'знать'='выискивать', 'различать', *nís+vṛt-* 'катиться'='происходить'; в качестве предлога-послелога не употребляется. Например: *...aje nír yāthā́ni gávām ṛṣiḥ* (VIII, 4,20) 'Я, риши, выгоняю стада коров', *nír asya rásam gaviṣo duhanti té* (X, 76,7) 'Они выдаивают сок его, жаждущего молока'.

Párā 'прочь', 'от-'/'ото-', 'у-'; *párā+ji-* 'побеждать'='терять', 'быть побежденным'; не употребляется в качестве наречия-префикса. Например: *párā ṇudasva maghavann amítrān* (VII, 32,25) 'Оттолкни прочь недругов, о щедрый!', *tvám çíro amarmáṇaḥ párāhan* (VI, 26,3) 'Ты раскроил череп неуязвимого'.

Pári 'вокруг', 'кругом', 'пере-'; иногда из значения «кругом» развивается значение «полностью» или значение предельности; *pári+jñā-*, *vid-* 'знать'='знать досконально', *pári+bhū-* 'быть'='охватывать', 'выделяться', 'превосходить'; иногда из значения «вокруг» развивается значение неэффективности действия (ср. «вокруг да около»): *pári+cakṣ-* 'смотреть'='проглядеть'; *pári+man-* 'считать'='пренебречь'; управляет как предлог-послелог Abl. 'из', 'из-за' и A. 'около'. Например: *sáhobhir víçvam pári cakramā rájaḥ* (X, 56,5) 'С силами (своими) обошли они все пространство', *pári yó raçmínā divó'ntān mamé pṛthivyā́ḥ...* (VIII, 25,18) 'Кто лучом измерил вокруг границы неба (и) земли', *tvám áçmanas pári ... jāyase* (II, 1,1) 'Ты рождаешься из камня', *rákṣasas pári* (AB, VI, 111,3) 'из-за ракшаса', *madhyándinam pári* (AB, VI, 108,5) 'около полудня'.

Prá 'вперед', 'далее', 'про-'; *prá+jñā-* 'знать'='знать наперед', 'знать путь', *prá+bhū-* 'быть'='выделяться', 'помогать'; *prá+bhar-* 'нести'='приносить в жертву'; *prá+yam-* 'обуздывать'='протягивать', 'вручать'; не употребляется в качестве предлога-послелога. Например: *prá vā́jebhis tirata puṣyáse naḥ* (VII, 57,5) 'Продвиньте нас вперед (своими) наградами, чтобы мы процветали', *aichāma tvā bahudhā́ jātavedaḥ | práviṣṭam agne apsv óṣadhīṣu* (X, 51,3) 'Мы долго искали тебя, о Агни — Джаташедас, когда ты проник в воды (и) растения'.

Práti 'против', 'навстречу', 'обратно' (значение бывает близко к *abhí*, но не содержит оттенка агрессивности, свойственного *abhí*); *práti+as-*, *bhū-* 'быть'='быть подобным'; *práti+jñā-* 'знать'='признавать', 'соглашаться'; *práti+pad-* 'шагать', 'падать'='отвечать'; *práti+çru-* 'слышать'='отвечать'; *práti+muc-* 'освобождать'='надевать'; управляет A. Например: *ubhā́ sá várā práty eti* (V, 44,12) 'Он идет навстречу обоим жела-

ниям', *viçvéd agniḥ práti rákṣāṃsi sedhati* (VIII, 23,13) 'Агни отбрасывает обратно всех ракшасов', *yuvó rátho adhvarám... práti svásaram úpa yāti...* (VI, 68,10) 'Ваша колесница приезжает на жертвоприношение к обычному месту'.

Ví 'в разные стороны', 'насквозь', 'от', 'раз-'; обозначает удаление и распространение во все стороны, проникновение насквозь и разделение на части, отделение, интенсивность действия; может придавать действию переходный характер; *ví+cṛt-*, *sā-* 'связывать'='развязывать'; *ví+dāç-* 'почитать'='отрицать'; *ví+brū-*, *vad-* 'говорить'='спорить'; не употребляется в качестве предлога-послелога. Например: *yátrā náraḥ sáṃ ca ví ca drávanti | tátrāsmábhyam iṣavaḥ çárma yaṃsan* (VI, 75,11) 'Где мужи сбегаются и разбегаются, там стрелы должны дать нам защиту!', *utá pavyā́ ráthānām ádrim bhindánty ójasā* (V, 52,9) 'И колесничным ободом они с силой расщепили скалу'.

Sam 'с-'/'со-', 'вместе'; обозначает участие в действии нескольких агентов или распространение действия на совокупность объектов, иногда — полноту действия, его интенсивность; *sam+jñā-* 'знать'='быть единодушным'; *sam+tan-* 'тянуть'='примыкать'; *sam+prach-* 'спрашивать'='приветствовать'; *sam+sthā-* 'стоять', 'находиться'='встречаться', 'сталкиваться'; не употребляется в качестве предлога-послелога. Например: *yó ... suṣvāṇébhir mádati sáṃ ha vīraíḥ* (IV, 29,2) 'Кто пирует вместе с мужами, выжимающими сому...', *...sampáçyan viçvā́ bhúvanāni gopā́ḥ* (X, 139,1) 'пастух, озирающий все существа'.

Нередко глаголы употребляются с двумя наречиями-префиксами, каждое из которых может выступать в качестве самостоятельного слова, обладающего собственным ударением. Два наречия-префикса при одном глаголе с противоположными или далеко расходящимися значениями могут иметь при себе соединительный союз *ca* (см., например, VI, 75,11, выше). Нередко второй префикс присоединяется к глаголу, а первый остается самостоятельным. В тех синтаксических контекстах, где префиксы сливаются с глаголом, первый из них чаще сохраняет ударение, а второй его утрачивает, но это не обязательно. Вот некоторые примеры: *abhí prá yantu náro agnirūpāḥ* (X, 84,1) 'Пусть наступают мужи, подобные пламени!', *...víçve yáṃ devā́ utá mártyāso | mádhu bruvánto abhí saṃcáranti* (VIII, 48,1) '...кого разыскивают все боги и смертные, называя (его) медом', *áva ā́ganma sūrér* (падапатха: *ā́ agan-ma*) (III, 31,14) 'Мы вошли в милость господина', *yūyáṃ hí devīr ṛtayúgbhir áçvaiḥ | pariprayāthá bhúvanāni sadyáḥ...* (IV, 51,5) 'Ведь вы, богини, в один день объезжаете вокруг (всех) существ на своевременно запряженных конях...'.

У отдельных префиксов существует тенденция отдавать предпочтение первому или второму месту[3]. Наиболее прочно

[3] О синтаксической характеристике наречий-префиксов см. раздел «Синтаксические структуры», с. 382 сл.

второе место, т. е. непосредственная близость к глаголу, закреплено за *ā́*.

Поскольку глагол с наречием-префиксом образуют семантическое единство, формируются новые оппозиции лексических значений глаголов на базе сочетаний с наречиями-префиксами. Вот некоторые примеры: *krī-* 'покупать'— *ví krī-* 'продавать', *dā-* 'давать'— *ā́ dā-* 'брать', *sā-* 'связывать'— *ví sā-* 'развязывать' и др. или *práti muc-* 'надевать'— *ví muc-* 'снимать', *sám var-* 'закрывать'— *ví var-* 'открывать' и др.

С личными формами глагола в функции префиксов употребляется также несколько наречий: *tirás* 'через', *purás* 'впереди', 'перед', *āvís* 'явно', *prādús* id. Валентность этих наречий, однако, ограничена, и они функционируют в качестве префиксов только с глаголами *kar-* 'делать', *dhā-* 'класть', *bhū-* 'быть'. От собственно наречий-префиксов они отличаются не только структурой, но и характером связи с глаголом. Они не присоединяются к личным формам глагола даже в придаточных предложениях. Слитно с глаголом эти наречия употребляются только в неличных формах: причастиях на *-ta-* и абсолютивах. Например: *ajakāvā́ṃ durdṛçīkaṃ tiró dadhe* (VII, 50,1) 'Я устранил Аджакаву, имеющего мерзкий вид', но *agníṃ itthā́ tiróhitam aínaṃ nayan mātariçvā* (III, 9,5) 'Агни, спрятанного там, привел сюда Матаришван'.

В качестве предлогов-послелогов с именами употребляется, кроме перечисленных ранее наречий-префиксов, ряд собственно наречий. Функционально эти две группы вспомогательных слов при именах не различаются, образуя однотипные конструкции управления, в которых они могут быть как в препозиции, так и в постпозиции, и могут быть отделены от соответствующего имени другими словами[4]. Собственно наречия выступают в этой функции значительно реже, чем наречия-префиксы, а сама функция управления падежом выражена у них менее отчетливо.

С A. употребляются: *adhás* 'под', *antarā́* 'между', *abhítas* 'вокруг', *upári* 'над', 'вне', *parás* 'вне', 'за пределом', 'более';

с I.: *sahá* 'с', *sākám* id., *sumád/smád* id., *avás* 'под', *parás* 'вне';

с Abl.: *adhás* 'под', *avás* 'вниз от', *āré* 'вдали от', *ṛté* 'без', *parás* 'вне', *purā́* 'до', 'раньше', 'от';

с G.: *purastā́t* 'перед', 'напротив', *adhás* 'под', *āré* 'вдали от';

с L.: *sácā* 'вместе с', 'среди', 'у', *parás* 'вне' (изолированно).

Вот некоторые примеры: *ghṛṇā́ tápantam áti sū́ryam paráḥ çakuná iva paptima* (IX, 107,20) 'Мы перелетели за пределы палящего солнца, подобно большим птицам', *... na ā́ gatam sākáṃ sū́ryasya raçmíbhiḥ* (I, 47,7) 'Приезжайте к нам вместе с (первыми) лучами солнца!', *néndrād ṛté pavate dhā́ma kíṃ*

[4] См. раздел «Синтаксические структуры», описание ЭСК яруса I, с. 381 сл.

caná (IX, 69,6) 'Ни одно место не очищается без Индры', *sámiddhasya çráyamāṇaḥ purástād* (III, 8,2) 'воздвигаемый перед зажженным (огнем)', *ágne mṛḷīkáṃ váruṇe sácā vido marútsu viçvábhānuṣu* (IV, 1,3) 'О Агни, найди милость у Варуны, у Марутов всеблестящих'.

Особую группу несклоняемых слов составляют частицы. В самхитах они весьма многочисленны и исполняют самые разнообразные функции в простом и сложном предложении. Частицы служат для подчеркивания, эмфатического выделения значения слова, для соединения двух слов, для соединения двух предложений, равноправных или неравноправных, для выражения вопроса и отрицания.

Специального класса союзов (если не считать отдельных исключений) в ведийском языке нет, и их функции осуществляют частицы, местоименные формы и наречия, между которыми нельзя провести твердой грани.

С синхронной точки зрения, частицы не имеют морфологии и поэтому должны быть описаны на синтаксическом уровне. Здесь они будут заданы списком с указанием основных лексических значений и наиболее типичных значений в сочетаниях (подробнее о синтаксических функциях частиц следует смотреть раздел «Синтаксические структуры»).

Aṅgá 'только', 'же', 'именно'— эмфатическая частица, выделяющая предшествующее слово; часто употребляется с местоимениями. Например: *tvám aṅgá* (VII, 20,9) 'только ты', *só aṅgá veda* (X, 129,7) 'Только он знает', *kím aṅgá* (VI, 44,10) 'почему же?', *yád aṅgá* (I, 1,6) 'уж если', *ád aṅgá kuvíd aṅgá* (AB, II, 3,2) 'Вот как! Ну как?'.

Addhá 'в самом деле', 'действительно'— редкая эмфатическая частица, относящаяся ко всему высказыванию: *kó addhá veda* (III, 54,5) 'Кто, в самом деле, знает?'.

Ápi 'также', 'тоже', 'кроме того'— эмфатическая частица, выделяющая слова; употребляется постпозитивно или препозитивно. Например: *ápaçyam ... gandharvā́ṅ ápi* (III, 38,6) 'Я видел также Гандхарвов', *yó gopā́ ápi táṃ huve* (X, 19,4) 'Кто пастух, того я тоже призываю'; кроме того, является наречием-префиксом при глаголах и предлогом-послелогом при именах.

Áha 'конечно', 'однако', 'ведь', 'же'— эмфатическая частица, выделяющая слова; часто употребляется в сочетании с другими частицами, и собственное значение бывает неотчетливым. Например: *várdhāhainam* (VI, 38,4) 'Укрепи же его!', *agnér iva prásitir nā́ha vártave* (II, 25,3) 'Его ведь не удержать, как порыв огня'.

Á — частица со слабым эмфатическим значением, усиливающая слова; нередко употребляется с именами, обозначающими степень качества, или с числительными. Например: *trís á divás* (I, 142,3 и др.) 'трижды в день', *máhy á te sakhyám vaçmi*

(III, 31,14) 'Я хочу твоей великой дружбы'; иногда встречается в функции соединительного союза, например: *yáḥ çatám á sahásram bhū́myā upásthé 'vapaj jaghanvā́n...* (II, 14,7) 'Кто сотню и тысячу, убив, посеял в лоно земли...'. Широко употребляется также в качестве наречия-префикса и предлога-послелога; в разных контекстах все эти значения далеко не всегда четко разграничены.

Ā́t (Abl. от местоименного корня *a-*) 'тогда', 'затем', 'тут'; 'и', 'далее'; 'то', 'же', 'ведь'; сочетает в себе значения наречия, союза, эмфатической частицы. Например: *ā́d ródasī vitaráṃ ví ṣkabhāyat* (V, 29,4) 'Тогда он укрепил подальше врозь оба мира', *yā́d indrā́han prathamajā́m áhīnām | ā́n māyínām ámināḥ prótá māyā́ḥ...* (I, 32,4) 'Когда ты, Индра, убил перворожденного из драконов и перехитрил хитрости хитрецов...', *kím ā́d utā́si vṛtrahan | mághavan manyumáttamaḥ* (IV, 30,7) 'А что, и сейчас ты, убийца Вритры, щедрый, (по-прежнему) самый неистовый?'.

Íti 'так'— частица, выступающая в функции кавычек, отмечающая границу прямой речи; обычно следует за прямой речью. Например: *sákhe ví çikṣéty abravīta* (IV, 35,3) '«Друг, попробуй!» — сказали вы'.

Íd 'даже', 'как раз', 'именно', 'тоже', 'действительно'— широко употребительная эмфатическая частица, усиливающая значение слова или предложения (в последнем случае стоит в конце предложения); часто комбинируется с другими частицами. Например: *asmā́ íd u prá taváse ... harmi stómam...* (I, 61,1) 'Это ему, сильному, я приношу восхваление', *sadṛ́çīr adyá sadṛ́çīr íd u çvó ...* (I, 123,8) 'сегодня одинаковые и завтра тоже одинаковые', *ichā́mīd dhṛdā́ mánasā cid índram* (VI, 28,5) 'Сердцем и помыслом я, действительно, стремлюсь к Индре', *índrasya prathamó rátho devā́nām áparo rátho váruṇasya tṛtī́ya ít* (AB, X, 4,1) 'У Индры первая колесница, у богов вторая колесница, а у Варуны третья'.

Iva/va 'как'— частица, выражающая сравнение и относящаяся к слову или к неполному предложению; изредка выражает приблизительность; употребляется обычно постпозитивно. Например: *vā́tevājuryā́ ... yātam arvā́k* (I, 39,5) 'Как ветры нестареющие, мчитесь в нашу сторону!', *té ṣu no maúto mṛḷayantu | yé smā purā́ gātūyántīva devā́ḥ* (I, 169,5) 'Да простят нас до конца Маруты, боги, которые и раньше подобным образом указывали путь'.

Īm 'ни'— эмфатическая частица, стоящая после местоимения (по происхождению — A.sg. от местоименного корня *i-*, притом что в ряде случаев семантика местоименного падежа — но не числа — сохраняется). Например: *yá īṃ váhanta āçúbhiḥ ∴ átra çrávāṃsi dadhire* (V, 61,11) 'Кто бы ни ездил на быстрых конях, завоевывал себе славу'.

U (возможно метрическое удлинение) 'вот', 'же', 'тут', 'тот-

час же', 'и', 'а также', 'а', 'но'— объединяет значение эмфатической частицы, выделяющей слова (с глаголами и местоимениями имеет дейктическое значение), и сочинительного союза; нередко комбинируется с другими частицами. Например: *úpa nayasva vṛ́ṣaṇā* (III, 35,3) 'Направь же (к нам) двоих жеребцов!', *ávindaṅ u darçatám apsu ántár* (III, 1,3) 'Вот нашли они прекрасного в водах', *sída hotaḥ svá u loké* (III, 29,8) 'Сядь, хотар, на свое собственное место', *raghudrúvaḥ kṛṣṇáśītāsa ū júvaḥ* (I, 140,4) 'быстроногие и протягивающие за собой черные полосы кони'.

Utá 'и', 'а также'— союз, соединяющий слова или предложения. Например: *sá tváṃ no adyá sumánā utáparáṃ* (I, 36,6) 'Будь благосклонен к нам сегодня и в дальнейшем', *vṛ́ṣā te vájra utá te vṛ́ṣā rátho* ... (II, 16,6) 'Бык — твоя ваджра, и бык — твоя колесница...'.

Evá 'так'— или дейктическая частица в начале предложения; 'как раз', 'только', 'действительно'; или эмфатическая частица, следующая за словом в любом месте фразы. Например: *yáthā jaghántha dhṛṣatā́ purā́ cid | evá jahi çátrum asmā́kam indra* (II, 30,4) 'Как еще раньше ты отважно убивал, так убей врага нашего, о Индра', *jajñānā́ evá vy àbādhata spṛ́dhaḥ* (X, 113,4) 'Едва родившись, он разогнал врагов'.

Kám (возможно, A.sg. от вопросительного местоимения *ká-*) — эмфатическая частица, употребляющаяся только после D. или inf.D. Например: *ájījaṅa óṣadhīr bhájanāya kám* (V, 83,10) 'Ты породил растения для еды', *tám ū akṛṇvan tredhā́ bhuvé kám* (X, 88,10) 'Они создали его, чтобы он разделился на три части'.

Безударная частица *kam* употребляется только после некоторых частиц. Например: *tiṣṭhateláyata sú kam* (AB, I, 17,4) 'Остановитесь! Успокойтесь хорошенько!'.

Kád (N.—A.sg.n. от вопросительного местоимения *ká-*) 'ли'; употребляется в функции вопросительной частицы гораздо реже, чем *kím*. Например: *kád itthā́ nṝ́ṅḥ pā́traṃ devayatā́ṃ* (I, 121,1) 'Действительно ли (он) — сосуд для мужей, преданных богам?'. Кроме того, употребляется как полнозначная местоименная форма.

Kím (N.—A.sg.n. от вопросительного местоимения *ká-*) 'почему', 'зачем', 'ли'. Например: *kíṃ no indra jighāṃsasi* (I, 170,2) 'Почему, Индра, ты хочешь нас убить?', *kím me havyám áhṛṇāno juṣeta* (VII, 86,2) 'Будет ли он наслаждаться моей жертвой не гневаясь?'. Кроме того, употребляется как полнозначная местоименная форма.

Kíla 'конечно', 'действительно'— частица, выражающая сильную эмфазу; употребляется в постпозиции по отношению к выделяемому слову; малоупотребительна. Например: *índraḥ kíla çrútyā asyá veda* (X, 111,3) 'Ну конечно, Индра понимает в этом, чтобы прослушать'.

Khálu 'же'— очень редкая эмфатическая частица, употребляющаяся после глагола в повелительном наклонении. Например: *mitrám kṛṇudhvaṃ khálu* (X, 34,14) 'Заключите же дружбу!'.

Kuvíd 'ли', 'конечно', 'может быть'— частица, употребляющаяся большей частью с глаголом в сослагательном наклонении, хотя изъявительное наклонение возможно тоже; выражает сомнение или утверждение в тех случаях, когда в утвердительной форме имплицитно содержится сомнение. Например: *kuvít sv índra ṇaḥ çákaḥ* (VIII, 80,3) 'Конечно, Индра, ты поможешь нам!' (='Поможешь ли ты нам, Индра? — я надеюсь').

Gha — безударная частица со слабым эмфатическим значением, близким к значению *íd*, с которым *gha* часто комбинируется; чаще всего употребляется после отрицания *ná*, местоимения, наречия-префикса. Например: *ná ghā sá mā́m ápa joṣam jabhāra* (IV, 27,2) 'Ведь он унес меня не против желания', *túbhyaṃ ghét té jánā ... dhāsíṃ hinvanty áttave* (VIII, 43,29) 'Ведь это тебе эти люди посылают питание, чтобы ты ел'.

Ca 'и'— сочинительный союз, одиночный или парный, соединяющий слова или предложения, употребляется постпозитивно; 'если' в очень редких случаях; частица, придающая неопределенно-личное значение вопросительным и относительным местоимениям. Например: *hṛdrogám ... harimā́ṇaṃ ca nāçaya* (I, 50,11) 'Уничтожь болезнь сердца и желтуху', *arasā́sa ihā́hayo yé ánti yé ca dūraké* (AB, X, 4,9) 'Лишены сока здесь змеи, которые близко и которые далеко', *ā́ ca gáchān mitrám enā dadhāma* (X, 108,3) 'Если (сам) он придет, дружбу заключим с ним', *yád adyá kác ca vṛtrahann | udágā abhí sūrya | sárvam tád indra te váçe* (VIII, 93,4) 'Над чем бы ты ни взошел сегодня, о убийца Вритры, о Сурья, все это, о Индра, (находится) в твоей власти'.

Caná 'даже' после отрицания (очень редко при утверждении); 'даже не' в утвердительном предложении; после вопросительных местоимений — частица, придающая неопределенно-личное значение. Например: *tád eṣā́m nákir ā́ minat | árāvā caná mártyaḥ* (VIII, 28,4) 'Этого не отнимет у них никто, даже злокозненный смертный', *... ápaçyāma hiraṇyáyam | dhībhíç caná mánasā...* (I, 139,2) '...Мы увидели золотой трон пусть только в мыслях, духом...', *mā́ té jīviṣuḥ katamā́c canā́haḥ* (AB, IX, 2,10) 'Да не проживут они ни единого дня (букв. ни какого-нибудь)'.

Cid 'даже'— энклитическая эмфатическая частица, выделяющая предшествующее слово; частица, придающая обобщенно-личное значение (особенно часто употребляется после вопросительных и относительных местоимений и наречий). Например: *jahí rákṣo máhi cid vāvṛdhānám* (IV, 3,14) 'Убей ракшаса, даже очень усилившегося!', *índrāsomā duṣkṛ́te mā́ sugám*

bhūd | yó naḥ kadā́ cid abhidā́sati druhā́ (VII, 104,7) 'О Индра-Сома, да не будет легко злодею, который когда-либо подводил нас обманом!'.

Céd 'если' (<*ca*+*id*) — союз, очень редкий в РВ. Например: *hástenaivā́ grāhyà ādhír asyā́ brahmajāyéyām íti céd ávocan* (X, 109,3) 'Следует взять своей рукой ее залог, если сказали: «Она жена брахмана»'.

Tú (tū́) 'же', 'ка', 'конечно'— эмфатическая частица, выделяющая предшествующее слово; чаще всего употребляется с глаголом в повелительном наклонении; 'но', 'однако'— частица в функции противительного союза. Например: *ā́ tv àçatrav ā́ gahi* (VIII, 82,4) 'Приди же, о не имеющий противников!', *tā́ tú te satyā́ tuvinṛmṇa víçvā | prá dhenávaḥ sisrate vr̥ṣṇa ū́dhnaḥ* (IV, 22,6) 'Однако, это все истинные твои (деяния), о мужественный, (что) дойные коровы проистекают из вымени быка'.

Ná 'не', 'нет'— частица, выражающая общее отрицание, употребляется с глаголом в любом времени и наклонении. Например: *ná te sákhā sakhyám vaṣṭy etát* (X, 10,2) 'Твой друг не хочет такой дружбы', *bṛ́haspátir va ubhayā́ ná mr̥ḷāt* (X, 108,6) 'В обоих случаях Брихаспати не помилует вас', ... *agnér... arcáyo bhīmáso ná prátītaye* (I, 36,20) 'Языки пламени Агни ужасны. (К ним) не приблизишься', *arā́n ná nemíḥ pári tā babhūva* (I, 32,15) 'Как обод — спицы колеса, он охватил (все) это'.

Изредка встречаются эмфатические корни формы отрицания *nahí* (<*na*+*hi*) и *nánu* (<*na*+*nu*).

Nú (nū́) 'теперь', 'тут', 'вот', 'еще', 'уже'; кроме того, частица, выражающая поощрение и побуждение, часто комбинируется с другими частицами. Например: *índrasya nú vīryā̀ṇi prá vocam* (I, 32,1) 'Я хочу теперь провозгласить героические подвиги Индры', *asyá pītvā́ mádānām | índro vr̥trā́ṇy aprati | jaghā́na jaghánac ca nú* (IX, 23,7) 'Испив его пьянящих (струй), Индра убивал и еще будет убивать не имеющих равных врагов', *só cin nú ná marāti* (I, 191,10) 'Уж он, конечно, не умрет (от этого)'.

Néd (<*na*+*id*) — эмфатическое отрицание; 'чтобы не' с глаголом в сослагательном наклонении. Например: *mā́kir enā́ pathā́ gād ... anyó nét sūrír ohate bhūridā́vattaro jánaḥ* (VIII, 5,49) 'Пусть никто не пойдет тем путем, чтобы никакой другой господин не прослыл более щедрым человеком'.

Mā́ 'не'— частица, выражающая отрицание при запрете; употребляется только с глаголом в инъюнктиве; например: *akṣaír mā́ dīvyaḥ* (X, 34,13) 'Не играй в кости!'.

Yádi 'если', 'когда' (редко и только с глаголом в прошедшем времени) — союз, употребляющийся в сложноподчиненных предложениях. Например: *yádi no gā́m hā́msi yádyáçvam yádi pū́ruṣaṃ tā́m tvā sísena vidhyāma* (AB, I, 16,4) 'Если ты

убьешь нашу корову, если коня, если человека, мы пронзим тебя свинцом', *úd astambhīt samídhā nā́kam... agnír... yádī... mātariçvā... havyavā́haṃ samídhé* (III, 5,10) 'Агни с помощью дров укрепил небосвод, когда зажег (его) Матаришван в качестве возницы жертвы'.

Vā 'или'— разделительный союз, одиночный или парный, связывающий слова и предложения; часто комбинируется с другими союзами или частицами. Например: *stenáṃ rāya sārameya táskāraṃ vā* (VII, 55,3) 'На вора лай, о Сарамея, или на грабителя!', *yád vā marutvaḥ paramé sadhásthe | yád vāvamé vr̥jáne mādáyase | áta ā́ yāhy adhvarā́ṃ no áchā* (I, 101,8) '(Находишься ли ты) в самом отдаленном месте, о сопровождаемый Марутами, или же тешишься в соседней общине, приди оттуда к нам на жертвоприношение!'.

Vaí 'в самом деле', 'конечно'— эмфатическая частица, подчеркивающая значение всего предложения и стоящая обычно после первого слова предложения. Например: *nā́ vā́ u sómo vr̥jinā́ṃ hinoti* (VII, 104,13) 'Конечно, сома не поощряет злодея'.

Sīm (A.sg. от указательного местоимения *sá-*) — частица, которая может символизировать А. упоминавшегося ранее имени логического субъекта без различения рода и числа; частица, иногда придающая предшествующему относительному местоимению обобщенно-личное значение (ср. *īm*). Например: *vavrā́jā sīm ánadatīr ádabdhā | divó yahvī́r ávasānā ánagnāḥ* (III, 1,6) 'Он вошел в тех, что не едят (и) не терпят обмана, в юниц неба, что не одеваются (и в то же время) не нагие', *yā́t sīm ágaç cakr̥mā́ tā́t sú mr̥ḷa* (VII, 93,7) 'Если какой грех мы совершили, то прости уж его'.

Sú (sū́) 'хорошо', 'полностью'— эмфатическая частица, связанная с глаголом; часто сочетается с другими частицами; после РВ выходит из употребления и встречается в основном в качестве первого члена сложных слов. Например: *tápo ṣv àgne ántarā́ṃ amitrān* (III, 18,2) 'Спали́ дотла, о Агни, ближайших врагов'.

Sma (smā) 'же', 'именно', 'действительно', 'уже'— слабая эмфатическая частица, употребляющаяся с местоимениями, наречиями, глаголами; в РВ сочетание *sma purā́* придает глаголу в настоящем времени значение прошедшего времени; нередко комбинируется с другими частицами. Например: *tváṃ hí ṣmā cyāváyann ácyutāny | éko vr̥trā́ cárasi jíghnamānaḥ* (III, 30,4) 'Ведь ты, действительно, сотрясая несотрясаемое, один выходишь, сокрушая врагов', *té ṣú no maúto mr̥ḷayantu yé smā purā́ gātūyántīva devā́ḥ* (I, 169,5) 'Да простят нас милостиво Маруты, боги, которые еще раньше также указывали путь'.

Svid (<*sú*+*id*) 'же'— эмфатическая частица, выделяющая предшествующее вопросительное местоимение или наречие; в единичных случаях придает им неопределенное значение; во-

просительная частица, изредка употребляющаяся и без вопросительного местоимения (в двойном вопросе). Например: *káḥ svit téṣām asad rásaḥ* (AB, X, 4,18) 'Какой же у них будет сок?', *adháḥ svid āsī3d upári svid āsī3t* (X, 129,5) 'Был ли низ? Был ли верх?'.

Ha (очень редко *hā*) 'же', 'ведь' и др.— частица с очень слабым эмфатическим значением, выделяющая слово. Например: *yád dha tyán mitrāvaruṇāv ṛtād ádhy ādadhāthe ánṛtaṃ* (I, 139,2) 'Когда же, Митра-Варуна, вы выделили из истины ложь...', *sakṛ́d dha dyaúr ajāyata* (VI, 48,22) 'Ведь сразу родилось небо'.

Hí 'ведь', 'же'— эмфатическая частица, усиливающая предшествующее слово; 'так как', 'потому что'— причинный союз в сложноподчиненных предложениях; 'хотя' (особенно в сочетании *yác cid dhí*) — уступительный союз в сложноподчиненных предложениях. Например: *ugrā́ hí pṛ́çnamātaraḥ* (I, 23,10) 'Ведь ужасны сыновья матери Пришни', *vádhīr hí dásyuṃ dhaninam...* (I, 33,4) 'Ведь ты убил богатого дасью...', *ā́ hí yātám áthā sómasya pibatam sutásya* (I, 108,6) 'Придите же сюда и выпейте выжатого сомы', *dhánair abhí çrutvā́ yanti | vidúr hí takmanāçanam* (AB, V, 4,2) 'Прослышав (о ней), они идут (к ней) с богатствами, так как они знают изгонительницу лихорадки'.

В приведенном выше списке указаны также и те немногочисленные союзы, которые не являются частицами (для ряда частиц употребление в качестве союза представляет собой лишь одну из функций). В функции союзов употребляются также некоторые наречия и местоимения (см. соответствующие разделы).

В класс неизменяемых слов входят также м е ж д о м е т и я и з в у к о п о д р а ж а н и я. Сюда относятся восклицания общего характера, как *bata* 'увы!', *bā́ḍ* 'верно', 'действительно', *baḍā́* id., *hánta* 'ладно', 'ну!', *hayé* 'эй!', *hurúk* 'прочь!', 'вон!'. Особо следует отметить ритуальные возгласы, именное или глагольное происхождение которых достаточно отчетливо прослеживается: *çám yós* 'Благо! Счастье!', *váṣaṭ* (<*vákṣat* от *vah-* 'везти') — возглас жреца-хотара, в ответ на который жрец-адхварью бросает жертву в костер, *svā́hā* — литургический возглас, приглашающий богов принять жертву.

Звукоподражания могут употребляться как отдельные слова (особенно часто в AB), например: *pháṭ* 'бух!', 'бац!', *phál* 'бултых!', *bāl* 'фють!' и др., в сочетаниях с вспомогательными глаголами, как *kikirā́ kar-* 'с шумом разрывать', *ciççā́ kar-* 'со свистом лететь', или в составе сложных слов с этими же глаголами, например: *akhkhalīkṛ́tya* 'квакая', *alalābhávant-* 'весело журчащий'.

ГЛАГОЛ

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

К классу глагола в ведийском языке относятся слова, характеризуемые грамматическими категориями лица, числа, залога, наклонения, вида и времени. Наиболее экстенсивными из них являются категории вида и времени — они присущи подавляющему большинству членов. Далее по степени релевантности следуют категория числа (не свойственна только некоторым типам неличных форм: деепричастиям и инфинитивам) и категория залога (не свойственна кроме деепричастий и инфинитивов также некоторым типам причастий). По способности выражать категорию лица глагольные формы делятся на личные и неличные. Последние занимают в системе глагола периферийное положение, находясь на грани между глаголом и именем или глаголом и несклоняемыми словами. Категория наклонения релевантна только для личных форм.

Морфология глагола отличается удивительным богатством и разнообразием. Теоретически система спряжения одного глагола во всех временах, наклонениях, залогах, числах и лицах насчитывает намного более сотни форм (притом что ряд теоретически возможных сочетаний граммем в системе не используется). Все эти формы в каждом конкретном случае объединены в одну большую систему только через посредство глагольного корня. Корень объединяет личные и неличные формы глагола.

Максимальная теоретическая модель, описывающая структуру личных глагольных форм, состоит из семи элементов, а именно: префикс (1)+аугмент (2)+удвоение (3)+корень (4)+суффикс основы (5)+модальный суффикс (6)+окончание (7). В реально встречающихся личных формах глагола длина конкретной формы не может превышать шести элементов, так как аугмент не совместим с модальным суффиксом (они находятся в отношении дизъюнкции); практически же обычно встречаются формы,

состоящие из пяти элементов, например: *sam-á-ga-cha-nta* (1+2+4+5+7) 'они сошлись' — 3 pl.impf.med. от *gam-* 'идти', *á-jī-jan-a-dhvam* (2+3+4+5+7) 'вы породили'— 2 pl.aor.med. от *jan-* 'рождать', *a-ji-ghāṃ-sa-t* (2+3+4+5+7) 'ты хотел убить'— 2 sg.impf.des. от *han-* 'убивать', *ā-va-vart-a-ti* (1+3+ +4+6+7) 'если он повернет'— 3 sg.subj.pf. от *vṛt-* 'поворачивать', *dídhiṣeya* (<*dí+dhi+sa+ī+a*; 3+4+5+6+7) 'я стремился бы расположить к себе'— 1 sg.opt.med.des. от *dhā-* 'класть' и др. Чаще употребляются формы, состоящие из меньшего числа элементов, например, из четырех, как *á-kram-iṣ-i* (2+4+5+7) 'я шагнул'— 1 sg.aor.med. от *kram-* 'шагать', *ba-bhū-yā-t* (3+4+6+7) 'пусть он станет'— 3 sg.opt.pf. от *bhū-* 'быть', *mar-mṛj-yá-te* (3+4+5+7) 'он украшает'— 3 sg.pr.int. от *mṛj-* 'украшать' и др. или из трех, как *kṛ-ṇó-ti* (4+5+7) 'он делает'— 3 sg.pr. от *kar-* 'делать', *bí-bhar-ti* (3+4+7) 'он несет'— 3 sg.pr. от *bhar-* 'нести', *á-sthā-t* (2+4+7) 'он встал'— 3 sg.aor. от *sthā-* 'стоять', *mṛ-ṇī-hí* (4+5+7) 'раздроби'— 2 sg.iv.act. от *mar-* 'раздробить' и др. Необходимым и достаточным для порождения личной глагольной формы является сочетание из двух элементов: корня и окончания (4+7), например: *hán-ti* 'он убивает'— 3 sg.pr.act. от *han-* 'убивать', *çru-dhí* 'слушай'— 2 sg.iv.act. от *çru-* 'слушать' и др.

Порядок последовательности морфем в рассмотренной выше максимальной схеме является фиксированным. Кроме нередуцируемых элементов 4 и 7, т. е. корня и окончания, все остальные, как видно из приведенных примеров, допускают редукцию. Наименее «прочными» являются позиции элементов 1 и 2. Связь наречия-префикса с личной глагольной формой в самхитах не обязательна, чаще здесь имеют место два слова, а не форма одного слова. Употребление аугмента — показателя прошедшего времени в самхитах факультативно. Все остальные элементы строго обязательны для определенных классов грамматических форм.

В двух местах этой модели возможна циклизация элементов: в 1 и 5. В состав одной глагольной формы может входить более одного префикса и суффикса. Число префиксов никогда не превышает трех, единичный случай засвидетельствован в AB (XI, 1,36) — *anusampráyāhi* (1′+1″+1‴+4+7) 'отправляйся', не часто оно бывает равно двум, например: *anunírdaha* (AB, IX, 2, 9) 'сожги дотла', *anvávçaye* (AB, X, 7,9) 'распростерлось' и др. (Процесс вхождения наречий-префиксов в состав глагольной формы быстро усиливается в период после РВ.) Число суффиксов не превышает двух: непосредственно за корнем следует словообразующий суффикс, за ним — формообразующий, например: *dhār-ay-iṣyá-ti* (4+5′+5″+7) 'он будет поддерживать'— 3 sg.pr.caus. от *dhar-* 'держать', *uhyáte* (<*uh+yá+a+te*) 'если будет привезена'— 3 sg.pass.subj. от *vah-* 'везти' и др.

Соответствующая модель, описывающая структуру неличных глагольных форм, включает на два элемента меньше, так как в составе неличных форм не может быть аугмента и модального суффикса. Она имеет следующий вид: префикс (1)+ удвоение (2)+корень (3)+суффикс основы (4)+флексия (5). Эта теоретически максимальная модель может реализоваться в полном виде, например: *upa-ja-gm-úṣ-as* 'подошедших'— A.pl. p.pf.act. от *upa+gam-* 'подходить', *ājúhvānās* (<*ā+ju+hu+ āna+ās*) 'возливающие себе'— N.pl.p.pr.med. от *ā+hu-* 'возливать [жертвенное масло]' и др. Чаще употребляются редуцированные варианты этой модели, например, четырехчленный вариант: *sa+sṛ-vāṃs-am* (2+3+4+5) 'поспешившего'— A.sg.p.pr. act. от *sar-* 'струиться', 'спешить', *prá-sthi-ta-m* (1+3+4+5) 'выступившего'— A.sg.p.p. от *pra+sthā-* 'выступать' и др. Трехчленный вариант редукции является минимально допустимым для одной части неличных форм, а именно для причастий, например: *hi-tá-sya* (3+4+5) 'положенного'— G.sg. от p.p. от *dhā-* 'класть', *çóc-ad-bhis* (3+4+5) 'светящимися'— I.pl. от p.pr. от *çuc-* 'светиться' и др. Двучленный вариант редукции является минимально допустимым для другой их части — абсолютивов и инфинитивов, например: *hi-tvī* (3+4) 'положив'— abs. от *dhā-* 'класть', *dṛç-e* (3+5) 'чтобы видеть'— inf. от *dṛç-* 'видеть' и др. Как видно из приведенных примеров, у этих неличных форм допустима такая редукция модели, в которой отсутствует флексия, и, таким образом, нередуцируемым элементом во всех этих вариантах остается только глагольный корень.

Циклизация отдельных элементов в определенных позициях этой модели допустима в тех же местах и в тех же пределах, что и у личных форм, т. е. циклизуются префиксы и суффиксы, например: *upa-pra-y-án* (1′+1″+4+5+7, причем 7 представлено нулем) 'предпринимающий'— N.sg. от p.pr.act. от *upa+pra+i-* 'предпринимать', *niṣ-pát-ant-y-os* (1+4+5′+5″+7) 'у двух вылетающих'— L.du.f. от p.pr.act. от *nis+pat-* 'вылетать', *yáj-a-māna-sya* (4+5′+5″+7) 'у жертвующего'— G.sg. от p.pr.med. от *yaj-* 'жертвовать' и др. При этом возможны комбинации двух словообразовательных суффиксов, например: *-ant-* и *-ī-*. В результате циклизации указанных элементов могут порождаться формы, которые превышают длину максимальной модели, например: *upadadyamāne* (<*upa+da+d+ya+māna+i*); (1+2+3+4′+4″+5) 'у вручаемого'— L.sg.p.pass. от *upa+dā-* 'вручать'.

Ведийский глагол по ряду причин представляет большие сложности для описания. Дело не только в том, что он обладает обширной разращенной системой форм. Гораздо большие трудности связаны с такими его особенностями, как нередкое отсутствие ожидаемого регулярного соответствия между классификацией форм по их структуре и по системе граммати-

ческих значений (одному типу форм может соответствовать несколько грамматических значений, и, наоборот, одно грамматическое значение может быть связано с несколькими структурными типами; или иначе: определенная форма может не иметь того грамматического значения, которое она «должна иметь» в соответствии со своей структурой, а имеет другое не обусловленное структурой значение). Можно сказать, что категории ведийского глагола недостаточно грамматичны. К этому следует еще добавить, что не все парадигмы полностью сформировались в ведийском языке, и некоторые из них находятся в периоде становления.

Показательно, что из названных ранее грамматических категорий, совокупность которых характеризует глагол как класс, ни одна не является обязательной для всех без исключения форм. Даже самые экстенсивные из них — категории вида и времени, не свойственны абсолютивам и некоторым инфинитивам, а каузативность, выражаемая всеми глагольными формами, принадлежит скорее не к грамматическим категориям, а к словообразованию (так называемое производное спряжение). Таким образом, единственной структурной единицей, объединяющей все эти многочисленные формы в одну систему, является корень глагола.

Категория лица глагола так же, как и у местоимения, складывается из противопоставления трех граммем: 1-го, 2-го и 3-го лица (см. с. 240). Эта категория выражает лицо субъекта действия.

Категория числа глагола, подобно соответствующей категории имени, образуется противопоставлением трех граммем: единственного, множественного и двойственного числа (см. с. 191 сл.). Она выражает число субъекта действия.

Категория залога складывается из противопоставления двух граммем: активного и медиального залогов. Эта оппозиция регулярно выражается во всей системе личных форм глагола посредством двух разных серий окончаний: активных и медиальных, присоединяемых к основе времени или наклонения. У ряда причастий способом выражения залогового противопоставления служат словообразовательные суффиксы.

Содержательная интерпретация глагольной диатезы, по Панини, такова, что активный залог представляет собой «слово для другого» (parasmaipada-), а медиальный — «слово для себя» (ātmanepada-), или, в соответствии с уточнением Бенвениста, в активном залоге глаголы означают процесс, исходящий от субъекта и внешний по отношению к нему, а в медиальном залоге — процесс, развивающийся в субъекте, и субъект является внутренним по отношению к процессу.

В духе этой диатезы легко интерпретируется та часть фактов — она находится в ее центре,— когда один и тот же глагол употребляется и с активными, и с медиальными окончаниями.

Вот некоторые примеры: *yád açnâmi bálaṃ kurve* (AB, VI, 135,1) 'Когда я ем, я создаю себе силу'— *túbhyaṃ bráhmāṇi várdhanā kr̥ṇómi* (VII, 22,7) 'Я создаю для тебя подкрепляющие молитвы', *ná nāthitó vindate marḍitāram* (X, 34,3) 'Несчастный не находит сочувствующего'— *nâháṃ vindāmi kitavásya bhógam* (ib.) 'Я не нахожу пользы в игроке', *daçasyántā mánave pūrvyáṃ divi yávaṃ vr̥keṇa karṣathaḥ* (VIII, 22,6) 'Вы двое (Ашвинов), преданные человеку, утром рано пашете ячмень на волке'— *akṣaír mā́ dīvyaḥ kr̥ṣím it kr̥ṣasva* (X, 34,13) 'Не играй в кости! Паши (свою) ниву'.

Кроме этого есть ряд глаголов, которые спрягаются только в активном залоге, как *as-* 'быть'; *jīv-* 'жить', 'пребывать', 'править'; *kṣip-* 'бросать', 'кидать'; *gā-* 'идти'; *nr̥t-* 'танцевать'; *pat-* 'летать'; *bhā-* 'светить'; *rāj-* 'править'; *sr̥p-* 'ползти'; *sidh-* 'помогать' и другие, среди которых, помимо ряда глаголов движения, можно выделить группу глаголов, обозначающих различные деструктивные действия: *kr̥t-* 'расщеплять', *br̥h-* 'вырывать', *mar-* 'разбивать', *ruj-* 'ломать', *rup-/lup-* id., *vadh-* 'убивать', *vyadh-* 'пронзать', *vraçc-* 'рубить', *ças-* 'резать'.

Менее многочисленны глаголы, которые спрягаются только в медиальной флексии, как *ās-* 'сидеть', *īç-* 'владеть', 'повелевать', *ūh-* 'замечать', *kṣam-* 'терпеть', *dhav-* 'течь', *ramb-* 'висеть', *man-* 'думать', *labh-* 'получать', *vas-* 'надевать', *çī-* 'лежать' и др.

У этих двух групп глаголов исключительное употребление активной или медиальной флексии определяется, по-видимому, прежде всего лексическим значением корня, хотя далеко не всегда характер этой связи ясен.

Выбор активной или медиальной флексии может зависеть от употребления глагола с наречием-префиксом (даже если это самостоятельное слово и связь чисто семантическая). Например, глагол *sthā-* 'стоять', 'находиться' спрягается преимущественно в активном залоге без префиксов и с префиксами, в медиальном залоге он встречается почти исключительно с префиксами (*vi+sthā-* 'расширяться', 'распространяться'— med., *upa+sthā-* 'присутствовать', 'приближаться'— med.); та же ситуация у глагола *dā-* 'давать', у которого медиальный залог связан прежде всего с префиксом *ā*, меняющим лексическое значение: *ā+dā-* 'брать' и т. п.

Употребление активной или медиальной флексии может быть обусловлено типом основы глагола. Классическим является соответствие медиального презенса активному перфекту, например: *pádyate — papā́da*, *pad-* 'идти'; *páyate — pipā́ya*, *pi-/pī-* 'набухать'; *módate — mumóda*, *mud-* 'радоваться' и т. п.

Разные типы основ аориста в неодинаковой степени сочетаются с активной и с медиальной флексией. Так, основа тематического аориста редко соединяется с медиальной флексией, у аориста на *-sa-* в медиальном залоге употребляются только

формы 3-го лица, а у аориста на *-siṣ-* — только модальные формы (оптатив). При наличии нескольких типов презентных основ к медиальной флексии тяготеет тематический тип. Особое распространение получила форма 3 pl. на *-anta*.

С противопоставлением активной и медиальной флексии, иногда — но не обязательно — сопровождаемым противопоставлением разных типов презентных основ, может быть связана оппозиция переходного и непереходного значения[1].

С медиальной флексией, особенно за пределами презенса, может быть связано медио-пассивное или пассивное значение. Вот некоторые примеры: *mā́ hāsmahi prajáyā mā́ tanū́bhir* (X, 128,5) 'Да не будем мы покинуты ни потомками, ни (своими) телами!', *ástoḍhvaṃ stomyā bráhmaṇā me* (I, 124,13) 'Вы прославлены, о достойные восхваления, моей молитвой', *ayasmáye drupadé bedhiṣe* (AB, VI, 84,4) 'Ты привязан к железному столбу'.

Таким образом, во многих случаях медиальные формы не находятся в строгой семантической оппозиции с активными формами, и вся оппозиция приближается по своему характеру к словообразовательной.

В целом надо сказать, что медиальная флексия является отмеченной по отношению к активной и более редкой (соотношение 1 : 3).

В ведийском языке существует также формальный способ выражения страдательного залога, пассива, но в основе его структурного и семантического отождествления лежат совсем иные принципы, чем у рассмотренной выше диатезы. Регулярная парадигма пассива существует только в системе презенса, точнее, в презенсе (пассив является развитием одного из типов презентных основ: IV класса, характеризуемого суффиксом *-ya-*, и отличается от него только местом ударения), к которому примыкают несколько форм имперфекта 3-го лица. Эта парадигма пассива использует медиальную флексию. Среди неличных форм существуют причастия страдательного залога, имеющие тоже двойную формальную характеристику: суффикс пассива и суффикс медиального залога. Эти причастия всегда выражают значение страдательного залога, но кроме них то же значение могут иногда выражать просто медиальные причастия, например: *surétasā çrávasā túñjamānā*... (III, 1,12) 'приводимые в движение славой прекрасного семени...' и др.

В итоге можно сказать, что если в семантическом плане в ведийском языке существует противопоставление активного залога не только медиальному, но также и пассивному по признакам «необращенность на объект действия» (пассивный залог) — «обращенность на объект действия» (активный залог), то в формальном плане эти оппозиции принадлежат разным уровням. Диатеза активного и медиального залогов принадлежит к уров-

[1] Подробнее см. в разделе «Лексика», с. 50 сл.

ню формообразования, а противопоставление активного залога пассивному, действительное для некоторой части глагольных форм, целесообразно рассматривать на уровне словообразования.

Категория наклонения ведийского глагола складывается из противопоставления следующих граммем: индикатива (изъявительного наклонения), императива (повелительного), оптатива (желательного), субъюнктива (сослагательного) и инъюнктива. Следует упомянуть еще одно наклонение — кондиционалис (условное или ирреальное), но для этого периода развития языка его вряд ли нужно принимать во внимание как элемент системы, поскольку в самхитах оно представлено всего лишь одной формой в РВ.

Инъюнктив противопоставлен остальным наклонениям по иному принципу, чем все они друг другу, и поэтому выпадает из данной системы оппозиций и будет рассмотрен отдельно. В основе различения системы наклонений в ведийском языке лежат оппозиции трех пар дифференциальных признаков: «условность—безусловность», «направленность—ненаправленность» и «автономность—неавтономность». Первая пара признаков служит для отождествления индикатива как безусловного (прямого) наклонения в отличие от трех остальных наклонений как условных (косвенных), т. е. выражающих такое действие, реальность которого не утверждается. С помощью второй пары признаков императив противопоставляется прочим наклонениям как направленный ненаправленным. Третья оппозиция имеет меньший объем, чем две предыдущие. Она служит для идентификации оптатива и субъюнктива и иррелевантна для индикатива и императива. Оптатив, основное значение которого — выражение желания, интерпретируется посредством этой оппозиции как действие автономного характера, не соотнесенное ни с какими другими обстоятельствами (он выражает только волю говорящего), в отличие от субъюнктива, который тоже выражает условное действие, но это действие соотнесено еще с другими обстоятельствами (значение субъюнктива может подчеркиваться модальными наречиями типа «возможно», «по-видимому», «конечно» и т. п.).

Пересечение дифференциальных признаков этих трех оппозиций дает следующий объем инвариантных значений наклонений в ведийском языке. Индикатив как наименее маркированное наклонение является безусловным и ненаправленным, императив, наоборот, предстает как условное и направленное наклонение. Для отождествления этих наклонений необходимы и достаточны две оппозиции дифференциальных признаков. Оптатив и субъюнктив обладают бóльшим объемом, так как для их идентификации используются три оппозиции. Оптатив является условным, ненаправленным, автономным. Он маркирован по отношению к субъюнктиву — условному, ненаправленному и неавтономному.

Структуру граммем наклонения можно изобразить в виде таблицы (табл. 6).

Таблица 6

Наклонение / Дифференциальные признаки	Индикатив	Императив	Оптатив	Субъюнктив
Условность—безусловность	—	+	+	+
Направленность—ненаправленность	—	+	—	—
Автономность—неавтономность	0	0	+	—

Индикатив представлен наиболее обширной системой форм, включающей все возможные в ведийском языке видовременные противопоставления. Действие трактуется как реальное, безусловно происходящее в настоящем, прошедшем и будущем. Вот некоторые примеры: *eṣá... sómaḥ punānó arṣati* (IX, 28,6) 'Этот Сома течет, очищаясь', *áhann áhim ánv apás tatarda | prá vakṣáṇā abhinat párvatānām* (I, 32,1) 'Он убил дракона, он просверлил отверстия для рек, он рассек чресла гор', *glaúr itáḥ prá patiṣyati | sá galuntó naçiṣyati* (AB, VI, 83,3) 'Нарост улетит отсюда прочь. Он исчезнет из горла'.

Формы косвенных наклонений образуются от временны́х основ изъявительного наклонения. Особенность ведийского языка состоит в том, что они образуются не только от основы презенса, хотя от нее по преимуществу, но также и от других основ: аориста и перфекта. Никакой разницы в значении между формами одного наклонения от разных временны́х основ нет, например: *yóktrāṇi muñcata* (III, 33,13) 'Отпустите постромки!', *evāsmád agne ví mumugdhi pāçān* (V, 2,7) 'Так распусти с нас петли, о Агни!', *té na āsnó vṛkāṇām ādityāso mumócata* (VIII, 67,14) 'О Адитьи, освободите нас из пасти волков!' от глагола *muc-* 'отпускать', 'освобождать'.

Обращает на себя внимание та особенность, что формы косвенных наклонений почти не встречаются от основы футурума. Дело не только в том, что футурум редок в ранневедийском языке (РВ), но также и в том, что он является в отличие от настоящего и прошедших времен полумодальной формой.

Императив образуется от временно́й основы и характеризуется особым типом чередования гласных (у тех глаголов, которым оно свойственно) и особыми окончаниями в некоторых формах, а именно: 2,3 sg., 3 pl. Его парадигма неполная: в 1-м лице ее восполняют соответствующие формы сослагательного наклонения.

Инвариантное значение императива в текстах реализуется прежде всего как выражение приказа, побуждения, просьбы, пожелания. Эти значения наиболее отчетливо прослеживаются

во 2-м лице. Вот некоторые примеры: *sá tvaṃ viprāya āāçúṣe| rayíṃ dehi sahasríṇam | ágne vīrávatīm iṣam* (VIII, 43,15) 'Дай ты искусному в речах почитателю тысячное богатство, о Агни, подкрепление, состоящее из героев!', *ayáṃ hótā prathamáḥ | páçyatemám* (VI, 9,4) 'Вот первый хотар — взгляните на него!'.

К императиву непосредственно примыкают по значению изолированные, непарадигматические формы 2 sg. с окончанием презенса *-si*, например: *á deva devā́n yajáthāya vakṣi | sákhā sákhīn sumánā yakṣy agne* (III, 4,1) 'Привези, о бог, богов на жертвоприношение! Как друг благожелательный почитай друзей, о Агни!'.

Императив не встречается обычно с отрицаниями и очень мало употребителен в придаточных предложениях (в отличие от субъюнктива, являющегося типичным косвенным наклонением придаточных предложений).

Оптатив образуется от временно́й основы с помощью характерного суффикса — *yā́-/ī-*, чередующегося там, где это предусмотрено типом глагольной основы, и выступающего в виде неизменной формы *-ī-* у неизменяемых основ. Кроме того, существует разновидность оптатива, образуемого только от одного из типов основ прошедшего времени — сигматического аориста, а именно, так называемый *прекатив*, или *бенедиктив*, который характеризуется суффиксом *-yā́s-/-īs-* (т. е. суффикс оптатива + *-s-* — показатель аориста) и который ограничивается исключительно выражением желания.

Главное инвариантное значение оптатива реализуется в виде выражения желания. Именно в этом значении он большей частью употребляется в самостоятельных предложениях. Как отмечалось исследователями, в разных грамматических лицах оптативу могут быть свойственны особые дополнительные оттенки желания: желание, касающееся говорящего, в 1-м лице, просьба или пожелание во 2-м лице, оттенок возможности, эвентуальности в 3-м лице. Вот некоторые примеры: *tváyā vā́jaṃ vājayánto jayemābhí ṣyāma pṛtsutīr mártyānām* (V, 4,1) 'С тобою да завоюем мы добычу как добытчики, да устоим мы против нападений смертных', *á no vavṛtyāḥ suvitā́ya deva* (I, 173,13) 'Пусть повернешь ты нас к благополучию, о бог!', *ádhā çáyīta nírṛter upásthe | 'dhainaṃ vṛkā́ rabhasā́so adyúḥ* (X, 95,14) 'Что если он найдет покой в лоне небытия? Что если его сожрут лютые волки?'.

В предложениях, выражающих условие, оптатив иногда может приобретать вызванное контекстом значение нереализуемого действия, причем условие может и подразумеваться, например: *rā́trībhir asmā áhabhir daçasyet | sū́ryasya cákṣur múhur ún mimīyāt* (X, 10,9) 'Ночами и днями она услаждала бы его. В (один) миг обманула бы глаз солнца' (но он против этого). В дальнейшем развитии языка это значение (видимо, как наи-

более периферийное по отношению к инвариантному значению) отходит к другому наклонению — кондиционалису. Тот единственный пример кондиционалиса, который засвидетельствован в РВ, выражает скорее будущее действие, связанное с прошлым, а не ирреальное: *yó vṛtráya sínam átrā́bharişyat | prá tā́m jánitrī vidúṣa uvāca* (II, 30,2) 'Родительница предсказала знающему того, кто принес бы Вритре расплату за это'. Оптатив редко употребляется в придаточных предложениях в отличие от субъюнктива.

Субъюнктив образуется от временно́й основы и характеризуется суффиксом основы — тематическим гласным, способностью соединяться в пределах одного залога с двумя сериями личных окончаний (а не с одной, как это свойственно любой временно́й основе), причем некоторые из них имеют «утяжеленные» варианты, специфичные для данного наклонения.

Инвариантное значение субъюнктива как наклонения реализуется в выражении различных оттенков модальности: возможности, вероятности, желательности, долженствования, проблематичности действия с явной или — чаще — имплицитной зависимостью от каких-то других обстоятельств. Вот некоторые примеры: *púnar éhi vṛṣākape | suvitā́ kalpayāvahai* (X, 86,21) 'Возвращайся снова, Вришакапи,— мы хорошо поладим!', *kaniṣṭhikā́ ca tiṣṭhati | tiṣṭhā́d íd dhamánir mahī́* (АВ, I, 17,2) 'Когда останавливается самая младшая, непременно остановится и великий сосуд', *prá nú vocā sutéṣu vā́m vīryà̀...* (VI, 59,1) 'Хочу я сейчас у выжатых (струй сомы) провозгласить ваши героические деяния' и др.

Субъюнктив нередко употребляется при вопросе и с отрицанием *na*, например: *apā́m nápād āçuhémā kuvít sá | supéçasas karati jóṣiṣad dhí* (II, 35,1) 'Апам Напат, погонщик коней, украсит ли их — ведь он будет радоваться (им)' (или 'Конечно, Апам Напа̄т, погонщик коней, их украсит — ведь он будет радоваться'), *kím abhúg vadāsi* (X, 95,11) 'Что же ты попусту говоришь?', *só cin nú ná marāti | nó vayā́m marāmāré | asya yójanam hariṣṭhā́ | mádhu tvā madhulā́ cakāra* (I, 191,10) 'И он, конечно, не умрет (от яда), и мы тоже не умрем: ездящий на золотых конях устранил его действие, сладкое (растение) сделало тебя медом' и др. В этом употреблении также проявляется условное и неавтономное модальное значение субъюнктива.

Субъюнктив является основным наклонением, употребляющимся в придаточных предложениях в ведийском языке, и в этом заключается его главное синтаксическое отличие от императива, который никогда в них не употребляется, и оптатива, который употребляется редко. Вот некоторые примеры: *yáṃ jīvā́m açnávāmahai | ná sá riṣyāti pū́ruṣaḥ* (X, 97,17) 'Если мы живого застанем, не должен пострадать этот человек', *... evā́ ní hanmi te máno | yáthā mā́m kāmínyaso | yáthā mán*

nápagā ásaḥ (АВ, VI, 8,2) '...так и я прибиваю мысль твою — чтобы стала ты меня любящей, чтоб не стала ты избегать меня!' и др.

Наиболее частым и наименее модальным значением субъюнктива является выражение будущего времени. Можно сказать, что в РВ — это нормальный способ выражения будущего времени, поскольку футурум редок, в АВ же соотношение меняется в пользу футурума, но субъюнктив по-прежнему не утрачивает этой функции. Вот некоторые примеры: *bahū́ni me ákṛtā kártvāni | yúdhyai tvena sā́m tvena pṛchai* (IV, 18,2) 'Я должен совершить многие не совершенные (еще деяния). Я буду (или хочу) биться с одним, договариваться с другим', *sá te çátrūn ádharān pādayāti* (АВ, X, 3,3) 'Он повергнет ниц твоих врагов' и др.

Благодаря столь широкому кругу значений и отсутствию ограничений на употребление в простых или сложных предложениях субъюнктив в ранневедийский период гораздо употребительнее, чем оптатив.

Различаясь по совокупности инвариантных значений, все три косвенных наклонения могут быть очень близки друг другу в каком-нибудь одном значении вплоть до синонимичного употребления. Ср., например, при выражении желания или пожелания: *çám agnír agníbhiḥ karac | chā́m nas tapatu sū́ryaḥ* (VIII, 18,9) 'Счастье пусть создаст [subj.] Агни со (многими) Агни, счастье пусть воссветит [iv.] Сурья...', *asmā́kam astu kévalaḥ* (I, 70,10) 'Да будет [iv.] он (Индра) только нашим!', *asmā́kāsad índro vájrahastaḥ* (I, 173,10) 'Да будет (subj.) нашим Индра, с дубиной в руке!', *ā́ no devā́ḥ savitā́... jagamyāt* (VI, 50,8) 'Да придет [opt.] к нам бог Савитар!', *ā́ vo gachāti... vásiṣṭhaḥ* (VIII, 33,14) 'Да придет [subj.] к вам Васиштха!'.

Инъюнктив структурно и семантически выпадает из системы наклонений. Он не противостоит индикативу по какому-либо формальному признаку, не имея ни характерного суффикса, ни особой флексии. Фактически инъюнктив можно характеризовать только негативно: это основа презенса или аориста индикатива без аугмента (его употребление вообще факультативно), неспособная соединяться с окончаниями первичной серии.

Инъюнктив в ряде случаев трудно отделим от субъюнктива с кратким *-a-*, и принадлежность конкретных форм к одному или к другому наклонению можно определить, исходя не из структуры данной формы, а из системы противопоставлений всех форм данного глагольного корня.

Столь же неотчетлива семантика инъюнктива. Как было показано в ряде специальных исследований, формы инъюнктива могут выражать очень широкий круг временны́х и модальных значений. Инъюнктив может в некоторых контекстах выражать

действие общего характера, близкое к общему презенсу (но не к презенсу настоящего момента), например: *víṣṇum stómāsaḥ purudasmám arkā́ | bhágasyeva kāríṇo yā́mani gman* (III, 54,14) 'К Вишну идут восхваления, напевы, к многочудесному, как при выезде удачливого героя', *rápad gandharvír ápyā ca yóṣaṇā | nadásya nā́dé pári pātu me mánaḥ* (X, 11,2) 'Когда шепчет Гандхарви — водяная дева, пусть защитит она мой дух во время рева ревущего (Сомы)' и др.

Инъюнктив может также в определенных контекстах приравниваться по значению к прошедшему времени (опорной является обычно какая-нибудь находящаяся поблизости форма прошедшего времени, снабженная соответствующими показателями этого времени), например: *yáme iva yátamāne yád aitam | prá vām bharan mánuṣā devayántaḥ* (X, 13,2) 'Когда вы прибыли [impf.], схожие как два близнеца, люди, стремящиеся к богам, вывели [inj.] вас вперед', *ádardar útsam ásṛjo ví khā́ni | tvám arṇavā́n badbadhānā́ aramṇāḥ | mahā́ntam indra párvatam ví yád váḥ | sṛjó ví dhárā áva dānavám han* (V, 32,1) 'Ты проломил (путь) [impf.] источнику, выпустил течь [impf.] каналы, ты успокоил [impf.] бушующие волны. Когда ты (Индра) раскрыл [inj.] скалу, ты выпустил течь [inj.] потоки. Ты убил [inj.] Данаву' и др.

Нередко инъюнктив близок по значению к футуруму, иногда с легкой модальной окраской, например: *ná nau mántrā ánuditāsa eté | máyas karan páratare canā́han* (X, 95,1) 'Эти мысли, оставаясь невысказанными, не принесут нам радости даже в самый отдаленный день', *índrasya nú vīryā̀ṇi prá vocam* (I, 32,8) 'Я провозглашу (или хочу провозгласить) сейчас героические деяния Индры'.

Таким образом, инъюнктив изофункционален различным временам индикатива. Кроме того он широко употребляется в значениях, синонимичных значениям косвенных наклонений. Подобно императиву, инъюнктив может выражать приказ, побуждение, например: *āsú ṣmā ṇo maghavann indra pṛtsv | àsmábhyam máhi várivaḥ sugám kaḥ* (VI, 44,18) 'В этих сражениях создай нам, о щедрый Индра, великий простор и счастливый путь!', *rákṣo agnim açúṣam tárvayāṇam* (I, 174,3) 'Охраняй, Агни, Ашушу, Турваяну!' и т. д. В сочетании с отрицательной частицей *mā́* инъюнктив выражает запрет, например: *mā́ no maghéva niṣṣapí párā dāḥ* (I, 104,5) 'Не раздай нас, как мот — (свои) богатства!', *ágne sakhyé mā́ riṣāmā vayam táva* (I, 94,1) 'О Агни, в дружбе с тобой да не потерпим мы вреда!' и др.

Изофункциональность императиву наиболее отчетливо проявляется в формах 2-го лица, в остальных лицах значение инъюнктива часто бывает ближе к оптативу, т. е. инъюнктив выражает желание, пожелание, просьбу, например: *yajñáç ca bhūd vidáthe cárur ántamaḥ* (X, 100,6) 'И жертва пусть будет приятной, близкой для общины!', *júṣoṣann in marútaḥ suṣṭutim*

naḥ (VII, 58,3) 'Пусть возрадуются Маруты нашей прекрасной хвале!' и др.

Инъюнктив употребляется иногда синонимично субъюнктиву и имеет в таких случаях слабое значение эвентуальности, сомнения, возможности и пр., например: *púrūravo mā́ mṛthā mā́ prá papto | mā́ tvā vṛ́kāso áçivāsa u kṣan* (X, 95,15) 'О Пуруравас! Ты не должен ни умереть, ни исчезнуть! Злые волки не должны тебя загрызть!', *kuvín no asyá vácaso nibódhiṣad* (II, 16,7) 'Конечно, он обратит внимание на наше слово' и др.

Покрывая своими значениями значения всей системы времен и наклонений в ведийском языке и тем самым не выражая ни временны́х, ни модальных различий, инъюнктив противостоит всем этим категориям, вместе взятым. Высказывались соображения о том, что, в отличие от форм, выражающих время и модальность и описывающих действие, инъюнктив лишь упоминает его (меморатив). Согласно другой точке зрения, инъюнктив выражает недифференцированно только связь деятеля с действием в категориях лица и залога, в то время как остальные глагольные формы дифференцируют действие по временам и наклонениям.

Как бы то ни было, уже в РВ инъюнктив является архаизмом, используемым в стилистических целях. Он употребляется часто в повествовании о мифических событиях, в которых различие действий по временам и наклонениям может быть сведено к минимуму. После РВ инъюнктив быстро исчезает и в дальнейшем сохраняется только с одним значением: 2-го лица единственного числа при выражении запрета.

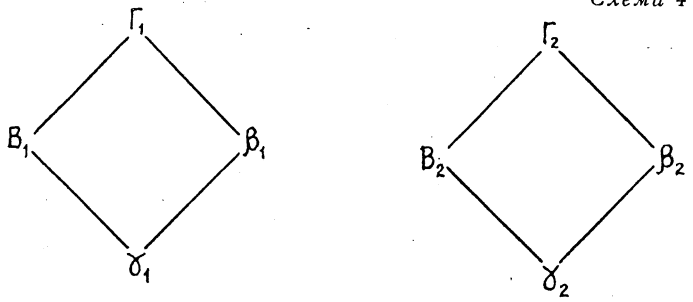
В целом глагольные формы, реализующие разные оттенки косвенной модальности, заметно преобладают в ранневедийском языке над формами индикатива. Это объясняется семантикой такого текста, как РВ, в гимнах которой содержатся многочисленные просьбы к богам, пожелания, проклятия и т. п., а изложение, описание отступает на второй план. Когда же дело доходит до изложения, то описываются преимущественно мифические события, которые в ведийской модели мира имеют общий, вневременной характер (языковое выражение этого — инъюнктив), в связи с чем формы индикатива и здесь играют вспомогательную роль.

В морфологическом плане влияние семантики текста проявляется в том, что у многих глаголов не установлена или установлена весьма неполно парадигма индикатива с его противопоставлением временны́х основ, чему способствует также неразличение временны́х противопоставлений между косвенными наклонениями, образованными от разных основ.

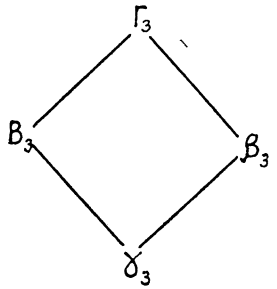
Категории вида и времени ведийского глагола целесообразно описывать с помощью предложенной Куриловичем универсальной схемы противопоставления видов, состоящей из четырех членов: В (несовершенный) — β (совершенный) — Г (нейтраль-

ный) — γ (сложный — состояние), которая, будучи соотнесенной с моментом речи, дает три возможных варианта реализации: в настоящем, прошедшем и будущем времени (схема 4). При этом будущее время находится не на одной линии с настоящим и прошедшим, поскольку сочетает в себе не только временно́е, но и модальное значение. В силу этого наиболее корректным противопоставление видовых различий бывает в связи с планом настоящего и прошедшего времени.

Схема 4



I [Связь с моментом речи] II [Связь с моментом прошлого]



III [Связь с моментом будущего]

В свою очередь чисто временны́е противопоставления, т. е. соотнесенность с моментом речи: предшествование ему (прошедшие времена), следование за ним (будущее время) или совпадение с ним (настоящее время) можно описать в виде пересечения двух пар дифференциальных признаков: «претеритальность—непретеритальность» и «гипотетичность—негипотетичность» (последняя пара признаков моделирует модальный характер противопоставления будущего времени прочим граммемам времени).

Категории вида и времени в ведийском языке образуются оппозициями следующих шести граммем: презенса, имперфекта,

аориста, перфекта, плюсквамперфекта и футурума. Из них плюсквамперфект участвует лишь в формальной оппозиции граммем (и то во многих случаях недостаточно отчетливо), семантически же не является самостоятельным членом какой-либо оппозиции, совпадая по значению то с имперфектом, то с аористом. В связи с этим плюсквамперфект не будет приниматься во внимание в схеме содержательной интерпретации видо-временных оппозиций.

В ведийском языке используется редуцированный вариант максимальной схемы противопоставлений, в котором презенс выступает в функции $Г_1$ и $В_1$, имперфект — в функции $Г_2$ и $В_2$, аорист — $β_1$, $β_2$, перфект — $γ_1$, $γ_2$ и футурум — в функции $Г_3$, $В_3$, $β_3$, $γ_3$.

Точно так же нет одно-однозначного соответствия между рядом граммем и бинарными оппозициями дифференциальных признаков времени. Так, аорист и перфект могут быть претеритальными в одной части случаев и непретеритальными в другой. Обе эти граммемы негипотетичны. Презенс непретеритален и негипотетичен, имперфект претеритален и негипотетичен, футурум непретеритален и гипотетичен. Все граммемы времени маркированы по отношению к презенсу, характеризуемому двумя признаками с отрицательным значением.

Таковы инвариантные значения временны́х основ, образуемые пересечением трех оппозиций, моделирующих видовые и временны́е различия. Употребляясь в текстах, эти основы реализуют свои системой обусловленные значения в ряде вариантов.

Презенс может выражать актуальное настоящее время, совпадающее с моментом речи, нейтрального или несовершенного вида, например: *út te stabhnāmi pṛthivím* (X, 18,13) 'Я укрепляю землю над тобой'— фраза, сопровождаемая действием в погребальном обряде; *yákṣmaṃ mátasnābhyāṃ plīhnó yaknás te ví vṛhāmasi* (AB, II, 33,3) '...якшму из почек, из селезенки, из печени мы вырываем у тебя!'— фраза из заговора против болезни якшмы, сопровождаемая магическим действием.

Презенс выражает также настоящее время общего характера, универсальную истину, например: *pūrvāparáṃ carato māyáyaitaú | çíçū krṭ́ḷantau pári yāto adhvarám | víçvāny anyó bhúvanābhicáṣṭa | ṛtā́ñr anyó vidádhaj jāyate púnaḥ* (X, 85,18) 'Один за другим, сменяя друг друга, движутся эти двое. Как играющие дети, обходят они место жертвоприношения. Один озирает все существа, другой рождается снова, устанавливая времена года'— космическая загадка о солнце и месяце.

Презенс может выражать прошедшее время в повествовании о прошлом для более живой репрезентации событий. Употребляясь в этом значении, глагол в презенсе часто сопровождается наречием *purā́* 'прежде', 'раньше' и эмфатическими частицами (*ha*) *sma*, например: *saṃhotráṃ sma purā́ nárī | sámanaṃ vā́va gachati | vedhā́ ṛtásya vīríṇ́ḍrapatnī mahīyate* (X,

86,10) 'Раньше (эта) женщина ходила на общее жертвоприношение или на праздничное собрание. Ее возвеличивали как устроительницу порядка, супругу героя, жену Индры'.

Презенс иногда выражает ближайшее будущее, например: *nó áha prá vindasy ànyátra sómapītaye* (X, 86,2) 'Нет, не найдешь ты и в другом месте сомы для питья'.

Презенс, наконец, может под влиянием контекста (в частности в условных предложениях) приобретать модальные оттенки значения, близкие к оптативу или субъюнктиву, например: *yádi sthá kṣetriyā́ṇām | yádi vā púruṣeṣitāḥ | yádi sthá dásyubhyo jātá́ | náçyatetáḥ sadā́nvāḥ* (AB, II, 14,5) 'Если вы возникли с полей или если были посланы людьми, если вы были рождены от дасью — исчезните отсюда, о Саданвы!'.

Имперфект выражает действие нейтрального или несовершенного вида в прошедшем времени. Он не выражает связи с настоящим в отличие от аориста и перфекта и употребляется как время повествования об отдаленном прошлом, часто о мифических событиях. Фактически здесь имеет место перенесение основы презенса в план прошедшего. Вот некоторые примеры *devā́sa āyan paraçā́ñr abibhran | vánā vṛçcánto abhi vidbhír āyan* (X, 28,8) 'Боги отправились. Они несли топоры. Рубя деревья, они выступили вместе с племенами', *sám it tán vṛtrahákhidat | khé arā́ñ iva khédayā | právṛddho dasyuhábhavat | ékayā pratidhápibat | sākáṃ sáraṃsi triṃçátam | índraḥ sómasya kā́ṇukā́* (VIII, 77,3—4) 'Убийца Вритры сдавил их всех вместе, как спицы (колеса) — во втулке. Возросши, стал он убийцей дасью. В один глоток, сразу, Индра выпил тридцать озер бурлящего (?) сомы'.

Аорист выражает действие совершенного вида. Во временно́м плане он обозначает действие, которое только что завершилось на глазах у говорящего, и таким образом является прошедшим, входящим в настоящее, например: *vyuchántī hí raçmíbhir | víçvam ābhāsi rocanám | tā́m tvā́m uṣar vasūyávo | gīrbhíḥ kā́ṇvā ahūṣata* (I, 49,4) 'Ведь сверкая лучами, ты озаряешь все небо — вот и призвали тебя (сейчас) хвалебными песнями потомки Канвы' (из цикла песен Канвов), *ájaiṣmādyā́sanāma cābhūmā́nāgaso vayám* (VIII, 47,18) 'Мы победили сегодня и достигли цели. Мы стали безгрешными'.

Аорист констатирует действие в прошлом, в связи с чем это действие субъективно представляется как точечное независимо от объективного характера его протекания, например: *ájaiṣaṃ sárvān ājín vo | náçyateváḥ sadā́nvāḥ* (AB, II, 14,6) 'Я выиграл все ваши забеги — сгиньте отсюда, о Саданвы!', *áçravaṃ hí bhūridā́vattarā́ vāṃ | vijāmātur utá vā ghā syālā́t* (I, 109,2) 'Я ведь слышал о вас двоих, что вы более щедрые дарители, чем какой зять или шурин'.

Аорист может обозначать действие, которое фактически еще не совершилось, но представляется как завершенное. Как отмечалось исследователями, такой «аорист предвосхищения» часто употребляется в заговорах AB, например: *āré abhūd viṣám araud viṣé viṣám aprāg ápi* (AB, X, 4,26) 'Далеко стал (яд). Он остановил яд. Он подмешал к яду яд' (заговор против змеиного яда), *ábhūd u prárthas takmā́ sá gamiṣyati bálhikān* (AB, V, 22,9) 'Вот, стала готовой лихорадка. Она уйдет к балхикам' (заговор против лихорадки).

Перфект выражает видовое значение состояния. В некоторых своих значениях он плохо вписывается в схему временны́х противопоставлений, выражая вневременно́е состояние, например: *yó naḥ pitā́ janitā́ yó vidhātā́ | dhā́māni véda bhúvanāni víçvā* (X, 82,3) '(Тот) — наш отец, родитель, кто устроитель, кто знает все состояния и существа' (или 'кому известны'), *bibhā́yā hí tvā́vata | ugrā́d abhiprabhañgíṇaḥ | dasmā́d ahā́m ṛtīṣā́haḥ* (VIII, 45,35) 'Боюсь я такого, как ты, грозного проломителя, я — кудесника несокрушимого' (или 'мне страшно перед таким, как ты...').

Перфект часто выражает состояние, достигнутое в результате завершившегося действия, охватывая таким образом настоящее и будущее, связь с настоящим во многих случаях бывает имплицитной, например: *agníṃ stoṣāny ... yó bhānúnā pṛthivī́m dyā́ṃ utémam| ātatā́na ródasī antárikṣaṃ* (X, 88,3) 'Я хочу прославить Агни..., который (своим) светом протянулся через землю и через это небо — через два мира и через воздушное пространство' (т. е. «и вот мы видим все это»).

К этому значению близок другой семантический оттенок, свойственный перфекту,— констатация действия, например: *naṣṭā́savo naṣṭáviṣā | hatā́ índreṇa vajríṇā | jaghā́néndro jaghnimā́ vayám* (AB, X, 4,12) 'Погибла (у них) жизненная сила, погиб яд. Убиты Индрой — громовержцем. Убил Индра. Убили мы'; ср. предикативное употребление причастий совершенного вида наряду с формами перфекта.

В этой функции перфект близок к значению аориста. Если две эти граммемы времени употребляются в одном контексте, то аорист противостоит обычно перфекту как упоминание недавнего прошлого в отличие от констатации давно совершившегося действия, например: *anáyāhám óṣadhyā | sárvāḥ kṛtyā́ adā́duṣam | yā́ṃ kṣétre cakrúr yā́ṃ góṣu | yā́ṃ vā te púruṣeṣu* (AB, IV, 18,5) 'Этой травою я испортил [aor.] все колдовство, что сотворили [pf.] в поле, в коровах, или что в твоих людях'.

Перфект, наконец, широко употребляется как время повествования о прошлом наряду с имперфектом, для обозначения, как отмечалось исследователями, наиболее важных мифологических действий. Это значение очень близко к функции констатации действия в прошлом, например: *váneṣu vy àntárikṣaṃ tatāna | vā́jam árvatsu páya usríyāsu | hṛtsú krátuṃ váruṇo apsv àgníṃ | divi sū́ryam adadhāt sómam ádrau* (V, 85,2) 'Среди деревьев протянул [pf.] он воздух, волю к победе Ва-

руна (вложил) в скакунов, молоко — в коров, разум — в сердце, Агни — в воду, солнце поместил [impf.] на небо, Сому — на скалу'.

Плюсквамперфект не имеет самостоятельного значения, совпадая то с одной, то с другой граммемой прошедшего времени, например: *úd u ṣyá devā́ḥ savitā́ yayāma | hiraṇyáyīm amátiṃ yā́m áçiçret* (VII, 38,1) 'Вот тот бог Савитар простер ввысь [pf.] (свой) золотистый образ, который он распространил [plusq.]', *kás te mātáraṃ vidhávām acakrac | chayáṃ kás tvā́m ajighāṃsac cárantam | kás te devó ádhi mārdīká āsīd...* (IV, 18,12) 'Кто сделал [plusq.] вдовою твою мать? Кто хотел убить [impf.] тебя, лежащего или идущего? Что за бог пожалел [impf.] тебя...?'.

Футурум обозначает действие ожидаемое, которое должно произойти по желанию субъекта в будущем, причем будущее может быть ближайшим или отдаленным. Эта граммема времени имеет сильную модальную окраску, например: *yád aṅgá dāçúṣe tvám | ágne bhadráṃ kariṣyasi...* (I, 1,6) 'Если уж ты, Агни, возжелаешь сделать добро чтущему тебя...', *grīvā́s te kṛtye pā́dau cā́pi kartsyāmi nírdrava* (X, 1,21) 'Я разрублю тебе, порча, кости на затылке и ноги. Удирай!'.

Понять функционирование системы времен ведийского глагола помогает предложенное Бенвенистом различение двух планов сообщения: плана истории и плана речи. Исторический план сообщения, для которого характерно повествование о событиях прошлого без учета говорящего, включает в ведийском языке имперфект и плюсквамперфект по преимуществу, перфект в функции времени повествования, констатирующего события прошлого. Из прошедших времен аорист принадлежит главным образом к речевому плану. Речевой план использует в принципе все времена, притом что граммемы прошедшего времени входят в этот план лишь в определенных своих функциях (например, перфект как выражающий состояние) или только в формах 1-го и 2-го лица.

Аугмент *-a-*. Аугмент *a* является формальным показателем прошедшего времени. Он префигируется к корню или к слогу удвоения, если таковой имеется. При наличии неотделимого префикса аугмент занимает место между этим префиксом и корнем или соответственно слогом удвоения, например: *pary-á-yās* 'ты обошел вокруг' от *pari+yā-*, *adhy-á-sthāt* 'он поднялся' от *adhi+sthā-*, *ádatta* 'он взял себе' (<*á+á+datta*) от *ā+dā-* 'брать' и др. Аугмент всегда несет на себе ударение.

Аугмент употребляется в имперфекте, аористе и плюсквамперфекте. Аугментные формы всегда имеют вторичные окончания.

Присоединение аугмента к корню характеризуется в некоторых случаях особыми правилами сандхи. Если корень начинается с гласных *i-*, *u-*, *ṛ-*, то в сочетании с ними аугмент образует

гласные не ступени гуна, т. е. *e*, *o*, *ar*, а ступени вриддхи т. е. *ai*, *au*, *ār*, те, которые в мантрах произносятся обычно в два слога с зиянием, например: 3 sg.impf.act. *aít* от *i-* 'идти', 3 pl.impf.med. *aíṣanta* от *iṣ-* 'посылать', 3 pl.impf.act. *aúkṣan* от *ukṣ-* 'кропить', 3 sg.impf.act. *aúnat* от *ud-* 'бить ключом', 3 sg.aor.med. *árta* от *ṛ-/ar-* 'приводить в движение', 3 pl.impf.act. *ārdan* от *ṛd-* 'сотрясать', 'уничтожать' и др.

Перед корнями, начинающимися с *v-*, *y-*, *r-*, *n-*, аугмент может иногда подвергаться удлинению, например: 2, 3 sg.aor.act. *āvar* от *var-* 'покрывать', 1 sg.impf. *āvṛṇi* от *vṛ-* 'выбирать', 2, 3 sg.impf.act. *ávṛṇak* от *vṛj-* 'поворачивать', 'скручивать', 3 sg.impf.act. *āvidhyat* от *vyadh-/vidh-* 'пронзать', 3 sg.impf.act. *áyunak* от *yuj-* 'запрягать', 2, 3 sg.aor. *áraik* от *ric-* 'оставлять', 3 sg.aor.act. *ánaṭ* от *naç-* 'достигать'. В большинстве случаев в аналогичной ситуации удлинения аугмента не происходит.

Аугмент в ведийском языке часто отсутствует у форм с вторичными окончаниями. В РВ безаугментные формы преобладают над аугментными, в связи с чем нередко говорят о факультативном характере аугмента. Между тем это выражение нельзя признать точным, поскольку безаугментные формы со вторичными окончаниями, т. е. формы инъюнктива, по значению не равны аугментным формам. Семантически они гораздо шире снабженных аугментом форм прошедших времен и помимо претеритального значения способны выражать также и другие временны́е и модальны́е значения.

В дальнейшем развитии языка аугмент становится обязательным для соответствующих форм прошедшего времени.

Редупликация. Редупликация, или удвоение корня, является формальным средством характеристики ряда глагольных образований: одного из типов презентных основ (III класс), одного из типов аориста, системы перфекта (т. е. перфекта, плюсквамперфекта и причастий от основы перфекта), дезидеративов и интенсивов. Каждое из этих образований имеет специфические особенности редупликации, но, кроме того, существуют общие характерные черты редупликации как таковой, проявляющиеся во всех ее видах.

Редупликация заключается в частичном или полном повторении корня глагола, которому слог редупликации предшествует. Полная редупликация встречается только у интенсивных глаголов, во всех же остальных типах основ, знающих редупликацию, она бывает частичной, что и принимается за норму (редупликация интенсивных глаголов считается усиленной).

При обычной редупликации слог редупликации состоит из одного начального согласного корня и гласного. Это воспроизводит по определенным правилам начало корня, оканчивающегося на согласный, и весь корень, если он кончается на гласный, например: *par-*, pr. *pi-par-ti*; *çuc-*, pf. *çu-çoc-a*; *riṣ-*, inj.

aor. *rī-riṣ-at*, des. *ri-rik-ṣa-ti* или *mā-*, pr. *mi-mā-ti*; *su-*, pf. *suṣāv-a*; *nī-*, pf. *ni-nāy-a*. Характер гласного удвоения зависит от типа редупликации.

Если корень начинается с гласного, то удваивается этот гласный. В ряде случаев это дает долгий начальный гласный, как, например: *as-*, pf. *āsa* (<*a*+*as*+*a*); *av-*, pf. *āva* (<*a*+*av*+*a*) и др., хотя здесь возможны многочисленные рефлексы.

Начальные согласные корня в слоге удвоения подвергаются регулярным фонетическим изменениям. Гуттуральным согласным корня, а также *h* соответствуют палатальные слога редупликации, например: *kar-*, pf. *cakāra*; *gam-*, pf. *jagāma*; *hu-*, pr. *juhoti*. Придыхательным согласным корня соответствуют непридыхательные в удвоении, например: *dhā-*, pr. *dadhāti*; *bhū-*, pf. *babhūva*; ср. комбинацию этих двух правил в случае гуттуральных придыхательных: *khād-*, pf. *cakhāda*; *ghar-*, pr. *jigharti*.

Если корень начинается сочетанием двух согласных, то удваивается первый из них, кроме сочетания «сибилянт+смычный», когда удваивается второй, смычный, согласный, например: *trā-*, pf. *tatre*; *dhvas-*, pf. *dadhvase*; *syand-*, aor. *asiṣyadat*, но *sthā-*, pr. *tiṣṭhati*; *stu-*, aor. *atuṣṭavat* (некоторые особенности в этом отношении наблюдаются у интенсивов).

Ударение и чередование гласных. Известная особенность ведийского глагола в отношении ударения заключается в том, что ударный или безударный характер личной глагольной формы определяется на синтаксическом уровне. Общее правило таково, что глагол бывает безударным в самостоятельном предложении и в главном предложении в составе сложного, а ударным — в придаточном предложении. Согласно частному правилу, глагол в главном предложении приобретает ударение, если находится в начальной позиции, сильной в акцентном отношении[2] (ср. ударный характер звательной формы имени в этом положении). В соответствии с другим частным правилом глагол в метрических текстах должен быть ударным в начале пады независимо от требований синтаксического уровня.

Парадигматическую характеристику ударения следует давать на морфологическом уровне. Атематическим глаголам (как и именам) свойственно при спряжении перемещение ударения между основой и окончанием, чему большей частью, но не обязательно, соответствует чередование гласных. В сильных формах ударение падает на основу (на корневой гласный или на чередующийся гласный суффикса), в слабых формах — на окончание. В аугментных формах независимо от того, сильные они или слабые, ударение всегда приходится на аугмент. При редупликации место ударения в сильных формах определяется до известной степени классом основы (в интенсивах всегда, в пре-

[2] Подробнее см. в главе «Синтаксические структуры».

зенсе большей частью оно падает на слог редупликации, а в перфекте — на корневой слог).

Чередование гласных, характерное для атематических основ, происходит между сильными и слабыми формами в пределах одной парадигмы, а именно, между единственным и неединственным числом в активном залоге, или между парадигмами двух разных залогов в пределах одной граммемы времени. Сильными являются формы 1, 2, 3 sg.indic.pr. и impf.act. (и соответствующие формы инъюнктива, имеющего основу презенса); 1 sg.,du.,pl.iv.act. и med., 3 sg.iv.act. За пределами системы презенса и императива чередования происходят между парадигмами активного и медиального залога: сильные формы в активном залоге — слабые в медиальном (в определенных типах аориста, перфекте, оптативе).

В сильных формах чередующийся гласный обычно бывает представлен ступенью гуна (редко вриддхи), в слабых формах — слабой ступенью (редко гуна). Если чередование происходит в суффиксах основы, то предшествующий ему корень всегда представлен слабым звуковым видом. В тематической парадигме субъюнктива всюду засвидетельствована ступень гуна.

В корнях сет между корнем в ступени гуна и суффиксом основы или окончанием используется соединительный гласный *-i-* перед начальным аффиксальным *-s-* (в аористе на *-s-*, футуруме на *-sya-*, дезидеративах на *-sa-*) обязательно и перед начальным *-t-* (в неизменяемых и именных формах глагола: абсолютивах на *-tvī* и *-tvā*, инфинитивах на *-tave*, *-tavai*, *-tum*; причастиях на *-ta-*, *-tva-*, *-tavya-*; именах деятеля на *-tar-*), а также в некоторых других случаях. Корни анит присоединяют к себе аффиксы и окончания без посредства соединительного гласного. В целом древнее различие в типе чередования между корнями сет и анит в ведийском языке уже достаточно затемнено, в связи с чем *-i-* можно описывать не как составную часть корня определенной структуры, а как элемент, обладающий некоторой самостоятельностью. У ряда корней соединительный гласный бывает долгим; долгим он бывает регулярно в окончаниях 2 и 3 sg. *-īs*, *-īt* в одном из типов аориста.

Системы глагола. Ведийский глагол состоит из нескольких автономных систем, связанных между собой только общим глагольным корнем. В пределах такой системы формы имеют одно инвариантное значение и определенную структурную общность. Определение такой системы как совокупности форм, образуемых от одной глагольной основы, было бы не вполне точным, поскольку от одного глагольного корня образуется довольно регулярно по нескольку основ аориста, что в меньшей степени относится также и к презенсу, а в систему пассива объединяются два разнородных структурных типа: регулярная парадигма, близкая к одному из классов презентных основ, и личная форма аориста.

I. Основная часть парадигмы — это личные формы и те причастия активного и медиального залогов, которые образуются от определенной временно́й основы (а не от корня). Разделение на частные системы релевантно практически только для этой части глагольных форм.

Система презенса включает презенс, имперфект и причастия настоящего времени. Это самая богатая и разветвленная система, в которой наиболее полно представлены модальные формы, прежде всего императив и оптатив, а также инъюнктив и субъюнктив, структурная принадлежность последних к данной системе выражена с меньшей отчетливостью.

К системе презенса структурно близки парадигма личных форм пассива, футурума и производные спряжения, состоящие из отглагольных и отыменных типов основ.

Система аориста состоит из аориста, прекатива и причастий аориста, а также императива, оптатива, инъюнктива и субъюнктива, в целом представленных не так полно, как в системе презенса.

Система перфекта охватывает перфект, плюсквамперфект и причастия от основы перфекта, а также модальные формы от основы перфекта императива, оптатива, субъюнктива, которые немногочисленны и часто лишены отчетливой формальной характеристики.

Система футурума теоретически образована футурумом и кондиционалисом, но последним, ввиду его крайней редкости для этого периода в развитии языка, можно пренебречь.

II. Пассив состоит из системы презенса и одной формы 3-го лица единственного числа аориста.

III. Неличные формы, образованные от глагольного корня, включают изменяемые отглагольные имена причастного типа и неизменяемые абсолютивы и инфинитивы.

Все эти образования относятся к первичному, или непроизводному, спряжению глагола. Часть III связана с этим спряжением наиболее условно, поскольку она находится на грани формообразования и словообразования. Первичному спряжению противостоит вторичное, или производное, охватывающее разные типы отглагольных и отыменных образований. Структурно к этому спряжению следует отнести те глаголы, у которых все формы образуются от основы презенса (а не от корня). Всем этим образованиям свойственно дополнительное деривационное значение. Сюда относятся каузативы, дезидеративы, интенсивы и деноминативы.

Личные окончания. В ведийском глаголе имеется две серии личных окончаний, с помощью которых различаются активный и медиальный залоги (см. табл. 7). Эта оппозиция флексии действительна для всех временны́х и модальных систем. Внутри же существуют более частные оппозиции. Окончаниям перфекта активного залога противостоит бинарная система первичных —

вторичных окончаний, релевантная в общем для всех остальных граммем времени и наклонения. Первичные окончания характеризуют презенс и футурум, вторичные — аугментные времена, т. е. имперфект, аорист, плюсквамперфект (и кондиционалис), а также инъюнктив и оптатив с прекативом. Единственной основой, способной сочетаться и с теми, и с другими окончаниями в пределах одной парадигмы, является субъюнктив, который, кроме того, в медиальном залоге использует некоторые специфичные для него «усиленные» окончания. Императив имеет особые окончания во 2 sg. и 3 sg. и pl. В 1-м лице всех чисел функционируют соответствующие формы субъюнктива, остальные формы имеют вторичные окончания.

Таблица 7

Личные окончания ведийского глагола

Окончания	Залог	Активный			Медиальный		
	Число / Лицо	sg.	du.	pl.	sg.	du.	pl.
Первичные	1-е	*-mi*	*-vas*	*-masi, -mas*	*-e*	*-vahe*	*-mahe*
	2-е	*-si*	*-thas*	*-tha, -thana*	*-se*	*-āthe*	*-dhve*
	3-е	*-ti*	*-tas*	*-(a)nti, -ati*	*-te, -e*	*-āte*	*-(a)nte, -ate, -re, -rate*
Вторичные	1-е	*-(a)m*	*-va*	*-ma*	*-i, -a*	*-vahi*	*-mahi*
	2-е	*-s*	*-tam*	*-ta, -tana*	*-thās*	*-āthām*	*-dhvam, -dhva*
	3-е	*-t*	*-tām*	*-(a)n, -ur*	*-ta, -i*	*-ātām*	*-(a)nta, -ata, -ran, -ram, -rata*
Императив	1-е	*(-ā, -āni)*	*(-va)*	*(-ma)*	*(-ai)*	*(-vahai)*	*(-mahai)*
	2-е	*-#, -(d)hi, -āna, -tāt*	*-tam*	*-ta, -tana*	*-sva*	*-ethām, -āthām*	*-dhvam*
	3-е	*-tu*	*-tām*	*-(a)ntu, -atu*	*-tām, -ām*	*-etām -ātām*	*-ntām, -atām, -rām, -ratām*
Субъюнктив	1-е	*-ā, -āni*	*-va*	*-ma*	*-ai*	*-vahai*	*-mahai, -mahe*
	2-е	*-si, -s*	*-thas*	*-tha*	*-se, -sai*	*-aithe*	*-dhvai*
	3-е	*-ti, -t*	*-tas*	*-(a)n*	*-te, -tai*	*-aite*	*-ntai, -nta*
Перфект	1-е	*-a*	*-va*	*-ma*	*-e*	*-vahe*	*-mahe*
	2-е	*-tha*	*-athur*	*-a*	*-se*	*-āthe*	*-dhve*
	3-е	*-a*	*-atur*	*-ur*	*-e*	*-āte*	*-re*

Две серии окончаний, служащие для различения активного и медиального залогов, не совпадают друг с другом ни в одной форме парадигмы. Их различительная способность — максимальная. В пределах одного залога совпадение окончаний одного лица в сочетании с разными граммемами времени и наклонения достаточно многочисленны: вторичные окончания используются при образовании ряда форм императива, субъюнктива; в медиальном перфекте в большинстве форм употребляются соответствующие первичные окончания.

Первичные и вторичные окончания одного лица и залога в ряде случаев имеют общий исходный элемент, притом что первичные окончания представляются распространением вторичных (что подтверждается и с диахронической точки зрения) — ср. окончания активного залога в 1,2,3 sg.; 1 du., pl., 3 pl. Приметой первичных окончаний медиального залога является *-e*, которому в 1-м лице всех чисел у вторичных окончаний соответствует *-i*. Варианты *-re*, *-rate* засвидетельствованы в единичных случаях у корневых основ.

Среди первичных окончаний в 1 pl.act. *-masi* является основным вариантом, *-mas* — значительно более редким (в послеведийский период *-masi* выходит из употребления). Во 2 pl.act. *-tha* представляет собой основной вариант, *-thana* — более редкий (который в дальнейшем выходит из употребления). В 3 pl. act. распределение вариантов таково: *-nti* после тематической основы, *-anti* после атематической, *-ati* после редуплицированных основ. В 3 sg.med. *-te* — общее окончание, а *-e* принимает всего несколько глаголов. В 3 pl.med. во всех граммемах при атематическом спряжении выбирается вариант окончания без носового.

Среди вторичных окончаний варианты без *-(a)-* (1 sg.act. *-m*, 3 pl.act. *-n*, 3 pl.med. *-nta*) соединяются с тематическими основами, а варианты с *-(a)-* — с атематическими. Во 2 pl.act. основной вариант *-ta*, более редкий *-tana* (который после РВ начинает выходить из употребления). В 3 pl.act. основные окончания — это *-an*, *-ur*; они употребляются в оптативе, в атематических типах аориста, в имперфекте редуплицированных основ и корневых основ на *-ā*. В 3 sg.med. общим окончанием является *-ta*, окончание *-i* свойственно только форме 3 sg.aor.pass. Во 2 pl.med. *-dhva* является единичным фонетическим вариантом основного окончания *-dhvam*. Варианты *-ran*/*-ram* и *-rata* очень редки; они встречаются в отдельных случаях атематического аориста и имперфекта.

В императиве первые лица всех чисел являются формами субъюнктива, включенными в парадигму императива. Характерные окончания императива представлены во 2 sg. В качестве основных в активном залоге здесь выступают нулевое окончание и *-dhi*/*-hi*. Нулевое окончание, т. е. форма, равная чистой основе (ср. V. у имен), свойственно тематическому спряжению,

-dhi/*-hi* — атематическому, причем вариант *-dhi* употребляется всегда после согласной, а после гласной могут быть как *-hi*, так и *-dhi*. Окончание *-āna* засвидетельствовано у некоторых глаголов IX класса. Окончание *-tāt* (видимо, местоименного происхождения), употребляющееся прежде всего во 2 sg., встречается иногда и в других лицах императива: в 3 sg., 2 du., а после РВ и в 1 sg. и 2 pl., в результате чего постепенно утрачивается его личный характер. В активном залоге конечный элемент этих окончаний *-u* (ср. эмфатическую частицу *-u*) присоединен к соответствующим вторичным окончаниям: 3 sg. *-tu* (ср. *-t*), 3 pl. *-(a)ntu* (ср. *-an*<*-*ant*). В 3 sg.med. *-tām* представляет собой общее окончание, а *-ām* встречается у тех нескольких глаголов, которые в 3 sg.med. имеют первичное окончание *-e*. В двойственном числе медиальные окончания с начальным *-e-* присущи тематическому спряжению, с начальным *-ā-* — атематическому. Распределение вариантов общих окончаний *-ntām*/*-atām* в 3 pl.med. также соответствует различию между тематическим и атематическим спряжением. Окончания *-rām* и *-ratām* засвидетельствованы в нескольких формах корневых основ. Остальные окончания императива являются вторичными.

Субъюнктив объединяет окончания разных серий. В активном залоге специфичным для субъюнктива являются окончания 1 sg. *-ā* и его вариант с распространением *-āni*. Вариант *-āni*, преобладающий у тематических основ, более употребителен, в период после РВ он вытесняет вариант *-ā*. Особая серия окончаний используется в медиальном залоге, где гласному *-e* первичных окончаний медиального залога соответствует гласный *-ai* (— результат сандхи между *-a-* — приметой субъюнктива и *-e* медиальных окончаний, распространившийся по аналогии во всей серии). Это так называемые «усиленные» окончания. Во 2,3 sg. и 1 pl.med. в качестве вариантов функционируют также первичные окончания. Во 2,3 sg.act. используются как первичные, так и вторичные окончания. В 1 du., pl. и в 3 pl. употребляются вторичные окончания, а во 2 du., pl. и в 3 du.— первичные.

В перфекте в активном залоге употребляются специфические окончания во всех формах, кроме 1 и 3 pl., где представлены вторичные окончания. В медиальном залоге перфекта используются первичные окончания, кроме как в 3 pl., где выступает окончание *-re* (которое в системе первичных окончаний является очень редким вариантом, возникшим, скорее всего, под влиянием перфекта).

Причастия, входящие в состав временны́х систем, имеют соответствующую временну́ю основу, распространенную с помощью суффикса. Суффиксы причастий различают залог. От основы презенса существует оппозиция причастий на *-ant-* act.: *-māna-*/*-āna-* med. (где *-māna-* присоединяется к тематическим основам, *-āna-* — к атематическим), от основы аориста на *-ant-*

act. (редко) : *-āna-* med., от основы перфекта на *-vāṃs-* act-: *-āna-* med. Таким образом, суффикс причастий медиального залога не знает временно́й дифференциации, а в активном залоге система презенса—аориста противопоставлена на уровне причастий перфекту.

Будучи именами, причастия склоняются по образцу прилагательных с соответствующим типом основы.

Выше был приведен набор флексий ведийского глагола и дана система оппозиций, служащая для их отождествления. Реально засвидетельствованные в самхитах парадигмы отдельных глаголов сильно отличаются от той максимальной теоретической парадигмы, которую можно породить, заполнив все клетки абстрактной системы. Это несоответствие объясняется не только и не столько недостаточной засвидетельствованностью в текстах разных частей парадигмы и составляющих ее элементов, сколько проявлением глубинных тенденций фонетического, морфологического и семантического уровней, налагающих ограничения на теоретически возможную сочетаемость граммем. Механика порождения этих сочетаний во многом остается неясной, и не последнюю роль в этом играет сосуществование несистемных, архаичных элементов с системой оппозиций, принадлежащих данному синхронному срезу.

Реально даже у наиболее употребительных глаголов засвидетельствованы обычно весьма неполно отдельные временны́е и модальные граммемы, и при этом всегда остается возможность того, что отсутствие у какого-либо типа форм в парадигме является не случайным. У многих глагольных корней часть форм структурно трудно интерпретируется и может быть отнесена более чем к одной системе. Наконец, жанр такого текста, как РВ, являющего собой образец древнего высокого поэтического языка, сохраняющего большое количество архаизмов и допускающего наряду с этим поэтические вольности, нововведения и вообще некоторую текучесть языка, тоже налагает сильный отпечаток на его грамматику.

I. ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ ПАРАДИГМЫ

СИСТЕМА ПРЕЗЕНСА

По индийской грамматической традиции, в системе презенса различают десять классов глаголов в зависимости от конечного элемента основы. Более целесообразным представляется принятое разбиение на два основных спряжения: атематическое и тематическое, базирующееся на отсутствии или наличии тематического гласного *-a-* в качестве конечного элемента основы (классы глаголов индийской грамматики распределяются по этим

двум спряжениям). Такое разбиение является кардинальным, потому что оно отражает наиболее существенные различия в спряжении глаголов в системе презенса.

У атематических глаголов флексия присоединяется непосредственно к корню в чистом виде или к следующему за корнем атематическому суффиксу, в тематических — к тематическому гласному, следующему за корнем, или к одному из тематических суффиксов.

Атематическому спряжению свойственна подвижная акцентная парадигма. В сильных формах ударение падает на основу, а именно на корень или на суффикс, в слабых — на окончание. У большинства атематических глаголов передвижение ударения сопровождается чередованием гласных в корне или в суффиксе. У тематических глаголов акцентная парадигма неподвижна, чередования гласных не происходит.

Суффиксы основ, принадлежащих к этим двум разным спряжениям, принципиально различны. Суффиксы атематических основ, подверженные чередованию, *-nó-/-nu-*, *-nā́-/-nī-* и инфикс *-ná-/-n-* играют морфологическую роль. Тематические суффиксы *-ya-*, *-cha-*, *-nva-*, *-na-* такого значения не имеют.

Между атематическим и тематическим спряжением существуют незначительные различия во флексии: 2 sg.iv.act. тематическая флексия — *-#*: атематическая *-dhi/-hi*, 2 du.iv.med. *-ethām*: *-āthām*, 3 du.iv.med. *-etām*: *-ātām*, 3 pl.act. вторичных окончаний *-an*: *-ur*; различаются и формы суффикса медиальных причастий у атематических и тематических глаголов — *-āna-*: *-māna-*. Существует также распределение форм суффикса оптатива между атематическим спряжением, где он представлен двумя чередующимися вариантами *-yā́-/-ī-*, и тематическим, в котором суффикс оптатива имеет единую форму *-e-* (<*-a-*+*ī*).

Никакой разницы в значении между атематическими и тематическими глаголами не наблюдается. На протяжении всей истории развития языка происходит тематизация атематических основ. Этот процесс засвидетельствован уже в РВ, где сплошь и рядом у атематических глаголов могут встречаться отдельные тематические формы, например: *dā-* 'давать', регулярный презенс *dádāti* — отдельные формы *dadati*, *dadate*; *yuj-* 'запрягать', регулярный презенс *yunákti* — отдельная форма *yojate* и т. п. Отправной точкой для создания тематической парадигмы может служить форма 3 pl.pr. *-anti*, которая у атематических основ анализируется как *-anti*, а у тематических — как *-a-nti*. Кроме того, тематизации основ в ведийском языке способствует существование субъюнктива, приметой которого является тематический гласный.

Атематическое спряжение

Корневые основы (II класс, по индийской традиции) образуются путем присоединения флексии непосредственно к корню. В сильных формах ударение падает на корневой гласный, представленный большей частью ступенью гуна, а в слабых — слабой ступенью.

Образцы спряжения — *i-* 'идти' (act.), *brū-* 'говорить' (med.):

Активный залог

Презенс

	sg.	du.	pl.
1.	*émi*	*ivás*	*imási, imás*
2.	*éṣi*	*ithás*	*ithá*
3.	*éti*	*itás*	*yánti*

Имперфект

1.	*áyam*	*aíva*	*aíma*
2.	*ais*	*aítam*	*aíta (na)*
3.	*ait*	*aítām*	*áyan*

Императив

2.	*ihi* *itā́t*	*itám*	*itá(na), étana*
3.	*étu*	*itā́m*	*yántu*

Субъюнктив

1.	*áyāni* *áyā*	*áyāva*	*áyāma*
2.	*áyasi* *áyas*	*áyathas*	*áyatha*
3.	*áyati* *áyat*	*áyatas*	*áyan*

Оптатив

1.	*iyā́m*	*iyā́va*	*iyā́ma*
2.	*iyā́s*	*iyā́tam*	*iyā́ta*
3.	*iyā́t*	*iyā́tām*	*iyúr*

Причастие — *yánt-*, *yatī-* f.

(В медиальном залоге глагол *i-* встречается только в сочетании с наречиями-префиксами в период после РВ).

Медиальный залог

Презенс

	sg.	du.	pl.
1.	*bruvé*	*brūváhe*	*brūmáhe*
2.	*brūṣé*	*bruvā́the*	*brūdhvé*
3.	*brūté* *bruvé*	*bruvā́te*	*bruváte*

Имперфект

1.	*ábruvi*	*ábrūvahi*	*ábrūmahi*
2.	*ábrūthās*	*ábruvāthām*	*ábrūdhvam*
3.	*ábrūta*	*ábruvātām*	*ábruvata*

Императив

2.	*brūṣvá*	*bruvā́thām*	*brūdhvám*
3.	*brūtā́m*	*bruvā́tām*	*bruvátām*

Субъюнктив

1.	*brávai*	*brávāvahai*	*brávāmahai*
2.	*brávase*	*brávaithe*	*brávadhve*
3.	*brávate*	*brávaite*	*brávanta*

Оптатив

1.	*bruvīyá*	*bruvīváhi*	*bruvīmáhi*
2.	*bruvīthā́s*	*bruvīyā́thām*	*bruvīdhvám*
3.	*bruvītá*	*bruvīyā́tām*	*bruvīrán*

Причастие — *bruvāṇá-*, *-ā́-* f.

Приведенные парадигмы спряжения глаголов-образцов имеют теоретический характер, так как ни от одного реального глагола вся совокупность форм в текстах не засвидетельствована. Особенно слабо представлена медиальная парадигма, а среди ее форм — двойственное число в косвенных наклонениях.

В качестве образцов для простоты иллюстрации сандхи были выбраны корни, оканчивающиеся на гласные. При спряжении здесь имеют место сандхи перед гласными окончаниями: *-ĭ*>*-y-* (или *-iy-* после двух согласных), *-ŭ*>*-v-* (или *-uv-* после двух согласных). Аугмент в имперфекте у корня, начинающегося с гласного, дает в сандхи гласный ступени вриддхи (обычно двусложовой). В некоторых случаях помимо нормальных для императива сильных форм к ним принадлежит также форма 2 pl., и тогда ступень гуна корневого гласного бывает под ударением: *étana*.

Если корень оканчивается на согласный, имеют место внутренние сандхи между конечным согласным корня и начальным согласным окончания. Вот некоторые примеры: *duh-* 'доить',

pr.act.sg. *dóhmi*, *dhókṣi* (<*doh+si*), *dógdhi* (<*doh+ti*), pl. *duhmás*, *dugdhá* (<*duh+tha*), *duhánti*, 2, 3 sg.impf.act. *ádhok* (<*a+doh+s* или *a+doh+t*), 2 sg.iv.act. *dugdhí* (<*duh+dhi*), 2 sg.iv.med. *dhukṣvá* (<*duh+sva*); *dviṣ-* 'ненавидеть', pr.act.sg. *dvéṣmi*, *dvékṣi*, *dvéṣṭi*, pl. *dviṣmás*, *dviṣṭhá*, *dviṣánti*, 2, 3 sg. impf.act. *ádveṭ* (<*a+dveṣ+s* или *a+dveṣ+t*), 2 sg.iv.act. *dviḍḍhi* (<*dviṣ+dhi*), 2 sg.iv.med. *dvikṣvá* (<*dviṣ+sva*); *rih-* 'лизать', 3 sg.pr.act. *réḍhi* (<*reh+ti*); *ās-* 'сидеть', 2 pl.iv.med. *ādhvam* (<*ās+dhvam*); *cakṣ-* 'смотреть', 2 sg.pr.med. *cakṣe* (<*cakṣ+se*), 3 sg. *caṣṭe* (<*cakṣ+te*) и др.

В корне *vaç-* 'хотеть', 'желать' при спряжении имеет место чередование между ступенью гуна и слабой ступенью по типу сампрасарана: pr.act.sg. *váçmi*, *vákṣi* (<*vaç+si*), *váṣṭi* (<*vaç+ti*) — 1 pl. *uçmási* и *çmási* с нулем гласного.

В корне *han-* 'бить', 'убивать' происходит чередование не только гласных, типа *-an-*: *-a-/-n-*, но и согласных: pr.act.sg. *hánmi*, *háṃsi*, *hánti*, pl. *hanmás* (у корней на *-an*, *-am* в слабых формах перед начальными *-m*, *-y*, *-v* окончания или суффикса сохраняется ступень гуна), *hathá*, *ghnánti*, impf.act.sg. *áhanam*, *áhan* (<*a+han+s*), *áhan* (<*a+han+t*), pl. *áhanma*, *áhata*, *ághnan*, opt. *hanyā́m* и т. д., 2 sg.iv.act. *jahí*.

В корне *as-* 'быть' слабые формы представлены нулем, т. е. отсутствием гласного. Парадигма имеет следующий вид:

Презенс			Имперфект		
sg.	du.	pl.	sg.	du.	pl.
1. *ásmi*	*svás*	*smás(i)*	*ā́sam*	*ā́sva*	*ā́sma*
2. *ási*	*sthás*	*sthá*	*ā́sīs*	*ā́stam*	*ā́sta*
3. *ásti*	*stás*	*sánti*	*ā́sīt*, *ā́s*	*ā́stām*	*ā́san*

Императив			Оптатив
2. *edhí*	*stám*	*stá*	*syā́m* и т. д.
3. *ástu*	*stā́m*	*sántu*	

Причастие — *sánt-*, *satí-* f.

Сандхи таковы: 2 sg. *ási*<*as+si*, 2 sg.iv. *edhí*<**az+dhi*<*as+dhi*, 3 sg.impf. *ās*<*a+as+t*. Формы 2, 3 sg.impf. на *-īs*, *-īt* возникли, видимо, под влиянием одного из типов аориста.

Несколько корней на *-u* имеют в сильных формах вместо обычной ступени гуна (или наряду с ней) ступень вриддхи, а именно *kṣṇu-* 'точить' (по происхождению основа с носовым суффиксом), *nu-* 'шуметь', 'воспевать', *yu-* 'соединять', *stu-* 'прославлять', например: *stu-*, 3 sg.inj.act. *staut*, 3 sg.impf.act. *astaut*, наряду с 2 sg.pr.act. *stoṣi*, 1 sg.subj.act. *stavā*, 3 sg. *stavat* и т. д.— 1 pl.pr.act. *stumási*, 3 pl. *stuvánti*.

Из корней иной структуры *mṛj-* 'стирать' имеет в сильных формах вриддхи, в слабых — слабую ступень, например: 1 sg.pr. act. *mā́rjmi* — 1 sg.pr.med. *mṛje*, 3 pl.pr.act. *mṛjánti*.

Группа корней имеет неподвижную акцентную парадигму с ударением на корневом гласном и лишена чередований, почти все они спрягаются только в медиальном залоге. Это несколько корней с начальным долгим гласным: *ās-* 'сидеть', *īḍ-* 'просить', 'восхвалять', *īr-* 'двигать', *īç-* 'повелевать' или с конечным долгим гласным: *trā-* 'защищать', *çī-* 'лежать', *sū-* 'рожать', а также несколько корней иной структуры: *cakṣ-* 'смотреть', *takṣ-* 'вытачивать' (спрягается в активном залоге), *niṃs-* 'целовать' (по происхождению — редуплицированный глагол), *vas-* 'надевать'. Вот некоторые их формы: 3 sg.pr.med. *āste*, *ṭṭte*, *ṭçe*; 2 sg.iv.med. *trā́sva*; 3 pl.pr.med. *ṭrate*, *niṃsate* и др.

Глаголы *çī-* и *vas-* имеют во всей парадигме ступень гуна, в сильных и в слабых формах, например: 2 sg.pr.med. *çéṣe*, 3 sg. *çáye*, 3 pl.impf.med. *áçeran*, 3 sg.pr.med. *váste*, 3 pl.pr. med. *vásate*.

Корни *an-* 'дышать', *vam-* 'тошнить', *çvas-* 'пыхтеть', *svap-* 'спать' в сильных формах перед окончаниями, начинающимися с согласного, имеют соединительный гласный *-i-*, а во 2, 3 sg. impf.act.— долгий гласный *-ī*, например: 3 sg.pr.act. *ániti*; 3 sg. impf.act. *ā́nīt*; 3 sg.impf.act. *ávamīt*; 3 sg.pr.act. *çvásiti*, *svápiti*. У этих глаголов, как и у некоторых других, соединительный гласный может встречаться и в ряде слабых форм перед согласными окончаниями. Чаще всего это бывает в форме 2 sg.iv., например: *anihí (an-)*, *çnathihí* (*çnath-* 'убивать', 'разбивать'), *stanihí* (*stan-* 'греметь'), *ṭḍiṣva* (*īḍ-*), *jániṣva* (*jan-* 'рождать'). В отдельных случаях соединительный гласный может быть долгим, например: 2 sg.iv.med. *gṛhīṣva* (*grabh-* 'хватать').

Глаголы *am-* 'вредить' и *brū-* 'говорить' имеют в сильных формах соединительный гласный *-ī-*, например: pr.act.sg. *brávīmi*, *brávīṣi*, *brávīti*, 3 sg.impf.act. *ábravīt* наряду с 1 sg. *ábravam* (ср. слабые формы 3 pl.pr.act. *bruvánti*, 2 sg.iv.act. *brūhí* и приведенную выше медиальную парадигму); 2 sg.pr.act. *amīṣi*, 3 sg. *amīti*, 3 sg.impf. *āmīt*, 2 sg.iv.med. *amīṣva*.

Следует отметить некоторые особенности флексии корней этого класса. Корни на *-ā* и несколько других корней выбирают в 3 pl. вторичное окончание *-ur*, причем конечный гласный *-ā* элидируется перед окончанием. Все эти формы на *-ur* недостаточно отчетливы и могут быть отнесены как к системе презенса, так и к аористу, например: *águr* от *gā-* 'идти', *ápur* от *pā-* 'защищать', inj. *cakṣur* от *cakṣ-* 'смотреть', inj. *duhur* от *duh-* 'доить' и др.

У нескольких глаголов форма 3 sg.pr.med. оканчивается не на *-te*, а на *-e*: *īç*, *īçé*; *cit-* 'замечать', *cité*; *duh-*, *duhé*; *brū-*, *bruvé*; *vid-* 'находить', *vidé*; *çī-*, *çayé*. Глаголы *duh-*, *çī-* и некоторые другие имеют окончания 3 pl., содержащие *-r-*: 3 pl. pr.med. *duhré*, *duhraté* (наряду с *duhaté*), *çére*, *çérate*; 3 pl. impf.med. *aduhran*, *áçeran*, *avṛtran*; 3 pl.iv.med. *duhrā́m*, *duhrátām*, *çératām*. Засвидетельствована также аномальная

форма 3 sg.iv.med. на *-ām*, а не на *-tām*: *duhâm*, *vidām*, *çayām*. Корневые глаголы образуют формы 3 pl. без *-n-*, подобно редуплицированному типу основ, например: 3 pl.pr.med. *vasate*, 3 pl.subj.med. *vasata* от *vas-* 'одеваться'; 3 pl.pr.med. *çāsate*, 3 pl.impf.med. *áçāsata* от *çās-* 'обучать' и др.

В имперфекте и соответственно в инъюнктиве у корней, оканчивающихся на согласный, регулярно совпадают формы 2 и 3 sg.act. вследствие действия сандхи конца слова, например: 2, 3 sg.impf.act. *ádhok* от *duh-*, *ádveṭ* от *dviṣ-*, но 2 sg. *aís*, 3 sg. *aít* от *i-* и т. п. Эту особенность разделяют все атематические образования.

Модальные формы от корневого презенса очень многочисленны, особенно инъюнктивы и субъюнктивы. Некоторые из форм инъюнктива достигают предела допустимой краткости, например: 2, 3 sg. *kar* от *kar-* 'делать', 3 sg. *gan* от *gam-* 'идти', 3 sg. *rāṭ* от *rāj-* 'править', 3 sg. *vet.* от *vid-* 'знать', 2, 3 sg. *han* от *han-* 'убивать' и др. (не все эти инъюнктивы с очевидностью связаны с основой презенса, а не аориста).

Субъюнктивы от корневых презенсов выглядят как инъюнктивы от тематических презенсов, или просто как тематический презенс индикатива, и классификация таких модальных форм по наклонениям возможна (да и то не всегда), лишь исходя из всей системы форм данного глагола. Так, например: *bhárat* от глагола *bhar-* 'носить'— инъюнктив, так как хорошо засвидетельствован тематический презенс *bhárati*, а корневой презенс *bharti* представлен очень слабо, в то время как *védati* — субъюнктив, потому что тематического презенса от глагола *vid-* 'знать' нет. От корневых презенсов в АВ встречаются отдельные нерегулярные формы субъюнктива с долгим гласным, как если бы исходным был тематический презенс, например: *ásāt* от *as-* 'быть' наряду с *asat*, *ayāt* от *i-* 'идти' наряду с *áyat* и др.

К корневым презенсам с синхронной точки зрения относится также засвидетельствованная в РВ группа форм 2 sg.act. с окончанием *-si* от корней, не имеющих презентной парадигмы этого типа, со значением императива, например: *jéṣi* 'победи' от *ji-* (pr. *jáyati*), *néṣi* 'веди' от *nī-* (pr. *náyati*), *párṣi* 'перевези' от *par-* (pr. *píparti*) и др. (С диахронической точки зрения, как было показано рядом исследователей, эти формы принадлежали аористу на *-s-* с медиальной флексией *-i.*)

В медиальных причастиях от корневых основ иногда имеют место акцентные колебания, например: *duhāná-*/*dúhāna-* от *duh-*, *vidāná-*/*vídāna-* от *vid-* 'находить'.

С корневыми основами презенса в ведийском языке не связано какое-либо особое значение, которое противопоставляло бы его другим типам презентных основ.

По этому типу образуют основы презенса около 130 корней (число приблизительное, поскольку многие корневые формы можно отнести с равным основанием и к презенсу, и к аористу). Этому типу основ свойственны наибольшее число различных отклонений в спряжении, сложные правила сандхи, наличие неоднозначных форм. Полнее всего он представлен в РВ. В дальнейшем развитии языка постепенно выходит из употребления.

Редуплицированные основы (III класс, по индийской традиции) являются атематическим типом основ. Помимо общих правил редупликации корня здесь действуют также частные правила, характеризующие особенности презентной редупликации. Редупликация здесь неусиленная, т. е. корень повторяется не целиком, а в соответствии с известными правилами. Ударение в сильных формах падает большей частью на слог редупликации. Преобладающий тембр гласного редупликации *-i*. Он свойствен корням на *-ĭ-*, *-ar-*, *-a-*, большей части корней на *-ā-*, например: *ci-* 'видеть', *cikéṣi*; *bhī-* 'бояться', *bibhīyāt*; *ar-* 'приводить в движение', *íyarti* (с эпентетическим согласным *-y-*, отделяющим слог редупликации от корня); *par-* 'перевозить', *píparti*; *vac-* 'говорить', *vívakti*; *sac-* 'следовать', *síṣakti*; *gā-* 'идти', *jígāti*; *çā-* 'точить', *çiçāti* и др. При корневом гласном *ă* гласный удвоения бывает *-u-*, например: *yu-* 'удерживать', *yuyóti*; *hu-* 'совершать жертвенное возлияние', *juhóti* и др. Некоторая часть корней на *-ā-* имеет в слоге редупликации гласный *-a-*, например: *dā-* 'давать', *dádāti*; *dhā-* 'класть', *dádhāti*, *sac-* 'следовать', *saçcati* (наряду с *síṣakti*) и др. Исключением из корней на *-ar* является *vṛt-* 'вертеть' с презенсом *vavarti* (<*va-vart-ti*).

Образец спряжения — *hu-* 'совершать жертвенное возлияние'

Активный залог

Презенс

sg.	du.	pl.
1. *juhómi*	*juhuvás*	*juhumás(i)*
2. *juhóṣi*	*juhuthás*	*juhuthá*
3. *juhóti*	*juhutás*	*júhvati*

Имперфект

1. *ájuhavam*	*ájuhuva*	*ájuhuma*
2. *ájuhos*	*ájuhutam*	*ájuhuta(na)*
3. *ájuhot*	*ájuhutām*	*ájuhavur*

Императив

2. *juhudhí*	*juhutám*	*juhutá(na)*, *juhóta(na)*
3. *juhótu*	*juhutâm*	*júhvatu*

Субъюнктив

sg.	du.	pl.
1. *juhávāni*	*juhávāva*	*juhávāma*
2. *juhávas*	*juhávathas*	*juhávatha*, *juhávātha*
3. *juhávat*	*juhávatas*	*juhávan*

Оптатив

1. *juhuyā́m*	*juhuyā́va*	*juhuyā́ma*
2. *juhuyā́s*	*juhuyā́tam*	*juhuyā́ta*
3. *juhuyā́t*	*juhuyā́tām*	*juhuyúr*

Причастия — *júhvat-*, *júhvatī-* f.

Медиальный залог

Презенс

1. *juhvé*	*juhuváhe*	*juhumáhe*
2. *juhuṣé*	*júhvāthe*	*juhudhvé*
3. *juhuté*	*júhvāte*	*júhvate*

Имперфект

1. *ájuhvi*	*ájuhuvahi*	*ájuhumahi*
2. *ájuhuthās*	*ájuhvāthām*	*ájuhudhvam*
3. *ájuhuta*	*ájuhvātām*	*ájuhvata*

Императив

2. *juhuṣvá*	*júhvāthām*	*juhudhvám*
3. *juhutā́m*	*júhvātām*	*júhvatām*

Субъюнктив

1. *juhávai*	*juhávāvahai*	*juhávāmahai*
2. *juhávase*	*juhávaithe*	*juhávadhve*
3. *juhávate*	*juhávaite*	*juhávanta*

Оптатив

1. *júhvīya*	*júhvīvahi*	*júhvīmahi*
2. *júhvīthās*	*júhvīyāthām*	*júhvīdhvam*
3. *júhvīta*	*júhvīyātām*	*júhvīran*

Причастия — *júhvāna-*, *-ā-* f.

Реально в текстах медиальная парадигма редуплицированных глаголов засвидетельствована чрезвычайно слабо, совсем мало среди них акцентуированных форм.

Нормальный тип чередования для этих основ происходит между ступенью гуна корневого гласного в сильных формах и слабой его ступенью — в слабых, например: 3 sg.pr.act. *viveṣṭi* —

I.pl.pr.act. *viviṣmas* от *viṣ-* 'хватать', *yuyóti* — 2 du.iv.act. *yuyutám* от *yu-* 'удерживать', *bíbharti—bibhṛmási* от *bhar-* 'нести' и др. Сильными формами кроме обычных часто бывают также формы 2 pl.iv.act. и 3 pl.impf.act. Вариант сампрасарана представлен у корней *vyac-* 'охватывать' и *hvar-* 'сгибать', 'вредить', например: 3 sg.inj. *vivyak* — 3 du.pr.act. *viviktás*, 2 sg. inj.med. *juhūrthās*, 2 sg.subj.act. *juhuras* (сильных форм редуплицированного презенса не засвидетельствовано — ср. pr. *hvárate*). У некоторых корней с *-a-* в слабых формах происходит выпадение корневого гласного: *bhas-* 'жевать', 3 pl.pr.act. *bapsati* (ср. subj. *babhasat*) и *sac-* 'следовать', 3 pl.pr.act. *sáççati*, 3 pl.inj.med. *saççata* (ср. *síṣakti*), что послужило в последнем случае отправной точкой для развития тематического презенса 2 sg. *saççasi*.

Корни на *-ā* обнаруживают разные типы чередований. У *mā-* 'мерить', *mā-* 'шуметь', 'реветь', *rā-* 'давать', *çā-* 'точить' и *hā-* 'покидать' имеет место чередование *ā/ī* (причем *ī* в отдельных случаях может сокращаться): 3 sg.pr.act. *mímāti* — 3 sg.pr. med. *mímīte*; 2 sg.iv.med. *rarāsva*, 2 du.iv.med. *rarāthām* — 2 pl.iv.med. *rarīdhvam*, 2 sg.iv.act. *ririhi*; 3 sg.pr.act. *çiçāti* — 2 sg.iv.act. *çiçīhi*; 3 sg.pr.act. *jáhāti* — 3 sg.pr.med. *jihīte*. Перед окончаниями, начинающимися с гласного, корневой гласный выпадает, например: 3 pl.med. *mimate*, *jihate*. У корней *dā-* 'давать' и *dhā-* 'класть' во всех слабых формах (и перед окончаниями, начинающимися с гласного) выпадает корневой гласный, и основы приобретают вид *dad-*, *dadh-*. При спряжении этих глаголов перед начальными согласными окончаний происходят сандхи, особенно сложные у *dhā-* (ассимиляция по звонкости, перенос придыхания на начальный согласный корня).

Образец спряжения — *dhā-* 'класть':

Презенс

Активный залог

sg.	du.	pl.
1. *dádhāmi*	*dadhvás*	*dadhmás*
2. *dádhāsi*	*dhatthás*	*dhatthá*
3. *dádhāti*	*dhattás*	*dádhati*

Медиальный залог

1. *dadhé*	*dádhvahe*	*dádhmahe*
2. *dhátse*	*dadhā́the*	*dadhidhvé*
3. *dadhé*	*dadhā́te*	*dádhate*

2 sg.iv.act. *dhehi*<**dhaddhi*, *daddhi* и *dehi* от глагола *dā-*, который имеет парадигму, аналогичную парадигме *dhā-*. Ударение в форме 2 sg.med. на корне аномальное. Вариант формы

3 sg.med., равный форме 1 sg.med., возник, видимо, под влиянием перфекта.

Влияние перфектной парадигмы можно усмотреть также и в том, что у глаголов *dī-* 'светить', *dhī-* 'смотреть', 'думать', *pī-* 'набухать' гласный удвоения бывает долгим, например: 3 sg.inj.act. *dīdet*, 2 sg.iv.act. *dīdihí*; 1 sg.pr.med. *ādīdhye*, 3 sg.impf.act. *ádīdhet*; 2 sg.inj.act. *pīpes*, 2 sg.iv.act. *pīpihí* и т. д.

Из особенностей флексии следует отметить, что в 3 pl.impf. act. редуплицированные глаголы имеют *-ur*, кроме *abibhran*.

По данному классу спрягается около 50 глаголов (это число довольно условно, в связи с тем, что ряд редуплицированных основ представлен только модальными формами, а их можно в равной мере отнести и к системе презенса, и к системе перфекта). Уже в РВ ряд этих глаголов имеет параллельно основной атематической парадигме отдельные тематические формы, а несколько глаголов целиком перешли в тематический класс: *pā-* 'пить', *píbati*, *sthā-* 'стоять', *tiṣṭhati*; *han-* 'убивать', *jighnate* (наряду с *hánti*).

Согласно распространенному мнению, определенная часть редуплицированных презенсов выражает итеративно-интенсивный, или более точно — многократный способ действия. У некоторых глаголов это непосредственно связано с лексическим значением корня, как у *gā-* 'идти', 'шагать', *mā-* 'мерить', *vac-* 'говорить'. У других значение действия как состоящего из однократно повторяемых актов выявляется из семантического противопоставления основам других структурных типов того же корня. Например, у *ar-* 'приводить в движение', 'стремиться' основа *iyarti* чаще всего встречается в сочетании с формой винительного падежа *vācam* букв. 'приводить в движение речь', т. е. 'провозглашать', например: *úpa yó námo námasi stabhāyánn | iyarti vā̆caṃ janáyan yájadhyai | ... éndram kr̥ṇvīta* (IV, 21,5) 'Кто, строя почитание на почитании, приводит в движение речь для жертвоприношения, порождая (ее), пусть привлечет Индру...'. Другие презентные основы того же глагола — *r̥ṇóti*, *r̥ṇváti* в таком контексте не встречаются.

Основы с суффиксом *-nó-/-nu-* (V и VIII классы, по индийской традиции) как класс основ презенса с синхронной точки зрения следует трактовать как суффиксальный, хотя ряд фактов свидетельствует об ином историческом принципе членения этих основ. В глаголах так называемого VIII класса на *-an*: *tan-* 'тянуть', *tanóti*; *man-* 'думать', *manuté*; *van-* 'любить', 'желать', *vanóti*; *san-* 'добывать', *sanóti* — *-n-* принадлежит корню — ср. pf. *tatāna*, aor. *atan* и пр. (ср. в этой связи существование в ведийском языке эмфатической частицы *u*), а в глаголе V класса *çru-* 'слышать' *-u-* принадлежит корню, а *-n-* выглядит как инфикс: *çr̥ṇóti*, но pf. *çuçrāva*, aor, *áçrot* и пр.

При спряжении в данном типе основ происходит чередование гласного в суффиксе: *-ó-* под ударением в сильных формах */-u-* без ударения в слабых. Чередование носит весьма регулярный характер, лишь формы 2 pl.iv. и impf.act. имеют у ряда глаголов сильную ступень: *kr̥ṇota(na)* наряду с *kr̥ṇuta* и *ákr̥ṇotana* наряду с *ákr̥ṇuta* от *kar-*, *hinota(na)* от *hi-* 'посылать' и др. Корень всегда представлен неизменным слабым звуковым видом.

Этот тип презенсов имеют многие корни, оканчивающиеся на гласный. Долгий гласный обычно сокращается перед основообразующим суффиксом, например: *kṣī-* 'уничтожать', *kṣiṇóti*; *mī-* 'уменьшать', *minóti* (но *dhū-* 'сотрясать', *dhūnoti*). Корень *var-* 'покрывать' имеет два варианта презенса данного типа *vr̥ṇoti* и *ūr̥ṇoti*.

Образец спряжения — *kar-* 'делать':

Активный залог

Презенс

	sg.	du.	pl.
1.	*kr̥ṇómi*	*kr̥ṇvás*	*kr̥ṇmás(i)*
2.	*kr̥ṇóṣi*	*kr̥ṇuthás*	*kr̥ṇuthá*
3.	*kr̥ṇóti*	*kr̥ṇutás*	*kr̥ṇvánti*

Имперфект

1.	*ákr̥ṇavam*	*ákr̥ṇva*	*ákr̥ṇma*
2.	*ákr̥ṇos*	*ákr̥ṇutam*	*ákr̥ṇuta*, *ákr̥ṇotana*
3.	*ákr̥ṇot*	*ákr̥ṇutām*	*ákr̥ṇvan*

Императив

2.	*kr̥ṇuhí*, *kr̥ṇú*, *kr̥ṇutāt*, *kuru*	*kr̥ṇutám*	*kr̥ṇutá*, *kr̥ṇóta(na)*
3.	*kr̥ṇótu*	*kr̥ṇutā́m*	*kr̥ṇvántu*

Субъюнктив

1.	*kr̥ṇávā(ni)*	*kr̥ṇávāva*	*kr̥ṇávāma*
2.	*kr̥ṇávas*	*kr̥ṇávathaṣ*	*kr̥ṇávatha*
3.	*kr̥ṇávat*	*kr̥ṇávatas*	*kr̥ṇávan*

Оптатив

1.	*kr̥ṇuyā́m*	*kr̥ṇuyā́va*	*kr̥ṇuyā́ma*
2.	*kr̥ṇuyā́s*	*kr̥ṇuyā́tam*	*kr̥ṇuyā́ta*
3.	*kr̥ṇuyā́t*	*kr̥ṇuyā́tām*	*kr̥ṇuyúr*

Причастия — *kr̥ṇvánt-*, *kr̥ṇvatī-* f.

Медиальный залог

Презенс

	sg.	du.	pl.
1.	*kṛṇvé*	*kṛṇváhe*	*kṛṇmáhe*
2.	*kṛṇuṣé*	*kṛṇváthe*	*kṛṇudhvé*
3.	*kṛṇuté* / *kṛṇvé*	*kṛṇváte*	*kṛṇváte*

Имперфект

1.	*ákṛṇvi*	*ákṛṇvahi*	*ákṛṇmahi*
2.	*ákṛṇuthās*	*ákṛṇvāthām*	*ákṛṇudhvam*
3.	*ákṛṇuta*	*ákṛṇvātām*	*ákṛṇvata*

Императив

2.	*kṛṇusvá*	*kṛṇváthām*	*kṛṇudhvám*
3.	*kṛṇutā́m*	*kṛṇvátām*	*kṛṇvátām*

Субъюнктив

1.	*kṛṇávai*	*kṛṇávāvahai*	*kṛṇávāmahai*
2.	*kṛṇávase*	*kṛṇávaithe*	*kṛṇávadhve*
3.	*kṛṇávate*	*kṛṇávaite*	*kṛṇávanta*

Оптатив

1.	*kṛṇvīyá*	*kṛṇvīváhi*	*kṛṇvīmáhi*
2.	*kṛṇvīthás*	*kṛṇvīyáthām*	*kṛṇvīdhvám*
3.	*kṛṇvītá*	*kṛṇvīyátām*	*kṛṇvīrán*

Причастие — *kṛṇvāná-*, *-ā́-* f.

Из глаголов на *-nó-/nu- kar-* засвидетельствован в текстах полнее всего (притом, что оптатив, особенно медиальный, реально совсем слабо представлен), но он обладает также и некоторыми индивидуальными особенностями. Форма 2 sg.iv.act. *kuru* встречается, начиная с мандалы X РВ. По-видимому, она возникла в результате контаминации основ разных типов у этого глагола (ср. корневой тип, 1 pl.pr.act. *kurmás*). В АВ в качестве сильной формы к *kuru-* начинает употребляться *karó-* (откуда регулярный презенс *karóti* в классическом языке). В РВ встречается еще одна изолированная форма с суффиксом *-u*: 3 sg.pr. med. *tarute* (X) от *tar-*, *tir-*, *tur-* 'пересекать' (ср. opt. *turyā́-ma*, *tuturyā́t*).

У корней, оканчивающихся на гласный, перед окончаниями с начальными *-m*, *-v* гласный суффикса *-u-* выпадает: *kṛṇvás*, *kṛṇmáṣi*. У корней, оканчивающихся на согласный, перед начальным гласным окончание *-u->-uv-*, например: *aç-* 'достигать', 3 pl.pr.act. *açnuvanti*, но *su-* 'выжимать', *sunvánti*.

Во 2 sg.iv.act. нормальным окончанием является *-hi* (*-dhi* только в *çṛṇudhi*), но по аналогии с тематическими глаголами ряд глаголов с презенсом на *-nó-/-nu-* имеют форму, равную основе, например: *i(nv)* 'отправлять', *inú*; *su-*, *sunú*; *çru-*, *çṛṇú* и др.

При тематизации данного типа основ обобщается слабый вид атематической основы, поскольку исходной в этом процессе является форма 3 pl.pr.act. Ряд глаголов перешел таким образом целиком в тематическое спряжение: *i(nv)-*, *invati* (ср. *inóti*); *ji(nv)-* 'оживлять', *jinvati* (ср. *jinóṣi*); *pi(nv)-* 'струить(ся)', 'делать набухшим', *pinvati* (ср. *pī́-*, p.pr.med. *pinvāná-*); *hinv-* 'посылать', *hinvati*.

В ведийском языке по данному типу атематических основ образуют презенсы около 30 глагольных корней.

Презентным основам с носовым элементом разных способов образования свойствен, как известно, общий круг значений: они выражают детерминативный способ действия, т. е. обозначают действие, мгновенное или длительное, как имеющее конечный или начальный пункт. Это значение выражено недостаточно отчетливо, оно проявляется лишь у части презенсов с носовым элементом. Его легче обнаружить в противопоставлении носовой основы с презентной другого структурного типа от того же глагола, например: *ar-* 'приводить в движение', 'стремиться', *ṛṇóti* (тематический вариант *ṛṇváti*) — *íyarti*: *tvám dhúnir indra dhúnimatīr | ṛṇór apáḥ sīrā́ ná srávantīḥ* (I, 174,9) 'Ты, Индра, бушующий, привел в движение бушующие воды, (чтобы стали они) струящимися, как реки', *tveṣás te dhūmá ṛṇváti | divi ṣañ chukrá ā́tataḥ* (VI, 2,6) 'Стремительный твой дым вздымается вверх, распространяясь, сверкая, когда он на небе' — значение *íyarti* (см. с. 306).

Отмечалось также, что большинство основ с носовым элементом имеет переходное значение (иногда из него развивается фактитивное значение), например: *ṛdh-* 'преуспевать', 'способствовать', основы *ṛdhnó-*, *ṛdhya-* и др.: *ā́d ṛdhnoti haviṣkṛ́tim prā́ñcaṃ kṛṇoty adhvarā́m* (I, 18,9) 'И он делает жертвоприношение успешным, он продвигает вперед жертвенный обряд', *ihá priyā́m prajáyā te sám ṛdhyatām* (X, 85,27) 'Да выпадет тебе здесь на долю радость через потомство!'.

Основы с суффиксом *-nā́-/-nī-* (IX класс по индийской традиции) состоят из корня в неизменяемом слабом звуковом виде и чередующегося суффикса, который в сильных формах, т. е. под ударением, имеет вид *-nā́-*, а в слабых *-nī-*. Перед начальным гласным окончания *-ī-* в суффиксе исчезает.

Хотя, с синхронной точки зрения, данный тип основ является суффиксальным, есть следы, указывающие на связь *-ā* с корнем. Об этом свидетельствует наличие вариантов корней с *-ā*, например: *par-* 'наполнять', *pṛṇā́ti*/*prā-* id. (если речь идет о корне, а не об извлечении из форм аориста и перфекта); *ji-*

'побеждать', *jināti/jyā-* id. Обращает на себя внимание также наличие у ряда основ с *-nā-/-nī-* параллельных основ с *-āyá-* (видимо, отыменного происхождения): *grabh-* 'хватать', *gṛbhṇā́ti*, *gṛbhāyáti*; *ma(n)th-* 'взбивать', *mathnā́ti* и *mathāyáti* и др.

Этот тип презенсов имеют корни — так называемые двусложные базы. Конечный долгий гласный корня перед суффиксом сокращается, например: *kṣi-* 'уничтожать', *kṣiṇā́ti*; *mī-* 'уменьшать', *minā́ti*; *jū-* 'спешить', *junā́ti*; *pū-* 'очищать', *punā́ti*.

Образец спряжения — *grabh-* 'хватать':

Активный залог

Презенс

sg.	du.	pl.
1. *gṛbhṇā́mi*	*grbhṇīvás*	*gṛbhṇīmás(i)*
2. *gṛbhṇā́si*	*gṛbhṇīthás*	*gṛbhṇīthá(na)*
3. *gṛbhṇā́ti*	*gṛbhṇītás*	*gṛbhṇánti*

Имперфект

1. *ágṛbhṇām*	*ágṛbhṇīva*	*ágṛbhṇīma*
2. *ágṛbhṇās*	*ágṛbhṇītam*	*ágṛbhṇīta*
3. *ágṛbhṇāt*	*ágṛbhṇītām*	*ágṛbhṇan*

Императив

2. *gṛbhṇīhí* *gṛbhṇītā́t* *gṛbhāṇá*	*gṛbhṇītám*	*gṛbhṇītá(na)*
3. *gṛbhṇā́tu*	*gṛbhṇītā́m*	*gṛbhṇántu*

Субъюнктив

1. *gṛbhṇáni*	*gṛbhṇā́va*	*gṛbhṇā́ma*
2. *gṛbhṇā́s*	*gṛbhṇā́thas*	*gṛbhṇā́tha*
3. *gṛbhṇā́t*	*gṛbhṇā́tas*	*gṛbhṇā́n*

Оптатив

1. *gṛbhṇīyā́m*	*gṛbhṇīyā́va*	*gṛbhṇīyā́ma*
2. *gṛbhṇīyā́s*	*gṛbhṇīyā́tam*	*gṛbhṇīyā́ta*
3. *gṛbhṇīyā́t*	*gṛbhṇīyā́tām*	*gṛbhṇīyúr*

Причастия — *gṛbhṇánt-* m., *gṛbhṇatī́-* f.

Медиальный залог

Презенс

1. *gṛbhṇé*	*gṛbhṇīváhe*	*gṛbhṇīmáhe*
2. *gṛbhṇīṣé*	*gṛbhṇā́the*	*gṛbhṇīdhvé*
3. *gṛbhṇīṭé*	*gṛbhṇā́te*	*gṛbhṇáte*

Имперфект

sg.	du.	pl.
1. *ágṛbhṇi*	*ágṛbhṇīvahi*	*ágṛbhṇīmahi*
2. *ágṛbhṇīthās*	*ágṛbhṇāthām*	*ágṛbhṇīdhvam*
3. *ágṛbhṇīta*	*ágṛbhṇātām*	*ágṛbhṇata*

Императив

2. *gṛbhṇīṣvá*	*gṛbhṇā́thām*	*gṛbhṇīdhvám*
3. *gṛbhṇīṭā́m*	*gṛbhṇā́tām*	*gṛbhṇátām*

Субъюнктив

1. *gṛbhṇai*	*gṛbhṇā́vahai*	*gṛbhṇā́mahai*
2. *gṛbhṇā́se*	*gṛbhṇaithe*	*gṛbhṇā́dhve*
3. *gṛbhṇā́te*	*gṛbhṇaite*	*gṛbhṇā́nta*

Оптатив

1. *gṛbhṇīyá*	*gṛbhṇīváhi*	*gṛbhṇīmáhi*
2. *gṛbhṇīthás*	*gṛbhṇīyā́thām*	*gṛbhṇīdhvám*
3. *gṛbhṇīṭá*	*gṛbhṇīyā́tām*	*gṛbhṇīrán*

Причастия — *gṛbhṇānā́-*, *-ā́-* f.

Отдельные формы в этой парадигме уже в РВ образуются от варианта корня *grah-*, например, 2 sg.iv.act. *gṛhāṇá*, 3 sg. iv.act. *gṛhṇā́tu*. Медиальная парадигма реально засвидетельствована в текстах очень слабо (особенно оптатив, а также имперфект).

Характерной для основ данного типа является форма 2 sg. iv.act. на *-ānā́*, такие формы образуются от корней, оканчивающихся на согласный: *açānā́* от *aç-* 'есть', *stabhānā́* от *stabh-* 'укреплять' и др. В РВ засвидетельствовано начало образования этой формы, и во 2 sg.iv.act. возможны варианты флексии; в дальнейшем *-āna* твердо закрепляется за корнями с конечным согласным.

В целом флексия у основ этого типа отличается большой регулярностью.

Презенс на *-nā-/-nī-* образует группа корней, оканчивающихся на «носовой+согласный»: *bandh-* 'связывать', *manth-* 'взбивать', *skambh-* 'поддерживать', *stambh-* 'укреплять'. В составе презентной основы эти корни бывают представлены без носового: *badhnā́ti*, *mathnā́ti* и т. д. Отсутствует носовой согласный и в презенсе этого типа от корня *jñā-* 'знать'— *jānā́ti*.

У ряда глаголов, образующих презенс с суффиксом *-nā-/-nī-*, встречаются отдельные тематические формы, возникающие в результате сокращения *-ā-* в *-nā-*, например: *pṛṇā́ti* (ср. *pṛṇáti*) от *par-* 'наполнять', *mṛṇā́ti* (ср. *mṛṇáti*) от *mar-* 'разбивать', *çṛṇā́ti* (ср. *çṛṇā́ti*) от *çar-* 'ломать'.

По данному типу образуют основы презенса более 40 корней.

Подобно всем носовым презенсам презенсы на *-nā́-/-nī-* имеют детерминативное значение. Например, у глагола *çrath-* 'распускать(ся)', 'ослаблять(ся)' это значение видно из противопоставления основ *çrathnā-* и *çrathaya-*: *tvám tyám indra mártyam | āstrabudhnā́ya venyám | múhuḥ çrathnā manasyáve* (X, 171,3) 'Ты, о Индра, в один миг освободил этого заслуживающего любви смертного для жаждущего Астрабудхны', *yán marutaḥ sabharasaḥ svarṇaraḥ | sū́rya údite mádathā divo maraḥ | ná vó'çvāḥ çrathayantā* (V, 54,10) 'Когда вы, Маруты, снабженные дарами сверкающие мужи, радуетесь на восходе солнца, небесные мужи, то ваши кони не утомляются'.

У основ на *-nā́-/-nī-* в более сильной степени, чем у других носовых основ, выражено фактитивное значение. Оно прослеживается наиболее отчетливо у группы глаголов, у которых основе на *-nā́-* с активным окончанием и фактитивным значением противопоставлена тематическая основа с медиальным окончанием и непереходным значением, например: *jū-*, *junā́ti* 'торопит'— *jávate* 'спешит', *pū-*, *punā́ti* 'очищает'— *pávate* 'очищается', *ram-*, *ramṇā́ti* 'успокаивает'— *rámate* 'успокаивается', *hvar-/hru-*, *hruṇā́ti* 'отвращает', 'направляет по неверному пути'— *hvárate* 'идет неверным путем'.

Основы с инфиксом *-ná-/-n-* (VII класс, по индийской традиции) образуются от корней, оканчивающихся на согласный, смычный или сибилянт. В сильных формах, под ударением, конечному согласному корня предшествует сильный вариант инфикса *-ná-*, в слабых, безударных, формах ему предшествует слабый вариант инфикса в виде носового согласного, гоморганного с конечным согласным корня. Корневой гласный, предшествующий инфиксу, всегда бывает в слабом звуковом виде. В качестве сильной формы иногда выступает 2 pl.iv.act.

Образец спряжения — *yuj-* 'запрягать':

Активный залог

Презенс

	sg.	du.	pl.
1.	*yunájmi*	*yuñjvás*	*yuñjmás*
2.	*yunákṣi*	*yuñkthás*	*yuñkthá*
3.	*yunákti*	*yuñktás*	*yuñjánti*

Имперфект

1.	*áyunajam*	*áyuñjva*	*áyuñjma*
2.	*áyunak*	*áyuñktam*	*áyuñkta*
3.	*áyunak*	*áyuñktām*	*áyuñjan*

Императив

	sg.	du.	pl.
2.	*yuñgdhi*	*yuñktám*	*yuñktá, yuñtá,*
	yuñdhi	*yuñtám*	*yunákta(na)*
3.	*yunáktu*	*yuñktā́m*	*yuñjántu*
		yuñtā́m	

Субъюнктив

1.	*yunájāni*	*yunájāva*	*yunájāma*
2.	*yunájas*	*yunájathas*	*yunájatha*
3.	*yunájat*	*yunájatas*	*yunájan*

Оптатив

1.	*yuñjyā́m*	*yuñjyā́va*	*yuñjyā́ma*
2.	*yuñjyā́s*	*yuñjyā́tam*	*yuñjyā́ta*
3.	*yuñjyā́t*	*yuñjyā́tām*	*yuñjyúr*

Причастия — *yuñjánt-*, *yuñjatí-* f.

Медиальный залог

Презенс

1.	*yuñjé*	*yuñjváhe*	*yuñjmáhe*
2.	*yuñkṣé*	*yuñjā́the*	*yuñgdhvé*
3.	*yuñkté*	*yuñjā́te*	*yuñjáte*

Имперфект

1.	*áyuñji*	*áyuñjvahi*	*áyuñjmahi*
2.	*áyuñkthās*	*áyuñjāthām*	*áyuñgdhvam*
3.	*áyuñkta*	*áyuñjātām*	*áyuñjata*

Императив

2.	*yuñkṣvá*	*juñjā́thām*	*yuñgdhvám*
	yukṣvá		
3.	*yuñktā́m*	*yuñjā́tām*	*yuñjátām*
	yuñtā́m		

Субъюнктив

1.	*yunájai*	*yunájāvahai*	*yunájāmahai*
2.	*yunájase*	*yunájaithe*	*yunájadhve*
3.	*yunájate*	*yunájaite*	*yunájanta*

Оптатив

1.	*yuñjīyá*	*yuñjīváhi*	*yuñjīmáhi*
2.	*yuñjīthā́s*	*yuñjīyā́thām*	*yuñjīdhvám*
3.	*yuñjītá*	*yuñjīyā́tām*	*yuñjīrán*

Причастия — *yuñjāná-*, *-ā́-* f.

Парадигме данного типа основ свойственны сандхи согласных там, где окончания начинаются на шумный согласный. Это те же сандхи, которые имеют место у корневых и редуплицированных основ от корней на согласный, а именно: замена палатальных гуттуральными и ассимиляция по звонкости, как во 2 sg.pr.act. *yunákṣi* (<*yunaj+si*), 3 du.pr.act. *yuñktás* (<*yuñj+tas*), 2 pl.pr.med. *yuñgdhvé* (<*yuñj+dhve*) от *yuj-*, 3 sg.pr.act. *rinákti* (<*rinac+ti*) от *ric-* 'оставлять', 3 sg.pr.med. *pṛñkté* (<*pṛñc+te*) от *pṛc-* 'наполнять', 'насыщать'; сандхи придыхательных в группе согласных: 3 sg.pr.act. *runáddhi* (<*runadh+ti*) от *rudh-* 'препятствовать'; церебрализация согласных: 3 sg.pr.act. *pináṣṭi* от *piṣ-* 'раздробить'; упрощение группы согласных в конце, в результате чего 2 и 3 sg.impf.act. и соответствующие формы инъюнктива регулярно совпадают: *unap* (<*unabh+s* или *unabh+t*) от *ubh-* 'связывать', 'заковывать', *pinak* (<*pinaṣ+s* или *pinaṣ+t*) от *piṣ-*, *ábhinat* (<*abhinad+s* или *abhinad+t*) от *bhid-* 'расщеплять' и т. д.— ср. в AB 2 sg. *abhanas* вместо обычного *abhanak* от *bhañj-* 'ломать'.

Характерным для рассматриваемого типа спряжения является упрощение в середине слова групп согласных, возникающих на стыке корня и окончания в слабых формах. Эти упрощения проводятся не вполне последовательно, в РВ встречается немало форм со скоплением трех согласных в интервокальном положении, но есть и упрощенные группы из двух согласных. Именно так объясняется наличие двух фонетических вариантов форм, например: 2 sg.iv.act. *yuñgdhí* и *yuñdhi*, 3 du.iv.act. *yuñktām* и *yuñtām*, 2 pl.iv.act. *yuñktá* и *yuñtá*; ср. также такие формы из РВ, как 3 sg.pr.med. *indhe* (<**inddhe*), 2 pl.iv.med. *indhvam* (<**inddhvam*) от *indh-* 'зажигать'; 2 sg.iv.act. *chindhí* (<**chinddhi*) от *chid-* 'отрезать'; *pṛñdhi* (<**pṛñgdhi*) от *pṛc-*; *bhañdhí* (<**bhañgdhi*) от *bhañj-* 'ломать' и др.

Особый случай церебрализации в результате сандхи представлен формой 3 sg.iv.act. *tṛṇédhu* от *tṛh-* 'разбивать', 'разламывать' (ср. 2 sg.iv.act. *edhí* от *as-*, *dehí* от *dā-*, *dhehí* от *dhā-*).

Флексия данного типа основ отличается большой регулярностью. Из отклонений можно отметить единичную форму 3 sg.pr.med. на *-e — vṛñje* от *vṛj-* 'повергать ниц', а не на *-te* (такие формы встречаются и в других атематических типах). В отношении ударения колебания возможны в форме 3 pl.med.: *indháte/indhaté* и др.

Случаи тематизации в этом типе основ единичны, в связи с чем следует обратить внимание на существование группы тематических основ с носовым инфиксом (выглядящих как тематизация слабого вида основы), у которых нет атематических соответствий, например: *muñcáti* от *muc-* 'освобождать', *siñcáti* от *sic-* 'поливать' и др.

Около 30 глаголов в ведийском языке образуют презенсы с

помощью инфикса *-ná-/-n-*. Как и прочие носовые основы, они выражают детерминативное значение. Это значение способа действия часто связано с лексическим значением глагольного корня, поскольку группа глаголов данного типа имеет значение «разбивать», «ломать»: *chid-* 'отрезать', *tṛd-* 'пронзить', *piṣ-* 'раздробить', *bhañj-* 'сломать', *bhid-* 'расколоть', *vic-* 'отделить'.

Ряд основ на *-ná-/-n-* имеет переходно-фактитивное значение по сравнению с другими типами основ, например, *ric-*, *rinákti* 'отпускать', 'освобождать'— *ricyate* (только с приставками) — непереходное значение в зависимости от значения приставки: *riṇákti kṛṣṇír aruṣáya pánthām* (VII, 71,1) 'Черная освобождает красному путь'— *úd in nv àsya ricyaté'ṃço dhánaṃ ná jigyúṣaḥ* (VII, 32,12) 'Ведь доля его выделяется, как богатство победителя'.

Тематическое спряжение

Это спряжение отличается большим единообразием и простотой. Нет чередования гласных. Ударение неподвижно во всей парадигме. Меньше вариантов окончаний (в изъявительном наклонении их нет). Субъюнктив отчетливо выделяется благодаря долготе характерного гласного (*-ā-*<тематический гласный *-a-* + *-a-* — примета субъюнктива), оптатив — благодаря формальному показателю *-e-* (<*-a-* + *-ī-*).

Особенности флексии тематического спряжения (см. с. 297) сводятся к следующему: 2 sg.iv.act.#; 3 pl.impf.act. *-n*; 2, 3 iv.du.med.— варианты окончаний с начальным *-e-* — *-ethām*, *-etām*; 3 pl.med.— варианты окончаний с *-n-* — *-nte*, *-nta*, *-ntām*. В 1-м лице всех чисел тематического спряжения (кроме 1 sg.impf.act.) тематический гласный удлиняется.

Тематические основы являются продуктивным типом, в который переходят отдельные формы или целиком глагольные парадигмы атематического спряжения. Тематические основы гораздо более многочисленны, чем атематические.

Тематические основы на *-a-* (I класс, по индийской традиции). Ударение падает на корневой гласный, который обычно бывает представлен ступенью гуна, окончания присоединяются к тематическому гласному.

Образец спряжения — *bhū-* 'быть':

Активный залог

Презенс

sg.	du.	pl.
1. *bhávāmi*	*bhávāvas*	*bhávāmas(i)*
2. *bhávasi*	*bhávathas*	*bhávatha*
3. *bhávati*	*bhávatas*	*bhávanti*

Имперфект

sg.	du.	pl.
1. *ábhavam*	*ábhavāva*	*ábhavāma*
2. *ábhavas*	*ábhavatam*	*ábhavata*
3. *ábhavat*	*ábhavatām*	*ábhavan*

Императив

2. *bháva* *bhávatāt*	*bhávatam*	*bhávata*
3. *bhávatu*	*bhávatām*	*bhávantu*

Субъюнктив

1. *bhávāni* *bhávā*	*bhávāva*	*bhávāma*
2. *bhávāsi* *bhávās*	*bhávāthas*	*bhávātha*
3. *bhávāti* *bhávāt*	*bhávātas*	*bhávān*

Оптатив

1. *bháveyam*	*bháveva*	*bhávema*
2. *bháves*	*bhávetam*	*bháveta*
3. *bhávet*	*bhávetām*	*bháveyur*

Причастия — *bhávant-*, *bhávantī-* f.

Медиальный залог

Презенс

1. *bháve*	*bhávāvahe*	*bhávāmahe*
2. *bhávase*	*bhávethe*	*bhávadhve*
3. *bhávate*	*bhávete*	*bhávante*

Имперфект

1. *ábhave*	*ábhavāvahi*	*ábhavāmahi*
2. *ábhavathās*	*ábhavethām*	*ábhavadhvam*
3. *ábhavata*	*ábhavetām*	*ábhavanta*

Императив

2. *bhávasva*	*bhávethām*	*bhávadhvam*
3. *bhávatām*	*bhávetām*	*bhávantām*

Субъюнктив

1. *bhávai*	*bhávāvahai*	*bhávāmahai*
2. *bhávāse* *bhávāsai*	*bhávaithe*	*bhávādhve*
3. *bhávāte* *bhávātai*	*bhávaite*	*bhávānte*

Оптатив

sg.	du.	pl.
1. *bháveya*	*bhávevahi*	*bhávemahi*
2. *bhávethās*	*bháveyāthām*	*bhávedhvam*
3. *bháveta*	*bháveyātām*	*bháveran*

Причастия — *bhávamāna-*, *-ā-* f.

У корней, способных к чередованию, нормой для этого типа презентных основ является ступень гуна: *jáyati* от *ji-* 'побеждать', *plávate* от *plu-* 'плавать', *tárati* от *tar-* 'пересекать', *rámate* от *ram-* 'успокаивать', *jánati* от *jan-* 'рождать' или по типу сампрасарана: *yájati* от *yaj-* 'жертвовать', *váhati* от *vah-* 'эвезти' и др. У корней с интерконсонантным *-a-* нормой для того типа основ является *-a-*: *tápati* от *tap-* 'пылать', *sácate* от *sac-* 'следовать'.

У нескольких корней с носовым перед конечным согласным этот носовой вопреки общему правилу в презентной основе не сохраняется, например: *dáçati* от *daṃç-* 'кусать', *sájati* от *sañj-* 'прикреплять'.

По данному типу образует презентную основу и ряд неизменяемых корней, имеющих постоянную слабую или сильную ступень корневого гласного. Единственным показателем их принадлежности к этому типу является место ударения на корневом гласном, например: *krīḍati* от *krīḍ-* 'прыгать', 'играть', *jīvati* от *jīv-* 'жить', *dhā́vati* от *dhāv-* 'бежать' и др.

В отдельных случаях корневой гласный представлен не ступенью гуна, а удлинением соответствующего гласного, например: *ūhate* (наряду с *óhate*) от *uh-/ūh-* 'наблюдать', *gū́hati* от *guh-* 'прятать', *krā́mati* (наряду с *krámate*) от *kram-* 'ступать'.

Глаголы *gam-* 'идти', *yam-* 'обуздывать' образуют презентные основы с помощью суффикса *-cha-*, присоединяемого к корню в слабом звуковом виде: *gáchati*, *yáchati*.

Глагол *sad-* 'сидеть' имеет презенс *sī́dati* (<**si-zd-a-ti*< *si-sd-a-ti*). Результатом явной тематизации редуплицированных основ являются презенсы *píbati* от *pā-* 'пить', *tíṣṭhati* от *sthā-* 'стоять', *jíghrati* от *ghrā-* 'нюхать'. Отдельные тематические редуплицированные формы встречаются от глагола *han-* 'убивать': *jíghnase*, *jíghnate*, *jíghnante* (основной презенс — *hánti*).

Презенсы от корней на *-nv*: *ínvati*, *jínvati*, *pínvati*, *hínvati* (см. с. 309) являются результатом тематизации основ на *-nó-/-nu-*.

Это самый продуктивный тип презентных основ, к нему принадлежит около половины всех глагольных корней. Определить точное число представляется затруднительным, так как существует немалое число модальных форм (*gamema-* от *gam-*, *sanat* и пр. от *san-*), принадлежность которых к системе презенса сомнительна.

Тематические основы на *-á-* (VI класс, по индийской традиции) образуются от корней, представленных слабым зву-

ковым видом, ударение падает на тематический гласный, например: *viçáti* от *viç-* 'входить', *tudáti* от *tud-* 'толкать', *mṛçáti* от *mṛç-* 'трогать' и др. Корни на *-a-* почти не встречаются.

Парадигма этого типа ничем не отличается от парадигмы с ударным корневым гласным в ступени гуна. Реально, во всяком случае в РВ, презентная парадигма от основ с ударным тематическим гласным является до некоторой степени фикцией. Причины этого следующие. Формы изъявительного наклонения с первичными окончаниями очень редко употребляются по сравнению с большим количеством форм со вторичными окончаниями. В изъявительном наклонении преобладают формы претерита, значение которого колеблется между имперфектом и аористом. Очень многочисленны модальные формы, особенно инъюнктива и субъюнктива. Причем эти модальные формы обычно бывают хорошо засвидетельствованы в фамильных мандалах, а формы изъявительного наклонения встречаются только в поздних мандалах. К этому еще следует добавить, что по своей структуре данный тип презентных основ ничем не отличается от основы тематического аориста.

Корни, оканчивающиеся на *-i* и *-u*, в этом типе основ перед ударным тематическим гласным дают рефлекс *-iy-*, *-uv-*, например: *kṣiyáti* от *kṣi-* 'жить', 'владеть', *ruváti* от *ru-* 'реветь', *suváti* от *sū-* 'оживлять', *huvé* от *hū-* 'звать', а также *syati* (по размеру — *siyati*) от *sā-/si-* 'связывать' и *ádyas* (по размеру — *ádiyas*) от *dā-/di-* id.

Корни, оканчивающиеся на *-ṛ*, перед ударным тематическим гласным дают рефлекс *-ir* или *-ur* (таким образом эти корни нередко абстрагируют как оканчивающиеся на *-ir*, *-ur*), например: *kiráti* от *kṛ-(kir)* 'рассыпать', *giráti* от *gṛ-(gir-)* 'глотать', *tiráti* от *tṛ- (tar-, tir-, tur-)* 'пересекать', *bhurántu* от *bhṛ-(bhur-)* 'дергаться', *sphurati* от *sphṛ- (sphur-)* 'лягать', 'прыгать'.

Группа корней, оканчивающихся на согласный, имеет в презентной основе перед последним согласным носовой инфикс: *kṛntá-* от *kṛt-* 'резать', *tṛmpá-* от *tṛp-* 'удовлетворять', *piṃçá-* от *piç-* 'украшать', *limpá-* от *lip-* 'липнуть', *lumpá-* от *lup-* 'ломать', *vindá-* от *vid-* 'находить', *siñcá-* от *sic-* 'поливать'. Перечисленные глаголы образуют презенс только по данному типу. У некоторых корней презенс с носовым инфиксом употребляется наряду с презенсом другого способа образования, например: *umbha-* от *ubh-* 'заковывать', *tundá-* от *tud-* 'толкать', *dṛṃha-* от *dṛh-* 'быть твердым', *bṛṃhá-* от *bṛh-* 'быть сильным', *çumbhá* от *çumbh-* 'блистать', *çṛnthá-* от *çrath-* 'ослаблять'.

В состав нескольких презенсов этого типа входит суффикс *-cha-*: *ichá* от *iṣ-* 'желать', *ṛchá-* от *ar-(ṛch-)* 'настигать', *uchá-* от *vas-* 'зажигаться', а также *pṛcha-* от *prach-/pṛch-* 'спрашивать'— глагол, у которого элемент *-ch-* входит в состав корня, поскольку встречается не только в системе презенса.

Многие тематические основы с ударением на тематическом гласном имеют мгновенное, точечное значение, например: *vígrīvāso mūradevā ṛdantu* (VIII, 104,24) 'Да падут с переломанной шеей поклоняющиеся демонам!', *gauró ná kṣeptór avije jyáyāḥ* (X, 51,6) 'Я отпрянул, как бык от натягивания тетивы (лука)'.

Другая группа основ этого типа имеет терминативное значение, которое часто подчеркивается употреблением их только с наречиями-префиксами. Например, от глагола *tar-*, *tir-*, *tur-* основа *tirá-*, употребляющаяся только с префиксами, обладает терминативным значением по сравнению с основой *tára-*, использующейся преимущественно без префиксов: *māyābhir indra māyinaṃ tvám çúṣṇam ávātiraḥ* (I, 11,7) 'О Индра, колдовскими чарами ты пресек колдовского Шушну', *avāté apás tarasi svabhāno* (VI, 64,4) 'При безветрии ты пересекаешь воды, о обладающий собственным сиянием'.

По этому типу в ведийском языке образуют презентные основы около 70 глаголов.

Основы с суффиксом *-ya-* (IV класс, по индийской традиции) образуются от корней в слабом звуковом виде, находящихся под ударением. В этом типе основ *-y-* в суффиксе обычно не дает рефлекса *-iy-*. Вот некоторые примеры: *vídhyati* от *vyadh-/vidh-* 'пронзать', *iṣyati* от *iṣ-* 'посылать', *ásyati* от *as-* 'бросать', 'кидать', *púṣyati* от *puṣ-* 'цвести', *ṛdhyati* от *ṛdh-* 'преуспевать' и др.

Для корней определенной структуры в составе презентных основ на *-ya-* характерны особые рефлексы корневого гласного. Корни, оканчивающиеся на *-ṛ*, имеют в презенсе слабую ступень *-īr-*, *-ūr-*, например: *jī́ryati*, *jū́ryati* от *jar-* 'стариться', part. *pū́ryamāṇa-* от *par-/pur-* 'наполнять'.

У корней, оканчивающихся на *-am*, корневой гласный в презентной основе данного типа подвергается удлинению: *dā́myati* от *dam-* 'подавлять', *çrā́myati* от *çram-* 'уставать', а также *jā́yate* 'рождаться' от *jan-* 'рождать'. Эти долгие гласные представляют собой здесь особый рефлекс слабой ступени. Те корни на *-am*, которые принадлежат к числу анит, сохраняют перед суффиксом *-an-*: *tányati* от *tan-* 'греметь', *mányate* от *man-* 'думать'.

Корни, оканчивающиеся на *-ā*, в большинстве своем сохраняют долгий гласный в презентной основе неизменным: *gā́yati* от *gā-* 'петь', *glāyati* от *glā-* 'уставать', *trā́yati* от *trā-* 'защищать', *pyā́yate* от *pyā-* 'набухать', *rā́yati* от *rā-* 'лаять', *vā́yati* от *vā-* 'уставать', *çrā́yati* от *çrā-* 'варить'.

Презенсы *dhā́yati* от *dhā-* 'сосать', *vā́yati* от *vā-/vī-/u-* 'ткать', *vyā́yati* от *vyā-/vī-* 'скрывать' и *hvā́yati* от *hvā-/hū-* 'звать', имеющие краткий гласный перед *-ya-*, с синхронной точки зрения могут интерпретироваться неоднозначно: как при-

надлежащие к данному типу; к тематическому типу с ударением на корне от корней *dhay-*, *vay-*, *vyay-*, *hvay-*; к типу с суффиксом *-áya-*.

Презенсам на *-ya-* свойственна достаточно отчетливо выраженная семантика — бóльшая часть их имеет непереходное значение. Ряд корней, образующих эти презенсы, выражает состояние: *krudh-* 'гневаться', *kṣudh-* 'голодать', *tuṣ-* 'быть довольным', *budh-* 'бодрствовать', *çuṣ-* 'сохнуть' и др.

У многих глаголов способ действия, выражаемый презентной основой на *-ya-*, является длительным, курсивным, не имеющим начала и конца. Это значение отчетливо проступает в противопоставлении основ на *-ya-* основам с носовым элементом (особенно с суффиксом *-nā́-*) от одного и того же корня, причем на оппозицию способов действия часто налагается оппозиция непереходного действия — фактитивному, например, от глагола *ri-/rī-* основа *rī́ya-* значит 'течь', 'струиться', основа *riṇā́-* 'выпускать течь': *rī́yate ghṛtám* (I, 135,7) 'Течет жир'— *yátrā vo dídyúd rádati kṛívirdatī | riṇā́ti paçváḥ súdhiteva barháṇā* (I, 166,6) 'Где пробивает ваш кровавозубый выстрел, он выпускает течь (воды), как хорошо нацеленная сила — стадо'.

Основы на *-ya-* часто употребляются с медиальными окончаниями, при этом некоторые из них могут иметь пассивное значение. Например, от глагола *mī-* имеет место оппозиция *mī́yate* 'быть нарушенным', и *minā́ti* 'нарушать', 'уменьшать': *yá u çriyā́ dámeṣv ā́ | doṣóṣási praçasyáte | yásya vratám ná mī́yate...* (II, 8,3) 'Кто за (свою) красоту в домах вечером и утром прославляется [pass.], чей обет не нарушается ... [pr. на *-ya-*]'— *minā́ti çríyaṃ jarimā́ tanū́nām* (I, 179,1) 'Старость уменьшает красоту членов'.

Связь презентных основ на *-ya-* с основами страдательного залога очевидна и в структурном, и в семантическом плане.

Около 70 глаголов в ведийском языке образуют основы презенса с помощью суффикса *-ya-*.

Основы с суффиксом *-áya-* (X класс, по индийской традиции). К этому презентному типу можно отнести только те основы, у которых корневой вокализм не усилен, т. е. представлен слабой ступенью или *-a-*, что отличает их формально (по крайней мере ту часть, где корневой гласный в слабой ступени) от каузативных глаголов, принадлежащих производному спряжению. Вот некоторые примеры: *iṅgáyati* от *iṅg-* 'колыхаться', *citáyanti* от *cit-* 'замечать', *turáyante* от *tur-* (*tṛ-*) 'прорываться вперед', *dyutayanta* от *dyut-* 'сиять', *patáyanti* от *pat-* 'летать', *çumbháyante* от *çubh-* 'блистать', 'украшать' и некоторые другие.

По этому типу образуют формы презенса немногие глаголы. Уже в РВ он явно непродуктивен, и ряд глаголов имеет дублеты презенсов с усиленным вокализмом корневого гласного, например: *citáya-* и *cetáya-* от *cit-*, *dyutáya-* и *dyotáya-* от *dyut-*,

riṣaya- (inf. *riṣayadhyai*) и *reṣáya-* от *riṣ-* 'получать повреждения', 'повреждать', *vipáya-* и *vepáya-* от *vip-* 'трясти(сь)'.

Данный тип презенсов морфологически довольно неясен С одной стороны, формально он может совпадать с каузативами, от которых отличается своим значением. С другой стороны, он совпадает с теми деноминативными глаголами, которые имеют нетипичное ударение (не на суффиксе *-ya-*, а на тематическом гласном *-a-*), например: *iṣáya-* от *iṣay-* 'быть подкрепляющим' (ср. *-iṣ* f. 'подкрепление'), *ūrjáya* от *ūrjay-* 'набухать', 'подкреплять' (ср. *ūrj-* f. 'жирный напиток', 'подкрепление'), *ṛtáya-* от *ṛtáy-* 'быть праведным' (ср. *ṛtá-* 'космический закон') и др.

У части презентных основ данного типа обнаруживается императивное или слабое интенсивное значение. Классическим примером является соотношение основ *páta-* 'лететь' и *patáya-* 'летать', 'порхать' от глагола *pat-*: *...rakṣásaḥ sám pinaṣṭana | váyo yé bhūtvī́ patáyanti naktábhir | yé vā rípo dadhiré devé adhvaré* (VII, 104,18) 'Раздавите ракшасов, которые, превратившись в птиц, порхают по ночам или совершают осквернения на божественных жертвоприношениях!'.

В дальнейшем развитии языка этот тип презентных основ выходит из употребления.

Презентные основы на *-āyá-* представлены небольшой группой глаголов (менее 15). Они имеют слабую ступень корня перед презентным суффиксом и ударение на конечном гласном суффикса. Это морфологически неясные основы. Более половины из них имеет параллельные презенсы на *-nā́-* (что может свидетельствовать в пользу связи *-ā* с корнем). Это *gṛbhāyá-* (ср. *gṛbhṇā́-*) от *grabh-* 'хватать', *pruṣāyá-* (ср. *pruṣṇā́-*) от *pruṣ-* 'брызгать', *mathāyá-* (ср. *mathnā́-*) от *math-* 'взбивать', *muṣāyá-* (ср. *muṣṇā́-*) от *muṣ-* 'грабить', *çrathāyá-* (ср. *çrathnā́-*) от *çrath-* 'расслаблять', *skabhāyá-* (ср. *skabhnā́-*) от *skambh-* 'подпирать', *stabhāyá-* (ср. *stabhnā́-*) от *sta(m)bh-* 'укреплять'. Другая часть не имеет параллельной основы на *-nā́-*, а именно: *tudāyá-* (ср. *tudá-*) от *tud-* 'толкать', *damāya-* от *damāy-* 'угнетать', *nāçāyá-* от *naçāy-* 'достигать' (ср. *naç-* id.), *panāyá-* от *panāy-* 'удивляться' (ср. *pan-* id.), *vāsāyá-* от *vasāy-* 'одеваться' (ср. *vas-* id.), *çamāyá-* от *çamāy-* 'трудиться' (ср. *çam-* id.). У этих презенсов обычно предполагают деноминативное происхождение (чем объясняется и выводимая из презенса форма корня), хотя, строго говоря, оно недоказуемо. Так или иначе, ни для одного из глаголов, имеющих презенс на *-āyá-*, этот тип презенса не является единственным и не отличается по значению от презенса иной структуры. В послеведийский период презенсы на *-āyá-* выходят из употребления.

Формы на *-s-* не образуют в ведийском языке единого типа презентных основ. Это изолированные образования от нескольких глаголов, не обладающие ни единой структурой, ни единой семантикой. Формы 3 pl.pr.med. *táruṣante*, 3 pl.inj.med.

taruṣanta, 1 pl.opt.act. *taruṣema* от *tar-* '(хотеть) победить' и 3 pl.inj.med. *vanuṣanta* от *van-* 'желать', 'любить' являются распространением посредством *-s-* основ на *-u-* — *tarute*, *vanute*. Значение этих форм близко к дезидеративному. Дезидеративный оттенок имеют и формы 1 sg.pr.med. *arcase* от *ṛc-* 'прославлять', *ṛñjase* от *ṛñj-* 'отдавать предпочтение', *ohiṣé* от *uh-* 'замечать', *gṛṇiṣe* от *gir-(gṛ-)* 'воспевать', *punīṣé* от *pū-* 'очищать', *stuṣé* от *stu-* 'восхвалять', *hiṣé* от *hi-* 'гнать'.

3 sg.med. *rāsate* от *rā-* 'давать', 'дарить', судя по значению, является скорее субъюнктивом сигматического аориста (ср. 3 pl.aor.med. *árāsata*), чем презенсом.

Формы 2 sg.iv.act. *neṣa* от *nī-* 'вести' и *parṣa* от *par-* 'перевозить', 'спасать', видимо, образованы как системные изофункциональные формы, призванные заменить несистемные 2 sg.pr.act. *néṣi*, *párṣi* в функции императива.

Встречаются, наконец, отдельные формы медиальных причастий с *-s-*: *ṛñjasāná-* от *ṛñj-*, *jrayasāná-* от *jri-* 'шагать', *çróṣamāna-* от *çru-* 'слушать'. В последнем случае *-s-* могло иметь словообразовательный характер, поскольку есть имя *çruṣṭí-* от того же корня. Вообще же элемент *-s-* исторически использовался как один из распространителей корня, ср. *i-* и *iṣ-*, *dā-* и *dās-*, *bhū-* и *bhūṣ-* и др.

Многоосновные глаголы

Явление многоосновности глагола в презенсе характеризует наиболее древний период в развитии языка (в дальнейшем многоосновность глаголов встречается заметно реже). В РВ около одной трети всех глагольных корней, т. е. около 170, образуют более чем один структурный тип презентных основ. Самые многочисленные из них — глаголы с двумя основами презенса (более 70-ти). В целом же отношение между числом корней, имеющих по нескольку типов презентных основ, и количеством этих типов обратно пропорционально (три основы имеют приблизительно 35 глаголов, четыре — около 20-ти, пять — менее 10-ти и восемь основ — один глагол *tar-/tir-/tur-*). Во многих случаях между разными основами одного глагола нет различий в значении. Часто это вызвано тем, что один тип основы произошел от другого, например, в результате тематизации корневых основ, или могут иметь место разные фонетические варианты одной основы. Иногда можно предположить, что различия были, но стерлись.

В части случаев можно проследить различия в значении между основами разных структурных типов от одного корня. Разные основы могут, как было показано выше, выражать разные способы действия (Aktionsarten). Разные основы могут противопоставляться друг другу по переходности (/каузативности) — непереходности (/пассивности). Наконец, они могут противопоставляться по связи с определенным залогом: одни сочетаются исключительно (или преимущественно) с активными окончаниями, другие — с медиальными.

Иногда две основы от одного корня настолько могли разойтись в значениях, что при синхронном подходе они воспринимаются как два разных корня-омонима, например: *iṣ-*, *iṣyati*, *iṣéma*, *iṣṇáti* 'гнать', 'посылать' (ср. *i-* 'идти') и *iṣ-*, *icháti* искать', 'желать'.

СИСТЕМА АОРИСТА

В системе времен ведийского глагола аорист как граммема отождествляется семантически (с помощью своего инвариантного значения, см. с. 286) и формально. Формальным критерием служит способность основы соединяться с той или иной серией окончаний. К аористу относятся те основы, которые могут соединяться только со вторичными окончаниями, т. е. не имеют соответствующего презенса; к системе презенса — те основы, которые соединяются как с первичными, так и со вторичными окончаниями. На основании этого определения, вопрос «аорист или имперфект?» решается конкретно для каждого глагола, при этом надо исходить из всей системы его форм, а именно, из наличия или отсутствия презенса соответствующей структуры. Например, *ágāt* — аорист, так как презенс будет *jígāti* (презенса **gāti* от корня *gā-* 'идти' нет), а *áyāt* — имперфект, поскольку есть презенс *yáti* от *yā-* id. или *ásarat* — аорист, так как презенс от глагола *sar-* 'течь' будет *sísarti*, а *átarat* — имперфект, о чем свидетельствует презенс *tárati*.

Принятое формальное определение аориста не моделирует многочисленных модальных форм, для которых, как известно, выбора первичных или вторичных окончаний нет. У многих же глаголов формы аориста индикатива представлены слабо, а модальные формы как раз преобладают.

Данное определение аориста не принимает во внимание структурных особенностей основы, относимой к системе аориста или презенса. Между тем в определенной части случаев существует формальная характеристика основы, однозначно свидетельствующая ее принадлежность к одной из систем. Так, формальными характеристиками системы презенса являются суффиксы *-ná-/-nī-*, *-nó-/-nu-*, инфикс *-ná-/-n-*, суффиксы *-ya-*, *-áya-*, а формальной характеристикой системы аориста — элемент *-s-*, находящийся между корнем и окончанием. Последний критерий не является безусловным, ср., например, *ádikṣat* — аорист от *diç-* 'показывать' (презенс *-diçáti*) и *áçikṣat* — имперфект дезидератива от *çak-* 'мочь' (презенс дезидератива *çikṣati*), хотя в большинстве случаев он действует.

Формальной характеристикой основы может служить также тип редупликации (редуплицированные основы есть в системе презенса, аориста, перфекта и в производном спряжении у интенсивов и дезидеративов). Этот критерий, однако, тоже не безусловен. Оппозиция выражена четко, если основа аориста имеет редупликацию на *-ī-* или *-ū-*, но она нейтрализуется, если в слоге редупликации у аориста краткий гласный (прежде всего *-a-*) и если основа аориста атематическая.

Таким образом получается, что данное определение аориста является необходимым и достаточным лишь для той части форм, которые лишены специфических структурных признаков, и оно избыточно для тех форм, которые такими признаками обладают.

Исследователями неоднократно отмечалось, что инвариантное значение аориста наиболее ослаблено как раз у форм, которые не имеют специфической структурной характеристики.

К тому же главный критерий — способность основы соединяться только со вторичными окончаниями тоже оказывается иногда относительным. Например, у глаголов *dā-* 'давать', *dhā-* 'класть', *sthā-* 'стоять' аугментные корневые формы *ádāt*, *ádhāt*, *ásthāt* являются аористами, потому что есть хорошо засвидетельствованные редуплицированные презенсы: *dádāti*, *dádhāti*, *tíṣṭhati*, но наряду с ними встречаются и изолированные формы с первичными окончаниями: *dā́ti*, *dhā́ti*, *sthā́ti*.

Все эти факты свидетельствуют о недостаточной разграниченности системы аориста и системы презенса. После этих предварительных замечаний можно перейти к описанию аориста.

Аорист в ведийском языке образуется с большей или меньшей вероятностью от половины всех глагольных корней. Личные формы засвидетельствованы в РВ приблизительно от 230 корней, в АВ несколько меньше чем от трети всех корней (в дальнейшем развитии языка аорист употребляется все реже). В РВ свыше трети всех корней, образующих аорист, имеют более одной основы аориста. При этом следует отметить, что парадигма аориста даже в индикативе бывает обычно неполно представлена в каждом данном типе аориста. Одна основа может употребляться преимущественно в активном залоге, другая — в медиальном, да и то не во всех формах. Нередко встречаются изолированные пробные образования.

Аорист включает ряд различных структурных типов, которые в целом принято подразделять на асигматический и сигматический аорист, в зависимости от отсутствия или наличия приметы аориста *-s-*. В пределах этого общего разбиения типы аориста могут быть атематическими и тематическими, простыми и редуплицированными, а в рамках сигматического аориста существуют различия по форме элемента, содержащего *-s-*.

В результате всех этих разделений различают следующие классы аориста: 1) простой корневой аорист, 2) тематический аорист, 3) редуплицированный аорист, 4) аорист на *-s-*, 5) аорист на *-iṣ-*, 6) аорист на *-siṣ-*, 7) аорист на *-sa-*.

Аорист имеет те же вторичные окончания, что и имперфект. В 3 pl.act. в аористе заметно преобладает окончание *-ur* над *-an*.

Атематическим типам аориста свойственно чередование гласных в корне. Тип чередования отличается от презентного. Чередование происходит не столько в пределах одной парадигмы, как в презенсе, а главным образом между корнем в активной и в медиальной парадигме: гуна — слабая ступень или вриддхи — гуна.

В индикативе ударение всегда бывает на аугменте, а в модальных формах и в причастиях наблюдаются большие акцентные колебания.

Модальные формы аориста весьма многочисленны, они те же, что в системе презенса; по разным типам аористических основ они распределены неравномерно.

Простой корневой аорист (1-й класс) является самым распространенным типом аориста в ведийском языке. Он засвидетельствован приблизительно у 100 глагольных корней. Это наиболее употребительный, но отнюдь не продуктивный тип аориста, поскольку у многих корней он представлен разрозненными формами, часто при преобладании модальных форм над индикативом.

Аорист 1-го класса образуется от корней любой структуры. Как всякому атематическому образованию, ему свойственно чередование корневого гласного. Корни, допускающие чередование (прежде всего с *i*, *u*, *ṛ*), имеют ступень гуна в активном залоге, кроме 3 pl.act., и слабую ступень — в медиальном и в 3 pl.act. Корни с *-a-* не претерпевают чередования, например, 3 sg.subj.aor.act. *padā́ti* — 3 pl.aor.med. *apadran*, 2 sg.inj.aor.act. *bhag* — 3 sg.aor.med. *abhakta* и др. Корни, оканчивающиеся на *-ā-*,— а таких немало в этом типе аориста — в ряде случаев имеют чередование типа *ā/i* или *ā/ī*, например: 3 sg.aor.act. *ádāt* — 1 pl.aor.med. *adimahi*, *adīmahi* (ЯВ) от *dā-* 'давать'; 3 sg.aor.act. *ádhāt* — 3 sg.aor.med. *ádhita* от *dhā-* 'класть'; 3 sg.aor.act. *ásthāt* — 3 sg.aor.med. *ásthita* от *sthā-* 'стоять'.

Образцы спряжения — *dā-* 'давать', *kar-* 'делать':

Активный залог

sg.	du.	pl.
1. *ádām*	*ádāva*	*ádāma*
2. *ádās*	*ádātam*	*ádāta*
3. *ádāt*	*ádātām*	*ádur*
1. *ákaram*	*ákarva*	*ákarma*
2. *ákar*	*ákartam*	*ákarta*
3. *ákar*	*ákartām*	*ákran*

Медиальный залог

sg.	du.	pl.
1. *ákri*	*ákṛvahi*	*ákṛmahi*
2. *ákṛthās*	*ákṛtam*	*ákṛdhvam*
3. *ákṛta*	*ákṛtām*	*ákrata*

Глагол *dā-* засвидетельствован в РВ только в аористе активного залога (отдельные формы медиального аориста встречаются позднее). Ни у одного глагола в самхитах реально не засвидетельствована форма 1 du.act. У глаголов на *-ā* этот гласный выпадает в 3 pl.act. перед окончанием *-ur*. Формы 2 и 3 sg.act. у корней, оканчивающихся на согласный, совпадают вследствие упрощения конца слова: 2 sg. *akar*<**akars*, 3 sg. *akar*<**akart*.

Вообще чередование корневого гласного в активной парадигме этого типа аориста отличается некоторой нерегулярностью. Ступень гуна наиболее прочно закреплена за формами единственного числа. Исключение представляет собой только глагол *bhū-* 'быть', сохраняющий *-ū* во всех парадигмах активного залога; перед начальным гласным окончания *-ū*>*-ūv*, как в перфекте, например: 3 sg. *ábhūt* — 1 sg. *ábhūvam*, 3 pl. *ábhūvan*. Засвидетельствована также форма 3 du. *anītām* от *nī-* 'вести' с корневым гласным в слабом звуковом виде.

Ряд корней на дифтонг с носовым имеют и в слабых формах *-aṉ* перед окончаниями, начинающимися с *-v* и *-m*. В остальных слабых формах перед начальным согласным окончания они имеют *-a*, а перед гласным окончания 3 pl. утрачивают корневой гласный, например: 1 du.inj.med. *ganvahi*, 1 pl.aor.med. *áganmahi* — 2 sg.aor.med. *ágathās*, 3 sg.aor.med. *ágata* от *gam-* 'идти'; *ámata* от *man-* 'думать' — 3 pl.aor.act. *ágmaṉ*, 3 pl.aor.med. *ágmata*; *átnata* от *taṉ-* 'тянуть'. Ср., однако, формы 1 и 3 sg.aor.med. *ájani* от *jaṉ-* 'рождать', 3 sg.inj.med. *vaṉta* от *vaṉ-* 'желать'. У корня *ar-* 'приводить в движение' имеет место гуна в ряде засвидетельствованных слабых форм: 3 sg.aor.med. *ārta*, inj.med. *arta*, 3 pl.aor.med. *árata*. У корня *ghas-* 'пожирать' корень с нулевой ступенью гласного подвергается фонетическим изменениям: 3 pl.act. *ákṣaṉ* (<*a*+*ghs*+*aṉ*), 3 sg.inj.med. *gdha* (<*ghs-ta*).

В формах 2 и 3 sg.act. имеют место сандхи конца слова. Конечная палатальная согласная корня бывает представлена гуттуральной или церебральной, например: 3 sg.aor. *ámok* (<*a*+*moc*+*t*) от *muc-* 'освобождать', 3 sg.inj.act. *vark* (<*varj*+*t*) от *vṛj-* 'повергать ниц' или 2 sg.aor. *áṛaṭ* (<*a*+*naç*+*s* с удлинением аугмента) и 3 sg.inj. *nak* от *naç-* 'достигать', 3 sg.aor. *ábhrāṭ* (<*a*+*bhrāj*+*t*) от *bhrāj-* 'блестеть'.

Корни с начальным звонким смычным, оканчивающиеся на звонкую придыхательную, в абсолютном исходе и перед окончанием на *t-* переносят придыхание на начальный согласный, например: 2 sg.inj. *dhak* (<*dagh-s*), 3 sg.inj. *dhak* (<*dagh*+*t*), 2 du.inj. *dhaktam* от *dagh-* 'достигать'.

В связи с тем, что в конце слова запрещались сочетания согласных, кроме редких групп «плавный сонорный+шумный смычный» (*vark* от *vṛj-*, 3 sg. *avart* от *vṛt-* 'вертеться'), при упрощении групп согласных у корней с двумя конечными согласными исчезает второй согласный, например: 3 sg. *akran* (<*a*+*krand-t*) от *krand-* 'ржать', 3 sg. *askan* (<*a*+*skand*+*t*) от *skand-* 'прыгать' и т. п.

Наконец, засвидетельствована гаплологическая форма 1 sg. aor.act. *vam* (<**varam*) от *var-* 'покрывать' по аналогии с формами 2, 3 sg. *var*.

У корней, оканчивающихся на согласный, формы 2, 3 sg. неясны по своей структуре и семантике. Дело в том, что они сходны с соответствующими формами аориста на *-s-*, тоже подвергающимися аналогичным фонетическим изменениям. Критерием для различения форм этих двух типов аориста служит ступень корневого гласного: гуна в корневом аористе, вриддхи в аористе на *-s-*, например: *akran* — корневой аорист, *akrān* (<*a*+*krānd*+*s*+*s* или *a*+*krānd*+*s*+*t*) — сигматический.

Еще более сложной представляется интерпретация форм 2 и 3 sg.aor.med. от корней, оканчивающихся на смычный неносовой согласный, типа 2 sg.inj.med. *nutthās* от *nud-* 'толкать', *vikthās* от *vij-* 'отпрянуть', 3 sg.aor.med. *ásṛṣṭa* от *sṛj-* 'выпускать', 'выливать' и т. п. Теоретически такие формы могут восходить также к аористу на *-s-*, т. е. *nutthās*<*nud*+*thās* и *nud*+*s*+*thās*, *asṛṣṭa*<*a*+*sṛj*+*ta* и *a*+*sṛj*+*s*+*ta*. В каждом отдельном случае критерием здесь может служить только вся система форм данного глагола. Таким образом, *nutthās* и *vikthās* — корневые аористы, так как форм аориста на *-s-* от этих глаголов нет, *asṛṣṭa* может принадлежать и к корневой, и к сигматической парадигме, потому что у глагола *sṛj-* засвидетельствованы другие формы корневого и сигматического типа, а *abhakta* от глагола *bhaj-* 'наделять' — сигматическая, поскольку корневых форм аориста у этого глагола нет.

В целом корневой аорист весьма близок по своей структуре к имперфекту корневого типа. У неизменяемых корней парадигма та же, что и в имперфекте, если не считать небольших различий в вариантах флексии, в аористе отдается предпочтение в 3 pl.act. *-ur*, хотя *-an* тоже употребляется, а в 3 pl.med. — *-ran*/*-ram* и *-ata*. Самым распространенным окончанием здесь является *-ran*, например: *ádṛçran* от *dṛç-* 'видеть', *áyujran* от *yuj-* 'запрягать', *ásṛgran* от *sṛj-* 'выпускать' (форма с меной гуттурального — палатального согласных) и др. Вариант *-ram* встречается редко: *ádṛçram*, *ábudhram* от *budh-* 'пробуждаться', *ásṛgram*. У чередующихся корней различия более существенны, так как отличаются друг от друга схемы чере-

дования: в аористе активному залогу без 3 pl. противостоит вся остальная парадигма, в имперфекте единственному числу активного залога противостоит остальная часть парадигмы, т. е. двойственное и множественное число активного залога и весь медиальный.

Корневой аорист так же, как и корневой презенс, обладает разнообразными модальными формами. Наиболее многочисленны формы субъюнктива со вторичными окончаниями. У корней с чередованием гласного в субъюнктиве обычно бывает представлена ступень гуна, например: *kárat*, *párcas*, *çrávat*. Структурно формы субъюнктива часто плохо отграничены от тематических форм инъюнктива. Достаточно употребительны также формы инъюнктива, часть которых является предельно краткими, односложными словами, как 2 sg. *jes* от *ji-* 'побеждать', *rok* от *ruj-* 'ломать', 2, 3 sg. *kar* от *kar-* 'делать', 3 pl. *dur* от *dā-* 'давать', *dhur* от *dhā-* 'класть'.

Оптатив от корневого аориста (прекатив здесь не принимается во внимание) также засвидетельствован несколькими десятками форм. Суффикс оптатива *-yā́-/-ī-* чередуется в сильных и слабых формах, например: 1 sg.act. *açyā́m* — 3 pl.act. *açyúr*, 1 sg.med. *açīyá*, 1 pl.med. *açīmáhi* от *aç-* 'достигать'. Корни на *-ā* перед суффиксом оптатива меняют *-ā* на *-e*, например: 2 sg.act. *jñeyā́s* от *jñā-* 'знать', 1 pl.opt.act. *stheyā́ma* от *sthā-* 'стоять'.

Формы императива от основы аориста приближаются по числу к формам субъюнктива. Окончание 1 sg.act.— обычно *-dhi*, но *á gahi* от *ā+gā-* 'приходить' с сокращением корневого гласного. У корней, оканчивающихся на согласный, перед согласными окончаниями действуют обычные правила внутренних сандхи, в частности упрощение групп согласных, например: 2 sg.act. *yódhi* (<*yodh+dhi*) от *yudh-* 'бороться', 2 pl.act. *varta* (<*vart+ta*) от *vṛt-* 'вертеться'. Форма 2 sg.act. *bodhí* является императивом одновременно от двух глаголов: *budh-* (из *bodh+dhi*) и *bhū-* (из *bhɔ+dhi*). Ступень гуна встречается в формах 1-го лица, особенно часто во множественном числе. Вообще императив корневого аориста обнаруживает много отклонений от нормы и в отношении ступени корневого гласного, и в отношении ударения.

Активные причастия данного типа весьма редки, медиальные встречаются гораздо чаще. Как правило, они бывают окситонированы, но возможны и акцентные варианты, например: *dṛçānā́-* и *dṕçāna-* от *dṛç-* 'видеть'.

Уже в РВ засвидетельствовано немало случаев тематизации корневого аориста. Она заключается в проникновении тематического гласного за пределы форм 1 sg.act. с окончанием *-am* или 3 pl.act. с окончанием *-an*, например: 3 sg. *ákaṛat* (наряду с *ákar*) по аналогии с 1 sg. *ákaram* от *kar-*. Существенную роль в процессе тематизации сыграло, видимо, наличие тематических форм субъюнктива. У некоторых корней на *-ā* тематизация происходила за счет сокращения корневого гласного, например: *ā́dat* от *ā́+dā*, *dhat* от *dhā-*.

Более половины корней, образующих в РВ формы по данному типу аориста, имеют параллельные основы других структурных типов. Особенно часто сосуществуют формы корневого аориста и аориста на *-s-*. Еще Мейе отметил здесь тенденцию к дополнительному распределению: форме на *-s-* отдается предпочтение, когда окончание начинается с гласного. В результате этого формы на *-s-* преобладают в медиальном залоге индикатива и в субъюнктиве. Среди тех форм, где *-s-* стоит перед согласным, большинство — тоже медиальные. Видимо, этот формальный элемент стал ассоциироваться с медиальным залогом вообще.

Нередко встречаются у одного глагола простой корневой аорист и аорист на *-iṣ-*. Первый имеет сравнительно полную парадигму, второй обычно бывает представлен отдельными формами — как отмечалось исследователями, чаще с окончаниями, начинающимися с дентального. Здесь можно наблюдать черты супплетивизма: 1 sg.med. и 3 pl.med. всегда бывают корневыми, и аорист на *-iṣ-* у таких глаголов их никогда не образует. Императив хорошо засвидетельствован у корневого аориста, а у аориста на *-iṣ-* почти не встречается. Оптатив если и встречается у таких глаголов в аористе на *-iṣ-*, то только в медиальном залоге.

Подобный супплетивизм приводит к постепенному вытеснению корневого атематического аориста.

Корневой тематический аорист (2-й класс) образуется в РВ более чем от 30-ти глаголов, в АВ их число возрастает. Его парадигма целиком совпадает с парадигмой имперфекта глаголов VI класса: корневой гласный в слабом звуковом виде, ударение на тематическом гласном (здесь оно реализуется лишь в модальных формах), а у группы корней определенной структуры — с имперфектом глаголов I класса: корневой гласный в ступени гуна под ударением, основа тематическая.

Этот тип аориста образуют преимущественно корни, оканчивающиеся на согласный. В качестве корневого гласного выступают обычно *-i-*, *-u-*, *-ṛ-*, например: *chid-* 'отрезать', *bhid-* 'ломать', *sic-* 'поливать', *druh-* 'обманывать', *muc-* 'освобождать', *yuj-* 'запрягать', *kṛt-* 'резать', *tṛp-* 'насыщаться', *vṛdh-* 'возрастать' и др. У корней этой структуры корневой гласный всегда бывает в основе аориста в слабом звуковом виде, а ударение в модальных формах падает на тематический гласный: *ásicat*, 1opt.aor.act. *vidéyam*, 2du.iv.act. *ruhátam*.

Небольшая группа корней оканчивается на дифтонг с плавным или носовым сонантом: *ar-* 'приводить в движение', *kar-* 'делать', *sar-* 'течь', *tan-* 'тянуть', *san-* 'добывать', *gam-* 'идти',

çram- 'уставать' и др. (принадлежность к тематическому аористу основ от корней данной структуры часто бывает весьма проблематичной). У этих корней корневой гласный бывает представлен ступенью гуна, и в модальных формах на него падает ударение: *ákarat*, 2 sg.iv.act. *sára*, 1 pl.opt.act. *saṅéma*.

Корни с конечным *-i*, *-u* и с интерконсонантным *-a-* почти не встречаются в этом типе аориста (есть отдельные недостоверные формы).

От некоторых корней на *-ā* в данный тип перешли отдельные формы в результате тематизации (см. с. 328). Корень *çās-* 'обучать' представлен в основе данного аориста вариантом *çis-* — 3 sg.inj. *çíṣat*.

Образец спряжения — *vid-* 'находить' (pr. *vindáti*):

Активный залог

sg.	du.	pl.
1. *ávidam*	*ávidāva*	*ávidāma*
2. *ávidas*	*ávidatam*	*ávidata*
3. *ávidat*	*ávidatām*	*ávidan*

Медиальный залог

1. *ávide*	*ávidāvahi*	*ávidāmahi*
2. *ávidathās*	*ávidethām*	*ávidadhvam*
3. *ávidata*	*ávidetām*	*ávidanta*

Такова теоретически полная парадигма. Реально в самхитах в большинстве случаев парадигма индикатива оказывается фикцией. Более или менее полно в РВ представлены в активном залоге индикатива только глаголы *khyā-* 'смотреть', *bhū-* 'быть', *vid-* 'находить', *san-* 'добывать' и *sar-* 'течь'. Медиальный залог от основ этого типа засвидетельствован очень слабо. У многих глаголов в РВ этот аорист представлен формами 1-го лица оптатива на *-eyam*, *-ema* и безаугментными формами на *-as*, *-at*, *-an* (они могут также быть субъюнктивом от аориста 1). При этом надо иметь в виду, что оптатив иногда имеет свою основу, не совпадающую с основой какого-либо времени.

Модальные формы у этого типа аориста тоже немногочисленны. Кроме упомянутых форм оптатива встречается еще инъюнктив. Субъюнктив и императив редки. Немногочисленны и иногда не вполне достоверны также причастия от этих основ, активные и медиальные.

В целом в РВ зафиксировано начало становления тематического аориста (ср. сходное положение с презентным типом *tudáti*). Начиная с АВ, число корней, образующих этот аорист, и количество форм неуклонно возрастает.

Редуплицированный аорист (3-й класс) образуется в ведийском языке приблизительно от 90 корней. Этот тип основ встречается у корней любой структуры. Как правило, основы редуплицированного аориста тематические, но употребляются также и отдельные атематические формы.

Редупликация в аористе бывает неполной, гласный удвоения — большей частью тембра *-i-* (у корней на *i*, *a*, *ṛ*), *-u-* лишь у корней на этот гласный. Гласный удвоения *-a-* засвидетельствован у очень небольшого числа корней.

Общие правила редупликации действительны и для редуплицированного аориста, притом что он обладает одной специфической особенностью. Основам данного типа свойственна определенная ритмическая структура: в этих четырехсложных формах должен быть обязательный контраст между долгим гласным слога редупликации и легким корневым слогом. Из этой главной тенденции вытекают частные правила. Если корень начинается одним согласным, гласный удвоения бывает *-ī-* или *-ū-* от корней на *-u-*, например: *naç-* 'исчезать' — *ánīnaçat*, *par-* 'перевозить' — *ápīparat*, *budh-* 'пробуждать(ся)' — *ábūbudhat*, *çri-* 'опираться' — *áçīçret* и т. д. Если корень начинается с двух согласных, то удлинения гласного не происходит, например: *cyu-* 'сотрясать(ся)' — *ácucyavat*, *çnath-* 'просверливать' — *áçiçnat*, *svap-* 'спать' — *siṣvap*. Если корень является тяжелым слогом (т. е. кончается на долгий гласный + согласный или на краткий гласный + два согласных), возможны два варианта: а) корень не изменяется и гласный удвоения не удлиняется, например: *dāç-* 'почитать' — *dádāçat*, *dhāv-* 'бежать' — *adadhāvat*; б) корень изменяется, становясь легким слогом за счет сокращения корневого гласного или опущения одного согласного, и гласный удвоения удлиняется, например: *vāç-* 'реветь', 'мычать' — *ávīvaçat*, *sádh-* 'достигать цели' — *sīṣadhas*, *krand-* 'ржать' — *ácikradat*, *sraṃs-* 'падать' — *asisrasat*.

Ударение падает в принципе на слог удвоения, но встречаются также формы с ударением на корневом гласном.

Ступень корневого гласного задается ритмом данного образования: как правило, он бывает в слабой ступени в закрытом слоге и в ступени гуна в открытом слоге, например: *riṣ-* 'вредить', *rīriṣat*, но *prī-* 'нравиться', *apiprayan* или *dhar-* 'держать', *adīdharat*.

Образец спряжения — *jan-* 'рождать':

Активный залог

sg.	du.	pl.
1. *ájījanam*	*ájījanāva*	*ájījanāma*
2. *ájījanas*	*ájījanatam*	*ájījanata*
3. *ájījanat*	*ájījanatām*	*ájījanan*

Медиальный залог

sg.	du.	pl.
1. *ájījane*	*ájījanāvahi*	*ájījanāmahi*
2. *ájījanathas*	*ájījanethām*	*ájījanadhvam*
3. *ájījanata*	*ájījanetām*	*ájījananta*

Из этой теоретической парадигмы реально в самхитах не засвидетельствована форма 1, 2 du.med. и 1 du.act. Медиальный залог у этого типа аориста представлен в текстах очень слабо.

Атематическое спряжение в этом классе аориста представлено отдельными формами 2, 3 sg.act. и 3 pl.act., а также соответствующими формами инъюнктива, например: 2 sg.act. *ájīgar* от *gir-* 'глотать', 3 sg.act. *apīpot* от *pī-* 'очищать', 3 pl.act. *açuçravur* от *çru-* и др. В 3 pl. перед гласным окончания конечный корневой гласный бывает в ступени гуна.

У нескольких тематических аористов с редупликацией *-a* имеет место ноль корневого гласного: *apaptat* от *pat-* 'летать', *avocat* (существует *vocati*) от *vac-* 'говорить' и *aṛeçat* (ср. слабые формы перфекта) от *naç-* 'исчезать'.

У корня *dyut-* 'сверкать' редупликация, вопреки правилу на *-i-*, а не на *-u-*: *ádidyutat*.

Несколько редуплицированных аористов образованы от формы корня с конечным *-p*, извлеченным из каузативной основы. Корни на *-ā* меняют при этом *-ā* на *-i-*: *ájijñipat* (caus. *jñāpáyati*) от *jñā-* 'знать', *átiṣṭhipat* (caus. *sthāpáyati*) от *sthā-* 'стоять', *jīhipas* от *hā-* 'оставлять', 'покидать'.

Редуплицированные аористы принято считать каузативными по значению и связывать их в одну систему с каузативными презенсами на *-áya-*. Структурно это совершенно различные образования (как уже говорилось, *-p-* в корне из каузатива прослеживается всего у нескольких корней). Семантически эта связь, судя по всему, тоже вторична. Аористы с редупликацией на *-i-* имеют фактитивно-переходное значение. Как отмечалось в научной литературе, в случае переходных глаголов их можно рассматривать как каузативы только к соответствующим непереходным презенсам, и они ничем не отличаются по грамматической семантике от презентных форм с переходным значением. Ср., например, от глагола *jan-* 'рождать(ся)' значение активного имперфекта *ájanat* 'он породил' (презенс *jánati*), имперфекта каузатива *ájanayat* (презенс *janáyati*), редуплицированного аориста *ajījanat*, и медиального имперфекта *ájāyata* 'он родился' (презенс *jā́yate*); *indro... ajanad... sū́ryam...* (III, 31,15) 'Индра породил солнце', *ájanayat sū́ryaṃ* (II, 19,3) 'Он породил солнце', *çukrám jyótir ajījanat* (IX, 66,24) 'Он породил сверкающее светило' и *cákṣoḥ sū́ryo ajāyata* (X, 90,13) 'Из глаза родилось солнце'.

Редуплицированные аористы с удвоением на *-a-* имеют большей частью непереходное, слабо интенсивное значение. Ср., например, основы разных типов удвоения от глагола *vṛt-* 'вертеть(ся)': *imé jīvā́ví mṛtair ávavṛtran* (X, 18,3) 'Эти живые отделились от мертвых' и *abhí tvā devā́ḥ savitā́bhí sómo avīvṛtat* (X, 174,3) 'Тебя выдвинул бог Савитар, тебя Сома выдвинул'.

Аорист на *-s-* (4-й класс) образуется в ведийском языке более чем от 100 корней. Среди них существенно преобладают легкие корни, корни анит, хотя тяжелые корни и корни сет тоже представлены (как известно из диахронических исследований, первоначальному распределению аористов на *-s-* и *-iṣ-* соответствовало разделение корней на анит и сет).

Характерной приметой этого класса аориста является элемент *-s-*, находящийся между корнем и окончанием. Аорист на *-s-* является атематическим, и ему свойственно чередование гласных в корне. Это чередование в отличие от презентных основ происходит между активной и медиальной парадигмой.

В активном залоге аориста на *-s-* корни выступают в ступени вриддхи. В медиальном залоге корни с серединным гласным, подверженным чередованию, имеют слабую ступень, с конечным гласным *-i*, *-u*, *-ṛ* — ступень гуна. Вот некоторые примеры: *araikṣ-/arikṣ-* от *ric-* 'оставлять', *arauts-/aruts-* от *rudh-* 'препятствовать', *asrākṣ-/asṛkṣ-* от *sṛj-* 'выпускать течь' или *ajaiṣ-/ajeṣ-* от *ji-* 'побеждать', *astauṣ-/astoṣ* от *stu-* 'восхвалять', *ahārṣ-/ahṛṣ-* от *har-* 'держать'. Корням на *-a-* свойственно чередование типа *-ā-/-a-*, например: *atāps-/ataps-* от *tap-* 'жечь', 'мучить', *abhākṣ-/abhakṣ-* от *bhaj-* 'наделять'.

Корни на дифтонг с носовым *-an*, *-am* в сильных формах всегда имеют вриддхи: 2, 3 sg.act. *atān* от *tan-* 'тянуть', 2, 3 sg.act. *ayān* от *yam-* 'обуздывать', а в слабых формах у них возможны два решения: гуна, как в 3 pl.med. *ámaṃsata* от *man-*, 1 pl.opt.med. *vaṃsīmáhi* от *van-* 'желать', или слабая ступень, как в 1 pl.med. *ágasmahi* от *gam-*, 1 sg.opt.med. *masīyá* от *man-*, 1 pl.opt.med. *vasīmáhi* от *van-* 'желать'. Корни 1. *dā-* 'давать' и 2. *dā-* 'резать' следуют типу чередования *-ā-/-i-*, например: 3 sg.subj.aor. *dāsát-* — 1 sg.opt.med. *diṣīya* от 1. *dā-*.

У корня *sah-* 'одолевать' в данном типе аориста во всех формах встречается ступень вриддхи, например: 1 sg.med. *asākṣi*, 1 sg.opt.med. *sākṣīyá* и др.

Образцы спряжения — *bhar-* 'нести' (act.), *stu-* 'восхвалять' (med.):

Активный залог

sg.	du.	pl.
1. *ábhārṣam*	*ábhārṣva*	*ábhārṣma*
2. *ábhār*	*ábhārṣṭam*	*ábhārṣṭa*
3. *ábhār*	*ábhārṣṭām*	*ábhārṣur*

Медиальный залог

sg.	du.	pl.
1. *ástoṣi*	*ástoṣvahi*	*ástoṣmahi*
2. *ástoṣṭhās*	*ástoṣāthām*	*ástoḍhvam*
3. *ástoṣṭa*	*ástoṣātām*	*ástoṣata*

В реально засвидетельствованной в РВ парадигме медиальные формы представлены гораздо полнее, чем активные (и в этом отличие аориста 4-го класса от других типов аориста). Особенно многочисленны те медиальные формы, где *-s-* находится перед гласным окончанием.

Формы 2, 3 sg.act. у корней оканчивающихся на согласный, в этом типе аориста регулярно совпадают вследствие упрощения конечной группы согласных (2 sg. *abhār<a-bhār-s-s*, 3 sg. *abhār<a-bhār-s-t*). Фонетической нормой является утрата морфологической ясности окончания в этих формах. У корней с конечным гласным утрачивается окончание *-s* или *-t*, а показатель аориста *-s-* остается, например: *ájais* от *ji-* 'побеждать', *áprās* от *prā-* 'наполнять', *áhās* от *hā-* 'оставлять'. У корней с конечным согласным исчезают согласный окончания и *-s-* аориста, например: *ácait* от *cit-* 'замечать', *átān* от *tan-* 'простираться', *áhār* от *har-* 'держать'. Фонетические изменения у этих корней затрагивают также конечный согласный корня, а из двух конечных корневых согласных последний исчезает, например: *áyān* от *yam-* 'обуздывать', *áprāṭ* от *prach-* 'спрашивать', *ádhāk* ит *dah-* 'сжигать', *ávāṭ* от *vah-* 'везти', *ásrāk* от *sṛj-* 'выпускать течь', или *ákrān* от *krand-* 'ржать', *ásyān* от *syand-* 'течь' и др.

В ведах встречается несколько случаев, когда в формах 2, 3 sg.act. сохранено окончание, иногда за счет конечного согласного корня, например: 2 sg. *áyās* от *yaj-* 'жертвовать' (РВ) (2 sg.inj. *yāṭ*, 3 sg.aor. *ayāṭ*), *açrait* от *çri-* 'опираться', 2 sg.inj. *srās* от *sṛj-*, 3 sg. *áhait* от *hi-* 'гнать'. Корень *vas-* 'сиять' образует 3 sg.aor.act. *ávāt* (*<a+vās+s+t*).

В дальнейшем развитии языка, чтобы избежать этих морфологически неясных форм, перед окончанием вставляется *-ī-*: 2 sg. *-īs*, 3 sg. *-īt* (ср. impf. *abravīt* и aor. на *-iṣ — akramīt*).

У корней, оканчивающихся на шумный согласный, перед окончаниями, начинающимися с этих согласных, в результате внутренних сандхи возникают морфологически неясные формы 2 и 3 sg.med. типа *ábhakthās*, *ábhakta* от *bhaj-*, которые фонетически могут одновременно интерпретироваться и как корневые, и как сигматические (см. с. 327).

В форме 2 pl.med. *ástoḍhvam* от *stu-* церебрализация *-ḍh-* вызвана озвончением и выпадением показателя аориста *-s-*.

В этом типе аориста окончание 3 pl.act. *-ur*, 3 pl.med. *-ata*.

Модальные формы от данного типа аориста весьма неравномерно распределены по наклонениям. Они могут быть иногда самостоятельными с точки зрения ступени чередования корневого гласного.

Инъюнктив достаточно употребителен. В 1 sg.act., видимо, под влиянием субъюнктива вместо ожидаемой ступени вриддхи всегда бывает ступень гуна, например: *jéṣam* от *ji-* 'побеждать', *stóṣam* от *stu-*, а у *yu-* 'отделять' — удлинение гласного: *yūṣam*. У *ji-* эта же ступень засвидетельствована в 1 pl.act. *jeṣma*.

От корней на *-a* засвидетельствованы формы инъюнктива с вокализмом *-e-*, например: 1 pl.act. *jñeṣma* от *jña-* 'знать', *deṣma* от *dā-* 'давать', 1 sg.act. *yeṣam* от *-yā-* 'идти', 3 pl.act. *stheṣur* от *sthā-* 'стоять' и др.

Оптатив от основ аориста на *-s-* возможен только в медиальном залоге, причем формы 2, 3 sg. почти всегда принадлежат прекативу, т. е. имеют *-s-* в суффиксе, напоимер: 1 sg.opt. med. *masīyá* — 3 sg.opt.med. *maṃsīṣṭa* от *man-* 'думать'.

Субъюнктив встречается достаточно часто. В РВ явно преобладают формы активного залога. Ступень корневого гласного гуна во всей парадигме, ударение на корне. Весьма употребительны первичные окончания. Вторичные окончания принадлежат только активному залогу. Вот некоторые примеры: 1 sg.act. *stoṣāni* от *stu-*; 3 sg. *neṣati*, *néṣat*, 2 pl. *neṣatha* от *nī-* 'вести'; 2 sg.med. *máṃsase*, 3 sg. *máṃsate*, 3 pl. *máṃsante* от *man-* 'думать' и др.

Императив от данного типа основ встречается в единичных случаях. Столь же редки причастия, причем те несколько, которые употребляются, имеют суффикс активного залога: *dákṣai-* и *dhákṣat* от *dah-* 'сжигать', *sákṣat-* от *sah-* 'осиливать'.

Более $^3/_4$ глагольных корней, образующих в РВ аорист на *-s-*, обладают параллельными основами аориста других структурных типов. Особенно часто аорист на *-s-* сочетается с простым корневым аористом, причем между формами этих двух аористов существует, как говорилось ранее (см. с. 329), отношение дополнительного распределения. В результате этой тенденции у таких многоосновных глаголов в индикативе медиальная парадигма лучше представлена у аориста 4-го класса, чем у аориста 1-го класса, субъюнктив чаще образуется от основы аориста 4-го класса, императив и активный оптатив — от аориста 1-го класса, медиальный оптатив — от аориста 4-го.

Ряд глаголов РВ сочетают в своей парадигме аористы на *-s-* и на *-iṣ-*. У легких корней обычно полнее засвидетельствован аорист 4-го класса, а аорист 5-го класса представлен отдельными формами, у тяжелых корней — наоборот, но есть и отклонения от этой тенденции.

Аорист на *-iṣ-* (5-й класс) образуется в ведийском языке приблизительно от 120 глаголов. По употребительности он занимает следующее место после аориста 1-го класса. Это един-

ственный тип аориста, встречающийся у производных (деноминативных) «корней».

Данный тип аориста образуют преимущественно тяжелые корни, сет, но ввиду его распространенности также встречаются корни и иной структуры. Среди многочисленных корней, оканчивающихся на согласный, выделяется большая группа корней на придыхательный (среди корней, образующих аорист 4-го класса, был только один корень *budh-*), нет корней на *-ā* (они образуют аорист 4-го класса).

Аорист на *-iṣ-* является атематическим образованием, тем не менее чередование гласных не имеет здесь регулярного и системного характера, как у аориста на *-s-*.

Общие правила, описывающие ступень корневого гласного, таковы. У корней, оканчивающихся на согласный и обладающих корневым гласным *-i-*, *-u-*, *-ṛ-*, в активном и медиальном залогах бывает ступень гуна. У корней, оканчивающихся на гласный, в активном залоге имеет место ступень вриддхи, в медиальном — ступень гуна. Корни с интерконсонантным *-a-* иногда удлиняют его в активном залоге, иногда нет. Вот некоторые примеры: 3 pl.act. *apāviṣus* — 3 sg.inj.med. *paviṣṭa* от *pū-* 'очищать', 1 sg.act. *asāniṣam* — 3 pl.inj.med. *sanişanta* от *san-* 'добывать', 3 pl.inj. *jāriṣus* от *jar-(jṛ-)* 'дряхлеть', 3 sg.inj. *pāriṣat* от *par-(pṛ-)* 'перевозить' и др., но 3 sg.inj.act. *veçīt* от *viç-* 'входить', 2 sg.inj. *yodhīs*, 2 du.iv.act. *yodhiṣṭam* от *yudh-* 'бороться', 2 sg.inj.act. *mardhīs*, 2 du.iv.act. *mardhiṣṭam* от *mṛdh-* 'бросать', 'пренебрегать', 3 du.iv.act. *jániṣṭām*, 3 sg.aor.med. *ájaniṣṭa* от *jan-* 'рождать(ся)' и др.

Для данного типа аориста специфичны формы 2, 3 sg.act. на *-īs*, *-īt* (теоретически восходящие к *-iṣ-s* и *-iṣ-t*, но фонетически трудно объяснимые).

Ударение в модальных формах бывает, как правило, на корневом гласном.

Образец спряжения — *kram-* 'ступать':

Активный залог

sg.	du.	pl.
1. *ákramiṣam*	*ákramiṣva*	*ákramiṣma*
2. *ákramīs*	*ákramiṣṭam*	*ákramiṣṭa*
3. *ákramīt*	*ákramiṣṭām*	*ákramiṣur*

Медиальный залог

1. *ákramiṣi*	*ákramiṣvahi*	*ákramiṣmahi*
2. *ákramiṣṭhās*	*ákramiṣāthām*	*ákramiḍhvam*
3. *ákramiṣṭa*	*ákramiṣātām*	*ákramiṣata*

У глагола *kram-* встречается еще форма 1 sg.act. *akramīm*, образованная по аналогии с соответствующими формами 2-го, 3-го лица; ср. также *ágrabhīm* от *grabh-* 'хватать' и *avadhīm*,

vadhīm от *vadh-* 'убивать'. Кстати, корень *grabh-* имеет долгий соединительный гласный во всей парадигме — ср. 1 pl.aor.act. *agrabhīṣma*. Начальный согласный в окончании 2 pl. *-dhvam* под влиянием предшествовавшего *-s-*, который выпал, подвергшись озвончению, церебрализируется. Другой фонетический рефлекс засвидетельствован в форме 2 sg.iv.act. на *-dhi* в *aviḍḍhi* (<*av+iṣ+dhi*) от *av-* 'помогать'.

В нескольких слабых формах корневой гласный представлен слабой или нулевой ступенью вместо обычной ступени гуна. Это 1 sg.aor.med. *gmiṣīyá* от *gam-* 'идти', *ruciṣīyá* от *ruc-* 'сиять' и 2 sg.inj.med. *nudiṣṭhās* от *nud-* 'толкать'.

К аористу на *-iṣ-* на основании ступени корневого гласного вриддхи относят отдельные формы сет без *-s-*, а именно: 1 pl.act. *atārima* (РВ) от *tar-* 'пересекать' и 3 pl.med. *avādiran* (АВ) от *vad-* 'говорить'.

Реальная парадигма аориста 5-го класса сильно отличается от теоретически максимальной парадигмы. Как неоднократно отмечалось исследователями, лишь немногие глаголы имеют одновременно формы и активного, и медиального залогов. Активная парадигма вообще представлена гораздо полнее. В медиальной употребляются фактически формы с окончанием на зубной согласный: 2 sg. на *-iṣṭhās*, 3 sg. на *-iṣṭa*.

Из модальных форм с основой аориста на *-iṣ-* особенно часто встречаются инъюнктивы, особенно в активном залоге. Субъюнктив представлен совсем незначительным количеством форм с первичными окончаниями — только в 1-м лице (именно этот тип субъюнктива широко распространен с основами аориста на *-s-*). Наиболее употребительны формы 2, 3 sg.act. на *-iṣas*, *-iṣat*. Оптатив же засвидетельствован только в медиальном залоге, при этом формы 2, 3 sg. всегда имеют прекативное *-s-* в суффиксе. Формы императива — встречаются только в активном залоге — очень редки.

Аорист 5-го класса гораздо реже сочетается у одного глагола с другими типами аористических основ, чем аорист 4-го. Чаще всего он сочетается с аористом 1-го класса, образуя с ним в индикативе супплетивную парадигму. Более чем в половине всех случаев аорист 5-го класса является единственной основой аориста.

Аорист на *-siṣ-* (6-й класс) является результатом контаминации аористов на *-s-* и на *-iṣ-*. Парадигма ничем не отличается от аориста на *-iṣ-*. Образуется от нескольких корней на *-ā-* и на носовой согласный. В РВ формы этого аориста засвидетельствованы у двух глаголов: *gā-* 'идти', 3 pl.act. *agāsiṣur*, 3 sg.subj. *gāsiṣat*; *yā-* id., 1 sg.act. *-ayāsiṣam*, 2 pl.act. *ayāsiṣṭa*, 3 pl.act. *ayāsiṣur*, 2 du.iv.act. *yāsiṣṭam*, 2 pl.iv.act. *yāsīṣṭa* (с долгим гласным в суффиксе), 3 sg.subj.act. *yāsiṣat*, 2 sg.opt.med. *yāsiṣīṣṭhās*. В АВ встречаются формы еще от нескольких глаголов: *pyā-* 'набухать', *hā-* 'покидать', *van-* 'желать'.

Медиальный залог представлен только в оптативе. Все остальные формы принадлежат активному залогу.

Все те глаголы, от которых засвидетельствованы формы аориста на *-siṣ-*, имеют, кроме того, параллельную основу аориста на *-s-*.

Аорист на *-sa-* (7-й класс) для периода самхит является пробным образованием, имеющим неполную парадигму. В РВ он засвидетельствован с той или иной степенью достоверности менее, чем от 10 корней, всего в самхитах — не более, чем от 15 корней.

Аорист 7-го класса образуется от корней, оканчивающихся на шумный смычный согласный или на *-h*. Корневой гласный бывает *-i-*, *-u-*, *-ṛ-*, но не *-a-*. Корневой гласный представлен слабым звуковым видом, а ударение — оно засвидетельствовано модальными формами — падает на суффикс (ср. имперфекты класса VI презенса).

По правилам сандхи, конечный согласный корня, соединяясь с *-sa-*, дает *-kṣa-*, являющееся приметой аориста 7-го класса: *krukṣá-* от *kruç-* 'кричать', *ghukṣá-* от *guh-* 'скрывать' (с переносом придыхания на начальный согласный корня), *dhukṣá-* (сандхи то же) от *duh-* 'доить', *dvikṣá-* от *dviṣ-* 'ненавидеть', *mṛkṣá-* от *mṛj-* 'стирать', *yakṣá-* от *yaj-* 'жертвовать', *vṛkṣá-* от *vṛj-* 'повергать ниц', *spṛkṣá-* от *spṛç-* 'трогать'.

Аорист на *-sa-* следует в спряжении обычному тематическому типу. Реальная парадигма очень неполная. В индикативе не встречается двойственного числа. В медиальном залоге засвидетельствована только форма 3 sg. и pl.

В РВ этот тип аориста лучше всего засвидетельствован у глагола *duh-*, имеющего два фонетических варианта основы: *adhukṣa-* и *adukṣa-*. Представлены следующие формы: 2 sg.inj. act. *dukṣás*, 3 sg.aor.act. *ádhukṣat*, *adukṣat*, 3 pl.aor.act. *ádhukṣan*, inj. *dhukṣán*, 3 sg.aor.med. *ádhukṣata*, inj. *dhukṣáta*, 3 pl.med. *adhukṣata*, inj. *dhukṣanta*, 2 sg.iv.med. *dhukṣásva*. Форма 3 pl.med. *adhukṣata* могла бы в равной мере принадлежать аористу на *-s-*. Вообще вся парадигма выглядит как отдельные попытки тематизации форм аориста 4-го класса.

Остальные глаголы представлены чаще всего только формой 3 sg.act. Модальные формы с основой данного аориста единичны.

Прекатив — это оптатив от основы аориста, в котором за суффиксом оптатива *-yā́-/-ī-* следует элемент *-s-*. В активном залоге суффикс прекатива присоединяется к основе корневого аориста, в медиальном — к основам сигматического аориста, а также к другим типам основ.

Прекатив в ведах не составляет единой парадигмы, он супплетивен с формами простого аориста от основ оптатива. В медиальном залоге этот супплетивизм выражен более отчетливо. Показатель *-s-* после приметы оптатива встречается только во 2, 3 sg., например, у сигматических основ, 2 sg. *maṃsīṣṭhā́s* от *man-* 'думать', *modiṣīṣṭhā́s* от *mud-* 'радоваться', *yāsiṣīṣṭhā́s* от *yā-* 'идти', 3 sg. *maṃsīṣṭa* от *man-*, *mṛkṣīṣṭa* от *mṛc-* 'вредить', *janiṣīṣṭa* от *jan-* 'рождать'. Практически формы 2, 3 sg.med. без *-s-* не встречаются, кроме одного случая в СВ — *bhakṣīta* от *bhaj-* 'наделять'.

Формы медиального прекатива встречаются от разных основ: перфекты — 2 sg. *sāsahīṣṭhā́s* от *sah-* 'одолевать', корневого аориста — 3 sg. *padīṣṭa* от *pad-* 'падать', *mucīṣṭa* от *muc-* 'освобождать', тематического — *vidéṣṭa* от *vid-* 'находить', редуплицированного — *rīriṣīṣṭa* от *riṣ-* 'вредить'.

В активном залоге формы прекатива употребительны прежде всего во 2, 3 sg., например: 2, 3 sg. *açyās* (<*aç-yā-s-s-* и *aç-yā-s-t*) от *aç-* 'достигать', *gamyā́s* от *gam-* 'идти', *bhūyā́s* от *bhū-* 'быть' и др. Возникновение этих форм можно объяснить аналогией с совпадающими формами 2, 3 sg. в корневом аористе и аористе на *-s-*. Видимо, именно отсюда *-s-* в суффиксе прекатива стало распространяться в формы других лиц активного залога. В РВ засвидетельствованы изолированные формы 1 sg. *bhūyāsam* и 1 pl. *kriyāsma*, в более поздних самхитах — еще 2 du. *bhūyāstam* и 2 pl. *bhūyāsta*. В дальнейшем образуется полная активная парадигма с показателем прекатива — *yās-*, хотя эта разновидность оптатива всегда остается малоупотребительной[3].

СИСТЕМА ПЕРФЕКТА

Перфект в ведийском языке является продуктивным и употребительным образованием, формы которого засвидетельствованы приблизительно от 300 глаголов. Подобно презенсу и аористу, он имеет свою систему модальных форм, а также аугментную основу со вторичными окончаниями — плюсквамперфект. Косвенные наклонения от основы перфекта, однако, гораздо менее многочисленны, чем от основы аориста и тем более презенса, и не всегда отличаются ясной морфологической структурой.

Перфект формально отчетливо противопоставлен презенсу и аористу особой серией личных окончаний в действительном залоге и характерным типом редупликации. Основе перфекта свойственна неполная редупликация при доминирующем гласном удвоения *-a-*. Перфектная основа является атематической.

Корни с неначальным гласным *a*, *ā*, *ṛ* в перфекте всегда имеют в слоге удвоения гласный *-a-*, например: *tap-* 'жечь', 'мучить', *tatā́pa*; *naç-* 'исчезать', *nanā́ça*; *van-* 'желать', *vavā́na*; *pā-* 'пить'; *papaú* (pr. *píbati*); *mā-* 'мерить', 3 sg.med. *mamé*

[3] Об аористе пассива см. ниже, в разделе «Система пассива» (с. 348 сл.).

(pr. *mime*), *rādh-* 'достигать цели', *rarādha*; *sar-* 'течь', 'струиться', *sasā́ra* (pr. *sísarti*); *ṭṛh-* 'разбивать', *tatarha*. Корни на *ĭ*, *ŭ* повторяют этот гласный в слоге удвоения, например: *nī-* 'вести', *ninā́ya*; *ric-* 'освобождать', *riréca*; *ruj-* 'разламывать', *rurója*; *hū-* 'звать', *juhā́va* и т. п. Отклонения от этих правил немногочисленны: *bhū-* 'быть', *babhū́va* и *sū-* 'рождать', *sasū́ve* (но в AB *suṣuvé*). В понятие корней с неначальным *ĭ*, *ŭ* входят также и те корни, у которых соответствующий глайд имеет неслоговую, консонантную форму, а корневой гласный другой, например: *tyaj-* 'отказываться', *tityā́ja*; *cyu-* 'колебаться', 2 sg.med. *cicyuṣé* (наряду с 3 sg.med. *cucyuvé*); *dyut-* 'сверкать', 3 sg.med. *didyute*; *vyac-* 'охватывать', *vivyā́ca*; *vyadh-* 'пронзать', p.pf.act. *vividhvāṃs-*; *svap-* 'спать', 3 pl.act. *suṣupur*.

Аномалией в отношении гласного редупликации является перфектное причастие *vivakvāṃs-* от *vac-* 'говорить', а в отношении согласного редупликации — перфектная основа *jabhár-* от глагола *bhar-* 'нести', засвидетельствованная многими формами в РВ в противоположность изолированной правильной форме 3 sg.med. *babhre* (III, 1,10).

Корни с начальным гласным дают различные рефлексы в слоге удвоения. Корни, начинающиеся с *ă-*, нормально имеют в слоге удвоения *ā* (<*a-* редупликации+*a-* корня), например: *av-* 'помогать', *ā́va*; *aç-* 'есть', *ā́ça*; *as-* 'быть', *ā́sa*; *ah-* 'говорить', *ā́ha* (глагол, у которого нет презенса и парадигма перфекта дефектна); *āp-* 'достигать', *ā́pa*. По этому же типу редуплицируется глагол *ar-/ṛ-* 'приводить в движение' — *āra*.

Группа корней с начальным *a-* и *ṛ-* имеет в слоге удвоения *ān-*, а именно: *a(ṃ)ç-* 'достигать', 3 sg.act. *ānaṃça* и *ānā́ça* (наряду с 3 du.act. *āçatur*, 3 pl.act. *āçur*); *a(ñ)j-* 'намазывать', 3 sg.med. *ānajé*, 3 pl.med. *ānajré*; *a(ṃ)h-/nah-* 'соединять', *anā́ha* (с кратким гласным в слоге удвоения); *arc-/ṛc-* 'воспевать', 3 pl.act. *ānṛcur*, *ardh-/ṛdh-* 'процветать', 3 sg.med. *ānṛdhe*. Высказывалось предположение о том, что от корней, у которых носовой согласный входит в состав корня, он был перенесен по аналогии в некоторые другие корни.

Корни, начинающиеся с *ĭ-*, *ŭ-*, в слабых формах имеют долгий гласный слога удвоения и корневого гласного, а в сильных формах гласный удвоения бывает кратким. В обоих случаях он отделен согласным вариантом соответствующего глайда — *-y-* или *-v-* — от последующего гласного (ступени гуна корневого гласного в сильных формах, гласного окончания — в слабых), например: *i-* 'идти', 2 sg.act. *iyétha*, 3 sg.act. *iyā́ya* — 2 du.act. *īyáthur*, 3 du.act. *īyátur*, 3 pl.act. *īyúr*; *uc-* 'нравиться', 3 sg.act. *uvóca* — 2 sg.med. *ūciṣé* и пр. Исключение — 2 sg.med. *vavákṣe* от *ukṣ-* 'кропить'.

В результате контракции гласного удвоения и корня в слабых формах у корней с начальным долгим гласным возникают

морфологически неясные формы, которые можно интерпретировать и как презенс, и как перфект, например: 1 sg.med. *īḷé* от *īḍ-* 'прославлять'; *īṣé* от *īṣ-* 'убегать', 'избегать'; *ūhé* от *ūh-* 'замечать'. В дальнейшем развитии языка корни именно такой структуры образуют описательный перфект.

Некоторые корни, начинающиеся с *ya-*, *va-* и подверженные чередованию по типу сампрасарана, редуплицируются подобно корням с начальными *i-*, *u-*, например: *yaj-* 'жертвовать', 1, 3 sg.med. *ījé*, 3 pl.med. *ījiré*; *vac-* 'говорить', *uvā́ca*; *vad-* id., 1 pl.med. *ūdima*; *vas-* 'светить', *uvā́sa*; *vas-* 'жить', 3 du.act. *ūṣatur*; *vah-* 'везти', *uvā́ha*.

В ведийском языке широко распространено ритмическое удлинение гласного удвоения в перфекте, если далее следует открытый слог корня, например: *gṛdh-* 'жаждать', 3 pl.act. *jāgṛdhúr*; *ran-* 'нравиться', 1 sg.act. *rāraṇa*; *vas-* 'надевать', 3 sg.med. *vāvase*; *dī-* 'светить', 2 sg.act. *dīdétha*, 3 sg.act. *dīdā́ya*; *dhī-* 'смотреть', 1 sg.act. *dīdhaya*, 1 pl.act. *dīdhima* и др. Эта тенденция, правда, проводится весьма непоследовательно — ср. *kar-* 'делать', 1 sg.act. *cakā́ra* и т. п., с одной стороны, и *nam-* 'кланяться', 3 sg.act. *nānā́ma* — с другой.

Как атематическому образованию перфекту свойственно чередование гласных: в сильных формах корневой гласный бывает представлен ступенью гуна, в слабых — слабой звуковой ступенью. Сильными формами являются: 1, 2, 3 sg.act. (подобно презенсу); 3 sg.iv.act.; subj.act., med. Исключение представляют собой корни *bhū-* 'быть' и *sū-* 'рождать', сохраняющие во всей парадигме слабую ступень (см. выше).

Ударение в сильных формах падает на корневой гласный, в слабых — на окончание. (В отличие от ударения в редуплицированном презенсе и в значительной степени также от ударения в редуплицированном аористе оно никогда не приходится на слог удвоения.) Иногда у корней с начальным гласным ударение является единственным формальным средством для различения грамматического значения, например: *av-* 'помогать', 3 sg.act. *ā́va* — 2 pl.act. *āvá*.

Для перфекта характерно удлинение корневого гласного *-a-* в 3 sg.act. в открытом слоге, чем достигается дифференциация двух форм: 1 и 3 sg.act., например: *gam-* 'идти', 1 sg.act. *jagā́ma* — 3 sg.act. *jagā́ma*; *mī-* 'уменьшать', 1 sg.act. *mimaya* — 3 sg.act. *mimāya* и др.

В некоторых корнях, начинающихся с палатального согласного или с *h-*, имеет место мена палатального/гуттурального в корне (с диахронической точки зрения, здесь происходит восстановление гуттурального согласного), например: *ci-* 'видеть', *cikā́ya*; *cit-* 'замечать', *cikéta*; *ji-* 'побеждать', *jigā́ya*; *han-* 'убивать', *jaghā́na*.

Перфект, как известно, имеет в активном залоге особую серию окончаний с исходом на *-a* или *-r*. В медиальном залоге

используется соответствующая серия окончаний презенса, притом что в 1-м и 3-м лице единственного числа употребляется окончание без *-t-*, а в 3-м лице множественного числа — окончание *-re* (для системы презенса это редкие варианты окончаний).

Ряд окончаний, начинающихся с согласного, а именно: 2 sg. act. *-tha*, 1 pl.act. *-ma*, 2 sg.med. *-se*, 3 pl.med. *-re*, регулярно присоединяются к корню, оканчивающемуся на согласный, с помощью соединительного гласного *-i-*, если перфектная основа оканчивается на тяжелый слог, например: *takṣ-* 'вытачивать', 3 pl.med. *tatakṣiré*; *vand-* 'восхвалять', 1 pl.act. *vavandima*, 3 pl.med. *vavandiré*; *kṛt-* 'резать', 2 sg.act. *cakartitha*; *rudh-* 'препятствовать', 2 sg.act. *rurodhitha*, но 3 pl.med. *rurudhre*; *viç-* 'входить', 2 sg.act. *viveçitha*, но 3 pl.med. *viviçré* и т. д.

К корням, оканчивающимся на гласный, большей частью окончания присоединяются непосредственно. Так, от корней на *ĭ-*, *-ŭ* встречается только одна форма с соединительным гласным: 2 sg.act. *babhū́vitha* от *bhū-* 'быть' (наряду с гораздо более распространенной формой *babhū́tha*). Корни на *-ṛ* присоединяют через *-i-* только окончание 3 pl.med. *-re*, например: *kar-* 'делать', *cakriré*, но *cakártha*, *cakṛmá*, *cakṛsé*. Корни на *-ā* присоединяют через *-i-* согласные окончания слабых форм, и корневой гласный в этих формах выпадает, как перед гласным окончанием, например: *pā-* 'пить', 3 pl.med. *papire* (ср. 2 sg.act. *papā́tha*); *mā-* 'мерить', 3 pl.med. *mamire*; *sthā-* 'стоять', 1 pl.act. *tasthima*, 3 pl.med. *tasthire* и др.

Перед окончаниями, начинающимися с гласного, корни на *-ā* утрачивают конечный гласный, например: *dā-* 'давать', 2 du. act. *dadáthur*, 3 du.act. *dadátur*, 2 pl.act. *dadá*, 1, 3 sg.med. *dadé*. Эти же корни имеют в 1, 3 sg.act. окончание *-au*: *dadaú* от *dā-*, *tasthaú* от *sthā-* и т. д. (форма 1 sg.act. в мантрах, видимо, не засвидетельствована). В РВ засвидетельствован единичный случай окончания 3 sg.act. *-ā* перед согласным — *paprā́* (I, 69,1) от *prā-* 'наполнять'.

Образцы спряжения — *kar-* 'делать', *dhā-* 'класть':

Активный залог

sg.	du.	pl.
1. *cakā́ra*	*cakṛvá*	*cakṛmá*
2. *cakártha*	*cakráthur*	*cakrá*
3. *cakā́ra*	*cakrátur*	*cakrúr*

Медиальный залог

1. *cakré*	*cakṛváhe*	*cakṛmáhe*
2. *cakṛsé*	*cakráthe*	*cakṛdhvé*
3. *cakré*	*cakrā́te*	*cakriré*

Активный залог

sg.	du.	pl.
1. *dadhaú*	*dadhivá*	*dadhimá*
2. *dadhā́tha*	*dadhā́thur*	*dadhá*
3. *dadhaú*	*dadhátur*	*dadhúr*

Медиальный залог

1. *dadhé*	*dadhiváhe*	*dadhimáhe*
2. *dadhiṣé*	*dadhā́the*	*dadhidhvé*
3. *dadhé*	*dadhā́te*	*dadhiré*

Эта теоретически максимальная парадигма реально весьма полно засвидетельствована в текстах. Не встречаются вообще мало употребительные формы 1 du.act. и med., а также форма 1 sg.act. от корней на *-ā*.

В целом перфектная парадигма отличается большой регулярностью. Лишь в редких случаях ступень гуна встречается за пределами нормальных сильных форм, например: 1 pl.act. *yuyopimá* (VII, 89,5) от *yup-* 'стирать' и 3 pl.act. *viveçur* (IV, 23,9) от *viç-* 'входить' наряду с правильной формой *viviçur*.

Ряд корней структуры C_1VC_2, где V = *-a-*, в слабых формах перед гласными окончаниями утрачивают интерконсонантный корневой гласный, а именно: *khan-* 'копать', 3 pl.act. *cakhnur* (AB); *gam-* 'идти', 2 du.act. *jagmathus* и т. д.; *ghas-* 'пожирать', opt.pf. *jakṣīyā́t*, part.pf.act. *jakṣivā́ms-*; *jan-* 'рождать(ся)', 3 pl.act. *jajñúr*, 2 sg.med. *jajñiṣé* и др.; *tan-* 'тянуть(ся)', 3 sg.med. *tatne* и др.; *pat-* 'летать', 1 pl.act. *paptima* и др.; *sac-* 'следовать', 1 pl.act. *saççima*, 3 pl.act. *saççur*, 3 pl.med. *saççiré*; *han-* 'убивать', 2 du.act. *jaghnáthur*.

Корни, оканчивающиеся на два согласных — носовой + гоморганный смычный, — в слабых формах обычно утрачивают носовой, например: *i(n)dh-* 'зажигать', 3 sg.med. *īdhé* (ср. 3 sg.pr. med. *indhé*); *krand-* 'ржать', 3 sg.med. *cakradé*; *vañc-* 'бежать пригнувшись', 3 pl.med. *vāvakre*; *stambh-* 'укреплять', 3 pl.act. *tastabhur*, но 3 sg.act. *tastámbha* и др. — ср., однако, нарушение этой тенденции в парадигме глагола *vand-* 'восхвалять' — 1 pl.act. *vavandima*, 3 sg.med. *vavande*, 3 pl.med. *vavandiré*, подобно 3 sg.act. *vavanda*.

Корни структуры C_1VC_2, у которых V = *-a-*, а C_2 — смычный согласный, могут образовывать слабые формы, меняя *-a-* на *-e-* без редупликации, например: *pat-* 'летать', 2 du.act. *petathur*, 3 du.act. *petátur* (наряду с 1 pl.act. *paptima*, 3 pl.act. *paptur*); *çap-* 'проклинать', 1 sg.med. *çepé* и др. В качестве C_2 иногда может выступать носовой согласный, например: *nam-* 'кланяться', 3 sg.med. *neme*; *tan-* 'тянуть', 3 pl.med. *teniré* (AB, в РВ *tatnire* и проч.). Наиболее полно слабые формы перфекта на *-e-*

засвидетельствованы у глагола *sad-* 'сидеть'. В активном залоге в РВ встречаются следующие формы: 2 sg. *sasáttha*, 3 sg. *sasā́da*, 2 du. *sedáthur*, 3 du. *sedatur*, 1 pl. *sedima*, 2 pl. *sedá*, 3 pl. *sedúr*, в медиальном залоге — форма 3 pl. *sedire*. Высказывалось предположение, что именно перфект от этого корня, первоначально имевший редупликацию в соответствии с нормой, но претерпевший определенные фонетические изменения (**sa-sd->*sa-zd->sed-*), послужил отправной точкой для распространения по аналогии основ подобной структуры и у других корней.

Корень *vid-* 'знать' образует перфектную парадигму без редупликации со значением презенса. В РВ засвидетельствованы следующие формы: в активном залоге 1 sg. *véda*, 2 sg. *véttha*, 3 sg. *véda*, 2 du. *vidáthur*, 1 pl. *vidmá*, 2 pl. *vidá*, 3 pl. *vidúr*, в медиальном залоге 3 pl. *vidre*.

Кроме парадигмы этого корня в РВ встречаются изолированные формы без редупликации с перфектными окончаниями еще от нескольких корней: *aj-* 'гнать', 3 pl.act. *ajur*; *arh-* 'заслуживать', 3 pl.med. *arhire*; *inv-* 'посылать', 3 pl.med. *invire*; *takṣ-* 'вытачивать', 2 du.act. *takṣathur*, 3 pl.act. *takṣur*; *pinv-* 'набухать', 3 pl.med. *pinvire*; *yam-* 'обуздывать', 3 du.act. *yamátur*, 3 pl.act. *yamur*; *skambh-* 'укреплять', 2 du.act. *skambháthur*, 3 pl.act. *skambhur*. Ни одной сильной формы без редупликации не встречается. Высказывалось предположение о том, что это пробные формы, образованные по аналогии с системами презенса и аориста. Достаточно употребительны несколько причастий активного залога от основы перфекта без редупликации: *dāçvā́ṃs-* от *dāç-* 'почитать', *mīḍhvā́ṃs-* от *mih-* 'выливать', *sāhvā́ṃs-* от *sah-* 'одолевать', а также *vidvā́ṃs-* от *vid-* 'знать'.

Из аномалий в области окончаний следует отметить вариант 3 pl.med. *-rire* (вместо *-re*), засвидетельствованный в РВ несколькими формами от корней с конечным согласным: *cikitrire* от *cit-* 'замечать', *jagṛbhriré* от *grabh-* 'хватать', *dadriré* от *dā-* 'давать', *dadhriré* от *dhar-* 'держать', *bubhujriré* от *bhuj-* 'вкушать', *vividrire* от *vid-* 'находить', *sasṛjrire* от *sṛj-* 'выпускать течь' и в СВ *duduhrire* от *duh-* 'доить'. Этот редкий вариант окончания мог возникнуть в результате неверного анализа таких форм, как *cakriré* от *kar-* 'делать', где *-ṛ-* входит в состав корня.

От основы перфекта в ведийском языке образуются формы различных косвенных наклонений. По значению они никак не связаны с перфектом. По форме они часто недостаточно отчетливы, в связи с чем их трудно отграничить от редуплицированного презенса, аориста или интенсивов. Полнее всего эти модальные формы засвидетельствованы в РВ.

Из модальных форм с основой перфекта наиболее употребителен субъюнктив. Он образуется от основы перфекта с корневым гласным в ступени гуна посредством присоединения тематического гласного вторичных или первичных окончаний и постановкой ударения на слог удвоения, например: *cit-* 'замечать', pf. *cikéta*, subj.pf. 3 sg.act. *cíketat*, *cíketati*; *juṣ-* 'наслаждаться', pf. *jujoṣa*, subj.pf. 2 sg.act. *jújoṣasi*, 3 sg.med. *jú-joṣate* и т. п. Отклонения от нормы встречаются нередко например, слабая ступень корневого гласного во 2 sg.act. *cikitas* от *cit-*, *mumucas* от *muc-* 'освобождать' и др. или ударение на корне в 3 sg.act. *tatánat* от *tan-* 'тянуть', *jaghánat* от *han-* 'убивать' и др. Формы активного залога существенно преобладают над медиальными.

Оптатив образуется путем присоединения чередующегося суффикса *-yā́-/-ī-* к слабому виду перфектной основы (корни на дифтонг с носовым имеют ступень гуна), например: *gam-* 'идти', pf. *jagā́ma*, opt.pf. 1 sg.act. *jagamyā́m*; *vṛt-* 'вертеть(ся)', pf. *vavárta*, opt.pf. 1 pl.act. *vavṛtyā́ma*, 1 pl.med. *vavṛtīmahi* и др.

Формы императива от основы перфекта немногочисленны и нерегулярны по своей структуре. В соответствии с нормой 3 sg.act. образуется от сильной основы перфекта, остальные формы — от слабой, например: *muc-*, pf. *mumóca*, iv.pf. 2 sg.act. *mumugdhí*, 3 sg.act. *mumoktu*. Сильная основа встречается, однако, иногда и в других формах, например: 2 du.act. *mumócatam* и др. Окончание 2 sg.med. *-sva* часто присоединяется к тематической основе, например: *prī-* 'радовать(ся)', pf.med. *pipriyé*, iv.pf. *pipráyasva* и др.

Перфектные причастия образуются от слабого вида основы с помощью суффикса *-vā́ṃs-* в активном залоге и *-ā́na* в медиальном, например: *cakṛvā́ṃs-*, *cakrāṇá-* от *kar-* 'делать'; *dadvā́ṃs-*, *dadāná-* от *dā-* 'давать'. Суффикс *-vā́ṃs-* присоединяется к корню посредством соединительного гласного *-i-* после конечного тяжелого слога, например: *ārivā́ṃs-* от *ar-* 'приводить в движение', *jagmivā́ṃs-* от *gam-* (наряду с *jaganvā́ṃs-*) и др.

Плюсквамперфект образуется от основы перфекта с помощью аугмента и вторичных личных окончаний. По форме это прошедшее время к перфекту (подобно имперфекту к презенсу), по значению же плюсквамперфект не является самостоятельной граммемой времени и выражает просто недифференцированное прошедшее время, совпадающее с имперфектом или аористом.

Плюсквамперфект бывает атематическим и тематическим. Первый соответствует преимущественно перфекту активного залога, второй — медиального, например: plusq. *abibhet*, ср. pf. *bibhā́ya* от *bhī-* 'бояться', но plusq. *átitviṣanta*, ср. pf. *titviṣé* от *tviṣ-* 'возбуждаться'.

Атематический плюсквамперфект, в соответствии с общим правилом, должен был бы образовывать формы единственного числа активного залога от основы с корневым гласным в сту-

пени гуна, а остальные — от основы со слабым видом корневого гласного. Такое соотношение форм встречается, например: 1 sg. act. *cakaram* — 3 pl.med. *acakriran*. Но поскольку у плюсквамперфекта фактически нет парадигмы, а есть лишь отдельные формы от разных корней, судить об этом трудно.

Формы 2 и 3 sg. могут совпадать, как в других атематических претеритах, например: *cākán* (<**cākans* или **cākant*) от *kan-* 'быть довольным', pf. *cakāna*. Окончание может сохраниться с помощью соединительного *-ī-*, отделяющего его от корня, например: 2 sg.act. *áviveçīs* от *viç-* 'входить', pf. *vivéça*.

Самая большая сложность с плюсквамперфектом заключается в установлении его объема, т. е. в отграничении его форм от форм редуплицированного имперфекта, редуплицированного аориста, модальных форм перфекта (притом что безаугментный плюсквамперфект встречается нередко) и интенсивов. Все предлагавшиеся критерии мало эффективны. Не подходит и семантический критерий, поскольку по временно́му значению плюсквамперфект не противопоставлен другим аугментным граммемам, а по каузативности—некаузативности он не отличим от той части редуплицированных аористов с удвоением на *-a-*, которая имеет непереходное значение. Указывалось, что наиболее очевидные случаи плюсквамперфекта имеют место тогда, когда у данного глагола есть перфект, а соответствующего презенса нет. Такие случаи единичны.

В дальнейшем развитии языка плюсквамперфект исчезает.

СИСТЕМА ФУТУРУМА

Футурум, или будущее время, в ранневедийский период, т. е. в РВ, находится в состоянии становления. Нормальным способом выражения значения будущего времени является субъюнктив. В РВ основа футурума засвидетельствована от 15 глагольных корней (личные формы — от девяти), в АВ — приблизительно от 30 корней. В дальнейшем развитии языка футурум получает широкое распространение, а субъюнктив выходит из употребления. Уже в брахманах футурум весьма употребителен.

Футурум образуется от корня в ступени гуна с помощью суффикса *-syá-*/*-iṣyá-*, на который падает ударение. Спряжение принадлежит к обычному презентному тематическому типу и фактически является одной из разновидностей презентных основ с футурально-модальным значением.

Распределение вариантов суффикса без соединительного гласного *-i-* и с *-i-* в значительной степени нарушает границу между корнями анит и сет. Бóльшая часть корней, оканчивающихся на гласный, кроме *ṛ*, образует футурум без соединительного гласного, например: *dā-* 'давать', *dāsyá-*; *kṣi-* 'жить', *kṣeṣyá-*; *nī-* 'вести', *neṣyá-* и др., однако *bhū-* 'быть', *bhaviṣyá-*; *stu-* 'восхвалять', *staviṣyá-* (позднее также *stoṣyá-*). Корни на *-ṛ* обычно образуют футурум на *-iṣyá*: *kar-* 'делать', *kariṣyá-*; *bhar-* 'нести', *bhariṣyá-*; *mar-* 'умирать', *mariṣyá-* и др. Около 2/3 корней, оканчивающихся на смычные и носовые, присоединяют суффикс *-sya-*, но сформулировать правила распределения вариантов суффикса вряд ли возможно. Вот некоторые примеры: *gam-* 'идти', *gamiṣyati*; *pat-* 'летать', *patiṣyati*; *naç-* 'исчезать', *naçiṣyati*; *man-* 'думать', *maniṣye* (РВ) и др. На стыке корня и суффикса могут иметь место внутренние сандхи согласных, например: *dah-* 'жечь', *dhakṣyá-* (с перераспределением придыхания на начальный звонкий согласный корня); *mih-* 'мочиться', *mekṣyá-*; *rādh-* 'достигать цели', *rātsya-* и др. В тех немногих случаях футурума, которые засвидетельствованы в РВ, *-i-* суффикса практически встречается только после *-r*, *-n*. В дальнейшем положение меняется, и более распространенным вариантом суффикса футурума становится *-iṣyá-*. Только эту форму суффикса имеют в будущем времени каузативные глагольные основы, которые перед суффиксом утрачивают конечный *-a*, например: caus. *vārayiṣyate* (АВ, X, 3,4) 'он заставит скрыться' от *var-* 'скрывать' и др.

Из отклонений следует отметить основу футурума от *sū-* 'рождать', где *-ū-* сохраняется неизменным: *sūṣyá-*, как и в других временны́х формах от этого глагола (ср. pf. *sasūva*) и от *sah-* 'одолевать', где корневой гласный долгий: *sākṣya-*, что имеет место и в некоторых других формах от этого глагола (ср, pr. *sáhati* наряду с *sáhate*).

Модальных форм от основы футурума фактически нет (если не считать одной не очень достоверной формы 2 sg.subj. *kariṣyās* от *kar-*), поскольку граммема футурума сама является полумодальной.

От основы футурума образуются причастия активного и медиального залогов соответственно на *-ánt-* (женский род *-ántī-*) и *māna-*, например: *ji-* 'побеждать', *jeṣyánt-* 'готовый победить'; *sū-* 'рождать', *súṣyantī-* (с аномальным ударением) 'собирающаяся родить'; *stu-* 'прославлять', *staviṣyámāna-* 'долженствующий быть прославленным' и др. Медиальные причастия редки.

Описательного футурума в мантрах нет. Он появляется в брахманах.

Кондиционалис, или аугментная основа футурума, по форме принадлежит к системе футурума, по значению же является граммемой наклонения, а не времени, выражая ирреальное действие (см. с. 280). В самхитах исчерпывается одним примером из РВ: *abhariṣyat* от *bhar-* 'нести'. Эта граммема входит в употребление в брахманах, хотя и там остается редкой.

II. СИСТЕМА ПАССИВА

Пассив, или страдательный залог, в ведийском языке имеет особую форму выражения только в пределах системы презенса (в остальных временны́х системах пассивное значение могут выражать медиальные окончания). Структурно он очень близок к одному из типов презентных основ — основам с суффиксом *-ya-* (IV класс, с которым он был генетически связан). Пассив образуется от корня в слабом звуковом виде с помощью суффикса *-yá-*, находящегося всегда под ударением, и медиальных окончаний, например, *vidyáte* от *vid-* 'находить', *nīyáte* от *nī-* 'вести', *yujyáte* от *yuj-* 'запрягать', *pūyáte* от *pū-* 'очищать', *sṛjyáte* от *sṛj-* 'выпускать течь' и др. У корней с интерконсонантным *-a-* этот гласный остается неизменным, например: *ajyáte* от *aj-* 'гнать', *madyáte* от *mad-* 'веселить' и др. Таким образом, отличия пассива от IV класса состоят в месте ударения и в запрете на активные окончания.

Корневой гласный в основе пассива характеризуется некоторыми особенностями. У корней, оканчивающихся на *-i*, *-u*, перед суффиксом *-yá-* гласный удлиняется, например: *çru-* 'слышать', *çrūyáte*; *su-* 'выжимать', *sūyáte*; *stu-* 'прославлять', *stūyáte* и т. д. В результате в основах пассива нейтрализуется противопоставление между формами от корней на долгий и на краткий конечный гласный, например: *sūyáte* может быть формой страдательного залога от *su-* 'выжимать' и от *sū-* 'рождать', *hūyáte* от *hu-* 'совершать жертвенное возлияние' и от *hū-* 'звать'.

Корни на *-ā* большей частью в основах пассива имеют корневой гласный *-ī* (слабый звуковой вид по типу чередования *ā/i* с последующей долготой гласного перед суффиксом *-yá-*), например: *gā-* 'петь', p.pr.pass. *gīyámāna-*; *dā-* 'давать', *dīyáte*; *dhā-* 'класть', *dhīyáte*; *mā-* 'мерить', p.pr.pass. *mīyámāna-* и т. д., но *jñā-* 'знать', *jñāyáte*.

Корни, оканчивающиеся на два согласных с предпоследним носовым, в основе пассива утрачивают носовой согласный, например: *a(ñ)c-* 'сгибать', *acyá-*; *a(ñ)j-* 'намазывать', *ajyá-*; *i(n)dh-* 'зажигать', *idhyá-*; *ni(n)d-* 'насмехаться', *nidyá-*; *ba(n)dh-* 'связывать', *badhyá-* и др. В результате этого в формах пассива может произойти нейтрализация противопоставления корней с носовым и без носового согласного, например: *ajyáte-* — pass. от *añj-* 'намазывать' и *aj-* 'гнать'.

Корни на конечный *-ṛ* обычно имеют в основе пассива рефлекс *-ri*, например: *dhar-* 'держать', *dhriyáte*; *bhar-* 'нести', *bhriyáte*. Другие возможные рефлексы корней на *-ṛ* (так называемый *-ṝ*) — *-īr*, *-ūr*, например: *çar-*/*çṛ-* 'давить', *çīryate*; *par-*/*pur-*/*pṛ* 'наполнять', *pūryáte* (встречается в брахманах).

Ряд корней обнаруживает в пассиве чередование по типу самprасарана, например: *vac-* 'говорить', *ucyáte*; *vad-* id., *udyáte*; *vap-* 'сеять', *upyáte*; *vah-* 'везти', *uhyáte*.

Парадигма глаголов в пассиве, если не считать места ударения, в точности повторяет парадигму глаголов IV класса в медиальном залоге. Пассив в ведийском языке засвидетельствован почти исключительно в презенсе. Имперфект представлен всего лишь несколькими формами 3-го лица единственного и множественного числа.

Встречаются отдельные модальные формы от основы пассива: субъюнктив, как 3 sg. *bhriyāte* от *bhar-* или 3 pl. *ucyantai* от *vac-*, и императив, как 3 sg. *hīyatām* от *hā-* 'оставлять' и др. Оптатив от основы пассива засвидетельствован несколькими формами в брахманах.

Причастие несовершенного вида образуется от основы пассива с помощью суффикса тематического спряжения *-māna-*, например: *guh-* 'скрывать', *guhyámāna-* 'скрываемый'; *yam-* 'обуздывать', *yamyámāna-* 'обуздываемый' и др. Они достаточно употребительны. В ряде случаев этим причастиям страдательного залога синонимичны просто медиальные причастия на *-māna-* или *-āna-*, которые иногда тоже могут иметь пассивное значение, например: *stūyámāna-*, *stávāna-* и *stávamāna-* 'прославляемый' и др.

В ведийском языке засвидетельствованы отдельные формы переходного характера между презенсом на *-ya-* и пассивом. Среди презенсов на *-ya-* встречаются основы с медиальными окончаниями, но с ударением на корневом гласном, как и положено для этого класса, имеющие пассивное значение: *jā́yate* 'он рождается'— *jánati* 'он рождает' от *jan-*, *jī́yate* 'он побеждается'— *jināti* 'он побеждает' от *ji-* и *mī́yate* 'он уменьшается'— *minā́ti* 'он уменьшает' от *mī-*. Кроме того, есть основа с ударением на суффиксе и медиальным окончанием, но имеющая не пассивное, а непереходное значение: *mriyáte* 'он умирает' от *mar-*. Наконец, в РВ встречаются случаи употребления основы с ударным суффиксом *-yá-*, первичным окончанием и пассивным значением: *yā́bhir añgiro mánasā niraṇyáthas...* (I, 112,18) 'Те, с помощью которых [I.pl.], о Ангирас, вы удовлетворяетесь душою...'— ср. основу IV класса от этого же глагола: *víçvāni yó ámartyo havyā́ mártеṣu rāṇyati* (V, 18,1) 'Который бессмертный удовлетворяется всеми жертвенными возлияниями [A.pl.] у смертных'. Все эти примеры свидетельствуют об исконной связи между пассивом и презентным типом основ на *-ya-*.

3 sg.aor.pass. на *-i* — это единственная форма этого залога от основы аориста; в остальных лицах и числах значение пассива выражает медиальная флексия. В самхитах эта форма образуется приблизительно от 45 глагольных корней.

Форма 3 sg.aor.pass. структурно не связана ни с одним из типов основ аориста. Она является корневым образованием, но от корневого аориста отличается ступенью корневого гласного. Это аугментная форма, имеющая особое окончание *-i*. В меди-

альном аористе окончание *-i* встречается только в 1-м лице, например: *ákri* от *kar-* и др. При этом, однако, в других граммемах времени возможно совпадение флексий 1 и 3 sg.: в перфекте это происходит регулярно (1, 3 sg.med. *-e*), в презенсе — в небольшой части форм, образующих 3 sg.med. без *-t-* в окончании (*duhé* от *duh-*, *çáye* от *çī-*).

Корневой гласный в 3 sg.aor.pass. на *-i* бывает представлен ступенью гуна или вриддхи. В корнях, оканчивающихся на согласный, гласные *i*, *u*, *ṛ* имеют ступень гуна, например: *cit-* 'замечать', *áceti*; *yuj-* 'запрягать', *áyoji*; *sṛj-* 'выпускать течь', *ásarji* и др. Корни с конечным гласным *-i*, *-u*, *-ṛ* имеют ступень вриддхи, например: *çri-* 'подпирать', *áçrāyi*; *stu-* 'воспевать', *ástāvi*; *kar-(kṛ-)* 'делать', *ákāri* и др. Корни с интерконсонантным *-a-* удлиняют его перед одним согласным и не удлиняют перед двумя, например: *gam-* 'идти', *ágāmi*; *pad-* 'идти', 'падать', *pádi*; *vac-* 'говорить', *ávāci* и др., но *myakṣ-* 'мерцать', *ámyakṣi*; *vand-* 'восхвалять', *vandi* и др. Исключением является только форма *ájani* без удлинения *a-* от *jan-* 'рождать(ся)' (наряду с *jáni*). Корни с конечным *-ā* имеют эпентетический согласный *-y-* между гласным корня и *-i* окончания, например: *dā-* 'давать', *dāyi*; *dhā-* 'класть', *ádhāyi*; *pā-* 'пить', *ápāyi* и др., благодаря чему сохраняется ясность морфологической структуры формы.

Ударение в безаугментных формах всегда приходится на корневой гласный, например: *vid-* 'находить', *védi*; *çru-* 'слышать', *çrávi* и т. д.

Хотя данную форму принято называть пассивом аориста, в некоторой части случаев она, как уже неоднократно отмечалось, имеет не пассивное, а медиальное или просто непереходное значение. У глаголов непереходных данная форма может ничем не отличаться по значению от соответствующих активных форм, например, от глагола *sad-* с приставкой *ni-* 'усаживаться', ср. aor.pass. *asādi* и impf.act. *asīdat*: *divó vā nábhā ny àsādi hótā* (III, 4,4) 'Или хотар уселся на пупе земли', и *agnír hótā ny àsīdad yájīyān upásthe mātúḥ*... (V, 1,6) 'Агни-хотар, лучше других приносящий жертву, уселся в лоне матери...'. Иногда и от переходных глаголов форма 3 sg.aor.pass. на *-i* имеет скорее не пассивное, а медиальное значение, например: *āvír abhūn máhi mághonam eṣām | víçvaṃ jīvám támaso nír amoci* (X, 107,1) 'Вот проявилась их великая щедрость. Все живое освободилось из мрака'. Преобладающим, однако, является пассивное значение этой формы от переходных глаголов, например, *akāri* от *kar-*: *ayáṃ vo yajñá ṛbhavo 'kāri* (IV, 34,3) 'Приготовлена для вас эта жертва, о Рибху'.

III. ОТГЛАГОЛЬНЫЕ ИМЕНА

К неличным формам в ведийском языке относятся отглагольные прилагательные, инфинитивы и деепричастия. Все эти классы форм находятся на периферии глагола, характеризуясь одновременно грамматическими категориями глагола и какого-нибудь другого класса слов (соответственно прилагательного, существительного, наречия). Они принадлежат к первичному словообразованию, поскольку образуются непосредственно от корня. Отглагольные имена связаны с глаголом не только некоторыми общими грамматическими категориями, но обычно и на синтаксическом уровне — участием в одних и тех же ЭСК. Наконец, с глаголом они тесно связаны семантически единым лексическим значением корня (существенно, что вся разветвленная система личных форм глагола тоже объединяется лишь с помощью глагольного корня, и по этому же признаку к ней присоединяются неличные формы).

ОТГЛАГОЛЬНЫЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ

Отглагольные прилагательные, или причастия, как их нередко называют (не делая различий между ними и собственно причастиями, образованными от временны́х основ), представляют собой наиболее распространенный класс отглагольных имен. Семантически они тесно связаны с глаголами и могут интерпретироваться как причастия с той только разницей, что у них нет формальных показателей времени и залога (активного или медиального). Отдельные периферийные формы могут обладать значением прилагательных, встречаются и случаи субстантивизации, но в целом глагольное значение преобладает.

Отглагольные прилагательные на *-tá-/-nā-*. Основным вариантом суффикса является *-tá-*, который присоединяется к корню в слабом звуковом виде, причем ударение падает на суффикс. Суффикс *-tá-* может присоединяться прямо к корню или с помощью соединительного гласного *-i-* (всегда в производном спряжении, где ступень корневого гласного может быть иной). Соединительный гласный никогда не встречается с суффиксом *-ná-*.

Отглагольные прилагательные на *-ta-/-na-* могут употребляться с префиксами (хотя такое употребление здесь бывает реже, чем у личных форм). При наличии префикса на него обычно падает ударение, например: *ā́huta-* 'возлитый' от *ā+hu-*, *ní́hita-* 'вложенный' от *ni+dhā-*, *párāgata-* 'ушедший прочь' от *parā+gam-* и др., однако, *praçastá-* 'прославленный' от *pra+çaṃs-*. Если же префиксов два, то в случае их спаянности с отглагольным прилагательным в одно слово, ударение при-

ходится на второй из них; префикс-наречие, употребляемый самостоятельно, всегда несет на себе ударение, например: *apávṛkta-* 'отброшенный прочь' от *apa+ā+vṛj-*, но *ápa páreta-* 'ушедший прочь' от *apa+parā+i-* и т. п.

Перед суффиксом *-ta-* корни определенной структуры могут иметь особые рефлексы слабой звуковой ступени. Так, в корнях на *-ā* большей частью перед *-ta-* наблюдается *-ī* или *-i*, а именно: *gā-* 'петь', *gītá*; *dhā-* 'сосать', *dhītá-*; *pā-* 'пить', *pītá-*; есть несколько корней, в которых конечному *-ā* предшествует *-y-*: *jyā-* 'побеждать', *jītá-*; *vyā-* 'покрывать', *vītá-*; *çyā-* 'сгущаться', 'замерзать', *çītá-*; *dā-* 'связывать', *ditá-*; *dhā-* 'класть', *hitá-* (с утратой смычности начальным согласным, ср., однако, в сложных словах *dúrdhita-* 'плохо положенный', *súdhita-* 'хорошо положенный'); *mā-* 'мерить', *mitá-*; *çā-* 'точить', *çitá-*; *sā-* 'связывать', *sitá-*; *sthā-* 'стоять', *sthitá-*; но *jñā-* 'знать', *jnātá-*. Глагол *çās-* 'обучать' образует отглагольное прилагательное на *-ta-* *çiṣṭá-*. Глагол *dā-* 'давать' образует отглагольное прилагательное на *-ta-* от основы презенса — *dattá-* («правильная» форма, встречается в составе сложного слова *tvádāta-* 'данный тобой').

В корнях на дифтонг с носовым в данном классе форм встречаются разные варианты слабой звуковой ступени. Регулярным является рефлекс *-a-*, например: *gam-* 'идти', *gatá-*; *yam-* 'обуздывать', *yatá-*; *man-* 'думать', *matá-*; *han-* 'убивать', *hatá-* и др. Несколько корней на *-an* имеют в качестве слабой ступени *-ā*: *khan-* 'копать', *khātá-*; *jan-* 'рождать', *jātá-* и *san-* 'достигать', *sātá-*. Наконец, у группы корней на *-am* и одного корня на *-an* слабая ступень представлена вариантом *-ān*: *kram-* 'ступать', *krāntá-*; *çam-* 'быть спокойным', *çāntá-*; *çram-* 'уставать', *çrānta-*; *dhvan-* 'скрываться'(?), *dhvāntá-*.

В отдельных случаях при корневом вокализме тембра *a* может иметь место нулевая ступень, т. е. выпадение гласного. Такова, например, встречающаяся в некоторых сложных словах форма *◦tta-* от глагола *dā-*: *devátta-* (РВ) 'данный богами' или *◦gdha-* от *ghas-* 'съедать': *agdhā́d-* (ТС) 'едящий несъедобное'.

В корнях, оканчивающихся на группу согласных с предпоследним носовым, перед суффиксом *-ta-* носовой исчезает, например: *añj-* 'намазывать', *aktá-*; *bandh-* 'привязывать', *baddhá-*; *çaṃs-* 'провозглашать', *çastá-* и др.

Несколько корней, оканчивающихся на *-r* (принадлежащие к ряду морфонологических чередований *r̄*), имеют рефлексы *-ir*, *-ūr*: *çar-* 'разбивать', *◦çirtá-*, *çūrtá-*; *gir-/gur-* 'восхвалять', *gūrtá-*; *par-/pur-* 'наполнять', *pūrtá-*.

У корней, оканчивающихся на шумный согласный, на морфемном шве имеют место сандхи согласных, ассимиляция по звонкости/глухости (*vid-* 'находить', *vittá-*), мена палатальных и гуттуральных (*añj-* 'намазывать', *aktá-*), церебрализация (*viç-* 'входить', *viṣṭá-*), перераспределение придыхания на конец

группы согласных (*indh-* 'зажигать', *iddhá-*). Неоднозначны сандхи конечного корневого *-h*: ср. *nah-* 'прикреплять', *naddhá-*; *muh-* 'заблуждаться', *mugdhá-*; но *ruh-* 'подниматься', *rūḍhá-*; *vah-* 'везти', *ūḍhá-* (с сампрасарана); *sah-* 'одолевать', *sāḍha-* (три последних примера с церебрализацией одиночного придыхательного согласного и заменительной долготой предшествующего гласного).

Около $^1/_6$ части отглагольных прилагательных данной структуры в непроизводном спряжении образуется в РВ и АВ посредством варианта суффикса *-itá*. Сколько-нибудь строгих правил дистрибуции *-tá-* и *-itá-* нет. Отмечалось, что суффикс *-itá-* присоединяет значительная часть корней, оканчивающихся на сочетание двух согласных или на такой согласный, который при соединении с начальным *-t-* суффикса давал бы фонетически сложный результат, но этим все не исчерпывается. Обращалось внимание также на то, что неизменяемые корни имеют тенденцию присоединять суффикс *-itá-*. Вот некоторые примеры: *jīv-* 'жить', *jīvitá-*; *manth-* 'взбалтывать', *mathitá-*; *rakṣ-* 'охранять', *rakṣitá-*; *vyath-* 'колыхаться', *vyathitá-*; *stambh-* 'укреплять', *stabhitá-* и др., но наряду с этим также *car-* 'бродить', *caritá-*; *pat-* 'лететь', 'падать', *patitá-*; *vad-* 'говорить', *uditá-* и др. Производное спряжение глаголов, особенно каузативов, использует суффикс *-itá-* регулярно. В отглагольных прилагательных от каузативов ступень корневого гласного бывает та же, что в презентной основе, т. е. гуна или вриддхи, например: *aç-* 'есть', *āçita-*; *cud-* 'точить', 'вдохновлять', *coditá-*; *viç-* 'входить', *veçitá-*; *ar-* 'приводить в движение', *arpitá-* (чаще *árpita-* с необычным ударением). Эти отглагольные прилагательные совсем немногочисленны в ведийском языке (в отличие, например, от причастий на *-ant-*, образованных от каузативов).

Корень *grabh-/grah-* 'хватать' имеет долгий соединительный гласный: *gṛbhītá-/gṛhītá-*.

Встречаются отдельные корни, образующие отглагольные прилагательные параллельно и на *-ta-* и на *-ita-*, например: *dhṛṣ-* 'мужаться', *á-dhṛṣta-* и *dhṛṣitá-*; *mad-* 'опьянять(ся)', *mattá-* и *maditá-*.

Довольно значительная группа корней образует отглагольные прилагательные с помощью суффикса *-ná-*. Среди них преобладают корни, оканчивающиеся на долгий гласный (в том числе на **r̄*), а из согласных — ряд корней с конечным *-d*, *-c*, *-j*. Перед суффиксом *-ná-* конечный *ā* может сохраняться, а может подвергаться чередованию типа *ā/ī* или *ā/i*, например: *drā-* 'спать', *drāṇa-*; *hā-* 'оставлять', *hīná-*; *dā-* 'отрезать' и *dā-* 'связывать', *diná-*. У корней с конечным *-i/-ī*, *-u/-ū* гласный в этом типе основ бывает долгим, например: *kṣi-/kṣī-* 'уничтожать', *kṣīṇá-* (наряду с *kṣitá-*); *lī-* 'приставать', 'приникать', *līná-*; *du-/dū-* 'гореть', *dūná-*.

Корни, оканчивающиеся на *-ṛ* (морфонологический ряд *-ṝ), имеют перед суффиксом *-na-* рефлексы *-īr*, *-ūr*, например: *gir-/gṛ-* 'глотать', *gīrṇá-*; *jar-/jur-* 'стариться', *jīrṇá-/jūrṇá-*; *tar-/tir-/tur-* 'пересекать', *tīrṇá-*; *par-/pur-* 'наполнять', *pūrṇá-* и др.

Корни на согласный менее многочисленны. Больше всего корней с конечным *-d*, который перед *-n* суффикса переходит в *-n*, например: *chid-* 'отрезать', *chinná-*; *tud-* 'толкать', *tunná-*; *pad-* 'идти', *panná-*; *skand-* 'прыгать', *skanna-* и др. Несколько корней оканчивается на палатальный согласный, переходящий перед *n-* суффикса в соответствующий гуттуральный, например: *ruj-* 'ломать', *rugná-*; *vraçc-* 'отрезать', *vṛkṇá-*.

В единичных случаях от одного корня встречаются отглагольные прилагательные как на *-ta-*, так и на *-na-*, например: *sad-* 'сидеть', *sattá-* и *sanná-*; *vid-* 'находить', *vittá-*, *viditá-* и *vinná-*.

Следует отметить, что корни, склонные к чередованию с сампрасарана, следуют этому чередованию в соединении с любым из вариантов суффикса, например: *yaj-* 'жертвовать', *iṣṭá-*; *prach-* 'спрашивать', *pṛṣṭá-*; *vad-* 'говорить', *uditá-*; *vraçc-* 'раскалывать', *vṛkṇá-*.

Отглагольные прилагательные на *-tá-/-ná-* обычно называют причастиями прошедшего времени (participium praeteriti)[4]. От переходных глаголов они имеют пассивное значение, а от непереходных — активное, например: *kṛtá-* 'сделанный' от *kar-* 'делать', *hīná-* 'оставленный' от *hā-* 'оставлять', но *gatá-* 'ушедший' от *gam-* 'идти', *sattá-* или *sanná-* 'севший' от *sad-* 'сидеть' и т. п.

Будучи образованными от переходных глаголов, эти причастия могут иметь при себе инструментальный падеж существительного, обозначающего логического деятеля, например: *gharmáḥ sámiddho agninā* (AB, VIII, 8,17) 'Котелок с жертвенным напитком разогрет на огне (букв. огнем)'.

Инвариантным значением этой формы, присущим ей в той мере, в какой она является причастием (а не прилагательным), т. е. входит в состав глагольной парадигмы, является значение совершенного вида. Чаще всего это инвариантное значение реализуется при выражении прошедшего времени. Именно такой круг значений обычно свойствен этим причастиям, когда они выступают в предикативной функции, например: *gīrṇám bhúvanaṃ támasāpagūḍham* (X, 88,2) 'Вселенная была проглочена, сокрыта мраком'. Однако, связь совершенного вида со значением прошедшего времени не является строго обязательной. В некоторых контекстах совершенный вид может оказаться связанным с планом будущего времени или со сферой модальных значений, например: *hitvá grāmān prácyutā yantu çátravaḥ* (AB, V, 20,3) 'Побросав (свои) деревни, пусть уйдут изгнанные враги!'.

[4] Они таковыми и являются по своему значению, но только в отличие от рассмотренных ранее причастий не соотнесены с какой-либо конкретной граммемой прошедшего времени.

Наконец, адъективная природа этих форм также может возобладать в отдельных случаях, и тогда нейтрализуется значение вида и форма на *-tá-/-ná-* выражает просто признак предмета, например: *mṛtá-* 'мертвый', а не 'умерший' (от *mar-* 'умирать'); *çuddhá-* 'чистый', а не 'очищенный' (от *çu(n)dh-* 'очищать'); *çrutá-* 'знаменитый', а не только 'услышанный' (от *çru-* 'слышать') и т. п.

Встречаются единичные случаи, когда, наоборот, прилагательные, имеющие иные, чем *-tá-/-ná-*, суффиксы, выступают в функции причастий, например: *pakvá-* 'спелый' как причастие к глаголу *pac-* 'варить', т. е. 'сваренный'.

Отдельные отглагольные прилагательные на *-tá-/-ná-* подвергаются субстантивизации, например: *ṛṇá-* n. 'вина', 'долг', (от *ar-* 'приводить в движение'); *kṛtá-* n. 'деяние' (от *kar-* 'делать'), *bhūtá-* n. 'прошлое', 'существо', 'сущее' (от *bhū-* 'быть') и т. д.

Отглагольные прилагательные долженствования

В ведийском языке существует несколько типов прилагательных, образованных от глагольного корня с помощью различных суффиксов, со значением долженствования, необходимости, возможности совершения действия. Исходя из подобной семантики, их обычно называют причастиями долженствования (participia necessitatis), или причастиями будущего времени страдательного залога (participia futuri passivi), так как от глаголов переходных они имеют пассивное значение. Эти основы объединяют отглагольное, причастное значение и значение адъективное, по-разному комбинирующиеся в разных структурных типах, а иногда и в пределах одного типа. Довольно часто происходит субстантивизация этих отглагольных прилагательных.

Отглагольные прилагательные долженствования на *-ya-* образуются от корня, находящегося под ударением и чаще всего представленного ступенью гуна. Суффикс почти всегда реально произносится как *-iya-* (об этом свидетельствуют показания метрики и особенности сандхи — трактовка *-y-* как гласного) и, как правило, не получает ударения сварита.

Конечные *-ĭ*, *-ŭ*, *-ṛ* корня могут иметь ступень гуна или вриддхи, представленную тем вариантом, который употребляется перед последующим гласным, например: *lī-* 'прилипать', *a-lāyya-*; *hu-* 'совершать жертвенное возлияние' и *-hū-* 'звать', *hávya-*; *bhū-* 'быть', *bhávya-* и *bhāvya-*; *var-* 'выбирать', *várya-* и др.

Гласные *-i-*, *-u-*, *-ṛ-*, за которыми следует один согласный, нередко бывают представлены ступенью гуна, например: *cit-* 'замечать', *cétya-*; *vid-* 'знать', *védya-*; *yudh-* 'бороться', *yódhya-*; *çṛdh-* 'быть дерзким, смелым', *çárdhya-* и др. При этом встречается достаточное число случаев, когда эти гласные имеют слабую ступень, например: *i(n)dh-* 'зажигать', *◦idhya-*; *guh-* 'скрывать', *guhya-*; *budh-* 'пробуждать(ся)', *a-budhyá-*; *prach-* 'спрашивать', *pṛchya-*. Некоторые корни с конечным *-i*, *-u*, *-ṛ*, имеющие в данном типе основ слабую ступень гласного, приобретают между конечным гласным и *-y-* суффикса согласный *-t-*, например: *i-* 'идти', *itya-*; *çru-* 'слышать', *çrútya-*; *stu-* 'восхвалять', *stútya-*; *kar-* 'делать', *kṛtya-*.

Корни на *-a-* могут иногда удлинять его перед одним согласным, например: *upa+sad-* 'присаживаться', 'почитать', *upasádya-*; *cakṣ-* 'смотреть', *cákṣya-*; *sah-* 'одолевать', *a-sahyá-*, но *mad-* 'опьянять(ся)', *mádya-*; *vac-* 'говорить', *vácya-* и др.

Корни, оканчивающиеся на *-ā*, перед суффиксом *-ya-* меняют *-ā* на *-e*, например: *dā-* 'давать', *déya-*; *dhā-* 'класть', *dhéya-*; *pā-* 'пить', *◦péya-* и др.

Основы на *-ya-* являются наиболее распространенными среди отглагольных прилагательных долженствования. Они образуются приблизительно от 40 корней в РВ и еще от 20 корней в АВ.

Отглагольные прилагательные долженствования на *-ā́yya-* (произносится *-ā́yiya-*) встречаются главным образом в РВ, где они образуются от нескольких простых, т. е. непроизводных, корней: *dakṣ-* 'воздать должное', *dakṣā́yya-* 'тот, кому надо угодить'; *pan-* 'удивляться', *panā́yya-* 'заслуживающий удивления'; *vid-* 'находить', *vidā́yya-* 'долженствующий быть найденным'; *çru-* 'слышать', *çravā́yya-* 'достойный славы'; *hnu-* 'устранять', *a-hnavāyyá-* 'неустранимый', а также от нескольких глаголов производного спряжения. Высказывалось предположение о том, что этот суффикс возник в результате неправильного морфологического членения форм типа *alāyya-* от *lī-* или отыменных основ на *-āy-*. В отдельных случаях он может употребляться и в качестве вторичного суффикса.

Отглагольные прилагательные долженствования на *-énya-* (произносится обычно *-éniya-*) столь же немногочисленны, как и прилагательные на *-ā́yya-*. Неконечный корневой гласный представлен у них слабой звуковой ступенью, например: *īḍ-* 'восхвалять', *īḍénya-*; *vaç-* 'желать', *uçénya-*; *dṛç-* 'видеть', *dṛçénya-*, но *car-* 'бродить', *caréṇya-*; *var-/vṛ-* 'выбирать', *váreṇya-*. Суффикс *-énya-* используется также и в качестве вторичного, присоединяясь однажды к основе сигматического аориста: *abhyāyaṃsénya-* (РВ) 'тот, кого можно направить в определенную сторону' от *abhi+ā+yam-*; он употребляется также с основами производного спряжения и даже с именными основами, например: *kīrténya-* 'достойный славы', ср. *kīrti-* 'слава'; *vīréṇya-* 'достойный героев', ср. *vīrá-* 'герой' (хотя и тут не исключено посредство отыменных глаголов).

Отглагольные прилагательные долженствования на *-tva-* (произносится *tuva-*) тоже очень немногочисленны и ограничены преимущественно РВ. Этот суффикс присоединяется к корню в ступени гуна, находящемуся под ударением, например: *hi-* 'гнать', *hétva-*; *su-* 'выжимать', *sótva-*; *kar-* 'делать', *kártva-*; *vac-* 'говорить', *váktva-*; *san-* 'достигать', *sánitva-* (с соединительным гласным *-i-*) и др. Высказывалось предположение о связи этого типа отглагольных прилагательных с инфинитивами на *-tu-*.

Прочие структурные типы отглагольных прилагательных долженствования в ведийском языке представляют собой единичные формы. Основы на *-tavyà-* и *-anīya-* (именно эти типы основ стали наиболее продуктивными в дальнейшем) в РВ не встречаются, а в АВ по два раза: *janitavyà-* 'собирающийся родиться' от *jan-*, *himsitavyà-* 'долженствующий потерпеть ущерб' от *hiṃs-* и *upajīvanīya-* 'долженствующий существовать' от *upa+jīv-*, *āmantrantīya-* 'долженствующий быть приглашенным' от *ā+mantray-*.

Все эти отглагольные прилагательные разной структуры имеют значения долженствования, необходимости и выражают эти модальные значения чаще всего в связи с планом будущего. От глаголов переходных они имеют пассивное значение. Логический деятель при таких отглагольных прилагательных может быть выражен инструментальным падежом (хотя возможны и дательный и родительный падежи), как при глаголе в страдательном залоге, например: *áthād devā́ḥ savitā́ vándyo nú na | idā́nīm áhnā upavā́cyo nṛ́thiḥ* (IV, 54,1) 'Вот должен быть прославлен у нас бог Савитар, сейчас, в это время дня, к нему должны обратиться мужи'. Чаще всего эти прилагательные образуются именно от переходных глаголов, но если они употребляются от глаголов непереходных, то значение, естественно, бывает непереходным, например: *anyásya cittám abhí saṃcaréṇyam* (I, 170,1) 'Надо стремиться навстречу мысли другого'.

У отглагольных прилагательных на *-tva-*, как отмечалось исследователями, преобладает значение будущего времени в противоположность прошедшему, например: *nahí nv àsya pratimānam ásty | antár jātéṣūtá yé jánitvāḥ* (IV, 18,4) 'Ведь нет ему подобного среди рожденных и тех, кто должен родиться'.

Небольшая группа отглагольных прилагательных на *-atá-* тоже может иметь значение долженствования, которое, правда, не во всех случаях ясно выражено: *darçatá-* 'долженствующий быть увиденным', 'прекрасный' (*dṛç-* 'видеть'), *bharatá-* 'за кем надо ухаживать' (*bhar-* 'нести'), *yajatá-* 'достойный жертвоприношения' (*yaj-* 'приносить жертву') — то же значение имеет образование *yájatra-*.

У ряда основ причастное значение стерто, и они ничем не отличаются по значению от обычных прилагательных, например: *gúhya-* 'тайный' (*guh-* 'скрывать'), *dvéṣya-* 'отвратительный' (*dviṣ-* 'ненавидеть'), *bhávya-* 'настоящий', 'будущий' (*bhū-* 'быть'), *çravā́yya-* 'знаменитый' (*çru-* 'слышать') и др.

Нередко происходит субстантивизация этих отглагольных прилагательных, например: *vā́cya-* n. 'речь', 'молитва' (*vac-* 'говорить'), *vā́rya-* n. 'сокровище', 'богатство' (*var-* 'выбирать'), *hávyā-* f. 'призыв' (*hū-* 'звать'), *kártva-* n. 'задача' (='то, что должно быть сделано', *kar-* 'делать') и др.

ИНФИНИТИВЫ

Инфинитивы в ведийском языке представляют собой очень употребительный и структурно пестрый класс форм. Это отглагольные имена существительные со значением nomina actionis, функционирующие в виде застывших падежных форм или имеющие собственные окончания. Инфинитив сочетает значения существительного и глагола. Формально, однако, он отличается от обоих, хотя дифференциация проведена не до конца.

В отличие от имен инфинитивы не имеют парадигмы склонения. Нет изменения по числам — инфинитив всегда представлен формой единственного числа. Нет также изменения по падежам, поскольку даже при наличии инфинитивов с разной падежной флексией от одного глагольного корня это бывают падежи от разных основ. Вообще исходы инфинитивов не являются формообразовательной флексией, в некоторых отношениях они ближе к словообразовательным аффиксам, и поэтому правильнее называть их суффиксами.

В отличие от глагола инфинитивам не свойственно различение диатезы. Образуются они обычно от корня, отдельные формы от временны́х основ представляют собой редкие исключения. Изредка встречаются инфинитивы от основы пассива. Пассивное значение могут выражать в зависимости от контекста обычные формы инфинитива, образованные от корня. Столь же редки инфинитивы от каузативов.

На синтаксическом уровне нет также безусловных параметров, которые позволяли бы отождествлять данные формы как инфинитивы или как имена. Подобно глаголам, инфинитив часто управляет винительным падежом имени, выражающим прямой объект, но может также управлять и родительным падежом, подобно именам. Может выступать в предикативной функции, как и личные формы глагола (см. ЭСК 14 в разделе «Синтаксические структуры»). Наконец, инфинитив может иметь собственные синтаксические функции, не дублируемые каким-либо другим классом слов, замыкая предложение и соотносясь с его значением в целом при выражении цели всего высказывания.

Наиболее надежным, хотя и далеко не безусловным критерием разделения инфинитивов и отглагольных имен являются, как отмечалось исследователями, все-таки морфологические параметры. Суффиксы весьма распространенных типов инфинитива: *-dhyai*, *-tavai*, *-sáni* — не совпадают с падежными формами именных основ. При совпадении же суффикса инфинитива с падежной флексией разница может быть в месте ударения или в ступени корневого гласного, однако практически это различие не реализуется, так как от одного корня очень редко образуется и инфинитив, и отглагольное имя с помощью одинакового суффикса. В редких случаях они могут ничем не различаться, например: *i-* 'идти', inf. *étave* 'чтобы идти' (D. от основы *étu-*) и *svá-etu-* 'самодвижущийся' (засвидетельствована в РВ форма N.pl. *svá-etavas*, а D.sg. нет).

Инфинитивы, образуемые при помощи особых суффиксов

Инфинитивы на *-dhyai* встречаются в РВ, где они весьма употребительны (засвидетельствованы от 35 корней), в остальных ведах они представлены лишь единичными случаями. Суффикс *-dhyai* присоединяется всегда к тематическому гласному, даже если основа презенса от данного глагола является атематической, например: *iyádhyai* от *i-* 'идти' (pr. *éti*), *dhiyádhyai* от *dhā-* 'класть' (pr. *dádhāti*). Корневой гласный у этих инфинитивов бывает чаще в слабой ступени, а ударение — на тематическом гласном (т. е. они имеют основы типа VI класса презенса), например: *iṣádhyai* от *iṣ-* 'посылать', *huvádhyai* от *hū-* 'звать', *vṛjádhyai* от *vṛj-* 'повергать ниц'. При том же месте ударения может встречаться и ступень гуна корневого гласного или *-a-* у корней на этот гласный, например: *stavádhyai* от *stu-* 'прославлять', *tarádhyai* от *tar-* 'пересекать', *mandádhyai* от *ma(n)d-* 'опьянять(ся)', *yajádhyai* от *yaj-* 'жертвовать' (есть и *yájadhyai*). Наконец, засвидетельствованы некоторые формы инфинитивов и с корневым ударением и со ступенью гуна, например: *gámadhyai* от *gam-* 'идти', *bháradhyai* от *bhar-* 'нести', *váhadhyai* от *vah-* 'везти'. Таким образом, в структуре инфинитивов на *-dhyai* наблюдается разнобой. Этот распространенный тип ригведийских инфинитивов встречается также от формально охарактеризованных основ: презенса — *pṛṇádhyai* от *par-/pur-* 'наполнять' (pr. *pṛṇáti*, *pṛṇáti*), *pibadhyai* от *pā-* 'пить' (pr. *píbati*); перфекта — *vāvṛdhádhyai* от *vṛdh-* 'увеличиваться'; каузативов — *nāçayádhyai* от *naç-* 'исчезать' (caus. *nāçáyati*) и др.

Инфинитив на *-dhyai* чаще стоит в конце предложения и по значению близок к дательному падежу цели или придаточному предложению цели, например: *prá dídhitir viçvávārā*

jigāti | hótāram iḷáḥ prathamáṃ yájadhyai | áchā námobhir vṛṣabháṃ vandádhyai (III, 4,3) 'Молитва, несущая все блага, стремится, чтобы почтить первым хотара жертвенного возлияния, чтобы поклонами прославить быка'. Инфинитив на *-dhyai* может выступать также в функции предиката простого предложения, имея модальное значение (которое обычно называют императивным), например: *utá tyā́ me yaçásā çvetanā́yai | vyántā páṇtauçijó huvádhyai* (I, 122,4) 'И этих вот двоих прославленных, охотно пьющих, (я), сын Ушиджа, хочу позвать к себе на утреннее возлияние'. Как отмечалось исследователями, инфинитив в этой функции выражает действие, значение которого близко к медиальному залогу.

Инфинитивы на *-tavaí* встречаются более чем от десяти корней. Они характеризуются двойным ударением. Одно падает на конечный дифтонгический гласный, другое — на корень в ступени гуна, например: *nétavaí* от *nī-* 'вести', *bhéttavaí* от *bhid-* 'расщеплять', *mántavaí* от *man-* 'думать'. В случае употребления префикса на него переносится ударение с корня, например: *átyetavaí* от *ati+i* 'выступать', *ánvetavaí* от *anu+i-* 'следовать'. Высказывалось предположение, что необычное двойное ударение объясняется присоединением к инфинитиву на *-tave* с ударением на корне ударной эмфатической частицы. Однако эмфатическая частица *u*, которая в ведийских текстах обычно сопровождает инфинитивы этой структуры, является безударной.

Некоторые корни присоединяют суффикс инфинитива *-tavaí* через *-i-*, например: *mánthitavaí* от *manth-* 'взбивать', *yámitavaí* от *yam-* 'обуздывать' и др.

Инфинитивы на *-tavaí*, как и на *-dhyai*, часто выступают в функции дательного падежа или придаточного предложения цели, будучи семантически связаны со всем высказыванием в целом, например: *nahí grábhāyáraṇaḥ suçévo | 'nyódaryo mánasā mántavā́ u* (VII, 4,8) 'Ведь чужой (сын) не бывает настолько милым, чтобы удерживать [D.sg.] (его), рожденный из другой утробы — чтобы думать (о нем) от (всего) сердца'.

Инфинитив на *-tavaí* может употребляться в сочетании с глаголами неполной предикации, конкретизируя их значение, например: *tvám indra srávitavā́ apás kaḥ* (VII, 21,3) 'Ты, о Индра, сделал, чтобы текли воды (букв. сделал воды для течения)'.

Инфинитив на *-tavaí* может употребляться в качестве предиката в отрицательном предложении. В этой функции он выражает долженствование, например: *naíṣā́ gávyūtir ápabhartavā́ u* (X, 14,2) 'Это поле нельзя обобрать'.

Инфинитивы на *-sáni* могли бы рассматриваться как формы местного падежа от основ на *-san-*, но таких в ведийском языке нет, и поэтому целесообразно принимать за суффикс инфинитива целиком *-sáni*. Инфинитивы этой структуры образуются

менее чем от десяти корней. Корневой гласный чаще бывает представлен ступенью гуна, ударение падает на суффикс, например: *neṣáṇi* от *nī-* 'вести', *parṣáṇi* от *par-* 'перевозить', *sakṣáṇi* от *sac-* 'следовать' и с долгим соединительным гласным *-ī- — tarīṣáṇi* от *tar-* 'пересекать'. Встречается и слабая ступень корневого гласного: *çūṣáṇi* от *çū-* 'набухать', а также формы от основ презенса: *gṛṇīṣáṇi* от *gar-/gir-* 'воспевать' и *stṛṇīṣáṇi* от *star-* 'расстилать'.

Инфинитивы на *-sáni* могут выражать цель, намерение, завися от определенного члена предложения, например: *nā́yiṣṭhā u no neṣáṇi párṣiṣṭhā u naḥ parṣáṇy áti dviṣaḥ* (X, 126,3) '(Вы) лучшие вожди, чтобы нас вести, (вы) лучшие перевозчики, чтобы нас перевезти через враждебные замыслы'. Они могут употребляться также в функции императива, например: *devám-devaṃ vó 'vasa índram-indraṃ gṛṇīṣáṇi* (VIII, 12,19) 'Только бога вам на помощь, только Индру надо воспевать'.

Инфинитивы с флексией дательного падежа

Инфинитивы на *-e* образуются непосредственно от корня. Корни, подверженные чередованию, бывают обычно в слабой звуковой ступени, а ударение падает, как и у корневых имен в том же падеже, на окончание, например: *dṛçé* от *dṛç-* 'видеть', *bhujé* от *bhuj-* 'вкушать', *riṣé* от *riṣ-* 'вредить' и др. Корни, оканчивающиеся на *-ā*, имеют в исходе этого инфинитива в соответствии с правилами сандхи *-ai*, например: *parādai* от *parā+dā-* 'передавать', *pratimai* от *prati+mā-* 'подражать' и др.

Этот тип инфинитива употребляется чаще от корней с приставками, причем в таких приставочных формах ударение нередко падает на корневой гласный, например: *sampṛ́che* от *sam+prach-* 'приветствовать', *pramíye* от *pra+mī* 'уменьшать' и др.

Инфинитивы данной структуры образуются более чем от десяти глагольных корней.

Инфинитивы на *-áse* формально совпадают с дательным падежом основ на *-as*, от которых они теоретически отличаются местом ударения. Практически же по месту ударения трудно классифицировать форму D.sg. на *-as*, ср., например: *bhiyásam* — A.sg. от *bhiyás-* 'страх', *bhiyáse* — inf. от глагола *bhī-* 'бояться', к тому же у части инфинитивов ударение падает на корневой гласный, как у *áyase* от *i-* 'идти', *cákṣase* от *cakṣ-* 'видеть'. Единообразия в отношении ступени корневого гласного нет, ср. *ṛ́ñjase* от *ṛ(ñ)j-* 'устремляться', *arháse* от *arh-* 'заслуживать', *rā́jase* от *rāj-* 'сверкать'.

Эти инфинитивы образуют около 25 глагольных корней.

Инфинитивы на *-áye* по форме являются дательными па-

дежами от основ мужского-среднего рода на *-i-*. Корневой гласный бывает обычно в слабой ступени, ударение — на гласном основы, например: *dṛçáye* 'чтобы видеть' (имени **dṛçi-* нет), *maháye* 'чтобы радоваться' (имени **mahi-* с тем же местом ударения и значением нет, есть прилагательное *máhi-* 'великий', 'сильный'), *yudháye* 'чтобы бороться' (**yudhi-* нет) и некоторые другие.

Инфинитивы на *-táye*, совпадающие с дательным падежом от основ женского рода на *-ti-*, образуются тоже всего лишь от нескольких корней: *iṣṭáye* 'чтобы подкрепить' от *iṣ-* 'приводить в движение', 'подкреплять' (ср. *iṣṭí-*), *pītáye* 'чтобы напиться' от *pā-* 'пить' (ср. *pītí-*), *vītáye* 'чтобы вкусить' от *vī-* 'стремиться', 'вкушать' (ср. *vītí-*), *sātáye* 'чтобы одолеть' от *san-* 'одолевать' (ср. *sātí-*).

Один инфинитив имеет окончание *-tyai*: *ityai* 'чтобы идти' от *i-* 'идти'.

Инфинитивы на *-tave* по форме соответствуют дательному падежу от основ на *-tu-*. Суффикс *-tave* присоединяется к корню в ступени гуна, находящемуся под ударением, например: *páktave* от *pac-* 'варить', *véttave* от *vid-* 'находить', *vóḍhave* от *vah-* 'везти', *vártave* от *var-* 'скрывать' и др. Некоторые корни присоединяют суффикс инфинитива с помощью соединительного гласного *-i-*, например: *cáritave* от *car-* 'бродить', *hávitave* от *hū-* 'звать'.

Этот тип инфинитива образует более 30 корней.

Инфинитивы на *-mane, -vane* соответствуют дательному падежу от основ на носовой согласный. Единообразия в ступени корневых гласных нет; у инфинитивов на *-mane* ударение чаще бывает на корне, например: *dā́mane* от *dā-* 'давать', *dhármaṇe* от *dhar-* 'держать', но *vidmáne* от *vid-* 'знать'; у инфинитивов на *-vane* — на суффиксе: *turváṇe* от *tar-/tur-* 'пересекать', *dāváne* от *dā-* 'давать'.

Для инфинитивов с флексией дательного падежа наиболее характерно значение цели. Они могут быть семантически связаны со всем предложением в целом, например: *vṛtréṇa yád áhinā bíbhrad áyudhā | samásthitā yudháye çáṃsam āvíde | ...* (X, 113,3) 'Когда ты, неся оружие, столкнулся со змеем Вритрой, чтобы сражаться, чтобы познать славу...'. Могут также зависеть от одного слова, обычно от глагола, например: *ád īṃ tritásya yóṣaṇo | háriṃ hinvanty ádribhiḥ | índum índrāya pītáye* (IX, 32,2) 'Тут жёны Триты гонят камнями золотистого коня — каплю Индре для питья'.

Прямой объект при инфинитиве от переходного глагола выражается чаще винительным падежом, но может быть в результате аттракции также дательный падеж, например: *jyók ca sū́ryaṃ dṛçé* (I, 23,21) 'и чтобы долго видеть солнце' и *ā́smábhyaṃ dṛçáye sū́ryāya* (X, 14,12) '...чтобы нам видеть солнце' (букв. 'для видения для солнца').

В функции сказуемого из всех разновидностей инфинитива с флексией дательного падежа выступают только инфинитивы на *-tave*. В этой функции они имеют значение императива, например: *agnér iva práśitir nā́ha vártave* (II, 25,3) 'Его не повернуть, как порыв огня'.

Инфинитивы с флексией винительного падежа

Инфинитивы на *-am* по форме являются винительным падежом от корневых основ. Корневой гласный представлен слабой ступенью, на него падает ударение. Почти всегда эти инфинитивы образуются от корней с приставками, например: *pratíram* от *pra+tar-* 'продлевать', *vicṛ́tam* от *vi+cṛt-* 'развязывать', *samídham* от *sam+i(n)dh-* 'зажигать' и др., единично — *çúbham* от *çubh-* 'сиять'.

В РВ этих инфинитивов более десятка.

Инфинитивы на *-tum* представляют собой по форме винительный падеж от основ на *-tu-*. Суффикс *-tum* присоединяется к корню в ступени гуна, находящемуся под ударением, например: *ótum* от *u-* 'ткать', *práṣṭum* от *prach-* 'спрашивать'. Некоторые корни присоединяют суффикс инфинитива через *-i-*, например: *khánitum* от *khan-* 'копать'.

В РВ этот тип инфинитива образуют только пять корней. Совсем немногочисленны они и в АВ. В дальнейшем развитии языка, в санскрите, этот тип инфинитива становится единственным и образуется от любого глагола.

Инфинитивы с флексией винительного падежа управляются глаголами движения или глаголами со значением «мочь», «хотеть» и т. п., выступая в функции прямого дополнения, например: *tvám pā́çān vicṛ́tam vettha sárvān* (AB, VI, 117,1) 'Ты знаешь, как разнять все оковы', *ádhā nv àsya saṃdṛ́çam jaganvā́n* (VII, 88,2) 'Раз пришел я его увидеть...'.

Инфинитивы с флексией отложительного-родительного падежа

Инфинитивы на *-as* являются по форме корневыми именами от корней на согласный в слабой звуковой ступени, находящихся под ударением. Засвидетельствованы только корни в сочетании с приставками, например: *avapádas* от *ava+pad-* 'падать вниз', *sampṛ́cas* от *sam+pṛc-* 'смешиваться' и др.

Этих инфинитивов в самхитах менее десятка.

Инфинитивы на *-tos* совпадают по форме с отложительным-родительным падежом от основ на *-tu-*. Корневой гласный имеет ступень гуна и находится под ударением, например: *étos* от *i-* 'идти', *yótos* от *yu-* 'отвращать', *kártos* от *kar-*

'делать'. Инфинитивы на *-tos* столь же немногочисленны, как и на *-as*.

Инфинитивы на *-as* обычно имеют значение отложительного падежа и управляются словами, автоматически требующими этого падежа, как *ṛté* 'без', *purá* 'перед', или глаголами определенной семантики: *trā-* 'защищать', *bhī-* 'бояться' и т. п., например: *trā́dhvaṃ kartā́d avapā́do yajatrāḥ* (II, 29,6) 'Защитите от падения в яму, о достойные жертв!'.

Инфинитивы на *-tos* могут иметь значение как отложительного, так и родительного падежа в зависимости от того, какое слово им управляет. Отложительный падеж управляется *purá* и *á* 'до', родительный — *madhyá* 'посреди' и глаголом *īç-* 'иметь', 'мочь', например: *catúraç cid dádamānād | bibhīyā́d á nídhātoḥ* (I, 41,9) 'Надо бояться держащего четыре (игральные кости) до раскладывания (костей)', *íçe hy àgnír amṛ́tasya bhárer | íçe rāyáḥ suvīryasya dā́toḥ* (VII, 4,6) 'Ведь Агни может дать обильный напиток бессмертия, он может — богатство из прекрасных сыновей'.

Инфинитивы с флексией местного падежа

Эта группа инфинитивов наименее обширна — она охватывает формы несколько более чем от десяти корней — и наименее ясна семантически и морфологически.

Инфинитивы на *-i* трудно отделить от местного падежа корневых имен, поскольку у них не встречается управления винительным падежом имени. Примеры таких инфинитивов: *budhí* 'при пробуждении' от *budh-*, *saṃcákṣi* 'при виде' от *sam+cakṣ-* и др.

Инфинитивы на *-tari* засвидетельствованы в двух случаях: *dhartári* '(чтобы) поддерживать' и *vidhartári* '(чтобы) наделить' от корня *dhar-*. Собственно локативного значения у этих инфинитивов нет.

Инфинитивы на *-ani, -mani* представлены несколькими неясными формами: *iṣáni* 'чтобы возбуждать' от *-iṣ-*, *vídharmaṇi* 'чтобы распределить' от *vi+dhar-* и некоторые другие.

ДЕЕПРИЧАСТИЯ

Деепричастия, или абсолютивы, представляют собой неизменяемые, наречные формы, образованные с помощью суффиксов от глагольных корней и выражающих побочное действие. Деепричастия сочетают черты наречия и глагола. Подобно личным формам глагола, деепричастия от переходных глаголов управляют винительным падежом. Подобно наречиям, они входят в состав только конструкций примыкания, которые не могут быть предикативными.

В ведийском языке абсолютивы образуются с помощью нескольких суффиксов, представляющих собой застывшие падежные формы. Между этими суффиксами нет никакой разницы в значении.

Существует дополнительное распределение вариантов суффиксов деепричастия в зависимости от того, образовано оно от простого глагольного корня или от корня с префиксом. В первом случае используются суффиксы на *-tv-* (т. е. восходящие к падежным формам основ на *-tu-*): *-tvī́*, *-tvā́*, *-tvā́ya*, во втором — суффиксы на *-y-* (т. е. восходящие к падежным формам имен на *-i-*): *-yā́/-tyā́*, например: *gatvī́*, *gatvā́ya* 'пойдя' от *gam-*, но *āgátyā* 'придя' от *ā+gam-* или *snātvā́* 'искупавшись' от *snā-*, но *utsnā́ya* 'вынырнув' от *ud+snā-*.

Деепричастия на *-tvī́* образованы с помощью наиболее употребительного из суффиксов на *-tv-*; в РВ он засвидетельствован в 15 случаях. После РВ он выходит из употребления. Высказывалось предположение о том, что он восходит к местному падежу основ на *-tu-*.

Этот суффикс присоединяется непосредственно к корню в слабом звуковом виде. Ударение падает на суффикс. Рефлексы слабой звуковой ступени корневого гласного и сандхи на морфемном шве те же, что у отглагольных прилагательных на *-tá-*. Вот некоторые примеры: *viṣṭvī́* от *viṣ-* 'действовать', *bhūtvī́* от *bhū-* 'быть', *gūḍhvī́* от *guh-* 'скрывать' (ср. отглагольное прилагательное *gūḍhá-*), *kṛtvī́* от *kar-* 'делать', *vṛktvī́* от *vraçc-* 'откалывать', *pītvī́-* от *pā-* 'пить' (ср. *pītá-*) и др. В двух случаях суффикс *-tvī́* присоединяется к корню посредством соединительного гласного *-i-*: *janitvī́* от *jan-* 'рождать(ся)' и *skabhitvī́* от *skabh-* 'подпирать'. В одном случае рефлекс корневого гласного в деепричастии отличается от его рефлекса в отглагольном прилагательном: *hā-* 'покидать', абсолютивы *hitvī́*, *hitvā́*, *hitvā́ya* с кратким гласным, отглагольное прилагательное *hīná-* — с долгим.

Деепричастия на *-tvā́* (произносится *-tuvā́*) встречаются в РВ от девяти корней. В дальнейшем их употребительность резко возрастает и к периоду санскрита *-tvā* становится единственным суффиксом деепричастий от глаголов без приставок. Вот некоторые примеры: *bhittvā́* от *bhid-* 'раскалывать', *yuktvā́* от *yuj-* 'запрягать', *vṛtvā́* от *var-* 'покрывать', *hatvā́* от *han-* 'убивать', *iṣṭvā́* от *yaj-* 'жертвовать', *suptvā́* от *svap-* 'спать', *mitvā́* от *mā-* 'мерить' (ср. *mitá-*) и др. Некоторые корни присоединяют *-tvā́* с помощью соединительного гласного *-i-*, например: *patitvā́* от *pat-* 'летать', 'падать', *himsitvā́* от *hims-* 'вредить' и др., а глагол *grabh-/grah-* 'хватать' — с помощью *-ī-*: *gṛhītvā́*. В редких случаях в ведийском языке встречаются деепричастия от каузативов: *kalpayitvā́* 'устроив' от *kalp-* 'соответствовать'.

Деепричастия на *tvā́ya* являются результатом контамина-

ции двух типов: на *-tvā́* и на *-ya*. В РВ они встречаются у семи корней и еще у нескольких в других самхитах. Структура основы та же, что у основ на *-tvā*, например: *gatvā́ya* от *gam-* 'идти', *hatvā́ya* от *han-* 'убивать', *yuktvā́ya* от *yuj-* 'запрягать', *kṛtvā́ya* от *kar-* 'делать' и др.

Деепричастия на *-yắ* (с долгим гласным, который может сокращаться; по происхождению — окончание инструментального падежа от основ на *-i-*) образуются от глаголов с префиксами, причем в этих формах префикс составляет с корнем одно слово. Это самый многочисленный тип деепричастий. В РВ по нему образуют формы около 40 корней. Корневой гласный у деепричастий на *-ya* обычно бывает представлен слабой ступенью, хотя на него и падает ударение, например: *vibhídya* от *vi+bhid-* 'разбивать', *abhibhū́ya* от *abhi+bhū-* 'превосходить', *anudṛ́çya* от *anu+dṛç-* 'глядеть вслед', *upasádya* от *upa+sad-* 'почитать' и др.

Существуют некоторые отличия в структуре корня у деепричастий на *-yắ* и на *-tv-*. Корни на *-ā* сохраняют этот гласный в деепричастиях на *-yắ*, например: *vimā́ya* от *vi+mā-* 'измерять'— ср. *mitvā́* от *mā-* 'мерить', *ādā́ya* от *ā+dā-* 'брать'— ср. *dattvā́* (*dat-* — усеченная форма презентной основы) от *dā-* 'давать' и т. п. Корни, оканчивающиеся на краткий гласный, имеют между этим гласным и суффиксом вставной согласный *-t-* (как у корневых имен), например: *abhijítya* от *abhi+ji-* 'побеждать', *upaçrútya* от *upa+çru-* 'подслушивать' и др., а также корни на *-an*, *-am*, слабая ступень которых представлена *-a*, например: *avagátya* от *ava+gam-* 'сходить', *vihátya* от *vi+han-* 'разбить' и др.

Первым элементом таких деепричастий иногда бывает не префикс, а наречная или даже именная форма, например: *akhkhalīkṛ́tyā* 'издавая (звук) «аккхали»' (звукоподражание), *araṃkṛ́tyā* 'приготовив' (наречие), *namaskṛ́tya* 'делая поклон' (имя), *punardā́ya* 'возвращая' (наречие), *pādagṛ́hya* 'схватив за ногу' (имя), *hastagṛ́hya* 'взяв за руку' (имя).

Морфологически деепричастия не имеют показателей вида, времени или залога. В контексте обычно им свойственно значение совершенного вида прошедшего времени, поскольку они обозначают побочное действие, предшествующее действию, обозначаемому сказуемым, например: *...rakṣásaḥ sám pinaṣṭana | váyo yé bhūtvī́ patáyanti naktábhir* (VII, 104,18) 'Раздавите ракшасов, которые, став птицами, летают по ночам!', *átīyāma nidás tiráḥ svastíbhir | hitvā́vadyám árātīḥ* (V, 53,14) 'Нам хотелось бы благополучно пересечь поношения, оставив бесчестие и бедствия (позади)!'. В отдельных случаях, однако, этих значений может и не быть, например: *sā́ no duhīyad yávaseva gatvī́ | sahásradhārā páyasā mahī́ gaúḥ* (IV, 41,5) 'Пусть она доится для нас, как если бы ходила [abs.] по пастбищу, великая корова, дающая тысячу струй!'.

Деепричастия на *-am* для периода самхит можно признать только условно, они более характерны для языка брахман и в меньшей степени — сутр. Речь идет о функционировании винительного падежа на *-am* от нескольких имен действия в качестве деепричастий несовершенного вида, которые выражают побочное действие, протекающее одновременно с действием сказуемого, например: *ṛcā́ kapótaṃ nudata praṇódam* (X, 165,5) 'Гимном оттолкните голубя, выталкивая (его)!'.

ПРОИЗВОДНОЕ СПРЯЖЕНИЕ

К производному, или вторичному, спряжению в отличие от основного относят такую систему спряжения, в которой все формы в принципе образуются от производной основы (а не от корня) и в которой всем формам свойственно кроме основного лексического значения корня еще некоторое дополнительное значение. Таким образом, критерием для отнесения к производному спряжению служат как формальные, так и семантические признаки. К этому спряжению относятся каузативы, интенсивы, дезидеративы и деноминативы.

Следует заметить, что личные формы производного спряжения в ведийском языке представлены преимущественно презенсом, иногда имперфектом. За пределами системы презенса засвидетельствованы лишь его отдельные формы. Поэтому данное спряжение можно рассматривать прежде всего как производные системы презенса. Первые три его разновидности — каузативы, интенсивы и дезидеративы — принадлежат к отглагольному словообразованию, последняя — деноминативы — к отыменному словообразованию глагола.

Каузативы, или понудительные глаголы, выражают производность глагольного действия от тождественного ему по лексическому значению глагола. Этот тип производных презентных основ менее последовательно отграничен от основного спряжения (а именно от X класса) как по своей формальной характеристике, так и по значению (которое свойственно не всем его членам).

Каузативы образуются путем присоединения суффикса *-áya* к корню с усиленным вокализмом, т. е. в ступени гуна (вриддхи). Ударение всегда падает на суффикс. Вот некоторые примеры: *vid-* 'знать', *vedáyati*; *kṣi-* 'жить', *kṣayáyati*; *cud-* 'точить', *codáyati*; *cyu-* 'сотрясать', *cyāváyati*; *vṛt-* 'вертеть(ся)', *vartáyati*; *var-* 'покрывать', *vāráyate*; *vas-* 'проживать', 'ночевать', *vāsáyati* и др.

Корни, оканчивающиеся на гласный *-ắ*, *-ṛ* (но не на *-ĭ́*; от корней на этот конечный гласный каузативы вообще очень редко встречаются, ср. выше *kṣayáyati*, что объясняют чисто фонетической причиной — нежелательной последовательностью — *ăyaya-*), нередко имеют в каузативах ступень вриддхи,

например: *bhū-* 'быть', *bhāváyati*; *dhar-* 'держать', *dhāráyati* (см. также выше).

Корни с *-a-*, за которым следует один согласный, т. е. корни — легкие слоги, также имеют тенденцию к удлинению гласного, например: *an-* 'дышать', *ānáyati*; *am-* 'вредить', *āmáyati*; *tap-* 'пылать', *tāpáyati*; *sad-* 'сидеть', *sādáyati*. Корни на *-a-* чаще имеют долгий гласный в каузативе.

Ряд корней указанной структуры имеет по два варианта каузативной основы: со ступенью гуна и вриддхи, например: *dru-* 'бежать', *draváyate* и *drāváyati*; *yu-* 'отделять', *yaváyati* и *yāváyati*; *çru-* 'слышать', *çraváyati* и *çrāváyati*; *sar-* 'течь', *saráyate* и *sāráyate*; *gam-* 'идти', *gamáyati* и *gāmáyati*.

Наконец, корни той же структуры могут иметь одну каузативную основу со ступенью гуна, например: *har-* 'удерживать', *haráyati*; *pan-* 'восхищаться', *panáyati*; *çaṃs-* 'восхвалять', *çaṃsáyati*; *çnath-* 'пронзать', *çnathāyati* и др.

В отдельных случаях в каузативе вместо качественного усиления корневого гласного происходит количественное, т. е. долгота, например: *duṣ-* 'портить(ся)', *dūṣáyati* (ср. pr. *duṣyati*); *par-/pur-* 'наполнять', *pūráyati* (видимо, под влиянием p.p. *pūrṇá-*).

Корни, оканчивающиеся на *-ā*, используют в каузативе суффикс *-(ā)paya-*, например: *dhā-* 'класть', *dhāpáyati*; *sthā-* 'стоять', *sthāpáyati*; *hā-* 'продвигаться', *hāpayati*. По аналогии эта форма употребляется в каузативах от нескольких корней на другие конечные гласные: *ji-* 'побеждать', *jāpaya-* (ЯВ), *çri-* 'опираться', *çrāpaya-* (ЯВ) и *kṣi-* 'жить', *kṣepaya-* (наряду с *kṣayáya-*), а также от *ar-/ṛ-* 'приходить в движение', *arpaya-*. Начиная с АВ, встречаются случаи сокращения корневого гласного перед суффиксом *-paya-*, как в *snapáya-* по сравнению с основой РВ *snāpáya-* от корня *snā-* 'купаться'.

От корня *pā-* 'пить' употребляется каузативная основа *pāyáya-* (принадлежность *-y-* к корню не исключена ввиду существования p.p. *pītá-*).

Имперфект от основы каузатива распространен достаточно широко. Он ничем не отличается от тематических имперфектов основного спряжения, например: *jan-* 'рождать(ся)', 3 pl.act. *ájanayan*, 3 pl.med. *ájanayanta*; *vṛt-* 'вертеть(ся)', 3 sg.act. *ávartayat*.

Личные временны́е формы за пределами системы презенса встречаются в ведийском языке в единичных случаях. Это несколько форм футурума: *dūṣayiṣyámi* от *duṣ-* 'портить', *dhārayiṣyáti* от *dhar-* 'держать', *vārayiṣyáte* от *var-* 'покрывать' и *vāsayiṣyáte* от *vas-* 'надевать'— и сигматического аориста: *dhvanayīt* от *dhvan-* 'скрывать' и *vyathayīs* от *vyath-* 'сотрясать'. В АВ один раз встречается форма описательного перфекта от отглагольного имени на *-ā* с основой каузатива+вспомогательный глагол *kar-* 'делать': *gamayāṃ cakāra* 'послал' (букв. 'сделал посылание') от *gam-* 'идти'.

Модальные формы с основой каузатива достаточно употребительны, прежде всего формы императива, а также субъюнктива и инъюнктива. Оптатив с этой основой очень редок.

Из неличных форм весьма широко распространены причастия на *-ant-* активного залога (этот залог вообще сочетается с каузативной основой гораздо чаще, чем медиальный), например: N.sg.m. *jaráyan*, f. *jaráyantī* от *jar-* 'стареть', 'старить' и др. Изредка встречаются отглагольные прилагательные на *-tá-*, у которых связь с каузативной основой выдает ступень корневого гласного, например: *coditá-* 'вдохновленный' от *cud-* 'точить', 'вдохновлять', *arpitá-* и *árpita-* 'вставленный' от *ar-/ṛ-* 'приводить в движение' и др.; еще реже отглагольные прилагательные на *-āyya*, как *panayáyya-* 'долженствующий вызывать восхищение' и др.; инфинитивы, как *páyayitavai* 'чтобы напоить' от *pā-* 'пить', *vartayádhyai* 'чтобы заставить вернуться' от *vṛt-* 'вертеть(ся)' и др.; абсолютивы, как *sādayitvā́* 'усадив' от *sad-* 'сидеть', *sraṃsayitvā́* 'уронив' от *sraṃs-* 'падать' и др.

Каузативное значение, как не раз отмечалось исследователями, связано в ведийском языке с основами на *-áya-* в весьма неодинаковой степени. От некаузативных основ класса X, образуемых также с помощью суффикса *-áya-*, каузативы, как правило, отличаются усиленным корневым вокализмом. Формальному противопоставлению «слабая ступень корневого гласного — ступень гуна или вриддхи» соответствует в некоторой части случаев семантическая оппозиция «непереходное значение (иногда проступает древнее нецеленаправленное, итеративное значение) — каузативно-переходное». Наиболее отчетливо это проявляется, когда имеют место основы на *-áya-* двух структурных типов от одного корня. Ср., например, *ruc-*, *rucáyati* 'он сияет'— *rocáyati* 'он зажигает' (='он заставляет сиять'): *diváç cid á te rucayanta rokā́* (III, 6,7) 'Твои огни сияют до самого неба' и *índraḥ sū́ryam arocayat* (VIII, 3,6) 'Индра зажег солнце' и т. п. Иногда это древнее соотношение значений распространяется и на те случаи, когда две основы на *-áya-* от одного корня различаются ступенью гуна и вриддхи корневого гласного. Ср., например, *dru-*, *draváyati* 'он спешит', 'он струится'— *drāváyati* 'он выливает' (='он заставляет струиться'): *ūrmír ná nimnair dravayanta vákvāḥ* (X, 148,5) 'Как волна низинами, пусть льются рокочущие (песнопения)' и *ádhvaryo drāváyā tváṃ sómaṃ* (VIII, 4,11) 'О жрец, лей твоего сому!'.

Однако в целом это соотношение даже в РВ в значительной степени уже стерто. Основы на *-áya-* со слабым и усиленным вокализмом могут семантически не различаться, например, *citáya-* и *cetáya-* от глагола *cit-* 'являться', 'воспринимать', 'понимать'. Иногда основа со слабым вокализмом имеет переходное значение, как p.pr. *gṛbhāyant-* 'хватающий' от *grabh-/gṛbh-*, а основа с полным вокализмом — непереходное, как

ṛaṃh-, *raṃhayate* 'он бежит' (ср. pr. *raṃhate* 'он торопит'). В результате можно сказать, что форма во многих случаях не является критерием для установления значения основ на *-áya*. С вокализмом же ступени вриддхи, а также с суффиксом *-páya-* каузативно-фактитивное значение бывает связано регулярно. В дальнейшем развитии языка основы на *-áya-* со слабой ступенью корневого гласного и итеративным или непереходным значением совсем вышли из употребления.

Следует уточнить еще понятие каузативного значения в ведах. Исследователями неоднократно подчеркивалось, что основы, классифицируемые по структурным признакам как каузативные, имеют каузативное значение только по отношению к исходному непереходному глаголу и, как правило, семантически ничем не отличаются от исходного переходного глагола. Например, *jan-*, *jā́yate* 'он рождается'— *jánati*, *janáyati* 'он порождает' (противопоставлению основ здесь соответствует также противопоставление медиальных и активных окончаний): *gárbhe sáñ jāyase punaḥ* (VIII, 43,9) 'Находясь в утробе, ты рождаешься снова'— *devám ádevaṃ janata prácetasaṃ* (IV, 1,1) 'Порождайте бога, устремленного к богам, мудрого', *agníṃ naro janayatā suçévaṃ* (III, 29,5) 'Агни, о мужи, порождайте дружелюбного'. Если же исходный глагол имеет переходное значение, то каузатив сохраняет это значение, а также часто и конструкцию, например, от глагола *dhā-* 'класть', 'помещать': *...tásmin mā́ṃ dhehi pavamānāmṛ́te loké áḳṣite* (IX, 113,7) '...туда помести меня, о Павамана, в бессмертный нерушимый мир!' и *çráddhe çrád dhāpayehá naḥ* (X, 151,1) 'О Вера, помести нас здесь в веру!'.

Конструкция с инструментальным падежом посредника при каузативном глаголе в ведах встречается, но это употребление редкое, например: *sám kāçayāmi vahatúṃ bráhmaṇā gṛhaír | aghoréṇa cákṣuṣā mitríyeṇa* (AB, XIV, 2,12) 'Я велю домашним взирать на свадебную процессию с молитвой, не страшным взором, дружеским' (букв. 'Я велю, чтоб было посмотрено домашними...').

Интенсивы, или фреквентативы, выражают усиление значения основного глагола в качественном или количественном отношении. Этот тип производного спряжения в РВ образуется более, чем от 90 корней, в АВ приблизительно вполовину меньше (в дальнейшем интенсивы постепенно выходят из употребления и в санскрите встречаются крайне редко). Существуют некоторые структурные ограничения в отношении корней, способных образовывать интенсивы. Их не образуют корни, начинающиеся с гласного, кроме *ṛ-*/*ar-* 'приходить в движение' и корни, оканчивающиеся на *-ā*.

Интенсивы образуются двумя способами: 1) без суффикса, с помощью особого типа удвоения и 2) путем присоединения суффикса *-ya-* к интенсивной основе первого типа.

Бессуффиксный способ образования интенсивов посредством особого специфичного только для этого производного спряжения удвоения является основным в ведийском языке, и ему следует бóльшая часть корней, от которых засвидетельствованы формы интенсивов. Основы этого типа атематические, корневой гласный подвержен чередованию. Тип парадигмы в принципе тот же, что у редуплицированных атематических основ класса III презенса. В сильных формах ударение падает на слог удвоения, а корневой гласный представлен ступенью гуна, в слабых формах — на окончание, а в форме 3 pl.act.— на удвоение при корневом гласном в слабой звуковой ступени. Флексия 3 pl.act. *-ati* — как у редуплицированных презенсов, суффикс активного причастия — *-at-*.

Как у всех атематических образований, на морфемных швах и в ряде форм в конце слова в интенсивах действуют сандхи согласных.

Для интенсивов характерен усиленный тип удвоения. Корневые гласные *ĭ*, *ŭ* в слоге удвоения бывают представлены ступенью гуна, т. е. соответственно *e*, *o*, например: *diç-* 'показывать', *dédiṣṭe*; *vī-* 'стремиться', 'наслаждаться', *veveti*; *pruth-* 'сопеть', p.pr. *pópruthat-*; *ru-* 'реветь', *róravīti*.

Корни, вокализм которых представлен исконными дифтонгами на плавные и носовые сонорные, большей частью также имеют ступень гуна в слоге удвоения, т. е. *ar*, *al*, *an*, *am*, например: *kar-* 'делать', p.pr. *kárikrat-*; *vṛt-* 'вертеть(ся)', *varīvarti*; *cal-* 'шевелиться', *calcalīti* (ЯВ) (также *cācalat* — АВ); *san-* 'добывать', 3 pl.med. *saniṣṇata*; *nam-* 'сгибать', *námnamīti* и p.pr. *nánnamat-*; *jambh-* 'разжевывать', p.pr.med. *jáñjabhāna-* и др. Из корней на *ṛ* только три имеют иной рефлекс в слоге удвоения. У дифтонгов на остальные сонорные нередко встречается и иной вокализм редупликации, например: *randh-* 'подчинять', iv. *rārandhi*; *van-* 'желать', iv. *vāvandhi* (наряду с adj. *vánīvan-*) и др. Корень *ar-*/*ṛ-* образует основу интенсива *álar-* (результат диссимиляции согласного). Корень *gāh-* 'нырять' имеет аномальную редупликацию с согласным n — *jáṅgahe*.

Корни с *ă*, за которым следует шумный согласный (а в некоторой части случаев — сонант), имеют в слоге редупликации *ā*, например: *lap-* 'болтать', *lálapīti*; *vad-* 'говорить', *vāvadīti*; *çvas-* 'пыхтеть', p.pr. *çáçvasat-* . Из глаголов на *-ṛ* по этому типу образуют интенсивы *gar-* 'бодрствовать', iv. *jāgṛhi*; *dar-* 'разламывать', iv. *dādṛhi* (наряду с более употребительными формами *dárdarṣi* и пр.) и *dhar-* 'держать', *dādharti* (наряду с формами РВ *dardharṣi* и пр.), а также некоторые глаголы на *-al*, *-an*, *-am* (см. выше).

Более, чем у 20 корней, оканчивающихся на носовой согласный, носовой+шумный согласный, *-ū* или имеющих корневой гласный *ṛ*, засвидетельствовано двуслоговое удвоение, вторым слогом которого является гласный *-ī-*. Количество гласного

определяется ритмической закономерностью: *ī* перед одним согласным, *ĭ* перед двумя, например: *gam-* 'идти', *ganīganti* (*n* редупликации, как указывалось исследователями, возникло в результате ассимиляции с корневым *-n*, вызванным сандхи; при этом надо отметить, что последовательность *-amī-* в интенсивах вообще не встречается); *krand-* 'ржать', *kánikranti*; *han-* 'убивать', p.pr. *ghánighnat-* (наряду с *jaṅghanti* и пр.); *dhū-* 'сотрясать', p.pr. *dávidhvat-*; *dyut-* 'светить', 3 sg.inj. *dávidyot*; *bhar-* 'нести', 3 pl.act. *bharibhrati* (наряду с *jarbhṛtás*) и др.

Тип интенсивов с двуслоговым удвоением не вполне устойчив, и ряд основ имеет дублеты по обычному типу. В интенсивах с *-ĭ-* в удвоении не всегда соблюдаются правила, касающиеся консонантизма удвоения. Придыхательный согласный корня может сохраняться: *bhar-*, *bharibhr-*, но *dhū-*, *davidhv-*; *phaṇ-* 'прыгать', *pánīphaṇ-*. Гуттуральный согласный корня может сохраняться, как в *krand-*, *kánikr-*; *gam-*, *ganīgan-/ganigm-*; возможны оба рефлекса, как в *skand-* 'прыгать', *canīṣkad-* и *kániṣkand-*; наконец, встречается случай «восстановления» согласного в корне, как в основе *janghan-* от *han-*, или также в слоге удвоения, как в основе *ghánighn-* от того же корня. Кстати, случай колебания между гуттуральным и палатальным при редупликации засвидетельствован также в интенсиве без соединительного гласного: основы *kárikr-* и *carikr-* от *kar-* 'делать'. У корня *bhar-* имеет место аномальный палатальный согласный в слоге удвоения — *jarbhṛ-* (ср. также перфект *jabhāra*).

В корнях на *-ā-* корневой гласный подвергается сокращению после слога редупликации с долгим гласным, например: *kāç-* 'сиять', *cākaçīti*; *bādh-* 'угнетать', 3 sg.med. *bābadhe* (наряду с аномальной формой *badbadhé*); *vāç-* 'лаять', 3 du.impf.med. *avāvaçītām*.

Корни, оканчивающиеся на *-ṛ*, имеют в интенсивных основах разные рефлексы, например: *kar-/kir-* 'восхвалять', *carkarmi*, *carkiran* (ср. также аномальную форму 3 sg.med. *cárkṛṣe*); *gar-/gir-* 'глотать', subj. *jalgulas*, p.med. *járgurāṇa-*; *tar-/tir-/tur-* 'пересекать', *tartarīti*, p.med. *tárturāṇa-*; *dar-/dir-* 'трескаться', *dardarīti*, subj. *dardirat*.

В отношении флексии интенсивов, в целом следующей образцу атематического редуплицированного класса презенса, следует отметить ту особенность, что ряд согласных окончаний у некоторых глаголов присоединяются к корню посредством гласного *-ī-*. Обычно это бывают окончания *-mi*, *-ti* и один раз встретились окончания 2 du.act. *-thas* (*tartarīthas* от *tar-*) и 3 sg.iv. *-tu* (*johavītu* от *hū-*). Причем гласный *-ī-* имеет место перед флексией только в тех случаях, когда его нет после слога редупликации в данной форме. Вот некоторые примеры: *kāç-*, *cākaçīmi*, *cákaçīti*; *bhur-* 'дергаться', *járbhurīti*; *hū-*

'звать', *johavīmi*, *johavīti* и др. Образцом для этих форм могли служить как отдельные формы атематического презенса типа *brū-* 'говорить', *brávīti*, так и формы аориста и имперфекта на *-īt*.

Имперфект у интенсивов также бывает атематическим, в силу чего совпадают формы 2 и 3 sg.impf.act., например: 2, 3 sg. *ádardar* от *dar-*. Со вторичными окончаниями встречаются все структурные разновидности основ имперфекта, например: *dávidyot* от *dyut-*, *ájohavīt* от *hū-* и др. В целом же имперфект засвидетельствован гораздо хуже, чем презенс, и совсем редко встречается в медиальном залоге.

Из модальных форм от основы интенсива встречается прежде всего императив, причем всегда с активными окончаниями, например: *nenigdhi* от *nij-* 'мыть', *barbṛhi* от *bṛh-* 'вырывать' (с утратой корневого *-h* перед *-h-* окончания), *carkṛtāt* от *kar-*, *veveṣṭu* от *viç-* и др. Засвидетельствованы также формы инъюнктива и субъюнктива, корневой вокализм которого может быть представлен как ступенью гуна, так и слабой ступенью, например: *parpharat* от *phar-* 'рассыпать', но *marmṛjat* от *mṛj-* 'стирать'. Оптатив почти не встречается.

За пределами системы презенса имеется несколько форм перфекта с основой интенсива, например: *davidhāva* от *dhū-* 'сотрясать', *nónāva* от *nu-* 'ликовать', *jāgára* от *gar-* 'бодрствовать' (этот глагол образует всю парадигму от основы интенсива, утратившей специфическое значение и функционирующей в качестве корня).

Причастия от основы интенсива достаточно многочисленны, особенно в активном залоге (примеры см. выше).

Образование интенсивов с помощью суффикса *-yá-*, находящегося под ударением, мало характерно для ведийского языка, особенно для его раннего периода развития, представленного в РВ (в дальнейшем этот тип интенсивов развивается за счет атематического). В ведийском языке насчитывается около десятка таких форм. Они не образуют парадигмы. Встречаются только формы 2, 3 sg. и 3 pl. В этих формах суффикс *-yá-* присоединяется к основе интенсива (без гласного *ĭ* удвоения), а флексия всегда бывает медиальной. По форме эта тематическая разновидность интенсивов напоминает пассив. Корневой гласный перед суффиксом *-yá-* трактуется у этих интенсивов так же, как в пассиве. Вот некоторые примеры: *diç-* 'показывать', *dediçyáte*; *rih-* 'лизать', *rerihyáte*; *tar-* 'пересекать', *tartūryánte* и др. Кроме того засвидетельствовано несколько медиальных причастий: *car-* 'бродить', *carcūryámāṇa-* и др.

Как уже было сказано, интенсивные глаголы передают значение усиленного и повторного характера действия, выраженного исходным глаголом. Вот некоторые примеры: *pánya ā dardirac chatá | sahásrā vājy ávṛtaḥ* (VIII, 32,18) 'Удивительный захватчик добычи пусть разбивает сотни, тысячи — беспре-

пятственно!'; *imáṃ me agne púruṣaṃ mumugdhy | ayáṃ yó baddháḥ súyato lālapīti* (AB, VI, 111,1) 'Освободи мне, Агни, этого человека — того, кто громко кричит, связанный, крепко затянутый!'. Это значение присуще всему классу интенсивов. Лишь у отдельных глаголов — *gar-* 'бодрствовать', *nij-* 'мыть' и *viṣ-* 'действовать'— это значение стерлось, и интенсивные презенсы выступают в функции обычных.

Дезидеративы выражают желание совершить действие, обозначенное исходным глаголом. В самхитах их образует около 60 глаголов (в дальнейшем развитии языка их число возрастает).

Дезидеративы образуются от корня в слабой звуковой ступени с помощью неусиленного удвоения, на которое падает ударение, и суффикса *-sa-*. Таким образом, дезидеративные основы являются тематическими и, следовательно, лишенными чередования.

Дезидеративное удвоение подчиняется общим правилам редупликации, но при этом обладает некоторыми специфическими особенностями, как и трактовка корня. Гласным редупликации в дезидеративах бывает *-i-* при корнях на *ă*, *ĭ*, *ŗ*; *u* — при корнях на *ŭ*, например: *pat-* 'летать', *pipatiṣati* (AB; единственный случай в раннем ведийском языке, когда суффикс *-sa-* присоединяется через *-i-*, в дальнейшем же распространяется именно вариант *-iṣa-*), *pā-* 'пить', *pipāsati*, *pípīṣati*; *riṣ-* 'вредить', *ririkṣati*; *nī-* 'вести', *ninīṣati*; *ruh-* 'подниматься', *rúrukṣati*; *duh-* 'доить', inj. *dúdukṣan*; *bhū-* 'быть', *búbhūṣati*; *sŗp-* 'ползти', *sísŗpsati*.

В основах дезидеративов корневой гласный подвергается определенным изменениям. Конечные *-i*, *-u* корня перед суффиксом *-sa-* удлиняются, например: *ci-* 'видеть', *cikīṣate*; *ji-* 'побеждать', *jigīṣati*; *çru-* 'слышать', p.med. *çúçrūṣamāṇa-*. Конечный *-ŗ* корня дает рефлексы *-īr*, *-ūr*, например: *kar-* 'делать', *cikīrṣati*; *tar-/tir-/tur-* 'пересекать', *tútūrṣati* (с долгим гласным удвоением), *titīrṣati* (в брахманах), а также *dhvar-/dhūrv-* 'повреждать', *dúdhūrṣati*. Конечный *-ā* у ряда корней в дезидеративных основах бывает представлен *-ī*, а в одном случае — *-ĭ*: *gā-* 'идти', *jigīṣati* (СВ), *jigāsati* (брахманы); *pā-* 'пить', *pípīṣati*, *pipāsati*; *hā-* 'продвигаться', *jihīṣate*; *dhā-* 'класть', *dídhiṣanti* с кратким *-i*; но *jñā-* 'знать', *jijñāsate*; *dā-* 'давать', p.pr. *dídāsant-*, *sthā-* 'стоять', *tiṣṭhāsati* (брахманы).

Наибольшие изменения происходят в дезидеративных основах, если корень имеет гласный *-a-*. В нескольких корнях на *-an*, *-am* слабая ступень представлена долгими *-ān*, *-ām*: *gam-* 'идти', *jigāṃsati*; *man-* 'думать', *mīmāṃsate*; *han-* 'убивать', *jighāṃsati*, или долгим гласным *-ā-*: *van-* 'желать', *vívāsati*; *san-* 'добывать', *síṣāsati*.

Небольшая группа корней с вокализмом *-ā* или *-a-* образует

дезидеративы без удвоения с вокализмом *-ĭ-*. У части этих корней подобная основа дезидератива является результатом фонетического развития, вызванного утратой конечного *-ā*, у другой части основы дезидератива такой структуры возникли, видимо, по аналогии, причем грань между теми и другими не всегда легко провести. Фонетическими причинами целесообразно объяснять дезидеративные основы от *dā-* 'давать'— *díttsati* (наряду с p.pr. *dídāsant-*) и *dhā-* — *dhítsati* (наряду с *dídhiṣanti* и пр.), потому что известны редуплицированные презентные основы с нулевым корневым вокализмом *datté*, *dhatté* и пр. (наряду с полными редуплицированными основами *dádāti*, *dádhāti*). Можно предположить фонетические причины в возникновении дезидеративов от *dabh-* 'угнетать'— *dípsati* (<**di-dbh-sa-ti*) и от *çak-* 'быть способным', 'мочь'— *çikṣati* (<**çi-çk-sa-ti*). Кроме этих дезидеративов по той же модели образуют дезидеративные формы корни *sah-* 'одолевать'— *sík-ṣanta*; *labh-* 'получать'— *lípsate*; *āp-* 'достигать'— inj. *īpsan* и один корень с вокализмом *ŗ* — *ŗdh-* 'процветать'— p.pr. *īrt-sant-*. В одном случае дезидератив отличается от исходного глагола не только грамматическим, но и развившимся на его базе лексическим значением: *bhaj-* 'наделять', *bhikṣate* 'просить (милостыню)'.

Глагол *a(ṃ)ç-* 'достигать' образует дезидератив *iyakṣati*, который в свою очередь служит моделью для дезидератива *ínakṣati* от *naç-* id.

У нескольких корней гласный удвоения бывает долгим, например: *tar-/tur-* 'пересекать', *tútūrṣati*; *bādh-* 'угнетать', *bī-bhatsate* (с сокращением корневого гласного); *man-* 'думать', p.med. *mīmāṃsamāna-* (с удлинением корневого гласного).

Если корень начинается с палатального согласного или с *h-*, то в дезидеративной основе в нем «восстанавливается» исконный гуттуральный, как в *cit-* 'замечать', *cíkitsati*; *ji-* 'побеждать', *jígīṣati*; *han-* 'убивать', *jighāṃsati* и др.

Спряжение дезидеративов в презенсе и имперфекте следует тематическому образцу.

За пределами системы презенса формы от основы дезидератива в ведийском языке почти не встречаются. Следует упомянуть лишь две формы аориста, засвидетельствованные в AB: *ŗdh-* 'процветать', *īrtsīs*; *cit-* 'замечать', *acikitsīs* и отдельные причастия.

От основы дезидератива образуется ряд прилагательных на *-u-*: *didŗkṣú-* 'желающий видеть' (*dŗç-*), *pipīṣu-* 'желающий пить' (*pā-*) и т. п. и абстрактные существительные женского рода на *-ā*: *jigīṣā́-* 'желание победить', *bhikṣā́-* 'выпрашивание' и т. п.

Дезидеративные глаголы имеют вполне отчетливую семантику, обозначая желание сделать то, что выражено исходным глаголом. Иногда это значение приближается к значению фу-

туральности. Вот некоторые примеры: *dípsauṣadhe tvám dipsantam* (AB, V, 14,1) 'Постарайся ты повредить тому, о трава, кто старается повредить!', *ádhvaryo drāváyā tvám | sómam índraḥ pipāsati* (VIII, 4,11) 'О адхварью, дай ты струиться соме: Индра хочет пить!', *bhúridā bhúri dehi no | mā́ dabhrám bhúry ā́ bhara | bhúri ghéd indra ditsasi* (IV, 32,20) 'О дающий много, дай нам много. Не мало, а много принеси! Ведь ты хочешь, о Индра, дать много!'.

У некоторых дезидеративов развилось новое лексическое значение по сравнению с исходным глаголом, например: *tij-* 'точить'— *títikṣa-* 'терпеть', *bhaj-* 'наделять'— *bhíkṣa-* 'просить', *man-* 'думать'— *mímāṃsa* 'разбирать', 'доказывать' *çru-* 'слушать'— *çúçrūṣa-* 'слушаться', *çak-* 'мочь'— *çíkṣa-* 'учить' и др.

Деноминативы, или отыменные глаголы, образуются от именных основ (бóльшей частью существительных, иногда прилагательных) с помощью суффикса *-ya-*, на который падает ударение. Они выражают широкий круг значений, базирующихся на значении исходного имени: «быть подобным тому, что выражено именем», «действовать как то, ~», «становиться тем, ~», «использовать то, ~», «желать того, ~» и др. Они могут быть непереходными и переходными, употребляться с активными и медиальными окончаниями. Как глаголы они употребляются с наречиями-префиксами.

Деноминативы особенно широко распространены в РВ, где они образуются более, чем от ста основ. В дальнейшем их число заметно уменьшается.

Деноминативы принято формально классифицировать по тому типу именной основы, к которой присоединяется суффикс *-yá-*. В сочетании с этим суффиксом конечный элемент основы может претерпевать определенные изменения.

Самым распространенным типом деноминативов являются образования от продуктивных именных основ на *-a*. В сочетании с тематическим гласным основы образуется исход деноминатива *-ayá-*, который отличается от суффикса каузативов *-áya-* только местом ударения, если оставить в стороне разницу в значении. Вот некоторые примеры: *indray-*, *indrayante* 'вести себя, как Индра' (*índra-*); *ṛtay-*, inj. *ṛtayanta* 'действовать в соответствии с космическим законом' (*ṛtá-*); *devay-*, p.pr. *devayánt-* 'служить богам' (*devá-*); *sumnay-*, p.pr. *sumnayánt-* 'быть благочестивым' (*sumná-*); *anu vīray-*, 2 pl.iv. *anu vīrayadhvam* 'брать пример мужества' (*anu* 'вслед', 'за'; *vīrá-* 'герой') и др. В отдельных случаях исходная основа на *-a-* в самостоятельном употреблении не засвидетельствована, например, *kaṇūkay-*, p.pr. *kaṇūkayánt-* 'быть в нужде'.

Из этого продуктивного типа деноминативов выделяется суффикс *-ayá-*, который изредка присоединяется к согласным типам основ, например: *iṣay-*, 1 pl.opt. *iṣayema*, p.pr. *iṣayánt-*

'быть свежим', 'быть сильным' (*iṣ-* f. 'сок', 'сила'); *ūrjáy-*, *ūrjayanti*, p.act. *ūrjáyant-*, p.med. *ūrjáyamāna-* 'изобиловать', 'быть сильным' с необычным местом ударения (*úrj-* f. 'жирный напиток', 'сила'). Морфологически неясной остается основа деноминатива *dhunay-*, inj. *dhunayanta* 'шуметь' (*dhúni-* 'шумный').

В определенной части случаев тематический гласный в именной основе перед суффиксом *-yá-* удлиняется, например: *açvāy-*, p.pr. *açvāyánt* 'желать коней' (*áçva-*); *tilvilāy-*, 2 pl.iv.med. *tilvilāyádhvam* 'быть плодородным' (*tilvila-*); *priyāy*; 3 sg.impf. med. *ápriyāyata* 'дружить' (*priyá-*); *yajñāy-*, p.pr. *yajñāyánt-* 'приносить жертву' (*yajñá-*); *rathirāy-*, p.pr. *rathirāyánt-* 'перевозиться на колеснице' (*rathirá-* 'колесничий'); *randhanāy-*, impf. *arandhanāyas* 'отдавать во власть' (*randhana-* 'уничтожающий', n. 'уничтожение').

Иногда от основ на *-a-* сосуществуют оба варианта деноминативных основ, например, от *ṛtá-* 'космический закон'— *ṛtay-* и *ṛtāy-*, от *sumná-* 'благочестивый'— *sumnay-* и *sumnāy-*.

В отдельных случаях в деноминативах, образованных от тематических основ, перед суффиксом *-yá-* *-a-* меняется на *-ī-*, *-i-*, например: *anniy-*, p.pr. *anniyánt-* 'хотеть еды' (*ánna-*); *adhvarīy-*, p.pr. *adhvarīyánt-* 'устраивать праздник жертвоприношения' (*adhvará-*); *putrīy*, p.pr. *putrīyánt-* 'хотеть сыновей' (*putrá-*).

В деноминативах от основ на *-ā-* конечный гласный основы обычно сохраняется перед суффиксом, например: *gopāy-*, *gopāyánti* 'охранять' (*gopá-* m. 'пастух'); *duchunāy-* 'хотеть причинить зло' (*duchunā-*); *manāy-*, *manāyánt-* 'быть расположенным' (*maná-* f.). Деноминативов от этих основ немного. Среди них попадаются отдельные случаи, когда деноминатив образован не от основы, а от падежной формы на *-ā*, например: *dhiyāy-*, *dhiyāyate*, p.pr. *dhiyāyant-* 'размышлять', 'отмечать' от *dhiyá* 1 sg. от *dhī-* f. 'мысль'; *tvāy-*, p.pr. *tvāyánt-* 'любить тебя' от *tvá* — A.sg. от *tvám* 'ты'.

В небольшой группе деноминативов, образованных от основ на *-i-*, *-ī-*, *-u-*, *-ū-*, гласный, предшествующий суффиксу *-yá-*, почти всегда бывает долгим, например: *arātīy-*, *arātīyant-* 'быть враждебным' (*árāti-*); *jánīy-*, *janīyánt-* 'хотеть жены' (*jáni-*, *jánī-*); *rayīy-*, p.pr. *rayīyánt-* 'хотеть богатства' (*rayí-*); *kavīy-*, p.pr.act. *kavīyánt-*, p.pr.med. *kavīyámāna-* 'действовать как мудрец' (*kaví-*); *ṛjūy-*, *ṛjūyánt-* 'направляться прямо' (*ṛjú-*); *sukratūy-*, *sukratūyase* 'быть очень искусным (при жертвоприношении)' (*sukrátu-*) и др., но *gātuy-*, *gātuyánti* 'создавать свободный путь' (*gātú-*) и *raghuy-*, p.pr. *raghuyánt-* 'быстро мчаться' (*raghú-*). Деноминатив *çrudhīy-*, p.pr. *çrudhīyant-* 'слушаться' образован от формы 2 sg.iv.act. *çrudhí* 'слушай!' от глагола *çru-*.

Встречается один случай образования деноминатива от ос-

новы на дифтонг, которая представлена ступенью гуна: *gavy-*, p.pr. *gavyánt-* 'хотеть коров' (*gó-*).

Среди деноминативных глаголов, образованных от основ на согласные, чаще других встречаются формы от основ на *-as-* и на *-an-*. Деноминативы на *-asyáti* образованы от основ среднего рода на *-as-*. Они обладают ясной морфологической структурой. Вот некоторые примеры: *apasy-*, subj. *apasyát* 'быть деятельным' (*ápas-*); *duvasy-*, *duvasyáti* 'делать подарки' (*dúvas-*); *namasy-*, *namasyánti* 'почитать' (*námas-*); *çravasy-dú* subj. *çravasyát* 'стремиться к славе' (*çrávas-*). Они образуются иногда от сложных слов, например: *nṛmaṇasy-*, *nṛmaṇasyase* 'быть расположенным к людям' (*nṛmáṇas-*); вызывают образования по аналогии как *mānavasy-*, p.pr. *mānavasyánt-* 'действовать, подобно людям' (хотя соответствующая именная основа *mānavá-*). Иногда исходная именная основа на *-as-*, от которой образован деноминатив, не засвидетельствована, например: *irasy-*, *irasyáti* 'сердиться' (**iras-* нет).

К деноминативам на *-asyati* примыкают небольшие группы деноминативов на *-iṣyáti* и *-uṣyáti* соответственно от основ на *-iṣ*, *-uṣ*, например: *taviṣy-*, *taviṣyáte* 'быть сильным' (**tavis-* нет, но есть *taviṣá-* 'сильный' и *táviṣī-* 'сила'); *saniṣy-*, *saniṣyati*, p.pr. *saniṣyánt-* 'хотеть добыть' (**sanis-* нет, но есть *saní-* 'добыча'); *uruṣy-*, *uruṣyáti* 'избегать', 'спасать' (**urus-* нет, есть *urú-* 'широкий', 'свободный'); *vanuṣy-*, *vanuṣyáti* 'быть ревностным' (*vanús-*); *vapuṣy-*, inj. *vapuṣyan*, p.pr. *vapuṣyánt-* 'дивиться' (*vápus-*).

От основ на *-n*, реальных или предполагаемых, образуются деноминативы на *-anyáti*, например: *ukṣaṇy-*, p.pr. *ukṣaṇyánt-* 'вести себя, как бык' (*ukṣán-*); *udany-*, p.pr. *udanyánt-* 'струиться' (*udán-* 'волна'); *vṛṣaṇy-*, *vṛṣaṇyati* 'кидаться, как бык' (*vṛ́ṣan-*); *damany-*, inj. *damanyat* 'подавлять' (**daman-* нет); *ruvaṇy-*, inj. *ruvaṇyas-* 'громко кричать' (**ruvan-* нет); *saraṇy-*, subj. *saraṇyān* 'спешить' (**saran-* нет, есть *◦saraṇa-* 'спешащий') и др.

Несколько деноминативных глаголов образованы от именных основ на *-r*, бóльшая часть которых в текстах не засвидетельствована, например: *adhvary-*, p.pr. *adhvaryánt-* 'устраивать праздник жертвоприношения'; *vadhary*, p.pr. *vadharyánt-* 'метнуть оружие' (*vádhar-*). Отсутствуют соответствующие существительные у *rathary-*, *ratharyáti* 'ехать на колеснице' (ср. *rátha-*); *vithury-*, *vithuryáti* 'колебать' (ср. *vithurá-*); *çrathary-*, *çratharyáti* 'отпускать', 'освобождать'; *sapary-*, *saparyáti* 'уважать', 'почитать'.

От основ на смычные согласные деноминативные глаголы почти не встречаются. Существует лишь одна бессуффиксная форма *bhiṣáj-*, *bhiṣákti* 'лечить' от *bhiṣáj-* m. 'лекарь'.

Встречаются отдельные морфологически неясные деноминативы, как *iṣudhy-*, *iṣudhyati* 'целиться' (**iṣudh-* нет, есть *iṣudhi-* 'колчан' — сложное слово: *iṣu-* 'стрела' + *dhi-* от *dhā-* 'класть'); *hary-*, p.pr. *haryánt-* 'сверкать' (*hári-* 'золотистый'). Глагол *pat-*, *pátyati* 'повелевать', имеющий вид простого глагола и относимый обычно к классу IV презенса, видимо, также является деноминативным (ср. *páti-* 'господин', 'повелитель').

Есть несколько деноминативов с ударением, как у каузативных глаголов: *arthay-*, *arthấyati* 'стремиться' (*ártha-* 'цель'); *mantray-*, *mantráyante* 'говорить' (*mántra-*). Эти глаголы составляют переходное звено между деноминативами и каузативами, от деноминативов они отличаются также по значению.

Среди деноминативов встречается немало однократных, пробных образований. Ряд деноминативов имеет дублетные основы. Многие представлены только формой причастия настоящего времени активного залога.

Деноминативы — это разновидность тематического спряжения презенса. Презентная основа представлена также отдельными формами имперфекта, императива, инъюнктива и субъюнктива со вторичными окончаниями. За пределами системы презенса встречаются только изолированные формы аориста: *ūnay-*, 2 sg. *ūnayīs* 'быть неисполненным' (*ūná-*); *jāray-*, 3 sg.aor.pass. *jārayấyi* 'вести себя, как любовник' (*jārá-*).

Деноминативное происхождение предполагают у группы глаголов на *-āyá-*, которые, видимо, произведены от незасвидетельствованных имен женского рода на *-ā-* типа *gṛbhāyáti* 'хватать' (от *gṛbhấ-*) наряду с *gṛbhṇấti* (см. с. 321).

СИНТАКСИЧЕСКИЕ СТРУКТУРЫ

На синтаксическом уровне ведийский текст можно описать в виде набора элементарных синтаксических конструкций (ЭСК) и правил их сочетаний в предложении.

Под ЭСК подразумеваются минимальные сегменты текста, в пределах которых реализуются все возможные типы связей в простом предложении. ЭСК, состоящие из полнозначных слов, бывают обычно двучленными. Для ведийского языка целесообразно выделять два яруса ЭСК в зависимости от семантики составляющих их элементов. Ярус I объединяет сочетания полнозначного слова с неполнозначным. У последнего типа слов лексическое значение полностью реализуется лишь в сочетании с одним из слов первого типа. Степень слияния значений бывает весьма различной: от сохранения двух отдельных лексических значений, из которых одно уточняет другое, до почти полной утраты вспомогательным элементом конструкции самостоятельного лексического значения и приобретения им грамматического значения, в результате чего может возникнуть одно новое лексическое значение всей конструкции. Ярус II объединяет сочетания двух полнозначных слов.

По характеру отношений между входящими в их состав членами ЭСК могут выражать подчинительную и сочинительную связь. Подчинительная связь реализуется в виде согласования, управления или примыкания. При согласовании оба члена конструкции характеризуются одним набором граммем; при управлении набор граммем у членов конструкций разный, в этом случае выбор хотя бы одной граммемы в наборе одного члена (управляемого) определяется набором граммем другого члена (крайний случай этой ситуации — когда управляющий член имеет нулевой набор граммем); при примыкании один из членов конструкции (управляемый) обладает или нулевым набором граммем, или минимальным набором неразрывно связанных между собой граммем (т. е. является неизменяемым словом).

В этом разделе в описании используются следующие символы: Adj.— прилагательное, Adv.— наречие, C.— классы полнозначных слов, Co.— союз, $G._{abs.}$— родительный падеж в абсолютной конструкции, $L._{abs.}$—местный падеж в абсолютной конструкции, Nom.— имя, $Nom._{nominat.}$— имя в именительном падеже, $Nom._{acc.}$— имя в винительном падеже, $Nom._{instr.}$— имя в инструментальном падеже, $Nom._{dat.}$— имя в дательном падеже, $Nom._{abl.}$— имя в отложительном падеже, $Nom._{gen.}$— имя в родительном падеже, $Nom._{loc.}$— имя в местном падеже, Nom.-Subst.— имя существительное, Part.— причастие, Pcl.— частица, Postp.— послелог, Praef.— приставка, Praep.— предлог, Vb.— глагол, $Vb._{absol.}$— глагол в форме абсолютива, $Vb._{fin.}$— личная форма глагола, $Vb._{inf.}$— глагол в форме инфинитива, pers.— лицо.

ЯРУС I

ПОДЧИНИТЕЛЬНАЯ СВЯЗЬ

Управление

a) Praep./Postp. + $Nom._{acc.}$

В качестве предлога или послелога здесь могут выступать *áccha*, *áti*, *adhás*, *ádhi*, *ánu*, *antár*, *abhí*, *ā́*, *úpa*, *upári*, *tirás*, *pári*, *parás*, *práti*; так, например: *jánāñ áti* 'через людей', *áchā rávam* 'на зов', *múhur ā́* 'в мгновение', *antár ... jánmobhayā* 'между обоими родами', *bhúvanopári* 'над мирами', *támas tirás* 'сквозь мрак' и т. д.

b) Praep./Postp. + $Nom._{instr.}$

В качестве предлога или послелога здесь возможны *ádhi*, *avás*, *úpa*, *parás*, *sám*, *sahá*, *sākám*, *smád*; например: *sám pátnībhis* 'с женами', *sahá dhībhis* 'с молитвами', *sáhasā sahá* 'с силой', *sākáṃ krátunā* 'с умом', *avó divá* 'с неба', *ū́pa dyúbhis* 'с течением дней' и т. д.

c) Praep./Postp. + $Nom._{abl.}$

В качестве предлога или послелога здесь могут выступать *adhás*, *ádhi*, *antár*, *avás*, *ā́*, *ṛté*, *nís*, *parás*, *pári*, *purás*, *purā́*; например: *hṛ́dayād ádhi* 'из сердца', *antár áçmanas* 'из(нутри) камня', *ā́ samudrā́t* 'до моря', *divás pári* 'с неба', *ṛté tvát* 'без тебя', *purā́ gṛ́dhrāt* 'до коршуна' и т. д.

d) Praep./Postp. + $Nom._{loc.}$

В качестве предлога или послелога здесь могут выступать *ádhas*, *ádhi*, *antár*, *ápi*, *á*, *úpa*, *purás*, *sácā*; например: *ápi kárṇe* 'рядом' (букв. 'около уха'), *dáma á* 'в доме', *úpa tvaci* 'на шкуру', *suté sácā* или *sácā suté* 'у выжатого (сомы)' и др.

Примыкание

e) Adv.-Praef. + Vb.

Первый член этой конструкции нуждается в пояснении. В ведийском языке нет глагольных префиксов, описываемых с помощью словообразовательной модели. В функции префиксов употребляется ряд неизменяемых слов наречно-предложного типа, способных иметь самостоятельное ударение и быть отделенными от глагола, с которым они связаны. Проблема — два слова или две морфемы одного слова — решается факультативно. Так, например, ava *sraktír veçyàvṛçcad índraḥ* prâyachad *víçvā bhójanā sudáse* (VII, 16,17) 'Иглой Индра отколол зубцы. Он подарил все запасы Судасу'. Семантически наречие-приставка и глагол образуют единство.

В ведах встречаются следующие наречия-префиксы: *ácha/ áchā*, *áti*, *ádhi*, *ánu*, *antár*, *ápa*, *ápi*, *abhí*, *áva*, *á*, *úd*, *úpa*, *ní*, *nís*, *párā*, *pári*, *prá*, *práti*, *ví*, *sám*. В той же функции могут употребляться некоторые слова с более ярко выраженной адвербиальной структурой, как *āvís*, *tirás*, *purás* и др. (твердой грани между этими словами и наречиями не существует). Например: áchā *nṛcákṣā* asarat (IX, 92,2) 'Притек он со взглядом героя', ápa *durmatím* han (X, 182,2) 'Пусть разобьет он недоброжелательство!', prá *yád* váhethe... (I, 180,9) 'Когда вы двое уезжаете' и т. д. Значительно реже подчиненный элемент следует за глаголом, например: síṣakty *aryáḥ* prá *yugá* (X, 27,19) 'Он преследует поколения благородного'.

Сочинительная связь

f) $Adv.\text{-}Praef._1$ + $Adv.\text{-}Praef._2$ (+ Vb.)

Upāṃçúnā sám *amṛtatvám* ānaṭ (IV, 58, 1) '*Вместе с* растением сома ты *вобрал в себя* напиток бессмертия', prá *sadyó agne* áty eṣy *anyán* (V, 1,9) 'Агни, ты тотчас *превосходишь* других', apā́vṛktā *aratnáyaḥ* (VIII, 80,8) '*расставлены* локти'.

Данная ЭСК моделирует связь между двумя наречиями-префиксами, связанными с одним глаголом (в качестве глагола в этой и в следующей ЭСК может выступать также причастие) и образующими с ним, как правило, единое семантическое целое. ЭСК принадлежит к числу весьма распространенных. Три наречия-префикса при одном глаголе в РВ не встречаются, в АВ отмечены всего два случая: *anusaṃpráyāhi* (AB, XI, 1,36) и *upasaṃpárāṇayāt* (AB, XVIII, 4,50).

Известно, что отдельные наречия-префиксы имеют тенденцию употребляться в определенном месте этой конструкции. Так, в качестве $Adv.\text{-}Praef._2$, т. е. в непосредственной близости к глаголу, чаще употребляются *á*, *párā*, *áva*; затем *úd*, *ní*, *prá*. Тенденцию употребляться в качестве $Adv.\text{-}Praef._1$ имеют *abhí* и *ádhi*.

d) $Adv.\text{-}Praef._{1Co.}$ + $Adv.\text{-}Praef._{2Co.}$ (+ Vb.)

Например: *Tvám tán* sám ca práti cāsi *majmánā* (II, 1,15) 'Ты *и похож* на них *и превосходишь* их величием', *ápaçyaṃ gopā́m*...á ca párā ca *pathíbhiç* cárantam (I, 164,31) 'Я видел пастуха, *приходящего и уходящего* (своими) путями'.

В этой ЭСК каждая из приставок по отдельности образует с глаголом семантическое единство (т. е. имеют два значения, а не одно, как в предыдущей ЭСК). Поэтому здесь допустима была бы и другая интерпретация: выделение двух ЭСК типа Adv.-Praef. + Vb., из которых первая эллиптична (глагол опущен). Значительная часть наречий-префиксов при глаголах материально совпадает с предлогами и послелогами, управляющими именами. В результате при анализе ведийского текста далеко не всегда бывает ясно, имеет ли место управление именем или примыкание к глаголу, например: *eṣá víçvāny abhy àstu bhūma* (II, 4,2) 'Пусть он будет надо всеми существами' (*abhí* управляет A. *víçvāni bhúmā*) или 'Пусть он превзойдет все существа' (*abhí* примыкает к *astu*); *tám... hvārá á dadhuḥ* (II, 2,4) 'Его вложили в змея' (*á* управляет L. *hvāré* и/или примыкает к *dadhuḥ*); *amuñcan nír avadyát* (III, 31,8) 'освободил от бесчестья' (*nís* примыкает к *muc-* и/или управляет Abl. *avadyā́t*) и т. д. Синтаксически в таких случаях несклоняемое вспомогательное слово связано одновременно и с именем, и с глаголом, но в целях экономии при описании приходится делать выбор между конструкцией управления и примыкания.

ЭСК яруса I входят в качестве одного из членов в состав ЭСК яруса II.

ПОДЧИНИТЕЛЬНАЯ СВЯЗЬ

Управление

а) Имя в качестве определяющего элемента

1. Nom.$_{acc.}$ + Nom.

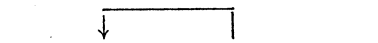
Например: *índro nā́ma* 'Индра по имени', *yajñám ātániḥ* 'пронизывающий жертву', *pratyáñ (víçvāni) bhúvanāni* 'обращенный ко (всем) существам', *jaráyann arím* 'старящий врага', *dhánāni sātáye* 'для достижения богатства', *yáṣṭā devā́n* 'почитатель богов', *saṃvatsaráṃ çaçayanás* 'пролежавшие год'. Эта конструкция реализуется если не в идиоматизмах, как в первом примере, то в случае, когда имя представлено прилагательными или причастиями, сохраняющими глагольное управление.

2. Nom.$_{instr.}$ + Nom.

Например: *citáyantaṃ akṣábhiḥ* 'смотрящего глазами', *hótrābhir ... svadhvaráḥ* 'хорошо жертвующий жертвенными дарами', *hávam... gīrbhiḥ* 'призыв с песнями', *bhāgáṃ... váreṇa* 'долю по (своему) выбору', *svadhā́bhir mádantī* 'наслаждающаяся по своим законам', *áṅgirobhir gṛṇānáḥ* 'воспеваемый Ангирасами', *ánnai (rabhasáṃ) dṛ́çānam* 'проявляющегося (как неистовый) благодаря кушаньям', *adbhir yánt-* 'движущийся в водах', *smáyamāno nábhobhiḥ* 'улыбающийся сквозь облака', *pūrṇā́ mádhunā* 'полные меда', *samó devaíḥ* 'подобный богам', *kṣapā́ páriṣkṛto* 'приготовленный ночью'. Именной элемент в этой конструкции нередко бывает представлен причастием.

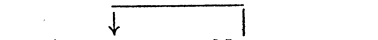
3. Nom.$_{dat.}$ + Nom.

Например: *yamā́ya námaḥ* 'поклон Яме', *amṛtatvā́ya gātú-* 'путь к бессмертию', *urjé tvā* 'Для силы тебя!', *draviṇodā́ aramkṛ́te* 'дающий богатства приносящему жертвы', *túbhyaṃ rātā́ (havíṃṣi)* 'тебе даны (жертвенные возлияния)', *priyáḥ ...índrāya* 'приятный Индре'.



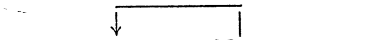
4. Nom.$_{abl.}$ + Nom.

Например: *anyéna mát* 'с другим, чем я', *asmād... távyān* 'более сильный, чем он', *súdhitaṃ dúrdhitād ádhi* 'хорошо сложенное по сравнению с плохо сложенным', *tvád bhiyā́* 'из страха перед тобой', *çárma ...áṃhasaḥ* 'защита от нужды', *nirjaganvā́n támasaḥ* 'вышедший из мрака'. Типичными для имени являются случаи, когда конструкция выражает сравнение. Имя тогда бывает выражено прилагательным (часто в сравнительной степени).



5. Nom.$_{gen.}$ + Nom.

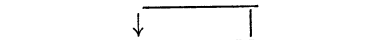
Например: *paijavanásya dā́nam* 'дар Пайджаваны', *dásyor hantā́* 'убийца дасью', *tā́sām rohiṇī́m* 'из них к Рохини', *pitṛ́tamaḥ pitṛ́̄nā́m* 'самый отеческий из отцов', *rā́jā viçā́m* 'царь племен', *marútām çárdhaḥ* 'толпа Марутов', *yájamānasya paçú-* 'скот заказчика жертвы', *táva hotrā́ṃ* 'у тебя — служба хотара', *dáça gávām* 'десять коров', *pūrṇá... mádhvo...* 'полный меда', *divó... gātúm* 'путь на небо', *índrasya priyáḥ* 'приятный для Индры', *asya bhiyā́* 'из страха перед ним'. Эта ЭСК является наиболее типичной именной конструкцией. В качестве имени может выступать также числительное-существительное.



6. Nom.$_{loc.}$ + Nom.

Например: *svásareṣu dhenávaḥ* 'коровы в загонах', *devá (ádeve) jáne* 'бог среди (боголюбивого) народа', *apsú yánt-* 'движущийся в водах', *gātúr adhvaré* 'путь на жертвоприношение', *áhani (priyá) ījānás* 'пожертвовавший в (хороший) день', *tvé (máno) hitám* 'к тебе направлена (мысль)' *vidáthe... bhājayúḥ* 'наделяющий при жертвоприношении', *añjiṣu priyā́ḥ* 'находящие удовольствие в украшениях', *yájiṣṭham (mánuṣe) jáne* 'из (человеческого) рода лучше всех приносящего жертву'.

b) Глагол в качестве определяющего элемента



7. Nom.$_{acc.}$ + Vb.

Например: *áhann áhim* 'Он убил дракона', *sómam píbati* 'Он пьет сому', *agnim (mahā́m) avocāmā (suvṛktím)* 'Агни мы произнесли (великий гимн)', *yajñám upayánti* 'Они приходят на жертвоприношение', *tvā́m... saççire* 'Они последовали за тобой', *áhā (víçvā) dīdihi* 'Сияй (все) дни', *víçvāni patyase* 'Ты

господствуешь надо всем', *kitavám tatāpa* 'Игрока мучило', *hávyāni (surabhíṇi) kṛtví* 'сделав возлияния (благоуханными)'. Имя в винительном падеже в этой ЭСК большей частью предшествует глаголу. Данная ЭСК является самой распространенной глагольной конструкцией.

8. $\text{Nom.}_{\text{instr.}}+\text{Vb.}$

Например: *yajñéna... ayajanta* 'Они почтили жертвоприношением', *sūdayāti prá dhībhíḥ* 'Пусть он приготовит с молитвами', *dyúbhis... jāyase* 'Ты рождаешься в светлые дни', *yanty ádhvabhiḥ* 'Они идут путями', *vardhase girā́* 'Ты возрастаешь от песни', *çriyá... praçasyáte* 'Он прославляется за красоту', *vépate bhiyá* 'Он трясется от страха', *ā́ (no) gahi sakhébhiḥ* 'Приди (к нам) с друзьями!', *(çulkó) ná kriyáte... abaléna* '(Пошлина) не платится бессильным', *kṛtví devair (nikilbiṣám)* 'сделав с помощью богов (искупление)'.

9. $\text{Nom.}_{\text{dat.}}+\text{Vb.}$

Например: *ádadhā mártyāya* 'Ты дал смертному', *ávocāma... agnáye* 'Мы сказали Агни', *(púnar) neṣad aghā́çaṃsāya* 'Пусть он отправит (обратно) к злоречивому', *svastáye... dīdihi* 'Воссвети на благо!', *asyai dattvā́ya* 'дав ей'.

10. $\text{Nom.}_{\text{abl.}}+\text{Vb.}$

Например: *adbhyás... jāyase* 'Ты рождаешься из вод', *yuyodhy àsmád* 'отврати от нас', *ámād... titviṣe sám* 'от ярости затрясся', *áva... divá ā́... yayur* 'с неба спустились', *ā́ntād (d́iváḥ) papratha* 'распространилась до края (неба)'.

11. $\text{Nom.}_{\text{gen.}}+\text{Vb.}$

Например: *udnó datta* 'Дайте воды', *(áhar) devā́nām ā́sīd* '(день) был у богов' (='принадлежал богам'), *yásya sambhújaṃ* 'к которому я хотел бы прибегнуть', *pṛkṣá īçiṣe* 'Ты повелеваешь силой', *asyá pītvā́* 'попив его'.

12. $\text{Nom.}_{\text{loc.}}+\text{Vb.}$

Например: *vadema vidáthe* 'Да будем мы говорить в собрании!', *ā́ (cāsmin) satsi barhíṣi* '(И) сядь на (эту) жертвенную солому', *asmā́su dīdihi* 'Воссвети нам', *ádhītau... çaṃsi* 'при воспоминании был пропет', *saṃvatsaré sám apṛcyanta* 'исполнились в течение года', *ava... (gómati) vrajé* 'помогай в отношении загона, (полного коров)', *dháne (hité) sártave* 'чтобы бежать ради (установленной) награды', *ádadhād índre* 'он создал Индре'.

13. $\text{Nom.}_{\text{nominat.}}+\text{Vb.}$

Например: *sá ā́ vaha* 'Привези!' (букв. 'он привези'), *hótā... satsi* 'Сядь как хотар', *devó... yajasi* 'Ты приносишь жертву, как бог', *ā́rja stha* 'Вы есть сила' (TC, I, 5, 6, b), *mánye bhejānó (amṛtasya)* (AB, III, 13,6) 'Я считаю себя вкусившим (амриты)', *(yáthā naḥ) subhágā́sasi* (IV, 57,6) '(Чтобы) ты стала приносящей счастье (для нас)'.

14. $\text{Nom.}_{\text{nominat./acc./dat.}}+\text{Vb.}_{\text{inf.}}$

Например: *agnír nābhimṛçe* 'Агни нельзя трогать', *ā́ vām... huvádhyai* 'Вас двоих надо призывать', *vṛṣabhā́m yájadhyai* 'Надо принести в жертву быка'. Имя в этой ЭСК собственно стоит в номинативе или в аккузативе; датив здесь встречается как результат аттракции.

Примыкание

a) Имя в качестве определяющего элемента

15. $\text{Adv.}+\text{Nom.}$

Например: *hótā... pradívaḥ* 'хотар от века', *viçvā́tas pṛthúḥ* 'повсюду широкий', *āké namasyàs* 'долженствующий быть прославленным вблизи', *tridhā́ sámaktam* 'трижды помазанного'. Имя в этой ЭСК чаще бывает представлено причастием.

b) Глагол в качестве определяющего элемента

16. $\text{Adv.}+\text{Vb.}$

Например: *ihá mādayasva* 'Здесь радуйся!', *ā́ vaha (devā́n) adyá* 'Привези (богов) сегодня!', *bṛhád vadema* 'Да будем мы высоко вещать!', *kathā́ bravāma* 'Как мы будем говорить?'.

17. $Vb._{fin.} + Vb._{inf.}$

Например: *ánu dakṣi dāváne* 'Запылай, чтобы дать', *çakéma yámam* 'Пусть мы сможем управлять', *ávataṃ jiṣé* 'Вы двое помогли победить', *(yáç cakā́ra) ná çaçā́ka kártum* (AB, IV, 18,6) '(кто сделал,) не смог сделать', $Vb._{inf.}$ этой конструкции обычно стоит на втором месте.

18. $Nom._{nominat.} + Vb._{absol.}$

Например: *(sarátham hí) bhūtvā́... tvám* '(ведь) будучи (союзником), ты', *yó... (kr̥tyā́m) kr̥tvā́* 'кто, сотворив (колдовство)', *gū́ḍhvī (támo)... uṣā́* 'сокрыв (мрак), ... Ушас', *abhikhyā́ya mártyo* 'созерцая, смертный', *sá (pravoḷhr̄̃n) parigátyā* 'он, окружив (похитителей)'. Члены этой ЭСК чаще расположены дистантно.

c) Любой класс полнозначных слов в качестве определяющего элемента

19. C. (Nom. ∨ Vb. ∨ Adv.)+Pcl.

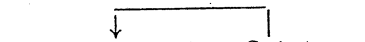
Например: *çiriṇā́yāṃ cid* 'даже ночью', *aruṣā́ha* 'два красных же', *tám u* 'это его', *sākā́ṃ hí* 'ведь одновременно', *vatsáṃ ná* 'как теленка', *pitéva* 'словно отец', *mā́... īçata* 'да не овладеет', *ná mīyate* 'не нарушается'.

Семантический тип частицы в значительной степени выводим из конструкции. Эмфатические частицы стоят непосредственно после полнозначного слова. Если таковое представлено глаголом с наречием-префиксом, то частица стоит после этого последнего (что подтверждает общую тенденцию вспомогательных слов занимать второе место в любом сочетании слов), например: *prá hí néṣi* 'ведь ты проведешь' (ср. *svá ā́ dáme* 'в своем доме'). В постпозиции бывают частицы, выражающие сравнение (обычно стоят после именных форм). Частицы же, выражающие отрицание, как правило, стоят перед полнозначным словом (а именно перед личной формой глагола), непосредственно предшествуя ей или начиная предложение. Так, в большинстве случаев каждому из двух разных значений частицы *na* — сравнительному и отрицательному — соответствует свое место в конструкции.

Вопросительные частицы в данной конструкции употребляются препозитивно, более того, обычно они стоят в начале предложения, фактически относясь ко всему высказыванию, например: *kím (u ṣvid asmai nivídə) bhananta* (IV, 18,7) 'Говорят ли они (ему слова приглашения)?', *kuvít (tisr̥bhya ā) váraṃ...* (II, 5,5) 'Разве не самое приятное из трех...?'.

Согласование

a) Имя в качестве определяющего элемента



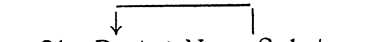
20. Adj.+Nom.-Subst.

Например: *dīrghám támas* 'долгий мрак', *rayír bahuló* 'многое богатство', *ródasī ubhé* 'обе части вселенной', *víçvāni ... kárma* 'все деяния', *asmā́kaṃ dyumnám* 'наш блеск', *mahā́n gárbhaḥ* 'велик зародыш', *kó (nú vām)... r̥tāyán* 'Кто (же из вас двоих)... благочестив?', *tisró devī́ḥ* 'три богини', *prathamā́ḥ kavíḥ* 'первый поэт', *své dáme* 'в своем доме', *tvā́m... çaṃgayás* 'ты, несущий благо дому', *tā́ṃ tvā... (saparyéma)* '(Мы хотим почитать) этого тебя', *sahásram gávyam* [Adj.] 'тысяча коров'.

В этой ЭСК в качестве согласующегося члена могут функционировать также указательные и некоторые другие местоимения, порядковые и некоторые другие числительные, сложные слова типа бахуврихи — в общем, все те слова, которые имеют набор граммем, характеризующий прилагательные. В качестве существительного могут выступать также местоимения и прилагательные, заменяющие существительные, а также числительные (то же — в ЭСК 21).

Прилагательное в данной ЭСК может предшествовать существительному или следовать за ним в нейтральной речи. Если оно входит в состав предиката, то обычно бывает в постпозиции. Для непредикативных атрибутивных конструкций более характерна препозиция прилагательного.

Согласование происходит во всех граммемах, т. е. в роде, числе и падеже, кроме тех случаев, когда существительное бывает среднего рода. Тогда допустимо несогласование в числе, и при прилагательном множественного числа стоит существительное единственного, типа *víçvāni*[pl.]*kárma* [sg.]. То же относится и к согласованию в ЭСК 21 и 23.



21. Part.+Nom.-Subst.

Например: *vyàktā náraḥ* 'украшенные мужи', *áhiṃ (párvate) çiçriyāṇáṃ* 'змея, лежащего (на горе)', *índro... (áṅgirobhir) gr̥ṇānáḥ* 'Индра, воспеваемый (Ангирасами)', *bráhma kriyámāṇā* 'молитвы, творимые' (где имя в единственном числе среднего рода, а причастие во множественном числе среднего рода), *abhīddho gharmás* 'Разогрет котелок', *tvám... súbhr̥taḥ* 'Ты хорошо выпестован', *uchántyām uṣási* (I, 184,1) 'когда зажигается Ушас'=L.abs., *púruṣe mr̥té* (AB, XII, 2,5) 'когда умер

человек'=L.abs., *téṣāṃ nuttánām (adhamā́ támāṃsi)* (AB, IX, 2,4) 'когда их столкнут (в нижний мрак)'=G.abs.

В нейтральном стиле речи в этой ЭСК причастие, управляющее каким-либо падежом или являющееся предикативом, стоит обычно после имени, с которым согласуется.

22. Nom.+Nom.

Например: *rā́jā váruṇo* 'царь Варуна', *dyā́vāpṛthivī́ ródasī (ubhé)* 'Небо-и-Земля — оба мира', *sahásraṃ çáṃsāḥ* 'тысяча похвал', *tvā́ṃ víṣṇuḥ* 'ты — Вишну', *eṣá (te) yóniḥ* 'он — (твое) лоно', *(táva) gnā́vo... sajātyàm* (II, 1,5) 'божественные жены — (твоя) родня', *tvā́m... pitáram* 'к тебе, как к отцу', *īḷitó... árhan* 'призванный как достойный', *sā́ tvā́ṃ* (AB, XIV, 2,71) 'она — (это) ты'.

В этой ЭСК необходимым и достаточным является согласование лишь в одной из граммем — в граммеме падежа (в отличие от ЭСК 20 и 21, где согласование происходило во всем наборе граммем). Имя нередко бывает представлено не только существительным, но и местоимением, его заменяющим, или числительным. Определяющим членом ЭСК целесообразно считать тот, который характеризуется бо́льшим набором граммем (если таковой есть).

b) Глагол в качестве определяющего элемента

23. $\text{Nom.}_{\text{nominat.}} + \text{Vb.}_{\text{fin.}}$

Например: *índraḥ pibatu* 'пусть пьет Индра', *tvā́ṃ jāyase* 'ты рождаешься', *ādityā́saḥ... cakrire* 'Адитьи создали', *vyácasvatīr ví prathantāṃ* 'просторные пусть расширяются', *sampáçyamānā amadan* 'окидывающие взорами обрадовались', *víçva āha* 'каждый называл'. В этой ЭСК имя обычно стоит на первом месте.

Сочинительная связь

24. C.+C.

Например: *(ajanad...) sū́ryam uṣásaṃ* '(Он породил...) солнце и утреннюю зарю', *ā́ gata çṛṇutā́ (ma imā́ṃ hávam)* 'Придите, услышьте (этот мой призыв)!', *(víṣṇur) urugāyó namasyàḥ* '(Вишну), широко шагающий, достойный хвалы', *çatā́ dáça práti* 'против сотен, десятков'.

25. $\text{C.}_{\text{Co.}} + \text{C}_{(\text{Co.})}$

Например: *brahmā́ (cāsi) gṛhápatiç ca* '(Ты еси) и брахман, и домохозяин', *asmā́ñ ca tā́ṃç ca* 'и нас, и их', *devásya mártyasya ca* 'бога и смертного', *vā́yav índraç ca* 'о Вайю и Индра' (в случае если союз *ca* объединяет два вокатива, второй из них представлен номинативом), *(vayā́m) saném ní ca dhīmahi* 'Пусть мы добудем и сбережем', *gopā́ utá (naḥ) paraspā́* 'пастух и наш защитник', *adyā́ ca aparā́ṃ ca* 'и сегодня, и после', *dyumád utá revád* 'светло и богато', *árvatā vā... bráhmaṇā vā* 'конем или заговором', *çyāvā́... róhitā vā* 'два коричневых или два красных'.

Из описанных здесь ЭСК строятся простые предложения. Однако в ведийском языке допустимы также простые односоставные предложения, состоящие из одного слова. Различается несколько типов таких предложений.

На грани самостоятельного предложения и отдельного вводного слова находятся вокативы, столь употребительные в ведийских метрических текстах. Критерием для той или иной трактовки вокатива может служить, как указывалось исследователями, только ударение. Известно, что вокатив, стоящий в начале предложения, всегда имеет ударение, причем это ударение бывает на первом слоге (независимо от требований словесного ударения), в то время как в середине или в конце предложения вокатив остается безударным, например: *úṣo vā́jena vājini prácetā | stómaṃ juṣasva gṛṇató maghoni* (III, 61,1) 'О Ушас, награждающая наградой! Как мудрая радуйся восхвалению певца, о щедрая!' (в парадигме ударение падает на последний слог основы — *uṣás*). Вокатив, имеющий самостоятельное ударение, можно считать отдельным предложением. При этом не следует забывать, что функция такого предложения апеллятивная — привлечение внимания божества, сигнал о том, что с божеством осуществляется связь, а не изобразительно-описательная, как у большинства нейтральных предложений.

Самостоятельным простым предложением может быть неизменяемое слово — междометие или возглас, например: *hayé* 'о', 'эй'; *aré* 'эй'; *váṣaṭ* — возглас хотара при жертвоприношении, после которого адхварью бросает жертву в огонь; *svā́hā* — литургический возглас приглашения богов на жертвоприношение; *óṃ* — слог, произносимый в начале и в конце священного текста и др. Междометия нередко комбинируются с вокативами, например: *hayé náro máruto* (V, 97,8) 'о мужи Маруты!', *óṃ khā́ṃ bráhma* (BC, 40,17) 'ом! кхам! о Брахма!'. Этим предложениям также свойственна апеллятивная функция.

В качестве самостоятельного предложения может выступать одна глагольная форма. Собственно безличных предложений

среди них встречается очень мало, поскольку те значения, которые в других языках обычно передаются безличными конструкциями, в том числе глагольными, при обозначении явлений природы (типа *'Похолодало'*, *'Светает'* и др.) или ощущений (типа *'Знобит'*, *'Страшно'*) в ведийском языке реализуются в виде предложений с выраженным субъектом. Субъектом при глаголе, обозначающем явление природы, бывает обычно имя бога. Например, глагол *varṣ-* 'идти дождю' в единичных случаях, хорошо известных в научной литературе, употребляется безлично: *yád īm enāñ́ uçató abhy ávarṣīt* (VII, 103,3) 'как только на них, желающих (этого), попадает дождь' *(abhy ávarṣīt)*, как правило же, встречается в конструкциях, в которых субъект выражен или подразумевается, например: *á́ vṛṣasva purūvaso sutásyendrándhasaḥ* (VIII, 61,3) 'Излей дождь *(á́ vṛṣasva)* выжатого растения, о владеющий многими богатствами Индра!', ср. также *varṣ-* в каузативной форме, например: в гимне Митре-Варуне: *dyáṃ varṣayatho ásurasya māyáyā* (V, 63,3) 'Вы двое заставляете небо излиться дождем с помощью волшебной силы Асуры'.

Иногда глаголы, обозначающие явления природы, функционируют в ведийской поэзии как переходные — синонимы «дарить», «давать», употребляясь соответственно в субъектных конструкциях, например: *uṣáso revád ūṣuḥ* (III, 7,10) 'утренние зори воссветили богатство'. Следует заметить, что довольно регулярная форма безличных предложений совпадает с ЭСК 14: *agníṃ yájadhyai* 'Агни надо почитать', окказионально в роли безличного предложения может выступать ЭСК 7: *kitavám tatāpa* 'Игрока мучило'.

Самостоятельное предложение в ведийском языке образует личная форма глагола, при которой нет подлежащего. Субъект глагольной формы всегда бывает выражен окончанием, употребление же соответствующего личного местоимения или именительного падежа существительного не является строго обязательным. При глаголе во 2-м лице императива его отсутствие — это норма (подлежащее употребляется здесь в эмфатических целях), нередко при таких глагольных формах используется вокатив, например: *út tiṣṭha brahmaṇas pate* (I, 40,1) 'Встань, о Брахманаспати!', *mátsi* (I, 175,1) 'Опьяняйся!', *ní vartadhvam* (X, 19,1) 'Вернитесь!'. При глагольных формах во всех других наклонениях, включая индикатив, также может отсутствовать подлежащее, и такой глагол может образовывать предложение, например: *(pītví sómasya)* vāvṛdhe (III, 40,7) '(Выпив сомы), он подкрепился', *á paçyati práti paçyati párā paçyati páçyati* (AB, IV, 20,1) 'Она смотрит рядом, смотрит вокруг, смотрит вдаль, смотрит'.

Все остальные типы простых предложений бывают по меньшей мере двучленны и строятся из перечисленных ранее ЭСК. Из 25 ЭСК 18 могут функционировать в качестве самостоятельного предложения, иными словами, обладают предикативностью. При этом только конструкциям 14 и 23 во всех относящихся к ним примерам свойственна предикативность. Следует заметить, что конструкция 14 является редкой и идиоматичной, а конструкция 23 — широко распространенной. Остальные из этих ЭСК могут становиться предикативными лишь в части составляющих их примеров: 3 [*yamáya námaḥ* 'поклон Яме', *ūrjé tvā* 'для силы тебя!'], 5 [*táva hotráṃ* 'у тебя — служба хотара'], 7 [*áhann áhiṃ* 'он убил дракона' и др.] (здесь и в дальнейшем во всех примерах глагол представлен личной формой), 8 [*yajadhvam haviṣā* 'почитайте жертвенным возлиянием' и др.], 9 [*gṛṇaté dhāḥ* 'дай певцу' и др.], 10 [*adbhyó jāyase* 'ты рождаешься из вод' и др.], 11 [*udnó datta* 'дайте воды' и др.], 12 [*vadema vidáthe* 'да будем мы говорить в собрании' и др.], 13 [*sá'á vaha* 'привези', *árja stha* 'вы есть сила' и др.], 16 [*ihá mādayasva* 'здесь радуйся!' и др.], 17 [*ánu dakṣi dāváne* 'запылай, чтобы дать!' и др.], 19 [*mā́... īçata* 'да не овладеет он', т. е. сюда относятся только личные глагольные формы с частицами], 20 [*mahán gárbho* 'велик зародыш', *kó... ṛtāyán* 'кто благочестив?'], 21 [*abhìddho gharmás* 'разогрет котелок', *tváṃ súbhṛtaḥ* 'ты хорошо выпестован'], 22 [*tváṃ viṣṇuḥ* 'ты Вишну', *(táva) gnávaḥ sajātyàṃ* 'божественные жены — (твоя) родня', *sá tváṃ* 'она — это ты'], 24 [*á gata çṛṇutá* 'придите', 'услышьте', т. е. сюда, как и в 25, относятся только личные глагольные формы], 25 [*saném ní ca dhīmahi* 'пусть мы добудем и сбережем'].

Поскольку любая личная глагольная форма в ведийском языке в принципе может функционировать как предложение, предикативностью могут обладать все те же ЭСК, в состав которых, хотя бы в части примеров, входят эти формы. Максимальную модель предикативной конструкции выражает ЭСК 23, включающая личную форму глагола и согласующийся с ней именительный падеж субъекта. Именно эту модель удобнее всего взять за основу для описания механизма порождения простых предложений в ведийском языке путем свертывания и развертывания членов этой ЭСК. Неполные предложения в определенных контекстах (нередко под влиянием стилистических требований, о чем см. ниже), получаются в результате свертывания до нуля личной формы глагола, например: *svadhá avástāt práyatiḥ parástāt* (X, 129,5) 'Порыв внизу. Удовлетворение наверху', *...yádi vā ná* (X, 129,7) '...или может, нет' и т. п.

Предельно полную модель простого распространенного предложения в ведийском языке можно получить путем развертывания первого (I) и второго (II) членов ЭСК 23.

Имя в ЭСК 23 может развертываться в группу имени следующими 15 способами, предусмотренными в ЭСК 1, 2, 3, 4, 5, 6, 14, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25. Таким образом, на первом шаге развертывания разрешается:

1) $Nom._{nominat.} \rightarrow Nom._{acc.} + Nom.$ (I—23→1):
yáṣṭā 'почитатель'→*yáṣṭā devắn* 'почитатель богов'.
2) $Nom._{nominat.} \rightarrow Nom._{instr.} + Nom.$ (I—23→2):
hávam 'призыв'→*hávaṃ gīrbhíḥ* 'призыв с песнями'.
3) $Nom._{nominat.} \rightarrow Nom._{dat.} + Nom.$ (I—23→3):
draviṇodắ 'дающий богатства'→*draviṇodắ araṃkṛ́te* 'дающий богатства приносящему жертвы'.
4) $Nom._{nominat.} \rightarrow Nom._{abl.} + Nom.$ (I—23→4):
bhiyắ 'из страха'→*tvád bhiyắ* 'из страха перед тобой'.
5) $Nom._{nominat.} \rightarrow Nom._{gen.} + Nom.$ (I—23→5):
rắjā 'царь'→*rắjā viçắm* 'царь племен'.
6) $Nom._{nominat.} \rightarrow Nom._{loc.} + Nom.$ (I—23→6):
dhenávaḥ 'коровы'→*svásareṣu dhenávaḥ* 'коровы в загонах'.
7) $Nom._{nominat.} \rightarrow Vb._{inf.} + Nom.$ (I—23→14):
agníḥ 'Агни'→*agníṃ nābhimṛçé* 'Агни нельзя трогать'.
8) $Nom._{nominat.} \rightarrow Nom._{nominat.} + Vb._{absol.}$ (I—23→18):
mártyo 'смертный'→*abhikhyắya mártyo* 'созерцая, смертный'.
9) $Nom._{nominat.} \rightarrow C. + Pcl.$ (I—23→19):
çiriṇāyām 'ночью'→*çiriṇāyām cid* 'даже ночью'.
10) $Nom._{nominat.} \rightarrow Adj. + Nom.\text{-}Subst.$ (I—23→20):
váyas 'сила'→*uttamắṃ váyas* 'высшая сила'.
11) $Nom._{nominat.} \rightarrow Part. + Nom.\text{-}Subst.$ (I—23→21):
náraḥ 'мужи'→*vyàktā náraḥ* 'украшенные мужи'.
12) $Nom._{nominat.} \rightarrow Nom. + Nom.$ (I—23→22):
rắjā 'царь'→*rắjā váruṇo* 'царь Варуна'.
13) $Nom._{nominat.} \rightarrow Nom._{nominat.} + Vb._{fin.}$ (I—23→23):
índraḥ 'Индра'→*índraḥ pibatu* 'пусть пьет Индра'.
14) $Nom._{nominat.} \rightarrow C. + C.$ (I—23→24):
sắryam 'солнце'→*sắryam uṣásam* 'солнце и утреннюю зарю'.
15) $Nom._{nominat.} \rightarrow C._{Co.} + C._{(Co.)}$ (I—23→25):
brahmắ 'брахман'→*brahmắ ca gṛhápatiç ca* 'брахман и домохозяин'.

На втором шаге могут быть далее развернуты элементы, полученные в результате первого развертывания ЭСК.

Имя может быть развернуто в любую другую ЭСК, в состав которой входит имя — ЭСК 1—15, 18—25.

$Adj. \rightarrow Adj. + Pcl.$ (19)
$Adj. \rightarrow Adj. + Adj.$ (24)
$Adj. \rightarrow Adj._{Co.} + Adj._{Co.}$ (25)
$Part. \rightarrow Part. + Pcl.$ (19)
$Part. \rightarrow Part. + Part.$ (24)
$Part. \rightarrow Part._{Co.} + Part._{Co.}$ (25)
$Vb._{absol.} \rightarrow Vb._{absol.} + Pcl.$ (19)
$Vb._{absol.} \rightarrow Vb._{absol.} + Vb._{absol.}$ (24)

$Vb._{absol.} \rightarrow Vb._{absol.Co.} + Vb._{absol.Co.}$ (25)
$C. \rightarrow C. + Pcl.$ (19)
$C. \rightarrow C. + C$ (24)
$C. \rightarrow C._{Co.} + C._{Co.}$ (25)

В каждом узле ветвления дерево предложения допускает циклы, ограниченные количественно. Поэтому любой полнозначный член С. в составе ЭСК может развертываться в самого себя (т. е. в члены своего класса) по принципу конъюнкции, что формально выражается в виде бессоюзной или союзной синтаксической связи. Такого рода развертывание абсолютивов в тексте, как правило, бывает бессоюзным, например: *punardắya brahmajāyắṃ | kṛtvī́ devair nikilbiṣám | úrjam pṛthivyắ bhaktvắyorugāyám úpāsate* (X, 109,7) 'Снова отдав жену брахмана, сотворив с помощью богов искупление греха, вкусив силы земли, они почитают широкошагающего (Вишну)', в связи с чем теоретическая формула развертывания заключена в квадратные скобки.

От этих циклов следует отличать те циклы, которые образуют семантическое единство: к таковым принадлежит циклизация форм одной и той же лексической единицы, например, *jahyèṣāṃ váraṃvaraṃ* (AB, XI, 10,21) 'Убей каждого лучшего из них!' или *makṣú-makṣū kṛṇuhi...* (III, 31,20) 'Сделай как можно скорее...!'. Не случайно, что в индийской грамматической традиции такая циклизация описывается как особый тип сложных слов.

Здесь следует сделать одно уточнение. При развертывании в тексте в ЭСК 23 $Nom._{nominat.} \rightarrow Nom._{nominat.} + Nom.^{1}_{nominat.} \ldots + Nom.^{n}_{nominat.}$ в согласовании между $Nom._{nominat.} + Vb._{fin.}$ происходят определенные изменения. В случае двух $Nom._{nominat.}$ в единственном числе $Vb._{fin.}$ стоит обычно в двойственном числе, например: *mahī́ dyaúḥ pṛthivī́ ca na imắṃ yajñắṃ mimikṣatām* (I, 22,13) 'Великие Небо и Земля пусть окропят нам эту жертву!'. В случае, если число $Nom._{nominat.}$ превышает два и каждый из них стоит в единственном числе, $Vb._{fin.}$ чаще бывает в единственном числе, например: *tán nó'hir budhnyò adbhír arkais | tát párvatas tát savitắ cáno dhāt* (VI, 49,14) 'Эту нашу (песнь) пусть одобрит Змей глубин с водами и песнопениями, эту — (бог)-гора, эту — Савитар'. Но если один из $Nom._{nominat.}$ стоит во множественном числе, то $Vb._{fin.}$ чаще употребляется во множественном числе, например: *mắ no mitró váruṇo aryamắyúr | indra ṛbhukṣắ marútaḥ pári khyan* (I, 162,1) 'Да не проглядят нас Митра, Варуна, Арьяман, Аю, Индра, Рибхукшан, Маруты!'. Однако это не более чем общие тенденции, и колебания весьма многочисленны, например: *dhātắ rātiḥ savitédắṃ juṣantām prajắpatir nidhipátir no agníḥ* (ТС, I, 4,44,a) 'Пусть Дхатар-даритель, Савитар этому обрадуются [pl.] у нас, Праджапати, Господин сокровищ, Агни!'.

В ЭСК 23 глагол может развертываться в группу глагола 13 способами, предусмотренными в ЭСК 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 16, 17, 19, 23, 24, 25. Таким образом, на первом шаге развертывания разрешается:

16) $Vb._{fin.} \rightarrow Nom._{acc.} + Vb$ (II—23→7):
áhan 'он убил'→*áhann áhim* 'он убил змея'.
17) $Vb._{fin.} \rightarrow Nom._{instr.} + Vb.$ (II—23→8):
yájadhvam 'почитайте'→*yájadhvaṃ haviṣā* 'почитайте жертвенным возлиянием'.
18) $Vb._{fin.} \rightarrow Nom._{dal.} + Vb.$ (II—23→9):
dhāḥ 'дай'→*gṛṇaté dhāḥ* 'дай певцу'.
19) $Vb._{fin.} \rightarrow Nom._{abl.} + Vb.$ (II—23→10):
jāyase 'ты рождаешься'→*adbhyó jāyase* 'ты рождаешься из вод'.
20) $Vb._{fin.} \rightarrow Nom._{gen.} + Vb.$ (II—23→11):
datta 'дайте'→*udnó datta* 'дайте воды'.
21) $Vb._{fin.} \rightarrow Nom._{loc.} + Vb.$ (II—23→12):
vadema 'да будем мы говорить'→*vadema vidáthe* 'да будем мы говорить в собрании'.
22) $Vb._{fin.} \rightarrow Nom._{nominat.} + Vb.$ (II—23→13):
satsi 'сядь!'→*hótā satsi* 'сядь как хотар!'.
23) $Vb._{fin.} \rightarrow Adv. + Vb.$ (II—23→16):
mādayasva 'радуйся!'→*ihá mādayasva* 'здесь радуйся!'.
24) $Vb._{fin.} \rightarrow Vb._{inf.} + Vb._{fin.}$ (II—23→17):
ánu dakṣi 'запылай!'→*ánu dakṣi dāváne* 'запылай, чтобы дать'.
25) $Vb._{fin.} \rightarrow C. + Pcl.$ (II—23→19):
míyate 'нарушается'→*ná míyate* 'не нарушается'.
26) $Vb._{fin.} \rightarrow Nom._{nominat.} + Vb._{fin.}$ (II—23→23):
pibatu 'пусть он пьет'→*índraḥ pibatu* 'пусть Индра пьет'.
27) $Vb._{fin.} \rightarrow C. + C.$ (II—23→24):
á gata 'придите'→*á gata çṛṇutá* 'придите, услышьте'.
28) $Vb._{fin.} \rightarrow C_{Co.} + C._{(Co.)}$ (II—23→25):
saném 'пусть мы добудем'→*saném ní ca dhīmahi* 'пусть мы добудем и сбережем'.

На втором шаге могут быть далее развернуты элементы, полученные в результате первого развертывания ЭСК.

Глагол может быть развернут в любую другую ЭСК, в состав которой входит глагол, т. е.:

$Vb. \rightarrow$ ЭСК 7—13, 16—19, 23—25.
$Adv. \rightarrow Adv. + Pcl.$ (19)
$Adv. \rightarrow Adv. + Adv.$ (24)
$Adv. \rightarrow Adv._{Co.} + Adv._{(Co.)}$ (25)
$Vb._{inf.} \rightarrow Vb._{inf.} + Pcl.$ (19)
$Vb._{inf.} \rightarrow Vb._{inf.} + Vb._{inf.}$ (24)

$Vb._{inf.} \rightarrow Vb._{inf.Co.} + Vb_{inf.Co.}$ (25)
$C. \rightarrow C. + Pcl.$ (19)
$C. \rightarrow C. + C.$ (24)
$C. \rightarrow C._{Co.} + C._{(Co.)}$ (25)

Каждый полнозначный элемент С. здесь также может развертываться сам в себя, т. е. образовывать циклы.

Количество циклов в данном узле ветвления дерева предложения теоретически неограниченно, практически же обычно в ведийском метрическом языке бывает сравнительно невелико. Серии циклов склонны образовывать лишь вполне определенные классы слов. Это V. в гимнах, обращенных к нескольким адресатам, например, в гимне рекам: *...gaṅge yamune sarasvati | çútudri... paruṣṇi* (X, 75,5) 'О Ганга, Ямуна, Сарасвати, Шутудри, Парушни!', а в пределах ЭСК в конструкциях согласования это Adj. в ЭСК 20 и Part. в ЭСК 21, например: *ayásaṃ hárim aruṣám... pátim* (IX, 89,3) 'неутомимого золотистого красного ... повелителя', *hiṅkṛṇvatī vasupátnī (vásūnāṃ vatsám) ichántī* (I, 164,27) 'издающая звук «хин!» повелительница (благ), стремящаяся (к теленку)'. В конструкциях управления циклы образуют чаще всего имя в косвенном падеже, управляемое глаголом, прежде всего $Nom._{acc.}$ в ЭСК 7, затем $Nom._{instr.}$ в ЭСК 8 и др., например: *dadhikrā́ṃ (vaḥ prathamám) açvínoṣásam agníṃ sámiddham bhágam (ūtáye) huve índraṃ viṣṇum pūṣáṇam bráhmaṇas pátim ādityā́n dyā́vapṛthivī́ apáḥ svàḥ* (VII, 44,1) '(Сначала) я призываю (для вашей поддержки) Дадхикру, Ашвинов, Ушас, Агни Зажженного, Бхагу, Индру, Вишну, Пушана, Брахманаспати, Адитьев, Небо-и-Землю, во́ды, солнце', *yajadhvaṃ haviṣā (tánā) girā́* (I, 193,1) 'почитайте возлиянием, (льющейся) песней' и др. В конструкциях примыкания это чаще бывает наречие, примыкающее к глаголу в ЭСК 16, например: *paçcā́t purástād adharā́d údaktāt (kaviḥ kā́vyena) pári pāhi (rājan)* (X, 87,21) 'Сзади, спереди, снизу, сверху (как поэт — поэтическим даром) защити вокруг, о царь...'.

Как видно из приведенных примеров, наиболее длинные циклы представляют собой перечни-обращения или разного рода «списки», использование которых в описании определяется стилистическими задачами. Так, для стиля заговоров АВ характерны перечни, например, органов, откуда изгоняется болезнь ($Nom._{abl.} + Vb.$, т. е. ЭСК 10): *akṣíbhyāṃ te nā́sikābhyāṃ kárṇabhyāṃ chúbukād ádhi yákṣmaṃ çīrṣaṇyàṃ mastiṣkā́j jihvā́yā ví vṛhāmi te* (АВ, II, 33,1сл.) 'Из глаз твоих, из ноздрей, из ушей, из подбородка, якшму головную — из мозга, из языка я вырываю у тебя!' и т. д.; или мест, где сотворено колдовство (АВ, V, 31); видов червей или змей и т. п.

Для стиля РВ, пожалуй, наиболее характерна циклизация $Nom._{acc.}$, при этом только из широкого семантического контек-

ста становится ясным, надо ли интерпретировать эти последовательности как состоящие из ЭСК 7 или из ЭСК 22, например: *agním īḷe puróhitaṃ | yajñásya devám ṛtvíjam | hótāraṃ ratnadhátamam* (I, 1,1) 'Я призываю Агни (как) поставленного во главе, (как) бога жертвы, жреца, (как) хотара, приносящего самые большие сокровища'.

Следует отметить, что для ведийского метрического языка совсем не характерны серии циклов с $Vb._{absol.}$, примыкающим к глаголу, которые типичны для более позднего периода.

В целом же проблема циклических ветвлений в ведийском языке должна изучаться не только на синтаксическом, но и на стилистическом уровне (составляя здесь часть обширной системы повторов единиц разных планов).

Если оставить в стороне циклические ветвления, схему простого ведийского предложения в большинстве случаев можно построить в четыре этапа посредством последовательного переписывания символа предложения S в символы элементарной модели простого предложения. В качестве нулевого шага принимается $Vb._{fin.}$, первый шаг — $Nom._{nominat.}$ и $Vb._{fin.}$, второй шаг — развертывание этих символов в ЭСК 1—25, третий шаг — развертывание символов ЭСК 1—25 в символы ЭСК 19, 24, 25. Таков анализ или синтез предложения S в ведийском языке в пределах яруса II.

Символы Nom. и Vb. в пределах яруса I способны развертываться: Nom. в ЭСК a — d, Vb.— в ЭСК e — g.

Способность быть членом той или иной ЭСК яруса I или II может служить параметром для классификации падежей именной парадигмы.

Все падежи могут быть описаны в пределах яруса II (т. е. могут употребляться без Praep./Postp.).

A., I., Abl., L. могут быть описаны также в пределах яруса I (т. е. способны употребляться с Praep./Postp.).

Принадлежа к ярусу II, D. в ЭСК 19 противостоит остальным падежам по тому признаку, что сочетается с Pcl., с которыми не сочетаются другие падежи (*kám*, *smát*).

Принадлежа к ярусу II, G. в отличие от других падежей имеет тенденцию в ЭСК 5 сочетаться с именами полуслужебного характера (не утратившими своего лексического значения, но приобретшими также значение грамматического показателя типа Praep./Postp.), например: *ágre ráthānām* 'впереди колесниц', 'перед колесницами' (*ágra-* 'начало'), *mṛtyór antikám* 'вблизи смерти', 'к смерти' (*antiká-* 'близость'), *apā́m mádhye* 'посреди вод', 'в воде' (*mádhya-* 'середина') и т. п.;

N., описываемый только в пределах яруса II, не сочетается ни с какими характерными только для него частицами, ни с полуслужебными словами.

При комбинировании ЭСК в предложении возникает вопрос о количественных ограничениях на управляемые члены ЭСК,

зависящие от данного управляющего члена. Прежде всего это касается ЭСК, в состав которых входит Vb. Теоретически допустимы Vb. с каждым из этих элементов вместе и порознь (Vb.+ $Nom._{nominat.}$+ $Nom._{acc.}$+ $Nom._{instr.}$ + $Nom._{dat.}$ + $Nom._{abl.}$+ +$Nom._{gen.}$+$Nom._{loc.}$). Практически же такой максимальный вариант никогда не осуществляется. На него налагаются ограничения как лексико-грамматические (значение глагола, его переходность—непереходность, залог и пр.), так и стилистические. Один глагол управляет не более, чем тремя падежными формами.

Один глагол может управлять двумя одинаковыми падежными формами, имеющими разное значение (случай, не равный циклическому ветвлению). Таков, например, двойной A. при переходных или каузативных глаголах движения: *sá paktā́raṃ dívaṃ vaha* (AB, X, 9,25) 'Отвези готовящего (тебя) на небо', при глаголах неполной предикации: *tvā́m...ādityā́sa āsyàm... cakrire* (I, 192,13) 'Адитьи сделали тебя ртом', при глаголах говорения: *tvā́m in me gópatiṃ víçva āha* (VII, 18,4) 'Лишь тебя каждый называл мне владельцем коров' и др. Двойной I. встречается при глаголах с пассивным значением: *idám ādā́nam akaram | tápaséndreṇa sáṃçitam* (AB, VI, 104,2) 'Я сделал это привязывание, подогретое жаром Индрой'. Двойной D. при глаголе обычно представлен D. инфинитива и D. имени существительного (так называемая аттракция падежей): *ávaitu pf̀çni çévalaṃ | çúne jarā́yu áttavé* (AB, I, 11,4) 'Пусть упадет пестрый скользкий послед собаке на съедение' (букв. 'для собаки для съедения').

Сочетания Vb. с тремя различными падежами имени встречаются нередко, например: *gárbhe* [L.] *yóṣām* [A.] *ádadhur vatsám* [A.] *āsány* [L.] *apīcyèna mánasotá* [I.] *jihváyā* [I.] (X, 53,11) 'Они вложили женщину в утробу, теленка — в рот с тайным смыслом и (тайным) языком' (при наличии циклов A., L., I.), *á vāṃ* [A.] *rājānāv adhvaré* [L.] *vavṛtyām havyébhir* [I.] *indrā́varuṇā námobhiḥ* [I.] (VII, 84,1) 'Я хочу пригласить вас, о два царя, на жертвоприношение с помощью возлияний [I.], о Индра-Варуна, и поклонений' (при циклизации I.), *á no* [A.] *gahi sakhyébhiḥ* [I.] *çivébhir mahā́n* [N.] *mahíbhir ūtíbhiḥ saraṇyán* (II, 31,18) 'Приди к нам с добрыми дружескими услугами, великий с великими поддержками спешащий'.

Прежде чем перейти к описанию линейной последовательности ЭСК (и составляющих их членов) при синтезе предложения, следует сделать несколько замечаний о характере ЭСК в ведийском метрическом языке. Для стиля ведийской поэзии характерно употребление неполных ЭСК. Это относится как к ярусу I, так и к ярусу II. В пределах яруса I соответствующую ЭСК представляет служебное слово: предлог, при котором опущено

управляемое им существительное, угадываемое из контекста, или префикс-наречие при отсутствии связанного с ним глагола, например: *práti* в *kumāráç cit pitáraṃ vándamānaṃ | práti nānāma rudropayántam* (II, 33,12) 'Как сын перед уважаемым отцом, склонился я перед (тобой), о Рудра, когда ты приближаешься', *antár* в *vaiçvānaró no ádabdhas tanūpá | antáṣ tiṣṭhāti duritáni viçvā* (AB, VI, 53,2) 'Вайшванара, неуязвимый защитник нашего тела, пусть стоит между (нами и) всеми трудностями', *ví* в *sá sukrátur yó ví dúraḥ paṇīnám...* (VII, 9,2) 'Он — прозорливец, который, рас(крыл) врата демонов-пани...', *abhí* в *saptá svásāro abhí mātáraḥ çíçuṃ návaṃ jajñānám...* (IX, 86,36) 'Семь сестер как матери при(шли) к новорожденному ребенку...' и др.

В пределах яруса II встречаются разнообразные типы эллиптичных конструкций. Чаще всего элидируется Nom.$_{acc.}$ в ЭСК 7, например: *táva dadhāty úpa yajñám āyan | brāhmaṇó hótur ávaro niṣídan* (X, 88,19) 'Тотчас же устанавливает (жертвенные принадлежности) пришедший на жертвоприношение брахман, сев напротив хотара', хотя возможна и элизия Vb. в этой конструкции, например: *sá no vṛṣṭíṃ divás pári | sá no vájam anarvāṇam | sá naḥ sahasríṇīr íṣaḥ* (II, 6,5) 'Он нам дождь с неба (пусть даст), он нам — добычу неоспоримую, он нам — тысячное подкрепление!'. Вообще в глагольных конструкциях управления Vb. может элидироваться и в сочетании с другими падежами, например, в ЭСК 8 при I. : *devébhir deva surúcā rucānó* (III, 15,6) '(Приди) с богами, о бог, блестя чудным блеском' и др. Весьма частый случай эллиптичной конструкции представлен в конструкции согласования ЭСК 20 (в части примеров также — ЭСК 21). Как и в глагольных конструкциях, элидируется член высшего ранга — в данном случае Nom.-Subst., например: *prá vātā iva dódhata | ún mā pītá ayaṃsata* (X, 119,2) 'Как ветры буйные, понесли меня вверх выпитые (соки сомы)', *áva tmánā bṛhatáḥ çámbaram bhet* (VII, 18,20) 'Ты сам столкнул Шамбару с высокой (горы)'. Наконец в наиболее распространенной из именных конструкций управления — в ЭСК 5 управляющий член Nom. элидируется при Nom.$_{gen.}$, например: *jányuḥ pátis tanvàm á viviçyāḥ* (X, 10,3) 'Как муж — (в тело) жены, пусть войдешь ты в (мое) тело'.

Здесь были приведены лишь наиболее часто встречающиеся типы эллиптичных ЭСК. В целом же типы элизии ЭСК крайне разнообразны, и в одном предложении может содержаться более, чем одна эллиптичная ЭСК.

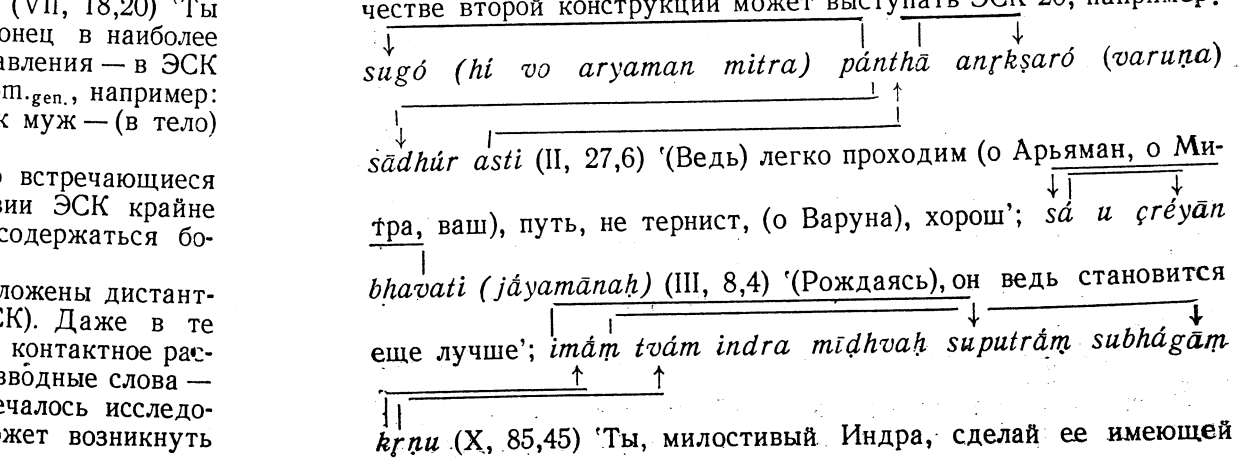
Довольно часто два члена одной ЭСК расположены дистантно (прежде всего это касается глагольных ЭСК). Даже в те ЭСК, членам которых, в принципе, свойственно контактное расположение, в поэтическом тексте вклиниваются вводные слова — вокативы. В результате, как неоднократно отмечалось исследователями, уже на синтаксическом уровне может возникнуть

неоднозначность слова, и слово во фразе иногда бывает расположено так, что может по смыслу трактоваться как член по меньшей мере двух ЭСК (справа и слева) одновременно.

Слово в ведийской поэзии обладает большой самостоятельностью во фразе. Его синтаксическая семантика нередко многозначна, следствием чего являются менее жесткие синтаксические связи с другими словами той же фразы, чем это было в более поздней прозе.

От предварительных замечаний можно перейти к описанию порождения предложения из перечисленных ЭСК. Для этого нужно прежде всего рассмотреть, как выражаются в ведийском языке предикативные отношения. Выше говорилось о том, что потенциально любая личная форма глагола обладает предикативностью и может функционировать в качестве простого предложения (в ведах это довольно часто реализуется у личных форм глагола в косвенных наклонениях). Были также перечислены 18 ЭСК, способные выступать в качестве самостоятельного предложения (ЭСК 14 и 23 — во всех случаях, ЭСК 3, 7—13, 16, 17, 19—22, 24, 25 только в части составляющих их примеров). Предикативность в этих ЭСК выражается прежде всего с помощью Vb.$_{fin.}$, а также с помощью Part., Adj., Nom.-Subst. (или заменяющих его местоимений), Vb.$_{inf.}$.

Кроме этого предикативность может выражаться сочетанием двух ЭСК. Одной из них бывает ЭСК 23, в которой Vb.$_{fin.}$ выражен глаголами *as-* 'быть', 'существовать', *bhū-* 'быть', 'становиться', *sthā-* 'стоять', находиться', т. е. глаголом-связкой, или вариант этой же ЭСК с переходным глаголом — глаголом неполной предикации *kar-* 'делать'. В функции связки употребляются иногда и некоторые другие глаголы, например: *jan-* 'рождаться', 'возникать' и др. Все эти глаголы могут сочетаться с другой ЭСК, также употребляясь и самостоятельно. В качестве второй конструкции может выступать ЭСК 20, например:



прекрасных сыновей, очень счастливой!'. В случаях, когда исходным является Vb.$_{fin.}$ (а не ЭСК 23), согласование бывает выражено имплицитно (при отсутствии грамматического подлежащего указание на адресат нередко содержится в вокативе), например: *vṛ̥ṣajūtir hí jajñiṣá ābhûbhir indra turváṇiḥ* (V, 35,3) 'Ведь (ты) родился, о Индра, стремительным, как бык, превосходящим (всех) силами'. Вокатива, однако, может и не быть, например: *dhruvás tiṣṭhávicācaliḥ* (X, 173,1) 'Стой твердый, непоколебимый!' (или 'Останься твердым, непоколебимым!'); в таких случаях лицо подразумеваемого субъекта выражено глаголом, а его род — прилагательным. Не менее часто в качестве второй конструкции выступает ЭСК 21, например: *tébhyo agnibhyo hutám astv etát* (AB, III, 21,1) 'Да будет это пожертвовано тем огням', *ninditâro nindyāso bhavantu* (V, 2,6) 'Да станут хулители достойными хулы!', *ávantam átraye gṛhám kṛṇutáṃ yuvám açvinā* (VIII, 73,7) 'Вы, о Ашвины, сделали для Атри дом помогающим (ему)'.

В качестве второй конструкции в предикативном сочетании ЭСК нередко используется ЭСК 22, например: *tváṃ narâṃ çárdho asi* (II, 1,5) 'ты еси сила мужей', *ámo 'hám asmi (sá tváṃ)* (AB, XIV, 2,71) 'я есмь он (ты — она)'; *tvám putró bhavasi* (II, 1,9) 'ты становишься сыном', *mānavî ṛcau dhāyyè kuryād* (TC, II, 2,2,10) 'Два стиха Ману пусть он сделает дополнительными стихами'.

Если Vb.$_{fin.}$ — связка в самостоятельном употреблении или в составе ЭСК 23 соединяется с ЭСК 5, то такое предложение выражает принадлежность. В функции Nom.$_{gen.}$ здесь чаще выступают местоимения, например: *smási ṣmā vayám eṣām* (I, 37, 15) 'Ведь мы принадлежим им' (букв. 'Мы суть ведь их'), *távāgne yajñò 'yám astu* (X, 51,9) 'Твоей, о Агни, пусть будет эта жертва!'.

Окказионально могут встречаться и другие предикативные сочетания ЭСК.

Обычно именные предикативные ЭСК принято описывать как эллиптичные предложения (т. е. сочетания двух ЭСК) с опущенным глаголом-связкой в настоящем времени. В ведийском языке, как в поэзии, так и в прозе, именные предложения весьма широко распространены. ЭСК 21 употребляется предикативно гораздо чаще, чем ее сочетание с ЭСК 23. И если в синхронном описании фразы типа *tvaṃ varuṇaḥ* удобно рассматривать как эллипсис от *tvaṃ varuṇo 'si*, то с диахронической точки зрения такая интерпретация вряд ли подтверждается.

Порядок слов в предложении в ведийской поэзии является весьма свободным. Тем не менее определенные тенденции здесь были отмечены, хотя сформулировать их как запреты или предписания представляется невозможным. Поскольку члены ЭСК очень часто расположены дистантно, ЭСК могут быть разорваны вставленными вокативами, и, наконец, поскольку ЭСК (да и более крупные синтаксические сочетания) могут употребляться в эллиптичной форме, проще говорить о порядке слов в пределах предложения. В простом повествовательном предложении нейтрального стиля, не усложненном причастными и абсолютными оборотами, существуют следующие тенденции в отношении порядка слов.

В ЭСК 23 Nom.$_{nominat.}$, как правило, стоит в начале предложения, а Vb.$_{fin.}$ той же ЭСК — в самом конце предложения. Между ними располагаются члены остальных ЭСК. Поскольку ведийское предложение может строиться и без Nom.$_{nominat.}$, место Vb.$_{fin.}$ является более фиксированным и может служить точкой отсчета для определения мест других членов ЭСК.

Если предложение образует ЭСК 20 и 21, то предикативный член (Adj. или Part.) обычно следует за Nom.-Subst. и вообще тяготеет к концу предложения. Если предикативность в предложении выражена комбинацией двух ЭСК, то Vb.$_{fin.}$ — связка занимает конечное положение в предложении. Вот некоторые примеры: *ghṛtám mimikṣe ghṛtám asya yónir | ghṛté çritó ghṛtám-v asya dhâma* (II, 3,11) 'Жир струится (из него), жир — его лоно, он установлен в жире, и жир — его форма', *nákir indra tvád úttaro | ná jyáyāñ asti vṛtrahan* (IV, 30,1) 'Никто, о Индра, не выше тебя и не лучше, о убийца Вритры'.

Менее отчетливо выражена общая тенденция, заключающаяся в том, что в непредикативных конструкциях, членами которых являются полнозначные слова, элемент низшего ранга (управляемый, примыкающий, согласующийся) предшествует соответствующему элементу высшего ранга.

Эта тенденция является реализацией синтаксической модели I, в центре которой находится тот вариант ЭСК 7, когда Nom.$_{acc.}$ предшествует Vb.$_{fin.}$. Она не распространяется на значительную часть случаев ЭСК 17, где Vb.$_{inf.}$ стоит после управляющего им Vb.$_{fin.}$. Вообще надо отметить, что инфинитив с окончанием D. нередко занимает место в конце предложения,

например, в ЭСК 14: *iḷāyās tvā padé vayáṃ | nábhā pṛthivyā́ ádhi | jā́tavedo ní dhīmahy | ágne havyā́ya vóḷhave* (III, 29,4) 'Мы устраиваем тебя на месте Иды, на пупе земли, о Агни-Джаташедас, чтобы (ты) увозил жертву'. Той же тенденции нередко следует Nom.$_{dat.}$ в ЭСК 9 при выражении цели (значение, близкое к значению инфинитива), например: *asmā́ñ ihā́ vṛṇīṣva | sakhyā́ya svastáye | mahó rāyé divítmate* (IV, 31,11) 'Нас выбери здесь для дружбы, для благополучия, для великого сверкающего богатства!'.

Здесь необходимо сделать ряд частных уточнений, касающихся отдельных ЭСК. Если Vb.$_{fin.}$ входит одновременно в состав нескольких ЭСК, то в непосредственной близости к Vb.$_{fin.}$ обычно находится Nom.$_{acc.}$, например: *tváṣṭā* [N.] *duhitré* [D.] *vahatúṃ* [A.] *kṛṇoti* [Vb.] (X, 17,1) 'Тваштар для дочери устраивает свадьбу', *sugébhir* [I.] *víçvā duritā́* [A.] *tarema* (X, 113,10) 'Легкими путями мы хотим пройти через все опасности', *práśmād* [Abl.] *éno* [A.] *vahantu* (AB, XVI, 1,11) 'Пусть они увезут грех прочь от нас!' и т. п.

В ЭСК 5 Nom.$_{gen.}$ в синтаксической модели I предшествует Nom., например: *marútāṃ çárdhaḥ* 'толпа Марутов', *te çármaṇi* 'под защитой у тебя' и пр. За пределами этой модели регулярно остаются те случаи, когда в функции Nom. выступает числительное, например: *dáça... kaláçānāṃ* 'десять кубков', *sahásra triṃçátaṃ dāsā́nām* 'тридцать тысяч дасов' и др., и Nom.$_{gen.}$ всегда следует за числительным-существительным. Последняя тенденция может рассматриваться как реализация синтаксической модели II, описывающей ЭСК, в которых элемент низшего ранга следует за элементом высшего ранга. В центре этой модели находится тот вариант ЭСК 7, когда Nom.$_{acc.}$ следует за Vb.$_{fin.}$. Из рассмотренных здесь вариантов ЭСК этой модели принадлежит значительная часть примеров ЭСК 14 и 17.

В конструкциях согласования — ЭСК 20 и 21 — согласующийся член может быть в препозиции или в постпозиции по отношению к Nom.-Subst. Будучи предикативными, Adj. или Part. в нейтральной речи употребляются обычно постпозитивно, например: *anāgohatyā́ vai bhīmā́* (AB, X, 1,29) 'Ведь страшно убийство безвинных', *divó mū́lam ávatataṃ pṛthivyā́ ádhy úttatam* (AB, II, 73) 'С неба корень протянут вниз, из земли протянут вверх'. В атрибутивной функции Adj. и Part., не имеющий при себе какого-либо зависящего от него слова, чаще находятся в препозиции, например: *babhráve nú svátavase | 'ruṇā́ya divispṛ́çe | sómāya gāthám arcata* (IX, 11,4) 'Исполните песнь бурому, обладающему собственной силой, красноватому, касающемуся неба Соме!', *átṛpṇuvantaṃ viyatam abudhyám | ábudhyamānaṃ suṣupāṇám indra | saptá práti pravā́ta āçā́yānam | áhiṃ vájreṇa ví riṇā aparván* (IV, 19,3) 'Ты рассек дубиной на ровном месте ненасытного разметавшегося

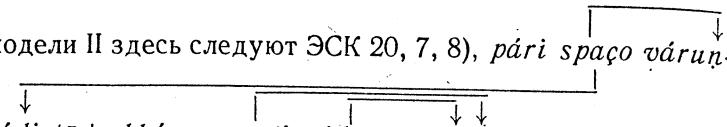
змея, которого будить не надо, который спит беспробудно, о Индра, запрудив семь потоков'.

Если в ЭСК 21 от Part. зависит какое-либо другое слово, то чаще Part. находится в постпозиции к Nom.-Subst., образуя причастный оборот, например: *sámiddho agnír níhitaḥ pṛthivyā́m | pratyáñ víçvāni bhúvanāni asthāt* (II, 3,1) 'Зажженный Агни, установленный на земле, встал обращенный ко всем существам'.

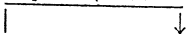
Известна также стилистико-синтаксическая особенность ведийской поэзии, заключающаяся в том, что ряд определений к одному имени строится скорее как ряд приложений (в иных терминах ЭСК 20 и 21 употребляются в функции ЭСК 22). Это неоднократно отмечалось в отношении указательных местоимений, постоянных эпитетов-имен богов и др.; в таких случаях постпозитивное употребление обычно соответствует автономному характеру этих согласующихся членов ЭСК, например: *sá darçataçrír átithir gṛhé-gṛhe | váne-vane çiçriye takvavír iva* (X, 91,2) 'Он, обладатель замечательной красоты, гость в каждом доме, скрывается в каждом куске дерева, как охотник — в лесу' (или 'Этот обладающий замечательной красотой гость...'), *tám indram johavīmi maghávānam ugráṃ...* (VIII, 97,13) 'Этого Индру я призываю (как) щедрого, ужасного...' (притом что *maghávan-* и *ugrá-* являются постоянными эпитетами Индры). Поскольку структурно основы прилагательных в большинстве типов не отличаются от существительных, подобное синтаксическое употребление еще более способствует субстантивизации прилагательных. Наконец, вопрос о препозиции или постпозиции согласующегося члена ЭСК бывает иррелевантным в тех многочисленных случаях, когда Nom.-Subst. соответствующей ЭСК опускается и лицо субъекта ясно только из глагольного окончания, например: *bhā́va mitró ná çévyo ghṛtā́sutir | vibhūtadyumna evayā́ u sapráthāḥ* (I, 156,1) 'Будь благосклонен, как Митра, подкрепляющийся жирным напитком, (ты) обладающий ярким блеском, быстро идущий и далеко распространяющийся', *ā́ revátī ródasī citrám asthāt* (III, 61,6) 'Богатая, (она) ярко взошла на оба мира'. Таким образом, на синтаксическом уровне последовательность членов ЭСК 20 и 21 описывается с помощью как модели I, так и модели II.

В центре синтаксической модели II находится, как уже говорилось ранее, тот вариант ЭСК 7, когда Nom.$_{acc.}$ следует за Vb.$_{fin.}$. Она делит также с моделью I и все остальные именные и глагольные ЭСК подчинительной связи, включающие полнозначные слова, например: *ayám índro marútsakhā | ví vṛtrásyābhinac chíraḥ | vájreṇa çatáparvaṇā* (VIII, 76,2) 'Этот Индра с Марутами-друзьями раскроил голову Вритры сточленной ду-

биной' (модели II здесь следуют ЭСК 20, 7, 8), *pári spaço várun-*



asya smádiṣṭā | ubhé paçyanti ródasī suméke (VII, 87,3) 'Наблюдатели Варуны, воодушевленные одинаковым желанием, озирают эти два прочно укрепленных мира' (модели II здесь



следует ЭСК 5, 20, 7), *tisró dyávo níhitā antár asmin...* (VII, 87,5) 'Три неба установлены в нем...' (модели II здесь следует ЭСК 6) и т. п.

Несколько особое место в отношении взаимного расположения составляющих ее членов занимает ЭСК 19. Как отмечалось ранее, из конструкции выводим до некоторой степени семантический тип частицы. Важно отметить, что употребление частиц в ведийском языке выходит за пределы ЭСК, и в ряде случаев функции частиц реализуются в рамках предложения. В соответствии с занимаемой ими в предложении позицией частицы, как известно, образуют несколько классов:

I. частицы, соотносящиеся с одним словом, к которому они примыкают постпозиционно (*ā́, iva, evá, ca, cid, vā*);

II. частицы, соотносящиеся со всем предложением в целом:

а) частицы, которые занимают место после первого слова предложения (*āngá, áha, íd, u, kam, kíla, khálu, tú, nú, vaí, sma, svid, ha, hí*);

б) частицы, которые занимают первое место в предложении (*ápi, utá, íti, evám, átha* — всегда ударные);

III. Частицы, способные соотноситься и с одним словом, находясь в препозиции к нему, и с целым предложением, занимая первое место в нем (*ná, mā́*).

Частицы классов I и II имеют выделительное, эмфатическое, уточняющее значение. Частицы класса III выражают отрицание. Частицам всех классов свойственно образовывать циклы, в которых собственное значение отдельной частицы бывает трудно выделить. Такие циклы служат источником слитных сложных частиц, функционирующих в ведийском языке в качестве единых, например: *cáná* (<*ca*+*ná*), *nánu* (<*ná*+*nú*), *nahí* (<*ná*+*hí*), *néd* (<*ná*+*íd*). Циклы частиц могут начинать предложение или следовать за его первым словом, например: *hárī nú kaṃ rátha índrasya yojam | āyaí sūkténa vácasā návena | mó ṣú tvā́m átra bahávo hi víprā | ni rīraman yájamānāso anyé* (II, 18,3) 'Вот хочу я запрячь с помощью прекрасно произнесенной новой речи двух буланых жеребцов в колесницу Индры, чтобы он прибыл. И никогда пусть тебя не удержат другие жертвователи — много ведь здесь вдохновенных!' — здесь комбинации частиц *nú kaṃ* в паде а после первого слова и *mó ṣu* (где *mó*<*mā́*+*u*) в начале пады с.

Одна из частиц имеет тенденцию встречаться в конце предложения в силу того, что она следует за дательным падежом или за дательным инфинитивом на *-e*, тяготеющим к этой позиции, например: *tám ū akṛṇvan tredhā́ bhuvé káṃ* (X, 88,10) 'Они сделали, чтобы он стал трехчастным'.

В функции частиц в ведийском языке употребляется также ряд слов наречного, местоименного, адъективного происхождения, причем твердой грани между частицами и этими классами слов не существует.

Частицам классов I и II свойственно преимущественно эмфатическое значение (притом что оно тесно связано также с другими семантическими оттенками). На уровне синтаксиса эмфатическое значение соотносится с позицией соответствующего слова в начале предложения (частицы класса II и отчасти класса III).

В отрицательных предложениях отрицание реализуется с помощью отрицательных частиц класса III. Общее отрицание высказывания выражается с помощью частицы *ná*, которая всегда бывает в препозиции: или в начале предложения, или непосредственно перед глаголом. Эта частица находится в отношении дополнительного распределения, нарушаемого, правда, в пограничных случаях, другой отрицательной частицей — *mā́*: последняя употребляется с глаголом в Inj. (отдельные нарушения общего правила распределения относятся к области opt. и iv). Частное отрицание выражается частицей *na*, стоящей непосредственно перед тем словом, к которому относится.

Ведийскому предложению в основном свойственно одно отрицание, т. е. если употребляется отрицательное местоимение или наречие (этот класс слов мало развит в ведийском языке), то глагол имеет обычно положительную форму. Вот некоторые примеры: *ná tvā rákṣāṃsi pṛ́tanāsu jigyuḥ... mā́ te hetáyá mukṣata daívyāyāḥ* (AB, V, 29,11) 'Тебя не победили ракшасы в боях... Да не избавятся они от небесной пращи!'; *tā́n nón naçad yáḥ pitáraṃ ná véda* (I, 164,22) 'Ее не достанет тот, кто не знает отца'; *nákir mā daívyaṃ sáho varate ápratītam* (IV, 42,6) 'Никакая божественная сила не удержит меня, неодолимого'; *mā́kis tokásya no riṣat* (VIII, 67,11) 'Да не повредит никто нашему потомству!'. При отрицании в именном предложении употребляется обычно *ná*, например: *ná te átra lokáḥ* (AB, XII, 2,1) 'Нет тебе здесь места!'.

В целом реализация отрицания на синтаксическом уровне не образует полной и стройной системы. Частное отрицание мало развито, видимо, потому, что более распространено его выражение на уровне словообразования (префикс *a-/an-*), например: *nā́sad āsīn nó sád āsīt tadā́nīṃ* (X, 129,1) 'Не было не-сущего, и не было сущего тогда'.

Употребление частицы *cana* наряду с отрицанием не является, строго говоря, двойным отрицанием, поскольку эта частица встречается и в утвердительных предложениях, примыкая обычно к формам местоименного происхождения и придавая им значение неопределенности, например: *ná táṃ rājānāv adite kútaç caná nāṃhɔ açnoti duritáṃ nákir bhayám yám açvinā... puroratháṃ kṛṇutháḥ...* (X, 39,11) 'Не настигает того, о два царя, о Адити, откуда-нибудь ни нужда, ни беда, ни какой-либо страх, кого вы, Ашвины, с (его) колесницей продвигаете вперед...'; *éno mā́ ní gāṃ katamác canáhám* (AB, V, 3,4) 'Да не впаду я ни в какой (букв. в какой-нибудь) грех!'.

Вопрос в ведийском языке выражается с помощью вопросительных слов, форм вопросительного местоимения *ká-*, вопросительно-эмфатических частиц и особой вопросительной интонации. Вопросительная интонация является обязательным просодическим компонентом, но в графике отражается только тогда, когда с ней связано протяженное произношение гласного — плути, фиксируемое на письме. Частный вопрос, относящийся к отдельному слову в предложении, всегда выражается с помощью вопросительного слова, которое может также сопровождаться частицами. Вопросительное слово, как правило, находится в начале предложения (в остальном порядок слов тот же, что и в утвердительном предложении), например: *kó mṛḷāti katamá ágamiṣthɔ | devánām u katamáḥ çámbhaviṣthaḥ* (IV, 43,2) 'Кто сжалится? Который из богов придет скорее всех, и который самый благожелательный?', *kénemā́m bhā́mim aurṇot | kéna páryabhavad dívam* (AB, X, 2,18) 'Чем он покрыл эту землю? Чем он окружил небо?', *kvèyatha kvéd asi* (VIII, 1,7) 'Куда же ты ушел? Где ты находишься?'.

Серии вопросов (обычно оставляемых без ответа) являются характерной стилистической особенностью ведийской поэзии. Кроме того, существует и такая синтаксическая особенность, как двойной вопрос при одном глаголе, например: *kathā́ ha tád váruṇāya tvám agne | kathā́ divé garhase kán na ágaḥ* (IV, 3,5) 'Как же ты, о Агни, на это Варуне, как — небу жалуешься? Что у нас за грех?'.

Общий вопрос выражается вопросительными частицами и интонацией. Собственно вопросительной частицей является *svid*, следующая, как всякая другая частица, за первым слогом, например, в предложении *adháḥ svid āśt3d upári svid āśt3t* (X, 129,5) 'Был ли низ? Был ли верх?'. Эта частица наряду с другими употребляется и в специальных вопросах после вопросительных слов. Вопросительная частица *kuvíd*, по происхождению связанная с основой вопросительного местоимения, но утратившая самостоятельное лексическое значение, обычно употребляется, подобно этому местоимению, на первом месте в предложении, например: *kuvít sómasyā́pām íti* (X, 119,1—13, рефрен) 'Не напился ли я сомы?'. В функции вопросительной частицы может иногда выступать и вопросительное местоимение среднего рода *kím*, например: *kím ā́d utā́si vṛtrahan | mághavan manyumáttamaḥ* (IV, 30,7) 'А ты все еще самый яростный, о убийца Вритры, о щедрый?'.

До сих пор речь шла о порядке слов в предложении при нейтральном стиле речи. В гимнах ведийской поэзии речь обычно имеет сильную эмоциональную окраску, что вызывает изменения в обычном порядке слов. Известна общая тенденция ведийского языка, состоящая в том, что слово, на котором делается логическое ударение, ставится в начале предложения. В начальной позиции оно приобретает ударение независимо от того, является ли данная грамматическая форма ударной в данной синтаксической структуре или нет. В этой позиции ударной становится личная форма глагола в главном предложении, например: *vádhīd índro varáçikhasya çéṣo | 'bhyāvartíne cāyamānā́ya çikṣan* (VI, 27,5) 'Убил Индра потомков Варашикхи, помогая Абхьявартину, сыну Чаяманы'; ударным становится вокатив: *ágna eṣú kṣā́yeṣv ā́ | reván naḥ çukra dīdihi* (V, 23,4) 'О Агни, в этих жилищах воссвети нам, о светлый, богато!'. Относительно вокатива следует заметить, что он может стоять в любом месте предложения, в том числе вклиниваясь между членами одной ЭСК и обычно не неся на себе ударения, кроме как в эмфатической, начальной позиции в предложении.

В предложениях, в которых в функции предикатива выступает имя или имя со связкой, в целях эмфазы оно может передвигаться на первое место в предложении, например: *stīrṇá asya saṃháto viçvárūpā | ghṛtásya yónau sraváthe mádhūnām* (III, 1,7) 'Распространились его скованные разноцветные (члены) в лоне жира, в потоке медовых струй'; *naṣṭā́savo naṣṭáviṣā́ | hatá índreṇa vajriṇā́ | jaghā́néndro jaghnimá́ vayám* (AB, X, 4,12) 'Без жизненной силы, без яда они. Убиты Индрой-громовержцем. Убил Индра, убили мы'; *svásāraṃ tvā kṛṇavai mā́ pánar gā...* (X, 108,9) 'Сестрой тебя я сделаю. Не уходи снова!'; *apraketáṃ salilám sárvam ā́ idám* (X, 129,3) 'Неразличимая пучина — все это'.

Порядок слов в ведийской поэзии зависит также от стилистических причин (повторы синтаксических структур и пр.) и от метрических требований. Все это делает его еще более свободным и неупорядоченным.

Простое предложение строится из ЭСК. Исходной единицей для **сложного предложения** является простое. Основные типы связок, объединяющие эти единицы в целостную синтаксическую структуру более высокого уровня, в принципе, одни и те же: это отношения сочинения и подчинения.

Более простой тип сложного предложения — сложносочиненное получается в результате циклического соединения двух или нескольких простых предложений. Такая циклизация может осуществляться посредством чистого сочинения без союзов (ср. в простом предложении — ЭСК 24) или с помощью сочинительных союзов, одинарных и парных (ср. ЭСК 25), а также с помощью частиц (ср. ЭСК 19), способных функционировать в сложном предложении как союзы и выступать с ними в парных сочетаниях (твердой грани между частицами и союзами, как, впрочем, между союзами и некоторыми словами местоименно-наречного происхождения, не существует.)

Здесь следует сделать некоторые замечания относительно членимости на более мелкие единицы ведийского метрического текста. При отсутствии знаков препинания как таковых разделители стихов и пад служат одновременно указателями синтаксических границ. В подавляющем большинстве случаев конец предложения совпадает с концом стиха. Границы между падами являются хотя и не столь же обязательным, но тем не менее тоже весьма существенным ориентиром синтаксического членения. С ними нередко совпадают границы простых предложений. Если же стих — сложное предложение, то обычно граница между падами одновременно отделяет главное предложение от придаточного. Все многочисленные повторы, в том числе балансированные синтаксические конструкции, ориентированы на метрическую структуру ведийского стиха.

Очень важную роль при синтаксическом членении ведийского текста играет фразовое ударение. Главное правило состоит в том, что личная форма глагола в главном предложении всегда безударна, кроме тех случаев, когда глагол стоит на первом месте в предложении. Наоборот, во второстепенных предложениях на личную форму глагола падает ударение. Понятие второстепенного предложения включает придаточное предложение в составе сложноподчиненного, а также иногда — менее жесткий тип обусловленности — одно из предложений в составе сложносочиненного, противопоставленное другому по значению или вообще понимаемое как более или менее тесно связанное с ним по смыслу. (Подробнее о фразовом ударении см. в разделе «Фонетика. Фонология».)

При отсутствии союзов или частиц, выступающих в их функции, ударение личных форм глагола является единственным критерием для правильного ответа на вопрос: сложносочиненное бессоюзное предложение или последовательность простых предложений, например: *prétó muñcámi námutaḥ | subaddhám amútas karam | yátheyám indra mīḍhvaḥ | suputrā́ subhágāsati* (X, 85,25) 'Отсюда освобождаю я, (а) не оттуда! Там я сделаю (ее) прочно привязанной, чтобы она, о милостивый Индра, имела прекрасных сыновей и была счастливой', где $Vb._{fin.}$ под ударением — *muñcámi* указывает на противопоставленность одного

простого предложения в составе сложносочиненного предложения другому, эллиптичному, и где *muñcámi* приравнено наличием ударения к *ásati* в придаточном соседнего сложноподчиненного предложения.

Если же одно предложение не противопоставлено другому по смыслу, то глагол первого бывает безударным, и тем самым предложение в целом лишается объективного критерия для правильного членения текста, например: *míhaḥ pāvakā́ḥ prátatā abhūvan | svastí naḥ piparti pārám āsām* (III, 31,20) 'Стали ясными распространившиеся туманы, переведи нас благополучно на ту сторону их!'. Нет критерия и в тех случаях, когда глагол занимает недиагностическую с точки зрения ударения (всегда под ударением) начальную позицию в предложении, например: *ávāsṛjanta jívrayo ná devá́ | bhúvaḥ samrā́ḷ indra satyáyoniḥ* (IV, 19,2) 'Боги сникли, как старики; ты стал всеобщим владыкой, о Индра, заняв истинное место'.

В бессоюзных сложносочиненных предложениях с противительным значением в ведийском языке нередко употребляются соотносительные местоимения *anyá-... anyá-* 'один.., другой', например: *sómam anyá úpāsadat | pā́tave camvòḥ sutám | karambhám anyá ichati* (VI, 57,2) 'Один подсел к соме, чтобы испить выжатого из двух сосудов, другой стремится к каше'.

На грани бессоюзных и союзных сложносочиненных предложений находятся предложения с одинарным наречием *ádha/átha* 'тогда', 'далее', 'затем'; 'сейчас'; 'также', способным в определенных контекстах приобретать значение союза «а также», «но», «поэтому» и комбинироваться с разнообразными частицами, например: *bhágam ugró'vase jóhavīti | bhágam ánugro ádha yāti rátnam* (VI, 38,6) 'Бхагу призывает на помощь могущественный, к Бхаге не-могущественный также идет за сокровищем', где ударная личная форма глагола первого предложения подчеркивает семантическую целостность всего периода.

Простые предложения объединяются в сложносочиненные с помощью ряда союзов, которые одновременно функционируют в ведийском языке и как эмфатические частицы. Союз *utá* 'и' стоит обычно в начале предложения (место, характерное для частиц). В составе сложносочиненного предложения он находится между двумя предложениями, например: *mahí vām ūtír açvinā mayobhúr | utá srāmáṃ dhiṣṇyā sáṃ riṇīthaḥ* (I, 117, 19) 'Велика ваша помощь, о Ашвины, целительна. И хромого вы вылечиваете, о готовые помочь!'. В абсолютном начале, т. е. в начале стиха, *utá* стоит в тех случаях, когда выражает — в более широком плане — связь данного стиха с предыдущим. В таком употреблении значение соединительного союза не вполне отделено от значения эмфатической частицы. Гораздо отчетливее это значение прослеживается в тех случаях, когда *utá* соединяет два слова, в частности две личные глагольные формы. С точки зрения индийской синтаксической традиции, здесь

имеют место два простых предложения, причем второе из них эллиптично, поскольку в одном предложении может быть только одна личная глагольная форма. Таким образом, простое предложение с циклическим ветвлением глагола: *tád ā́ jānītotá puṣyatā váco...* (I, 94,8) 'Поймите же и исполните это слово!' в соответствии с индийской синтаксической традицией трактуется как два предложения, и *utá*, таким образом, оказывается в начале второго предложения.

Utá употребляется в сложносочиненных предложениях в парном сочетании со значением «и.., и», «как.., так», причем нередко комбинируется с различными частицами, например: *utá smāsya panayanti jánā | jūtíṃ kr̥ṣṭipró abhíbhūtim āçóḥ | utaínam āhuḥ samithé viyántaḥ | párā dadhikrā́ asarat sahásraiḥ* (IV, 38,9) 'И люди восхищаются его скоростью, превосходством скакуна, заполняющего (все) поселения, и о нем говорят, расходясь по полю битвы: «Дадхикра унесся с тысячами»'.

Значение соединительного союза наиболее отчетливо выражено у *ca* 'и', соединяющего между собой, подобно всем остальным союзам этого класса, не только отдельные слова, но и простые предложения в составе сложносочиненных. Соединяя два предложения, *ca* стоит в начале второго предложения после первого его слова (место безударной энклитической частицы), например: *çr̥ṇvántā vām ávase johavīmi | vr̥dhé ca no bhavataṃ vā́jasatau* (I, 34,12) 'Я призываю вас двоих на помощь, о прислушивающиеся, и пусть будете вы нам в поддержку при захвате добычи'.

Парные союзы *ca*, соединяя предложения, ставятся обычно после глагола, если же это глагол в сочетании с наречием-префиксом, то после наречия-префикса, например: *prajā́vatā vácasā váhnir asā́ ca huvé nī́ ca satsīhá devaiḥ* (I, 76,4) 'Я приглашаю тебя богатой потомством речью как ведущий (жертвоприношение) с помощью слова, и пусть сядешь ты здесь с богами'.

Еще один сочинительный союз *vā* имеет разделительное значение 'или' и, будучи также безударной энклитикой, занимает в сложносочиненном предложении то же место, что и *ca*. При соединении предложений чаще употребляется парный союз *vā*, например: *tásya vā tvám māna ichā́ sá vā távā́dhā kr̥ṇuṣva saṃvídaṃ súbhadrām* (X, 10,14) 'Ищи ты его сердца, или он твоего, и образуй с ним счастливый союз'.

В функции разделительного союза в отрицательных сложносочиненных предложениях употребляется отрицательная частица *ná*, повторяющаяся в каждом предложении. Эта частица является ударной и стоит или непосредственно перед глаголом, или в начале предложения, например: *pūṣṇáç cakrā́ṃ ná riṣyati | ná kóçó'va padyate | nó asya vyathate paviḥ* (VI, 54,3) 'Колесо Пушана не ломается, кузов (колесницы) не сваливается, обод колеса не шатается'.

В результате этого краткого обзора союзных сложносочиненных предложений можно сказать, что по своим синтаксическим характеристикам союзы очень близки к эмфатическим частицам: на первом месте в предложении располагаются ударные члены этого класса, на втором — безударные. Союзы имеют тенденцию комбинироваться с разнообразными частицами в начале предложения (синтаксическое свойство частиц), например: *utá+u, utá+u+ná, utá+vā, cana, vā+gha, ná+u* и т. д.

Самый сложный тип синтаксических структур представлен сложноподчиненным предложением, в котором одно предложение зависит от другого (преобладает связь управления, реже встречается связь согласования). Частым способом соединения простых предложений в сложноподчиненные является соединение с помощью относительного местоимения *ya-* в разных падежах и с помощью относительных союзов. В языке ведийской поэзии встречаются и бессоюзные сложноподчиненные предложения.

Иногда при соположении в тексте двух предложений ударение на личной форме глагола первого предложения является единственным формальным средством организации этих предложений в сложноподчиненное, например: *sómasya mā tavásaṃ vákṣy agne | váhniṃ cakartha vidáthe yájadhyai* (III, 1,1) 'О Агни, (так как) ты хочешь меня (видеть при приготовлении) крепкого (напитка) сомы, ты сделал меня ведущим, чтобы жертвовать на месте жертвоприношения'.

Гораздо чаще формальная связь между главным и придаточным предложениями выражена с помощью эмфатической частицы *hí* 'ведь', способной выступать в определенных контекстах в значении союза «так как», «потому что», например: *dhánair abhí çrutvā́ yanti | vidúr hí takmanā́çanam* (AB, V, 4,2) 'Прослышав (о ней), они идут (к ней) с богатствами, потому что они знают (ведь они знают) изгонительницу лихорадки'; *áçravaṃ hí bhūridā́vattarā | vāṃ vijāmātur utá vā́ ghā syā́lā́t | áthā sómasya práyatī yuvábhyām | indrāgnī stómaṃ janayāmi návyam* (I, 109,2) 'Так как слышал я (Ведь слышал я) о вас двоих как о дающих больше, чем негодный зять или же свояк, вот я и создаю вам новое восхваление за принесением сомы, о Индра-Агни'. Подобную последовательность предложений можно трактовать как сложноподчиненное предложение с придаточным причины.

Самым распространенным типом сложноподчиненных предложений является предложение с придаточным относительным, в котором формальная связь между придаточным и главным выражена относительным местоимением *yá-* в придаточном предложении. В главном предложении ему может соответствовать указательное местоимение *ta-* или *a-*. Наличие *ya-* в придаточном предложении обязательно, это местоимение обычно стоит в начале придаточного. Наличие указательного местоимения в

главном не обязательно. Придаточное относительное может быть связано не только с местоимением, но и с именем в главном предложении.

Придаточное относительное (как и другие типы придаточных предложений) может предшествовать главному или следовать за ним (ср. на уровне ЭСК синтаксические модели I и II). Если придаточное предложение следует за главным, нередко это влияет на порядок слов в главном предложении: слово, с которым связано придаточное предложение, выносится в конец главного предложения, в непосредственную близость с относительным местоимением *ya-*, например: *práśmāt páçān varuṇa muñca sárvān | yaiḥ samāmé badhyáte yair vyāmé* (AB, XVIII, 4,70) 'Сними с нас все петли, о Варуна, которыми перевязано вдоль, которыми поперек'.

Формальная связь между придаточным относительным и главным предложением бывает весьма свободной, и в этом заключается одна из особенностей ведийского поэтического языка. По типу связи отношения между главным предложением и придаточным определительным описываются не только как управление или согласование (реже), но и как примыкание.

Наиболее жесткой формальная связь между придаточным относительным и главным бывает в тех случаях, когда имеются согласующиеся соотносительные местоимения, например: *yó no dātā́ sá naḥ pitā́* (VIII, 52,5) 'Кто наш даритель, тот наш отец', *yó dyā́m ástabhnāt sá janāsa índraḥ* (II, 12,2) 'Кто поддержал небо, тот, о люди, Индра!'.

Здесь иногда встречается нарушение согласования простых предложений в составе сложного. Относительное местоимение *ya-*, которое обычно связано с глаголом-сказуемым в 3-м лице, иногда управляется глагольной формой 2-го лица, например: *yáḥ sunvaté pácate dudhrá ā́ cid | vā́jaṃ dárdarṣi sa kílāsi satyáḥ* (II, 12,15) '(Ты), который выжимающему (и) варящему неистово захватываешь добычу,— конечно, ты истинен!'. Иногда это местоимение управляется глагольной формой в 1-м лице, например: *imé ta indra té vayā́m puruṣṭuta | yé tvārábhya cárāmasi prabhūvaso* (I, 57,4) 'Вот, о Индра, твои (люди) — те самые мы, которые, о много восхваляемый, бродят (букв. бродим), приникнув к тебе, о богатый имуществом'.

При отсутствии согласования соотносительных местоимений возможна и более свободная связь между предложениями, например: *yó no didéva yatamó jaghā́sa | yáthā só asyá paridhíṣ pátāti* (AB, V, 29,2) 'Кто б нами ни играл, который (из них) ни пожирал бы (нас) — пусть рухнет эта его ограда!'.

Относительное местоимение в придаточном предложении нередко бывает связано с каким-либо именем в главном предложении, например: *médyantu te váhnayo yébhir ṭyase* (II, 37,3) 'Пусть жиреют твои кони, на которых ты ездишь'. Существительное, к которому относится придаточное предложение, довольно часто опускается в главном предложении, например: *tvám putró bhavasi yás te'vidhat* (II, 2,9) 'Ты становишься сыном (того), кто тебя почтил'.

Встречаются случаи включения относительного придаточного предложения с *ya-* в состав главного в нарушение общей синтаксической схемы главного предложения, например: *gandharvāpsaráso brūmo | açvínā bráhmaṇaspátim | aryamā́ nā́ma yó devás* (AB, XI, 6,4) 'Гандхарвов-Апсарас мы призываем, Ашвинов, Брахманаспати, который бог по имени Арьяман'. Возможны, наконец, случаи не только формального несоответствия между придаточным предложением и главным, но и некоторого логического сдвига, например: *yè 'māvāsyàṃ rā́trim | udásthur vrājám atríṇaḥ | agnís turíyo yātuhā́ | só asmábhyam ádhi bravat* (AB, I, 16,1) 'Пожиратели, которые возникли роем в ночь новолуния,— четвертый Агни, убийца злых духов, пусть он подбодрит нас!'.

Семантика относительных придаточных предложений весьма широка. Они выражают отношения атрибутивности, релятивности, субъектности, объектности и др., и таким образом их функции аналогичны функциям имен (прилагательных, причастий, существительных) в различных именных ЭСК. В ведийском поэтическом языке этот тип предложений очень употребителен, и встречаются сложные иерархические синтаксические структуры, построенные по принципу относительных придаточных, например: *ihá prá brūhi yatamáḥ só agne | yó yātudhā́no yá idáṃ kṛṇóti* (X, 87,8) 'Провозгласи здесь, о Агни, который (из них) тот, кто колдун, который это делает'.

Особый тип составляют сложноподчиненные предложения, в которых придаточное предложение присоединяется к главному с помощью союза *yad* 'что' (форма среднего рода относительного местоимения *ya-*), которому в главном предложении соответствует *tad* 'то'. Семантика этого союза чрезвычайно широка. Встречаются случаи его употребления, формально не выделимые из относительных предложений с согласующимися соотносительными местоимениями, определяющими существительное среднего рода, например: *yát svápne ánnam açnā́mi | ná prātár adhigamyáte | sárvaṃ tád astu me çivā́ṃ* (AB, VII, 101,1) 'Еда, которую я съедаю во сне, и утром она не находится,— да будет вся она благоприятна мне!' (возможно также понимание: 'Если я съедаю еду во сне..., то пусть будет...'). Этот пример принадлежит к числу пограничных. Более обычным для *yad* является отчетливо выраженное значение союза в сложноподчиненных предложениях разных типов. Так, *yad* может присоединять придаточное изъяснительное к главному предложению, например: *ádrogha satyáṃ táva tán mahitváṃ | sadyó yáj jātó ápibo ha sómam* (III, 32,9) 'О не допускающий обмана! Истинно ведь то твое величие, что, едва родившись, ты выпил сому'. Придаточное с *yad* выражает значения: времени, напри-

мер, *johůtro agníḥ prathamáḥ pitéveḷás padé mánuṣā yát sámiddhaḥ* (II, 10,1) 'Агни должен быть громко призываем первым, как отец, когда он зажжен человеком на месте жертвенного возлияния'; причины, например, *sthātúç cárātham aktún vy ùrṇot | pári yád eṣām ékɔ viçveṣām | bhúvad devó devānām mahitvā́* (I, 68,1—2) 'Он раскрыл, что стоит, что движется, (а также) ночи, потому что (этот) бог один своим величием охватил (величие) всех богов'; цели, например, *áhā yád indra sudínā vyuchán | dádhɔ yát ketúm upamáṃ samátsu | ny àgníḥ sīdad ásuro ná hótā...* (VII, 70,3) 'Чтобы воссияли прекрасные дни, о Индра, чтобы ты дал высшее знамя в сражениях, садится, как Асура, Агни-хотар...'; условия (нередко в сочетании с частицами), например, *yát sthó dīrghápraṣadmani | yád vādó rocané diváḥ | yád vā samudré ádhy ā́kṛte gṛhé | 'ta ā́ yātam açvinā* (VIII, 10,1) 'Если вы находитесь у Диргхапрасадмана, или если там, в светлом пространстве неба, или если на море, в воздвигнутом доме — придите оттуда, о Ашвины!'.

Этот союз, не вполне отделившийся от соответствующего относительного местоимения и имеющий очень широкий недифференцированный круг значений, остается очень употребительным и в брахманической прозе (например, в прозаических частях ЯВ). В эллиптичных придаточных предложениях его значение может сближаться со значением эмфатической частицы.

Большинство остальных союзов и союзных слов (собственно наречий) произведены с помощью различных суффиксов от основы относительного местоимения *ya-* и употребляются в сложноподчиненных предложениях с четко очерченным кругом значений.

Относительное наречие *yátra* 'где', 'куда', 'когда', употребляясь в придаточном предложении, может соотноситься с указательными наречиями *tátra*, *átra*, местоимением *tád*, частицей *ádha* в главном предложении. Придаточные предложения с *yátra* выражают значения: места, например, *té ha nā́kam mahimā́naḥ ṣacanta | yátra pū́rve sādhyā́ḥ sánti devā́ḥ* (I, 164,50) 'Эти величественные проследовали на небо, где находятся прежние боги — садхья'; направления, например, *yátrā́sate sukṛ́to yátra té yayús | tátra tvā devā́ḥ savitā́ dadhātu* (X, 17,4) 'Где сидят благочестивые, куда они ушли, туда пусть поместит тебя бог Савитар'; времени, например, *yátrotá mártyāya kám | áriṇā indra sū́ryam | prā́vaḥ çácībhir étaçam* (IV, 30,6) 'И когда для смертного ты привел в движение солнце, о Индра, силами (своими) ты поддержал Эташу'.

Относительное наречие *yadā́* 'когда' выступает в функции союза в придаточном предложении, в то время как в главном с ним могут соотноситься различные наречия или частицы, реализующие временны́е отношения, типа *ádha*, *át* и др. Такие придаточные предложения выражают отношение времени, например: *yadā́ mā́gan prathamajā́ ṛtásyā́d id vācó açnuve*

bhāgám asyā́ḥ (I, 164,37) 'Как только подходил ко мне перворожденный закона, тут и получал я долю в этой речи'; *yadā́ satyáṃ kṛṇuté manyúm índro | viçvaṃ dṛḷhám bhayata éjad asmāt* (IV, 17,10) 'Когда Индра делает свою ярость действительной, все твердое (и) подвижное страшится этого'. В ряде случаев придаточные предложения с *yadā́* выражают также отношение условия, следствие которого содержится в главном предложении, например: *yadā́ naḥ sūnṛ́tāvataḥ | kára ā́d arthā́yāsa id* (I, 82,1) 'Если ты собираешься сделать нас счастливыми, то ты должен (на это) и настроиться'.

Функция выражения отношения условия в сложноподчиненном предложении является основной для союза *yádi* 'если'. При этом не существует автоматической связи между союзом и временем или наклонением глагола — они определяются контекстом. Вот несколько примеров: *yúvā yádi kṛthā́ḥ púnar | ā́ kā́mam ṛṇve vadhvàḥ* (V, 74,5) 'Юный, если вы сделаете (его) снова (таковым), он удовлетворит желание жены'; *grā́hir jagrā́ha yádi vaitā́d enaṃ | tásyā indrāgnī prá mumuktam enam* (X, 161,1) 'Или если его тут схватила Грахи, освободите его от нее, Индра и Агни!'; *adyā́ murī́ya yádi yātudhā́no ásmi | yádi vā́yus tatā́pa pū́ruṣasya* (VII, 104,15) 'Пусть я умру сегодня, если я колдун или если я сжег жизнь человека'.

Союз *yádi* может выражать также отношение времени, если глагол придаточного предложения обозначает обычное, многократно повторяющееся действие, например: *ádha kṣapā́ pāriṣkṛto | vā́jāñ abhī́ prá gāhate | yádi vivā́svato dhiyo | hárim hinvanti yā́tave* (IX, 99,2) 'И приготовленный ночью он ныряет за наградами, когда молитвы Вивасвата поторапливают к бегу жеребца'.

Союз *yáthā* в сложноподчиненном предложении передает целый ряд семантических отношений. *Yáthā* выражает отношение сравнения, и в этом случае придаточное предложение обычно предшествует главному, и в главном союзу *yáthā* соответствует частица *evá* 'так' (редко местоименно-наречные элементы *itthā́*, *etā́vat*, *tád*, *táthā*), например: *yáthā yugáṃ varatráyā | náhyanti dharúṇāya kā́m | evā́ dādhāra te máno | jīvā́tave ná mṛtyávé | 'tho ariṣṭátātaye* (X, 60,8) 'Как ярмо связывают ремнем, чтобы держалось, так укрепил он твой дух: для жизни, не для смерти, а для невредимости'. В функции предиката в придаточном сравнительном предложении обычно употребляется тот же глагол, что и в главном, например: *yáthā vṛkṣáṃ líbujā | samantáṃ pariṣasvajé | evā́ pári ṣvajasva mā́ṃ* (AB, VI, 8,1) 'Как лиана дерево обняла вокруг, так и ты меня обними!'. Поэтому придаточные сравнительные часто бывают эллиптичны — в них опущен предикат, например: *júṣṭatamāso nṛ́tamāso añjíbhir | vy ānajre ké cid usrā́ iva stṛ́bhiḥ* (I, 87,1) 'Самые любимые (и) мужественные некие (мужи) покрыли себя украшениями, как небеса — звездами'.

Союз *yáthā* в сложноподчиненном предложении может выражать отношение цели. Глагол в придаточном предложении чаще бывает в сослагательном или желательном наклонении, например: *yáthā vidvā́ṅ áraṃ kárad | víçvebhyo yajatébhyaḥ | ayáṃ agne tvé ápi | yáṃ yajñáṃ cakṛmā́ vayám* (II, 5,8, 'Чтобы он, знающий, воздал должное всем, достойным жертвы) вот у тебя жертва, которую мы приготовили'. Чаще, однако, при этом значении *yáthā* придаточное предложение стоит после главного, например: *yénā nicakrá āsurī́ndraṃ devébhyas pári ténā ní kurve tvā́m ahā́ṃ | yáthā té'sāni súpriyā* (AB, VII, 38,2) 'Чем Асури покорила Индру среди богов, тем покорю я тебя — чтобы стала я тебе самой милой!'.

Союз *yáthā* в сложноподчиненном предложении может выражать также отношение изъяснительности, придаточное предложение в этом случае следует после главного, например: *evá babhro vṛṣabha cekitāna | yáthā deva ná hṛṇīṣé ná háṃsi* (II, 33,15) '(Да будет) так, о бурый бык удивительного вида, что ты, о бог, не разгневаешься (и) не убьешь!'.

В редких случаях в сложноподчиненных предложениях в качестве подчинительного союза, выражающего отношение условия, употребляется союз *ca* (обычно функционирующий как соединительный), например: *tváṃ ca soma no váço | jīvátuṃ ná marāmahe* (I, 91,6) 'Если ты, Сома, хочешь нас для жизни — мы не умрем' (возможна и другая трактовка: 'А ты, Сома, хочешь нас для жизни — так мы не умрем').

Изредка в той же функции употребляется *céd* (<*ca*+*id*) — союз, у которого в РВ значение условия выражено слабо и неотделимо от значения времени, например: *arthíno yánti céd árthaṃ | gáchān íd dadúṣo rātím* (VIII, 79,5) 'Если деятельные отправились для деятельности, пусть достигнут они подношения дарителя' (или 'Когда деятельные отправились...').

Частицы *ná* и *iva* служат для включения придаточного сравнительного предложения в состав сложноподчиненного. Придаточные предложения с этими частицами бывают, как правило, эллиптичными. Частица *iva* обычно замыкает придаточное предложение, например: *...tā́sām adhvaryúr ā́gatau | yávo vṛṣṭíva modate* (II, 5,6) '...Когда они пришли, он — адхварью — радуется, как ячмень дождю'. Частица *ná* стоит обычно после первого слова придаточного предложения, например: *mū́ṣo ná çiçnā́ vy ādanti | mādhyà stotā́ram te çatakrato* (X, 33,3) 'Как крысы — в свои хвосты, вгрызаются заботы в меня, певца твоего, о стоумный!'. Поскольку эти же частицы способны примыкать и к отдельным словам, граница между словом и эллиптичным придаточным предложением оказывается весьма шаткой.

В ведийском языке принято передавать чьи-либо слова или мысли в той форме, как их произнесло или подумало данное лицо. Прямая речь не имеет единого синтаксического оформления. Нередко она не отграничена никакими формальными средствами и выделяется как таковая только благодаря тому, что в предложение вклинивается глагол говорения. Встречаются отдельные случаи употребления косвенной речи, т. е. передачи чьей-либо прямой речи в виде придаточного предложения, синтаксически зависимого от главного. О том, насколько непоследовательно выдержаны оба этих принципа, можно судить по следующему примеру: *tríṇi ta āhur divi bándhanāni | tríṇy apsú tríṇy antáḥ samudré | utéva me váruṇaç chantsy arvan | yátrā ta āhúḥ paramā́ṃ janítraṃ* (I, 163,4) 'Три у тебя — говорят — на небе привязи, три в водах, три в океане. А вот мне, скакун, ты кажешься Варуной (там), где, говорят, (находится) твое высшее место рождения'.

Граница прямой речи нередко бывает отмечена частицей *íti* 'так', стоящей в конце нее. При этом прямая речь обычно бывает краткой, иногда эллиптичной, например: *jyeṣṭhá āha camasá dvá karéti | kánīyān trín kṛṇavāméty āha | kaniṣṭhá āha catúras karéti* (IV, 33,5) 'Старший сказал: «Я хочу сделать две чаши». Помоложе сказал: «Три мы хотим сделать». Самый младший сказал: «Четыре я хочу сделать»'.

При всем разнообразии типов сложноподчиненного предложения в ведийском поэтическом языке существует широкая синтаксическая синонимия между функциями придаточного предложения в составе сложного и функциями некоторых отглагольных форм: причастий и инфинитивов — прежде всего, образующих различные ЭСК в составе простого предложения.

В функции придаточных предложений, выражающих отношение времени или условия, выступают ЭСК 21 в той ее разновидности, когда Nom.-Subst. и согласующееся с ним Part. стоят в местном падеже (так называемый Locativus absolutus), например: *tā́ vām adyá... huvemochántyām uṣási* (I, 184,1) 'Вас двоих сегодня... мы хотим призывать, когда зажигается Ушас (=при зажигающейся Ушас)'; *tá ihá tapyantāṃ máyi tapyámāne* (AB, II, 12,1) 'Пусть они здесь изводятся, раз я извожусь (=при мне изводящемся)', *āvíḥ svàr abhavaj jāté agnaú* (X, 88,2) 'Солнце явилось взорам, когда родился Агни (=при родившемся Агни)'.

В той же функции может выступать другой вариант ЭСК 21, в котором Nom.-Subst. и Part. стоят в родительном падеже, например: *téṣām nuttā́nām adhamā́ támāṃsy | ágne vástūni nirdaha tvám* (AB, IX, 2,4) 'Когда их низвергнут в нижний мрак (=у них, низвергнутых в нижний мрак), о Агни, сожги ты дотла поселения'; *asyá raṇvā́ svásyeva puṣṭíḥ | sáṃdṛṣṭir asya hiyānásya dā́kṣoḥ* (II, 4,4) 'Радостно его процветание, как

(процветание) своего добра, (радостен) облик его, когда он мчится пламенеющий (=его, мчащегося, пламенеющего)'.

В функции придаточного изъяснительного предложения выступает тот вариант ЭСК 21, в котором Nom.-Subst. и Part. стоят в винительном падеже, при этом Nom.-Subst. управляется глаголом говорения, знания и т. д., например: *suṣupvā́ṃsa ṛbhavas tád apṛchatágohya ká idáṃ no abūbudhat | çvánam bastó bodhayitā́ram abravīt* (I, 161,13) 'Выспавшись, вы спросили, о Рибху: «Агохья, кто нас тут разбудил?». Козел сказал, что разбудила собака (=козел сказал собаку разбудителя)'; *práti tvā jānantu pitáraḥ páretam* (AB, XVIII, 4,51) 'Пусть отцы узнают, что ты ушел (=узнают тебя, ушедшего)'.

В функции придаточного времени или условия может выступать вариант ЭСК 21, в которой Nom.-Subst. и Part. стоят в именительном падеже. ЭСК 21 бывает в полном виде, например: *tvám hí deva vanditó | hantā́ dásyor babhū́vitha* (AB, I, 7,1) 'Ты ведь, о бог, если (тебя) прославишь (=ты ведь, о бог, прославленный), становишься убийцей дасью', или в усеченном, когда Nom.-Subst. отсутствует, а указание на адресата содержится в вокативе, например: *udyánn adyá mitramaha | āróhann úttarāṃ dívam | hṛdrogám máma sūrya | harimā́ṇaṃ ca nāçaya* (I, 50,11) 'О почитаемый как друг, когда ты взойдешь сегодня (и) поднимешься (=восходящий и поднимающийся) на высшее небо, уничтожь, о Сурья, мою болезнь сердца и желтуху!'.

ЭСК 13 в том варианте, в котором Nom.$_{nominat.}$ представлено причастием, а Vb.— глаголом думания, может употребляться в функции придаточного изъяснительного предложения, например: *mánye bhejānó amṛtásya tárhi | hiraṇyavarṇā átṛpaṃ yadā́ vaḥ* (AB, III, 13,6) 'Я считаю, что тогда вкусил амриты, когда я насладился вами, золотистые' (='Я считаю себя вкусившим...' [Nom.]); *sómam manyate papivā́n | yát sampiṃṣánty óṣadhim* (X, 85,3) 'Считают, что испили сомы' (букв. 'Он [impers.] считает себя испившим... [Nom.]), когда разотрут растение'.

ЭСК 17, в которой Vb.$_{fin.}$ управляет инфинитивом с окончанием дательного падежа и значением цели, выступает в функции придаточного предложения цели, например: *ávasṛjaḥ sártave saptá síndhūn* (I, 32,12) 'Ты выпустил семь рек, чтобы они текли (=для течения)'; *etā́ṃ te pári dadāmy ábhittyai* (TC, IV, 1,6,f) 'Ею я окружаю тебя, чтобы (ты) не сломалась (=для несломления)'.

ЭСК 18 выступает в функции, синонимичной функции придаточного предложения времени в сложном предложении, обозначая действие, предшествующее Vb.$_{fin.}$ (т. е. «после того как...», «в то время как»), например: *tvám agna īḷitó jātavedó | 'vā́ḍ ḍhavyā́ni surabhī́ṇi kṛtvī́* (X, 15,12) 'Ты, о Агни, призванный, как Джаташедас, увез жертвенные возлияния, сделав (их) благоухающими [после того как (ты) сделал их благоухающими]'; *agniḥ kravyā́d bhūtvā́ brahmagavī́ brahmajyā́m praviçyātti* (AB, XII, 5,41) 'Став Агни-пожирателем мяса (и) проникая в угнетателя брахмана, корова брахмана пожирает (угнетателя брахмана)' (='После того как... (и) по мере того как...').

В самом древнем образце ведийского поэтического языка — в фамильных мандалах РВ, ЭСК 18 в этой функции встречаются несравненно реже, чем те ЭСК, в состав которых входят причастия. В брахманической прозе удельный вес ЭСК 18 заметно возрастает.

Все, что говорилось до сих пор о соотношении ряда ЭСК в простых предложениях и в придаточных в рамках сложных предложений, свидетельствует о существовании между ними отношения трансформации.

Перечень трансформаций, допустимых при сохранении заданного смысла, является необходимым средством для разрешения омонимии внутри ЭСК, когда одна и та же конструкция может передавать разные значения. Далее приводятся основные типы трансформаций, необходимые и достаточные для идентификации примеров конструкций, содержащихся в приведенном ранее перечне ЭСК (исключая случаи идиоматического употребления). Конструкции, находящиеся в отношении трансформации, соединяются в записи связывающим их знаком эквивалентности:

1. a) *yajñam ātaniḥ* ≡ *(yo) yajñam ātanoti* 'пронизывающий жертву'
(Nom.$_{acc.}$ + Nom.′-Adj. ≡ Nom.$_{acc.}$ + Vb.′$_{fin.}$);
b) *jarayann arim* ≡ *(yo) arim jarayati* 'старящий врага'
(Nom.$_{acc.}$ + Nom′.-Part. ≡ Nom.$_{acc.}$ + Vb′.$_{fin.}$);
c) *apó yant-* ≡ *apsu yant-* ≡ *adbhir yant-* ≡ *(yo) apá eti* 'движущийся в водах'
(Nom.$_{acc.}$ + Nom′.-Part. ≡ Nom.$_{loc.}$ + Nom′.-Part. ≡ Nom.$_{instr.}$ + + Nom′.-Part. ≡ Nom.$_{acc.}$ + Vb′.$_{fin.}$);
d) *dhanāni sātaye* ≡ *dhanānāṃ sātaye* ≡ *dhanasātaye* 'для достижения богатств'
(Nom.$_{acc.}$ + Nom′. ≡ Nom.$_{gen.}$ + Nom.′ ≡ Nom.-Comp.
(=Nom.+ Nom.′);
e) *yáṣṭā devān* ≡ *yaṣṭā́ devānām* 'почитатель богов'
(Nom.$_{acc.}$ + Nom.′ ≡ Nom.$_{gen.}$ + Nom.′);
f) *saṃvatsaraṃ çaçayānās* ≡ *saṃvatsare çaçayānās* ≡ *saṃvatsareṇa çaçayānās* 'пролежавшие год'
(Nom.$_{acc.}$ + Nom.′-Part. ≡ Nom.$_{loc.}$ + Nom.′-Part. ≡ Nom.$_{instr.}$ + + Nom.′-Part.).

2. a) *citayant- akṣabhiḥ* ≡ *(yo) akṣabhiḥ citayati* 'смотрящий глазами'.
(Nom.$_{instr.}$ + Nom.′-Part. ≡ Nom.$_{instr.}$ + Vb.′$_{fin.}$);

b) *havaṃ gīrbhiḥ* ≡ *havaṃ giraç ca* 'призыв с песнями' (Nom.′ + Nom.$_{instr.}$ ≡ Nom.′ + Nom.$_{nominat.}$ + *ca*);
c) *bhāgaṃ vareṇa* ≡ *bhāgaṃ varāya* 'доля по выбору' (Nom.$_{instr.}$ + Nom.′ ≡ Nom.$_{dat.}$ + Nom.′);
d) *pūrṇa- madhunā* ≡ *pūrṇa- madhvas* 'полный меда' (Nom.$_{instr.}$ + Nom.′-Part. ≡ Nom.$_{gen.}$ + Nom.′-Part.);
e) *adbhir yant-* ≡ *apo yant-* ≡ *apsu yant-* 'движущийся в водах' (Nom.$_{instr.}$ + Nom.′-Part. ≡ Nom.$_{acc.}$ + Nom.′-Part. ≡ Nom.$_{loc.}$ + + Nom.′-Part.);
f) *saṃvatsareṇa çaçayānās* ≡ *saṃvatsaraṃ çaçayānās* ≡ ≡ *saṃvatsare çaçayānās* 'пролежавшие год' (Nom.$_{instr.}$ + Nom.′-Part. ≡ Nom.$_{acc.}$ + Nom.′-Part. ≡ Nom.$_{loc.}$ + + Nom.′-Part.);
g) *aṅgirobhir gṛṇānaḥ* 'воспеваемый Ангирасами' → *aṅgiraso jaritāraḥ* 'Ангирасы — певцы' (Nom.$_{instr.}$ + Nom.′-Part. → Nom.$_{nominat.}$ + Nom.′$_{ag.}$).

3. a) *yamāya namaḥ* 'поклон Яме!' ≡ *yamāya namo 'stu* 'да будет поклон Яме!' (Nom.$_{dat.}$ + Nom.′$_{nominat.}$ ≡ Nom.$_{dat.}$ + Nom.′$_{nominat.}$ + Vb.$_{copul.}$);
b) *gātur adhvarāya* ≡ *gātur adhvare* 'путь к жертвоприношению' (Nom.$_{dat.}$ + Nom.′ ≡ Nom.$_{loc.}$ + Nom.′);
c) *priya- indrāya* ≡ *priya- indrasya* 'приятный Индре' (Nom.$_{dat.}$ + Nom.′ ≡ Nom.$_{gen.}$ + Nom.′).

4. a) *tvad bhiyā* ≡ *tava bhiyā* 'из страха перед тобой' (Nom.$_{abl.}$ + Nom.′ ≡ Nom.$_{gen.}$ + Nom.′).

5. a) *Paijavanasya dānam* 'дар Пайджаваны' ≡ *Paijavano dadāti* 'Пайджавана дает' (Nom.$_{gen.}$ + Nom.′ ≡ Nom.$_{nominat.}$ + Vb.′$_{fin.}$);
b) *dasyor hantā* 'убийца дасью' ≡ *dasyuṃ hanti* 'он убивает дасью' (Nom.$_{gen.}$ + Nom.′ ≡ Nom.$_{acc.}$ + Vb.′$_{fin.}$);
c) *tāsām rohiṇīm* ≡ *tāsu rohiṇīm* 'из них к Рохини' (Nom.$_{gen.}$ + Nom.′ ≡ Nom.$_{loc.}$ + Nom.′);
d) *pitṛtamaḥ pitṝṇām* ≡ *pitṛtamaḥ pitṛṣu* 'самый отеческий из отцов' (Nom.$_{gen.pl.}$ + Nom.′-Adj.$_{superl.}$ ≡ Nom.$_{loc.pl.}$ + Nom.′-Adj.$_{superl.}$);
e) *marutām gaṇas* ≡ *marutvān gaṇas* 'толпа Марутов'; (Nom.$_{gen.}$ + Nom.′ ≡ Nom.-Adj. + Nom.′);
f) *tava hotram* 'у тебя — служба хотара' ≡ *tava hotram asti* 'у тебя есть служба хотара' ≡ *tvam hotā* 'ты хотар' (Nom.$_{gen.}$ + Nom.′$_{nominat.}$ ≡ Nom.$_{gen.}$ + Nom.′$_{nominat.}$ + Vb.$_{copul.}$ ≡ ≡ Nom.$_{nominat.}$ + Nom.′$_{ag.}$);
g) *daça gavām* ≡ *daça gāvas* 'десять коров' (Nom.-Num. + Nom.′$_{gen.\ pl.}$ ≡ Nom.-Num. + Nom.′$_{nom.pl.}$);
h) *pūrṇa- madhvas* ≡ *pūrṇa- madhunā* 'полный меда' (Nom.$_{gen.}$ + Nom.′-Part. ≡ Nom.$_{instr.}$ + Nom.-Part.);

i) *priya- indrasya* ≡ *priya indrāya* 'приятный Индре' (Nom.$_{gen.}$ + Nom.′ ≡ Nom.$_{dat.}$ + Nom.′);
j) *tava bhiyā* ≡ *tvad bhiyā* 'из страха перед тобой' (Nom.$_{gen.}$ + Nom.′ ≡ Nom.$_{abl.}$ + Nom.′).

6. a) *gātur adhvare* ≡ *gātur adhvarāya* 'путь к жертвоприношению' (Nom.$_{loc.}$ + Nom.′ ≡ Nom.$_{dat.}$ + Nom.′);
b) *apsu yant* ≡ *apó yant* ≡ *adbhir yant-* 'движущийся в водах' (Nom.$_{loc.}$ + Nom.′-Part. ≡ Nom.$_{acc.}$ + Nom.′-Part. ≡ Nom.$_{instr.}$ + + Nom.′-Part.);
c) *tāsu rohiṇīm* ≡ *tāsām rohiṇīm* 'из них к Рохини' (Nom.$_{loc.}$ + Nom.′ ≡ Nom.$_{gen.}$ + Nom.′);
d) *saṃvatsare çaçayānās* ≡ *saṃvatsaraṃ çaçayānās* ≡ ≡ *saṃvatsareṇa çaçayānās* 'пролежавшие год' (Nom.$_{loc.}$ + Nom.′-Part. ≡ Nom.$_{acc.}$ + Nom.′-Part. ≡ Nom.$_{instr.}$ + + Nom.′-Part.);
e) *tve hitam* → *tubhyaṃ hitam* 'к тебе направлена' (Nom.$_{loc.}$ + Nom.′-Part. → Nom.$_{dat.}$ + Nom.′-Part.);
f) *añjiṣu priyāḥ* ' находящие удовольствие в украшениях' ≡ *añjayaḥ priyāḥ (santi)* 'украшения доставляют удовольствие' (Nom.$_{loc.}$ + Nom.′-Adj. ≡ Nom.$_{nominat.}$ + Nom.′-Adj.).

7. a) *ahann ahim* 'он убил дракона' ≡ *ahir hataḥ* 'дракон убит' (Nom.$_{acc.}$ + Vb.$_{fin.trans.}$ ≡ Nom.$_{nominat.}$ + Part.);
b) *somam pibati* ≡ *somasya pibati* 'он пьет сому'. (Nom.$_{acc.}$ + Vb. ≡ Nom.$_{gen.}$ + Vb.);
c) *agnim avocāma* ≡ *agnaye 'vocāma* 'для Агни мы произнесли' (Nom.$_{acc.}$ + Vb. ≡ Nom.$_{dat.}$ + Vb.);
d) *yajñam upayanti* ≡ *yajñāyopayanti* ≡ *yajña upayanti* 'они приходят на жертвоприношение' (Nom.$_{acc.}$ + Vb. ≡ Nom.$_{dat.}$ + Vb. ≡ Nom.$_{loc.}$ + Vb.);
e) *apás.. eti* ≡ *apsveti* ≡ *adbhir eti* 'он движется в водах' (Nom.$_{acc.}$ + Vb. ≡ Nom.$_{loc.}$ + Vb. ≡ Nom.$_{instr.}$ + Vb.);
f) *tvām saççire* ≡ *tvayā saççire* 'за тобой последовали' (Nom.$_{acc.}$ + Vb. ≡ Nom.$_{instr.}$ + Vb.);
g) *ahā dīdihi* ≡ *ahasu dīdihi* ≡ *ahabhir dīdihi* 'сияй в течение дней' (Nom.$_{acc.}$ + Vb. ≡ Nom.$_{loc.}$ + Vb. ≡ Nom.$_{instr.}$ + Vb.).

8. a) *yajñena.. ayajanta* ≡ *yajñam ayajanta* 'они почтили жертвоприношением' (Nom.$_{instr.}$ + Vb. ≡ Nom.$_{acc.}$ + Vb.);
b) *sūdayāti pra dhībhiḥ* 'пусть он приготовит с молитвами' ≡ *sūdayāti pra dhiyo hinvānaḥ* 'пусть он приготовит, воссылая молитвы' (Vb. + Nom.$_{instr.}$ ≡ Vb. + Nom.$_{acc.}$ + [Part.]);

c) *ahabhir dīdihi* ≡ *ahā dīdihi* = *ahasu dīdihi* 'сияй в течение дней'
(Nom.$_{instr.}$ + Vb. ≡ Nom.$_{acc.}$ + Vb. ≡ Nom.$_{loc.}$ + Vb.);
d) *adbhir eti* ≡ *apa eti* ≡ *apsveti* 'он движется в водах'
(Nom.$_{instr.}$ + Vb. ≡ Nom.$_{acc.}$ + Vb. ≡ Nom.$_{loc.}$ + Vb.);
e) (Nom.$_{instr.}$ + Vb. ≡ Nom.$_{abl.}$ + Vb.)

Примечание. При грамматической синонимии ЭСК 8 и ЭСК 10 в значении выражения причины для каждой из конструкций характерен свой лексический набор Nom. и Vb., ср., например: *vepate bhiyā* [I.] 'он трясется от страха', но не **vepate bhiyas* [Abl.] id., или *amāt* [Abl.] *titviṣe sam* 'он затрясся от ярости', но не **amena* [I.] *titviṣe sam* id.;

f) *(çulko) na kriyate... abalena* 'пошлина не платится бессильным' ≡ *abalo na kṛṇoti (çulkam)* 'бессильный не платит пошлину'
(Nom.′$_{nominat.}$ +) Vb. + Nom.$_{instr.}$ ≡ (Nom.′$_{acc.}$ +) Vb. + + Nom.$_{nominat.}$
g) *jīvatā... deyam* ≡ *jīvan dātum arhati* 'живущий должен дать'
(Nom.$_{instr.}$ + Vb.$_{part.nec.}$ ≡ Nom.$_{nominat.}$ + Vb.$_{inf.}$ + Vb.$_{fin.}$).

9. a) *adadhā martyāya* ≡ *adadhā martye* 'ты создал смертному'
(Nom.$_{dat.}$ + Vb. ≡ Nom.$_{loc.}$ + Vb.);
b) *avocāma... agnaye* ≡ *agnim avocāma* 'для Агни мы произнесли'
(Nom.$_{dat.}$ + Vb. ≡ Nom.$_{acc.}$ + Vb.);
c) *yajñāyopayanti* ≡ *yajña upayanti* ≡ *yajñam upayanti* 'они приходят на жертвоприношение'
(Nom.$_{dat.}$ + Vb. ≡ Nom.$_{loc.}$ + Vb. ≡ Nom.$_{acc.}$ + Vb.).

10. a) Nom.$_{abl.}$ + Vb. ≡ Nom.$_{instr.}$ + Vb.) *.

11. a) *somasya pibati* ≡ *somam pibati* 'он пьет сому'
(Nom.$_{gen.}$ + Vb. ≡ Nom.$_{acc.}$ + Vb.);
b) *(ahar) devānām āsīd* ≡ *devā ahapataya āsan* '(день) был у богов'

([Nom.′] + Nom.$_{gen.}$ + Vb. ≡ Nom.$_{nominat.}$ + [Nom.′$_{comp.}$] + Vb.).

12. a) *apsveti* ≡ *apás...eti* ≡ *adbhir eti* 'он движется в водах'
(Nom.$_{loc.}$ + Vb. ≡ Nom.$_{acc.}$ + Vb. ≡ Nom.$_{instr.}$ + Vb.);
b) *yajña upayanti* ≡ *yajñam upayanti* ≡ *yajñenopayanti* 'они приходят на жертвоприношение'
(Nom.$_{loc.}$ + Vb. ≡ Nom.$_{acc.}$ + Vb. ≡ Nom.$_{dat.}$ + Vb.);
c) *adadhā martye* ≡ *adadhā martyāya* 'ты создал смертному'
(Nom.$_{loc.}$ + Vb. ≡ Nom.$_{dat.}$ + Vb.);

* См. примечание к 8 e).

d) *ahasu dīdihi* ≡ *ahā dīdihi* ≡ *ahabhir dīdihi* 'сияй в течение дней'
(Nom.$_{loc.}$ + Vb. ≡ Nom.$_{acc.}$ + Vb. ≡ Nom.$_{instr.}$ + Vb.);
e) *ava... (gomati) vraje* ≡ *ava...(gomate) vrajāya* 'помогай в отношении загона (полного коров)'
(Nom.$_{loc.}$ + Vb. ≡ Nom.$_{dat.}$ + Vb.).

13. a) *sa ā vaha* ≡ *tvam ā vaha* 'привези!'
(3 sg. Pron.$_{nominat.}$ + Vb.$_{iv.}$ ≡ 2 sg. Pron.$_{nominat.}$ + Vb.$_{iv.}$);
b) *hotā satsi* ≡ *hoteva satsi* 'сядь как хотар'
(Nom.$_{nominat.}$ + Vb. ≡ Nom.$_{nominat.}$ + iva + Vb.);
c) *manye bhejāno (amṛtasya)* ≡ *manye kad (aham) bhejāno (amṛtasya)* 'я считаю себя вкусившим (амриты)'
(Vb. + Nom.$_{nominat.}$ ≡ Vb. + Conj. + Nom.$_{nominat.}$).

14. a) *agnir nābhimṛçe* ≡ *agnir anabhimṛçyaḥ* 'Агни нельзя трогать'
(Nom.$_{nominat.}$ + Vb.$_{inf.}$ ≡ Nom.$_{nominat.}$ + Part.$_{nec.}$);
b) *vṛṣabhaṃ yajadhyai* ≡ *vṛṣabho yajataḥ* 'Надо принести в жертву быка'
(Nom.$_{acc.}$ + Vb.$_{inf.}$ ≡ Nom.$_{nominat.}$ + Adj.-Part.$_{nec.}$).

15—19. Эти ЭСК в трансформации не нуждаются ввиду их однозначности.

20. a) *dīrghaṃ tamas* 'долгий мрак' ≡ *dīrghatamas* 'долгий мрак', 'погруженный в долгий мрак'
(Adj. + Nom.-Subst. ≡ Nom.-Comp.) или
(Adj. + Nom.-Subst. ≡ Adj.-Comp.);
b) *mahān garbhaḥ* 'велик зародыш' ≡ *garbho mahāñ asti* 'зародыш великий есть'
(Adj. + Nom.-Subst. ≡ Nom.-Subst.$_{nominat.}$ + Adj. + Vb.$_{copul.}$).

21. a) *vyaktā naraḥ* 'украшенные мужи' ≡ *tādṛço naraḥ* 'такие мужи'
(Part. + Nom.-Subst. ≡ Adj. + Nom.-Subst.);
b) *abhīddho gharmas* 'разогрет котелок' ≡ *gharmo 'bhīddho 'sti* 'котелок разогретый есть'
(Part. + Nom.-Subst. ≡ Nom.-Subst.$_{nominat.}$ + Part. + Vb.$_{copul.}$);
c′) *puruṣe mṛte* ≡ *yadā puruṣo mamāra* 'когда умер человек'
(Nom.$_{loc.}$ + Part.$_{loc.}$ ≡ *yadā* + Nom.$_{nominat.}$ + Vb.$_{fin.}$);
c″) *mayi tapyamāne* ≡ *yadā māṃ tapati* 'когда меня мучают' [неопределенно-личная форма]
(Nom.$_{loc.}$ + Part.$_{loc.}$ ≡ *yadā* + Nom.$_{acc.}$ + Vb.$_{fin.}$);
d′) *teṣām pannānām* ≡ *yada ta'padran* 'когда они упали'
(Nom.$_{gen.}$ + Part.$_{gen.}$ ≡ *yadā* + Nom.$_{nominat.}$ + Vb.$_{fin.}$);
d″) *teṣām nuttānām* ≡ *yadā tāñ anūnot* 'когда их столкнули' [неопределенно-личная форма]
(Nom.$_{gen.}$ + Part.$_{gen.}$ ≡ *yadā* + Nom.$_{acc.}$ + Vb.$_{fin.}$);

Примечание. **В случаях c и d выбор конструкции трансформа определяется переходностью—непереходностью глагольного корня и видовым значением причастия исходной конструкции.**

22. a) *rājā varuṇaḥ* 'царь Варуна' ≡ *varuṇo nāma rājā* 'царь по имени Варуна'
(Nom.+Nom.$_{propr.}$ ≡ Nom.$_{propr.}$+*nāma*+Nom.);

b) *tvaṃ viṣṇuḥ* 'ты — Вишну' ≡ *tvaṃ viṣṇur asi* 'ты еси Вишну'
(Nom.+Nom.′ ≡ Nom.′+Vb.$_{copul.}$);

c) *tvām pitaram* ≡ *tvām pitaram iva* 'к тебе [как к отцу'
(Nom.+Nom.′ ≡ Nom.+Nom.′+*iva*).

23—25. Эти ЭСК в трансформациях не нуждаются ввиду их однозначности.

С помощью набора ЭСК и всех возможных их трансформаций описывается разнообразие минимальных синтаксических конструкций языка и определяется его синтаксическая гибкость при выражении одного и того же значения. Синтаксические трансформации задают также набор основных синтаксических отношений.

Отношение предикативности

Примечание. Это отношение в ведийском языке может быть выражено одной личной глагольной формой, в связи с чем ЭСК 21 можно представить как трансформ ЭСК 23.

Vb.$_{fin.}$ ≡ Nom.$_{nominat.}$+Vb.$_{fin.}$ ≡ Nom.$_{dat.}$+Nom.$_{nominat.}$ ≡ Nom.$_{gen.}$+Nom.$_{nominat.}$ ≡ Nom.$_{acc.}$+Vb.$_{fin.}$ ≡ Nom.$_{instr.}$+Vb.$_{fin.}$ ≡ Nom.$_{dat.}$+Vb.$_{fin.}$ ≡ Nom.$_{abl.}$+Vb.$_{fin.}$ ≡ Nom.$_{gen.}$+Vb.$_{fin.}$ ≡ Nom.$_{loc.}$+Vb.$_{fin.}$ ≡ Nom.$_{nominat.}$+Vb.$_{fin.}$ ≡ Nom.+Vb.$_{inf.}$ ≡ Adv.+Vb. ≡ Vb.$_{fin.}$+Vb.$_{inf.}$ ≡ Adj.+Nom.-Subst. ≡ Part.+Nom.-Subst. ≡ Nom.+Nom.; Vb.$_{fin.}$; ЭСК 23, 3a, 5f, 7—17, 20b, 21b, 22b).

Отношение объектности

1) Первый объект (Nom.$_{acc.}$+Vb. ≡ Nom.$_{acc.}$+Nom. ≡ Nom.$_{acc.}$+Vb.$_{inf.}$ ≡ Nom.$_{gen.}$+Nom. ≡ Nom.$_{gen.}$+Vb.; ЭСК 7a, b, f, 1a, b, d, e, 14b, 5b, 11a).

2) Второй объект (Nom.$_{dat.}$+Vb. ≡ Nom.$_{dat.}$+Nom. ≡ Nom.$_{acc.}$+Vb. ≡ Nom.$_{loc.}$+Vb. ≡ Nom.$_{loc.}$+Nom.; ЭСК 9a, 3a, 7c, 12c, 6e).

Отношение направленности

(Nom.$_{acc.}$+Vb. ≡ Nom.$_{acc.}$+Nom. ≡ Nom.$_{loc.}$+Vb. ≡ Nom.$_{loc.}$+Nom. ≡ Nom.$_{dat.}$+Vb. ≡ Nom.$_{dat.}$+Nom.); ЭСК 7d, 1a, 12b, 6a, 9c, 3b).

Отношение места

(Nom.$_{loc.}$+Vb. ≡ Nom.$_{loc.}$+Nom. ≡ Nom.$_{instr.}$+Vb. ≡ Nom.$_{instr.}$+Nom. ≡ Nom.$_{acc.}$+Vb. ≡ Nom.$_{acc.}$+Nom. ≡ Nom.$_{abl.}$+Vb. ≡ Nom.$_{abl.}$+Nom; ЭСК 12a, 6b, 8d, 2e, 7e, 1c, 10 (ср. *adbhyo jāyase* 'ты рождаешься из вод'), 4 (ср. *nirjaganvān tamasaḥ* 'вышедший из мрака').

Отношение времени

(Nom.$_{acc.}$+Vb. ≡ Nom.$_{acc.}$+Nom. ≡ Nom.$_{loc.}$+Vb. ≡ Nom.$_{loc.}$+Nom. ≡ Nom.$_{instr.}$+Vb. ≡ Nom.$_{instr.}$+Nom.; ЭСК 7g, 1f, 12d, 6e, 8c, 2f).

Отношение причины, основания

(Nom.$_{abl.}$+Vb. ≡ Nom.$_{abl.}$+Nom. ≡ Nom.$_{instr.}$+Vb. ≡ Nom.$_{instr.}$+Nom.; ЭСК 10a, 4a, 8e, 2, ср. *svadhābhir madanti* 'наслаждающаяся по своим законам').

Отношение цели

(Nom.$_{dat.}$+Vb. ≡ Nom.$_{dat.}$+Nom. ≡ Nom.$_{acc.}$+Vb. ≡ Nom.$_{acc.}$+Nom. ≡ Nom.$_{loc.}$+Vb. ≡ Nom.$_{loc.}$+Nom. ≡ Vb.$_{fin.}$+Vb.$_{inf.}$; ЭСК 9c, 3b, 7d, 1d, 12 (ср. *dhane* [*hite*] *sartave* 'чтобы стремиться к установленному богатству'), 17).

Отношение сравнительности

(Nom.$_{abl.}$+Nom. ≡ Nom.$_{instr.}$+Nom.; ЭСК 4 (ср. *asmād tavyān* 'более сильный, чем мы'), 2 (ср. *samo devaiḥ* 'подобный богам')).

Отношение партитивности

(Nom.$_{gen.}$+Nom. ≡ Nom.$_{loc.}$+Nom.; ЭСК 5c, 6c).

Отношение притяжательности

(Nom.$_{gen.}$+Nom. ≡ Adj.+Nom.-Subst.; ЭСК 5 (ср. *yajamānasya paçu* 'скот жертвователя'), 20 (ср. *sve dame* 'в своем доме')).

Отношение инструментальности

(Nom.$_{instr.}$+Vb. ≡ Nom.$_{instr.}$+Nom.; ЭСК 8a, 2a).

Отношение субъектности

(Nom.$_{nom.}$+Vb. ≡ Nom.$_{instr.}$+Vb. ≡ Nom.$_{instr.}$+Part. ≡ Nom.+Nom. ≡ Nom.$_{nominat.}$+Adj.$_{nominat.}$ ≡ Nom.$_{nominat.}$+Part.$_{nominat.}$ ≡ Nom.$_{loc.}$+Part.$_{loc.}$ ≡ Nom.$_{gen.}$+Part.$_{gen.}$ ≡ Nom.$_{nominat.}$+Vb.$_{absol.}$ ≡ Nom.$_{gen.}$+Nom.; ЭСК 23, 8f, 2g, 22b, 20b, 21b, c, d, 18, 5a).

Отношение атрибутивности

(Adj.+Nom.-Subst.≡Part.+Nom.-Subst.≡Nom.+Nom.≡Adj.+ +Vb.; ЭСК 20a, 21a, 22, [ср. *dyāvāpṛthivī ródasī (ubhé)* 'небо-и-земля — оба мира'], 16).

В приведенном перечне не нашли отражения редкие трансформации и конструкции, не имеющие трансформов. Конкретные лексические наполнения данной ЭСК в тексте налагают на ее употребление определенные ограничения. В целом же описание на трансформационном уровне помогает решить все существенные вопросы анализа и синтеза синтаксических структур языка.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Названия ведийских текстов

АВ — Атхарваведа
АП — Атхарва-пратишаккья
ВП — Ваджасанейи-пратишаккья
ВС — Ваджасанейи-самхита
КС — Катхака-самхита
МС — Майтраяни-самхита
РВ — Ригведа
РП — Рик-пратишаккья
СВ — Самаведа
ТП — Тайттирия-пратишаккья
ТС — Тайттирия-самхита
ШБ — Шатапатха-брахмана
ЯВ — Яджурведа

Основные грамматические термины

A. — винительный падеж
Abl. — отложительный падеж
absol. — абсолютив
act. — активный залог
adj. — прилагательное
adv. — наречие
aor. — аорист
compar. — сравнительная степень
D. — дательный падеж
des. — дезидератив
du. — двойственное число
f. — женский род
fut. — будущее время
G. — родительный падеж
hap. leg.— единичный пример
I. — творительный падеж
impf. — имперфект
inf. — инфинитив
inj. — инъюнктив
int. — интенсив
iv. — повелительное наклонение
L. — местный падеж
m. — мужской род
med. — медиальный залог
n. — средний род
N. — именительный падеж
nom. — имя
nom. abstr. — имя абстрактное
nom. act. — имя действия
nom. ag. — имя деятеля
nom. concr. — имя конкретное
opt. — желательное наклонение
pass. — пассивный залог
p. — причастие
pf. — перфект
pl. — множественное число
plusq. — плюсквамперфект
p. p. — причастие прошедшего времени
pr. — настоящее время
sg. — единственное число
subj. — сослагательное наклонение
subst. — существительное
V. — звательная форма

Библиографические сокращения

ВЯ — «Вопросы языкознания». М.
КСИНА — «Краткие сообщения Института народов Азии АН СССР». М.
ABORI — «Annals of the Bhandarkar Oriental Research Institute». Poona.

AO — «Acta orientalia». Ediderunt societates orientales Batava, Danica, Norvegica (Svecica). Leiden.
BSLP — «Bulletin de la Société de linguistique de Paris».
BSO(A)S — «Bulletin of the School of Oriental (and African) Studies, London Institution (University of London)».
HOS — «Harvard Oriental Series».
IIJ — «Indo-Iranian Journal». Leiden.
JA — «Journal asiatique». Paris.
JAOS — «Journal of the American Oriental Society». New York — New Haven.
KZ — «Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen».
PIFI — «Publications de l'Institut Français de l'indologie».
ZDMG — «Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft». Leipzig, Wiesbaden.

ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Издания текстов

1. Atharva-prātiçākhya. Ed. and Transl. by W. D. Whitney.— JAOS. 7, 1862.
2. Atharva Veda Saṃhita. Hrsg. von R. Roth und W. D. Whitney. Berlin, 1856 (Bonn, 1966).
3. Aufrecht Th. Die Hymnen des Rigveda. T. 1—2. Aufl. 4. Wiesbaden, 1968 (Aufl. 1, 1861—1863).
4. The Kashmirian Atharva-Veda (School of the Pāippalādas). Ed. by M. Bloomfield and R. Garbe. Baltimore, 1901.
5. Kāṭhaka-Saṃhitā. Hrsg. von L. von Schroeder. Leipzig, 1900—1912 (Wiesbaden, 1969—1970).
6. Māitrāyaṇī Saṃhitā. Hrsg. von L. von Schroeder. Leipzig, Bd 1, 1881; Bd 2, 1885.
7. Müller M. The Sacred Hymns of the Brāhmans together with the Commentary of Sāyaṇācārya. Ed. 2. Vol. 1—3. London, 1888—1892.
8. Ṛgveda-Saṃhitā with the Commentary of Sāyaṇācārya. Poona. Vol. 1, 1933; vol. 2, 1936; vol. 3, 1941; vol. 4, 1946; vol. 5, 1951.
9. Rig-Veda-Prātiśākhya. Hrsg. von M. Müller. Leipzig, 1869.
10. Sāma-Veda. Die Hymnen des Sāma-Veda. Hrsg., übers. von T. Benfey. Leipzig, 1848 (Wiesbaden, 1968—1969).
11. Śukla-Yajurvedīya Kāṇva-Saṃhitā. Ed. by Satavalekar. Aundh, 1940.
12. Taittirīya-prātiçākhya. Ed. and Transl. by W. D. Whitney.— JAOS. 9, 1871.
13. Die Taittirīya-Saṃhitā. Hrsg. von A. Weber.— «Indische Studien». Bd 11, 12. Leipzig, 1871—1872.
14. Vājasaneyi-prāticākhya. Hrsg. von A. Weber.— «Indische Studien». Bd 4. H. 3. Leipzig, 1858.
15. Vājasaneyi-Saṇhitā. Ed. by A. Weber. Berlin — London, 1852 (Berlin, 1952).

Переводы текстов

16. Атхарваведа. Избранное. Перевод, комментарий и вступительная статья Т. Я. Елизаренковой. М., 1976.
17. Ригведа. Избранные гимны. Перевод, комментарий и вступительная статья Т. Я. Елизаренковой. М., 1972.
18. Atharva-Veda Saṃhitā. Translated with a Critical and Exegetical Commentary by W. D. Whitney. Revised and Brought Nearer to Completion and Edited by Ch. R. Lanman. Cambridge, Mass., 1905 (=HOS. Vol. 7—8).
19. Geldner K. F. Der Rigveda aus dem Sanskrit ins Deutsche übersetzt und mit einem laufenden Kommentar versehen. Cambridge, Mass., 1951 (=HOS. Vol. 33—35. Index-vol. 36).
20. Keith A. B. The Veda of the Black Yajus School Entitled Taittirīya Saṃhitā. Vol. 1—2. Cambridge. Mass., 1914 (=HOS. Vol. 19).

Текстологические исследования

20а. Фортунатов. Ф. Sāmaveda-Āraṇyaka-Saṃhitā. M., 1875.
21. Bloomfield M. Rig-Veda Repetitions. Pt 1—3. Cambridge, Mass., 1916.
22. Bloomfield M. A Vedic Concordance. Cambridge, Mass., 1906.
23. Bloomfield M., Edgerton F., Emeneau M. B. Vedic Variants. Vol. 1—3. Philadelphia, 1930—1934.
24. Oldenberg H. Die Hymnen des Rigveda. Metrische und textgeschichtliche Prolegomena. Bd 1. Berlin, 1888.
25. Oldenberg H. Ṛgveda. Textkritische und exegetische Noten. Bd 1—2. Berlin, 1909—1912.
26. Renou L. Études védiques et pāṇinéennes. T. 1—17. Paris, 1955—1969.

Словари

27. Böhtlingk O. und Roth R. Sanskrit-Wörterbuch. Bd 1—7. St. Petersburg, 1855—1875.
28. Grassmann H. Wörterbuch zum Rig-Veda. Aufl. 3. Wiesbaden, 1955 (Aufl. 1, 1872).
29. Mayrhofer M. Kurzgefaßtes etymologisches Wörterbuch des Altindischen. Bd 1—4. Heidelberg, 1956—1980.
30. Monier-Williams M. A Sanskrit-English Dictionary. Oxford, 1970 (Ed. 1, 1888).
31. Neisser W. Zum Wörterbuch des Rigveda. H. 1—2. Leipzig, 1924—1930.

Грамматики и работы общего характера

32. Баррoу Т. Санскрит. Перевод с английского Н. Лариной. М., 1976.
33. Bloch J. Indo-Aryan from the Vedas to Modern Times. English Edition. Tr. by A. Master, Paris, 1965 (французское издание 1934 г.).
34. Whitney W. D. A Sanskrit Grammar. Ed. 5. Leipzig, 1924.
35. Macdonell A. A. Vedic Grammar. Strassburg, 1910.
36. Macdonell A. A. A Vedic Grammar for Students. Oxford, 1916.
37. Renou L. Grammaire de la langue védique. Lyon — Paris, 1952.
38. Renou L. Introduction générale. Nouvelle édition du texte [Wackernagel J. Altindische Grammatik] paru en 1896, au tome 1. Göttingen, 1957.
39. Wackernagel J., Debrunner A. Altindische Grammatik. Bd 1—3. Göttingen, 1896—1954. Bd (1. Lautlehre. 1896; Bd 2. T. 1. Einleitung zur Wortlehre. Nominalkomposition. 1905; Bd 2. T. 2. Die Nominalsuffixe. 1954; Bd 3, 1—2. Deklination der Nomina. Zahlwörter — Pronomina. 1929—1930).
40. Whitney W. D. The Roots, Verb-Forms and Primary Derivatives of the Sanskrit Language. Leipzig, 1885.

Монографии, сборники, статьи

Текст, семантика

41. «Индия в древности». М., 1964 (с. 95—104).
42. Семенцов В. С. Проблемы интерпретации ведийской прозы. М. 1981.
43. Approaches to Semiotics. 30. The Hague, Paris, 1973.
44. Benveniste E. Le vocabulaire des institutions indo-européennes. T. 1—2. Paris, 1969.
45. Benveniste E. et Renou L. Vṛtra et Vṛθragna. Paris, 1934.
46. Blair C. J. Heat in the Rig Veda and Atharva Veda. New Haven, 1961.
47. Coomaraswamy A. K. Chāyā.— JAOS. Vol. 55, 1935.

48. Elizarenkova T. An Approach to the Description of the Contents of the Ṛgveda.— Mélanges d'indianisme. Paris, 1968 (c. 255—268).
49. Gonda J. The So-called Saecular, Humorous, and Satyrical Hymns of the Ṛgveda.— Orientalia neerlandica. Leiden, 1948.
50. Gonda J. Some Observations on the Relations between «Gods» and «Powers» in the Veda. 's-Gravenhage, 1957.
51. Gonda J. The Vedic Concept of *aṃhas*.— IIJ. Vol. 1, 1957 (c. 33—60).
52. Gonda J. The Vision of the Vedic Poets. The Hague, 1963.
53. Gonda J. Eye and Gaze in the Veda. Amsterdam, 1969.
54. Kuiper F. B. J. The Ancient Aryan Verbal Contest.— IIJ. Vol. 4, 1960 (c. 217—281).
55. Kuiper F. B. J. The Three Strides of Viṣṇu.— Indological Studies in Honour of W. Norman Brown (=«American Oriental Series», 47), 1962 (c. 137—151).
56. Kuiper F. B. J. The Bliss of *aša*.— IIJ. Vol. 8, 1964 (c. 96—129).
57. Lüders H. Varuṇa. Göttingen. Bd 1, 1951; Bd 2, 1959.
58. Schayer S. Die Structur der magischen Weltanschauung nach dem Atharva-Veda und den Brāhmaṇa-Texten. München — Neubiberg, 1925.
59. Schlerath B. Gedanke, Wort und Werk im Veda und im Awesta.— Antiquitates indogermanicae. Innsbruck, 1974 (c. 201—221).
60. Schlerath B. Das Königtum im Rig- und Atharvaveda. Wiesbaden, 1960.
61. Thieme P. Der Fremdling im Ṛgveda. Eine Studie über die Bedeutung der Worte ARI, ARYA, ARYAMAN und ĀRYA. Leipzig, 1938.
62. Thieme P. Untersuchungen zur Wortkunde und Auslegung des Rigveda. Halle, 1949.
63. Thieme P. Mitra and Aryaman. New Haven, 1957.

Стиль

64. Елизаренкова Т. Я., Топоров В. Н. Древнеиндийская поэтика и ее индоевропейские истоки.— «Литература и культура древней и средневековой Индии». М., 1979 (с. 36—88).
65. Топоров В. Н. Об одном примере звукового символизма (Ригведа X, 125).— «Sēmiōtikē. Труды по знаковым системам». Вып. 2. Тарту, 1965 (с. 317—319).
66. Gonda J. Alliteration und Reim im Satzbau des Atharvaveda.— AO. Vol. 18, 1939.
67. Gonda J. Epithets in the Ṛgveda. The Hague, 1959.
68. Gonda J. Stylistic Repetition in the Veda. Amsterdam, 1959.
69. Gonda J. Ellipsis, Brachylogy and Other Forms of Brevity in Speech in the Ṛgveda. Amsterdam, 1960.
70. Renou L. Langue et religion dans le Ṛgveda: quelques remarques.— «Die Sprache». 1. Wien, 1949.
71. Renou L. Sur l'économie des moyens linguistiques dans le Ṛgveda.— BSLP. 50, 1, 1954.
72. Renou L. Histoire de la langue sanskrite. Lyon — Paris, 1956.
73. Renou L. La phrase védique.— Symbolae linguisticae. Wrocław, 1965 (c. 230—234).
74. Schmitt R. Dichtung und Dichtersprache in indogermanischer Zeit. Wiesbaden, 1967.
75. Starobinski J. Les mots sous les mots. Paris, 1971.
76. Wackernagel J. Indogermanische Dichtersprache.— «Philologus». Bd 95, 1943 (c. 1—19).

Лексика

77. Топоров В. Н. Ведийское *rad-* (значение, этимология, связи).— Księga pamiątkowa ku czci E. Sluszkiewicza. Warszawa, 1974.
78. Топоров В. Н. О брахмане. К истокам концепции.— Проблемы истории, языков и культуры народов Индии. М., 1974 (с. 20—74).

79. Burrow T. Sanskrit *krand-* «step, stride, etc.» — «Deccan College Research Institute. S. K. De Felicitation Volume». Poona (c. 1—7).
80. Burrow T. Vedic *iṣ-* «to prosper».— BSO(A)S. Vol. 17, 1955.
81. Burrow T. Sanskrit *gṝ/gur-* «to welcome».— BSO(A)S. Vol. 20, 1957 (c. 133—144).
82. Burrow T. Saskrit *pā-* «go, move, pass, traverse».— IIJ. 1973, 15, № 2 (c. 81—108).
83. Elizarenkova T. Concerning a Peculiarity of the Rgvedic Vocabulary.— ABORI. Diamond Jubilee Number. Poona, 1977—1978 (c. 129—136).
84. Gonda J. Notes on *Brahman*. Utrecht, 1950.
85. Gonda J. *Adhvará-* and *adhvaryú-*.— Selected Studies. Vol. 2. Leiden, 1975 (c. 86—100).
86. Gonda J. Some Notes on the Study of Ancient Indian Religions Terminology.— Selected studies. Vol. 2. Leiden, 1975 (c. 1—31).
87. Gonda J. Zur Homonymie im Altindischen.— Selected Studies. Vol. 3. Leiden, 1975 (c. 1—42).
88. Hoffman K. Vedisch *vidh, vindh.*— «Aufsätze zur Indoiranistik». Bd 1. Wiesbaden, 1975 (c. 238—244).
89. Hoffman K. Mārtāṇḍa und Gayōmart. — «Aufsätze zur Indoiranistik». Bd 2, 1976 (c. 422—438).
90. Janert K. L. Sinn und Bedeutung des Wortes *dhāsi*. Wiesbaden, 1956.
91. Kuiper F. B. J. *Vi dayate* and *vidatha*.— «Indologica taurinensia». 2. Torino, 1975 (c. 121—132).
92. Renou L. L'ambiguité du vocabulaire du Ṛgveda.— JA. T. 231, 1939 (c. 161—235).
93. Renou L. List of Words and Forms in the Sāmaveda.— «Vāk». 1952, 2 (c. 100—116).
94. Renou L. Vocabulaire du rituel védique. Paris, 1954.
95. Renou L. Words and Word-Forms Peculiar to the Kāṇva-samhitā.— «Vāk». 1954, 4 (c. 131—136).
96. Renou L. List of Remarkable Words from the Kaśmirian (Paippalādā) Version of the Atharva-Veda (According to L. C. Barret's Edition).— «Vāk». 1955, 5.
97. Renou L. Les noms pour «don» dans le Ṛgveda.— BSO(A)S. Vol. 20, 1957 (c. 471—480).
98. Renou L. Études sur le vocabulaire du Ṛgveda.— PIFI. № 5. Pondichéry, 1958.
99. Renou L. Vedique *puriṣa-*.— IIJ. Vol. 4, 1960.
100. Renou L., Silburn L. Sur la notion de *brahman*.— JA. T. 237, 1949 (c. 7—46).
101. Thieme P. *Brahman*.— ZDMG. Bd 102, 1952 (c. 91—129).

Фонетика, фонология, морфонология, метрика

102. Елизаренкова Т. Я. Исследования по диахронической фонологии индоарийских языков. М., 1974.
103. Зализняк А. А. Грамматический очерк санскрита (раздел «Морфонология») — Санскритско-русский словарь. Сост. В. А. Кочергина. М., 1978.
104. Зализняк А. А. Морфонологическая классификация древнеиндийских глагольных корней.— Очерки по фонологии восточных языков. М., 1975 (с. 59—85).
105. Allen W. S. Sandhi, the Theoretical, Phonetic and Historical Bases of Word-Junction in Sanskrit. The Hague, 1962.
106. Allen W. S. Phonetics in Ancient India. London, 1963.
107. Arnold E. V. Vedic Metre in its Historical Development. Cambridge, 1967 (1-st ed. 1905).
108. Burrow T. Spontaneous Cerebrals in Sanskrit.— BSO(A)S. Vol. 34, pt 3, 1971.
109. Hoffman K. Zur Aussprache von altindoar *a*.— «Aufsätze zur Indoiranistik». Bd 2. Wiesbaden, 1976 (c. 552—554).
110. Kuiper F. B. J. Traces of Laryngeals in Vedic Sanskrit.— India antiqua. Leiden, 1947.
111. Kuiper F. B. J. Shortening of Final Vowels in the Rigveda. Amsterdam, 1955.
112. Kuiper F. B. J. The Sanskrit Nom. sing. *vít*.— IIJ. Vol. 10, № 2/3, 1967, (c. 103—125).
113. Kuryłowicz J. L'apophonie en Indo-Européen. Wrocław, 1956.
114. Kuryłowicz J. L'accentuation des langues indo-européennes. Wrocław, 1958.
115. Kuryłowicz J. Autour de v. ind. *ŚĀSTI* et *ŚĀDHATI*.— Mélanges d'indianisme. Paris, 1958 (c. 433—437).
116. Kuryłowicz J. Metrik und Sprachgeschichte. Wrocław, 1975.
117. Kuryłowicz J. Zwei junggrammatische Lautgesetze im Altindischen.— Studien zur allgemeinen und vergleichenden Sprachwissenschaft. Jena, 1976 (c. 94—105).
118. Lehmann W. P. On the Reading of Some *ya-* Suffixes in the Rigveda.— Pratidānam. The Hague — Paris, 1968 (c. 39—45).
119. Mayrhofer M. Über spontanen Zerebralnasal im frühen Indo-Arischen.— Mélanges d'indianisme. Paris, 1968 (c. 509—517).
120. Rysiewicz Z. Un archaisme de l'accentuation védique. Kraków, 1948.
121. Varma S. Critical Studies in the Phonetic Observations of Indian Grammarians. Delhi, 1961.

Именное склонение, словообразование, словосложение

122. Макаев Э. А. Именное склонение в ведическом и в санскрите.— ВЯ. 1964, № 6 (с. 94—104).
123. Benveniste E. Noms d'agent et noms d'action en indo-européen. Paris, 1948.
124. Hauri C. Zur Vorgeschichte des Ausgangs — *ena* des Instr. Sing. der *a*-Stämme des Altindischen. Göttingen, 1963.
125. Hoffman K. Der vedische Typus *menāmenam*.— «Aufsätze zur Indoiranistik». Bd 1. Wiesbaden, 1975 (c. 113—119).
126. Kuiper F. B. J. Notes on Vedic Noun-Inflexion. Amsterdam, 1942.
127. Kuryłowicz J. Les adjectifs thématiques à feminin en *-ī-*.— Pratidānam. 1968 (c. 46—52).
128. Leumann M. *U-* und *YU-* Adjektive des Altindischen.— Mélanges d'indianisme. Paris, 1968 (c. 467—478).
129. Liebert G. Das Nominalsuffix *-ti-* im Altindischen. Lund, 1949.
130. Manessy J. Les substantives en *-as-* dans la Ṛ-Saṃhitā. Dakar, 1961.
131. Renou L. Juxtaposition et composition dans le Ṛgveda.— «New Indian Antiquary». Vol. 3, 1940 (c. 266—272).
132. Renou L. Sur certains emplois d'*a* (*n*)° priv. en sanskrit en notamment dans le gveda.— BSO(A)S. Vol. 10, 1940—1942, (c. 1—18).
133. Renou L. Observations sur les composés nominaux du Ṛgveda.—«Language». 29, 3, 1953 (c. 231—236).
134. Renou L. Dérivés abstraits en *-tāt-* et *-tāti-* du Ṛgveda.— BSLP. 55, 1960 (c. 10—19).

Местоимение, числительное

135. Воробьев-Десятовский В. С. Развитие личных местоимений в индоарийских языках. М.—Л., 1956.
136. Gonda J. Reflexions on the Numerals «One» and «Two» in Ancient Indo-European Languages. Utrecht, 1953.
137. Gonda J. Bemerkungen zum Gebrauch der Pronomina der 1. und 2. Per-

son als Subjekt im Altindischen.— «Selected studies». Vol. 3. Leiden, 1975 (c. 111—179).
138. Gonda J. Notes on the Indo-European *kᵘi-* and *kᵘo-* Pronouns.— Selected studies. Vol. 1. Leiden, 1975 (c. 205—249).
139. Gonda J. The Original Character of the Indo-European Relative Pronoun *io-*.— Selected studies. Vol. 1. Leiden, 1975 (c. 164—204).
140. Hauri C. Der Stamm *amú-* «jener» des Altindischen.— KZ. Bd 78, № 1—2, 1963 (c. 115—125).
141. Liebert G. Die indo-europäischen Personalpronomina und die Laryngaltheorie. Lund, 1957.
142. Liebert G. Über das enklit. Pronomen *vaḥ* als Subjektkasus im Rigveda.— «Lunds Universitets årskrift». Bd 46, № 3, 1950.
143. Szemerényi O. Studies in Indo-European System of Numerals. Heidelberg, 1960.

Глагол

144. Елизаренкова Т. Я. Аорист в «Ригведе». М., 1960.
145. Елизаренкова Т. Я. Значение основ презенса в «Ригведе». — Языки Индии. М., 1961 (с. 91—165).
146. Шор Р. О. Семантика ведийского аориста.— Академия наук СССР академику Н. Я. Марру. М.—Л., 1935 (с. 433—450).
147. Andrews S. The Nasal Present and the Aorist in the Ṛgveda. Harvard, 1961.
148. Avery J. Contributions to the History of Verb-inflection in Sanskrit.— JAOS. Vol. 10, 1880.
149. Burchardi G. Die Intensiva des Sanskrt und Avesta. Leipzig, 1892.
150. Charpentier J. Die Desiderativbildungen der indoiranischen Sprachen. Uppsala, 1912.
151. Delbrück B. Das altindische Verbum aus den Hymnen des Ṛigveda seinem Baue nach dargestellt. Halle, 1874.
152. Delbrück B. Syntaktische Forschungen. T. 2. Altindische Tempuslehre. Halle, 1876.
153. Gonda J. Remarks on the Sanskrit Passive. Leiden, 1951.
154. Gonda J. The Character of the Indo-European Moods. Wiesbaden, 1956.
155. Gonda J. Reflections on the Indo-European Medium.— «Lingua». 9, 1960.
156. Gonda J. The Aspectual Function of the Ṛgvedic Present and Aorist. The Hague, 1962.
157. Hoffman K. Der Injunktiv im Veda: eine synchronische Funktionsuntersuchung. Heidelberg, 1967.
158. Hoffman K. Der vedische Prekativtyp *yeṣam, jeṣma.*— «Aufsätze zur Indoiranistik». Bd 2, 1976 (c. 465—474).
159. Hoffman K. Zur vedischen Verbalflexion.— «Aufsätze zur Indoiranistik». Bd 2. Wiesbaden, 1976 (c. 358—372).
160. Kuiper F. B. J. Zur Geschichte der indo-iranischen *s-* Präsentia. — AO. Vol. 12, 1934.
161. Kuiper F. B. J. Die indogermanischen Nasalpräsentia. Amsterdam, 1937.
162. Kuryłowicz J. Le type védique gṛbhāyáti.— Étrennes de linguistique offertes... à Emile Benveniste. Paris, 1928 (c. 51—62).
163. Leumann M. Morphologische Neuerungen im altindischen Verbalsystem. Amsterdam, 1952.
164. Narten J. Die sigmatischen Aoriste im Veda. Wiesbaden, 1964.
165. Negelein J. von. Zur Sprachgeschichte des Veda. Das Verbalsystem des Atharvaveda. Berlin, 1898.
166. Renou L. La valeur du parfait dans les hymnes védiques. Paris, 1925.
167. Renou L. Le tupe védique *tudáti.*— Mélanges Vendryes. Paris, 1925 (c. 309—316).
168. Renou L. Les formes dites d'injonctif dans le Ṛgveda.— Étrennes de linguistique E. Benveniste. Paris, 1928 (c. 63—80).

169. Renou L. A propos du subjonctif védique.— BSLP. 33, 1, 1932 (c. 25—30).
170. Renou L. Sur l'aoriste védique en *-iṣ.*— BSLP. 35, 1, 1934 (c. 1—14).
171. Renou L. Infinitifs et dérivés nominaux dans le Ṛgveda.— BSLP. 38, 1, 1937 (c. 69—87).
172. Renou L. Le futur dans le Veda.— BSLP. 56, 1, 1961 (c. 6—14).
173. Sgall P. Die Infinitive im Ṛgveda.— «Acta Univ. Carolinae, Phil.». 2. Prague, 1958.
174. Strunk K. S. Nasalpräsentien und Aoriste. Heidelberg, 1967.
175. Thieme P. Das Plusquamperfektum im Veda. Göttingen, 1929.

Синтаксис

176. Топоров В. Н. К вопросу о природе древнеиндийского локатива.— КСИНА. 62 («Языки Индии»), 1964 (с. 166—183).
177. Delbrück B. Altindische Syntax. Halle, 1888.
178. Gonda J. La place de la particule négative *na* dans la phrase en vieil indien. Leiden, 1951.
179. Gonda J. Remarques sur la place du verbe. Utrecht, 1952.
180. Gonda J. The Character of the Sanskrit Accusative.— «Selected studies». Vol. 1. Leiden, 1975 (c. 44—62).
181. Gonda J. On Nominatives Joining or «Replacing» Vocatives.— «Selected studies». Vol. 1. Leiden, 1975 (c. 11—26).
182. Gonda J. Some Notes on Adverbial Case Forms in the Veda.— «Selected studies». Vol. 1. Leiden, 1975 (c. 72—81).
183. Gonda J. The Unity of the Vedic Dative.— «Selected studies». Vol. 1. Leiden, 1975 (c. 34—43).
184. Gonda J. The Use of the Particle *ca.*— «Selected studies». Vol. 1. Leiden, 1975 (c. 320—392).
185. Oertel H. The Syntax of Cases in the Narrative and Descriptive Prose of the Brāhmaṇas. Heidelberg, 1926.
186. Porzig W. Die Hypotaxe im Rigveda.— IF. 41, 1923.
187. Renou L. La séparation du préverbe et du verbe en védique.— BSLP. 34, 1933 (c. 49—96).
188. Speyer J. S. Vedische und Sanskrit-Syntax. Strassburg, 1896.

Библиографии, обзоры

189. Dandekar R. N. Vedic Bibliography. Poona. Vol. 1, 1946; vol. 2, 1961; vol. 3, 1973.
190. Dandekar R. N. A Decade of Vedic Studies in India and Abroad.— ABORI. Vol. 56. Poona, 1975 (c. 1—25).
191. Gonda J. Old Indian (Handbuch der Orientalistik. Abt. 2. Bd 1. Abschn. 1). Leiden — Köln, 1971.
192. Renou L. Bibliographie védique. Paris, 1931.

Addenda

193. Елизаренкова Т. Я. О типологии ведийского языка.— ВЯ. 1980, № 3 (с. 22—35).
193а. Топоров В. Н. Ведийское *ṛta-*: к соотношению смысловой структуры и семантики.— «Этимология 1979». М., 1982 (с. 139—156).
194. Aryan and non-Aryan in India. Ed. by M. M. Deshpande and P. E. Hook (=«Michigan Papers on South and South-East Asia.14). Ann Arbor, 1979.
195. Gonda J. The Medium in the Ṛgveda. Leiden, 1979.
196. Haudry J. L'emploi des cas en Védique. Introduction a l'étude des cas en Indo-Européen. Lyon, 1977.

197. Lazzeroni R. Fra glottogonia e storia: ingiuntivo e indicativo in una desinenza sanscrita.— «Studi e Saggi linguistici». XIX, 1979 (с. 53 сл.).
198. Lazzeroni R. Fra glottogonia e storia: ipotesi sulla formazione del sistema verbale sanscrito — «Studi e Saggi Linguistici». XX, 1980 (с. 23 сл.).
199. Lazzeroni R. Il «Precongiuntivo autonomo» del sanscrito e l'autonomia del congiuntivo nelle altre lingue indo-europee.—«Studi vedici e medio-indiani». Pisa, 1981 (с. 233—244).
200. Palsule G. B. Verbal Forms in the Ṛgveda (Maṇḍala VI). Pune, 1978.
201. Sani S. *Jabhāra:* una traccia di stratificazione dialettale nel sanscrito vedico? — «Studi vedici e medio-indiani». Pisa, 1981 (с. 87—100).
202. Schlerath B. Indo-iranisch var — «wählen».— «Studien zur Indologie und Iranistik». 5/6, 1980 (с. 199—208).
203. Zimmer S. Genitiv und konkurrierendes Adjectiv im Rigveda.— «Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung». 92, 1978/9 (с. 50—61).
204. Zimmer S. La notion de l'appartenance dans la langue du Ṛgveda.— «Indologia Taurinensia». 6, 1978/80 (с. 325—335).

ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
57	15 св.	*cнytá-*	*cyutá-*
95	9 сн.	*pitr̥̄n,*	*pitr̥̄n,*
100	6 сн.	*ū/v/av, ū/v/av*	*u/v/uv, ū/v/uv*
105	14 сн.	*tanvāt3anā́*	*tanvāt3anā́*
120	5 сн.	*vīçvās*	*víçvās*
122	2 св.	*nah,*	*naḥ,*
123	3 св.	*r*	*ṛ*
135	20 сн.	*prayá-*	*prayá-*
139	3 св.	*nīdá-*	*nīḍá-*
142	11 св.	*ródasi*	*ródasī*
147	2 сн.	*akṣi-*	*akṣí-*
154	10—11 св.	в слабых звуковых видах	в слабом звуковом виде
157	24—25 сн.	(*pūtákrata-*)	(*pūtákratá-*)
158	2 св.	*kakúbhá-*	*kakubhá-*
159	20 св.	*ansár-*	*antár-*
159	24 сн.	образующих	обозначающих
206	6 св.	*rāj-*	*rā́j-*
206	21 сн.	*uçij-*	*uçíj-*
210	9 св.	*rās*	*rā́s*
218	18 св.	*prajāvas*	*prájāvas*
220	5 св.	*bráhmanām*	*bráhmaṇām*
241	13—14 сн.	*mā́m;mā, ...asmā́n;nas(me)*	*mā́m;mā,(me)...asmā́n; nas*
308	13 св.	*kr̥ṇusvá*	*kr̥ṇuṣvá*
313	13 сн.	*juñjā́thām*	*yuñjā́thām*
342	2 сн.	*cakr̥sé*	*cakr̥ṣé*
343	4 св.	*dadhā́tha*	*dadhā́tha*
355	3 сн.	*-hū-*	*hū-*
378	9 св.	*çravasy-dú*	*çravasy-,*
386	6 св.	8. Nom.instr. + Vb.	8. Nom.instr. + Vb.
400	21 св.	|*sá*	|*sá*
402	16 сн.	*ámo 'hám*	*ámo 'hám*
406	2 св.	*paçyanti ródasī suméhe*	*paçyanti ródasī suméhe*
416	2 св.	*samiddhaḥ*	*sámiddhaḥ*
421	10 сн.	(=Nom. + Nom.');	(=Nom. + Nom.');
435	11 сн.	gveda.	Ṛgveda.

Зак. 521

СОДЕРЖАНИЕ

Введение 3
Текст. Семантика 9
Лексика 39
Фонетика. Фонология. Морфонология 64
Словообразование 131
Словосложение 175
Имя 190
Неизменяемые слова 251
Глагол 271
Синтаксические структуры 380
Список сокращений 429
Избранная библиография 431